

**Министерство обороны Российской Федерации
Российская академия ракетных и артиллерийских наук
Военно-исторический музей
артиллерии, инженерных войск и войск связи**

**Война и оружие
Новые исследования и материалы**

**Труды Четвертой Международной
научно-практической конференции**

15–17 мая 2013 года

Часть IV

**Санкт-Петербург
ВИМАИВиВС
2013**

Печатается по решению Ученого совета ВИМАИВиВС
Научный редактор – *С.В. Ефимов*

Организационный комитет конференции
«Война и оружие. Новые исследования и материалы»:

В.М. Крылов, директор Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, Заслуженный работник культуры Российской Федерации,
С.В. Ефимов, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи по научно-просветительской и выставочной работе, кандидат исторических наук,
С.В. Успенская, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат культурологии, Заслуженный работник культуры Российской Федерации,
В.И. Кобякова, начальник военно-научного отдела сохранности памятников культуры и истории Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат технических наук,
Ю.В. Утянский, старший научный сотрудник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи

Война и оружие **Новые исследования и материалы**

Труды Четвертой Международной
научно-практической конференции

В четырех частях

Часть 4

Информационная поддержка

© ВИМАИВиВС, 2013
© Коллектив авторов, 2013

ISBN 975-5-7937-0905-3

Г.Д. Пилишвили (Курск)

**АНАЛИЗ ИСТОРИОГРАФИИ ВОПРОСА
СТАНОВЛЕНИЯ, РАЗВИТИЯ
И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НАРОДНОГО
ОПОЛЧЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ
В 1941–1943 ГОДАХ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ
РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ**

ОДНОЙ из наиболее значительных и ярких страниц ушедшего в прошлое XX века является период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Особо надо выделить то, что наряду с частями регулярной Красной армии важную роль в войне сыграли добровольческие военизированные формирования: народное ополчение, истребительные батальоны. Они участвовали в боях с немецкими войсками, обеспечивали безопасность советского тыла. Организация этих формирований занимала существенное место в разнообразной деятельности государственных и политических структур, направленной на оказание всемерной помощи фронту.

История народного ополчения в пределах страны изучена хорошо на примерах городов-героев, но на территории Центрально-Черноземного региона данный вопрос практически не освещался, особенно по проблеме создания ополчений в сельских районах, их военного и боевого обучения, материального обеспечения, перевода на пополнение дивизий Красной армии в 1941–1943 гг. Все это указывает на необходимость комплексной разработки с новых позиций как этой проблемы в целом – создания и деятельности добровольческих формирований Центрального Черноземья, так и отдельных ее аспектов, которые также не подвергались всестороннему анализу, а некоторые вообще не освещались. Работа в данном направлении только начинается.

Если говорить о серьезном, объективном изучении истории Великой Отечественной войны, то необходимой предпосылкой для этого является расширение источниковой базы исследований. В последние годы в научный оборот введено большое количество источников, в том числе ранее недоступных. Проводится работа по опубликованию архивных материалов и других документов, представляющих интерес не только для науки, но и для широкого круга читателей.

Новый период в отечественной историографии Великой Отечественной войны – четвертый – пришелся на 90-е годы XX века и первые годы XXI столетия. В условиях утраты марксизмом-ленинизмом статуса единственно-верной научной теории и методологии начался поиск принципиально новых теоретико-методологических основ российской исторической науки и интерпретации исторических событий. Период отличается плюрализмом мнений, пересмотром многих прежних оценок, выработкой новых взглядов на события и факты Великой Отечественной войны, снятием запретов на использование значительного пласта документальных материалов. Однако перемены происходят нелегко, освещению истории войны сильно вредит новый налет политической конъюнктуры, она часто становится объектом разного рода идеологических спекуляций.

К числу наиболее интересных исследований конца XX в., на наш взгляд, могут быть отнесены докторская диссертация и монография В.Н. Данилова, в которых на материалах Российской Федерации дан выстроенный анализ деятельности чрезвычайных органов – городских комитетов обороны (ГорКО), сыгравших, особенно в первый период войны, важную роль в военно-организаторской и военно-хозяйственной работе местных структур власти¹. При рассмотрении основных направлений работы названных авторов В.Н. Данилов затронул в том числе и целый ряд аспектов деятельности комитетов обороны городов Центрального Черноземья, преимущественно Воронежского ГорКО: проблемы строительства оборонительных сооружений, охраны тыла, формирования ополченческих подразделений. К сожалению, и работы В.Н.Данилова не свободны от отдельных неточностей, касающихся времени образования и персонального состава отдельных ГорКО, в частности Курского.

Широкий круг вопросов, связанных с организацией ополченческих формирований и их участием в боевых действиях на различных

участках советско-германского фронта, рассмотрен в книге П.В. Доброва «Народное ополчение в годы Великой Отечественной войны», вышедшей в 1994 г.²

В работах этого времени не только воссоздается картина героизма ополченцев, проявленного при обороне больших и малых городов и в других сражениях, но и выявляются слабые стороны ополчения, касающиеся его оснащения, обучения, качества командных кадров. При этом прямо ставится вопрос: оправдало ли себя народное ополчение? Отвечая на него, историки говорят, что, конечно, не ополчение, а войска Красной Армии сыграли решающую роль в разгроме врага. Но нельзя забывать и о том, отмечают они далее, что, обратившись к созданию народного ополчения в критический момент, когда армия переживала период от мобилизации и несла серьезные потери, нам удалось выиграть время³. На наш взгляд, трудно не согласиться с этой оценкой.

В то же время в книге П.В. Доброва содержится весьма спорное высказывание относительно истребительных батальонов, которые автор считает составной частью, разновидностью народного ополчения⁴. По этому поводу он пишет: «На наш взгляд, недостаточно обоснованным является мнение московского историка А.Д. Колесника и других авторов, которые выделяют истребительные батальоны в особую категорию, отличая их от других добровольческих формирований, в том числе и от ополчения, мотивируя это тем, что они подчинялись не армейскому командованию, а органам НКВД»⁵. Мы, в свою очередь, считаем ошибочным мнение именно П.В. Доброва. И дело здесь не только в том, кому подчинялись добровольческие формирования (хотя это тоже важный аспект, определяющий их специфику), но и в разном их предназначении. Если основной функцией истребительных батальонов являлась охрана тыла, то народное ополчение создавалось для защиты рубежей родного края от войск противника, являлось источником пополнения рядов Красной Армии, ее резервом. Следует также обратить внимание на то, что потребность в создании народного ополчения к середине войны полностью отпала, истребительные батальоны же в ряде областей продолжали функционировать до самого конца войны.

Признавая важность вышеназванных исследований, отметим, что они, обогащая видение указанных проблем в масштабах страны, республики, лишь вскользь касаются интересующего нас региона.

В частности, работы по народному ополчению в этом плане мало продвинулись вперед по сравнению с предшествовавшими публикациями, оперируя практически все тем же набором фактов о воронежских и курских ополченческих формированиях. Так, соответствующий материал, приведенный в книге П.В. Доброва, взят в основном из монографии А.Д. Колесника, изданной в 1998 г., и уже упоминавшихся очерков по истории областных партийных организаций.

В силу этого обстоятельства нельзя не обратить внимание на литературу, появившуюся в последние годы в самом Центрально-Черноземном регионе. Она свидетельствует о том, что интерес исследователей к проблематике Великой Отечественной войны растет. Растет не только количественный, но и качественный уровень публикаций: представляются устаревшие подходы, стереотипы, вводятся в оборот ранее недоступные источники (причем в целом авторам удается избежать новых крайностей – простой замены «плюсов» на «минусы» и одной полуправды на другую)⁶.

Появляются новые сборники статей, материалов, научных конференций. Например, в 2006 году в Воронеже под руководством профессора С.И. Филоненко была проведена международная конференция «Верхний и Средний Дон в Великой Отечественной войне». На конференции были сделаны доклады об имевших место боевых действиях Красной Армии с немецко-фашистскими оккупантами на территории не только Воронежской, но и Курской области, а также об обороне самого г. Воронежа и участии в ней добровольческих формирований. В 2008 году в Воронеже была проведена еще одна крупная международная конференция, посвященная боевым действиям на Дону в 1942–1943 гг. и ситуации по обороне города от немецко-фашистских захватчиков с введением в научный оборот зарубежных архивных материалов, что позволило по-новому взглянуть на события того времени⁷.

Большая работа была проделана по составлению областных Книг Памяти, в том числе Белгородской, Курской, Липецкой, Воронежской, Тамбовской областей⁸.

В 1990 г. к 45-летию Победы увидела свет брошюра «Доблесть ратная и трудовая. Куряне в Великой Отечественной войне» (авторы – А.Н. Бочаров, А.Н. Манжосов, А.С. Травина и др.). В ней в краткой форме освещалась обстановка на фронтах, работа областной

парторганизации по мобилизации трудящихся на отпор врагу, подвиги курян в составе действующей армии⁹.

Более 2000 статей по истории, культуре, природе Курска вошло в опубликованный в 1997 г. под редакцией Ю.А. Бугрова краеведческий словарь-справочник «Курск»¹⁰. Имеются в нем и статьи о Великой Отечественной войне: «Оборона Курска 1941 года» (автор – А.Н. Манжосов), «Оккупация Курска», «Освобождение Курска в 1943 г.», «Курская битва» (автор – И.Г. Гришков) и другие. Обширный материал содержится в Большой Курской энциклопедии¹¹ и других изданиях энциклопедического характера¹², а также краеведческого направления: «Край наш Воронежский», «Льговские истории» (М. Лагутич), «Фатежский край: прошлое и настоящее»¹³.

В качестве плодотворной работы можно упомянуть выход в Курске в течение 1999–2009 гг. под редакцией Ю.А. Бугрова и А.Н. Манжосова серии научно-исторических журналов «Курский край», многие из номеров которых посвящены событиям Великой Отечественной войны¹⁴.

Целый ряд сборников, посвященных Великой Отечественной войне, был выпущен белгородскими издательствами: историко-краеведческий сборник статей о Белгородчине «Истоки» (под ред. Ф.П. Тройно), сборник материалов научно-практической конференции «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: уроки истории» (под ред. А.Н. Мошкина), «Действия белгородских партизан» (И.Г. Пархоменко) и др.¹⁵ В них рассматриваются различные проблемы, связанные с событиями войны на Белгородчине (в том числе, в южной части Курской области), главным образом – на южном флесе Курской дуги.

Важное значение для исследуемой проблемы имеют научные публикации воронежских ученых¹⁶. В большинстве своем они написаны на основе местных архивных материалов и периодической печати.

Большую важность для общего показа картины дальнейшей судьбы ополченцев, переданных на пополнение частей Красной Армии (большинство из них – это гвардейские стрелковые дивизии), представляют следующие работы: Родимцев А.И. «Гвардейцы стояли насмерть», Самчук И.А. «Тринадцатая гвардейская. Боевой путь тринадцатой гвардейской Полтавской ордена Ленина», Терехов А.Ф., Скирдо М.П., Миронов А.К. «Гвардейская Таманская»¹⁷.

Наиболее широкое и глубокое освещение проблем организации и функционирования добровольческих формирований Центрального Черноземья, в том числе Курской области, мы находим в диссертации, монографиях и статьях К.В. Яценко. В них автор использует новые материалы не только местных, но и центральных архивов, что придает большую ценность данным работам. Широко показаны проблемы комплектования, вооружения, деятельности добровольческих формирований региона, трудности, с которыми пришлось столкнуться местным органам власти в их решении¹⁸. В одной из последних своих работ, посвященных историографии Курской области в годы Великой Отечественной войны, автор также касается нашей проблематики¹⁹.

В публикациях А.Н. Манжосова разработана проблема участия в борьбе с врагом железнодорожников Центрального Черноземья. Особое внимание автор уделяет вопросам создания народного ополчения, участия ополченцев в обороне г. Курска в 1941 г.²⁰

В диссертационном исследовании В.В. Коровина «Партизанское движение на территории Курской области в 1941–1943 гг.», монографиях и ряде статей автора был введен в научный оборот широкий круг документов, рассекреченных в последние годы. В своих трудах В.В. Коровин останавливается на истребительных батальонах и народном ополчении как на базе, на которой возникали партизанские отряды области²¹.

Важна и интересна для нашего исследования литература, посвященная сражению за Воронеж, в которой, помимо освящения вопросов участия в боях Красной Армии с немецкими войсками, говорится и об участии ополчения в боевых действиях за город в июле – сентябре 1942 г.²²

В последнее десятилетие вышел и целый ряд диссертационных исследований и монографий, в которых в рамках региона или отдельных его областей затрагиваются некоторые аспекты интересующей нас темы²³.

В 2006 г. в Курске коллектив авторов (В.В. Коровин, А.Н. Манжосов, А.Д. Немцев и И.П. Цуканов) выпустил в свет книгу, в которой на большом фактическом материале, почерпнутом в военных архивах, при изучении печатных источников, мемуаров советских и немецких военачальников, освещается ход боевых действий оперативных объединений и соединений Брянского, Юго-Западного фронтов и партизан против немецко-фашистских и венгерских

войск группы армий «Центр» осенью 1941 – летом 1942 гг. на территории западных и юго-восточных районов Центрально-Черноземного региона (современных Курской, Белгородской и Воронежской областей). Авторы в работе касаются и вопроса создания народного ополчения и его участия в обороне Курска осенью 1941 г., передачи части бойцов в партизанские формирования²⁴.

В 2010 г. в Курске вышло в свет учебное пособие «Курская область в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», том 12, часть 1-я, в которой коллектив авторов – В.В. Коровин, А.Н. Манжосов, А.Д. Немцев, С.А. Никифоров, Г.Д. Пилиштли, К.В. Яценко – пристально рассматривают и излагают многогранные аспекты жизни области в годы Великой Отечественной войны, в том числе и деятельность народного ополчения²⁵.

Также следует отметить проведенные в последние годы (2009–2011 гг.) конференции, посвященные событиям Великой Отечественной войны на территории Центрального Черноземья, в которых с привлечением найденного нового архивного материала выступают историки, отвечая на многие ранее не озвученные темы²⁶.

Детальный анализ литературы позволяет сделать вывод о том, что отечественные историки внесли заметный вклад в раскрытие проблемы организации и боевого применения добровольческих формирований в годы Великой Отечественной войны. Однако это не означает, что в данной проблематике нет «белых пятен», что все глубоко изучено. До сих пор остается мало исследованным и недостаточно освещенным участие в минувшей войне полков народного ополчения в некоторых прифронтовых областях бывшего СССР, в том числе Центрально-Черноземного региона. Комплексных, обобщающих трудов по этой теме еще не было создано.

¹ Данилов В.Н. Чрезвычайные органы власти регионов России в годы Великой Отечественной войны: Дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 1996; Он же. Война и власть: Чрезвычайные органы власти регионов России в годы Великой Отечественной войны. Саратов, 1996.

² Добров П.В. Народное ополчение в годы Великой Отечественной войны. Донецк, 1994.

³ Добров П.В., Колесник А.Д., Куманев Г.А., Пашко Я.Э. Народное ополчение защищает Родину. М., 1990. С. 322.

⁴ Добров П.В. Указ. соч. Т. 1. С. 20–21.

⁵ Там же. С. 349.

- ⁶ Армия и история России: материалы межвузовской научной конференции (г. Курск, 23 мая 1997 г.). Курск, 1997; Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: Уроки истории: Сб. материалов науч.-практической конф. Белгород, 2000; Воронеж в годы грозные: Воспоминания, очерки, статьи. Воронеж, 1998; Вставай, страна огромная: Материалы обл. науч.-практической конф., в связи с 60-летием начала Великой Отечественной войны. Воронеж, 2001; Истоки: Историко-краеведческий сб. статей о Белгородчине. Белгород, 1999; Непобедимые сыны Отечества: Сб. науч. ст. Курск, 2003; Оружие победы ковалось в Воронеже: Материалы военно-исторической конф. Воронеж, 2001; Солдаты Победы. Тамбов, 1995; Центральное Черноземье России в годы Великой Отечественной войны: Межвуз. сб. науч. трудов. Воронеж, 2000; Война на Дону. 1942–1943 гг.: Материалы междунар. науч. конф. / Под ред. С.И. Филоненко. Ч. 1–2. Воронеж, 2008; Поисковое движение России. Перспективы развития: Материалы Всерос. науч.-практической конф. Курск, 12–13 декабря 2007 г. / Под ред. А.В. Третьякова. Курск: Изд-во КГУ, 2008; Курской битве 65 лет: Взгляд на подвиг из XXI века: Материалы науч.-практической конф. 20–21 августа 2008 года, г. Курск. Курск: КГУ, 2008; Труды 4-й междунар. науч. конф. «Актуальные проблемы регионоведения». 28–29 декабря 2009 г. Курск, 2009; Власть и народ в условиях войн и социальных конфликтов: Материалы Четвертой регион. научн. конф., (Воронеж, 2 февраля 2010 г.) / Под общ. ред. В.Н. Глазьева. Воронеж, 2010 и др.
- ⁷ Верхний и Средний Дон в Великой Отечественной войне: Материалы междунар. науч. конф. / Под ред. С.И. Филоненко. Воронеж, 2006. С. 87; Зайцев А.Н. Роль сражения за Воронеж в победе в годы Великой Отечественной войны // Верхний и Средний Дон в Великой Отечественной войне: Материалы междунар. науч. конф. / Под ред. С.И. Филоненко. Воронеж, 2006; Кемудария Л.А. Воронежская область на начальном этапе Великой Отечественной войны // Верхний и Средний Дон в Великой Отечественной войне: Материалы междунар. науч. конф. / Под ред. Филоненко С.И. Воронеж, 2006; Война на Дону. 1942–1943 гг.: Материалы междунар. науч. конф. / Под ред. С.И. Филоненко. Ч. 1–2. 14–15 апреля 2008 г. – Воронеж, 2008 и др.
- ⁸ Книга памяти липчан, погибших в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: В 5 т. Липецк, 1994–1997; Книга Памяти: О воинах-воронежцах, погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны в 1941–1945 гг.: В 27 т. Воронеж, 1993–1996; Книга Памяти: О воинах-воронежцах, погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны в 1941–1945 гг. (Доп. том). Воронеж, 1999; Книга Памяти: Российская Федерация: Курская область: В 16 т. Курск, 1993–2009; Книга Памяти: Российская Федерация: Тамбовская область: В 10 т. Тамбов, 2010; Книга Памяти 1941–1945 гг. Российская Федерация: Белгородская область: В 5 т. Белгород, 1993–1999; Он не пропал, он погиб за Родину: Книга Памяти и Славы солдат, погибших в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. Воронеж, 2006.
- ⁹ Доблесть ратная и трудовая: Курыне в Великой Отечественной войне. Курск, 1990.
- ¹⁰ Курск. Краеведческий словарь-справочник / Под ред. Ю.А. Бугрова. Курск, 1997.
- ¹¹ Большая Курская энциклопедия. Том 1. Кн. Первая. Курск, 2008.
- ¹² Курский край: история и современность. Курск, 2002; Белгородская энциклопедия. Изд. 3-е. Белгород, 2000 и др.

¹³ Край наш Воронежский. Воронеж, 1985; Лагутич. М. Льговские истории. Курск, 2001; Бiryюков А.Ю. Фатежский край: Прошлое и настоящее: Историко-краеведческий сборник. Фатеж, 2006 и др.

¹⁴ Малоизвестные страницы истории партизанского движения Курской области (1941–1943 гг.) // Курский край. Науч.-ист. журн. № 6 (9). Курск, 1999; Тыл и фронт – едины: вклад населения Курской области в обеспечение Красной Армии в 1941–1945 гг. // Курский край. Науч.-ист. журн. № 4–5 (13–14). Курск, 2000; Организация подразделений народного ополчения в Курской области (июль – август 1941 г.) // Курский край. Науч.-ист. журн. – № 4–5 (13–14). Курск, 2000; «Далекий сорок первый год...» // Курский край. Науч.-ист. журн. № 3 (17). Курск, 2001; В ту суровую осень... (оборонительные бои на Курской земле осенью 1941 г.) // Курский край. Науч.-ист. журн. № 5 (19). Курск, 2001; Проблемы подготовки боевых резервов в Курской области накануне Великой Отечественной войны // Курский край. Науч.-ист. журн. № 4–5 (97–98). Курск, 2007; Архивная находка. История боев за освобождение Курской области в документах Центрального архива Министерства обороны РФ // Курский край. Науч.-ист. журн. № 1 (102). Курск, 2008; Подготовка боевых резервов на территории Курской области в 1942 г. // Курский край. Науч.-ист. журн. № 2 (103). Курск, 2008; Память народа хранит их имена (Памятники боевой славы курского ополчения) // Курский край. Науч.-ист. журн. № 1–2 (116–117). Курск, 2009; Директивные указания партийных органов ВКП(б) Центрального Черноземья по созданию полков народного ополчения в 1941 году // Курский край. Науч.-ист. журн. № 3–4 (118–119). Курск, 2009 и др.

¹⁵ Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: уроки истории: Сб. материалов науч.-практической конф. Белгород, 2000; Истоки: историко-краеведческий сборник статей о Белгородчине. Белгород, 1994; Курская битва: взгляд через полвека: Материалы областной научной конференции. Белгород, 1999; Курская битва – коренной перелом в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Сб. материалов межрегион. науч.-практич. конф., посвященной 60-летию битвы на Огненной дуге. Белгород, 2003; Пархоменко И.Г. Действия белгородских партизан // Истоки. Белгород, 1993. Вып. 2; и др.

¹⁶ Последний прыжок «Барса»: Страницы истории воронежского УНКВД–УНКГБ (1941–1945 гг.). Воронеж, 1995; Российская Федерация в годы Великой Отечественной войны: Материалы науч.-практической конф., посвященной 50-летию Победы. Воронеж, 1995; Воронеж в годы грозные. Воронеж, 1998; Разгром немецко-фашистских захватчиков под Воронежем, на Дону: Тезисы науч. докладов, сообщений, посвященных 55-летию разгрома немецко-фашистских захватчиков под Воронежем. Воронеж, 1998.

¹⁷ Родимцев А.И. Гвардейцы стояли насмерть. М., 1969; Самчук И.А. Тринадцатая гвардейская. Боевой путь тринадцатой гвардейской Полтавской орден Ленина... М., 1971; А.Ф. Терехов, М.П. Скирдо, А.К. Миронов. Гвардейская Таманская. М., 1990; Бабаджанян А.Х. Дороги Победы. М., 1981; Гришков И.Г. Курская область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Курск, 1999; Доблесть ратная и трудовая: Курыне в Великой Отечественной войне. Курск, 1990; Кирсанов Н.А. Место назначения – фронт. М., 1978; Кирсанов Н.А. По зову Родины (Добровольческие формирования Красной Армии в период Великой Отечественной войны). М., 1974; Белгородская гвардейская: Сб. статей и рассказов о 89-й гвардейской Белгородско-Харьковской Краснознаменной стрелковой дивизии. – Курск, 1944; Военная энциклопедия: В 8 т.

М., 1994–2004; Руссиянов И.Н. В боях рожденная. М., 1973; Козин Н.Д. Гвардейцы в боях. 2-е изд. Барнаул, 1985 и др.

¹⁸ Яценко К.В. В борьбе за коренной перелом: Военно-организаторская деятельность органов власти Центрального Черноземья во второй период Великой Отечественной войны (ноябрь 1942 – декабрь 1943 гг.). Курск, 2001; Он же. Организация добровольческих военизированных формирований в годы Великой Отечественной войны (По материалам Центрального Черноземья). М., 2003; Он же. Помощь курян фронту в период подготовки и проведения Курской битвы // История Великой Отечественной войны в документах и судьбах. Курск, 1995; Он же. Военно-организаторская деятельность государственных и политических структур областей Центрального Черноземья в годы Великой Отечественной войны: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2003; Он же. В борьбе за Победу: Военно-организаторская деятельность государственных и политических структур области Центрального Черноземья в годы Великой Отечественной войны. М., 2003; Он же. Фронтовой регион: Центральное Черноземье России в системе военно-организаторской деятельности местных властных структур в годы Великой Отечественной войны. Курск, 2006.

¹⁹ Яценко К.В. Курская область в период Великой Отечественной войны: историография. Курск, 2006.

²⁰ Манжосов А.Н. Этапы большого пути (Книга вторая): Курские железнодорожники в годы Великой Отечественной войны. Курск, 1994; Он же. Ополченцы земли Курской (по материалам народного музея локомотивного депо г. Курска) // История Великой Отечественной войны в документах и судьбах (по материалам Курской области). Курск, 1995; Манжосов А.Н., Федоров Н.П. И память об этом в веках будет жить... Документальная повесть. Курск, 2000; Манжосов А.Н. Оборонять город до последней капли крови // Курская областная Книга Памяти: В 15 т. Т. 12. Курск, 2000; Он же. Железнодорожники Центрального Черноземья России в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Курск, 2002; Он же. Железнодорожники России в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) (по материалам Центрального и Центрально-Черноземного регионов РСФСР). Курск, 2003; Манжосов А.Н., Башкирев Д.Ю., Сеницын В.Н. Участие железнодорожников Западного, Центрального и Южного направлений в мероприятиях по укреплению боеспособности Красной Армии // Курский край. Науч.-ист. журнал. № 16–17 (48–49). Курск, 2003; Манжосов А.Н., Немцев А.Д. Железнодорожники в Великой Отечественной войне // Военно-исторический архив. Вып. 3 (75). М., 2006; Военно-исторический журнал. 2006. № 4 и др.

²¹ Коровин В.В. Партизанское движение на территории Курской области в 1941–1943 гг.: Дис. ... канд. ист. наук, Курск, 2000; Он же. Партизанское движение на территории Курской области в 1941–1943 гг. Курск, 2005; Малоизвестные страницы истории партизанского движения Курской области (1941–1943 гг.) // Курский край: Науч.-ист. жур. Курск, 1999. № 6 (9); Коровин В.В., Манжосов А.Н., Немцев А.Д. Героизм и трагедия воинов Брянского фронта в боях летом 1942 г. // Военно-исторический архив. 2007. № 3; Он же. Формирование партизанских отрядов и подпольной разведывательно-диверсионной сети в Курской области // Курский край. Науч.-ист. журн. № 3 (17). Курск, 2001; Он же. Организационная деятельность государственно-политических структур Центрально-Черноземного региона РСФСР по развертыванию сопротивления немецко-фашистским оккупантам // Курский край. Науч.-ист. журн.

№ 15–16 (90–91). Курск, 2006; Он же. Поднимались воины народа: сопротивление в тылу немецко-фашистских войск на территории областей Центрального Черноземья в 1941–1943 гг. Курск, 2007 и др.

²² Аббасов А.М. Летние сражения 1942 года в Воронеже // Верхний и Средний Дон в Великой Отечественной войне: материалы междунар. науч. конф. / Под ред. С.И. Филоненко. Воронеж, 2006; Воронеж в годы грозные. Воронеж, 1998; Филоненко С.И. О вкладе города Воронежа в победу над фашистской Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Война на Дону. 1942–1943 гг.: Материалы междунар. науч. конф. / Под ред. С.И. Филоненко. Ч. 1–2. Воронеж, 2008; Кемудария Л.А. Воронежская область на начальном этапе Великой Отечественной войны // Верхний и Средний Дон в Великой Отечественной войне: Материалы междунар. науч. конф. / Под ред. С.И. Филоненко. Воронеж, 2006.

²³ Манжосов А.Н. Железнодорожники России в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): (по материалам Центрального и Центрально-Черноземного регионов РСФСР). Курск, 2003; Никифоров С.А. Политика оккупационных властей на территории Курской области в 1941–1943 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2003; Протасов Ю.С. Добровольческие формирования в структуре НКВД в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: (На материалах Центрально-Черноземного региона): Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1999 и др.

²⁴ В.В. Коровин, А.Н. Манжосов, А.Д. Немцев, И.П. Цуканов. Победу приближали как могли: (Боевые действия Брянского, Юго-Западного фронтов и партизан против войск гитлеровской Германии и ее союзников в Центрально-Черноземном регионе РСФСР (октябрь 1941 – июль 1942 гг.). Курск, 2007.

²⁵ Курская область в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 12. Ч. 1. Курск, 2010.

²⁶ Курский край в истории Отечества: Материалы региональной науч.-практической конф., посвященной 230-летию учреждения Курской губернии и 75-летию образования Курской области. Курск, 2009; Власть и народ в условиях войн и социальных конфликтов: Материалы Четвертой регион. науч. конф. Воронеж, 2010; Центральная Россия в годы Великой Отечественной войны: Материалы регион. науч. конф. Воронеж, 2010; Героизм и трагедия 1941 г.: Сб. науч. ст. по материалам Международной науч.-практич. конф., посвященной 70-летию начала Великой Отечественной войны. Курск, 2011 и др.

И.Б. Пинк (Тула)

ПРОБЛЕМА ВЫБОРА ОБРАЗЦА БОЕВОГО ЛИЧНОГО СТРЕЛКОВОГО ОРУЖИЯ В РОССИИ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

НА РУБЕЖЕ 80–90-х гг. XIX в. появились системы револьверов под патроны с бездымным порохом. В 1895 г. для перевооружения российских войск вместо револьверов Смита-Вессона, использовавших дымный порох, была утверждена модернизированная модель 1893 г. бельгийского конструктора и фабриканта Леона Нагана¹.

В 1895 г. российское правительство заключило контракт с льежской фирмой Л. Нагана («Manufacture d'Armes Nagant Freres») на поставку в Россию 20 тысяч револьверов системы Нагана обр. 1895 г.², а в 1898 г. была завершена подготовка к производству данной модели на Императорском Тульском оружейном заводе (далее – ИТОЗ)³.

Казалось бы, выбор образца пистолета для массового перевооружения российской армии сделан окончательно. Однако вопрос о целесообразности этого решения буквально перед самым началом массового производства револьверов Нагана в России был поднят самим российским императором Николаем II.

Во время доклада военного министра А.Н. Куропаткина императору 29 июля 1898 г. о ходатайстве произвести дополнительный заказ револьверов Л. Нагану, Николай II сделал следующее заявление: «Передайте Артиллерийскому комитету, что император недоволен способом заряжания и разряжения револьвера образца 1895 г., хотя револьвер этот стреляет хорошо». Мнение императора было доведено до сведения Арткома в письме Управляющего Делами Артиллерии к помощнику начальника Главного артиллерийского управления (далее – ГАУ) по III отделу от 30 июля 1898 г. за № 23057⁴.

Итоги работы Оружейного отдела Арткома ГАУ по разрешению данного вопроса были отмечены в журнале заседания от 17 ноября 1898 г. за № 186. Отдел полагал, что следует закончить перевооружение армии и флота уже принятым револьвером обр. 1895 г., но при этом сейчас же приступить к «изысканию нового, более совершенного образца»⁵.

При этом Отдел считал, что в настоящее время не существует модели револьвера, которая, обеспечивая быстрое экстрагирование стреляных гильз, при этом не уступала бы в надежности образцу Нагана или другому револьверу с поочередным выталкиванием гильз из барабана с помощью шомпола. По этой причине «шомпольные револьверы» стояли на вооружении всех армий европейского континента, кроме Франции. В Великобритании использовали револьверы системы Смита-Вессона, модернизированные Веблеем, причем, по мнению Оружейного отдела, «образец изменен Веблеем без уничтожения до него существовавших недостатков системы». Револьвер системы Смита-Вессона, принятый в 1877 г. в Австрии, через пять лет был заменен образцом с поочередным выбрасыванием гильз с помощью шомпола⁶. Если у австрийского револьвера Гассера военного образца 1880 г. экстрагирование гильз происходило так же, как у системы Смита-Вессона, а именно – при повороте ствола вниз, то револьвер военного образца Раста-Гассера 1898 г. имел монолитную рамку, а гильзы экстрагировались поочередно⁷.

Следует отметить, что на вооружении Германии с 1880 по 1908 г. официально стояли так называемые «райхсревольверы» М1879 (длинноствольная «кавалерийская» модель 1879 г., с длиной ствола 183 мм) и М1883 (короткоствольная «офицерская пехотная» модель 1883 г., с длиной ствола 126 мм). Обе модели были шестизарядными, с цельной рамкой, с ударно-спусковым механизмом одинарного действия, под патрон калибра 10,55⁸ мм, без экстрактора⁹. Барабан можно было вынуть из рамки после извлечения его оси. По мнению специалистов, ударно-спусковой механизм «райхсревольвера» был предельно простым, а детали отличались массивностью и надежностью. Несмотря на то, что официально в 1908 г. на вооружение германской армии был принят автоматический пистолет «Парабеллум» Р-08, «райхсревольверы» продолжали использовать даже во время Второй мировой войны, хотя и в качестве вооружения вспомогательных войск: значительное количество

«райхсревольверов» оставалось на вооружении тыловых подразделений и частей обеспечения и обслуживания, а в 1944–1945 гг. применялось в отрядах «фолькштурма» (народного ополчения)¹⁰.

В журнале заседания от 17 ноября 1898 г. за № 186 Оружейный отдел рассмотрел несколько способов ускорения экстрактирования гильз, применявшихся в различных конструкциях револьверов. Первой была рассмотрена система Пипера¹¹. В револьвере Пипера 1890 г. гильзы выбрасывались после каждого выстрела, начиная со второго. При отводе курка назад экстрактор захватывал шляпку гильзы и при спуске курка выбрасывал ее из барабана¹². Однако, по мнению Отдела, это усложняло конструкцию, и, следовательно, снижало ее надежность¹³. Действительно, как показала дальнейшая практика, по различным причинам нередко имело место затрудненное экстрактирование, поэтому ударная способность курка снижалась, что приводило к осечкам, и револьверы Пипера 1890 г. не получили широкого распространения¹⁴.

Следует отметить, что в 1895 г. аргентинский офицер А. Гарсиа Рейносо предложил на базе системы Пипера 1890 г. револьвер своеобразной конструкции. У этой оригинальной модели имелся приемник на пять патронов, что позволяло не только разряжать, но и заряжать барабан после каждого выстрела. Такие револьверы в небольшом количестве были выпущены фирмой Пипера. Тем не менее, система Рейносо-Пипера оказалась еще более сложной, чем модель 1890 г., и не получила широкого признания¹⁵.

Конструкция револьвера, при которой экстрактирование происходило при движении барабана со стволом вперед, как в револьвере системы Мервин-Халберта, также была призвана Отделом ненадежной¹⁶.

Третью группу, отмеченную в журнале заседания от 17 ноября 1898 г. за № 186, составляли револьверы с откидным барабаном, как у 8-мм французского револьвера Лебея обр. 1892 г., бельгийского Пипера обр. 1889 г. и американских моделей Кольта «Нью-Арми» 1892 г. и «Нью сервис» 1898 г., состоявших в то время на вооружении армии США¹⁷.

Оружейный отдел признал, что такое устройство усложняет систему, однако предложил провести испытания нового (карманного) 3,2-линейного револьвера Смит-Вессона модели 1895 г. (вероятно, имелся в виду образец 1896 г. «32 Хэнд эджектор» I модели, вариант которого с более длинным стволом был принят на

вооружение в армии США в будущем, 1899 г.¹⁸) и французского револьвера, а также продолжать следить за новыми усовершенствованиями револьверов¹⁹.

Что касается автоматических пистолетов, то ранее, в мае 1897 г., российская Комиссия по выработке образца малокалиберного ружья подвела итоги испытания пистолета системы Маузера (вероятно, модели 1896 г.) и Манлихера калибра 7,6 мм и 6,5 мм (по видимому, имеется в виду модели 1894 г., т.к. они были переданы в Россию «Швейцарским промышленным обществом» в Нойхаузене²⁰, а именно такие образцы выпускала для испытаний в Швейцарии эта фирма до 1897 г.²¹; кроме того, об испытании этой модели в России упоминает В.Е. Маркевич²²), а в декабре того же года Комиссия для опытов по оружейной части рассмотрела пистолет конструкции Борхардта 1893 г. Оба образца были признаны непригодными в качестве армейского оружия²³.

Николай II вынужден был согласиться с мнением Оружейного отдела Артиллерийского комитета ГАУ. В извещении Арткома от 13 июля 1899 г. за № 21886 начальнику ИТОЗ А.В. Куну сообщалось, что военный министр «в виду выраженного Государем Императором замечания относительно неудовлетворительности способа заряжания и разрядки принятого на вооружение наших войск 3-лин. револьвера, образца 1895 года», приказал:

1) завершить перевооружение револьверами обр. 1895 г., «в виду неимения в настоящее время шансов на принятие лучшего образца револьвера»;

2) предложить «офицерам-техникам, занимающимся вопросами ружейного и патронного дела» попытаться усовершенствовать револьвер Нагана обр. 1895 г., с тем, чтобы ускорить его перезарядку²⁴.

В извещении также предлагалось довести последнее пожелание до сведения офицеров ИТОЗ. Описания проектов модернизированного револьвера следовало представить в ГАУ не позднее марта 1900 г.²⁵

На ИТОЗ решением этой задачей занимался С.А. Зыбин. В самом начале XX в. им был представлен образец модернизированного револьвера системы Нагана с откидным барабаном²⁶. Однако, по мнению Комиссии для опытов по оружейной и патронной части, проводившей испытания этой модели, переделка оказалась настолько значительной, что револьвер Зыбина следовало рассматривать

как совершенно новый образец²⁷. Следовательно, массовый выпуск револьверов Зыбина потребовал бы организации отдельного производства. В дальнейшем российское руководство пришло к выводу, что следует постепенно заменять револьвер обр. 1895 г. на автоматические пистолеты. Тем не менее, в 1909 г. Отдел по оружейной части Арткома не смог рекомендовать ни один из них, удовлетворяющий всем необходимым для российской армии требованиям²⁸.

Таким образом, решение принять на вооружение в России револьвер Нагана обр. 1895 г. следует считать достаточно обоснованным. По своим характеристикам он соответствовал образцам револьверов, использовавшихся в качестве боевого личного стрелкового оружия в армиях передовых европейских государств (в том числе и в войсках будущих противников России в Первой мировой войне), и проявил в многочисленных боевых действиях XX в. такие свои положительные качества, как простота и надежность.

¹ Приказ по военному ведомству от 26 июня 1895 г. за № 156 // Оружейный сборник. 1895. № 4; Ильина Т.Н. Как «наган» появился в России // Бомбардир. 1995. № 4. С. 46.

² Монетчиков С.Б. Револьвер Наган // Оружие. 2002. № 9. Спец. вып. С. 16.

³ Государственное архивное учреждение Тульской области «Государственный архив» (далее – ГАУТО ГА). Ф. 187. Оп. 1. Св. 1769. Д. 9995. Л. 138.

⁴ РГВИА. Ф. 506. Оп 1. Д. 506. Л. 416, 400.

⁵ Там же. Л. 401.

⁶ Там же. Л. 402.

⁷ Жук А.Б. Стрелковое оружие. М., 1992. С. 35–36.

⁸ Там же. С. 44.

⁹ Там же.

¹⁰ Хогг Я., Уикс Д. Все пистолеты мира. Полный иллюстрированный справочник пистолетов и револьверов / пер. с англ. В.А. Гришечкина. М., 1999. С. 237.

¹¹ РГВИА. Ф. 506. Оп 1. Д. 506. Л. 402.

¹² Жук А.Б. Указ. соч. С. 37.

¹³ РГВИА. Ф. 506. Оп 1. Д. 506. Л. 402.

¹⁴ Жук А.Б. Указ. соч. С. 37.

¹⁵ Там же. С. 37–38.

¹⁶ РГВИА. Ф. 506. Оп 1. Д. 506. Л. 402.

¹⁷ Там же. Л. 402; Жук А.Б. Указ. соч. С. 37, 58, 70.

¹⁸ Жук А. Б. Указ. соч. С. 53–54.

¹⁹ РГВИА. Ф. 506. Оп 1. Д. 506. Л. 414, 414 об., 462.

²⁰ Там же. Л. 110.

²¹ Хогг Я., Уикс Д. Указ. соч. С. 196.

²² Маркевич В.Е. Стрелковое оружие мира. М., 2005. С. 424.

²³ РГВИА. Ф. 506. Оп 1. Д. 506. Л. 46, 81, 110, 287.

²⁴ ГАУТО ГА. Ф. 187. Оп. 2. Д. 43. Л. 115.

²⁵ Там же. Л. 115 об.

²⁶ Там же. Оп. 1. Д. 10116. Л. 9; Зыбин С.А. История Тульского императора Петра Великого оружейного завода. М., 1912. С. 44.

²⁷ Об испытании 3-го образца 3-х линейного револьвера образца 1895 г., измененного капитаном Зыбиным. Извлечение из журнала Оружейного отдела № 141 // Оружейный сборник. 1902. № 3. Официальный отдел. С. 36.

²⁸ ГАУТО ГА. Ф. 187. Оп. 1. Д. 10155. Л. 5 об., 16 об., 18, 23, 23 об.

Я.М. Поливанов (Казань)

ВОЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОР ПРОПАГАНДИСТСКОГО УСТРАШЕНИЯ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

ОБРАЗЫ военной техники и технологий для истории войн XX в. – одна из центральных тем. Подготовка населения к планируемой войне составляла важную задачу пропагандистской системы и Германии, и России (СССР) как ключевых участников мировых баталий XX в. Фронтальная идеологизация, присущая СССР и Третьему рейху в межвоенный период, не могла не сопровождаться обращением к образам военной техники как фактору демонстрации мощи, формирования психологически устрашающего фона восприятия военной машины потенциальными военными противниками.

Военная доктрина XX в. пережила подлинную революцию с появлением технологий производства новых видов оружия: танков, самолетов, ракетной техники и т.д. В результате гонка вооружений, военных технологий, передовых научных разработок в военной сфере стала «визитной карточкой» политики ведущих мировых держав. На начальной фазе индустриализации великие державы «отказались от традиционных вооружений, столь хорошо служивших европейским государствам Старого Режима»¹. Переломным моментом в процессе выдвигания войны технологий на ключевые позиции можно считать канун Первой мировой войны. Яростная гонка вооружений в сфере строительства «дредноутов», заправилами в которой с начала прошлого века выступали правительства Великобритании и Германии, служит тому характерным примером.

Однако Первая мировая война в неизмеримо большей мере продемонстрировала роль качественной военной техники, от

наличия или отсутствия которой могли зависеть судьбы целых государств и континентов. Таким образом, в межвоенный период, особенно в 1930-е гг., когда на повестке дня мирового сообщества все более остро вставал вопрос о пересмотре Версальского мира, «маховик вооружений» закрутился на новых оборотах. Помимо простого соперничества в ход пошли характерные для XX в. информационные средства борьбы. Во многом именно благодаря пропагандистскому обеспечению представляется правомерным рассматривать оружие не только по параметрам тактико-технических характеристик, но и как фактор устрашения. Итак, изучение истории 1930-х гг. как периода краткой передышки между раундами мировых войн, невозможно без комплексного подхода: гонка вооружений плюс информационное сопровождение.

Сегодня следует признать, что история и ход военного противостояния в XX в. изучены достаточно детально, хотя далеко не полностью. История же противостояния пропагандистских структур, анализ пропаганды как проводника и механизма формирования образов, мировоззренческих позиций и мифов, изучены либо недостаточно, либо пристрастно. Поэтому представляется актуальным оценить степень готовности СССР и Германии к войне не только в традиционном ключе сопоставления количественно-качественных показателей военной техники или стратегических планов сторон, но и в контексте сравнительного изучения пропагандистских приемов. Точка отсчета процесса формирования образов Великой Отечественной и Второй мировой войн приходится именно на середину 1930-х гг. – задолго до того, как прогремели первые выстрелы войны – величайшей из трагедий человечества.

Это справедливо в отношении и СССР, и Германии, так как формированию общественного климата, психологического настроения в преддверии предстоящих в ближайшей перспективе столкновений много внимания уделялось в обеих странах. Механизмы же воздействия, а также цели «натаскивания» были различными.

Приступая к оценке степени готовности пропаганды противоборствующих сторон к войне, следует признать, что к 22 июня 1941 г. Германия, в отличие от СССР, уже несколько лет находилась в состоянии войны. Оправданно поэтому очертить и сравнить цели и методы пропаганды, реализованные будущими противниками в довоенное время.

В межвоенный период советские пропагандисты, действуя в русле оценки В.И. Лениным войны 1914–1918 гг. как грабительской и несправедливой были вынуждены вычеркнуть ее из списка предполагаемых для отработки сюжетов. Отчасти с этим сложно спорить, так как основные причины Первой мировой войны лежат в области интересов Великобритании, с одной стороны, и Германии с другой. В первую очередь, это передел политической карты мира с учетом «новой» ситуации, когда небывалую актуальность приобрел доступ к мировым нефтяным месторождениям².

В то же время германская пропаганда в рассматриваемый период, по сути, являлась продолжением хорошо обкатанных ранее установок. В конечном счете, идеология кайзеровской Германии – «Mitteleuropa» была вполне приемлема и для Третьего Рейха. Достаточно было лишь отформатировать ее в соответствии с национал-социалистическими догмами, не забывая при этом упомянуть о необходимости и праве на реванш за проигранную Германией войну. Наглядным примером преемственности между Вторым и Третьим рейхом по части формирования общественного мнения является сюжет, описанный А.Н. Уткиным в заключении его книги, посвященной Первой мировой войне. Автор цитирует обращение к солдатам командира 3-й немецкой армии генерала фон Айнема по окончании боевых действий: «Непобежденные, вы окончили войну на территории противника». Легенда стартовала, чтобы лелеять идеи реванша³.

Конечно, правительство Веймарской республики не было склонно к муссированию подобных настроений, но нежизнеспособность версальской системы была очевидна. Любой немецкий политик, апеллировавший к ее критике и уличению «Веймарского правительства» в предательстве, был «запрограммирован» на успех.

Итак, Первая мировая война для пропагандистской машины Третьего рейха являлась одной из основных отправных точек. В то же время советская сторона пренебрегала осмыслением своего недавнего военно-исторического прошлого. Ключевым событием для советской пропаганды была Октябрьская революция. Эта идеология сыграла положительную роль в Гражданской войне, но оказалась абсолютно бесполезной в войне 1941–1945 гг.

В канун войны советское правительство и лично И. Сталин предприняли немало усилий по формированию позитивного образа страны Советов и ее вооруженных сил. Середина 1930-х гг.

ознаменовалась советскими авиационными рекордами. На какое-то время символом советской авиации стал «самолет-агитатор» – восьмимоторный гигант АНТ-20, созданный конструкторским бюро А.Н. Туполева и названный в честь пролетарского писателя «Максим Горький». Советская пропаганда возлагала на самолет большие надежды. «Максим Горький» был оснащен телефонной станцией на 16 номеров (для связи между служебными помещениями), пневматической почтой, позволяющей командиру обмениваться записками с радистом и находящимися на борту журналистами-агитаторами, мощным громкоговорителем радиостанции «Голос с неба», фотолабораторией и даже помещением для типографии, способной во время полета за час напечатать до 10 тыс. иллюстрированных листовок⁴.

Германская сторона была озабочена формированием имиджа вооруженных сил Германии не в меньшей степени. В марте 1936 г. Гитлер принял решение ввести войска в Рейнскую область. Занятие области на тот момент было для фюрера сопряжено с риском ответных силовых мер со стороны Франции. В 1936 г. Германия не располагала необходимыми ресурсами и вооруженными силами для ведения полномасштабной войны. И тогда в ход пускается «секретное» пропагандистское оружие. Один из эпизодов этой дуэли описал Д. Ирвинг: «Главному авиационному инспектору Мильху (в финале войны – фельдмаршал авиации) было хорошо известно, что в Германии имелось только три истребительных эскадрильи. Поскольку восточную границу нельзя было оставлять без прикрытия, на западе могла быть задействована лишь одна из них. При таком небольшом составе Люфтваффе «устроили грандиозный спектакль». Истребительная эскадрилья летала по кругу от одного аэропорта к другому, меняя бортовые номера в промежутках между каждой демонстрацией. На летных школах появились вывески с обозначением якобы находящихся там штабов истребительных и бомбардировочных эскадр. Это был не первый (и не последний) случай, когда французы попались на такую уловку»⁵. Естественно, все СМИ Германии оказали представлению максимальную поддержку.

Эпатажной иллюстрацией преемственности немецкой пропаганды служит и сюжет о чудо-оружии. В финале Второй мировой со страниц немецких газет, плакатов, из динамиков радиосообщений вместо привычных возгласов о близкой победе Вермахта

и непобедимости армии фюрера в речах Гитлера и Геббельса доминировали заявления о «чудо-оружии», «оружии возмездия», способном радикально изменить ситуацию на фронтах. К концу 1944 г. подобные заявления стали «коньком» министерства пропаганды. Однако само появление в официальной лексике словосочетания «оружие возмездия» свидетельствовало о том, что это единственный способ занять эфир радиостанций хотя бы чем-то, что может возродить надежду на предотвращение краха Рейха. Министерство Геббельса, ссылаясь на создание нового оружия, пыталось обнадежить народ, армию и самих себя в том, что шанс еще есть.

Основания для подобных надежд имелись. Наибольший интерес представляют достижения немецких конструкторов в ракетостроении. Название ракеты «ФАУ» произошло от первой буквы *Vergeltung Waffe* – оружие возмездия. Следует признать, что применение ракет ФАУ-1 и ФАУ-2 произвело значительный психологический эффект на население Британии и освобожденной Европы, но абсолютно никак не повлияло на ход войны. Дело в том, что у ракеты ФАУ была предшественница времен Первой мировой – огромная пушка, как ее называли, «Труба Кайзера», способная вести огонь на сверхдальние расстояния в 130 км. В реалиях начала XX в. «Труба Кайзера» представляла собой воистину исполинское оружие. Длина ствола составляла 28 м. Снаряд, выпущенный из этого орудия, как и ракета ФАУ-2, достигал стратосферы планеты.

Конечно, с технической точки зрения ничего общего с ракетами ФАУ у трубы Кайзера не было. Роднит эти системы лишь эффект их применения. Результат имел исключительно психологический характер. Невозможность предотвратить удары с воздуха, используя технику того времени, морально тяготела над британцами в 1944–1945 гг. В схожей ситуации побывали и французы в 1918 г. Советский вариант пропаганды во многом был ориентирован на мирные цели. Примером тому служит «Самолет-агитатор». Немалые средства были направлены на освещение мировых рекордов авиаторов – В.П. Чкалова, Г.Ф. Байдукова, А.В. Белякова и др.

Устрашение с использованием образов мощи военных технологий сочеталось с морально-психологическим прессингом и на других направлениях политики. В целом, немецкий вариант военной пропаганды, преследующий цель морального прессинга потенциального врага и навязывания идеи превосходства немецкого оружия,

был агрессивнее, чем пропаганда противников Германии. Потенциальным врагам вермахта внушалась мысль, что сопротивление немецкой военной машине изначально бесполезно. Это была своеобразная классика жанра конструкции образов будущей войны. Ее тактика была сродни той, что сформулировал китайский стратег VI в. до н.э. Сунь Цзы: «Одержать сто побед в ста сражениях – это не вершина превосходства. Подчинить армию противника, не сражаясь – вот подлинная вершина превосходства». Суть в том, что пропагандистская атака подобного рода целесообразна лишь в случае реализации наступательной агрессивной стратегии. В ином случае эти усилия бесполезны. Для осуществления планов Гитлера агрессивная пропаганда подходила как нельзя лучше.

Результатом морального давления на противника можно считать сдачу Гитлеру Чехословакии в 1938–1939 гг. и отступление британских солдат через Ла-Манш в 1940 г. Отступление было столь паническим, что мысль о возможности организовать снабжение экспедиционных сил морем и продолжать сопротивление даже не возникала. Уникальным примером морального прессинга на противника явилась атака на англичан африканского корпуса Роммеля, когда немецкие войска использовали деревянные макеты танков под Триполи в 1941 г.

Итогом активной пропагандистской деятельности ведомства Геббельса стала практически повсеместная боязнь «блицкрига» как одного из символов стратегии немецкой армии. Отголоски этих симптомов можно проследить в докладной записке собкора газеты «Безбожник» И.С. Зубковского ответственному редактору газеты (май 1941 г.): «На проспекте имени Буденного, в центре города, в витрине висит огромных размеров карта Европы. Эта карта обильно украшена германскими национал-социалистическими флажками всевозможных размеров. На карте ежедневно отмечается флажками продвижение германских войск. Все высказывания сводятся к тому, что «он, немец, хитрый», «супротив его никто идти не может», «он пройдет куда угодно»⁶. Этот пример не позволяет однозначно утверждать, что подобные эпизоды являлись следствием деятельности немецкой разведки. Скорее, это были признаки общемирового психологического синдрома, достигнутого стараниями немецкой стороны.

Таким образом, военные технологии XX в. явились печальным симптомом эпохи. Период 1920–1930-х гг. – время конструирования

образов будущего врага не только средствами огульного поношения при апелляции к ретроспективе исторических конфронтаций, специфике менталитетов, но и время активного использования пропагандистских технологий в военных целях.

¹ Мак-Нил У. В погоне за помощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках. М., 2008. С. 256.

² Поливанов Я.М. Нефть как конфликтогенный фактор мировых войн XX века // Вестник Казанского Технологического Университета. 2010. № 9.

³ Уткин А.И. Первая Мировая война. М., 2001. С. 539.

⁴ Уголок неба. (Электронный ресурс): URL: <http://www.airwar.ru/enc/cw1/ant20.html>

⁵ Ирвинг Д. Взлет и падение Люфтваффе. Жизнь фельдмаршала Эрхарда Мильха. М., 2006. С. 75.

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 29. Л. 26. Цит. по: Лившин А.Я., Орлов И.Б. Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы. М., 2007. С. 91.

А.А. Порошин (Саратов)

**«ВЗЛЕТЫ» И «ПАДЕНИЕ»
ГЕНЕРАЛА ОТ КАВАЛЕРИИ А.А. БРУСИЛОВА**

ПЕРСОНА генерала от кавалерии А.А. Брусилова, на наш взгляд, одна из самых известных среди военачальников Первой мировой войны. Еще при жизни, в 1916 г., Алексей Алексеевич удостоился оглушительного мирового общественного признания за операцию, позже вошедшую в историю как «Брусиловский прорыв»¹. Февральская революция 1917 г. вынесла его на вершину военной карьеры, предоставив ему в лице Временного правительства должность Верховного главнокомандующего вооруженными силами России. Не обошли своим вниманием полководца и руководители большевистской России, цинично воспользовавшись именем боевого генерала для решения своих политических целей. Позже советские историки неоднократно исследовали личность этого незаурядного человека, позиционируя его широким массам как лучшего военачальника «Великой войны». Не миновало известного генерала и забвение, что было связано с негативным изображением большевистской действительности, красноречиво представленной А.А. Брусиловым во второй части своих мемуаров. Она, ранее неизвестная в России, была после Второй мировой войны передана правительством Чехословакии в СССР. Постперестроечное время, предоставившее историкам возможность познакомиться с литературой русского зарубежья и открывшее практически все архивные материалы, связанные с Первой мировой войной, реанимировало интерес как к самой войне, так и к ее военачальникам. В настоящее время исследователи на основе открытых материалов представляют на суд читателя события и персоналии несколько в ином свете.

Формат данной статьи не дает возможности глубоко исследовать все стороны военной деятельности А.А. Брусилова². Автор оставляет за собой право лишь напомнить читателю о достаточно известных фактах его жизни, сделавших его имя широко известным мировой общественности, и в большей степени остановиться на событиях, последовавших в его судьбе после отречения Николая II от престола. Именно последние годы жизни русского генерала, после февральского переворота, насыщены драматизмом переживаний и отягчены выбором своей линии поведения³. И именно мучительный поиск своего места в политизированной России оттолкнул многих его единомышленников от некогда популярного и уважаемого в военной среде генерала, позволив говорить русскому зарубежью о «нравственном падении» Алексея Алексеевича.

Военная служба генерала от кавалерии А.А. Брусилова до Первой мировой войны прошла буднично, ровно. В провальной для России Русско-японской войне он не участвовал. По словам ставшего впоследствии президентом Финляндской республики К.Г. Маннергейма, который рвался на нее с целью попробовать свои силы, А.А. Брусилов не только отговаривал его от данного поступка, но считал совершенно бесполезным участие в такой, по его мнению, *незначительной войне*, мотивируя необходимостью поберечь себя для будущей мировой войны⁴!

С началом Первой мировой войны А.А. Брусилов был назначен командующим 8-й армии, которая в составе Юго-Западного фронта (ЮЗФ) участвовала во взаимодействии с 3-й армией в «Галицийской битве». Эта операция ознаменовалась победой, взятием русскими войсками Галича (8 А) и Львова (3 А) и преследованием отступавших за р. Сан войск противника. Успехи войск 8-й армии, особенно на фоне трагедии 2-й армии Северо-Западного фронта (СЗФ), быстро выдвинули командующего в первые ряды наиболее популярных личностей⁵. Военачальнику они принесли бесценный опыт, который, безусловно, был осмыслен (судя по последующим его действиям) и позволил в последующем внести коррективы в практическую деятельность⁶.

Познала армия А.А. Брусилова и радость побед маневренного периода войны, и горечь отступления 1915 г. В марте 1916 г. его назначили на должность главнокомандующего армиями ЮЗФ. Именно в этой должности Алексей Алексеевич провел наступательную операцию, сделавшую его всемирно известным военачальником.

Летнее наступление ЮЗФ проходило в рамках спланированной широкой наступательной операции трех фронтов на западном театре военных действий. На военном совете, проходившем 1 апреля 1916 г. в Ставке ВГК, М.В. Алексеевым был доложен составленный штабом ВГК план летней кампании 1916 г., согласно которому Юго-Западный фронт получал второстепенную задачу – «притягивая на себя внимание противника, готовиться к производству атаки из района Ровно ко времени наступления Западного фронта севернее Полесья»⁷.

Главнокомандующие армиями ЗФ и СФ соответственно – А.Е. Эверт и А.Н. Куропаткин – выказали неуверенность в успехе наступательных действий фронтов, обосновав ее слабой технической оснащенностью войск⁸. Совершенно с противоположным по своей сути предложением выступил А.А. Брусилов. Он предложил Ставке активные наступательные действия своего фронта, принятые по итогам совещания Верховным Главнокомандующим⁹. План наступления после долгих прений был скорректирован и окончательно был утвержден в мае после очередных доработок¹⁰.

Подготовка операции в войсках ЮЗФ проводилась очень тщательно. Командование фронта понимало, что предстоит взламывать чрезвычайно сильные позиции противника, которые он укреплял в течение девяти месяцев¹¹. Была проделана большая подготовительная работа во всех звеньях фронта. Особое внимание было уделено инженерной подготовке, разведке, оперативной маскировке, согласованным действиям пехоты и артиллерии.

Приступив к реализации плана, ЮЗФ начал наступление 22 мая 1916 г. на неделю раньше ЗФ, с целью оттянуть силы противника из его полосы, что облегчало тому в последующем нанесение главного удара. Спланированные А.А. Брусиловым удары одновременно в полосах наступления всех армий и большинства корпусов фронта позволили прорвать оборону противника и развить наступление в нескольких местах. Наибольший успех фронта был достигнут в правифланговой 8-й армии генерала от кавалерии А.М. Каледина, примыкавшей к ЗФ. Наступление в ней развивалось по двум направлениям: на Ковель и Львов¹².

Именно с этого момента в реализации совместной стратегической операции трех русских фронтов начинается анархия в централизации управления. Запланированный на 29 мая *главный удар* ЗФ вылился лишь в «демонстрацию наступления» силами одного (!)

Гренадерского корпуса генерала-лейтенанта Д.П. Парского (из имеющихся 26 в составе фронта), произведенного 31 мая в направлении на Столовичи. Достигнув тактического успеха, но не получив резерва от главнокомандующего ЗФ для его закрепления, корпус с большими потерями был вынужден отойти на исходные рубежи¹³.

Очередная неудача и, вероятно, усилившаяся от этого неуверенность в своих силах, заставила А. Е. Эверта переносить наступление сначала на 4 июня, затем на 20-е июня¹⁴ и изменить направление главного удара с Вильно на Барановичи¹⁵. В свою очередь, отсутствие своевременных действий ЗФ заставляло А.А. Брусилова также неоднократно менять направление развития наступления 8-й армии с Ковеля на Львов¹⁶. Ковель являлся связующим звеном для Юго-Западного и Западного фронтов. При успешном взаимном наступлении в Ковельском направлении подрывалась основа обороны противника, что приводило к стратегическому успеху наших войск в русско-немецком противостоянии на театре военных действий. Отсутствие наступления на ЗФ делало бессмысленным это направление. Очередной срыв сроков наступления А.Е. Эвертом вынуждал А.А. Брусилова, в который раз (!), давать команду на сосредоточение усилий 8-й армии с Ковельского на Львовское направление¹⁷. Смена направления главного усилия ЮЗФ в так удачно начавшемся наступлении сводило почти на нет всю подготовку операции.

С большим отклонением от намеченного срока Ставка заставила ГК армиями ЗФ перейти в наступление 20 июня. Но метания штаба ЗФ, выразившиеся в перемене направления главного удара, естественным образом отразились и на действиях подчиненных. Неуверенные наступательные действия русских корпусов и дивизий, не подкрепляемые своевременным вводом армейских резервов, достигли лишь небольшого тактического успеха на отдельных направлениях. Потери наших войск значительно превышали трофеи. После этого наступления А. Е. Эверт распорядился отложить наступление до 1 июля. Больше наступательные действия в этой операции ЗФ не производил¹⁸.

«Робкие» действия А.Е. Эверта и успех А.А. Брусилова заставил Ставку перенести главный удар группы фронтов в полосу ЮЗФ, как и предполагалось НШ Ставки М.В. Алексеевым до начала стратегической операции¹⁹. Но его дипломатическое маневрирование с

начала операции между главнокомандующими фронтов не позволило сделать этот шаг своевременным. Слабость коммуникационных сообщений, распутица, вызванная постоянными дождями²⁰, потеря времени в сосредоточении войск в нужном направлении не способствовали достижению планируемого успеха. Последующие попытки наступления А.А. Брусилова, продолжавшиеся вплоть до осени, не принесли более никаких ощутимых результатов, кроме огромных потерь в живой силе.

Несмотря на неутешительный окончательный итог наступательной операции ЮЗФ первая очень успешная фаза вызвала оглушительный резонанс в мире, что позволило многим исследователям причислить ее к одной из самых известных и выдающихся операций «Великой войны». Успех операции выдвинул и имя А.А. Брусилова в число выдающихся военачальников.

Последующую жизнь и деятельность А.А. Брусилова после февральского переворота на наш взгляд можно условно разделить на четыре этапа.

1-й этап – демонстрация лояльности новой власти (март – июль 1917 г.). Поиск «нужных» для Временного правительства военачальников породил «чехарду» в их назначениях. Быстрая смена высшего военного руководства российской армии после февральского переворота была вызвана естественным недоверием новой власти к большинству генералитета, воспитанного в традициях самодержавия и не скрывавшего резкого неприятия «демократических» инициатив в армии. А.А. Брусилов, в отличие от своих сослуживцев, не стал обострять отношения с «революционерами» и повел себя так, что его поступки должны были убедить Временное правительство в лояльности и поддержке проводимого им курса. На съезде делегатов ЮЗФ, проходившем 20 апреля 1917 г., ГК ЮЗФ в своем выступлении полный развал в войсках назвал «некоторыми недостатками», которые необходимо исправить, чтобы выполнить «долг перед Родиной, Свободой и Временным правительством». Он говорил о том, что «...не будь войны, <...> перемена правительства и свобода не так дешево досталась бы народу». Выступление военачальника было пронизано главной идеей – необходимостью продолжать войну, борясь с тем, что этому препятствует²¹.

А.Ф. Керенский общее разложение армии рассматривал как «детскую болезнь» новорожденной революционной армии и требовал

от военного командования готовности к наступлению в любой момент времени. В таких условиях деятельность А.А. Брусилова отвечала мыслям и желаниям Военного и морского министра, который приложил все усилия для выдвижения на должность Верховного ГК более приятного и послушного ему генерала²². Вскоре, в середине мая 1917 г., А.А. Брусилов назначается Верховным ГК вместо М.В. Алексева.

Проявление лояльности к власти потребовало менять стиль отношений с подчиненными, дифференцируя свое поведение. В этой связи интересны воспоминания протопресвитера Русской армии и флота Г.И. Шавельского о встрече с вновь назначенным Верховным ГК. «У меня и теперь еще стоит в глазах встреча на Могилевском вокзале прибывшего в Ставку нового Верховного – генерала Брусилова. Выстроен почетный караул, тут же выстроились чины Штаба, среди которых много генералов. Вышел из вагона Верховный, проходит мимо чинов Штаба, лишь кивком головы отвечая на их приветствия. Дойдя же до почетного караула, он начинает протягивать каждому солдату руку. Солдаты, с винтовками на плечах, смущены, — не знают, как подавать руку. Это была отвратительная картина»²³.

Развал армии заставляет активно искать выход из положения. И 23 мая 1917 г. у нового Верховного ГК рождается идея формирования революционных батальонов из волонтеров тыла «...для защиты свободы и закрепления завоеваний революции...для поднятия революционного порыва в армии...». По его мысли они должны наступать на тяжелейших участках фронта впереди штурмующих войск для поднятия в них воодушевления. Придумана форма одежды, написана присяга «революционного волонтера». Но это предложение не нашло поддержки у фронтовиков. А.А. Брусилов получил рапорт от Союза офицеров Армии и Флота, где излагалось о том неизбежном вреде, который волонтеры уже разложенного тыла привнесут в активно разлагающуюся армию. Данная мысль, по мнению активистов «Союза...», тем более неуместна, что в армии шел процесс создания ударных батальонов из фронтовиков²⁴.

Выполнение воли А.Ф. Керенского об активизации армии привело к наступлению ЮЗФ, начавшегося 6 июня 1917 г. Опираясь на ударные батальоны 8-й армии, был достигнут тактический успех, который вскоре был «заболтан» митингующими солдатскими массами, выяснявшими, соответствует ли предпринятое наступление

духу воззвания Петроградского Совета от 13 марта 1917 г., призывавшего положить конец мировой войне²⁵.

Политиканство Верховного ГК сыграло с ним злую шутку. У офицерского состава фронтов А.А. Брусилов уже не пользовался былой популярностью, что связано с его энергичными усилиями установить приемлемые отношения с солдатскими комитетами. В свою очередь Временное правительство всячески пыталось наладить конструктивные отношения с офицерским составом. Политические маневры А.Ф. Керенского заставили его послушать своих коллег по правительству, которые предлагали новую фигуру на пост Верховного ГК, устраивавшую и власть, и офицеров. Этим кандидатом являлся Л.Г. Корнилов. Вскоре после проведенного 16 июля 1917 г. Военным и морским министром совещания высшего командного состава в Ставке, куда были приглашены уволенный Н.В. Рузский и отстраненный от должности Верховного ГК М.В. Алексеев, произошла смена высшей военной власти²⁶.

Отставка ознаменовалась душевными переживаниями, которые просматриваются в тексте воспоминаний, описывающих данный эпизод²⁷. Попытка А.А. Брусилова найти взаимопонимание с Временным правительством не у всех нашла положительный отклик. Противники новой власти отмечали, как уже было указано выше, что генерал был готов на любые компромиссы для сохранения личного влияния и благополучия²⁸.

2-й этап – неприятие новой власти (август – октябрь 1917 г.).

Снятие с должности Верховного ГК естественным образом обидело А.А. Брусилова, и он по возвращении с фронта в Москву активно занялся общественной деятельностью. Будучи неоднократно востребованным различными общественными организациями, мечущимися в поисках выхода из политического кризиса, он везде выбирался почетным председателем устраиваемых собраний, обличая новую власть²⁹. А.А. Брусилов с горечью отмечал духовную дряблость москвичей, констатируя, что бурная общественная деятельность представителей всех сословий новой России заключалась лишь в «говорильне», в ходе которой забалтывалось любое конструктивное предложение по выходу из создавшегося политического кризиса.

Активное участие А.А. Брусилова в общественной жизни столицы не оставила равнодушными его бывших сослуживцев, один из которых так прокомментировал это событие: «Брусилов в

Москве и громит демократию; удивительный хамелеон этот главоверх...»³⁰.

3-й этап – в ожидании перемен (ноябрь 1917–1920 гг.).

Октябрьский переворот ознаменовался тяжелым ранением осколком шального снаряда, которое надолго приковало отставного военачальника к постели. Выздоровление проходило в тяжелых материальных условиях, которые усугублялись новыми политическими реалиями. Вновь бывшие соратники остались по разные стороны баррикад, но мысли А.А. Брусилова, по его словам, были на стороне тех, кто на юге России организовывал белое движение. Это подкреплялось практическими действиями по передаче им денежных средств, которые через отставного военачальника передавались на нужды формирувавшихся частей. А.А. Брусилов оказался невольным втянутым в переворот, готовившийся в Москве английским военным агентом Локкартом, следствием чего явился арест в августе 1918 г. и заключение под стражу. Письмо Ф.Э. Дзержинскому и личное общение с ним сняли внешнее напряжение с новой властью, и А.А. Брусилов в том же году был освобожден.

Жизнь впроголодь в течение 1918 г. – первой половины 1920 г. поддерживалась средствами, вырученными от продажи вещей жены и приношениями людей, уважительно относящихся к военному прошлому военачальника³¹. Бывшие сослуживцы (В.Н. Клембовский, Н.А. Бабилов), сотрудничавшие с советской властью, неоднократно «завлекали» Брусилова к себе, предлагая участие в трудоустройстве. Но непонимание истинного значения их предложений и определенные успехи белого движения заставляли Брусилова дипломатично уходить от подобных контактов. При этом он ссылался на рекомендации врачей, которые «...настоятельно требуют... усердного лечения... ноги. Кроме того, желудок... очень плох и врачи опасаются какой-то круглой язвы»³².

4-й этап – выживание среди большевиков (1920–1926 гг.).

Отступление А.И. Деникина от Орла и военные неудачи Н.Н. Юденича заставили пересмотреть отношение А.А. Брусилова к предложениям соратников устроиться на службу. Необходимо было выживать в условиях новой власти, которая утверждалась в России. К этому решению подтолкнула война с Польшей, начавшаяся весной 1920 г. Высшее руководство России с большим желанием воспользовалось возможностью сотрудничества с А.А. Брусиловым, понимая, что его имя можно использовать как знамя для

организации противодействия военным действиям Польши и привлечения для этого офицерских масс. В мае 1920 г. при ГК всеми ВС республики было образовано «Особое совещание по вопросам увеличения сил и средств для борьбы с наступлением польской контрреволюции», председателем которого был назначен А.А. Брусилов. Он ясно осознавал, что на данном этапе в большей степени нужен Советской власти не он сам, а его имя. Но возможность послужить не интернационалу, а России заставила его очередной раз пойти на компромисс³³.

Деятельность «Совещания...» по словам ее председателя, заключалась в основном в «переливании из пустого в порожнее», но, тем не менее, усилиями опытных генералов бывшей императорской армии была разработана структура Красной армии и штаты всех ее частей.

Новая революционная власть, преследуя свои цели, дважды целенаправленно воспользовалось именем широко известного военачальника. В первом случае, по мнению А.А. Брусилова, во благо, что позволило спасти из тюрем несколько тысяч арестованных офицеров. Это явилось следствием подписания им воззвания ко всем бывшим офицерам, которое приглашало к сотрудничеству с новой властью в деле борьбы с польскими интервентами. Вторая подпись под воззванием к врангелевским офицерам была еще одной попыткой А.А. Брусилова спасти тех, кто воевал против Советской власти. Ловкий политический ход большевиков заставил поверить белых офицеров в правдивость прокламации, что привело к их массовым расстрелам³⁴.

Последние годы жизни были наполнены чтением лекций в Москве и Петрограде о крупных операциях Первой мировой войны, деятельностью в качестве главного военного инспектора по коннозаводству и коневодству и инспектора кавалерии. Это позволяло получать паек и выживать. «Но, по-видимому, новый порядок в Красной армии противоречил темпераменту, духу и мировоззрению старого генерала. Он счел дело законченным и... удалился в частную жизнь»³⁵. В 1924 г. А.А. Брусилов был отправлен на пенсию.

В вечернем выпуске Красной газеты от 19 марта 1926 г. написано: «В Москве скончался А.А. Брусилов <...> простым, ясным и трезвым умом, способным к предвидению будущего, он понял железную логику событий, бороться с которой могли лишь политически близорукие люди». На смерть А.А. Брусилова откликнулся статья-

ей в эмигрантской газете «Возрождение» А.Ф. Керенский: «...его имя связано навсегда с самыми славными страницами истории русской доблести <...> Брусилов был в Русской армии почти единственный вождь «божьей милостью...»³⁶. Похороны состоялись на Новодевичьем кладбище в Москве.

¹ Данная операция после ее проведения в 1916 г. стала называться «Луцким прорывом». Наименование «Брусиловский прорыв», по мнению некоторых специалистов (в частности Е.Э. Месснера), она получила в оппозиционных к императору кругах. Затем название укрепилось после свержения монархии и окончательно вошло в историю в СССР с тем, чтобы успех операции даже косвенно не связывать с Николаем II, бывшим во время ее проведения номинально верховным главнокомандующим. См.: Месснер Е.Э. Луцкий прорыв: К 50-летию Великой победы. Нью-Йорк, 1968.

² Военная деятельность А. А. Брусилова была исследована автором в монографии «Полководческое становление главнокомандующих армиями фронтов Первой мировой войны».

³ По воспоминаниям С.А. Сухомлина (НШ ЮЗФ с 23.10.1916 по 29.5.1917), А.А. Брусилов отчетливо видел разрушительную картину последних месяцев старого режима и от этого скорбел душой и предвидел катастрофу. Но как человек четких и осознанных действий, он принял решение в поддержку Временного правительства, подписав исторические телеграммы. Это стоило ему многих душевных переживаний. С.А. Сухомлин вспоминал, что телеграммы А.А. Брусилов подписывал дрожащей рукой, чего раньше с ним никогда не бывало. См.: Российский Государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 162. Оп. 1. Д. 12. Л. 107.

⁴ См.: Маннергейм К.Г. Мемуары. М.: Вагриус, 1999. С. 19. Общеизвестно, что А.В. Суворов постоянно хандрил без военных действий, а М.Д. Скобелев, будучи в отпуске, ездил в Америку на театр военных действий с целью приобретения опыта и изучения особенностей ведения боевых действий. Небезынтересно, что на Русско-японскую войну убегали и мальчишки, охваченные патриотизмом. См.: Воронович Н.В. Потонувший мир. Очерки прошлого. 1891–1920. М.: Воениздат, 2001. С. 84–100.

⁵ На этом этапе исследователи, наряду с активностью А.А. Брусилова, отмечали и огрехи в действиях военачальника, что можно объяснить его недостаточным опытом, вполне понятной нервозностью первых боев, вызванной быстро меняющейся обстановкой маневренной фазы войны. Так применение кавалеристом А.А. Брусиловым армейской кавалерии происходило неэффективно. Конница концентрировалась в мощный единый кулак, как было принято на тот период в армиях европейских стран. Хотя по мнению специалистов в условиях именно быстро меняющейся обстановки она должна быть рассредоточенной в районах дивизий первого эшелона. С успехом пехотных частей ее следовало немедленно использовать для развития успеха. Место же начальника кавалерийской дивизии – при штабе начальника пехотной дивизии, где изменение обстановки известно немедленно. Тем самым взаимодействие кавалерии и пехоты было бы

наиболее оперативно и, тем самым, наиболее продуктивно. См.: Головин Н.Н. Из истории компании 1914 года на русском фронте. Галицкая битва. Первый период – до первого сентября нов. стила. Париж: Родник. 1. С. 483–484. Командующий 8 А в ходе операции преувеличивал грозящую опасность со стороны противника на своем левом фланге, сосредоточив там значительные силы, которые в ходе кровопролитных боев были мало задействованы. Между тем следовало бы организовать именно на левом фланге более действенную разведку кавалерийскими частями, для которых определение истинного нахождения противника и являлось одной из главных задач. См.: Коленковский А. Маневренный период войны 1914. М.: Гос. воен. изд-во Наркомата обороны Союза ССР, 1940. С. 251.

⁶ Боевые действия показали А.А. Брусилову, что для достижения успеха в армии необходим сильный общий резерв, без которого сражение будет всегда висеть на волоске. Кроме общего обязательен и сильный артиллерийский резерв для сосредоточения его на решающих участках сражения. Осознание роли артиллерии вылилось в приказ по 8 А, в котором инспекторам артиллерии корпусов предписывалось кроме организации снабжения артиллерийскими боеприпасами управлять огнем артиллерии. См.: Брусилов А.А. Указ. соч. С. 81. Следует заметить, что А.А. Брусиловым были продемонстрированы на занятой территории административные навыки в совокупности с широким политическим кругозором. Во Львове им были установлены доверительные отношения с населением оккупированного города, которые сохранялись до назначения генерал-губернатором Галиции Г.А. Бобринского. Вновь назначенным государственным деятелем, до этого не имевшим практического административного опыта, были предприняты политико-религиозные меры, которые привели в последующем к большим осложнениям с населением оккупированной русскими войсками Галиции.

⁷ «1) Северный фронт, получая от Западного 1 армию и превосходя противника в 5 раз, наносит удар четырьмя корпусами из Рижского района на Митаву; 2) Западный фронт, имея шестерное превосходство сил, через несколько дней после атаки из Рижского района производит одновременный удар от Молодечно и Двинска на Ошмяны и Вильно; 3) два гвардейских корпуса образуют резерв главковерха для усиления в случае надобности удара южнее Двинска». Клембовский В.Н. Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. М., 1920. Ч. 5. С. 27–28.

⁸ См.: Керсновский А.А. История Русской армии: В 2 т. Т. 2. 1881–1916. Смоленск, Русич, С. 276. Вероятнее всего, подобное поведение военачальников могло быть объяснимо тем, что они еще не оправились от жестокого урока войны, полученного вследствие их неудачных действий при руководстве фронтами в прошедшей зимней кампании: Западного в Нарочской операции и Северного в наступлении под Якобштадтом. Причину высказанной неуверенности А. Керсновский сформулировал следующим образом: «...У наших начальников отсутствовала вера в свое призвание, вера в великое будущее Родины и Армии, воля схватиться с врагом и победить – победить во что бы то ни стало. Ни горячие, ни холодные – легко и без усилий получившие чины, отличия и высокие должности – они не чувствовали чести и славы воинского звания, не чувствовали, что они не только “командуют”, но и имеют честь командовать – и что за эту честь надо платить». Керсновский А. Философия войны. Белград. Царский Вестник. 1939. <http://www.voskres.ru/army/spirit/kersnov1.htm>.

⁹ См.: Керсновский А.А. Указ. соч. 1881–1916. С. 275–276.

¹⁰ «...роль Северного фронта была ограничена только демонстрациями, преимущественно на Рижском направлении... Главный удар по-прежнему наносился Западным фронтом, но ввиду положения на Итальянском фронте удар Юго-Западного фронта также должен быть сильным и быстрым... с Сарненского направления в обход Ковеля с севера». Зайончковский А.М. Мировая война 1914–1918 гг.: В 2 т. Т. 2. М.: Воениздат, 1938. С. 47.

¹¹ См.: Громыко. Краткое описание операций армий ЮЗФ с 22 Мая по 30 Июля 1916 г. Действующая армия 19 августа 1916 года. С. 5.

¹² См.: Зайончковский А.М. Указ. соч. Т. 2. С. 54.

¹³ См.: Керсновский А.А. Указ. соч. 1881–1916. С. 304.

¹⁴ Там же. С. 296.

¹⁵ См.: Брусилов А.А. Мои воспоминания. М.: РОССПЭН, 2001. С. 199.

¹⁶ См.: Зайончковский А.М. Указ. соч. Т. 2. С. 58.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Итог действий русского генералитета ЗФ на Барановичском направлении подвел Николай II: «У Барановичей атака развивается медленно – по той старой причине, что многие из наших командующих генералов – глупые идиоты, которые даже после двух лет войны не могут научиться первой и наипростейшей азбуке военного искусства...». Цит. по: Платонов О.А. Николай Второй в секретной переписке. М., «Алгоритм». С. 528.

¹⁹ Несмотря на достаточно сдержанное отношение к наступательным возможностям ЮЗФ, высказанное на совещании 1-го апреля М.В. Алексеевым, им 15 мая в докладе Николаю II было сделано предложение иметь в резерве Ставки два корпуса, выделенных из состава сил СФ и ЗФ для передачи ЮЗФ в случае успеха в полосе его наступления. Можно предположить, что НШ Ставки, понимая неуверенность в успехе предстоящей операции А.Н. Куропаткина и А.Е. Эверта, предполагал успех А.А. Брусилова в полосе ЮЗФ и планировал возможное его развитие. Это тем более вероятно потому, что союзники по Антанте просили помощь именно в воздействиях на австро-венгерские войска, находящиеся в полосе Брусиловских войска. См.: Дневники и документы из личного архива Николая II. Минск, Харвест. С. 329, 331.

²⁰ См.: РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 202. Л. 82–89, 98, 101, 108–111.

²¹ См.: Там же. Ф. 162. Оп. 1. Д. 4. Ч. 1. Л. 18–24.

²² См.: Катков Г.М. Дело Корнилова. М.: Русский путь, 2002. С. 39.

²³ Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота: В 2 т. Т. 1. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. С. 414. Не менее красочно этот же эпизод описывает генерал П.К. Кондзеровский: «...новый Верховный не обратил никакого внимания на стоявших на фланге генералов, никому не подал руки, но, когда к нему с рапортом, держа ружье на караул, подошли назначенные от караула в ординарцы и на посылки, то, приняв их рапорт, он каждому протянул руку; те были в полном замешательстве, не зная, как поступить и что делать с винтовкой. Конечно, на всех это произвело ошеломляющее впечатление». См.: Кондзеровский П.К. В ставке Верховного 1914–1917. Париж, 1967. С. 129.

²⁴ См.: РГВИА. Ф. 162. Оп. 1. Д. 4. Ч. 1. Л. 62, 65–66, 71–72.

²⁵ См.: Катков Г.М. Указ. соч. С. 44.

²⁶ См.: Там же. С. 50. Смене военной власти предшествовал эпизод встречи А.Ф. Керенского в Могилеве, куда тот прибыл на назначенное им совещание. А.А. Брусилов, занимаясь оперативной работой, не прибыл лично для встречи,

тем более что это не предусматривалось протоколом. Чрезвычайно уязвленный А.Ф. Керенский полтора часа не выходил из вагона, дожидаясь прибытия А.А. Брусилова. См.: Деникин А.И. Очерки Русской смуты: В 3 т. Т. 1. Крушение Власти и Армии. Февраль – сентябрь 1917. М., Айрис Пресс, 2003. С. 507. Сам же А.Ф. Керенский в показаниях следственной комиссии объяснял увольнение А.А. Брусилова катастрофическим положением на фронте, возможностью развития германского наступления, отсутствием на фронте твердой руки и определенного плана, неспособностью А.А. Брусилова разбираться в сложных военных событиях и предупреждать их, отсутствием его влияния на солдат и офицеров. См.: Там же. С. 525.

²⁷ Описывая эпизод с отставкой, А.А. Брусилов на двух соседних листах текста приводит диаметрально противоположные мысли. «Одновременно с этим я получил частное извещение, что Керенский просил Временное правительство о смене меня, как человека, борющегося с его распоряжениями, и просил назначить на мое место Корнилова. Я понял, что Борис Савинков проводит своего кандидата и очень охотно (выделено мной. – А. П.) этому покорился, ибо считал, что мы больше воевать не можем». См.: Брусилов А.А. Указ. соч. С. 215. «Я не хотел уходить в отставку (выделено мной. – А. П.), считая, что было бы нечестно с моей стороны бросить фронт, когда гибнет Россия». См.: Брусилов А. А. Там же. С. 216.

²⁸ См.: РГВИА. Ф. 55. Оп. 5. Д. 1. Л. 38.

²⁹ Популярного в обывательской среде А.А. Брусилова избрали председателем Казачьего комитета, союза георгиевских кавалеров. 8–10 августа 1917 г. он выступал на съезде общественных деятелей вместе с Н.В. Рузским и М.В. Алексеевым. См.: Брусилов А.А. Указ. соч. С. 255.

³⁰ Дневник барона Алексея Будберга // Архив Русской революции. Т. XII. М.: Терра, Политиздат, 1991. С. 217.

³¹ См.: Брусилов А.А. Указ. соч. С. 267–281.

³² РГВИА. Ф. 162. Оп.1. Д. 14а. Л. 11.

³³ См.: Брусилов А.А. Указ. соч. С. 295–296.

³⁴ В первом случае спасено было около четырнадцать тысяч офицеров. Почти всех удалось пристроить на должности, что позволяло получать паек, а значит выжить в этот сложный период. Это продолжалось до середины 1921 г. Во втором случае осенью 1921 г. А.А. Брусилову поступило предложение от Э.М. Склянского, заместителя Л.Д. Троцкого, возглавить сосредоточенную в Крыму врангелевскую армию, если она останется без высшего командования в России. А.А. Брусилов дал согласие, тайно желая воспользоваться возможностью спасти Россию от большевизма. При этом, в личном разговоре с Л.Д. Троцким было оговорено, что офицерам будет представлена полная амнистия, не считая преступления их принадлежность к бывшим армиям А.И. Деникина, Н.Н. Юденича и А.В. Колчака. См.: РГВИА. Ф. 162. Оп. 1. Д. 14а. Л. 10. Но это предложение таковым и осталось, и было лишь очередным иезуитским ходом новой власти. Большевики заручились согласием военачальника поставить свою подпись под воззванием, и в Крыму были развешаны многочисленные листовки, призывающие не покидать пределы России. Все поверившие в политическую прокламацию были расстреляны. См.: Брусилов А.А. Указ. соч. С. 301–304.

³⁵ Из статьи от 18.3.1926 г., напечатанной в газете «Народни листы» в Чехословакии. РГВИА. Ф. 162. Оп. 1. Д. 12. Л. 116.

³⁶ РГВИА. Ф. 162. Оп.1. Д. 12. Л. 85, 93.

М.А. Приходько (Москва)

К ВОПРОСУ О ПОРТРЕТЕ ВОЕННОГО МИНИСТРА А.И. ТАТИЩЕВА

ЕЩЕ В КОНЦЕ 90-х гг. XX в., начиная изучение российской министерской системы управления, я столкнулся с примечательным фактом – отсутствием как такового портрета военного министра Александра Ивановича Татищева (1763–1833).

Исключение составлял только рисунок В.Ф. Адлерберга, изображавший заседание Следственного комитета по делу декабристов и присутствовавших на нем его членов и, в том числе, А.И. Татищева, который был его председателем¹.

Тем более удивительным было появление в юбилейном для министерской системы управления 2002 г. в ряде научных и научно-популярных изданий² портрета А.И. Татищева.

Между тем, данные публикации были очевидной ошибкой и воспроизводили известный портрет³ другого государственного (председателя Государственного Совета и Комитета министров в 1812–1816 гг.) и военного (президента Военной коллегии в 1796–1802 гг.) деятеля Николая Ивановича Салтыкова (1736–1816)⁴.

Кроме того, характерные особенности мундира⁵ и наград⁶, в которых был изображен Н.И. Салтыков, не подходили для А.И. Татищева.

Особенную горечь этой ошибке придавало то, что она была сделана на страницах главного журнала по военной истории («Военно-исторического журнала») и в издании, подготовленном при участии Института военной истории Министерства обороны Российской Федерации (ИВИ МО РФ).

Мои попытки исправить данную ошибку (беседы с сотрудниками «Военно-исторического журнала» Ю.М. Лещенко и С.В. Аверченко

М.Б.Барклай-де-Толли

А.И.Горчаков

П.П.Коновницын

П.И.Меллер-Закомельский

А.И.Татищев

ное со строевой (фронтовой службой), а ко второму — все без исключения вопросы, «где есть оборот денежных сумм», т. е. часть экономическая (хозяйственная). Дела первого рода находились в ведении начальника Главного штаба Е.И.В. (им был назначен генерал-адъютант князь П.М. Волконский), второго — военного министра. Последний подчинялся начальнику Главного штаба, который являлся единственным докладчиком императору по всем проблемам, относившимся к военно-сухопутным силам государства.

ПРОИЗВЕДЕННАЯ реорганизация крайне негативно отразилась на состоянии русской армии, что и выявилося в войнах России с Турцией и Персией в 20-е годы XIX столетия. По этой причине вскоре стал широко обсуждаться вопрос о необходимости централизации военного управления, что и было произведено при военном министре генерале от кавалерии и генерал-адъютанте А.И. Чернышеве, ставшем одновременно и управляющим Главным штабом. С этого момента управление военно-сухопутными силами России фактически вновь оказалось сосредоточенным в одних руках. Военный министр отныне становился единственным докладчиком императору по всем делам военно-сухопутного ведомства. В должности военного министра А.И. Чернышев пребывал по 1852 год. Хотя некоторые исследователи и считают его одним из косвенных виновников поражения русской армии в Крымской войне 1853—1856 гг., однако справедливости ради необходимо отметить, что А.И. Чернышевым был осуществлен и ряд преобразований, направленных на укрепление военно-сухопутных сил России: несколько усовершенствована система их комплектования (в 1831 г. принят новый рекрутский устав), сокращены сроки действительной военной службы до 15—20 лет, усилена централизация военного управления, в 1832 году учреждена Военная академия (в 1855 г. переименована в Николаевскую

академию Генерального штаба), управление Генерального штаба (бывшее до 1827 г. управлением Свиты Е.И.В. по квартирмейстерской части), Военно-топографическое дело и корпус топографов объединены в департамент Генерального штаба.

Названные выше и другие частные преобразования начала 1830-х годов подготовили условия для более глубокого реформирования Военного министерства, которое было завершено в начале 1836 года, когда 29 марта Николай I утвердил новое «Учреждение Военного министерства», разработанное под руководством А.И. Чернышева. В соответствии с этим документом все дела по личному составу, размещению войск, их передвижению, по военным поселениям и иррегулярным формированиям, а также по структурам, сохранявшим связь с Военным министерством, были поставлены в исключительное заведование военного министра. Все, что касалось военного законодательства и военно-хозяйственной деятельности, передавалось в ведение Военного совета. Образованный 1 мая 1832 года для заведывания хозяйственной частью Военного министерства, он по «Учреждению Военного министра» от 29 марта 1836 года получил законосовещательные функции и фактически занял место департамента военных дел Государственного совета (в 1854 г. этот департамент прекратил свое существование). Военное министерство по «Учреждению...» 1836 года составляли: Главный штаб Е.И.В. (с 1 мая 1832 г. должность начальника этого органа для мирного времени упразднялась, а его структуры — канцелярия дежурного генерала, канцелярия генерал-квартирмейстера и др. — передавали свои дела в Военное министерство; окончательно этот процесс завершился к 1836 г.), Военный совет, девять департаментов (Генерального штаба, инспекторский, провиантский, комиссариатский, артиллерийский, инженерный, военных поселений, медицинский и аудиторский), канцеля-

в 2002 и 2007 гг., письмо к историку Л.Е. Шепелеву в 2003 г.) не увенчались успехом.

Пришла пора исправить эту досадную ошибку на страницах данного доклада.

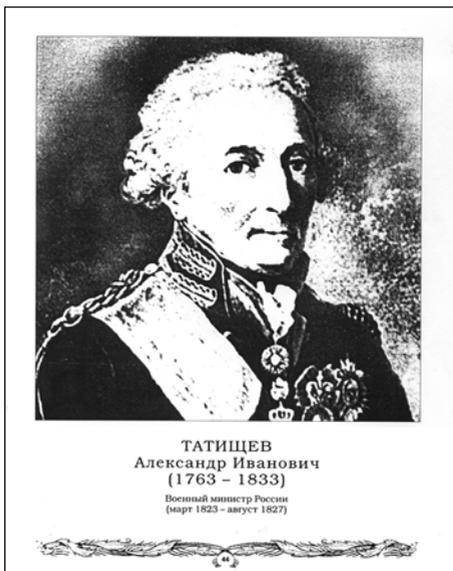
Наряду с этим мы реконструируем портрет А.И. Татищева, увеличив фрагмент рисунка В.Ф. Адлерберга и совместив его с подлинным автографом А.И. Татищева⁷.

Помимо спешки, проявленной в 2002 г. авторами вышеозначенных публикаций, эта ошибка объясняется серой и ничем не примечательной фигурой военного министра А.И. Татищева, занимавшего эту должность в 1824–1827 гг. при гораздо более авторитетном и близком к императору Николаю I начальнике Главного штаба е.и.в. И.И. Дибиче.

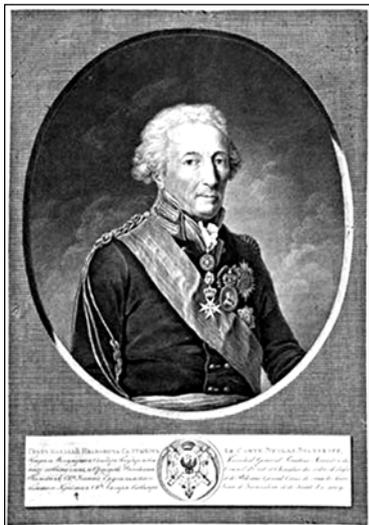
Кроме того, в силу своей глубокой личной религиозности⁸, А.И. Татищев, вероятно, был противником какого-либо живописного или графического отображения собственной личности – ничем другим (учитывая занимаемую им должность военного министра) нельзя объяснить факт отсутствия его портрета.

Поэтому до наших дней дошел только рисунок В.Ф. Адлерберга, сделанный на заседании Следственного комитета по делу декабристов в 1826 г., который мы и воспроизводим на страницах данного доклада.

Исправление этой ошибки и раскрытие загадки портрета А.И. Татищева вносит важное уточнение в портретную и военную историю Российского государства.

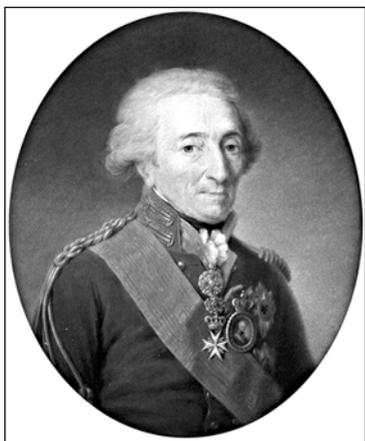
**Отсканированная копия с. 44 из
издания «Военные министры России.
Биографический сборник». М., 2002**

Портрет Н.И. Салтыкова.
Гравюра А.Г. Ухтомского,
1807 г.

Портрет Н.И. Салтыкова.
Гравюра А.Г. Ухтомского, 1807 г.
С автографом Н.И. Салтыкова

Портрет Н.И. Салтыкова.
Худ. М.Ф. Квадаль, 1807 г.

Портрет А.И. Татищева.
Рис. В.Ф. Адлерберга, 1826 г.
Фрагмент. С автографом
А.И. Татищева

Остается только догадываться, какой же портрет военного министра А.И. Татищева экспонируется в здании современного Министерства обороны Российской Федерации?

¹ Восстание декабристов: Документы. Т. XVI. М., 1986. С. 23.

² Лобов В.Н. Военные министры: вчера, сегодня, завтра // Воин России. 2002. № 9. С. 2–11; Градосельский В.В. Государственные деятели России во главе Военного министерства // Военно-исторический журнал. 2002. № 9. С. 2–12; Военные министры России: Биографический сборник. М., 2002. С. 44–45.

³ Портрет Н.И.Салтыкова. Гравюра А.Г.Ухтомского по оригиналу М.Ф. Квадаля 1807 г. (Из собрания ГМИИ имени А.С.Пушкина).

⁴ Ровинский Д.А. Подробный словарь русских гравированных портретов. Т. 3. СПб., 1888. Стб. 1931–1933. (Описание); Шильдер Н.К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование. Т. 1. СПб., 1897. Между С. 192 и 193; Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 3. Отдел 6. СПб., 1911. Между С. 96 и 97; и другие издания.

⁵ Во временной отрезок до 1808 г. (т.е. до реформы генеральских мундиров) генерал-майор А.И. Татищев служил в провиантском ведомстве и народном ополчении (милиции). (Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений 1802–1917. Библиографический справочник. [2-е издание]. СПб., 2002. С. 720).

⁶ А.И. Татищев не был кавалером орденов Св. Андрея Первозванного, Св. Иоанна Иерусалимского большого креста и не был удостоен наградного портрета с изображением императора Александра I. (Шилов Д.Н. Указ. соч. С. 720).

⁷ Примечательно, что авторы дореволюционного издания «Столетие Военного министерства. 1802–1902» воспроизвели на пустом листе только автограф А.И. Татищева, без его портрета. (Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 3. Отдел 6. СПб., 1911. Между С. 186 и 187).

⁸ Розен А.Е. Записки декабриста. Иркутск. 1984. С. 156.

А.С. Ракитин (Курск)

**«КОРМОВЫЯ РАЗДАТОЧНЫЕ КНИГИ»
СЕРПУХОВСКИМ БЕЛОМЕСТНЫМ КАЗАКАМ
ЗА 140, 142, 146, 147, 148, 150, 153 ГОДЫ¹**

РАЗДАТОЧНЫЕ КНИГИ денежного жалования серпуховским беломестным² казакам представляют собой типовой источник, являющийся примером документации, напрямую связанной с государственным обеспечением ратных людей Московского государства XVI–XVIII вв.

По Серпухову настоящие раздаточные книги имеются не за все годы существования здесь данной служилой корпорации. Так, в фонде Разрядный приказ (Ф. 210) Российского государственного архива древних актов (РГАДА, г. Москва) отдела «Дела разных городов» (Оп. 7а) раздаточные книги (Д. 8. Л. 7–48 об) представлены 1632, 1634, 1638, 1639, 1640, 1642 и 1645 гг., хотя сама локальная корпорация местного служилого казачества существовала в данном городе со времени окончания Смуты³. Стоит предположить, что денежное жалование серпуховские казаки стали получать как раз с начала 30-х гг., когда, собственно, и была составлена первая раздаточная книга.

Раздаточные книги имеют подписи и скрепы за каждые полугодие и год. Среди приложивших руку в них отметились сын серпуховского воеводы Федора Григорьевича Шишкина Иван, Лавр Ромоданов (вероятно, подьячий), священники города Серпухова: троицкий соборный поп Антип, воскресенский поп Гавриил («вместо прихоженина своево» Алфера Леонтьева, а также Семена Зиновьева) и воскресенский вдовый поп Зиновий – «вместо детей своих духовных».

Беломестные казаки Серпухова получали жалование непосредственно через Челобитный приказ. Как правило, доставка денег

поручалась наиболее авторитетному человеку из служилых или «жилицких» людей, в данном случае из Москвы в Серпухов «денежный корм» привозили казаки Иван Кадников и Перфилка Никитин.

Выдача денежного жалованья осуществлялась воеводами «пересмотря всех перед собой по списку», преимущественно на полгода: с 1 сентября (начала года по старому стилю) по 1 марта и далее – с 1 марта по 1 сентября, но с 17 января⁴ 146 (1638) г. года казаки стали получать жалованье на целый год.

Размер денежного жалованья серпуховским беломестным казакам по имеющимся раздаточным книгам 140, 142, 146, 147, 148, 150, 153 гг. не был стабилен и немного варьировался. Представим эти данные в виде следующей таблицы ниже.

**Выдача «кормового денежного жалованья»
беломестным казакам Серпухова за разные годы⁵**

Годы	Общая сумма	На человека	Кол-во казаков
7140 г.	18 рублей (на полгода)	10 алтын ⁶ человеку на месяц; на полгода 60 алтын	10 человек
21 июня 7142 г.	14 рублей 13 алтын 2 деньги (на полгода)	10 алтын человеку на месяц	10 человек
23 декабря 7142 г.	14 рублей 13 алтын 2 деньги (на полгода)	10 алтын на месяц, на полгода 60 алтын	8 человек
17 января 7146 г.	36 рублей (на год)	10 алтын человеку на месяц	10 человек (появляются Андриюшка Перфильев и Семейка Зиновьев)

«Кормовая роздаточная книга» серпуховским беломестным казакам

23 января 7147 г.	36 рублей (на год)	10 алтын на месяц челове- ку, 3 рубля 20 алтын на полгода	10 человек
12 февраля 7148 г.: «с сен- тября 1 числа по сентябрь ж 1 число 7149 г.»	36 рублей (на год)	10 алтын на месяц челове- ку, 3 рубля 20 алтын	10 человек
7150 г. января 30 числа: «ны- нешнего 7150 г. с сентября 1 числа – сентября ж по 1 число 7151 г.»	36 рублей (на год)	10 алтын на месяц челове- ку, 3 рубля 20 алтын	10 человек (умер Ол- ферко Леон- тьев, деньги взял его зять Сенька Ар- темьев)
7152 г. июня 15 числа	36 рублей (на год)	10 алтын на месяц челове- ку, 3 рубля 20 алтын	10 человек

Итак, отметим снижение полугодового жалованья серпуховским казакам – с 18 рублей общей суммы до 14 рублей 13 алтын 2 деньги, при этом месячный «корм» остался практически неизменным: 10 алтын на человека. Годовой увеличился с 28 до 36 рублей, что обусловлено, вероятно, какими-то финансовыми трудностями, возникшими в первые годы выдачи жалованья казакам.

* * *

В заключение настоящей статьи расскажем вкратце о судьбе этой небольшой локальной корпорации⁷. В середине XVI в. «казаками» назывались не только ратные люди, но и батраки, жившие в т.ч. в слободах серпуховских ремесленных и торговых людей⁸. В своей служилой ипостаси казаки в Серпухове появляются к 1620-м гг. Поселение их находилось на Афанасьевской горке. С момента появления здесь казаков их насчитывалось 10 дворов, хозяевами которых являлись: Иван Кадников, Алфер Леонтъев, Ларион Леонтъев, Савка Степанов, Васька Григорьев, Перфилка Микитин,

Микитка Васильев, Мишка Кириллов, Ивашка Спиридонов, Микифорка Соболев. В раздаточных книгах некоторые из них фигурируют не под отчествами, а с фамилиями: Наливайко (Наливай), Киселев (Кисель), Подовинников (Подовинник – региональное «домовой»), Сухой, Суб[б]ютин, Шахворостов, Соболев, Казаринов, Дробнин (заплетный мастер) и пр.⁹ В 20-х гг. XVII столетия серпуховские казаки служили с земли, жалование («корм») не получали¹⁰.

Весной 1648 г. всю корпорацию серпуховских беломестных казаков, наряду с карачевскими, белевскими и мещовскими, московское правительство запланировало перевести в новый город Белгородской черты – Болховец (Болховой). Казакам предписывалось ехать в Болховец, взяв с собой старших детей (в возрасте, т.е. после 16 лет), чтобы успеть вспахать пашни, посеять яровой хлеб и обустроиться дворами. На «Егорьев день» (23 апреля) служилые должны были привести сюда своих жен и младших детей. Однако, собрав Савку Шахворостова «со товарищи» в съезжей избе Серпухова, с их слов местный воевода Кирилл Арсеньев неожиданно узнал, что казак Василий Подовинников, находясь в Цареве Алексееве (Новый Оскол) на службе, в Серпухов по приказу не вернулся, «неведомо – жив, неведомо – умер», а его брат Фрол вместе с женой и детьми, взяв пожитки, скрылся в неизвестном направлении. Позднее в Разрядном приказе была получена челобитная от пожилого серпуховского казака Лариона Наливайко (Наливая). Он сообщал, что «человеченко бедный, стар и дряхл и увечен», по своим годам уже ко службе не годный. Старший сын его, Васька, слеп, а младший, Демка, в службу «не поспел», т.к. ему всего 13 лет. «Нас бедных на украинном городе слепым и глухим и старым с твоею государеву службу не будет» – печально резюмировал он в своем «челобитье» царю Алексею Михайловичу, просив оставить его в Серпухове, а в Болховец не переселять. В скором времени, 9 марта 1648 г., серпуховскому воеводе была доставлена грамота, по которой следовало не отправлять в Болховец старого казака Наливая с его семьей¹¹.

Сперва взамен обещанных 10 рублей подъемных денег на человека переселенцы получили по 8: «месечного корму ... дано не было с 1 сентября, подняться в Болховой нечем, ... наги и боси и голодни и безлошадни» – просили они в «челобитье», дабы «[по дороге на

Болховец] на степи з женишками и детишками голодною и студеною смертью не помереть». Впоследствии просьба казаков была уважена – челобитчики привезли в Серпухов и прочие города недостающие деньги (взятые из Холопьяго приказа)¹².

Разрешив последние проблемы с получением денежного жалования, шесть серпуховских казаков в марте 1648 г. прибыли в Болховец. В сентябре того же года была составлена роспись присутствующих в новом городе Белгородской черты служилых людей разных городов¹³. Казаки получили каждый по самопалу с замками¹⁴ с 20–30 пулями¹⁵.

* * *

Корпорация серпуховских беломестных казаков просуществовала не так долго, порядка 30 лет. При этом она была немногочисленная – всего 10 человек с момента поселения их в Серпухове. Судя по всему, длительное время (к примеру в 20-х гг. XVII в.) беломестные казаки «денежных кормов» не получали вовсе, служили со своей земли.

Мы не имеем сведений о характере их службы как в самом Серпухове, так и во время боевых действий, которые вело Московское государство (к примеру, Смоленская война 1632–34 гг.). Настоящая статья продолжает цикл работ автора по казачеству Береговой черты.

¹ Соответственно: 1632, 1634, 1638, 1639, 1640, 1642 и 1645 гг.

² Беломестные казаки, служили с т.н. «белой земли» – «обеленной» от налогов государства). По своему статусу были близки детям боярским. Корпорации беломестных казаков в XVII столетии наблюдались также в Карачеве, Мещовске, Шацке, Тамбове, Романове-в-степи, Путивле, Боровске, Оболенске, Кашире, Можайске и некоторых др. городах.

³ Здесь и далее основной анализируемый источник: РГАДА. Ф. 210. Дела разных городов. Оп. 7а. Д. 8. Л. 7–48 об.

⁴ Все даты в статье даны по старому стилю.

⁵ В таблице приводятся данные раздаточных книг в той форме, в которой они представлены в самом источнике.

⁶ 33 алтына и 2 деньги составляли 1 рубль.

⁷ См. подробнее: Ракитин А.С. Серпуховичи на Белгородской черте. К вопросу о переселении серпуховских беломестных казаков в г. Болховец (40-е гг. XVII в.). В печати.

⁸ См.: Сотная Серпуховская князя Фуникова 1552 г. // Симсон П.Ф. История Серпухова в связи с Серпуховским княжеством и вообще с отечественною историею. М. 1880.

⁹ Симсон П.Ф. Указ. соч. С. 280.

¹⁰ Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М. 1990. С. 233.

¹¹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 258. Л. 336–339.

¹² Там же. Л. 358, 363, 366.

¹³ Там же. Д. 259. Л. 167.

¹⁴ Кремневая пищаль.

¹⁵ РГАДА. Ф 210. Столбцы Севского стола. Д. 134. Л. 95.

Р.Н. Рахимов (Уфа)

ДРУЖИНЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОПОЛЧЕНИЯ КАЗАНСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА В 1914–1915 ГОДАХ: СТРУКТУРА, ВООРУЖЕНИЕ, УЧАСТИЕ В ВОЙНЕ

В СОСТАВЕ российской армии участвовали в боевых действиях и несли службу в тылу в годы Первой мировой войны части Государственного ополчения. В исторической литературе имеются отдельные публикации, в основном статьи В.Н. Клембовского, Д.С. Злобина, А.И. Григорова, Р.Н. Рахимова, параграф диссертации С.Ю. Окунева¹. Тем не менее, на наш взгляд, данная тема представляет лауну в историографии Первой мировой войны, несмотря на значительный интерес, поскольку ополчение считалось источником обученного резерва для армии, оно формировало дивизии 3-й очереди, ополченцы сражались на фронтах, а всего за годы Первой мировой войны армия получила 5 770 000 ополченцев².

В соответствии с «Положением об устройстве государственного ополчения» на него возлагалась в первую очередь задача несения охранной и караульной службы в тылу, но, как показала практика войны, многие дружины были направлены на фронт, где приняли участие в боевых действиях. Само ополчение состояло из пеших дружин, конных сотен, артиллерийских батарей и саперных полурот. Части входили в состав бригад государственного ополчения (6 пеших дружин, артиллерийская батарея, конная сотня, саперная полурота). Бригады, всего 124 номерных, две кавказские, две конные, составляли 10 корпусов государственного ополчения. Кроме того, в 1915 г. были сформированы две дивизии (1-я и 2-я) государственного ополчения.

Штат пеших дружин ополчения (до августа 1915 г.) был четырехротным: командир дружины в чине полковника, начальник хозяйственной части, адъютант, делопроизводитель суда, четыре ротных командира в чине капитана, шесть младших офицеров, четыре классных чина и 984 нижних чинов, из них 952 строевые, и 32 нестроевые. В августе-сентябре 1915 г. штат дружины был доведен до 1,5 тыс. человек.

Сформированные бригады имели общую по бригадам нумерацию. Дружины, батареи, сотни и саперные полуроты также отличались присвоенными им номерами. При этом к номеру дружины прибавлялось название губернии, из ратников которой она была сформирована.

Ратники ополчения делились на два разряда. К 1-му разряду относились не служившие в войсках годные к службе, но получившие льготы по семейному положению, а также отбывшие срок действительной военной службы и перечисленные в запас. Ко 2-му разряду относились единственные сыновья в семье и физически неполноценные.

На территории Казанского военного округа, сразу после мобилизации, согласно указам Сената от 18 и 21 июля 1914 г., началось формирование дружин государственного ополчения из числа ратников 1-го разряда. В течение 1914–1915 гг. были сформированы пешие 186-я, 228-я, 569–572-я, 718-я Астраханские, 193–202-я, 533–536-я, 553-я, 688-я, 689-я, 724–728-я, 735-я, 736-я, 782-я пешие, 1–6-я стрелковые Пензенские, 203–227-я, 561–564-я, 692-я, 693-я, 723-я, 729-я, 731–734-я, 752-я пешие Саратовские, 242–261-я, 555–559-я, 690-я, 691-я, 722-я, 727-я, 728-я, 782-я пешие Самарские, 236–241-я, 547–552-я, 687-я, 721-я, 737-я, 738-я пешие Симбирские, 271–276-я, 542–546-я, 685-я, 686-я пешие, 1-я и 2-я стрелковые Казанские, 285–294-я, 576–581-я, 698-я, 699-я, 720-я пешие, 1-я стрелковая Пермские, 295–306-я, 530–532-я, 697-я, 730-я пешие Вятские, 277–284-я, 514-я, 554-я, 574-я, 575-я, 696-я, 719-я пешие Уфимские, 26-я, 27-я, 262–270-я, 565–568-я, 694-я, 695-я пешие, 1-я стрелковая Оренбургские дружины государственного ополчения. В 1916–1917 гг. после отправки на фронт на Урале оставались шесть ополченческих дружин. В Оренбурге находилась 694-я, в Челябинске 695-я, в Уфе 696-я, в Вятке 697-я, в Перми 698-я и в Екатеринбурге 699-я дружина ополчения. Они объединялись в 56-ю ополченческую бригаду, управление которой располагалось

в Пензе, а та в свою очередь входила в состав 3-го корпуса государственного ополчения со штабом в Казани. Таким образом, из 937 дружин ополчения около 200 были сформированы в ходе войны в Казанском военном округе, это примерно 21 % всего ополчения.

Дружины несли караульную службу в полосе расположения армии и в тылу. Так, 719-я дружина государственного ополчения охраняла военнопленных в Забайкалье (Сретенск), 282-я дружина несла караулы на железной дороге в тылу Кавказской армии, ремонтировала мосты и железнодорожное полотно³.

Часть дружин была направлена на фронт, где использовалась в качестве пехоты. Это видно на примере 283-й пешей Уфимской дружины государственного ополчения, которая начала формироваться 25 июля 1914 г. (все даты даны по ст. стилю) полковником Адамом Галинским в Златоусте. В течение августа дружина пополнилась ратниками, чиновниками и офицерами, получила имущество, обмундирование (шинели, рубахи суконные, шаровары походные, фуражки, рукавицы) и вооружение (револьверы системы Наган, 4,2-линейные винтовки системы Бердана, шашки, незначительное количество тесаков). Винтовки и патроны к ним были получены от 580-й пешей Пермской дружины. В качестве саперного снаряжения имелись большие и малые лопаты, топоры, ломы, кирки.

Большинство ратников и офицеров прошло в свое время армейскую службу, многие участвовали в русско-японской войне и имели боевые награды. Офицеры, призванные из запаса, получили чины с приставкой зауряд, т.е. действительные на время службы. Императорским указом от 26 января 1915 г. зауряд-чины должны были иметь в нижнем ребре погона поперечную галунную нашивку по цвету металла прибора⁴. Поскольку ратники были как православные, так и мусульмане, в основном из Златоуста и Златоустовского уезда, то на дружину было выдано на головные уборы 373 ополченских креста и 164 мусульманские бляхи⁵.

25 октября были проведены учебные стрельбы, показавшие 53 % попаданий в цель. 7 ноября 283-я дружина получила, с Высочайшего соизволения, от города Златоуста знамя. Оно было освящено в Свято-Троицком соборе и передано городским головой⁶. 9 ноября личный состав принял «Клятвенное обещание»: православные – на русском, мусульмане – на арабском языке, специальный текст – для евреев, кстати, сам командир дружины был католик.

Командование отпускало солдат-мусульман в день религиозных праздников в город. Для отправления культов в частях по штатному расписанию полагался полковой священник. В том случае, если в части мусульман было более 500 чел., то в ней командир мог иметь полкового муллу. В тех частях, где мусульман было немного, командование старалось пригласить муллу из близлежащей мечети. Так, например, для принятия присяги в Уфимской дружине ополчения был приглашен мулла Армавирской соборной мечети, который после ритуала проводил собеседование с ратниками-мусульманами⁷.

11 ноября дружина в составе 48-й ополченской бригады 9-го ополченского корпуса по железной дороге была опрavelена в Петроград. По прибытию она была размещена в казармах на Петергофском проспекте и начала нести караульную службу в столице. С 29 ноября дружина несла караулы в Зимнем дворце⁸. 1 декабря ополченцы погрузились в вагоны и отправились на фронт в Винницу, а оттуда в Казатин, Броды, Львов, Городок. С 27 января 1915 г. дружина на фронте, занимала окопы у д. Гориславцы под Перемышлем (правый боевой участок восточного обложения австрийской крепости Перемышль). Ратники дружины приняли участие в ночных осадных работах, сменив на позициях 232-й пехотный Радомысльский полк. 10 февраля появились первые потери, были убиты ратники Загидулла Тахватуллин и Трофим Крохин, ранен Иван Смольников⁹. Ночные работы и обстрелы проходили на фоне метелей, сырой погоды.

6 марта австрийцы предприняли вылазку из крепости. С рассвета они начали наступать густыми колоннами. Командир 4-й роты, зауряд-капитан Сергей Шердаков, подпустив противника на сто шагов, сделал по нему несколько залпов, чем навел панику, и, видя, что австрийцев больше, чем его ратников, бросился на них с двумя взводами с криком «Ура» в штыки. Выбив саблю у австрийского офицера, он крикнул «Сдавайтесь!». После чего австрийские офицеры сложили оружие, а вслед за ними и солдаты. Всего в плен сдалось 8 офицеров и 500 солдат. В бою Шердаков и командир дружины были контужены. На другом участке прапорщик Маликов взял в плен 8 офицеров и 250 австрийцев¹⁰. К часу дня бой закончился, всего в плен попало 1500 австрийцев, было взято 3 пулемета, 1052 винтовки, дружина потеряла 13 чел. убитыми¹¹. За этот бой приказом по 11-й армии полковник Галинский был

награжден орденом Св. Владимира 4 ст. с мечами и бантом, зауряд-капитан Шердаков – орденом Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом, зауряд-капитан Рейнгольд Тальберг – орденом Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом, зауряд-поручик Александр Чемесов – орденом Св. Анны 4 ст.¹²

9 марта Перемышль сдался. Дружина 10 марта занималась уборкой трупов, а 11-го заняла караулы в крепости. С 16 марта поредевшую дружину пополнили ратники 441-й пешей Черниговской дружины государственного ополчения, всего 53 чел. В связи с изменением характера войны в дружину были переданы 8 пулеметов, 1500 ручных гранат, ракеты.

1 мая дружина вновь заняла окопы, уже обороняя Перемышль, подвергаясь артобстрелу противником. Например, 3 мая австрийцы выпустили 300 снарядов, 4 мая – 400, а 10, 11, 12 и 13 мая, судя по «Журналу военных действий», были ураганные обстрелы, когда считать количество разрывов было невозможно¹³. 5 мая дружина атаковала противника, но ее атака была отбита.

В связи с изменившейся на фронте обстановкой 21 мая по приказу командования русские войска оставили крепость без боя. Дружина переправилась через р. Сан и взорвала за собой мост. Нравственное состояние ратников и офицеров, как указано в «Журнале военных действий дружины», было «...ужасным и гнетущим. Отступить и бросить Перемышль тогда, когда неприятель и не думает нас преследовать. По слухам противник занял форты только в 3 часу, не ожидая, что они оставлены войсками»¹⁴.

За взятие Перемышля Георгиевскими крестами 4 ст. были награждены многие ратники. Почетную награду получили: фельдфебель Кирилл Поляков, старшие унтер-офицеры Петр Шин, Никон Королев, Иван Степанов, Григорий Казионов, Максим Пешков, Хрисанф Балчугов, Никита Вавилов, младшие унтер-офицеры Андрей Алешин, Спиридон Никулин, Ефим Новоселов, Михаил Карасов, Хайризаман Загидуллин (№ 235721), Федор Федоров, Федор Патраков, Шамсутдин Гемалетдинов (№ 235708), Василий Чесных, Емельян Южаков, Никифор Тараконов, ефрейторы Каюм Мужагитов (№ 235718), Гариф Ижбулдин, Елизар Естихин, Яков Останин, Иван Трапезников, Иван Свелинин, Андреян Носвинцев, ратники Матвей Бойцов, Николай Барагиев, Сергей Крупшиков, Емельян Жданов, Иван Бурмантов, Фазлыяхмет Шагиахметов (№ 268456), Фазлыяхмет Шагикамалов (№ 268459), Гайса Хисбуллин (№ 268458),

Емалетдин Низаметдинов (№ 434211), Гарифулла Мухаметхари-зов (№ 434213), Сатак Саметдинов (№ 434218). Большое количество ратников были награждены Георгиевскими медалями 4 ст., серебряными шейными и нагрудными медалями «За усердие» на владимирской и станицславской лентах.

С 27 мая дружина заняла новые позиции и в течение мая-июня вела боевые действия в Галиции. Многие ратники дружины отличились и в этих боях. Так, Юмагужа Мухамедьяров, уже имевший крест 4 ст. за русско-японскую войну, в бою 8 июня у д. Поршня первым бросился в атаку и взял в плен более 50 чел. австрийцев, за что был награжден Георгиевским крестом 3 ст. За этот же бой Георгиевский крест 4 ст. получили Загидуллин Мухаметшафик (№ 434217) и Фатхетдин Самсетдинов (№ 434218). Сайфульмулюк Шамситдинов и Мурзакамал Шарафетдинов 15 июня «первыми подбежали к сбитому неприятельскому аэроплану и обезоружили летчиков», за что были награждены Георгиевской медалью 4 ст.¹⁵ Ратник Абдулфаттах Абдулвалеев 17 мая 1915 г. выносил убитых и раненых с поля боя, «подвергая свою жизнь смертельной опасности», за что был награжден Георгиевской медалью 4 ст.¹⁶ Часть раненых ратников была отправлена в Златоуст, куда им были высланы награды. Например, Сабиржан Баширов из д. Медятова Дуван-Мечетлинской волости Златоустовского уезда получил Георгиевскую медаль 4 ст. уже на родине по почте¹⁷.

284-я пешая Уфимская дружина государственного ополчения (командир – полковник Игиевский) формировалась в Стерлитамаке в августе-сентябре. На вооружении она имела 4,2-линейные винтовки Бердана, полученные от ранее вооруженной ими 575-й пешей Уфимской дружины, а также шашки и тесаки. В сентябре дружина была перевооружена на трехлинейные винтовки. Обмундирование дружины имело полностью черный цвет. 16 ноября 1914 г. она прибыла в Петроград, где несла караульную службу, затем была направлена на Украину. Находясь в Петрограде, дружина участвовала 26 ноября в смотре на Петровской набережной, в это же время в ней была сформирована команда разведчиков. В ходе боевых действий дружина разделилась. 10 января 1915 г. в 500-ю пешую Калужскую дружину было передано 599 ратников, а 26 марта в дружину поступило 100 ратников 441-й пешей Черниговской дружины. В апреле-мае 1915 г. дружина участвовала в осаде Перемышля¹⁸. За подвиги были награждены: командиры рот

капитаны Шайхайдар Акчулпанов – орденом Св. Анны 3 ст. «для нехристиан установленным», Борис фон Луч, зауряд-капитан Борис Ружековский и старший врач Казимир Юшкевич – орденом Св. Анны 3 ст.¹⁹

Весной и летом 1915 г. большинство дружин Государственного ополчения было направлено на формирование пехотных полков дивизий 3-й очереди с 100-й по 127-ю. В их составе они продолжили свою боевую деятельность на полях Первой мировой войны.

¹ Клембовский В.Н. О дружинах государственного ополчения (По опыту войны) // Военное дело. 1918. № 19. С. 9–10; Злобин Д.С. Государственное ополчение на Урале в годы Первой мировой войны // Известия Уральского государственного университета. 2007. № 50. С. 166–173; Григоров А.И. Костромское ополчение в Великой войне 1914–1918 гг. // Романовские чтения. История Российской государственности и династия Романовых: актуальные проблемы изучения. Кострома, 2008; Рахимов Р.Н. Первая мировая война // История башкирского народа: В 7 т. Уфа, 2010. Т. V. С. 64–72; Он же. Ополченцы Златоуста в Первой мировой: Действия 283-й пешей Уфимской дружины государственного ополчения в 1914–1915 гг. // Во славу российского оружия: Сборник материалов научно-практической конференции. Златоуст, 2010. С. 203–206; Окунев С.Ю. Государственное ополчение в России в XIX в. – начале XX в. Автореф. дис. канд. ист. наук. СПб., 2005.

² Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986. С. 25.

³ РГВИА. Ф. 8514. 282-я пешая Уфимская дружина государственного ополчения. Оп. 1. Д. 15. Л. 110.

⁴ РГВИА. Ф. 8516. 284-я пешая Уфимская дружина государственного ополчения. Оп. 1. Д. 1. Л. 415.

⁵ РГВИА. Ф. 8515. 283-я пешая Уфимская дружина государственного ополчения. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.

⁶ Там же. Д. 11. Л. 26.

⁷ Там же. Ф. 8514. Оп. 1. Д. 15. Л. 168.

⁸ Там же. Ф. 8515. Оп. 1. Д. 3. Л. 5 об.

⁹ Там же. Л. 12 об.

¹⁰ Там же. Л. 16 об.–18.

¹¹ Там же. Л. 18 об.–19.

¹² Там же. Л. 20.

¹³ Там же. Л. 24, 26.

¹⁴ Там же. Л. 28 об.

¹⁵ Там же. Д. 22. Л. 517, 612.

¹⁶ Там же. Л. 331.

¹⁷ Там же. Л. 403.

¹⁸ Там же. Ф. 8516. Оп. 1. Д. 2. Л. 31–60.

¹⁹ Там же. Л. 59.

М.А. Ремизова (Тула)

ПОСЕЩЕНИЕ ТУЛЬСКОГО ОРУЖЕЙНОГО ЗАВОДА ЦЕСАРЕВИЧЕМ АЛЕКСАНДРОМ НИКОЛАЕВИЧЕМ

400-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ Дома Романовых, отмечаемый в этом году, вызвал новую волну интереса к царской фамилии. Несмотря на то что данная тема достаточно глубоко изучена, некоторые ее аспекты привлекают внимание и сегодня. Одним из таких аспектов является роль Дома Романовых в истории Тульского оружейного завода.

Размеры государства требовали от российских императоров и членов их семей постоянной мобильности. Часто маршрут высочайших путешествий пролегал через Тулу. Во время своего пребывания в городе Романовы особое внимание уделяли оружейному заводу, одному из первых крупных государственных оборонных предприятий, построенному по указу Петра I.

К числу основных источников изучения темы посещения оружейного завода августейшими гостями относится архив этого предприятия, хранящийся сегодня в Государственном архиве Тульской области¹.

Так, подробное описание приезда Его Императорского Высочества цесаревича Александра Николаевича в 1837 г., которому тогда исполнилось 19 лет, содержится в одном из документов этого архива и носит название «Дело об открытии в г. Туле, подобно как и в прочих губернских городах, выставки изделий, образцы фабричной, заводской, ремесленной и всякого рода промышленности и проч. к прибытию Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича и с маршрутом путешествия Его Высочества и о прибытии великой княгини Елены Павловны»².

Командиру Тульского оружейного завода генерал-майору Алек-

сандру Ивановичу Сиверсу было поручено подготовить выставку «всякого рода промышленности в том намерении, что сверх пользы могущей проистекать от заведения выставок они могут при предстоящем путешествии <...> Великого князя Александра Николаевича заслужить его особенное внимание». Подобные выставки были организованны во многих губернских городах по пути следования высоких гостей.

Приготовления к визиту наследника престола начались еще за год до его приезда, поскольку был известен точный маршрут цесаревича. Александр Николаевич должен был прибыть в Тулу 9 июля 1837 г. Оружейникам, имевшим фабрики и заводы и изъявившим желание участвовать в выставке, было объявлено о предоставлении их изделий к 15 апреля того же года.

От оружейного завода назначили двух депутатов из почетных оружейников для принятия изделий на выставку, расположения их по порядку и внесения в специально заведенную книгу, а также для того, чтобы они присутствовали на выставке во время ее посещения великим князем.

Сотенными людьми, представлявшими оружейное общество, было избрано два депутата: Иван Дементьевич Маликов и Максим Иванович Надежин. А.И. Сиверс утвердил их в звании депутатов.

Непосредственно перед визитом великого князя из Управления инспектора оружейных заводов Сиверсу поступило предписание, в котором говорилось, что при посещении Тулы наследник престола может изъявить желание посетить завод. В связи с этим командиру завода необходимо было позаботиться о том, чтобы завод находился в том же состоянии, что и при посещении его в 1835 г. императором Николаем I. «В чистоте и опрятности» должны были находиться арсенал, магазины, мастерские и все прочие заводские здания и особенно заводской госпиталь. Также следовало проследить за соблюдением порядка при хранении готового оружия и других казенных материалов.

В документах дела имеется рапорт оружейного цехового разряда командиру завода³, в котором высказывалась просьба за собственный счет оружейников в честь приезда великого князя иллюминировать набережную напротив здания правления завода. Сиверс просьбу оружейников удовлетворил: в двух лодках разноцветными фонарями были изображены вензеля императора и великого князя.

Особый интерес представляет рапорт генерал-майора Сиверса инспектору оружейных заводов генерал-адъютанту Храповицкому о посещении Александром Николаевичем завода 10 июля 1837 г.⁴ Из данного документа следует, что великий князь приехал на завод в 12 часов. Сразу посетил арсенал, где обратил внимание на образцовые ружья времен Петра I и Екатерины II. Подробно осмотрел оружейные детали в систематическом и последовательном порядке от первоначальной до конечной разработки. Устройством и расположением оружия остался доволен.

Затем Александр Николаевич зашел в церковь при заводе. После выхода из нее цесаревичу были представлены чиновники управления, а от сословия оружейников были поданы хлеб-соль.

Обязательным пунктом посещения стал корпус паровой машины, которая была установлена в 1834 г. и озаменовала новый этап в развитии энергетической базы предприятия. Паровая машина была главным достижением завода, высокие гости с интересом изучали ее устройство и принцип работы.

Здесь же великий князь заметил и одобрил устроенные при станках столики с перегородженными клетками, в которые оружейники укладывали детали и устанавливали инструменты, употребляемые в работе.

Особое внимание Александра Николаевича заслужил станок для отточки лож – изобретение механика Захаво⁵.

В замочной мастерской великий князь лично убедился во взаимозаменяемости деталей ружейных замков. В присутствии высокого гостя были разобраны пять замков, перемешаны детали, и замки собраны вновь за короткое время. Затем цесаревич собственноручно оттиснул на замочной доске и на медном приборе штампель.

В штамповом корпусе великий князь участвовал в заварке ствола и штыка, ударив несколько раз молотком. Кремневое драгунское ружье, в изготовлении которого он принял участие, было украшено в честь этого памятного посещения. На нем наведена золотом надпись: «Е. И. Высочество В. К. Цесаревич – наследник Александр Николаевич 10 июля 1837 года». На замочной доске: «Тула. 1837». Украшал ружье и делал надписи оружейный мастер приборного цеха Иван Сушкин⁶. В настоящее время это ружье находится в экспозиции Тульского государственного музея оружия (рис. 1).

Рис. 1. Ружье драгунское обр. 1828 г. Тульский оружейный завод. 1837 г. Мастер И. Сушкин. Тульский государственный музей оружия. Инв. № КП-143

При каждом штампе и прессе великий князь останавливался и наблюдал за производством деталей оружия. Затем он отправился на большую вновь отстроенную плотину.

На плотине он положил камень – «...будущую твердыню, которая остановит стремление воды и направит ее в русло нового завода». Он осмотрел бывшую демидовскую мельницу, где ежегодно обтачивали и полировали до 50 тыс. штыков и столько же шомполов. Здание было деревянное, и в связи с тем, что в нем располагалась кузня для калия, а во время ночной работы мастера использовали свечи, существовала повышенная опасность возгорания.

Великому князю была продемонстрирована готовность на случай возгорания: все мастеровые были распределены к трубам и разным пожарным инструментам. По сигналу они подвезли трубы и облили здание. Александр Николаевич одобрил действия оружейников и похвалил их за расторопность.

Беглым огнем из 520 стволов в пробной галерее завершился визит цесаревича на Тульский оружейный завод.

Осмотр продолжался 2,5 часа. Наследник престола «объявил удовольствие за найденный порядок» и пожаловал оружейникам 1000 руб.

В конце своего рапорта А.И. Сиверс указал, что «...поведение всех чиновников было похвально. При фейерверке и иллюминации не было ни одного несчастного случая. И ни одного пьяного оружейника, взятого под стражу <...>. Происходило тихое спокойное веселье в честь радостного события, люди пели песни».

Оружейники брата Татариновы в ознаменование высочайшего визита подарили оружейному обществу место и дом для заводской школы. Старая была расположена в деревянном и неудобном здании. Дом не был отделан, но находился в удобном месте: на улице Московской, на пересечении слобод.

Будучи наследником престола, Александр Николаевич еще раз посетил Тульский оружейный завод 26 сентября 1845 г. В Государственном архиве Тульской области сохранился рапорт командира оружейного завода генерал-майора Лазаревича о посещении завода Е. И. Выс. наследником Цесаревичем и его Великогерцегским Выс. принцем Александром Гессенским⁷.

Гости осмотрели старые заводские корпуса: паровой и штамповой. Собственноручно участвовали в заварке ствола и ковке штыка. После чего осмотрели новый верхний и нижний заводы.

На первом этаже верхнего завода были пущены приводы, устроенные для действия станков, а в подвальном помещении были установлены точила.

В этот же день высочайшие гости посетили заводскую школу, арсенал и госпиталь.

Перед отъездом Е. И. Высочество объявил, что был полностью удовлетворен осмотром завода.

В фонде Тульского оружейного завода хранится дело «О врезке надписи на стволе в ознаменование памяти визита на завод в 1845 г. Е. И. Выс. наследника Цесаревича и Е. И. Выс. Вел. кн. Константина Николаевича»⁸.

12 сентября 1859 г. Александр Николаевич вновь посетил Тульский завод, но уже как император Александр II⁹.

Практически при каждом своем посещении члены Дома Романовых собственноручно участвовали в различных этапах производства оружия: заварке, штамповке и т.д. Начало этой традиции положила императрица Екатерина II. Так, находясь на заводе в декабре 1775 г., она приняла участие в заварке ружейного ствола, трижды ударив по нему молотком¹⁰ (рис. 2).

Помимо кремневого драгунского ружья, о котором говорилось ранее, в Музее оружия хранится пехотная винтовка обр. 1870 г., украшенная в честь посещения Тульского оружейного завода императором Александром II в 1875 г. мастерами Николаем Морозовым и Алексеем Полосатовым. На винтовке золотом наведена надпись: «Его Императорское Величество Государь император

Рис. 2. Карбин ударно-кремневый. Тульский оружейный завод, 1775 г. Тульский государственный музей оружия. Инв. № КП-476

Александр Николаевич в память посещения Тульского оружейного завода 1 сентября 1875 года соизволил собственноручно оттиснуть на сем стволе название завода». Ниже этой надпись «Тульский оружейный завод, 1875 г.». На шейке приклада со всеми мельчайшими подробностями вырезан герб Российской империи, в центре которого вензель Александра II. На цефье вырезан герб Тулы, символизирующий «примечания достойный и полезный оружейный завод». Герб Тулы увенчан короной и обрамлен лавровой и дубовой ветвями¹¹ (рис. 3).

4 февраля 1911 г. мастера Тульского оружейного завода обратились к начальнику завода с прошением возбудить ходатайство о разрешении сооружения памятника императору Александру II на их личные средства. В этой связи позднее был создан «Комитет по сооружению памятника Императору Александру II в память освобождения 14 апреля 1864 г. тульских оружейников от обязательного труда и по устройству празднования этого события». В феврале 1917 г. бронзовая статуя памятника была выслана на Тульский оружейный завод через Петроградский артиллерийский склад, однако установлена не была¹².

Посещения Тульского оружейного завода великим князем Александром Николаевичем, а позднее императором Александром II являются типичными примерами многочисленных визитов членов царствующей семьи на это предприятие. Несомненно стимулирующее влияние таких посещений на деятельность завода.

**Рис. 3. Винтовка
пехотная обр. 1870 г.
Тульский оружейный
завод. 1875 г.
Мастера Н. Морозов,
А. Полосатов.
Тульский
государственный
музей оружия.
Инв. № КП-1148**

И здесь важно не только стремление администрации представить предприятие в лучшем виде, что влекло за собой наведение образцового порядка. Существенно большее значение имел моральный стимул, каким являлось внимание царя и членов его семьи к работникам завода, высокая оценка их труда, выражавшаяся обычно в материальном вознаграждении.

Проведенное исследование затрагивает лишь один из многих аспектов исторической связи Дома Романовых и Тульского оружейного завода. При этом проблема роли царствующей династии в развитии тульского оружейного дела остается заметной лакуной российской исторической науки.

¹ Государственное архивное учреждение Тульской области «Государственный архив» (далее ГАУ ТО).

² ГАУ ТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 1256. Л. 1–32.

³ Там же. Л. 18.

⁴ Там же. Л. 25–29.

⁵ Камоликов А. Павел Дмитриевич Захава и его потомки // Тульский краеведческий альманах. Тула, 2006. № 4. С. 95–97.

⁶ Будаева Л. Царские ружья из собрания Тульского государственного музея оружия (к визитам членов царской семьи на Тульский оружейный завод) // Тульский краеведческий альманах. Тула, 2004. № 2. С. 32.

⁷ ГАУ ТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 1256. Л. 1–2.

⁸ Там же. Д. 1326. Л. 1–2.

⁹ Дом Романовых и Тульский край: хроника событий и фактов / сост. И.А. Антонова [и др.]. Тула: Борус, 1993. С. 7.

¹⁰ История тульского оружейного завода. 1712–1972 / отв. ред. З.П. Козырева. М.: Мысль, 1973. С. 54–55.

¹¹ Будаева Л. Указ. соч. С. 33.

¹² Дом Романовых... С. 15.

А.А. Рогожин (Орел)

**ДЕНЕЖНОЕ ЖАЛОВАНИЕ НАЧАЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ ПОЛКОВ «НОВОГО СТРОЯ»
В КОНЦЕ 1660-х – НАЧАЛЕ 1680-х ГОДОВ
(К ВОПРОСУ О ПОЛИТИКЕ
РУССКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
В ОБЛАСТИ ВОЕННОЙ ЭКОНОМИИ)**

XVII ВЕК принес России множество изменений, преобразивших облик государства и его жителей. После тяжелейшего периода Смуты началось восстановление разрушенного государственного хозяйства, сочетавшееся с глубокими переменами в различных сферах жизни общества. Одной из таких сфер стали вооруженные силы Русского государства, которые в 1630-х гг. навсегда поменяли свой прежний вид. В период подготовки к войне с Речью Посполитой за возвращение утраченных в годы Смуты земель (т.н. Смоленская война 1632–1634 гг.) были организованы первые полки западноевропейского типа, полки «нового строя», а всего к 1634 г. в составе русской армии должны были быть 12 солдатских полков, 1 рейтарский полк, 1 драгунский полк и одна отдельная рота¹. Эти полки поставили перед русским правительством по-новому проблемную денежного жалования для служилых людей. Старая система, сочетавшая службу с поместьем, т.е. поместную конницу, со служилыми «по прибору», стрельцами, получавшими деньги, переставала отвечать потребностям времени. Поместное землевладение в Смутное время было серьезно подорвано, на его восстановление могли уйти десятилетия и не приходилось рассчитывать на то, что дворяне и дети боярские служилых «городов» смогут массово «подниматься» на службу без поддержки правительства². В полках «нового строя» служили «вольные гулящие» люди и даточные, казаки, бедные дети дворянские, которые не могли служить без материальной помощи

со стороны государства. При этом в 1630-е гг. весь командный состав новых полков, а во второй половине XVII в. значительная его часть, были представлены иностранцами, которые, естественно, служили с денежного жалованья, особенно с 1653 г., когда иностранцы лишились возможности владеть поместьями с крестьянскими и бобыльскими дворами³. Все это вынуждает отнестись с большим вниманием к вопросу о денежном жалованье в полках «нового строя», в первую очередь к денежному жалованью начальных людей полков, а точнее даже – об изменении системы выплат этого жалованья как одном из аспектов правительственной политики в области военной экономики, настойчиво претворяемой в жизнь во второй половине XVII в., особенно после русско-польской войны 1654–1667 гг. Мы в нашем исследовании ограничимся концом 1660-х гг., т.е. завершением войны с Речью Посполитой с одной стороны, и завершением русско-турецкой войны 1672–1681 гг. с другой.

Прежде чем делать предварительные замечки по этому вопросу, сосредоточимся на историографии. Наиболее подробно вопрос особенности выплаты денежного жалованья начальным людям полков «нового строя» в конце 1660 – начале 1680-х гг. рассмотрел в своей докторской диссертации А.В. Чернов⁴. Он заметил практически все основные действия русского правительства по сокращению расходов на содержание начальных людей полков «нового строя», но не стал рассматривать подготовительную работу, предшествовавшую царским указам, связанную, в частности, с разбором русских начальных людей в полках «нового строя» на юге страны. Да и вопрос о том, сколь значительно эти правительственные усилия способствовали реальной экономии средств, А.В. Чернова, к сожалению, не заинтересовал. Вопрос о системе выплаты денежного жалованья начальным людям московских выборных полков солдатского строя в 1650–1660-е гг. затрагивал А.В. Малов⁵. П.В. Седов в своей монографии⁶ исследовал попытки сокращения военных расходов, в том числе и денежного жалованья начальным людям, в 1681–1682 гг. и пришел к выводу, что военные реформы кн. В.В. Голицына и действия Ответной палаты состояли «не в коренном переустройстве вооруженных сил, а в переводе армии на положение мирного времени при сокращении расходов на ее содержание»⁷, т.е. вопросу экономии уделялось первостепенное значение. Также вопроса о денежном жалованье вообще в полках «нового строя» в годы русско-турецкой войны 1672–1681 гг. касался

М.Ю. Зенченко, рассуждавший о противоречиях между растущими военными затратами и ограниченностью финансовых возможностей Русского государства⁸. Таковы основные работы, касающиеся в той или иной степени нашего вопроса, и историография свидетельствует, что вопрос о политике в области военной экономики требует дополнительного изучения.

Рассмотрим вкратце основные этапы развития системы денежного жалования начальных людей полков «нового строя» в России. В период Смоленской войны с Речью Посполитой в 1632–1634 гг. иностранные полковники и другие начальные люди получали огромное денежное жалование. Командир единственного тогда в России рейтарского полка полковник С.Ш. Д'Эберт получал жалование в 400 рублей в месяц⁹, а солдатские полковники получали ежемесячно из царской казны по 250 рублей¹⁰. Добавив к этой сумме еще и то, что каждый иностранный солдат получал из казны в среднем около 5 руб. ежемесячно, получим годичный расход на четыре полка, укомплектованных одними иноземцами, примерно в 240–250 тыс. рублей¹¹. К этой же сумме стоит прибавить стоимость для казны полков «нового строя», состоящих из русских людей. Каждый «русский» полк в целом обходился дешевле – на содержание затрачивалось немногим более 4 тыс. рублей в месяц на один полк¹². Уже после Смоленской войны 1632–1634 гг., в связи с организацией полков «нового строя» по решению правительства царя Алексея Михайловича, были учтены ошибки прошлых лет, и денежное жалование начальных людей было существенно урезано. По «Смете...» 1663 г. жалование полковника рейтарского строя колебалось от 40 до 50 рублей, но подавляющее большинство рейтарских полковников (25 из 31) получали именно 40 рублей в месяц¹³. Командиры солдатских полков в чине полковника получали от 25 (1 человек) до 50 (1 человек) рублей в месяц, причем больше всего полковников (12 человек из 35¹⁴) получали денежное жалование в 30 рублей в месяц¹⁵. При этом разница в жалование между полковниками и генералами была весьма значительна. Генерал Т. Далйелл и генерал-поручик У. Драммонд получали по 100 рублей в месяц, а генерал-майор Д. Крофорд получал 90 рублей¹⁶. Подполковник или «полуполковник» рейтарского строя получал 18 рублей, майор – 16 рублей, ротмистр – 13 рублей, поручик – 8 рублей, прапорщик – 7 рублей¹⁷. В солдатских и драгунских полках полковники получали жалование 30 рублей в месяц, подполковники – 15, майоры – 14,

капитаны – 11, поручики – 8 и прапорщики – 5 рублей с половиной¹⁸. Однако и такого урезания денежного жалования было недостаточно, затянувшаяся война с Речью Посполитой поставила перед русским правительством проблему сокращения военных расходов со всей остротой, и первоначальный выход, казалось, был найден в авантюре с медными деньгами¹⁹.

Медные деньги, ставшие основным средством денежного обращения вместо серебра, серьезно подорвали финансовую независимость начальных людей. Проблема заключалась в том, что с начала с 1660-х гг. медные деньги стали падать в цене по отношению к серебряным. Русское правительство выплачивало жалование медными деньгами, и продолжающееся падение их ценности отражалось на положении служилых людей²⁰. Медные деньги представляли опасность и для русских гарнизонов на завоеванной в течение войны с Речью Посполитой (1654–1667 гг.) территории²¹. При этом иностранные начальные люди боролись за свое жалование. П. Гордон писал в своем дневнике: «В день именин царя мы подали петицию, представляя наше несчастное положение по причине дешевизны медной монеты, коих ныне идет 15 за одну серебром, и просили платить нам в серебряных деньгах, или же по их стоимости в медных, а иначе предоставить нам свободный выезд из страны»²². Это был тяжелейший момент, в мае-июне 1663 г. действительно в Москве давали 15 рублей медью за один серебряный рубль²³. Недовольство медными деньгами широких кругов населения Русского государства, волнения в Москве и других городах и давление со стороны служилых людей привели к отмене 15 июня 1663 г. медных денег. В первую очередь перемены затронули иностранных начальных людей. «К нашей великой радости и утешению медные деньги были отменены, и нам выдали полуторамесячное жалование серебром... При отмене денег было объявлено, что те, у кого есть медяки, должны сдать их в казну, откуда им выплатят за оные серебром. 16-го несколько сот рублей были обменены по десять за один [серебром] лицам всякого звания, а назавтра еще несколько – все им дабы предотвратить мятеж, коего опасались»²⁴, – писал П. Гордон в июне 1663 г.

Провалившаяся затея с медными деньгами и продолжающаяся война обострили проблему выплаты денежного жалования. В 1660-е гг. начались серьезные трудности со своевременной выдачей денег, что было внове для иностранных начальных людей и вызывало у них

протест. Русским командирам оставалось лишь надеяться на царскую милость, тогда как в руках иностранных полковников и генералов были более действенные средства. Угроза отъезда обратно за границу в период военных действий была серьезным оружием в этой борьбе. Псковский воевода А. Бутурлин писал царю в октябре 1663 г. о том, что в приказную избу «с большим шумом и невежеством» пришли «рейтарского и солдатского строю иноземцы полковники и подполковники и всяко начальные люди» с требованием полностью дать причитающееся жалованье. В противном случае иностранцы говорили, что они «пойдут в рознь в свои земли за рубеж» и на псковского воеводу это подействовало, он начал стремительно искать средства, чтобы выплатить начальным людям жалованье²⁵. В середине 1660-х гг. полковники Ф. Вульф, Я. Фанзагор и Д. Граф «без отпуску» оставили службу в Белгороде и отправились в Москву «бити челом» о своих нуждах, а именно, о невыплаченном за несколько месяцев жалованье. Вопрос с жалованьем был решен, но получать деньги в Белгороде иностранцы отказались, вдобавок желая еще и оставить русскую службу совсем и вернуться в Европу, чем прогневали царя Алексея Михайловича. Думный дьяк Д. Башмаков передал полковникам, что они могут идти «в свою землю без отпуску как приехали», без царской похвальной грамоты и остальных документов. Иностранцам же «без твоиго государева указу и без отпуску в свою землю ехат не мочно», они просили «отпустить им вины» и отправить снова в Белгород, но деньги все-таки выдать в Москве²⁶.

Но даже после окончания войны с Речью Посполитой и заключения Андрусовского перемирия в 1667 г. проблема денежного жалованья осталась. Раньше русское правительство подстегивала необходимость отыскать деньги для служилых людей, участвующих в военных действиях, теперь же значительная часть начальных людей, в том числе и командиры полков, были «за полками», т.е. не несли реальную службу, а проживали в Москве, отправляясь на службу по мере надобности. Именно за счет этих начальных людей русское правительство и решило сэкономить денежные средства. А.З. Мышлаевский считал, что первое ограничение в денежном жалованье начальных людей полков «нового строя» было введено еще в 1634 г., когда было решено выдавать деньги по трем окладам: полный оклад давался только начальным людям «в полках», т.е. на действительной военной службе, начальным людям в гарнизонах,

несшим «городовую службу» давали 2/3 жалованья, а начальные люди «за полками» довольствовались третью своих окладов²⁷. В русско-польской войне это ограничение практически не действовало, правда, беспоместным русским начальным людям московских выборных полков, жившим в Москве в отсутствие служб, еще в 1666 г. давалось половинное жалование²⁸, но до сентября 1668 г. «новокрещенные и иноземцы» начальные люди продолжали получать денежное жалование «по вся месяцы против их месячных окладов сполна денгами да в зимнее время конской корм по указным статьям». Теперь же это досадное «упущение» нужно было исправить ради нужд государственной экономии.

30 сентября 1668 г. после того, как царь Алексей Михайлович заслушал предоставленные ему Разрядным приказом выписки о жалованье начальных людей, было решено с 1 сентября на весь 7177 г. (1668/1669 г.) иностранцам «за полками» давать половину денежного оклада, причем лишь четверть оклада деньгами, а четверть солью (впрочем, соль вскоре перестала быть средством оплаты). В указе замечалось, что «ни в которых государствах полных кормов без службы не дают», при отправлении же на службу жалование будет выдаваться полностью, по старым окладам²⁹. Позже это объяснялось предельно просто, ведь «на Москве начальных людей за полками умножилось, а наше государево жалование дать им против начальных людей, которые у полков, и от того в дачах нашей государеве денежной казне истеря напрасная»³⁰. Но и на этом русское правительство не остановилось, и жалование начальных людей «за полками» продолжило снижаться. Почти через год, в августе 1669 г., очередной указ устанавливал «за полками» с 1 сентября жалование равное трети оклада. Вдобавок начальным людям давалось соотнесенное с месячным денежным окладом хлебное жалование, «сколко корму кормовых денег по окладу на один месяц и тому столко четь ржи и овсу»³¹, «в московскую таможенную меру». Вернее, он получал денежный эквивалент зерна, в указе говорилось, что «вместо того хлеба давать им денгами по той <...> средней цене, по чем хлеб в торгу купят». В довершение начальному человеку давалось еще и несколько пудов соли, в зависимости от чина – полковнику с денежным окладом в 50 рублей в месяц полагалось 20 пудов соли на год³².

Первоначально, если судить по составным частям служебного вознаграждения, хлебу и соли, правительство пыталось претворить

в жизнь изменение с возможно меньшими потерями для начальных людей. Рожь и овес представляли собой фактически жалование за пятый месяц, потому что «средняя цена» юфти хлеба в 1670-х гг. была 93 коп.; в частности, полковник за свои 50 юфтей хлеба получил 46 рублей, 16 алтын, 4 деньги³³. Добавив сюда еще и соль, получаем, что очередное понижение жалования начальным людям «за полками» в реальности не так уж заметно отличалось от предыдущего, т.е. правительство попыталось смягчить для иностранного командного состава последствия вынужденной экономии. Через некоторое время соль перестали давать в качестве части жалования, и жалование иностранным начальным людям «за полками» составляло треть годового денежного оклада (т.е. четыре месячных оклада) и, вдобавок, деньги за хлеб, почти вровень с месячным окладом. После нескольких месяцев существования нового принципа выплаты жалования иностранным начальным людям «за полками» этот опыт был признан удачным, и его было решено распространить и на русских офицеров полков «нового строя». 17 июня 1670 г. царь указал русским начальным людям Белгородского разрядного полка, которые уже были на службе, давать годовое денежное жалование «против иноземцов полковников же и всяких чинов начальных людей прежних их кормовых денег треть да к тому хлеба по указным статьям, а вместо того хлеба давать им денгами»³⁴.

В октябре 1671 г. (4 октября 1680 г.) из Москвы боярину и воеводе Белгородского разряда кн. Г.Г. Ромодановскому был отправлен указ о проведении «разбора» начальных людей полков «нового строя»³⁵. Кн. Г.Г. Ромодановский должен был собрать с начальных людей «скаски», в которых писалось, сколько поместной и вотчинной земли имеет человек, число крестьянских и бобыльских дворов, а также других угодий. При этом оговаривалось, что «за кем особых дач нет, а есть поместья и вотчины за отцом или за большую или за меньшую братьюю, а они с ними живут не в розделе, а им с тех поместей и вотчин государеву службу в Севском и Белогодском полках мочно служить за полками без жалования»³⁶. «Скаска» остальных начальных людей боярин и воевода должен был внимательно рассмотреть, «а разсмотри о том <...> велено писать к великому государю и начальных людей скаски и из сказак выписку в тетратех и перечневую роспись за дьячьёю приписью прислать в Розряд»³⁷. В феврале-марте 1672 г. кн. Г.Г. Ромодановский закончил

основную работу по сбору «скасок» и отправил выписку и «перечневую роспись» в Москву. В Москве дело с рассмотрением материалов «разбора» затянулось, так что самому боярину и воеводе в августе пришлось снова писать в Разрядный приказ, замечая, что определить без указаний из Москвы, кому из начальных людей служить без жалованья, он не может, «для того что в прежних <...> грамотах <...> не написано каких чинов и с скольких дворов начальным людям <...> служить без жалованья»³⁸. 1 сентября 1672 г. князю была отправлена долгожданная грамота с решением по этому вопросу. Начальным людям белгородцам, курянам и других «ближних городов», поместным и малопоместным, велено с 7181 г. (т.е. с 1 сентября 1672 г.) «за полками» денежного и хлебного жалованья не давать. Важность грамоты заключалась в том, что этих начальных людей, переписав «по городам и чинам», кн. Г.Г. Ромодановский теперь должен был отставить от службы, т.е. перевести «за полки», а на их место просить нужное число иностранных начальных людей из Москвы³⁹.

В чем смысл царской грамоты? Дело заключалось опять-таки в экономии. Отправляя на службу иностранцев и одновременно переводя «за полки» русских начальных людей, владевших поместьями и вотчинами с крестьянскими и бобыльскими дворами в уездах Севского и Белгородского разрядов, правительство вновь добивалось уменьшения расходов на полки «нового строя». Арифметически все просто. Иностранцы, живя в Москве, получали треть своего годового денежного жалованья, да вдобавок жалованье получали русские начальные люди, служившие на юге. Переводя «за полки» поместных и малопоместных русских начальных людей и переставая давать им жалованье, правительство теперь должно платить деньги лишь отправленным на южные границы иностранцам, пусть уже и не треть жалованья, а полностью.

Также боярину и воеводе указывалось провести аналогичный «разбор» начальных людей, только теперь «дальних и замосковских» городов, чтобы определить, кому давать жалованье полностью, «кому из них же поместным и вотчинным мочно служить государеву службу с половины или с трети или с четвертого жеребья годового жалованья указные статьи». Одновременно с этим в Москве было решено уточнить порядок пожалования чинами в полках «нового строя», оберегая русскую армию (а в первую очередь финансы) от излишнего числа начальных людей. В военное время

воевода разрядного полка теперь мог повышать в чине до ротмистра (у рейтар) или капитана (у драгун или солдат) включительно, причем лишь при «убылых местах», т.е. вакансиях, и, соответственно, нельзя было приписывать к полкам вновь пожалованных в чин начальных людей, если там и так был весь штат командного состава. В мирное время воевода вообще не имел возможности повышать в чине без ведома Москвы, а об «убылых местах» мог лишь писать в Разрядный и Иноземский приказ, где и решалось дело⁴⁰.

Вскоре русское правительство продолжило свою политику экономии, в первую очередь в отношении русских начальных людей полков «нового строя». Еще в период русско-польской войны для начальных людей полков «нового строя» были введены вычеты из месячного денежного оклада за крестьянские и бобыльские дворы. В частности, в московских выборных полках солдатского строя в 1660-е гг. у подполковника вычитали за каждый двор по 25 коп., у майора вычитали 22 коп., у капитанов – 15 коп., у поручиков – 12 коп., у прапорщиков вычитали 10 коп., а у полковников деньги за владение дворами не вычитались⁴¹. В 1670-е гг. вычеты начали делать и из полковничьих окладов. В 1670 г. за каждый крестьянский двор из денежного жалованья рейтарского, солдатского или драгунского полковника вычитали 35 коп., у солдатских и драгунских подполковников – 24 коп., а рейтарских подполковников – 25 коп., у майоров от 22 до 25 коп., у ротмистров – 22 коп., капитанов – 15 коп., у поручиков от 12 до 20 коп., а у прапорщиков вычеты за крестьянский двор составляли те же 10 коп., что и ранее. Но уже через три года эта система была ужесточена, распространившись на малопоместных и пустопоместных начальных людей. С 1673 г. для них были также введены вычеты из жалованья, только не за крестьянские и бобыльские дворы, а за четверти поместной земли. С каждой четверти поместья из годового жалованья начальных людей «ближних городов» Белгородского разряда вычиталось по полтине, у дворян и детей боярских замосковных городов вычитали по 8 алтын 2 деньги, а у «заоцких» – по 10 алтын. Начальные люди, у которых после вычетов денежные оклады «вышли», должны были служить без жалованья⁴². Впрочем, вычеты за четверти поместной земли были отменены после Чигиринских походов. В 1677 г., в один из самых напряженных периодов русско-турецкой войны, малопоместные и пустопоместные начальные люди Белгородского полка подали челобитную, в которой утверждалось, что

из-за вычетов они служат вообще без жалованья, и они просили царя давать денежное жалованье «против их братья беспомесных» или же «от тех полков их переменить и отставить, что де без годового жалованья служить мочи их не стало»⁴³. Русское правительство, идя навстречу настойчивым просьбам, с 1679 г. отменило эти вычеты из годовых денежных окладов малопоместных и пустопоместных начальных людей⁴⁴.

«Разбор» боярина и воеводы кн. Г.Г. Ромодановского, закончившийся в 1673 г., показал, что в Севском и Белгородском полках был 91 начальный человек⁴⁵, относящийся к беспоместным, малопоместным и пустопоместным дворянам и детям боярским, а 115 начальных людей⁴⁶ должны были отныне служить «за полками» без жалованья⁴⁷, т.е. 56 % русских или «новокрещеных» начальных людей Севского и Белгородского полков «за полками» вообще существовали без денег. В 1670-е же гг. русское правительство, не желая тратить ограниченные денежные средства, собственно деньгами выплачивало лишь часть оклада. Распространенной была практика выплаты половины положенной суммы деньгами из Иноземского приказа, а второй половины соболями и «мягкой рухлядью» из Сибирского приказа, причем порой начальные люди были вынуждены несколько месяцев ждать, пока «соболиная казна из Сибири придет»⁴⁸. В 1678 г. отправленным на службу начальным людям давали три четверти оклада деньгами и только четверть соболями; начальным людям, служившим в 1679–1680-х гг. в полку боярина и воеводы кн. М.А. Черкасского «с товарищи», давали две трети оклада деньгами и треть соболями⁴⁹. Полковник П. Мензис в 1674 г. получал треть суммы деньгами из Большого прихода, а две трети соболями из Сибирского приказа⁵⁰ и т.д. Осенью 1681 г., после завершения войны с Османской империей, иностранным начальным людям, ведомым в Иноземском приказе, было предложено получить свое жалованье деньгами, но лишь 3/4 от нужной суммы, вместо трети годового денежного жалованья – четверть. Сначала, в сентябре 1681 г., выдавали половину от трети годового денежного оклада (т.е. 1/6 часть), а затем в январе-феврале 1682 г. «за другую половину денгами вполы» (т.е. 1/12 часть годового жалованья), причем, если начальные люди откажутся от этого варианта, русское правительство рассчитывало им выдать жалованье по-прежнему – половину деньгами, половину соболями из Сибирского приказа⁵¹.

На действительной службе начальные люди получали денежное жалованье полностью, «по окладам», что было просто необходимо, ведь продовольствие для себя, корм для лошадей и т.п. служилые люди должны были доставать сами, и для иностранцев, не имеющих поместий и вотчин, денежное жалованье было единственным источником обеспечения. В то же время выдача денежного жалованья «по окладам» использовалась русским правительством в качестве награды за верную службу. В частности, в октябре 1680 г. было решено «генералу порутчику и полковником и начальным людем иноземцом», которые были на службе в 7188 г. (1679/1680 г.) «по наряду из Иноземского приказа», выдать денежное жалованье на 7189 г. (1680/1681) «по окладам», причем все деньгами, «для того, что они на государеве службе бывают по вся годы»⁵².

Период русско-турецкой войны 1672–1681 гг. стал испытанием для финансов Русского государства. Все силы тратились на поиск денежных средств, а затем на их экономное расходование. Сборы «запросных денег», увеличение «стрелецких денег» (основного военного налога) и натуральных поставок для нужд армии⁵³ – все эти действия русского правительства в лучшем случае давали лишь кратковременную передышку перед началом нового напряженного поиска. Мероприятия русского правительства в конце 1660 – начале 1680-х гг. в области военной экономии, связанные с изменением системы выплаты денежного жалованья начальным людям полков «нового строя», демонстрируют определенную изобретательность в этом деле. Сокращение денежного жалованья «за полками», комбинированный характер выплат (деньги, хлеб, соль, соболиный мех), вычеты за владения крестьянскими и бобыльскими дворами и за чети поместной и вотчинной земли и даже отказ от выплаты денежного жалованья русским начальным людям «за полками», при достаточном (по мнению Разрядного приказа) числе дворов во владении – эти способы были испробованы в указанный период. Заметим, именно затраты на содержание начальных людей, особенно в конце войны с Османской империей, составляли одну из основных статей расходов, связанных с полками «нового строя». Дело в том, что в результате «разбора» служилых людей 1679 г. дворяне и дети боярские, неспособные «подняться» на службу без поддержки государства, должны были записываться в полки «нового строя», и, в частности, новоиспеченные солдаты получали денежное жалованье только в период военных действий, в виде

месячного «корма». В 1679/1680 гг. Иноземский приказ потратил 27 тыс. рублей только на жалование начальным людям и покупку полковых припасов⁵⁴, поэтому экономия в этой области была жизненно необходимой – все остальные возможности в полках «нового строя» были уже испробованы.

¹ См. Бабулин И.Б. Полки Нового строя в Смоленской войне 1632–1634 // Рейтар. 2005. № 10 (22). С. 12–26.

² Значительная часть «городовых» детей боярских начинает выпадать из процесса несения службы по причине бедности, ведь «подняться на службу» сами они были уже не способны. – Лаптева Т.А. Провинциальное дворянство России в XVII веке. М., 2010. С. 113.

³ Орленко С.П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века (правовой статус и реальное положение). М., 2004. С. 150–152.

⁴ Чернов А.В. Строительство вооруженных сил Русского государства в XVII веке (до Петра I). М., 1949 (Дисс. на соиск. уч. ст. док. ист. наук). С. 510–513.

⁵ Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671 гг. М., 2006. С. 132–135, 155.

⁶ Седов П.В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб., 2008. С. 470–473.

⁷ Там же. С. 473.

⁸ Зенченко М.Ю. Военный бюджет 1673–1679 гг.: предпосылки и итоги // Мининские чтения: Сборник научных трудов по истории Восточной Европы в XI–XVII вв. / Науч. ред. А.А. Кузнецов. Н. Новгород, 2011. С. 415–430.

⁹ Сташевский Е.Д. Смоленская война 1632–34. Организация и состояние московской армии. Киев, 1919. С. 114.

¹⁰ Мышлаевский А.З. Офицерский вопрос в XVII веке (Очерк из истории военного дела в России). СПб., 1899. С. 36.

¹¹ Сташевский Е.Д. Указ. соч. С. 81, 133, 146.

¹² Вайнштейн О.Л. Россия и Тридцатилетняя война 1618–1648 гг. М., 1947. С. 92.

¹³ Веселовский С.Б. Сметы военных сил Московского государства 1661–1663 // Чтения в Обществе истории и древностей российских (далее – ЧОИДР). М., 1911. Кн. 3. С. 20.

¹⁴ В «Смете...» названы лишь 33 солдатских полковника, но в ней не написаны полковники, командиры Московских выборных полков солдатского строя А.А. Шепелев и М.О. Кровков.

¹⁵ Веселовский С.Б. Указ. соч. Кн. 3. С. 25.

¹⁶ Там же. С. 24.

¹⁷ Там же. С. 22, 24.

¹⁸ Там же. С. 25.

¹⁹ Введение медных денег в финансовую систему Русского государства не стоит связывать с поражениями конца 1650 – начала 1660-х гг. К.В. Базилевич доказал, что денежная авантюра началась еще в 1654 г., но также верно, что зависимость этого решения правительства от войны с Речью Посполитой велика.

Идея чеканить медные деньги высокого номинала появилась еще в момент подготовки похода на Смоленск, во главе с царем Алексеем Михайловичем, а уже в походе царю отправляли из Москвы первые экземпляры медных алтынников. Но перенасыщение рынка дешевыми медными деньгами, непоследовательность русского правительства, требовавшего уплаты податей исключительно серебром, привели к экономическому кризису. – Базилевич К.В. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.; Л., 1936. С. 9–10.

²⁰ П. Гордон с тревогой писал в своем дневнике: «С медными деньгами ежедневно было хуже и хуже. В начале сего года 5 или 6 шли к одному серебром, а когда я приехал в страну – всего по 3. Так существовать мы не могли и подали петицию Его Величеству, однако возмещения не получили. Наконец мы добились, чтобы нам повысили жалованье на четвертую часть, хотя это мало помогло». Через некоторое время он продолжал: «Жалкие медные деньги по-прежнему продолжали падать. После долгих ходатайств наше жалованье было повышено еще на четверть, а затем, по воле царя, бояре – только те, кто имеет деревни в московской округе, – стали присылать нам сено и дрова, каждому согласно его чину». Это натуральное обеспечение не особенно помогло иностранцам, не подзревавшим о возможных финансовых трудностях русского правительства при поступлении на службу. – Гордон П. Дневник 1659–1667 / Пер. с англ., статья и прим. Д.Г. Федосова. М., 2002. С. 115, 122.

²¹ Местные жители, не желая принимать в качестве средства оплаты медные деньги, вынуждали «начальных людей» и нижних чинов или добывать пропитание незаконным путем, или голодать. В 1661 г. «голова стрелецкий Софонко Чекин да солдатского строю полуполковники Степка Пятикрут и Ивашко Елисеев да рейтарского строю ротмистр Ивашко Толкачев и капитаны и сотники стрелецкие и поручики и прапорщики и рейтара и пятидесятники и десятники и все рядовые стрельцы и сержанты и капралы и все рядовые солдаты», составившие гарнизон Могилева, били челом царю Алексею Михайловичу, сетуя на то, что могилевские мещане отказываются принимать медные деньги за «хлеб и за всякий харч и за одежное». Причем служилые люди, возможно опасаясь требовать у царя жалованья серебром, лишь просили заставить мещан принимать медяки «против серебряных», дабы не погибнуть голодной смертью. – Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук (далее – АМГ). Т. III / Под. ред. Д.Я. Самоквасова. СПб., 1901. № 338 (1). С. 318.

²² Гордон П. Указ. соч. С. 127.

²³ Базилевич К.В. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.; Л., 1936. С. 45.

²⁴ Гордон П. Указ. соч. С. 128.

²⁵ АМГ. Т. III / Под. ред. Д.Я. Самоквасова. СПб., 1901. № 644. С. 540.

²⁶ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола. № 989. Л. 217–219.

²⁷ Мышлаевский А.З. Указ. соч. С. 38.

²⁸ Малов А.В. Указ. соч. С. 134.

²⁹ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Московского стола. № 630. Л. 59.

³⁰ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола. № 720. Л. 22.

- ³¹ Т.е. «начальным людям» давалась юфть хлеба «в московскую таможенную меру». Юфть хлеба состояла из чети овса и чети ржи.
- ³² РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Московского стола. № 630. Л. 60.
- ³³ Там же. Л. 67.
- ³⁴ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола. № 696. Л. 425.
- ³⁵ Там же. Л. 20.
- ³⁶ Там же. № 919. Л. 55.
- ³⁷ Там же. № 696. Л. 5.
- ³⁸ Там же. Л. 5, 27.
- ³⁹ Там же. Л. 24.
- ⁴⁰ Там же. Л. 25, 555–557.
- ⁴¹ Малов А.В. Указ. соч. С. 134–135.
- ⁴² РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола. № 919. Л. 58; Чернов А.В. Указ. соч. С. 511–512.
- ⁴³ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола. № 919. Л. 36.
- ⁴⁴ Чернов А.В. Указ. соч. С. 512.
- ⁴⁵ 1 полковник, 2 подполковника, 5 майоров, 23 ротмистра, 1 капитан, 1 капитан-поручик, 27 поручиков и 31 прапорщик.
- ⁴⁶ 1 полковник, 16 ротмистров, 2 капитана, 2 капитан-поручика, 41 поручик и 53 прапорщика.
- ⁴⁷ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола. № 919. Л. 80–81.
- ⁴⁸ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Московского стола. № 630. Л. 60.
- ⁴⁹ Там же. Л. 64.
- ⁵⁰ Чарыков Н.В. Посольство в Рим и служба в Москве Павла Менезия (1637–1694). СПб., 1906. Приложения. № 148 (VI). С. 249.
- ⁵¹ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Московского стола. № 630. Л. 71.
- ⁵² Там же. Л. 65.
- ⁵³ Зенченко М.Ю. Указ. соч. С. 419–420.
- ⁵⁴ Там же. С. 425. Иностранцев начальных людей, ведомых в Иноземском приказе, в 7190 г. (1681/1682 г.) было 383 человека, а их денежное годовое жалование в треть окладов составляло около 25 тыс. 700 руб. Естественно, если часть денежного жалования выдавалась «мягкой рухлядью», денежные затраты сокращались. – РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Московского стола. № 630. Л. 70.

А.В. Романов (Курск)

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ МЕДИЦИНСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ПРИМЕРЕ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ

ПЕРЕСТРОЙКА деятельности Курского губернского земства в связи с начавшимися военными действиями стала осуществляться сразу после проведения 24 июля 1914 г. экстренного земского собрания. В первую очередь было организовано оборудование местного госпиталя в Курске, для которого определили здание губернской земской управы (ныне ул. Ленина, 69), и подвижного госпиталя с питательным пунктом на передовых позициях.

19 августа 1914 г. подвижной госпиталь и питательный пункт уже отбыли из Курска в Люблин, а 22 августа поступили первые раненые и в местный госпиталь. Обстоятельства в скором времени потребовали дальнейшего развития помощи раненым и больным воинам, приток которых в Курск с каждым днем увеличивался. Пришлось открыть отделения земского госпиталя в доме Волкова на Московской улице; самостоятельный госпиталь на 200 мест при больнице в деревне Сапогово; отвести в соматической больнице, кроме хирургического барака, место под отделение для инфекционных больных на 125 мест; открыть «особый барак для заразных больных на 75 кроватей в сл. Ямской». В начале 1915 г. небольшое заразное отделение в сл. Ямской было расширено на 120 мест в специально выстроенных бараках¹.

3 сентября 1914 г. начальник главного военно-санитарного управления действительный тайный советник А.Я. Евдокимов прибыл в Курск и, посетив курского губернатора Н.П. Муратова, сделал следующие указания: «Переоборудование зданий в лазареты следует продолжить с таким расчетом, чтобы Народный Дом мог обслужить раненых, поступающих из Епархиального училища, и

чтобы ту же роль играл казенный винный склад для раненых, которые будут помещены в Губернском управлении; оборудовать прачечную такого размера, которая с уже существующими прачечными могла бы обслуживать 5–6 госпиталей; цена перевозки раненых на трамвае не должна превышать 5 коп.; помещение Европейской гостиницы должно быть немедленно арендовано за счет казны и отдано в распоряжение распределительного эвакуационного пункта; губернатор должен организовать пошив белья по наиболее низким ценам и поставки его председателю эвакуационной комиссии; при требовании военных лазаретов об устройстве операционных, хотя этим должны заниматься сами лазареты, губернатор обязан оказывать им всякое содействие»².

Указания по переоборудованию помещений для медицинских нужд поступали напрямую из столицы. Примером тому служит письмо № 013276 из Петрограда от генерала М.А. Беляева с указанием курскому губернатору о принятии мер для оборудования помещений пивного завода под госпиталь на 420 коек. Одновременно с этим вышло распоряжение об отправке в Курск сводного госпиталя с личным составом и переведено 4000 руб. на необходимые расходы. Вскоре помещение пивоваренного завода Квилиц было переоборудовано в соответствии с полученными указаниями³.

На расходы по устройству и приспособлению помещений госпиталей распорядительного эвакуационного пункта Курск по параграфу 12 статьи 5 Главного Управления Генерального штаба 1914 г. был выдан кредит в размере 50 000 рублей⁴.

Одновременно с устройством госпиталей в Курске открывались и финансировались за счет губернского земства госпитали в уездных городах: Белгороде на 250 мест, Обояни – на 25, Дмитриеве, Льгове, Новом Осколе, Судже и Щиграх – на 50 мест в каждом. Земствам остальных уездов Курской губернии отпускалось единовременно по 5000 руб. на расширение и развитие госпитальной помощи, которую они обязаны были оказывать раненым и больным воинам по мобилизационному расписанию 1910 г.

С началом военных действий против турок, согласно постановлению 50-го очередного губернского земского собрания, за счет курского земства был оборудован подвижной госпиталь с перевязочно-питательным пунктом и на Кавказском фронте. На основании постановления того же собрания оборудовался поезд-баня с

дезинфекционной камерой, дешевой лавкой и бесплатной выдачей посетителям бани белья⁵.

Средствами для удовлетворения всех перечисленных потребностей стали ассигнования, выделенные по решению экстренного губернского земского собрания от 24 июля 1914 г., в размере 1 000 000 руб. и такая же сумма, предоставленная Правительством.

Переходя к более детальному освещению деятельности курских госпиталей, можно отметить, что они были оборудованы таким образом, что в них направлялись в основном тяжелораненые и тяжелообольные воины. И по времени начала деятельности, и по оснащению эти госпитали оказались центром оказания медицинской помощи раненым и больным военнослужащим на территории Курской губернии. Подобное значение в общем положении врачебно-санитарной помощи защитникам родины сохранялось за ними на всем протяжении войны. К 1 июля 1915 г. оборудование курских госпиталей обошлось земской казне в 39 394 руб. 78 коп., открытие госпиталя в дер. Сапогово стоило 7678 руб. 76 коп.

С 1 августа 1914 по 1 июля 1915 гг. количество раненых и больных, лечившихся в курских госпиталях, составляло 3827 человек, которые провели в стационаре 100 074 дня. На их содержание было израсходовано 118 176 руб. 04 коп. В госпитале дер. Сапогово 925 раненых и больных воинов провели 30 293 лечебных дня, на их содержание было потрачено 29 861 руб. 77 коп. Всего же в госпиталях Курской губернии за указанный период находилось 8148 больных и раненых, прошедших 191 985 дней лечения, их содержание обошлось в 168 973 руб. 46 коп.; на оборудование этих госпиталей истрачено 61 752 руб. 48 коп.

Подвижной земский госпиталь с питательным пунктом на Западном фронте отправился из Курска 19 августа 1914 г. Первой стоянкой его был г. Люблин, где госпиталь занял здание гимназии. В Люблине госпиталь оказался в нужное время, когда в результате происходивших в непосредственной близости боев в госпиталь поступало огромное число раненых, требовавших немедленной помощи и более или менее продолжительного лечения до возможности дальнейшей эвакуации в глубокий тыл империи⁶.

К сожалению, деятельность госпиталя и питательного пункта в Люблине не была долговременной. По требованию военных властей госпиталь должен был свернуться и, как оказалось впоследствии, предпринять мало полезное и дорого обошедшееся земству

путешествие, останавливаясь и развертываясь на короткое время в Янове, Краснике, Кржешове, Руднике на Сане и, наконец, прибыл в Луков. Здесь госпиталь развернулся в железнодорожных зданиях и был посещен Императором Николаем II. Следующие стоянки госпиталя были в Кельцах, где было отведено помещение в здании католической духовной семинарии, и в Радоме – в здании окружного суда. В последнем пункте работа госпиталя была наиболее продолжительной и прекратилась лишь при общем отходе русских войск на восток, когда свернувшийся госпиталь был переведен на ст. Наленчов, вблизи Люблина. Здесь госпиталь долгое время бездействовал, хотя несколько раз получал приказания развернуться, но затем вновь сворачивался. В конце концов, к середине лета 1915 г. госпиталь развернулся в Барановичах, где для него было отведено вполне удобное помещение.

Благотворительная деятельность этого госпиталя и питательного пункта получила положительные оценки не только пациентов, но и представителей высшего света. Так, 17 августа 1915 г. в Курской губернской земской управе была получена телеграмма следующего содержания: «Сегодня, 16-го августа, в Барановичах вверенный мне госпиталь посетил Великий Князь Георгий Михайлович, обходил палаты, беседовал с ранеными и больными, а затем сообщил: «как хорошо раненым у вас живется».

По объяснению старшего врача С.А. Белявского, большие перемены в работе госпиталя, вынужденного простаивать значительное время в свернутом виде, объясняются его малоподвижностью вследствие ограниченности перевозочных средств, поэтому при отступлении войск госпиталь, не имея достаточного для своего имущества числа лошадей и повозок, не может с надлежащей быстротой уходить без существенной посторонней помощи, не всегда имеющейся в наличии.

Для предотвращения подобных ситуаций в будущем старший врач поднял вопрос об увеличении перевозочных средств. По составленной С.А. Белявским смете, стоимость повышения подвижности госпиталя выражалась в сумме 11 000 руб.

Со своей стороны, губернская управа считала необходимым воздержаться от осуществления предположений старшего врача Белявского в виду того, что «проектируемое усиление перевозочных средств госпиталя вызовет весьма значительные расходы не только единовременные, но и постоянные – по содержанию конского

состава и прислуги. Между тем надо надеяться, что отход наших армий окончится и, быть может, скоро настанет момент перехода наших войск в решительное наступление, а вместе с тем откроется и для госпиталя возможность работать достаточно продолжительное время в определенном пункте ближайшего тыла»⁷.

С августа 1914 по 1 января 1915 гг. оборудование госпиталя и питательного пункта обошлось земской казне в 40 211 руб. 71 коп., а его содержание – в 63 694 руб. 46 коп. С 1 января 1915 г., когда питательный пункт был отделен от госпиталя, на оборудование последнего было израсходовано 2515 руб. 04 коп. и еще 54 711 руб. 71 коп. – на содержание.

С августа 1914 по 1 июля 1915 гг. на излечении в госпитале находилось 1833 раненых и больных военнослужащих, которые провели в нем 14 768 лечебных дней. Питательным пунктом (до его отделения от госпиталя) было накормлено 23000 человек. Став самостоятельным подвижным учреждением, перевязочно-питательный пункт находился на передовых позициях. Его прикомандировали к 1-й гренадерской пехотной дивизии, с которой пришлось разделять все походы. По отзывам командования, пункт работал весьма хорошо и приносил существенную пользу. С 8 апреля до 1 июля 1915 г. служащими перевязочно-питательного пункта была оказана врачебная помощь в 1013 случаях и отпущено 3900 порций.

Госпиталь и перевязочно-питательный пункт курского земства на Кавказском фронте выступили к месту назначения 22 января 1915 г. Свою деятельность медицинский персонал начал немедленно по прибытии в Джульфу, где госпиталь 22 февраля развернулся на 100 кроватей в отведенном железнодорожном помещении, с таким расчетом, чтобы число мест могло быть в любой момент увеличено, что и делалось при необходимости⁸.

Курские земские организации на Кавказском фронте своей образцовой деятельностью заслужили уважительное отношение и авторитет как со стороны высшего военного руководства, так и рядовых бойцов. Когда в связи со значительными изменениями обстановки на фронте и прекращением боевых действий на линии обслуживания госпиталями губернской управой было возбуждено ходатайство перед Главным Управлением Российского Общества Красного Креста о переводе земских организаций на Западный фронт, Главному Управлению Общества от главноуполномоченного на Кавказском фронте Л.В. Голубева была направлена

телеграмма следующего содержания: «Лазарет Курского земства в Джульфинском районе работал в высшей степени плодотворно: выделил два лазарета, два врачебных питательных пункта, полностью обслуживающих целый район. В настоящее время лазарет находится в Хое, и, как только надобность в нем отпадет, он может быть переведен. Деятельность лазарета на Кавказском фронте настолько дружно, хорошо организовалась, что считал бы большой потерей переход его на Западный фронт. Говорил по этому поводу с уполномоченным М.И. Мухановым, который согласен продолжать работу на Кавказском фронте. Ходатайствую оставить Курский лазарет на Кавказском фронте».

Остается добавить, что до 1 июня 1915 г. в Джульфинском госпитале было обслужено 428 больных и раненых, проводших 4102 лечебных дня; на перевязочно-питательных пунктах оказана медицинская помощь в 905 случаях и выдано 13 824 порции. На оборудование этих учреждений было израсходовано 62 067 руб. 01 коп., а на содержание – 68 098 руб. 62 коп.⁹

По мере приближения весны стали распространяться тревожные слухи о возможности появления эпидемии, большие опасения вызывали пути следования партий пленных через Курск. По требованию принца Александра Петровича Ольденбургского необходимо было в кратчайший срок оборудовать помещения с достаточным числом коек для встречи и размещения больных.

Курская Губернская управа, со своей стороны, признавая перспективу занесения эпидемии, угрожающей всей губернии, еще до означенного требования верховного начальника санитарной части начала подыскивать соответствующие помещения и решила прежде всего оборудовать пустующий дом Сапунова в слободе Ямской, а также занять здание училища. Но этих помещений было бы недостаточно при начале серьезной эпидемии, и нужно было построить специальные бараки. Однако прежде чем строить, управа долгое время подыскивала помещения, которые можно было бы арендовать. Более или менее подходящим оказался дом Хамбекова, но последний желал получить за аренду 22 000 руб. в год. Принимая во внимание, с одной стороны, значительность платы, а с другой – необходимость затраты на ремонт и приспособление дома Хамбекова не менее 10 000 руб., управа решила, что целесообразнее будет построить на той же усадьбе, где расположено уже занятое земством училище, новые бараки.

Все расходы как по оборудованию и ремонту занятых помещений, так и по постройке новых барачков составили к 1 августа сумму в 43 858 р. 38 к. Содержание барачков для заразных больных за то же время обошлось в 27 860 р. 18 к. Больных на 1 июля было 1549, проходивших лечение в общей сложности 10 599 дней¹⁰.

Из пояснительной записки к отчету по строительным работам видно, что все строительные работы по оборудованию различных городских зданий под военные лазареты и другие связанные с этим работы производились согласно указаниям губернатора и назначенной комиссии, причем все работы производились экстренно и весьма спешно, иногда они велись даже в ночное время¹¹.

Кроме перечисленных расходов, имевших прямое отношение к определенным мероприятиям губернского земства в области оказания помощи раненым и больным воинам и призрения семей запасных и ополченцев, призванных на действительную военную службу, необходимо упомянуть и перечень случайных расходов, хотя и связанных с военными обстоятельствами, но носившими общий характер. К категории этих расходов были отнесены затраты, составившие на 1 августа 1915 г. следующие суммы: наем помещения для директора учительской семинарии и выдача квартирных денег воспитанникам семинарии (13 767 руб. 19 коп.); одна третья часть содержания совместно с обществом Красного Креста и Союзом городов питательного пункта на ст. Курск-Ямская (1361 руб. 34 коп.); снабжение бельем, одеждой и обувью выходящих из земских госпиталей по излечении ранений и болезней (10 750 руб. 88 коп.); содержание канцелярии, хозяйственные и другие расходы общего характера (11 596 руб. 69 коп.).

Таким образом, общая сумма всех затрат, произведенных Курским губернским земством на дело ухода и лечения больных и раненых воинов, на выдачу пособий семьям земских служащих, призванных на войну, и на эксплуатацию поезда-бани за первый год войны, выразилась в 1 498 053 руб. 34 коп. Если принять во внимание, что средства земства состояли из 1 000 000 руб. ассигнованного на экстренном собрании 24 июля 1914 г., и 1 000 000 руб., отпущенного в распоряжение земства Правительством, то остаток сумм, которыми земство могло располагать с 1 августа 1915 г., выражался цифрой 501 946 руб. 66 коп.¹²

Зафиксировав приведенную сумму остатка, губернская земская управа ходатайствовала перед собранием не упускать из вида, что

отпущенные Правительством средства могли расходоваться земством исключительно на лечение и уход за больными и ранеными воинами. Исходя из этого, оставшиеся земские средства могли расходоваться только на дальнейшую эксплуатацию поезда-бани и выдачу половинного содержания семьям земских служащих, призванных на войну. Получение средств для оказания дальнейшей помощи больным и раненым воинам во всех без исключения госпиталях как губернского, так и уездных земств земская управа рассчитывала получить из дополнительных ассигнований правительства, поскольку расходы на эти цели осуществлялись им по всей России за счет казны из особого фонда.

¹ Доклады Курской Земской Управы экстренному Губернскому Земскому Собранию 1 сентября 1915 года. Курск: Типография Курского губернского земства, 1915. С. 15.

² ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 2. Д. 8498. Л. 1.

³ Там же. Л. 4, 9.

⁴ Там же. Л. 3.

⁵ Доклады Курской Земской Управы ... С. 15.

⁶ Там же. С. 16.

⁷ Там же. С. 17.

⁸ Там же. С. 18.

⁹ Там же. С. 19.

¹⁰ Там же. С. 21.

¹¹ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 2. Д. 8498. Л. 63.

¹² Доклады Курской Земской Управы ... С. 22.

Л.П. Рудакова (Санкт-Петербург)

АЛБАЗИНСКАЯ ПИЩАЛЬ – ЗАБЫТЫЙ ПАМЯТНИК ВОИНСКОЙ СЛАВЫ

ПАМЯТНИКИ военной старины в собрании любого музея, как правило, имеют удивительные истории бытования, связанные с известными личностями и событиями, происходившими в государстве в тот или иной период времени.

Немало реликвийных памятников воинской славы и в собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, которые вызывают чувство гордости за героическое прошлое нашей родины, за предков, послуживших во славу отечества. Но, к сожалению, бывают случаи, когда эти памятники – ярлыки нашей славы, в силу обстоятельств, связанных с человеческой деятельностью, становятся совершенно забытыми. Так случилось и с русской пушкой, защищавшей в 1685 г. далекую пограничную крепость Албазин от нападения войск Цинской империи, превосходивших защитников в сотни раз. Пушка была отлита в Москве на Пушечном дворе известным пушечным мастером Якимом Никифоровым во второй половине XVII в.

История отношений России и Китая такова, что в первой половине XVII в. между ними пролегали земли, заселенные кочевыми и полукочевыми народами, большинство из которых не имело стабильных государственных образований. В середине XVII в. районы к югу от Амура были зоной параллельного проникновения русских и китайцев. В этот период территория вдоль течения Амура стала интенсивно осваиваться нашими первопроходцами и входить в состав Русского государства¹. Особенно быстро формирование русского населения на Амуре происходило в 60-е годы, когда центром поселений стал Албазинский острог, сыгравший, несмотря

на свое непродолжительное существование, весьма заметную роль в истории Сибири.

В 1665 г. на правом берегу Амура, при слиянии рек Шилки и Аргуни был выстроен Албазинский острог, названный по имени одного даурского князька, проживавшего в тех местах. Основали острог пришедшие из Прибайкалья русские люди во главе с Николаем Романовичем Черниговским. Закрепившись на правобережье Амура, предприимчивые первопроходцы расширяли территорию земель, подвластных государству Российскому² и, облагая данью местное население, постепенно приводили его к православной вере³.

В закреплении русских на Амуре маньчжурская династия Цин, правившая в Китае, увидела угрозу своим интересам на северо-востоке. Правительство Алексея Михайловича, понимая сложность обстановки на правобережье Амура, решило как можно скорее установить дипломатические отношения с Китаем. В 1675 г. из Москвы в Пекин было отправлено великое посольство во главе с искусным дипломатом Николаем Гавриловичем Спафарием⁴. Понимая всю сложность отношений с могущественным соседом, Спафарий, проезжая район Албазина, наложил запрет на дальнейшее расширение земель вдоль Амура и предписал укрепить острог и пополнить запасы оружия и

пороха. Хотя посольство Спафария в Пекин не дало ожидаемых результатов, но позволило оттянуть на несколько лет нападение китайских войск на Албазин.

К началу 1680 г. Албазинский острог стал центром Амурского района и представлял собой четырехугольник с бревенчатыми стенами, над которыми возвышались три башни. Острог был окружен рвом, за которым были вбиты в землю надолбы в шесть рядов – «чеснок». Подле острога располагался посад в 53 двора. Вблизи Албазина был основан Спасский монастырь, в котором существовало подворье⁵.

Рис. 1. Серебряная печать Албазинского воеводства.
Степанов Д. Албазин в XVII веке: военная и духовная крепость // Родина. 2011. № 12. С. 53

В 1682 г. в Приамурье было образовано новое воеводство – Албазинское⁶, которому были пожалованы герб, печать и знамя⁷ (рис. 1–3). Первым воеводой в Албазин был назначен Алексей Ларионович Толбузин⁸, происходивший из старинного рода князей Фоминских и Березуцких⁹. Весной 1684 г. Толбузин прибыл в Албазин. Вместе с ним из Тобольска была доставлена и новая партия вооружения: 2 медные пушки с ядрами и 50 пищалей. При Толбузине крепость была значительно расширена. Новые стены имели высоту 5,3 м. и были покрыты двойным тесом с зубцами.

Летом 1684 г. китайское войско численностью до 10 тысяч человек с большим количеством артиллерии появилось вблизи Албазина. Собрав все окрестное русское население в крепости (120 служивых, 250 промышленных людей и 97 крестьян), Толбузин ждал осады. Но до конца года противник не предпринял наступательных действий. Только в начале июня 1685 г. началась осада Албазина. Отвергнув предложение неприятеля о сдаче крепости, воевода пытался усилить оборонительные укрепления. Но когда артиллерия противника начала вести прицельный огонь, стало ясно, что крепость долго не продержится. В течение нескольких дней Албазин превратился в полусожженный острог, запасы ядер и пороха подошли к концу, а малочисленные силы оборонявшихся были на исходе. В этих условиях А.Л. Толбузин был вынужден начать переговоры с китайской стороной о сдаче крепости

**Рис. 2. Албазинская икона
Божией Матери «Слово плоть бысть».
Степанов Д. Албазин в XVII веке:
военная и духовная крепость //
Родина. 2011. № 12. С. 54**

Рис. 3. Знамя Албазинского воеводства.
Черкасов А., Зайцев Н., Онищук В., Сухоруков Н.
Албазинская экспедиция. Современные географические
методы в исследовании Албазинского острога //
Родина. 2011. № 12. С. 59

с условием свободного выхода ее защитников вместе с оружием. Но неприятель нарушил условия договора. Остатки гарнизона и местные жители во главе с А.Л. Толбузиным, лишённые оружия и имущества, имея лишь скудные запасы продовольствия, ушли в Нерчинск. После ухода защитников крепости Албазин был полностью разграблен и окончательно сожжен¹⁰. Захватив русское оружие, противник отступил в свои пределы.

С уходом китайской армии воевода Нерчинска Иван Евстафьевич Власов решил восстановить Албазин. Особое значение имело то обстоятельство, что неприятель не успел уничтожить поля, засеянные рожью и пшеницей¹¹.

Для строительства новой крепости Власов отправил в начале августа 1685 г. отряд с воеводой Толбузиным во главе. К концу месяца туда прибыла и команда служилых людей, вооружённых

медными и чугунными пушками, под началом казачьего головы Афанасия Ивановича Бейтона¹². Многие бывшие албазинские жители и старатели присоединились к отряду Бейтона и увеличили его численность до 671 человека.

25 сентября 1685 г. на старом месте было начато строительство крепости в виде прямоугольника, вытянутого вдоль реки с укрепленным валом. В начале лета 1686 г. хорошо укрепленный Албазинский острог грозно возвышался над Амуром, господствуя над окружающей местностью. В этот период численность защитников доходила до 826 человек. Артиллерия крепости состояла из мортиры, стрелявшей пудовыми ядрами, восьми пушек и трех затинных пищалей. В пороховом погребе хранилось более 112 пудов пороха и 60 пудов свинца. Муки, урожая 1685 г., должно было хватить до лета 1687 г.¹³

7 июля 1686 г. китайское войско, состоящее, главным образом, из маньчжуров численностью до 7 тысяч человек при 40 пушках появилось под Албазином. Гарнизон крепости решил обороняться до конца. Так началась пятимесячная оборона Албазина, по праву занимающая почетное место в истории русской воинской славы (рис. 4). Через неделю после осады противник начал обстрел крепости. На пятый день вражеской канонады А.Л. Толбузин был тяжело ранен пушечным ядром в ногу и скончался через 4 дня. Командование гарнизоном принял полковник Афанасий Бейтон. Своими дальнейшими успехами защитники Албазина во многом были обязаны этому смелому человеку. Несмотря на непрерывный огонь китайской артиллерии, особых разрушений в крепости не наблюдалось. Неудачи при штурме крепости противник видел в стойкости и отчаянной смелости русских воинов. В декабре 1686 г. Албазин продолжал упорно обороняться, несмотря на гибель значительной части гарнизона. Не добившись успеха под Албазином, в начале мая 1687 г. маньчжурские войска, страдая от голода и болезней, отступили от крепости на 4 версты, а в конце августа были вынуждены снять осаду и уйти к устью реки Зеи.

Героическая оборона Албазина, стоившая жизни подавляющему большинству ее защитников, закончилась. Малочисленные русские силы сумели удержать Албазин – ключевую позицию на Амуре и отстоять дальнейшее наступление неприятельских войск в Забайкалье (рис. 5).

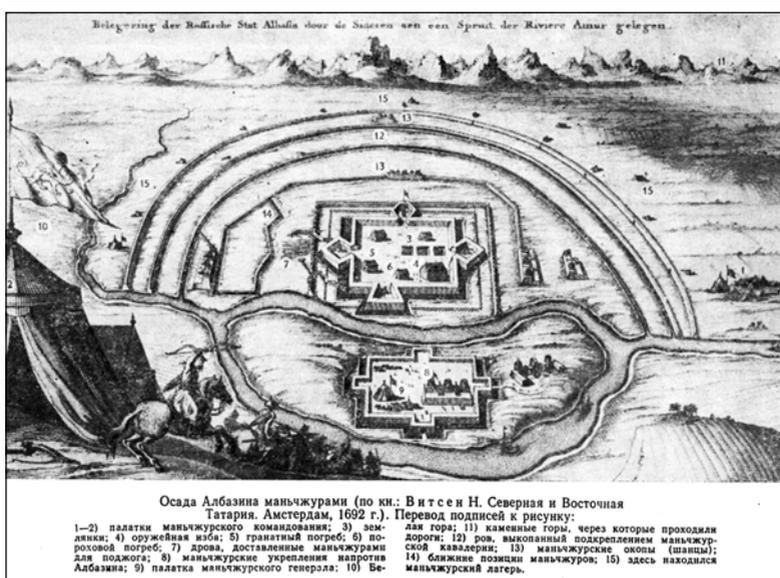

Рис. 4. Осада Албазинского острога. Китайская гравюра. Александров В.А. Россия на Дальневосточных рубежах (Вторая половина XVII в.). Хабаровск, 1984. С. 153

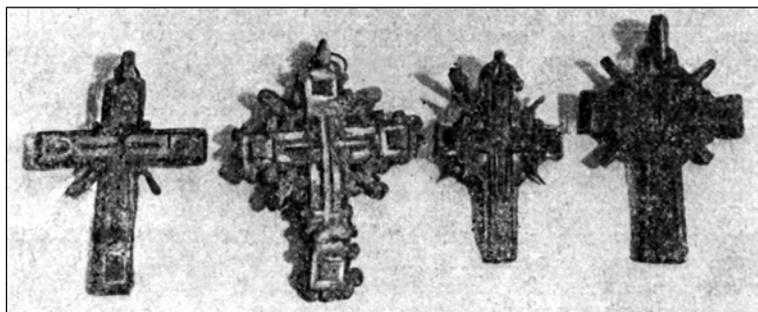

Рис. 5. Нателные кресты албазинцев. Из раскопок С.В. Глинского в Албазине в 1975 г. Александров В.А. Россия на Дальневосточных рубежах (Вторая половина XVII в.). Хабаровск, 1984 . С. 51

В связи с постоянными вооруженными столкновениями на Амуре, русское правительство, заинтересованное в сохранении

целостности сибирских земель, пытались урегулировать границы с Китаем мирным путем. В 1688 г. было вновь отправлено «великое и полномочное» посольство во главе с воеводой Федором Александровичем Головиным¹⁴. Основная цель посольства – заключить договор о мире, открыть торговлю и установить границы между Русским государством и Цинской империей. В инструкции, данной Головину, особо подчеркивалось о неправомерности попыток китайского правительства завладеть землями в районе Албазина¹⁵ (рис. 6).

Рис. 6. Портрет известного государственного деятеля Ф.А. Головина (1650–1706)

В начале 1689 г. правительство царевны Софьи стало торопить Головина заключить мирный договор любой ценой и «пожертвовать» Албазином. В состав китайского посольства входили и миссионеры-иезуиты: француз Ф. Жербион и португалец Т. Перейра. Официальным языком на переговорах был избран латинский, что позволило иезуитам быть посвященными в важнейшие секреты двух государств и всячески выступать против русских поселений вдоль Амура в районе Маньчжурии¹⁶. Нерчинский договор о размежевании земель и установлении мирных отношений между Русским государством и Китаем был подписан 29 августа 1689 г. Граница между ними проходила по рекам Айгунь и Горбица. Крепость Албазин обязали срыть до основания¹⁷. Все имущество и вооружение, в том числе и боеприпасы, были вывезены из Албазина русской стороной¹⁸. Территории, отторгнутые по Нерчинскому договору, были возвращены России в результате заключения с Китаем Айгунского договора 1858 г.¹⁹

В мае 1900 г. в северо-восточных провинциях Китая (Маньчжурии) началось народное восстание, руководимое тайным обществом «Ихэтуань». В июле, в разгар восстания, участились нападения на русскую железную дорогу, проходившую по территории Маньчжурии. Восставшие громили вокзалы, нанося урон и самой железной дороге. Воспользовавшись этим прецедентом, Россия летом

1900 г. ввела свои войска в северо-восточные провинции Китая, и к середине октября вся Манчжурия была полностью оккупирована²⁰. В г. Айгунь русским войскам достались богатые трофеи. Сортировкой трофейного оружия занимался выпускник Михайловской артиллерийской академии капитан гв. артиллерии Петр Васильевич Экстен²¹. При осмотре китайских пушек им была обнаружена старинная медная русская пушка. Капитан Экстен определил ее как медный гладкоствольный единорог, заряжающийся с дула весом 6 пудов 15 фунтов со славянской надписью²².

Это орудие на пароходе «Петербург» было отправлено в Одессу, а затем по железной дороге в столицу империи. 22 марта 1901 г. медный ствол поступил на хранение в Санкт-Петербургский артиллерийский склад. На складе пушка была тщательно осмотрена представителем Артиллерийского комитета и членом Комиссии по перевооружению полевой артиллерии, выпускником Михайловской артиллерийской академии полковником А.Э. Керном, большим знатоком старинных орудий²³. 24 мая 1901 г. Керн докладывал в Главное артиллерийское управление, что русская заряжающаяся с дула гладкоствольная пушка отлита из бронзы. На казенной части пушки перед запальным отверстием имеется выпуклая надпись славянской вязью: «Лил мастер Яким Никифоров», на средней части, у дельфинов, выгравировано славянскими буквами: «Длина 2 аршина 20 гривенок». Время производства орудия Керн отнес к допетровской эпохе, объясняя это тем, что фунт при царе Василии Шуйском назывался гривенкой²⁴. Он высказал предположение, что пушка, доставленная из Северного Китая, была отлита в первой половине XVII в. и принадлежала к числу артиллерийских орудий, прибывших в Албазин вместе с А.Л. Толбузиным, назначенным туда воеводой. При капитуляции Албазинского острога в 1685 г. все русское имущество и оружие было захвачено противником и вывезено в Манчжурию. При передаче Албазина китайцам по Нерчинскому договору 1689 г. все имущество, орудия и припасы были вывезены русской стороной²⁵. По указу товарища генерал-фельдцейхмейстера М.Г. Альфатера от 5 августа 1901 г. достопамятная албазинская пушка была передана в Артиллерийский музей²⁶.

Известный ученый генерал-лейтенант Н.Е. Бранденбург, заведовавший музеем, в 1901 г. сделал запись в учетных документах, так называемых «красных книгах», под № 472: «Пицаль медная

XVII ст. с дельфинами, цапфами и не большим винградом, без мушки; запал в квадратной раковине. Поверхность орудия украшена фризами, а на средней и казенной части – литыми травами; торель сделана в виде чешуи. На казенной части вылита надпись: «Лил мастер Яким Никифоров», а выше начеканены размеры: «Длина 2 аршина ядро без четверти гривенка 6 пуд. 20 гривенок весу». Калибр 2 дм, длина до торели 5 ф. 8 1/4 дм; с торелью и винградом 5 ф. 10 1/4 дм. Вес 6 пуд. 15 ф.»²⁷.

Пушку отливал известный пушечный мастер Еким (Яким) Никифоров, работавший в Москве на Пушечном дворе в 1655–1672 гг.²⁸ В историческом архиве ВИМАИВиВС, в фонде Пушкарского приказа, имеется расходная книга Пушкарского приказа за 1655 г. с записями о литейщиках: мастерах и учениках. Там упоминается и пушечный мастер Еким (Яким) Никифоров²⁹. Одна из пушек этого мастера была выставлена в 1672 г. в Москве, на Кремлевской площади, как образец литья³⁰ (рис. 7).

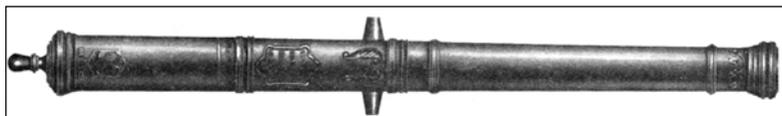

Рис. 7. Ствол медной пушки, отлитой мастером Якимом Никифоровым. 1672 г.
Рубцов Н.Н. История литейного производства в СССР. Часть I. Издание второе дополненное и переработанное. Государственное научно-техническое издательство машиностроительной литературы. М., 1962. С. 240

Русская артиллерия второй половины XVII в., отлитая на московском Пушечном дворе, высоко оценивалась иностранными специалистами. Капитан шведской армии Эрик Палмквист, посетивший Россию в 1674 г. и составивший описание русской артиллерии, особо отмечал ее превосходные технические и боевые качества³¹.

При поступлении в музей эта историческая пушка была выставлена на экспозиции в зале древних русских памятников XIV–XVII вв. и привлекала внимание посетителей своей примечательной историей. В 1903 г. Артиллерийский музей отмечал свой 200-летний юбилей. К этой дате Обществом ревнителей военных знаний был издан «Краткий систематический указатель главнейших предметов,

хранящихся в Артиллерийском историческом музее», составленный секретарем общества полковником Генерального штаба Е.Ф. Новицким и капитаном Д.П. Струковым, возглавлявшим Артиллерийский музей. В указателе, среди разнообразных памятников воинской славы, под № 30 была представлена и албазинская пушка³².

Эта пушка под № 68 вошла и в «Путеводитель по Артиллерийскому историческому музею», составленный Д.П. Струковым в 1912 г. При описании исторического памятника, Дмитрий Петрович свидетельствовал, что ствол был отбит у китайцев во время военных действий в 1900 г. при овладении русскими войсками г. Айгунь. «Весьма вероятно, что это русское орудие попало в руки китайцев при захвате ими в 1685 г. крепости Албазин»³³.

Ко времени поступления албазинского орудия в музей хранилась более крупная медная пушка, отлитая Якимом Никифоровым и доставленная в 1830 г. из Казанского арсенала. Изначально она была записана в учетном документе, так называемой «шнуровой книге» под № 1146. В документах было указано, что пищаль прибыла в Казанский арсенал в 1829 г. из Нерчинского артиллерийского гарнизона³⁴. Когда Н.Е. Бранденбург начал вести учет музейных предметов по новым учетным документам, так называемым «красным книгам», он записал под № 1351: «Пищаль медная, калибром 2,6 д. длина до торели 60,3 д.; с торелью и винградом 65,6 д.; весом 11 п. 5 ф. На казенной части литая, дурно выделанная надпись: «Лил мастер Яким Мики[форов]». Далее Николай Ефимович указал старый номер пушки по шнуровым книгам. Бранденбург датировал пищаль XVII в., временем царствования Михаила Федоровича³⁵ (рис. 8).

Рис. 8. Ствол медной пушки, отлитый Якимом Никифоровым. Поступил в музей из Казанского арсенала в 1830 г. В Казанский арсенал прибыл в 1829 г. из Нерчинской крепости. ВИМАИВиВС. Инв. № 9/106

Вполне вероятно, что эта пушка Якима Никифорова в числе других орудий прибыла в Албазин с отрядом А.И. Бейтона и участвовала в героической многомесячной обороне крепости. После заключения Нерчинского договора 1689 г. была вывезена русскими из Албазина в Нерчинскую крепость и находилась там до 1829 г.

Оба медных ствола Якима Никифорова в сентябре 1917 г. вместе с другими памятниками Артиллерийского музея были эвакуированы из Петрограда водным путем в Ярославль и благополучно возвратились в родные стены Кронверка осенью 1923 г.

Более крупная медная пушка, доставленная из Казанского арсенала, была выставлена в 1925 г. в зале № 1 как один из образцов пушечного литья русских мастеров второй половины XVII в.³⁶

В 1930-е годы, при создании новых учетных документов, так называемых «черных книг», албазинская пицаль была записана под **№ 370**: «Пицаль XVII в. медная с дельфинами, гладкоствольная с дула заряжающаяся. Калибр 50,8 мм. Длина с ост. винграда 1 м 47,5 см. Вес – ? Прицела и мушки нет. Запал в квадратной раковине, справа его щиток. Винград частью отбит. Ниже дельфа на казенной части надпись по-славянски: «Лил мастер Яким Никифоров», ниже литые орнаменты». Из записи видно, что отсутствует информация о времени поступления пушки в фонды музея и не вписан номер, под которым она значилась ранее³⁷. Это последние данные, встречающиеся в архивных документах ВИМАИВиВС об этой пушке, и ее дальнейшая судьба неизвестна.

Тридцатые годы прошлого столетия стали одной из самых неблагоприятных страниц в истории Артиллерийского исторического музея не только для его сотрудников, но и для музейных коллекций. В это время часть артиллерийских орудий была сдана в металлолом. Просмотр документов по сдаточным спискам не помог выявить албазинскую пушку, так как в списках указано общее количество стволов, отлитых из бронзы, чугуна и стали без указания их инвентарных номеров. В этот период и сразу после окончания Великой Отечественной войны музей передавал в краеведческие и во вновь создаваемые военно-исторические музеи во временное и постоянное пользование огромное количество памятников воинской славы. Хочется верить, что эта раритетная пушка бережно хранится в фондах одного из провинциальных музеев.

Более крупная медная пищаль Якима Никифорова, поступившая в музей в 1830 г., была учтена по «черным» книгам под № 386: «Пищаль медная XVII ст. с дельфинами гладкоствольная с дула заряжающаяся. Калибр 66 мм. Длина 1 м 70 см. Вес – ? На казенной части литая подпись: «Лил мастер Яким Никифоров». Выше дельфинов литые орнаменты. Прицела и мушки нет. Запал в квадратной раковине. Поступила в АИМ из Казанского арсенала в 1830 г. По «красным» учетным книгам значилась под № 1351³⁸.

Эта пушка, получившая новый инв. № 9/106, была включена в «Каталог материальной части отечественной артиллерии», изданный в 1961 г. где было указано: «Ствол 2-х гривенной пушки, бронзовый, отлит в XVII в. мастером Акимом Никифоровым; диаметр ствола 65 мм, длина 154 см, вес 182 кг, ствол украшен литыми поясками; на средней части ствола цапфы и дельфины; на казенной части нацарапано: «Вес 11 пуд. 5 гривенок ядром 2 гри[венки], ниже – литая надпись: «Лил мастер Аким Мики[форов]; запал в литой раковине, рядом выбито: № 386. В 1948 г. был произведен химический и металлографический анализ металла пушки, в результате которого было установлено, что ствол отлит из однородной бронзы³⁹. Эта пушка упоминается и в обширном труде Н.Н. Рубцова «История литейного производства в СССР»⁴⁰.

В связи с переходом на новые учетные документы удивительная история албазинской медной пушки, захваченной китайцами в XVII в. и возвращенной из плена спустя два столетия, была окончательно забыта. В путеводителях по музею, издаваемых в советский период, пушки Якима Никифорова более не упоминаются. Поэтому очень важно указывать в современных учетных документах все инвентарные номера памятника, которые он имел с момента поступления в музей, а также, по возможности, историю его бытования.

Хочется верить, что все столь драгоценные артиллерийские памятники, собранные в стенах нашего музея, когда-нибудь будут всесторонне и глубоко изучены, и перед посетителями предстанут удивительные истории этих военно-исторических реликвий.

¹ Русско-китайские отношения в XVII веке. Т. II. М.: Издательство «Наука», 1972. С. 5.

² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 92. Д. 61. Л. 71.

³ Аксентьев С.Т. Две судьбы, разделенные двумя веками // Наука и жизнь. М.: Медиа-Пресса. 2008. № 1. С. 70.

⁴ Николай Гаврилович Спафарий (1636–1708), русский дипломат, ученый и богослов, известный своим посольством в Китай, родился в семье молдавского боярина греческого происхождения. Получил блестящее образование в Константинополе и в Падуе. Владел девятью языками, в том числе и китайским. В 1671 г. по рекомендации иерусалимского патриарха Досифея был принят на службу переводчиком в посольский приказ русского царя Алексея Михайловича под начало Артамона Матвеева, ведавшего иностранными делами. Спафарий – автор первой российской арифметики «Арифмологион», которая была написана для детей придворных. (Кедров Н. Николай Спафарий и его арифмология // Журнал Министерства народного просвещения. Часть CLXXXIII. СПб., 1876. С. 34). С 1675 по 1678 г. Спафарий возглавлял русское посольство в Пекине для налаживания дипломатических отношений с ближайшим соседом. В отличие от предыдущих посланников, знание китайского языка позволило Спафарию собрать много ценных сведений о Китае. Во время длительного следования посольства по Сибири и Забайкалью Николай Гаврилович наблюдал и описывал реки Амур и Обь с ее притоком Иртыш. Первым сделал подробное описание Байкала и перечислил все впадающие в него реки, описал виды рыб, обитающих в озере. Переговоры Спафария с китайским императором не дали положительных результатов. Император отказался принимать посланников до тех пор, пока русские не покинут земли Приамурья. О своем путешествии в Китай Спафарий оставил замечательные записки: «Путешествие через Сибирь до границ Китая», «Путевые заметки» и «Описание Китая», которые до сих пор служат прекрасным источником не только по истории дипломатии России, но и географии, этнографии районов Забайкалья, Внутренней Монголии и других территорий.

В 1680-х годах Н.Спафарий принимал участие в организации посольства Ф.А. Головина в Китай, результатом которого стало подписание в 1689 г. Нерчинского договора, определившего ликвидацию русских поселений в верховьях Амура. (Аксентьев С.Т. Две судьбы, разделенные двумя веками // Наука и жизнь. М.: Медиа-Пресса, 2008. № 1. С. 70). В 1695 г. Спафарий принимал участие в Азовском походе Петра I. Умер Н.Г. Спафарий в Москве в 1708 г.

⁵ Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (Вторая половина XVII в.). Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1984. С. 44.

⁶ Яковлева П.Т. Первый русско-китайский договор 1689 года. М., 1958. С. 119.

⁷ Романов Д. Присоединение Амура к России // Русское слово. 1859. № 4. С. 192.

Ныне атрибуты Албазинского воеводства бережно сохраняются в различных музеях страны. Знамя воеводства, представляющее собой образ Спаса Вседержителя с ангелами в облаке и молящимися святыми по краям, хранится в собрании Государственной Оружейной палаты Московского Кремля. (Черкасов А., Зайцев Н., Онищук В., Сухоруков Н. Албазинская экспедиция. Современные геофизические методы в исследовании Албазинского острога // Родина. 2011. № 12. С. 59.) Серебряная печать «Великих государей Сибирской земли Албазинского острогу» была специально учреждена для нового воеводства. На ней изображен одноглавый коронованный орел с распростертыми крыльями, держащий лук и стрелу и готовый отразить неприятеля. Хранится в нумизматической

коллекции Государственного Эрмитажа. (Степанов Д. Албазин в XVII веке: военная и духовная крепость Приамурья // Родина. 2011. № 12. С. 52). Икона албазинской Божией Матери «Слово плоть бысть» стала святыней Приамурья и находится в новом кафедральном соборе г. Благовещенска (Там же. С. 53).

⁸ Алексей Ларионович Толбузин (? – 14.07.1686) происходил из семьи потомственных сибирских служилых людей. Его отец был воеводой в Нерчинске в 1662–1668 гг., а брат, Фаддей Ларионович, в Иркутске до 1676 г. С Иркутском некоторое время была связана и деятельность Толбузина. В 1676–1680 гг. он управлял острогом и служил в Москве. С образованием Албазинского воеводства в 1882 г. был назначен воеводой в Албазин, прибыл в крепость в мае 1684 г. и много сделал для укрепления Албазина и организации его обороны. В 1685 г. Толбузин вновь отстроил сожженную китайским войском крепость, укрепив ее и увеличив значительно вооружение и гарнизон. Летом 1686 г. энергичный и умелый воевода отбил первый штурм китайских войск, окруживших крепость. На пятый день осады Албазина Толбузин был тяжело ранен и скончался через четыре дня. Дальнейшая пятимесячная оборона Албазина – одна из славных страниц в военной истории России (Бартенев Ю. Герои Албазина и Даурской земли // Русский архив. 1899. Кн. 1.

⁹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 65. СПб., 1901. С. 430.

¹⁰ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 92. Д. 61. Л. 71.

¹¹ Александров В.А. Указ. соч. С. 144.

¹² Афанасий Иванович Бейтон родился в Пруссии. После окончания Тридцатилетней войны поступил на российскую службу по контракту. В 1654 г. Бейтон был зачислен в полк боярина и воеводы кн. А.Н. Трубецкого. Участвовал в русско-польской войне 1654–1667 гг. Еще до окончания войны был отправлен в Томск для создания «полков нового строя». В Томске Бейтон принял православие, вступил в русское подданство и женился. С 1 августа 1685 г. Бейтон во главе отряда в 198 казаков выступил из Нерчинска к Албазину и помогал возведению нового острога. Принимал участие в защите Албазина в 1686–1687 гг. После смерти воеводы Толбузина возглавил отряд защитников. В 1695 г. Бейтон служил в должности казачьего головы в Иркутске, в 1696 г. приказчиком в Верхоленском остроге. При переводе в Ундинский острог был произведен в дворяне московского списка. Скончался в 1701 г. (Зуев А. Штрихи к биографии Афанасия Ивановича Бейтона. Артемьев А.Р. Новые материалы о героической обороне Албазинского острога в 1685 и 1686–1687 годах. Каталог статей: Города и остроги земли Сибирской // Вестник ДВО РАН).

¹³ Александров В.А. Указ. соч. С. 130.

¹⁴ Федор Александрович Головин (1650–1706), известный государственный деятель и один из ближайших сподвижников Петра I, был сыном боярина А.П. Головина, служившего воеводой в Тобольске. Получив хорошее домашнее образование, Федор Головин, по примеру знатнейших дворянских фамилий, начал службу при дворе Алексея Михайловича. Исполнительность и образованность молодого Головина сказались на его карьере. В январе 1686 г. он был послан во главе русского посольства на Амур для урегулирования пограничного конфликта в районе Албазинского воеводства. В 1689 г., вследствие невозможности вести серьезную войну с Китаем, Головин заключил Нерчинский договор, по которому Китаю уступили Амур до притока реки

Горбицы. В 1697 г. в составе «Великого посольства» к европейским дворам, Головин был вторым, после Ф.Я. Лефорта, полномочным послом. Его деятельность была направлена главным образом на благо русского флота. В 1699 г. он возглавил военно-морской приказ. Первым был награжден орденом св. Андрея Первозванного, считавшимся высшей государственной наградой. Принимал участие во втором походе Петра I. Командуя авангардом галер, дошел вместе с Петром I по Дону до Азова. За участие во втором Азовском походе был награжден в 1698 г. серебряной медалью. С 1699 по 1706 гг. возглавлял Посольский и Ямской приказ, а также Оружейную, Золотую и Серебряную палаты. В 1701 г. руководил московской Навигационной школой – первым учебным заведением в России, готовившим технически образованных специалистов. Возглавляя русскую дипломатию, вел активную внешнюю политику в начале Северной войны. По его инициативе был создан институт постоянных русских представителей за границей. По совету Головина Петр I издал манифест, разрешающий принимать иностранных специалистов на русскую службу и беспрепятственно отправлять в России любую веру. В 1702 г. Ф.А. Головин вторым из русских, после А.Д. Меньшикова, получил от императора Священной Римской империи грамоту на графский титул. Будучи широко образованным человеком, хорошо знавшим латынь и английский язык, он все свое свободное время посвящал наукам. В 1715 г. в Амстердаме было издано его сочинение «Глобус небесный». За заслуги перед отечеством в Санкт-Петербурге 6 июня 2007 г. перед Андреевским собором был установлен бюст Ф.А. Головина.

¹⁵ Русско-китайские отношения в XVII веке. Т. II. М.: Издательство «Наука», 1972. С. 10.

¹⁶ Там же. С. 20.

¹⁷ Энциклопедический словарь Брокгауза Ф.А. и Ефрона И.А. Т. XX-а. СПб., 1897. С. 913.

¹⁸ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 92. Д. 61. Л. 72.

¹⁹ Советский энциклопедический словарь. М.: «Советская энциклопедия», 1987. С. 28; Ныне территория Албазинского острога представляет собой историко-археологический памятник республиканского значения «Албазинский краеведческий музей», расположенный в селе Албазино Сковородинского района Амурской области.

²⁰ История дипломатии. Т. II. М., 1963. С. 514.

²¹ Список полковникам по старшинству. Ч. I, II и III. СПб., 1908. С. 710.

²² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 1/1. Д. 182. Л. 33.

²³ Там же. Ф. 25. Оп. 102. Д. 4. Л. 1016–1018.

²⁴ Там же. Ф. 6. Оп. 1/1. Д. 182. Л. 49.

²⁵ Там же. Д. 182. Л. 54.

²⁶ Там же. Ф. 22. Оп. 92. Д. 61. Л. 68.

²⁷ Там же. Ф. 22. Оп. 111. Д. 8. Л. 134 об., 135.

²⁸ Рубцов Н.Н. История литейного производства в СССР. Часть I. Изд. 2-е, дополненное и переработанное. Государственное научно-техническое издательство машиностроительной литературы. М., 1962. С. 239.

²⁹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 1. Оп. 1. Книга № 4 (Расходная книга Пушечного приказа 1655 г.)

³⁰ Рубцов Н.Н. Указ. соч. С. 239–240.

³¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 11. Оп. 2. Д. 3. Л. 10.

³² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 92. Д. 67. Л. 154/2 об.

³³ Струков Д.П. Путеводитель по Артиллерийскому историческому музею. СПб., 1912. С. 27.

³⁴ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 21. Оп. 92/1. Д. 8. Л. 365 об.–366.

³⁵ Там же. Ф. 22. Оп. 111 Д. 2. Л. 237 об.–238.

³⁶ Краткий указатель главнейших предметов постоянной выставки в Артиллерийском историческом музее. М., 1925. С. 7.

³⁷ Там же. Ф. 3Р. Оп. 112. Д. 4. Л. 128.

³⁸ Там же Д. 4. Л. 134.

³⁹ Артиллерийский исторический музей. Каталог материальной части отечественной артиллерии. Л., 1961. С. 100.

⁴⁰ Рубцов Н.Н. Указ. соч. С. 239.

С.А. Рябая (Ижевск)

ВОЙНА И ТЕХНИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ: ВОТКИНСКИЙ ЖЕЛЕЗОДЕЛАТЕЛЬНЫЙ ЗАВОД В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В КОНЦЕ XIX – начале XX вв. войны являлись одним из факторов модернизации, так как они приводили не только к разрушающим последствиям, но и давали толчок созидającym процессам внутри конфликтующих государств. В период военных действий, с увеличением государственного заказа на предметы вооружения, существующее производство, как правило, значительно расширялось, усиливалась топливно-сырьевая база, внедрялись новые технологии.

История промышленного производства Урала накануне и в годы Первой мировой войны неоднократно привлекала внимание исследователей. Помимо работ, посвященных социально-экономическим и политическим процессам¹, в последнее время появились исследования, где основной акцент ставится на модернизационный фактор, имевший непосредственное влияние на объемы и качество выпускаемой продукции². Отраслевой подход к изучению истории промышленного производства Урала накануне и в годы Первой мировой войны, примененный большинством авторов, позволил дать общую картину выпуска продукции на предприятиях региона в тот период. Тем не менее, история промышленного производства на каждом отдельном предприятии уникальна и заслуживает отдельного рассмотрения.

Воткинский железоделательный завод – старейший завод в Среднем Прикамье и главный завод Камско-Воткинского горного округа, сыгравший в XIX в. важную роль в распространении технического прогресса на уральских металлургических заводах.

Круг источников по истории Воткинского железодельательного завода накануне и в годы Первой мировой войны достаточно широк. Выявленные письменные источники находятся в архивных фондах Российского государственного военно-исторического архива (Ф. 369 – Особое совещание по обороне государства), Архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Ф. 13 – Особое совещание по обороне государства), Государственного архива Кировской области (Ф. 565 – Вятское губернское по фабричным делам присутствие, Ф. 574 – Вятский губернский статистический комитет), Центрального архива Удмуртской Республики (Ф. 212 – Воткинский железодельательный завод, Ф. 260 – Канцелярия инженера отдела по испытанию и освидетельствованию заказов Министерства путей сообщения на Воткинском железодельательном и механическом заводе). Помимо архивных документов, ценность представляют приложения к всеподданнейшему отчету Вятского губернатора, памятные книжки Вятской губернии, адрес-календари, опубликованные статистические данные по оценке недвижимых имуществ в городах Вятской губернии³.

В данной статье предпринята попытка рассмотреть модернизационные процессы, проходившие на Воткинском железодельательном заводе, показать изменения, происходившие на предприятии в годы Первой мировой войны.

Перед началом Первой мировой войны основной продукцией Воткинского железодельательного завода были паровозы, суда, мостовые сооружения, рельсовые скрепления, мартеновская сталь, листовое и сортовое железо, сельскохозяйственные машины и орудия. Суда Воткинского завода бороздили воды почти всех крупных рек и водоемов России. В начале XX в. 90 % Камского флота составляли речные суда и баржи, изготовленные на Воткинском железодельательном заводе⁴.

Накануне Первой мировой войны ввиду сложного финансово-экономического состояния Воткинский завод готовился к переходу в частное владение, но остался в казенной собственности. Завод искусственно поддерживался правительственными заказами и крупными субсидиями из государственного бюджета.

С 1911 г. Министерство торговли и промышленности решило частично обновить его оборудование. Техническое переоборудование коснулось в первую очередь паровозостроительного цеха.

На месте старого сгоревшего паровозостроительного цеха был создан новый цех, позволивший производить паровозы большей мощности и на более высоком техническом уровне. В справке Министерства торговли и промышленности о деятельности завода в 1911 г. указывалось, что «качество и срочность исполнения заказов перестало вызывать неудовольствие заказчиков»⁵. 3 января 1913 г. Совет министров предложил Министерству торговли и промышленности и Министерству путей сообщения «по взаимному соглашению подвергнуть ближайшему рассмотрению вопрос о целесообразности возобновления на Воткинском заводе паровозостроительного цеха». В 1913 г. северный пристрой паровозного цеха оборудовали приводами и приспособлениями, давшими возможность сосредоточить сборку паровозов в одном помещении⁶. Ранее сборка проводилась в 3-х различных помещениях.

В 1913 г. проводились многочисленные технические и хозяйственные усовершенствования на казенном Воткинском заводе. В сталелитейном цехе расширили формовочную мастерскую для стального литья, позволившую увеличить производительность цеха на 200 000 пуд. обыкновенных слитков по сравнению с 1912 г.⁷ В судовом цехе Воткинского завода ввели разметку шаблонов, которая дала возможность увеличить производительность цеха и снизить стоимость производства корпусов пароходов и снарядов⁸. Увеличение корпуса котельного цеха пристроено площадью 226 кв. саж. дало возможность сосредоточить сборку тендерных баков в одном здании. В новом помещении установили приводный воздушный компрессор типа «Компаунд» и аккумулятор для него, пневматический инструмент – 3 сверлильных машинки и 4 клепальных молота. Новое оборудование позволило увеличить производительность цеха, удешевить и улучшить качество изделий, а также установить на рабочих местах пневматический инструмент вместо «нарезки дыр для связей и завертки их вручную»⁹.

В чугунолитейном цехе завода предприняли меры по уменьшению издержек производства и улучшению качества отливок. В помещении цеха произвели капитальный ремонт. Для цеха приобрели новые станки: фрезерный зуборезный, отличающийся солидной конструкцией и точностью работы, строгально-зуборезный, станок для резки мелкосортного железа, револьверный автомат для производства мелких деталей из пруткового материала с приспособлением для нарезания резьбы. С приобретением последнего

станка у цеха появилась возможность избегать массового изготовления мелких машинных деталей на самоточках. Обновили цеховой инструмент и дополнили новыми комплектами калибров и шаблонов на сумму 8000 руб., усилили иновили существующие подъемные средства¹⁰. В цехе было организовано жестяночно-никелированное производство для изготовления паровозных и паровых фонарей и других предметов¹¹.

За счет засыпки реки Милюковки и болота, находящихся вблизи мостового цеха, увеличили площадь для сборки мостов на 2000 кв. саж., оборудовав ее новыми железнодорожными путями длиной около 250 саж.¹² В помещении цеха установили новый электромотор мощностью 100 л.с., электрический передвижной 8-тонный кран. Все эти меры дали возможность принимать заказы «на формы наиболее встречающихся в России пролетов мостов» (75 саж.)¹³.

В сортопрокатном цехе усовершенствовали правку железа холодным способом и калибровку углового железа, что позволило получать прокат без заусениц и не обрабатывать на обрешном станке, при этом число рабочих сократилось на 40 человек¹⁴.

В 1913 г. закончили перестановку станков и укладку рельсовых узкоколейных путей для следования сырого материала и полуфабрикатов в порядке переделов в кузнечном цехе Воткинского завода. Работниками цеха были спроектированы и изготовлены новые штампы для приготовления фасонных листов к паровозным котлам¹⁵.

В земледельческом цехе усовершенствование конструкций и технологии сборки земледельческих машин и орудий вызвало значительное увеличение их сбыта.

Техническому бюро Воткинского завода удалось ускорить выпуск заказов в цехах, начав применять систему групповых заказов по «спискам с указанием сроков изготовления деталей отдельными цехами»¹⁶.

За счет проведенных накануне Первой мировой войны модернизационных мероприятий завод смог увеличить годовой оборот с 2 339 050 руб. в 1912 г. до 5 040 416 руб. 07 коп. в 1913 г.¹⁷ Выпуск основных видов продукции Воткинского завода представлен в таблице 1.

В первые же месяцы войны все запасы снаряжений русской армии были израсходованы, хотя перед началом военных действий армия

**Динамика производства основных видов продукции
Воткинским заводом в 1912 и 1913 гг., в пуд.¹⁸**

Виды продукции	Годы выпуска	
	1912	1913
Сортовое железо	661 055	690 970
Листовое железо	281 104	374 134
Стальная фасонная отливка	39 409	72 772
Чугунная отливка	79 945	111 453
Медная отливка	1636	4440
Железнодорожные мосты	331 373	385 160
Суда разного типа	5	6
Земледельческие орудия и части к ним	28 481	44 821

имела более 7 млн. выстрелов для орудий всех калибров¹⁹. Испытывая снарядный «голод», русская армия на фронте нуждалась ежедневно в 45 тыс. 3-дюймовых (76 мм.) снарядов. Поскольку война выявила решающее значение сухопутной артиллерии в обеспечении успешного ведения боевых операций, казенные заводы расширяли и осваивали производство орудий и боеприпасов для сухопутной армии, причем основной упор был сделан на расширение выпуска 3-дюймовых снарядов. Находясь в ведении Горного департамента, Воткинский завод ранее не выполнял военных заказов для армии, хотя периодически выполнял заказы Адмиралтейства.

В мае 1914 г. администрация Воткинского завода разработала план преобразования паровозного цеха с целью довести выпуск паровозов до 50 в год²⁰. Планируемые расходы на расширение цеха исчислялись в 1 074 138 руб., при этом предусматривалась возможность доведения выпуска паровозов до 100 штук в год на тех же площадях, лишь увеличив число станков²¹.

В паровозостроительном цехе в 1914 г. были установлены 1 вертикальный воздушный приводной компрессор «Гаряж-Вортингтон» с электродвигателем мощностью в 14 л.с., 3 пневматических рубильных молотка «Найльс», пневматическая сверлильная машинка, станок для холодной резки металла, горизонтальный сверлильно-фрезерный станок с электромотором²².

В первые месяцы войны Воткинский завод продолжал выпуск паровозов, судов, железнодорожных мостов и креплений и сельскохозяйственных машин. В 1914 г. завод выпустил продукции на 5 265 329 руб., тогда как в 1913 г. на 4 562 493 руб.²³

В конце сентября 1914 г. в Петроград и Швецию от Горного ведомства с целью закупки дополнительного цехового оборудования для уральских казенных заводов был командирован военный инженер Н. Н. Грибоедов²⁴. Он успешно справился с заданием, подписав контракты с московскими, петроградскими и шведскими фирмами на поставку станков Пермскому пушечному, Златоустовскому, Саткинскому и Кусинскому заводам, а также четырех станков из США и измерительных приборов из Швеции Воткинскому заводу, который предполагалось переоборудовать для организации снарядного производства²⁵.

В начале 1915 г. Воткинский завод организовал пробное производство артиллерийских 3-дюймовых шрапнелей в цехе земледельческих орудий, где были установлены приобретенные 22 токарных и 1 круглошлифовальный станки, а также изготовленные своими силами 5 винтовых прессов, вальцовый станок для прокатки поясков, 3 шлифовальных автоматических станка и 2 двоярных токарных. Было построено и оборудовано здание для термической обработки снарядов. Опытная партия шрапнелей была в феврале 1915 г. сдана на Петроградский полигон и выдержала испытания²⁶.

В октябре 1915 г. усилиями Главного артиллерийского управления и Министерства торговли и промышленности было принято решение Военного ведомства о производстве 3-дюймовых гранат на Воткинском заводе с производительностью 40–50 тыс. штук в месяц. Для этого заводу был выделен кредит в размере 950 000 руб. на приобретение станков и расширение энергетической базы²⁷. В конце 1915 – начале 1916 гг. производство 3-дюймовых гранат было освоено.

В 1915 г. Воткинским заводом выполнялись заказы министерств путей сообщения, торговли и промышленности, Военного ведомства, а также частные заказы, которые составляли около 2 % от общего объема выпускаемых изделий²⁸. Для Военного ведомства завод изготовлял трехдюймовые шрапнели, 5 000 штук в месяц, корпуса 1/2-пудовых светящих ядер для артиллерийского ведомства, лафетные части к пушкам для Пермского пушечного завода, диафрагмы к шрапнелям для Златоустовского завода, фрезерные,

сверлильные и другие металлообрабатывающие станки для казенных военных заводов Златоустовского горного округа и для Ижевского оружейного завода²⁹. Завод изготовил 28 различных речных и специальных судов. В январе 1915 г. на Ижевский пруд были доставлены 2 парохода, изготовленные Воткинским заводом. Кроме того, завод изготовил железнодорожных скреплений 418 829 пуд., мостовых конструкций 32 084 пуд.³⁰ По длине построенных мостов в 1915 г. Воткинский завод вышел на первое место в России. Сельскохозяйственных орудий было изготовлено 38 872 пуд.

В 1915 г. на заводе продолжались мероприятия по механизации ручного труда и модернизации существующего оборудования, внедрение новых технологических процессов.

В котельном цехе была внедрена кислородоацетиленовая сварка деталей и узлов, значительно повысившая производительность труда. Для облегчения и ускорения сверлильных работ был применен пневматический инструмент. В кузнечном цехе были установлены изготовленные силами завода 10 винтовых прессов для штамповки костылей, заклепок и болтов, что позволило увеличить выпуск костылей до 20 000 штук в месяц. Большая работа по механизации грузоподъемных и других работ была проведена в мостовом цехе. Площадь сборочного участка цеха была увеличена на 1200 м² и оборудована железнодорожными крановыми путями. Силами завода был изготовлен 7-тонный паровой кран железнодорожного типа. Установлен новый мостовой кран с пневматическим оборудованием для клепки. Ручная обрубка железа была заменена обрубкой американскими пневматическими молотками. Для выполнения сверлильных работ силами завода были сконструированы и изготовлены 4 электросверлилки. Два новых рычажных электрических станка позволили значительно удешевить работы по перемещению грузов на сборки. В механическом цехе организационные мероприятия позволили расширить площади для сборки станков, механизировать погрузочные работы по перемещению тяжелых деталей и узлов, улучшить условия труда рабочих. Большая экономия инструментальной быстрорежущей стали была достигнута внедрением в производство напайкой пластин из нее на режущий инструмент³¹.

В связи с увеличением спроса на сталь в сталелитейном цехе Воткинского завода строилась новая мартеновская печь емкостью

25 тонн с 5 газогенераторами, сифонными затворами, отдельной дымовой трубой, литейная канавка оборудовалась ковшами с электроприводом. Строительство новой печи стесняло работу других печей, но не отразилось на их производительности. Производство стали на заводе в 1915 г. составило 1 420 000 пуд.³² против 1 276 100 пуд. в 1914 г.³³ Удельный вес Воткинского железоделательного завода в общероссийской выплавке стали составил в 1914 г. – 0,7 %, в 1915 г. – 1,9 %³⁴. Завод производил различные марки стали – от низкоуглеродистой до рессорной.

Война потребовала колоссальных объемов перевозок, особенно на железнодорожном транспорте. Россия испытывала большой недостаток паровозов и вагонов, поэтому Воткинский завод продолжал изготовление паровозов. В паровозном цехе широко стали использовать пневматический инструмент – пневмосверлилки и пневмомолотки, для повышения производительности. Для сверления паровозных рам был установлен двойной горизонтально-сверлильный станок, при этом повысилась точность и качество отверстий. Установка специальной печи для разогрева композиций при заливке подшипников скольжения позволила значительно ускорить и удешевить работы. Изготовление новых форм для отливки колец металлических сальников дало большую экономию материала, так как не требовало механической обработки.

23 ноября 1915 г. в связи с увеличением выпуска 3-дюймовых снарядов заведующим снарядного цеха Воткинского завода Р.Ф. Зенцино был выдан заказ Технической конторе «Русскометалл» на поставку заводу 10 винторезно-токарных станков американского завода «Цинцинати»³⁵.

Учитывая положительный опыт изготовления 3-дюймовых снарядов и возможности Воткинского завода после проведенных опросов Уральского заводского совещания, в середине 1916 г. Воткинскому заводу был выдан заказ на изготовление в 1916–1917 гг. 500 000 штук 3-дюймовых шрапнелей³⁶. На Воткинском заводе в июле-августе 1916 г. была введена в действие прессовая фабрика для штамповки корпусов трехдюймовых шрапнелей³⁷.

Для механизации сверлильных работ завод приобрел у Торгового дома «Морнц и Брамер» в Петрограде ручную электрическую сверлильную машину стоимостью 400 рублей³⁸.

7 января 1916 г. с целью увеличения производительности выпуска металла исполняющий должность Горного начальника

Камско-Воткинского округа Н. М. Бухтеев вышел с предложением в отдел по испытанию и освидетельствованию заказов в Министерстве путей сообщения об изготовлении более мягкой стали для железнодорожных скреплений, паровозного литья и мостовых опор, что позволяло уменьшить время плавки³⁹.

Технические работники Воткинского завода изучали опыт работы других предприятий, в частности, Ижевских заводов. Для ознакомления с приготовлением снарядной стали и со штамповкой стаканов в феврале 1916 г. в Ижевский оружейный и сталелитейный заводы были командированы с Воткинского завода заведующий сталелитейным цехом А.Н. Варначев, заведующий кузнечным, молотовым и прессовыми цехами Д.Ф. Жигулев и мастер кузнечного цеха С.К. Логинов⁴⁰. Позднее, в мае 1916 г., горный инженер И.Я. Адарюков ездил в Ижевские заводы для ознакомления со способом приготовления шрапнельной стали, а мастер каменного цеха А.А. Варламов – для ознакомления с приготовлением «прибылей настывшей к изложницам употребляемым для изготовления снарядной стали»⁴¹.

За 1916–1917 гг. Воткинский завод изготовил около 125 тыс. 3-дюймовых снарядов⁴².

В 1918 г. по условиям Брестского мирного договора снарядный цех Воткинского завода был закрыт.

Таким образом, накануне Первой мировой войны произошла техническая реконструкция Воткинского железодельного завода: расширение существующих площадей, обновление станочного парка, внедрение новых технологий в производство. Постройка новой мартеновской печи и модернизация оборудования сталелитейного цеха позволили заводу в годы Первой мировой войны увеличить выплавку различных сортов стали. Во время Первой мировой войны, ставшей стимулирующим фактором для Воткинского железодельного завода, он был перепрофилирован и смог наладить выпуск остродефицитных в то время для русской армии 3-дюймовых шрапнелей и оставить на прежнем уровне выпуск железнодорожных скреплений и мостов.

¹ Сигов С.П. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск, 1936; Залесский С.А. Мобилизация промышленности на Урале в годы

Война и модернизация: Воткинский железоделательный завод в годы I мировой войны

Первой мировой войны // Исторические записки. М., 1959. № 65. С. 80–118; Вяткин М.П. Горнозаводской Урал 1900–1917 гг. М.; Л., 1965; Поликарпов В.В. Государственное производство вооружения в России (1905 – февраль 1917 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1986 и др.

² Жук А.В. Внедрение новых технологий на военных предприятиях Урала в годы Первой мировой войны // Проблема человека в историческом процессе. Екатеринбург, 2000. С. 16–21; Коростелева С.А., Куликов К.И. Первая мировая война как фактор модернизации промышленности Удмуртии // Вооруженные конфликты на рубеже XIX–XX вв. Екатеринбург, 2004. С. 52–60; Гаврилов Д.В. Модернизационный взлет Урала в конце XIX – начале XX вв. // Модернизационные процессы в металлургии Урала XVII–XXI вв. Екатеринбург, 2005. С. 40–93 и др.

³ Обзор Вятской губернии за 1915 г. Приложение к Всеподданнейшему отчету Вятского губернатора. Вятка, 1916; Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1914 г. Вятка, 1913; Материалы для оценки недвижимых имуществ в городах Вятской губернии. Вятка, 1908.

⁴ Воткинский завод. История развития производства за 240 лет. Воткинск, 2000. С. 36.

⁵ Вяткин М.П. Горнозаводской Урал в 1900–1917 гг. М.; Л., 1965. С. 269.

⁶ ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 11086. Л. 107–108.

⁷ Там же. Л. 56.

⁸ Там же. Л. 57.

⁹ Там же. Л. 57–61, 107–108.

¹⁰ Там же. Л. 56–61.

¹¹ Там же. Л. 107–108.

¹² Там же. Л. 56–61.

¹³ Там же. Л. 108.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Л. 56–61.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Д. 11046. Л. 35–36; Ф. 212. Оп. 1. Д. 11126. Л. 45 об.–46.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Бескровный Л.Г. Армия и флот в начале XX века. М., 1986. С. 102–103.

²⁰ ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 11134. Л. 33–35 об.

²¹ Там же.

²² Там же. Д. 11148. Л. 76.

²³ ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 958. Л. 45–45 об.

²⁴ Жук А.В. Военная промышленность Урала в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000. С. 62.

²⁵ Там же.

²⁶ ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 11168. Л. 1–4 об.

²⁷ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/2. Д. 8. Л. 159–159 об.

²⁸ ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 11148. Л. 2–2 об.

²⁹ Там же. Л. 1–2.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. Д. 11168. Л. 1–4 об.

³² Там же.

³³ Там же. Д. 11136. Л. 34.

³⁴ Сведения посчитаны автором по данным: ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 11168.

Л. 1–4 об.; Д. 11136. Л. 34; Бескровный Л.Г. Армия и флот в начале XX века. Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986. С. 70.

³⁵ ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 11172. Л. 4.

³⁶ Там же. Д. 11229. Л. 10.

³⁷ Там же. Д. 11195. Л. 46.

³⁸ Там же. Д. 11208. Л. 65.

³⁹ Там же. Ф. 260. Оп. 1. Д. 148. Л. 11.

⁴⁰ Там же. Ф. 212. Оп. 1. Д. 11146. Л. 26.

⁴¹ Там же. Л. 64.

⁴² Жук А.В. Военная промышленность Урала ... С. 103.

И.В. Рябухин (Санкт-Петербург)

**АРТИЛЛЕРИЙСКИЕ БОЕПРИПАСЫ
И ПРИБОРЫ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1914–1918 ГОДОВ
(В КОЛЛЕКЦИЯХ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО
МУЗЕЯ АРТИЛЛЕРИИ, ИНЖЕНЕРНЫХ
ВОЙСК И ВОЙСК СВЯЗИ)**

В КАНУН очередной годовщины начала Первой мировой войны 1914–1918 гг. мы вспоминаем не только о тех страницах истории, которые повествуют о малоизвестных трагических событиях, но и о факторах и причинах, побудивших военную науку двигаться вперед и находить пути и способы расширять производство.

Как известно, война началась между 8 европейскими государствами (Германия, Австро-Венгрия и противостоящие им Великобритания, Франция, Россия, Бельгия, Сербия и Черногория), постепенно вовлекла в свою орбиту 38 государств с населением свыше 1,5 миллиарда человек. За годы войны в армию было мобилизовано около 70 миллионов человек, произведено огромное количество военной продукции. Количество вооружения, произведенного за годы Первой мировой войны основными воюющими странами приведено в табл. 1.

Из таблицы видно, что Россия, одна из богатейших людскими и природными ресурсами стран, по сравнению с представленными в таблице странами выглядит не самым лучшим образом в вопросах готовности к войне. Зато по потерям личного состава Россия занимает первое место – 2,3 миллиона человек.

Политические изменения внутри стран и взаимоотношения между воюющими сторонами, победы и поражения на различных театрах военных действий, а также ход сражений нас не будут интересовать в рамках настоящей статьи. Предметом нашего рассмотрения

Табл. 1

Виды военной техники и боеприпасы	Германия	Австрия Венгрия	Франция	Великобритания	Россия	Италия	США	Всего
Винтовки, тыс.	8547	3500	2500	3854	3300	2400	3500	27601
Пулеметы, тыс.	280	40,5	312,2	239,4	28,0	101	75	1076,1
Арт. орудия, тыс.	64	15,9	23,2	26,4	11,7	6,5	4,0	151,7
Минометы, тыс.	12	—	3	2,5	—	—	0,6	18,1
Танки, тыс.	0,1	—	5,3	2,8	—	—	1,0	9,2
Самолеты, тыс.	47,3	5,4	52,1	47,8	3,5	12,0	13,8	181,9
Арт. снаряды, млн.	306	80	290	218	67	70	20	1051
Патроны, млрд.	8,2	4	6,3	8,6	13,5	3,6	3,5	47,7
Автомобили груз., тыс.	65	—	110	87	20	28	30	340

являются технические изменения в области вооружений, конкретно – артиллерийского вооружения, чем они вызваны и каковы итоги.

Прежде всего следует обратить внимание на появление в предвоенное время новых видов вооружения, в том числе самолетов, танков, механических средств передвижения, минометов и т.п. Претерпели изменения приемы ведения боя. Проводились усовершенствования существующих и велись активные поиски новых разработок по внедрению научных достижений в военную область.

Европейские государства заранее готовились к войне: активизировалась работа по выпуску необходимой военной продукции, готовились кадры, разрабатывались планы и уточнялись мобилизационные ресурсы. Набирала обороты «военная машина»: активно внедрялись научные подходы к решению военных вопросов (подготовка театра военных действий, совершенствование стратегии и тактики ведения боевых

действий и др.), к разработке и созданию новых образцов вооружения, к подготовке кадров.

Следует отметить, что подготовке к Первой мировой войне предшествовало широкое развитие, начиная со 2-й половины XIX века, артиллерийской науки, особенно внутренней и внешней баллистики, теории стрельбы, теории основания устройства материальной части, взрывчатых веществ и порохов. В России большой вклад в эти области науки внесли русские ученые-артиллеристы Н.В. Маиевский, П.М. Альбицкий, А.В. Гадолин, Д.К. Чернов, Н.В. Калакуцкий, А.С. Лавров, Н.А. Забудский и ряд других. В 1872–77 гг. талантливый русский изобретатель В.С. Барановский создал 2,5-дюймовую скорострельную пушку; капитан Л.Н. Гобято в 1904 г. реализовал идею создания миномета, С.О. Макаров разработал конструкцию особых бронебойных снарядов с баллистическим наконечником из тигельной и хромистой стали; во Франции Пюто и Дюпор в 1892 г. изобрели 75 мм пушку с независимой линией прицеливания, в 1894 г. Вьель изобрел медленно горящий бездымный порох. В России была создана в 1909 г. первая звукометрическая станция. Ученые некоторых других стран вели не менее активную работу и внесли весомый вклад в общее развитие артиллерии.

В результате совместных усилий ученых на рубеже XIX–XX веков сформировались определенные критерии в вопросах разработки военной техники. Так, в вопросах проектирования артиллерийских систем утвердились следующие критерии:

1) унитарный патрон (позже уточнены калибры орудий, после которых предусматривалось отдельно гильзовое или картузное заряжание);

2) быстродействующий затвор (открывание, заряжание, производство выстрела, извлечение гильзы и закрывание затвора);

3) возможность одновременного выполнения заряжания и наводки;

4) безоткатность (неподвижность) при выстреле системы;

5) несбиваемость прицельной линии после выстрела;

6) единый снаряд – шрапнель;

7) наличие щитового прикрытия;

8) прицельные приспособления должны выполнять и функции квадранта (т. к. квадрат служил для определения увода линии прицеливания орудия от горизонтального положения по оси цапф и придания стволу угла возвышения относительно горизонта).

При полном или частичном соответствии с этими техническими требованиями основными воюющими странами были созданы и приняты на вооружение до начала Первой мировой войны следующие скорострельные орудия, наиболее полно удовлетворявшие требованиям войск – см. табл. 2.

Данные этой таблицы показывают, что задача создания скорострельного полевого орудия во всех странах была разрешена почти одинаково, если не касаться деталей устройства, а принимать во внимание боевые характеристики.

Е.З. Барсуков, известный ученый-артиллерист, автор книги «Русская артиллерия в мировую войну» (М., 1938–40 гг.), писал: «Есть, однако, не очень резкие различия и в этих характеристиках, объясняемые некоторыми оттенками или особенностями во взглядах».

Приведем для примера некоторые из отличий.

«Во Франции выбрали наиболее тяжелый снаряд, вследствие чего при выбранной начальной скорости снаряда получалась довольно крутая траектория на малых расстояниях, но менее крутая на больших. Могущество снаряда увеличивалось. Благодаря почти полной несбиваемости линии прицеливания скорострельность наивысшая в ряду других систем. Кроме того, в этой системе впервые введено разделение вертикальной наводки между двумя наводчиками: один придавал угол места цели (тогда называли «угол местности») и выполнял боковую наводку, второй придавал угол прицеливания. Достигалось это устройством двойного подъемного механизма – «независимой линии прицеливания». Одним механизмом придавался угол места цели, а другим (правым) угол прицеливания. 75-мм французская скорострельная пушка представляет собой образец глубокой продуманности во всех отношениях и деталях. На ней же был впервые (после Барановского) установлен оптический прицел в виде коллиматора с угломером с делениями в $1/6400$ окружности.

В Германии приняли калибр несколько больший, чем в других странах, с тем что, если их снаряды попадут во время войны в руки противника, он не мог бы их использовать. В случае же, если снаряды противника попадут в руки немцев, их можно использовать, нагнав новые пояски».

Артиллерийские системы в отношении устройства однотипных механизмов во всех видах артиллерийских орудий имеют сходную конструкцию, различаясь размерами и деталями. Важнейшими

Табл. 2

Страна	Название орудия	Калибр, мм	Вес снаряда, кг	Начальная скорость, м/сек.	Наибольшая дальность стрельбы, м	Скорость стрельбы, в/мин.	Вес в походном положении, кг
Россия	76,2-мм полевая пушка обр. 1902 г.	76,2	6,5	588	8000	10	2020
Франция	75-мм пушка обр. 1897 г.	75	7,25	530	8500	10	1885
Австрия	Пушка М-1905	76,5	6,68	500	7000	10	1910
Италия	75-мм скорострельная пушка обр. 1906 г.	75	6,5	500	6800	10	–
Англия	18-фн. пушка обр. 1904 г.	76,2	5,7	505	6400	10	1785
США	76-мм скорострельная пушка обр. 1902 г.	76	6,8	520	6400	10	–
Германия	78-мм пушка М-1896 г.	77	6,8	465	8400	10	1995

отличиями скорострельных систем от дальнобойных является следующее:

1. Введены унитарные патроны для пушек;
2. Введены быстродействующие затворы;
3. Приняты оптические панорамные, дуговые прицелы;
4. Введены противооткатные устройства для соединения ствола с лафетом;
5. Понижена линия огня орудия, увеличена длина лафета, введены сошники для повышения устойчивости орудия;
6. Введен поворотный механизм с небольшим, однако, углом поворота (не более 8°);
7. Механизмы наводки приняты с большой передачей, быстро и легко действующие;
8. Приняты щиты для защиты орудийного расчета.

Благодаря этим мерам была достигнута большая скорострельность (до 12–15 выстрелов в минуту).

В вопросах разработки требований к боеприпасам были также сформулированы определенные технические требования:

1. Увеличение дальности стрельбы;
2. Улучшение кучности стрельбы;
3. Повышение эффективности снарядов;
4. Улучшение характеристик метательного и боевого зарядов;
5. Повышение надежности взрывателей и трубок.

К началу Первой мировой войны на вооружении артиллерии всех армий состояли главным образом фугасные снаряды и шрапнели. В германской артиллерии на вооружении стояли, кроме того, осколочные гранаты для стрельбы по живой силе, зенитные шрапнели и дистанционные гранаты для стрельбы по самолетам.

Кстати сказать, о последствиях появления в начале века летательных аппаратов над полем боя в России не задумывались до 1914 г., несмотря на объявленную и медленно внедряемую реорганизацию русской армии в 1910 г.

Появление танков в сражениях Первой мировой войны потребовало от конструкторов создания противотанковых орудий. Для борьбы с танками во Франции и Германии были созданы первые 37-мм противотанковые пушки. Но соревнование брони и бронебойного снаряда началось гораздо раньше с появлением в шестидесятых годах XIX в. в военно-морских флотах бронированных судов. Первый бронебойный снаряд, отлитый из закаленного чугуна

по методу русского ученого Д.К. Чернова и имеющий специальный (бронепробивный) наконечник С.О. Макарова из вязкой стали, был изготовлен в России, затем бронепробивные снаряды стали изготавливать из пудлинговой стали. При стрельбе на полигоне в 1897 г. бронепробивный снаряд с наконечником из 152-мм пушки пробил броневую плиту толщиной 254 мм. К концу XIX в. бронепробивные снаряды с наконечниками С.О. Макарова были приняты на вооружение артиллерии всех европейских государств. Первые бронепробивные снаряды изготавливались сплошными, однако впоследствии они снаряжались взрывчатким веществом.

31 мая 1915 г. немцы успешно провели газовую атаку против частей 2-й русской армии под Варшавой. В ночь на 13 июля 1917 г. немцы применили артиллерийские снаряды «желтый крест», начиненные сильнодействующим отравляющим веществом, и вывели из строя около 2,5 тысяч солдат Антанты. Англичане окрестили немецкое отравляющее вещество «горчичным газом», а французы – «ипритом», по названию города Ипр, где оно было впервые применено. Итогом применения химических ОВ в первой мировой войне было отравление в разной степени нескольких миллионов людей.

В русской армии верховное командование относилось к использованию ОВ отрицательно. Однако, под впечатлением газовой атаки, произведенной немцами в районе Ипра, а также в мае на Восточном фронте оно было вынуждено изменить свои взгляды. В России в 1916 г. официально появились 76-мм химические снаряды.

В коллекции музея хранятся боеприпасы различных артиллерийских систем отечественного и иностранного производства стран-участниц Первой мировой войны. В музее хранятся 82 снаряда осколочного и фугасного типов и 70 гранат-шрапнелей, в том числе германские, французские, английские и австро-венгерские.

В период войны на вооружении стран-участниц сражений было большое количество различных по калибрам артиллерийских орудий. Так, Австрия имела 3 вида принятых на вооружение артиллерийских систем, Великобритания – 10, Германия – 9, Италия – 2, Россия – 50, Франция – 8.

В связи с тем, что в конце 90-х годов XIX в. во всех европейских государствах начались работы по перевооружению полевой артиллерии скорострельными пушками и гаубицами, были выработаны общие требования к дистанционным трубкам.

1. Дистанционное действие трубки должно соответствовать до 5000 м по дальности.

2. Точность установки – «не должна превышать одного деления прицела» – определилась из условия действительности поражения целей и соответствовала 40 м.

3. Возможно меньший вес, необходимый для увеличения полезной нагрузки шрапнели; вследствие этого почти во всех государствах крупные части трубок стали делать из алюминия или из его сплавов.

4. Возможность установки на «картечь», при которой стрельба шрапнелью предусматривалась для отражения ближней атаки. С такой установкой трубки сдавались в войска: зарядание орудия в момент атаки не должно быть сложнее зарядания картечью. Это требование было обусловлено тем, что для упрощения боевых комплектов предполагалось отказаться от картечи.

5. Подготовка трубки к выстрелу должна заключаться, по возможности, только в установке дистанционной части на требуемое деление. Вынимание чеки, а также ослабление и зажатие головной гайки, применявшееся в прежних трубках и замедлявшее стрельбу, необходимо было устранить.

6. Дистанционная часть, установленная на определенное деление, должна в момент выстрела автоматически застопориться в этом положении.

7. Возможность установки «на удар».

8. Для ускорения точной установки трубки должно быть предусмотрено применение автоматического ключа.

Русские дистанционные трубки до 1900 г.

До 1891 г. в России были выработаны трубки только дистанционного действия. Не касаясь всех переходных типов, рассмотрим лишь состоявшие на вооружении образцы.

1. 12-сек. трубка образца 1880 г. с плоской головкой и отдельным боевым винтом. Стебель трубки латунный, дистанционное кольцо из сплава олова с сурьмой. Латунный штампованный навинтной колпак. Трубка заменила 10-сек. трубку для полевых шрапнелей.

2. 10-сек. трубка образца 1887 г. для 2,5-дюйм. горных пушек 1883 г. – первая латунная трубка с внутренним боевым винтом. По этому же типу немного позже была разработана 12-сек. трубка образца 1887 г. к полевым шрапнелям. В 1907 г. этот же тип трубки с

небольшими изменениями был принят к шрапнелям для морских десантных пушек.

3. 16-сек. трубка образца 1888 г. По этому же типу были разработаны 12-сек. дистанционные трубки образца 1888 г. для полевой артиллерии.

4. 12-сек. трубка образца 1891 г. – первая русская трубка двойного действия для шрапнелей к полевым пушкам. По этому же типу в 1887 г. разрабатывалась 28-сек. трубка двойного действия для шрапнелей к полевым мортирам. Ввиду неудачного действия эта трубка была заменена 28-сек. трубкой двойного действия образца 1896 г.

5. 8-сек. трубка двойного действия завода Норденфельда для 57-мм береговых пушек являлась первой трубкой с выпуском газов от горения состава под грибок в головной части. По этому же типу готовились 12-сек. трубки двойного действия образца 1894 г. для морских сегментных снарядов.

Германские трубки 1896 г.

Германия ранее других государств приняла новую материальную часть полевой артиллерии 1896 г., хотя и не скорострельную, но значительно усовершенствованную.

1. Трубка образца 1896 г. (Doppel Zunder 96) имела две дистанционные части, допускала установку до 5000 м и весила около 0,35 кг.

2. Трубки Dopp. Z. 96 и Dopp. Z. 96 п/А (фиг. 31) в несколько измененном виде применялись для шрапнелей и бризантных гранат (с запальным стаканом) во время мировой войны.

Французские трубки.

Франция еще около 1880 г. выработала основной тип трубки двойного действия для снарядов полевой артиллерии и для орудий крупных калибров, существенно отличающийся от трубок других государств. Французские трубки имели в общем одинаковое устройство и отличались только размерами.

1. Трубки образца 1889 г. для снарядов средних калибров до 155-мм включительно.

2. Трубки образца 1897 г. для шрапнелей 75-мм полевых пушек. Эти трубки различаются главным образом размерами и несущественными деталями устройства.

3. Трубки системы Шнейдера. Трубки этого типа изготовлялись с двумя дистанционными частями для 75-мм шрапнелей и имели время горения 33 сек. С двумя же частями увеличенного диаметра

они горели до 45 сек. и применялись для снарядов средних калибров. Трубки с тремя дистанционными кольцами горели до 1 мин. и применялись для крупных снарядов.

Важное значение в дальнейшем развитии артиллерии имели научные достижения в области приборостроения в различных странах, а также уроки предшествующих войн (турецкие войны второй половины XIX в., англо-бурская война 1902 г., русско-японская война 1904 г. и балканские войны 1912 г.).

Принципиально важным шагом в приборостроении явилось создание немецкой оптико-механической фирмой Герц панорамы, получившей имя Герца. Панорама, разработанная по схеме швейцарца Корроди, соединила механическую часть угломерных приборов с оптической системой, обеспечив высокую точность измерений и хорошую надежность в эксплуатации.

С изобретением панорамы Герца в 1903 г. почти во всех государствах вводится прицел с панорамами, и этим, можно сказать, устанавливается полностью тип скорострельных орудий не только в полевой, но и в других видах артиллерии.

Другим важнейшим шагом в развитии артиллерии явилась разработка принципиально нового способа стрельбы – стрельба с закрытых огневых позиций. Эта работа велась с середины XIX в. и вызвала серию разработок угломерных приборов (прицельный угломер крепостной артиллерии, оптический угломер с прицельным зеркалом, наблюдательный треугольник, планшетный трансформатор, орудийный угломер к 76-мм пушке образца 1900 г., командирский угломер и целый ряд других приборов). В течение периода после русско-японской войны до принятия в 1909 г. на вооружение командирского угломера Михаловского-Турова в артиллерии царствовала угломерная анархия. Однако и этот прибор был лишь очередной ступенью в развитии артиллерийских приборов. Надолго закрепилась в войсках разработанная полковником Михаловским командирская буссоль и дополненная монокуляром Турова. Эта буссоль успешно применялась в течение Первой мировой войны, являясь почти единственным надежным прибором управления огнем, и долгое время без изменений состояла на вооружении Советской армии.

Русско-японская война выявила полное преимущество призматических биноклей над линзовыми (галилеевскими). С 1905 г. началось перевооружение русской полевой артиллерии новыми образцами

призмных биноклей, и уже с середины 1905 г. оптическая мастерская Обуховского сталелитейного завода освоила производство призмных биноклей 6-кратного увеличения и разработала образцы биноклей 8- и 10-кратного увеличения.

Потребность в обеспечении сложной углоначертательной работы по привязке элементов боевого порядка обусловила появление в артиллерии стереотруб.

Введение новых приборов управления огнем артиллерии (бинокль, дальномер с одновременным принятием на вооружение оружейной панорамы) явилось завершением всех технических вопросов применения стрельбы с закрытых позиций.

Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи свято хранит квадранты и другие угломерные приборы, дальномеры, буссоли, стереотрубы, бинокли, приборы подготовки исходных данных для стрельбы и управления огнем артиллерии, приборы звуковой разведки, радиолокационной разведки и целый ряд других приборов разведки, наблюдения и управления боем как символ памяти о научных и трудовых подвигах ученых и производственников, создавших прекрасные образцы этих приборов.

М.С. Саламатова (Новосибирск)

ВНЕСЛУЖЕБНАЯ ЖИЗНЬ КРАСНОАРМЕЙЦА 1920-х ГОДОВ ГЛАЗАМИ ПАРТИЙНЫХ СОЦИОЛОГОВ

«ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ» стала модной тенденцией последнего десятилетия в современной отечественной историографии. На рубеже XX и XXI столетий вышли десятки исследований, посвященных бытовому, обыденным сторонам жизни россиян разных эпох¹. Это отражает общий поворот исследователей от приоритетного в рамках марксистской парадигмы изучения событийной политической истории, поисков общих закономерностей общественно-экономического развития к изучению историко-психологических, историко-демографических и историко-культурных сюжетов.

Военные историки также не остались в стороне от данного направления, применительно к интересующему нас постреволюционному периоду. В исследованиях, посвященных Красной армии 1920-х гг., активно изучается повседневная, бытовая жизнь красноармейцев. При этом ряд исследований проводятся в рамках вполне традиционного изучения быта военных², но появляются работы, направленные на исследование «повседневных практик» армейского сообщества 1920-х гг., взаимоотношений различных групп красноармейцев, соотношения норм поведения в армии и обществе³.

1920-е гг. – сложный период трансформации советского общества и большевистской идеологии, когда многие представления о жизни, быте носили переходный характер. С объявлением нэпа, период линейных антагонистических оценок времен Гражданской войны отошел в прошлое, в партии и обществе активно обсуждались вопросы соотношения пролетарского и буржуазного

содержания бытовой стороны жизни советских граждан. Не были установлены четкие границы дозволенного, отсутствовала однозначная позиция партийных лидеров относительно взаимоотношений полов, семейной жизни и проведения досуга⁴.

Источники этого периода отображают многообразие точек зрения, идеологические разногласия внутри партии и общества относительно всех сторон жизни включая повседневную. Одним из интересных и ценных источников для изучения повседневной жизни является советская печать. Наше внимание привлекла статья Г. Татулова в журнале «Большевик» за 1925 г., посвященная обследованию быта красноармейцев. Примечателен этот источник как местом публикации (журнал «Большевик» – официальный орган ЦК ВКП(б)), так и степенью открытости и откровенности изложения материала.

Не претендуя на всестороннее и объективное освещение внеслужбной жизни красноармейцев, указанная публикация является ценным источником для реконструкции повседневной жизни советских военнослужащих, формирования их системы ценностей, отражением сложного сочетания традиционных и революционных идеалов.

В духе революционной патетики формулировалась цель исследования – «изучить сложный современный быт, чтобы поставить громадный материал, могущий дать подтверждение ряду основных тезисов марксистской науки о поведении человека»⁵. Исследование проводила партийная комиссия. Анкетированию подверглась партийная организация одной из дивизий Красной армии (в публикации не указывается название дивизии), всего за 1925 г. обследовали 304 красноармейца – члена ВКП(б). Преимущественно это были молодые люди до 30 лет (89,2%), возрастная группа до 40 лет составила 6,2% и 4,6% не указали возраста. Значительную часть опрашиваемых красноармейцев (40,8%) составлял комсостав, 20,1% – политработники, красноармейцы – 36,5%, адмхозсостав – 2,6%.

Должностное положение и членство в партии обусловили относительно высокий образовательный уровень обследуемых красноармейцев, неграмотные в группе отсутствовали, малограмотных (умевших читать и писать) было 6,2%, со средним и высшим образованием – 15,8%, преобладали в группе (78%) лица с начальным (низшим) образованием. Для середины 1920-х гг. это была

весьма образованная группа красноармейцев, одной из серьезных проблем армии 1920-х гг. являлась неграмотность призывников. Так, 19,4 % призывников 1902 года рождения были неграмотными, 1903 г. р. – 12,4 %, 1904 г. р. – 8,4 %, 1905 г. р. – 10,4 %⁶. Социальное положение обследуемых красноармейцев преимущественно соответствовало названию армии (рабоче-крестьянская): 45,1 % являлись выходцами из рабочей среды, 41,4 % – крестьянами, 13,5 % – служащими.

Анкета была довольна подробной и включала 178 вопросов о самых различных сторонах внеслужебной жизни красноармейцев: состоянии их здоровья, общественной, культурной, семейной и сексуальной сторонах жизни, взаимоотношениях с окружающими (друзьями, коллегами).

В результате партийного исследования выяснилось, что совершенно здоровых красноармейцев было менее половины (46,4 %), 39,1 % указали, что больны, и остальные жаловались на переутомление. Слабое здоровье красноармейцев авторы исследования объясняют «исключительно историческими и общественными причинами», под которыми понимались «тяжелое царское наследие», а также участие в Первой мировой и Гражданской войнах⁷. Наиболее распространенными заболеваниями красноармейцев являлись: неврастения, легочные заболевания, малярия, малокровие, желудочные заболевания. В качестве основных причин заболеваний нервной системы красноармейцы считали «постоянную нервную напряженность, усталость, огромные перегрузки». Легочные и желудочные заболевания объяснялись следствиями Гражданской войны «от недоедания, грубой пищи донэповского времени, постоянными простудами», малярия объяснялась климатическими особенностями Закавказья⁸.

Возникает закономерный вопрос, если почти половина обследуемых красноармейцев была больна, почему их не комиссовали? Авторы исследования не отвечают на него, отмечая лишь выдающиеся волевые качества партийцев: «субъективно пролетарская воля не хочет считаться с большими мелочами»⁹.

Впрочем, слабое здоровье красноармейцев в обследуемой группе являлось не исключением, а скорее типичным явлением в 1920-е гг.¹⁰ В докладе от 1 декабря 1924 г. Политического управления РККА отмечалось слабое здоровье как красноармейцев, так и призывников. Так, при прохождении призыва граждан 1902 г. лишь 57,4 %

были признаны годными, остальные были признаны негодными в силу серьезных неизлечимых заболеваний либо отправлены на лечение¹¹.

Брак и семейные ценности в постреволюционный период претерпели существенную трансформацию. Большевики, придя к власти, нанесли удар по патриархальной семье, традиционным ценностям, обеспечив невиданную свободу частной жизни. В 1920-е гг. нормой стали гражданский брак, развод, возможность создания семьи без разрешения родителей и опекунов. Церковный брак хотя и не запрещался, но только брак, зарегистрированный в ЗАГС, порождал юридические права и обязанности супругов. Церковные браки осуждались комсомолом и партийными организациями, проводились публичные общественные суды над венчавшимися¹².

Однако население неоднозначно реагировало на беззастенчивое вмешательство советского государства в личную жизнь и навязываемые ценности «пролетарской семьи». Н.Б. Лебина замечает, что в крестьянской среде по-прежнему был популярен церковный брак и традиционные отношения в семье. Горожане восприняли эти новшества с большим энтузиазмом. Так, в Ленинграде число церковных браков резко снизилось, к концу 1920-х гг. лишь 50 % браков сопровождалось обрядом венчания¹³. Многие искали компромисс между требованиями власти и устоявшимися традициями: сначала регистрировали брак в ЗАГС, а затем проходили обряд венчания. Наиболее восприимчивой средой к модернизации форм семейной жизни стала городская молодежь и особенно студенчество, в этой среде церковные браки считались анахронизмом¹⁴.

Представляется, что большинство советских граждан в 1920-е гг. находились в смятении относительно выбора формы заключения брака, с одной стороны, на них воздействовала агрессивная пропаганда новых форм брака, с другой – укоренившиеся традиции и требования родственников.

Сведения, полученные в ходе обследования красноармейцев, отразили противоречия общественного сознания относительно семейных ценностей, характерных для 1920-х гг. В обследуемой группе красноармейцев 43,4 % – холостые мужчины, 48,6 % имели семью до 3-х человек, и 8 % – семью с большим количеством детей. Традиционные формы оформления брака были характерны в первую очередь для красноармейцев крестьянского происхождения, большинство из них (74,4 %) проходили обряд венчания в церкви, при

этом лишь 44,4 % красноармейцев-крестьян дополнительно регистрировали брак в ЗАГС. Красноармейцы, уже являясь членами партии, венчались в церкви, что вызывало крайнее недовольство партийного руководства, в рамках проведенного обследования делался вывод об их отсталости и недоработках со стороны как армейского, так и партийного руководства¹⁵. Учитывая степень неодобрения партией патриархальных форм брака, удивляет распространенность церковного брака среди партийных красноармейцев крестьянского происхождения.

Красноармейцы рабочего происхождения, с точки зрения партийного руководства, являлись более сознательными, они преимущественно заключали гражданские браки (77,2 %) либо жили в «безбрачных сожительстве» (17,4 %), церковные браки в этой среде были достаточно редкими и заключались в случае, если женами были крестьянки¹⁶. Эти данные подтверждают наблюдения историков повседневности о принятии городской молодежью свободных нравов и усвоении ими большевистских представлений о браке и семье¹⁷.

Большая часть красноармейцев (56,5 %) были женаты на крестьянках, около четверти – на работницах и 17,5 % указали на социальное положение жен «служащие», что в реальности означало, что они происходили из мещанского, купеческого или дворянского сословий. Предпочтения красноармейцев в выборе жен также не оказались неожиданными. Крестьяне преимущественно (70,6 %) выбирали спутниц жизни из крестьянок, рабочие – из работниц (52,4 %), служащие – из служащих (76,5 %). В остальных случаях красноармейцы – выходцы из крестьянского сословия – женились на работницах, красноармейцы-рабочие нередко предпочитали жен-крестьянок (37,8 %), отмечая, что они «отличные хозяйки, нетребовательные и терпеливые»¹⁸.

Изучение представлений жен красноармейцев также выявило сочетание традиционных, патриархальных ценностей и революционных, советских. Так, верующих жен красноармейцев оказалось довольно много, 27,1 % – среди жен рабочих, 42,7 % – крестьян, 25 % – служащих. Вполне ожидаемо, что более всего верующих жен оказалось в крестьянской среде, большинство красноармейцев объясняли религиозность жен укоренившимися традициями «в семье в церковь ходят, потому что все соседи ходят»¹⁹. Переходный период в сознании отразился как во взглядах на религию, так и на

празднование советских и религиозных праздников. В анкетах отмечали: «...жена религиозна, но в святых и попов не верит, а считает, что мир создан не природой, а кем то, от какого-то существа, называемого богом», в другой анкете красноармеец отмечал, «жена верует в святых, но в боге сомневается»²⁰. Жены красноармейцев, независимо от происхождения, охотно отмечали как религиозные (Пасху, Крещение, Рождество), так и советские праздники (1 мая, 7 ноября).

Более трети из обследуемой группы красноармейцев (36,6 %) были недовольны своей семейной жизнью, причинами неудовлетворенности своим семейным положением 24,7 % называли «различие во взглядах» и 52,1 % «различие во взглядах и плохое материальное положение». Более всего недовольных семейной жизнью было среди молодых красноармейцев (моложе 25 лет). Один из рабочих-красноармейцев писал: «...жена хорошая хозяйка, но не товарищ. Иногда хочется обсудить важные вопросы нашей партии или политики, но ей неинтересно, приходится идти к товарищам». Другой отмечал: «...жена неподходящая, не вертится в колесе все для общества, до сих пор любит тряпки и побрякушки». Партийные социологи делали вывод о необходимости «для гармонии в семьях красноармейцев более решительно проводить агитацию среди жен и вырывать из лап мещанства»²¹.

Отсутствие гармонии в семейной жизни красноармейцев приводило к разводам и отрицанию ценности семейной жизни, наиболее устойчивыми были браки в семьях красноармейцев крестьянского происхождения, наименее – в семьях служащих. Многие красноармейцы семью считали обузой, один из красноармейцев писал: «...семью не люблю, считаю ее обузой для коммуниста, считаю, что семья в жизни коммуниста может играть только отрицательную роль»²².

Констатируемое историками снижение стремления молодежи к обзаведению семьей подтверждается и данными обследования партийных красноармейцев. Более 40 % обследуемой группы не торопились с женитьбой, обосновывая это материальной необеспеченностью, занятостью на службе, «отсутствием подходящей по мировоззрению женщины», наконец, значительная часть красноармейцев ответила «просто не хочу жениться». Последние не видели смысла в женитьбе, в силу доступности внебрачных связей, преимущественно это были выходцы из рабочей среды и интеллигенции.

Сексуальные отношения, являясь до революции табуированной темой, с приходом большевиков становятся темой открытой, активно обсуждаемой в прессе, обществе и среди большевистских лидеров. На уровне современных стереотипов, 1920-е гг. представляются временем «свободной любви», беспорядочных сексуальных отношений. На самом деле, в первой половине 1920-х гг. в стране развернулись бурные дискуссии, в ходе которых высказывались не только разнообразные, но и подчас взаимоисключающие идеи, касающиеся как устройства семьи, так и сексуальных отношений.

Главной возмутительницей спокойствия стала А.М. Коллонтай, настаивавшая на отмирании семьи и провозглашении свободных половых связей. Коллонтай заявляла, что «для классовых задач пролетариата совершенно безразлично, принимает ли любовь формы длительного оформленного союза или выражается в виде переходящей связи. Идеология рабочего класса не ставит никаких формальных границ любви»²³. Для части населения, и прежде всего молодых людей, публичные выступления партийных лидеров во многом явились оправданием свободных половых отношений.

Однако в партии была распространена и противоположная точка зрения – революционного аскетизма по вопросам половой морали. В наиболее яркой форме эта позиция была выражена в работах А.Б. Залкинда – партийного психоаналитика. Залкинд стремился кардинальным образом реорганизовать половую жизнь личности, подчинив ее строгому классовому контролю, и уповал на социалистическую общественность как на важнейшее средство сублимации. Для этого были разработаны двенадцать заповедей полового поведения пролетариата, которые преследовали цель ограничить все личное, и прежде всего сексуальное, как мешающее коллективистскому и революционному²⁴.

Столь противоречивые суждения представителей большевистской элиты по вопросам семейной жизни и взаимоотношений полов, порождали сумятицу в поведении как обывателей, так и партийцев. Ш. Фитцпатрик охарактеризовала эту ситуацию как «сумбур и смущение, царившие в молодежной среде в связи с опасностью быть осужденным за пристрастие как к буржуазному браку, так и к богемно-буржуазной несдержанности»²⁵.

Этот сумбур в головах советских граждан относительно норм сексуальных отношений точно отразило социологическое исследование партийных красноармейцев. Вопросы о сексуальной

жизни задавали только холостым красноармейцам. Согласно исследованию сексуальная жизнь красноармейцев включала: общение с проститутками (6,3 %); «постоянную связь с любимой женщиной» (5,5 %); поллюции, «как придется», «случайно», удовлетворение потребностей «чужими женами» (26,2 %); онанизм (5,6 %); воздержание (35 %). Красноармейцы в анкетах признают сексуальное воздержание не добровольным, а вынужденным. Один из красноармейцев сообщал: «...некогда думать о половой потребности, непрерывная служба и отчасти спорт убивают всю половую энергию», такое мнение было характерно для «наиболее занятых сложной нервно-мозговой деятельностью политработников и части комсостава»²⁶.

Данные анкетирования красноармейцев свидетельствуют о весьма противоречивом сочетании представлений в сознании красноармейцев о «свободной любви» и революционного полового аскетизма. Наибольшую свободу в сексуальных отношениях продемонстрировали молодые красноармейцы пролетарского происхождения.

Из комментариев этого раздела обследования очевидно, что авторы опроса скорее поддерживали взгляды Залкинда, осуждая случайные связи красноармейцев и отмечая «большую тормозящую сдерживающую силу партийности на человека, партийной коллективности над личностью»²⁷. Авторы социологического исследования также опровергают «распространенное мнение в обществе о большом распространении онанизма в армии» и распространенности гомосексуальных отношений²⁸.

Полученные сведения о венерических заболеваниях красноармейцев свидетельствуют о распространении идей «свободной любви» и легкомысленного поведения советских воинов. Так, 9,2 % красноармейцев признались, что переболели венерическими заболеваниями в прошлом, и 2,3 % болели на момент опроса. Преимущественно это были выходцы из рабочих и служащих, авторы исследования объясняли это «городской средой и городской этикой»²⁹.

В ходе опроса партийных социологов заинтересовали и другие стороны бытовой жизни красноармейцев, в частности, особое внимание было уделено досугу военнослужащих. Как выяснилось, значительную часть свободного времени красноармейцы уделяли употреблению алкоголя.

В отличие от неопределенности по семейным и сексуальным нормам жизни, отношение новой власти к пьянству было резко негативным. Полный отказ от спиртного в представлениях большевиков носил антибуржуазный характер. Программа РКП(б) причисляла злоупотребление спиртным к «социальным болезням», развивающимся на почве общественной несправедливости. Предполагалось, что при социализме не будет причин, порождающих пьянство³⁰. Представления руководителей советского государства о природе алкоголизма носили явно утопический характер.

Объявление абсолютной трезвости нормой жизни в коммунистическом и атеистическом обществе противоречило укоренившимся бытовым привычкам населения. Наиболее неожиданным для большевиков было пьянство рабочих — членов ВКП(б), особенно выдвиженцев. Это явление была вынуждена констатировать контрольная комиссия ЦК ВКП(б). В 1924 г. после обследования фабрично-заводских партийных ячеек в ряде городов РСФСР выяснилось, что среди выдвиженцев из пролетарских рядов «...пьянство в два раза сильнее, чем среди рабочих от станка»³¹. Идеологи и руководители пролетарской революции не могли себе представить, что злоупотребление спиртными напитками — настолько живучий порок.

Результаты опроса красноармейцев подтверждают наблюдения историков, описывающих бытовую сторону жизни советских граждан. Из 304 обследуемых красноармейцев 16 человек (5,3 %) признались, что пьют регулярно, еще 148 человек (48,6 %), что употребляют алкоголь достаточно часто, остальные указали, что пьют редко или не пьют вовсе. Степень достоверности полученных сведений оценить сложно, поскольку алкоголизм осуждался партией, и большинство не желали афишировать своих пороков, но даже согласно этим данным более половины признали пьянство самым распространенным видом досуга.

Большая часть советских воинов оправдывала употребление спиртного эмоциональными проблемами, усталостью, одиночеством, нехваткой культурной, духовной жизни в гарнизонах. Около четверти красноармейцев считали употребление алкоголя полезным «для возбуждения аппетита или поднятия энергии после усталости». Остальные не задумывались над причинами пьянства, указав в анкетах: «хочется просто», «пью безо всяких причин»³².

Большинство опрошенных красноармейцев как употреблявших, так и не употреблявших алкоголь, считали «пьянство общественным злом». При этом основная масса употреблявших алкоголь не знали, как искоренить пьянство. Другие предлагали усилить агитационную работу против пьянства, улучшать материальное положение и культурную жизнь красноармейцев.

Несмотря на скепсис партийных социологов относительно возможности победить алкоголизм интенсификацией культурной жизни красноармейцев, тем не менее, запрос на увеличение культурной составляющей в жизни высказывали более двух третей опрошенных. Тяга к образованию, росту культуры вообще была характерна для периода революционного энтузиазма, и опрошенная аудитория не была исключением.

Лишь 5,2 % опрошенных красноармейцев констатировали достаточность своего культурного развития. Представители этой группы были выходцами из крестьянской молодежи, им Красная армия «открыла новые горизонты»: они ликвидировали неграмотность, «начали осознавать свое классовое положение и здесь же вступили в партию»³³. Остальные красноармейцы считали уровень своего культурного развития недостаточным и видели различные способы преодоления этого положения. Более всего красноармейцев (52,4 %) желали повышения своего культурного уровня путем получения образования либо самообразования; другие возлагали надежды на «улучшение развлечений и повышение их содержательности» и на «перевод из менее культурных местностей в культурные центры»³⁴.

Образование у коммунистов в 1920-е – 1930-е гг. имело особый смысл, помимо общечеловеческой жажды знаний, по замечанию Ш. Фитцпатрик, «это был не только путь к личному успеху, но и долг перед партией»³⁵. Непрерывное обучение становилось хорошим тоном для членов партии, а образование считалось наиболее предпочтительной и важной частью досуга партийца. Даже если член партии не находился официально на учебе в учебном заведении, он был обязан «работать над собой» и повышать свой культурный уровень, заниматься самообразованием.

Обследование партийных красноармейцев продемонстрировало усвоение этих норм. Судя по опросу, образование и самообразование занимали важную часть досуга красноармейцев и считались уважаемым и достойным занятием. Около половины

красноармейцев (48 %) заявили, что регулярно занимались самообразованием, они читали книги и слушали лекции, еще 21,7 % занимались самообразованием нерегулярно, лишь менее трети признались, что не занимались самообразованием, ссылаясь на высокую занятость на службе и в семье, а также «квартирную стесненность». Наиболее востребованными темами для изучения стали политическая экономия, история партии, марксизм-ленинизм, военные вопросы. В самообразовании акцент делался на политическом развитии.

Важной частью самообразования и досуга считалось чтение периодической печати. В ходе опроса выяснилось, что красноармейцы активно читали советскую прессу, 71,4 % отметили, что читают газеты ежедневно, 28,6 % читают «по возможности». Наиболее популярной газетой являлась «Правда», также читали местные газеты. Определенной популярностью пользовались журналы «Прожектор», «Огонек», «Красная Нива», комсостав читал «Военный Вестник». «Большевик» читали всего 2,3 % от опрашиваемой аудитории, преимущественно политработники, что вызвало негодование у партийных социологов, полагавших, что партийным красноармейцам необходимо больше внимания уделять серьезной партийной печати.

Доступной и поощряемой частью досуга советского человека также являлось посещение кино, клубов и театров. У красноармейцев из развлечений наибольшей популярностью пользовалось посещение клубов и кино, театр посещали около четверти красноармейцев, при этом около четверти опрашиваемой аудитории не удовлетворяла содержательная сторона развлечений, в особенности в частях, располагавшихся на окраинах, «театр не удовлетворяет, картины все известны» – жаловались красноармейцы³⁶.

Заключительная часть исследования была посвящена выяснению политической благонадежности, круга общения, участия в политической и общественной жизни. Нормы относительно «правильного» круга общения и поведения при проведении различных политических кампаний были известны всем членам ВКП(б) уже при вступлении в партию: поощрялись связи с пролетариатом и осуждались с классово-чуждыми элементами, также приветствовалась активная позиция в ходе выборных и агитационных кампаний.

Обследование показало, что красноармейцы отлично освоили «азбуку поведения коммуниста». Большинство опрошиваемых имели только «правильных» друзей из числа партийных и беспартийных рабочих, крестьян и служащих. Наиболее «правильный» круг общения формировался у выходцев из рабочих слоев, они в равной мере общались с партийными и беспартийными рабочими, у выходцев из крестьянских слоев преобладали в ближайшем окружении крестьяне, наконец, служащие предпочитали общаться с партийными друзьями. Только четверо красноармейцев признались в «связи с нэпманами и чуждыми», эта цифра вызвала оправданное сомнение у социологов, но продемонстрировало крайнюю нежелательность таких контактов, что и отразилось в итогах опроса.

Электоральное поведение красноармейцев в 1920-е гг. отличалось предельной лояльностью к большевикам³⁷, опрошенная группа подтверждает это наблюдение. Красноармейцы сообщили, что не только участвуют в предвыборных и выборных собраниях, но и являются их организаторами. Более половины красноармейцев указали, что избирались в Советы в разные годы, хотя многие полагали, что для выполнения обязанностей депутата красноармейцу «не хватает времени». Относительно демократизации выборной системы и политики «оживления Советов» 1925 г. большинство выразили свою поддержку, хотя около четверти красноармейцев, преимущественно из числа политработников и комсостава, считали «идейно вредным» расширять круг избирателей и предоставлять политические права мелкой буржуазии³⁸.

Транзитивный характер советского общества 1920-х гг. отчетливо проявился в формировании системы ценностей, бытовом поведении советских воинов. В представлениях красноармейцев о брачно-семейных, сексуальных отношениях, проведении досуга причудливо переплетались традиционные и революционные идеалы. Отрицание семейных ценностей парадоксальным образом сочеталось с заключением традиционных церковных браков, представления о «свободной любви» – с революционным половым аскетизмом, пьянство – с самообразованием. Красноармейцы, являясь органической частью советского общества, воспроизводили устойчивые образцы и нормы бытового поведения. Обследование зафиксировало во многом очевидную зависимость представлений и поведения красноармейцев от их происхождения.

Выходцам из крестьянства в большей мере были присущи рудименты «патриархального быта», представители городских пролетарских слоев уверенно воспроизводили революционные модели поведения, насаждаемые властью.

¹ Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 годы. СПб., 1999; Российская повседневность 1921–1941. Новые подходы. СПб., 1995; Журавлев С.В. «Микроскоп» и «скальпель» в руках исследователя: новые подходы и инструментарий социальной истории // Журавлев С.В. «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электроставода в советском обществе 1920-х – 1930-х гг. М., 2000. С. 5–25; Тяжельникова В.С. Повседневность и революционные преобразования советской власти // Россия в XX в. Реформы и революции. Т. 2. М., 2002; Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953 гг. М., 1999; Пушкарева Н.Л. История повседневности и частной жизни глазами истории // Социальная история. М., 2003.

² Минченков С.А. Материально-бытовые условия службы пограничников в 1920-х гг. (Эстоно-латвийская граница РСФСР) // Псков. 2004. № 21. С. 145–156.

³ Рожков А. Под диктовку политруков: Мир и мирок красноармейца 20-х гг. // Родина. 2001. № 4. С. 60–65; Рожков А.Ю. «Казарма хуже тюрьмы»: Жизненный мир красноармейца 1920-х гг. // Военно-историческая антропология: Актуальные проблемы изучения. М., 2007. С. 257–284.

⁴ Лебина Н.Б. Указ. соч. С. 24.

⁵ Татулов Г. Опыт изучения быта партийцев // Большевик. 1925. № 21–22. С. 61.

⁶ Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 9. Оп. 29. Д. 12. Л. 252–253; Ф. 4. Оп. 1. Д. 33. Л. 4.

⁷ Татулов Г. Указ. соч. С. 63.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Жарков В.В. Реформирование Красной армии в 1920-е гг. // Ярославский педагогический вестник. 2009. № 2. С. 192–202.

¹¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 2. Д. 21. Л. 610.

¹² Смена. 1923. 22 сент.

¹³ Лебина Н.Б. Указ. соч. С. 187.

¹⁴ Тяжельникова В.С. Указ. соч. С. 131.

¹⁵ Татулов Г. Указ. соч. С. 64.

¹⁶ Там же. С. 64–65.

¹⁷ Лебина Н.Б. Указ. соч.

¹⁸ Татулов Г. Указ. соч. С. 63.

¹⁹ Там же. С. 65.

²⁰ Там же. С. 66.

²¹ Там же. С. 67.

²² Там же.

²³ Коллонтай А.М. Семья в коммунистическом обществе. Одесса, 1919. С. 15.

- ²⁴ Залкинд А.Б. Революция и молодежь. М., 1925. С. 54–55.
- ²⁵ Fitzpatrick Sh. The Cultural front. Power and revolutionary Russia. Cornell University Press, 1992. P. 87.
- ²⁶ Татулов Г. Указ. соч. С. 68–69.
- ²⁷ Там же. С. 68.
- ²⁸ Там же. С. 69.
- ²⁹ Там же. С. 70.
- ³⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 449.
- ³¹ О борьбе с наследием прошлого (пьянство и религиозные предрассудки среди членов партии). М., 1925. С. 9.
- ³² Татулов Г. Указ. соч. С. 71.
- ³³ Там же. С. 73.
- ³⁴ Там же. С. 74.
- ³⁵ Фитцпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е гг.: город. М., 2008. С. 26.
- ³⁶ Татулов Г. Указ. соч. С. 72.
- ³⁷ Саламатова М.С. Участие красноармейцев в советских избирательных кампаниях (1920-е гг.) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Третьей международной научно-практической конференции. Ч. 3. СПб., 2012. С. 144.
- ³⁸ Татулов Г. Указ. соч. С. 74.

Л.Л. Сардак (Санкт-Петербург)

**РОДОСЛОВНАЯ БАРОНОВ РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ МЕЛЛЕР-ЗАКОМЕЛЬСКИХ
(РОДОНАЧАЛЬНИК –
ГЕНЕРАЛ-АНШЕФ АРТИЛЛЕРИИ
И.И. МЕЛЛЕР-ЗАКОМЕЛЬСКИЙ)**

Т ИТУЛ «барон Российской империи», как одна из степеней титулованного высшего дворянства, был введен 30 мая 1710 г. Петром I. В этот день государственный подканцлер Петр Павлович Шафиров стал первым бароном государства российского. Бароны относились к низшей степени титулованного дворянства Российской империи. Выше их стояли князья, светлейшие и сиятельные, и графы. Лица, относившиеся к любой из трех степеней титулованного дворянства, по российским законам не пользовались особыми преимуществами. Пожалование какого-либо титула являлось лишь почетным отличием для лица, его получившего, и всех его потомков. При этом светлейшие князья имели предикат «светлость», князья сиятельные и графы – «сиятельство». Предикат «высокородие» употреблялся исключительно при упоминании лиц баронского достоинства. За двести лет, прошедших с первого пожалования баронского титула, российские императоры удостоили им представителей 31 фамилии своих подданных и иностранцев. К началу XX в., как отмечал Л.М. Савёлов, «из этого числа некоторые роды пресеклись, другие получили, как высшую награду, графство, иные находятся за границей (Штамбень, Димздол, де Смеет), и теперь из общей массы свыше 170 баронских родов, пользующихся этим титулом в России, не считая Финляндии, лишь 12 фамилий (Черкасовы, Фредериксы, Местмахеры, Меллер-Закомельские, Вельо, Раль, Френкели, Жерард-де-Сукантоны, Феллейзены, Кусовы, Кнопы и Кроненберги) награждены баронским

достоинством российскими монархами, а остальные являются или иностранными баронами или баронами остзейского происхождения»*.

Среди этих двенадцати фамилий только Меллер-Закомельские были пожалованы баронским титулом за воинские отличия. 6 декабря 1788 г. русские войска под командованием Г.А. Потемкина после многомесячной осады штурмом овладели турецкой крепостью Очаков. Штурм был проведен по плану, разработанному командующим артиллерией русской армии генералом-аншефом Иваном Ивановичем Меллером. По приказу Потемкина И.И. Меллер командовал двумя из шести колонн русских войск, одновременно с разных направлений атаковавших крепость. В осаде и штурме крепости принимали участие три сына И.И. Меллера, один из которых, Карл, был тяжело ранен при штурме и вскоре умер.

В «обстоятельном донесении» императрице Г.А. Потемкин охарактеризовал заслуги генерала-аншефа И.И. Меллера в покорении Очакова скупыми словами: «... при неутомимых трудах не щадил себя, употребляя с несказанной охотой все, что могло служить к успеху». 16 декабря 1788 г. Екатерина II наградила И.И. Меллера орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 2-й степени, а 14 апреля 1789 г. ему был пожалован орден Св. Апостола Андрея Первозванного. В 1790 г. 16 мая Ивану Ивановичу были вручены от имени императрицы два документа: Грамота, в которой объявлялось, что ему всемилостивейше пожаловано в вечное и потомственное владение из казенных имений Полоцкой губернии, староства Усвятского, войтовства Закомельского части Бармутинская и Черехинская, с принадлежащими к ним землями и угодьями и Диплом на баронское достоинство, в котором говорилось, что императрица «1789-го года июня в 30-й день, всемилостивейше пожаловали ему, генералу-аншефу Меллеру, детям его и потомкам, от него происходящим, достоинство барона Всероссийской империи с наименованием: Барон Меллер-Закомельский». В Дипломе дано описание герба, дарованного баронам Меллер-Закомельским: «Щит герба разделен на три части: в верхней – в золотом поле – выходящий до половины двуглавый орел, в знак нашей

* Лекции по русской генеалогии, читанные в Московском Археологическом Институте преподавателем Института Л.М.Савёловым. Стереотипное издание. М., 1994. С. 90.

императорской милости за отличные его заслуги; в правой – в пурпуровом поле – шпага с лавровою ветвью, в знак его храбрости, оказанной при взятии города Очакова; в левой – в красном поле – мортира, означающая вступление и продолжение его службы в артиллерии; щит увенчан обыкновенною баронскою короною без намета».

В истории России бароны Меллер-Закомельские известны большей частью своей службой царю и Родине на военном поприще. Практически все мужчины различных поколений рода Меллер-Закомельских были офицерами, некоторые из них служили в элитных лейб-гвардейских полках, в том числе Семеновском, Измайловском, Конном. Меллер-Закомельские принимали активное участие в боевых действиях русской армии против внешних и внутренних врагов империи. Многие из них удостоились высоких боевых наград за ратные подвиги, были награждены холодным оружием с надписью «За храбрость». Шесть офицеров этой династии стали Георгиевскими кавалерами. Портрет генерал-лейтенанта Егора Ивановича Меллер-Закомельского помещен в галерее Отечественной войны 1812 г. в Зимнем дворце. Три сына, два внука, правнук и два праправнука генерал-аншефа барона И.И. Меллер-Закомельского стали генералами русской армии. Среди его потомков были военный министр, три члена Государственного совета Российской империи, два члена Военного совета русской армии, генерал-губернатор, гражданский губернатор. Офицеры Меллер-Закомельские состояли в свите императоров Александра I, Александра II. Из баронесс Меллер-Закомельских были и Кавалерственные дамы, и фрейлины. За более чем столетнюю историю рода Меллер-Закомельские породнились с известными в царской России аристократическими семьями герцогов Лейхтенбергских, баронов Фредериксов, Зедделеров, графов Капнистов, князей Мосальских, потомственных дворян Майковых, Эйлеров, Резвых. В собраниях живописи Эрмитажа и Русского музея хранятся портреты представителей этой фамилии, исполненные К.П. Брюлловым, О.А. Кипренским, Дж. Доу, А.-Ф. Ризенером.

Революционное и постреволюционное лихолетье круто изменило судьбы всех без исключения доживших до тех времен потомков генерал-аншефа барона И.И. Меллер-Закомельского. Некоторые из них отдали жизнь и здоровье, сражаясь на стороне белых за восстановление свергнутой монархии. Большинство уцелевших в

пожаре гражданской войны Меллер-Закомельских покинули Россию и доживали свой век в изгнании, и лишь время от времени появлявшиеся в русской эмигрантской печати некрологи позволяют установить, что свой жизненный путь они заканчивали и во Франции, и в Германии, и в Испании, и в США. Немногочисленные оставшиеся в Советской России Меллер-Закомельские и их близкие подверглись репрессиям – арестам, высылке из столичных городов. Скупые сведения о дальнейшей судьбе этих людей сохранились только в материалах следственных дел.

Автором настоящей публикации сделана попытка, опираясь в основном на архивные и литературные источники, составить поколенную роспись рода баронов Российской империи Меллер-Закомельских, фамилии, представители которой своими деяниями оставили заметный след в истории России.

При рассмотрении родословной необходимо иметь в виду:

- входящим в роспись лицам, имевшим фамилию Меллер-Закомельских и баронское достоинство, присвоен номер, состоящий из двух чисел: римского, соответствующего номеру поколения, к которому относится данное лицо, и арабского, обозначающего порядковый номер этого лица в данном поколении;

- последовательность лиц в каждом поколении определялась старшинством порядкового номера их родителей в предыдущем поколении;

- порядковый номер лиц одной семьи в каждом поколении соответствует старшинству по рождению;

- после имени, отчества и фамилии лиц, входящих в роспись, в угловых кавычках указан номер их родителей в приводимой росписи. В круглых скобках указываются даты и место рождения и смерти;

- после знака ∞ сообщаются сведения о лицах, с которыми Меллер-Закомельские вступали в брак. Повторный брак отмечается тем же знаком ∞ с нижним индексом, обозначающим номер брака;

- в росписи нет информации о наградах в связи с тем, что они у лиц равного служебного положения чаще всего были одинаковы в соответствии с постепенностью награждения, и перечень их значительно увеличил бы объем этой публикации. Награждение золотыми шагами и саблями с надписью «За храбрость» и пожалование

за выдающиеся боевые подвиги ордена Св. Георгия отмечается в сведениях о лицах, имевших такие награды;

- в квадратных скобках приведены после букв А, П, И номера источников информации о Меллер-Закомельских и лицах, с которыми они вступали в брак, из приведенного в конце настоящей статьи списка использованных соответственно архивных, печатных и Интернет-источников.

Поколенная роспись рода баронов Меллер-Закомельских

I поколение

I.1. Иоганн Дидрих Миллер (собственноручная подпись – Johan Diedrich Müller) (?–22.06.1740, Санкт-Петербург). Лютеранин. В Петербург «в службу царского величества» выехал из Гамбурга в 1707 г. С мая 1709 г. полковой лекарь Нижегородского драгунского полка. После 1726 г. лекарь Лейб-регимента (элитный драгунский полк). В 1730–1740 гг. штаб-лекарь полка Конной гвардии.

[А4, А5, А12, П132].

II поколение

II.1. Иван Иванович Меллер (с 30.06.1789 Меллер-Закомельский) «I.1» (1725–10.10.1790, Херсон). Лютеранин. Артиллерии генерал-майор с 22.09.1764. Генерал-аншеф и командующий артиллерией русской армии с 24.11.1783. Разработал план успешно осуществленного 06.12.1788 штурма русскими войсками турецкой крепости Очаков. Георгиевский кавалер, орден Св. Георгия 2-й степени, 1788. Пожалован 30.06.1789 Екатериной II достоинством Барона Российской империи с повелением носить фамилию Меллер-Закомельский. Умер 10.10.1790 от раны, полученной в ночном бою в предместье турецкой крепости Килия. Погребен 16.10.1790 в Херсоне у Свято-Екатерининского собора. Иконография: Иванов М.М. «Русский лагерь под Очаковым в 1788 г.», акварель, ГЭ.

∞ Анна Карловна, урожденная Бекельман. (?..12.1731–21.08.1819, Санкт-Петербург). Баронесса.

[А1, А2, А15, А17, П10, П17, П18, П19, П25, П92, П93, П100, П105].

II.2. Борис Иванович Меллер «I.1» (08.03.1729–08.02.1811, Санкт-Петербург). Лютеранин. Артиллерии генерал-майор с 1779 г. Правитель Колыванской области (губернии с 1783 г.) в 1779–1796 гг.,

начальник Колывано-Воскресенских горных заводов на Алтае в 1779–1785 гг. Генерал-поручик с 22.09.1786.

∞ Мария Федоровна, урожденная фон Бланк (1743–06.05.1812, Санкт-Петербург).

[П60, П80, П123].

II.3. Дочь «I.1» (?–?)

∞ фон Граббе, эстляндский дворянин.

[П134]

III поколение

III.1. Петр Иванович Меллер-Закомельский «II.1» (28.10.1755–09.06.1823, Санкт-Петербург). Лютеранин. Барон. Выпускник Артиллерийского и Инженерного шляхетного кадетского корпуса 1769 г., назначен адъютантом в штаб артиллерии генерала-майора Меллера. Артиллерии генерал-майор с 01.01.1795. С 28.02.1812 директор Артиллерийского департамента Военного министерства, член Совета военного министра (с 1832 г. Военный совет). Генерал от артиллерии с 18.05.1814. Военный министр с 25.11.1819. Член Государственного совета с 02.12.1819. Георгиевский кавалер, орден Св. Георгия 4-й степени, 1789. Награжден золотой шпагой с алмазами с надписью «За храбрость». Внесен в дворянскую родословную книгу Витебской губернии, часть V. Иконография: портрет работы О.А. Кипренского и литография с него неизвестного художника, ГРМ; портрет работы Анри-Франсуа Ризенера, ГРМ; портрет работы Джорджа Доу, ГЭ; портрет работы неизвестного художника первой половины XIX в., ГЭ.

∞ Софья Петровна, урожденная Кнутцен. (23.01.1774–11.12.1851, Санкт-Петербург). Дочь отставного бригадира Петра Кнутцена. Баронесса. Кавалерственная дама (пожалована орденом св. Великомученицы Екатерины малого креста 12.01.1816). Иконография: портрет работы Анри-Франсуа Ризенера, ГРМ.

[A1, A16, A27, П5, П17, П19, П31, П45, П60, П79, П95, П106, П117, П130].

III.2. Карл Иванович Меллер-Закомельский «II.1» (1757–12.1788, Херсон). Лютеранин. Барон. Выпускник Артиллерийского и Инженерного шляхетного кадетского корпуса 1774 г., назначен штык-юнкером в полевую артиллерию. Флигель-адъютант артиллерии генерала-поручика И.И. Меллера с 11.01.1776. Артиллерии майор с 12.02.1786. Умер от раны, полученной при штурме 06.12.1788

турецкой крепости Очаков. Погребен в Херсоне у Свято-Екатерининского собора. Внесен в дворянскую родословную книгу Витебской губернии, часть V.

∞ Александра Петровна, урожденная Резвая. (02.02.1768–21.06.1814, Санкт-Петербург). Баронесса. Дочь именитого гражданина Петра Терентьевича Резвого (бургомистр Санкт-Петербургского магистрата в 1774).

[А1, А27, П12, П45, П79, П92, П102, П106].

Ш.3. Иван Иванович Меллер-Закомельский «П.1» (1760 – не позднее 1787). Лютеранин. Выпускник Артиллерийского и Инженерного шляхетного кадетского корпуса 1776 г., флигель-адъютант в чине армии прапорщика при артиллерии генерале-поручике И.И. Меллере с 22.12.1776. Артиллерии капитан с 1782 г.

[А1, П45].

Ш.4. Егор Иванович Меллер-Закомельский «П.1» (1767 – не ранее 25.11.1830). Лютеранин. Барон. Определен в Преображенский полк сержантом 09.09.1778. Адъютант при генерале от артиллерии Меллере И.И. с 06.12.1783. Артиллерии капитан с 1784. Генерал-майор с 15.03.1801. Генерал-адъютант императора Александра I с 01.07.1810. Генерал-лейтенант с 16.07.1813. Георгиевский кавалер, орден Св. Георгия 4-й степени, 1789. Награжден золотой шпагой с алмазами с надписью «За храбрость». Уволен от военной службы по болезни 17.12.1815. Иконография: портрет работы Джорджа Доу в Военной галерее в Эрмитаже. Внесен в дворянскую родословную книгу Витебской губернии, часть V. Женат не был.

[А1, П13, П17, П19, П50, П60, П92, П118].

Ш.5. Мария Ивановна Меллер-Закомельская «П.1» (29.05.1768, Санкт-Петербург – 04.06.1829, Valkjärvi, Финляндия). Лютеранка. Баронесса.

∞ Андрей Иванович Фредерикс. (26.03.1759–04.10.1843). Барон. [П91, И4].

Ш.6. Екатерина Ивановна Меллер-Закомельская «П.1» (20.05.1769–03.04.1826, Санкт-Петербург). Лютеранка. Баронесса. [А16, П79].

Ш.7. Федор Иванович Меллер-Закомельский «П.1» (1772–09.08.1848, имение Глазуново, Велижского уезда, Витебской губернии). Лютеранин. Барон. Определен в гвардию сержантом 09.09.1776. Флигель-адъютант в чине армии капитана в штабе генерала от артиллерии Меллера И.И. с 26.05.1786. Генерал-майор с

15.03.1801. Уволен от военной службы по болезни 01.07.1808. Могилевский гражданский губернатор с 19.02.1820 по 24.07.1822. Действительный статский советник с 19.02.1820. Внесен в дворянскую родословную книгу Витебской губернии, часть V.

∞ Варвара Яковлевна, урожденная княгиня Козловская. (? – не ранее 09.08.1849). Баронесса. Дочь князя Якова Алексеевича Козловского, бригадира.

[А16, А25, А27, П99, И1, И3].

III.8. Анна Ивановна Меллер-Закомельская «III.1» (не ранее 1769–18.03.1858, Санкт-Петербург). Лютеранка. Баронесса.

∞ (с 11.02.1795) Карл Карлович Лешерн фон Герцфельд. (11.11.1761–1818, Санкт-Петербург). Генерал-майор. Действительный статский советник.

[П29, П77, П137].

IV поколение

IV.1. Карл Петрович Меллер-Закомельский «III.1» (1795–03.03.1818, застрелился в Варшаве). Лютеранин. Барон. Штабс-капитан Лейб-гвардии 1-ой Артиллерийской бригады, адъютант великого князя Константина Павловича. 03.04.1818 исключен из списков состоящих по артиллерии умершим.

[П71, П86].

IV.2. Егор Петрович Меллер-Закомельский «III.1» (1798 – не ранее 1861). Лютеранин Барон. Выпускник Пажеского корпуса 1817 г., назначен прапорщиком в Л.-гв. 1-ю Артиллерийскую бригаду. Уволен от военной службы по болезни 23.01.1831 капитаном Л.-гв. Конной артиллерии. Награжден золотой саблей с надписью «За храбрость», 1829. С 1832 по 1835 в Департаменте уделов. С 1835 по 1837 в Государственном контроле чиновник для особых поручений второго разряда. Надворный советник. Внесен в дворянскую родословную книгу Витебской губернии, часть V.

∞ Екатерина Николаевна, урожденная Шидловская. (1798 – не ранее 1861). Баронесса. Дочь коллежского ассессора Николая Романовича Шидловского. Богатейшая помещица Харьковской губернии. Владела более чем 7000 дес. земли в селе Кунье Изюмского уезда Харьковской губ., где создала великолепный парковый комплекс с трехэтажным дворцом с библиотекой и картинной галереей. Содержала большое овцеводческое хозяйство (19 тыс. тонкорунных породистых овец), сведения о котором в 1845 г.

опубликовала в журнале «Журнал сельского хозяйства и овцеводства». Иконография: Бруни Ф.А. «Портрет баронессы Е.Н. Меллер-Закомельской в рост», местонахождение неизвестно; Брюллов К.П. «Портрет баронессы Е.Н. Меллер-Закомельской» (акварель), местонахождение неизвестно; Брюллов К.П. «Портрет автора и баронессы Е.Н. Меллер-Закомельской с девочкой в лодке», ГРМ.

[А16, П15, П36, П49, П101, П120, И2].

IV.3. Федор Петрович Меллер-Закомельский «III.1» (1799–10.08.1854, имение Глазуново, Велижского уезда, Витебской губернии). Лютеранин. Барон. Выпускник Пажеского корпуса 1819 г., назначен прапорщиком в 63-ю батареиную роту. С 25.08.1819 в лейб-гвардии конной артиллерии с назначением в должность адъютанта к начальнику артиллерии 2-й армии. С 25.12.1821 подпоручик, с 11.08.1823 поручик (оставаясь в той же должности). 26.03.1824 переведен ротмистром в Оренбургский уланский полк. Уволен от военной службы из Оренбургского уланского полка по болезни 12.12.1828 майором*. Внесен в дворянскую родословную книгу Витебской губернии, часть V.

[А16, А27, П49, П110, П120, И3].

IV.4. Борис Петрович Меллер-Закомельский «III.1» (1801 – до 10.08.1854). Лютеранин. Барон. Выпускник Пажеского корпуса 1826 г. с правом на чин XII класса. По Высочайшему повелению от 08.07.1826 отправлен прапорщиком в Каргопольский драгунский полк. С 14.02.1832 поручик Каргопольского драгунского полка в должности адъютанта при командире 5-го резервного кавалерийского корпуса генерале-адъютанте бароне Гейсмаре. С 28.05.1832 поручик драгунского Нижегородского полка. Уволен от воинской службы 25.02.1838 штабс-капитаном и с мундиром. Был женат.

[А7, А16, П49, П82, П87, П88, П89, П112, П110, П120].

IV.5. Анна Петровна Меллер-Закомельская «III.1» (1802–17.11.1875, Санкт-Петербург). Лютеранка. Баронесса. Фрейлина (1820–1833) императриц Марии Федоровны и Александры Федоровны. Иконография: портрет-миниатюра работы неизвестного художника, ГРМ.

* В 1828 году Оренбургский уланский полк квартировал в уездном городке Старице Тверской губернии. Служивший в полку Ф.П. Меллер-Закомельский упоминается А.Н. Вульфом [Дневник Алексея Николаевича Вульфа 1828–1831 гг. Петроград, 1915. С. 45–48].

∞ Михаил Аполлонович Майков. (09.05.1799–01.03.1881, Санкт-Петербург). Уволен от военной службы 04.1867 генералом от артиллерии.

[А16, П31, П71, П78, П94].

IV.6. Иван Петрович Меллер-Закомельский «III.1» (1803 – не ранее 10.08.1854). Лютеранин. Барон. Выпускник Пажеского корпуса 1826 г. с правом на чин XII класса. Состоял в Департаменте внешней торговли Министерства финансов с 28.06.1826 по 06.05.1830. Коллежский секретарь. С 19.07.1830 по 27.03.1831 канцелярский чиновник в государственном Коммерческом банке. С 12.05.1831 канцелярский чиновник без жалования в Департаменте народного просвещения. 13.08.1831 уволен по прошению для вступления в военную службу. На 19.11.1831 унтер-офицер Украинского уланского полка. Внесен в дворянскую родословную книгу Витебской губернии, часть V.

[А16, А20, П49, П120].

IV.7. Петр Петрович Меллер-Закомельский «III.1» (07.02.1806–04.09.1869, Санкт-Петербург). Лютеранин. Барон. Выпускник Пажеского корпуса 1825 г., назначен прапорщиком в Л.-гв. Измайловский полк. Генерал-майор с 06.12.1848. Уволен от военной службы 17.09.1853 по домашним обстоятельствам. В отставке с 31.07.1856. Георгиевский кавалер, орден Св. Георгия 4-й степени, 1847. Награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость», 1845. Внесен в дворянскую родословную книгу Витебской губернии, часть V.

∞ София Петровна, урожденная Засецкая, дочь подполковника. (?–?, имение Глазуново, Велижского уезда, Витебской губернии). Православная. Баронесса.

[А16, П19, П36, П49, П60, П70, П79, П120, ИЗ].

IV.8. София Петровна Меллер-Закомельская «III.1» (1806–?). Лютеранка. Баронесса.

[А16, А23].

IV.9. Владимир Петрович Меллер-Закомельский «III.1» (05.10.1811–25.06.1862, Царское Село). Лютеранин. Барон. Выпускник Пажеского корпуса 1830 г., прапорщиком в 13-ю конно-артиллерийскую роту. Уволен от военной службы по болезни 08.05.1857 генералом-майором. Внесен в дворянскую родословную книгу Витебской губернии, часть V.

∞ Клавдия Александровна, урожденная Зотова. (25.03.1826–04.02.1897, Санкт-Петербург). Православная. Баронесса. Дочь

почетного гражданина Александра Григорьевича Зотова, совладельца Кыштымского горного округа на Урале.

[А16, П49, П79, П102, П120].

IV.10. Иван Карлович Меллер-Закомельский «III.2» (27.06.1787–23.07.1846, Санкт-Петербург). Православный. Барон. 25.02.1800 вступил в службу в Л.-гв. Семеновский полк унтер-офицером. Уволен от военной службы из Л.-гв. Семеновского полка по болезни 12.03.1812 штабс-капитаном. Награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость», 1808. Держатель пакета из 50 акций Российско-Американской Компании, дававшего право на избрание директором РАК. Внесен в дворянскую родословную книгу Витебской губернии, часть V.

∞ Наталья Григорьевна, урожденная Шелехова. (18.07.1793–20.05.1868, Вильно). Баронесса. Дочь именитого гражданина, «русского Колумба», Григория Ивановича Шелехова. Владелица одного из самых крупных пакетов акций (265 шт.) Российско-Американской Компании.

[А16, А27, П34, П36, П79, П103].

IV.11. Анна Карловна Меллер-Закомельская «III.2» (? – не ранее 10.1817). Православная. Баронесса. Внесена в дворянскую родословную книгу Витебской губернии, часть V.

∞ Сергей Семенович Шестаков. (?–?). Майор, полицмейстер уездного города Велиж Витебской губернии в 1815–1821 гг.

[А16, П3, П48].

IV.12. Варвара Федоровна Меллер-Закомельская «III.7» (21.01.1807–27.04.1892, Санкт-Петербург). Православная. Баронесса.

[А16, А25].

IV.13. Екатерина Федоровна Меллер-Закомельская «III.7» (1808–?). Православная Баронесса.

∞ Горич, гвардии ротмистр.

[А16, А25].

IV.14. Федор Федорович Меллер-Закомельский «III.7» (1810 – не позднее 12.07.1845). Православный. Барон. Юнкер Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров (в 1827 г. «выбыл до окончания курса наук»). С 1828 г. корнет Санкт-Петербургского уланского полка, в 1831 г. поручик того же полка. 01.06.1836 переведен в Апшеронский пехотный полк, поручик. 26.06.1838 переведен поручиком в Нижегородский драгунский

полк. 12.07.1845 в чине капитана исключен из списков полка умершим. Внесен в дворянскую родословную книгу Витебской губернии, часть V.

[A16, A25, A27, П11, П38, П81, П82, П90, П112, П131].

IV.15. Егор Федорович Меллер-Закомельский «III.7» (1815–07.1844, Кавказ, станица Наур). Православный. Барон. В 1832 г. юнкер Санкт-Петербургского уланского полка, в 1835 г. корнет Санкт-Петербургского уланского полка, в 1842 г. из поручиков этого полка разжалован в рядовые и переведен в Кавказский корпус за убийство на дуэли офицера-однополчанина. Внесен в дворянскую родословную книгу Витебской губернии, часть V.

[A16, A25, A27, П38, П77].

IV.16. Наталия Федоровна Меллер-Закомельская «III.7» (14.05.1816–28.06.1872, Санкт-Петербург). Православная. Баронесса.

∞ (20.01.1848, Москва) Виктор Павлович Соколов. (20.08.1815–17.02.1878, Санкт-Петербург). Полковник.

[A16, A25, П59, П80а].

IV.17. Мария Федоровна Меллер-Закомельская «III.7» (02.03.1819–?). Православная. Баронесса. Классная надзирательница Ковенской женской гимназии в 1864–1879 гг.

∞ барон Франц фон Клитцинг (?–?).

[A16, A19, A25, П73].

IV.18. Петр Федорович Меллер-Закомельский «III.7» (21.12.1820 – не ранее 01.1859). Православный. Барон. Выпускник Полоцкого кадетского корпуса 1841 г., назначен прапорщиком в легкую № 6 батарею 3-й полевой артиллерийской бригады. Проходил службу в разных частях артиллерии. Уволен от военной службы по домашним обстоятельствам 22.02.1850 штабс-капитаном. Внесен в дворянскую родословную книгу Витебской губернии (часть V) и в дворянскую родословную книгу Смоленской губернии (часть II) «без утверждения в баронском достоинстве как не представившим на то никаких доказательств». В 1870 г. мировой посредник участка № 2 Поречского уезда Смоленской губернии.

∞ (с 16.09.1851) Анна Григорьевна Швыховская, вдова умершего Корпуса путей сообщения генерала-майора Владимира Павловича Швыховского. (?–?). Православная. Баронесса.

[A16, A25, A27, П67].

IV.19. Анна Федоровна Меллер-Закомельская «III.7» (21.02.1824–17.04.1906, Санкт-Петербург). Православная. Баронесса.

[A16, A25, П79].

У поколение

V.1. Леонид Егорович Меллер-Закомельский «IV.2» (23.02.1831–12.1906). Православный. Барон. Выпускник камерального отделения Ришельевского лицея (Одесса) 1854 г. с чином XII класса. Коллежский секретарь. Владел 3388 дес. земли (1906 г.) в Волчанском уезде Харьковской губернии. Внесен в дворянскую родословную книгу Харьковской губернии, часть V.

∞ (с 07.01.1881) Людмила Павловна, урожденная Новотная, дочь Павла Антоновича Новотного, надворного советника. (1861 – не ранее 23.05.1893). Баронесса. Внесена в дворянскую родословную книгу Харьковской губернии, часть V.

[A15, A21, A24, A31, П27, П52, П122].

V.2. Петр Егорович Меллер-Закомельский «IV.2» (01.08.1832–19.03.1913, Ялта). Православный. Барон. Выпускник физико-математического отделения Ришельевского лицея (Одесса) 1855 г. с чином XII класса. Поручик в отставке. Владел 6119 дес. земли (1906 г.) в селе Кунье Изюмского уезда Харьковской губернии*. Внесен в дворянскую родословную книгу Харьковской губернии (часть II) «по приобретенному отцом его дворянству военной службою» (Указ Правительствующего Сената по Департаменту герольдии № 8241 от 05.10.1850). Перенесен в V часть дворянской родословной книги Харьковской губернии (Указ Правительствующего Сената по Департаменту герольдии от 07.09.1893).

∞ Александра Ильинична, урожденная ? (1866–11.09.1912, Ялта). Баронесса.

[A15, A28, A29, A31, П27, П52, П121, П125, П136].

V.3. Мария Петровна Меллер-Закомельская «IV.7» (09.04.1853 – не раньше 04.03.1891, имение Глазуново, Велижского уезда,

* При строительстве в начале XX в. участка Харьков – Лиман Северодонецкой железной дороги, соединившей промышленный центр России с Донецким угольным бассейном, одну из станций, находившуюся в трех километрах от села Кунье Изюмского уезда Харьковской губернии назвали Закомельской. Название станции сохранилось до наших дней.

Витебской губернии). Православная. Баронесса. Выпускница Императорского Воспитательного Общества благородных девиц (Смольный институт благородных девиц) 1868 г. Внесена в дворянскую родословную книгу Витебской губернии, часть V.

∞ Парравичини Людвиг (Людвиг Игнатьевич) (? – не раньше 20.01.1892). Выходец из Италии, принявший русское подданство. Итальянский граф. Возведен в потомственное дворянское достоинство Российской империи 31.10.1890. Внесен в дворянскую родословную книгу Витебской губернии, часть I.

[А16, А32, П6, П35, П96, П108, И3].

V.4. Екатерина Владимировна Меллер-Закомельская «IV.9» (02.08.1854–18.10.1927, замок Сеон (Зееон) в Баварии, Германия). Православная. Баронесса. Внесена в дворянскую родословную книгу Витебской губернии, часть V.

∞ Вадим Владимирович Романов (23.04.1841–19.01.1890). Чиновник особых поручений Департамента почт и телеграфов МВД 1869–1876. Коллежский советник. Писатель, автор двух книг и многих публикаций в российских газетах и журналах.

[А16, П33, П59, П102, П.104].

V.5. Григорий Владимирович Меллер-Закомельский «IV.9» (15.10.1855–погребен 29.05.1918, Москва). Православный. Барон. Выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета 1881 г. Активный деятель благотворительных учреждений Санкт-Петербурга. Корреспондент по Енисейской области Главного управления государственного коннозаводства в 1892–1916 гг. Владел 1070 дес. земли в селе Шокино Духовщинского уезда Смоленской губернии. Статский советник. Внесен в дворянскую родословную книгу Витебской губернии, часть V.

∞ Юлия Яковлевна, урожденная Мещерская. (1872 – не ранее 03.1930). Православная. В 1927 г. проживала в Москве с дочерью и двумя ее малолетними детьми. 11.06.1927 арестована с дочерью и ее мужем «по групповому делу» и заключена в Бутырскую тюрьму. Приговорена к 3-м годам ссылки, которую отбывала в Енисейске.

[А6, А16, А34, П1, П4, П28, П33, П44, П75, П102, П107, П114, И5].

V.6. Федор Владимирович Меллер-Закомельский «IV.9» (25.10.1856–13.10.1905, Москва). Православный. Барон. Выпускник Николаевского кавалерийского училища 1878 г., назначен

корнетом в Л.-гв. Кирасирский Его Величества полк. С 1888 г. ротмистр Л.-гв. Кирасирского Его Величества полка, командующий эскадроном Его Величества. Уволен от службы по домашним обстоятельствам 23.07.1891 с награждением чином полковника и с мундиром. В 1905 г. член Гжатского уездного врачебного совета Смоленской губернии. Владел 1130 дес. земли в селе Картуново Гжатского уезда Смоленской губернии. Внесен в дворянскую родословную книгу Витебской губернии, часть V.

∞ Ольга Александровна, урожденная Философова, дочь генерал-майора Философова. (1862–24.03.1899, Москва). Баронесса.

[А9, А13, А16, П33, П41, П53, П55, П56, П58, П81, П102, П131, И5].

V.7. Клавдия Владимировна Меллер-Закомельская «IV.9» (14.02.1858 – не ранее 1916). Православная. Баронесса. Внесена в дворянскую родословную книгу Витебской губернии, часть V.

[А16, П33, П102].

V.8. София Владимировна Меллер-Закомельская «IV.9» (14.08.1859–14.03.1865, Санкт-Петербург). Православная. Баронесса. Внесена в дворянскую родословную книгу Витебской губернии, часть V.

[А16, П79].

V.9. Мария Владимировна Меллер-Закомельская «IV.9» (21.10.1861–26.08.1907, г. Ямбург Санкт-Петербургской губернии). Православная. Баронесса. В замужестве княгиня. Попечительница Санкт-Петербургского 2-го убежища и ночлежного приюта для детей общества «Ясли» в 1902 г. Внесена в дворянскую родословную книгу Витебской губернии, часть V.

∞ Сергей Федорович Масальский. (1855–1891). Князь. Надворный советник.

[А16, П3, П14, П33, П64, П65, П102, П128].

V.10. Владимир Владимирович Меллер-Закомельский «IV.9» (31.03.1863–1920, Константинополь). Православный. Барон. Выпускник Пажеского корпуса 1883 г., назначен корнетом в Л.-гв. Конный полк. Уволен от военной службы по личному прошению с 19.02.1886 корнетом. Председатель Санкт-Петербургской губернской земской управы в 1906–1912 гг. Член Государственного совета по выборам (01.08.1912–12.1917). Статский советник. Соучредитель и член правлений нескольких акционерных обществ горнодобывающей и металлургической промышленности на Урале и

Алтае. Владдел 3462 дес. земли в деревне Александровская Гора и мызе Падоба в Ямбургском уезде Санкт-Петербургской губернии. Участвовал в Гражданской войне на стороне белых. Возглавлял (октябрь 1918 – март 1919) промонархическую организацию Совет государственного объединения России. Находился в эмиграции.

∞ Елизавета Логгиновна, урожденная Зедделер, дочь генерала от инфатерии барона Логгина Логгиновича Зедделера. (13.07.1875–16.03.1931, Сен-Женевьев-де-Буа, пригород Парижа). Баронесса. Находилась в эмиграции.

[А15, А18, П26, П33, П46, П47, П59, П60, П98, П102, П120].

V.11. Владимир Иванович Меллер-Закомельский «IV.10» (1813–18.03.1831, Санкт-Петербург). Православный. Барон. Учился в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Умер в заведении до окончания курса наук.

[А.16, П79, П81, П131].

V.12. Николай Иванович Меллер-Закомельский «IV.10» (17.10.1813–08.09.1887, село Большое Кузьмино близ Царского Села). Православный. Барон. В 1831 г. вступил в службу в Л.-гв. Семеновский полк унтер-офицером. Числясь в полку, учился в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. После окончания в 1833 г. курса наук – прапорщик в Л.-гв. Семеновском полку. Генерал-майор с 22.08.1856. Генерал-адъютант свиты Александра II с 21.09.1868. Генерал от инфатерии с 16.04.1878. Член Военного совета с 16.04.1878. Награжден золотой саблей с надписью «За храбрость», 1863. Внесен в дворянскую родословную книгу Витебской губернии, часть V.

∞ София Михайловна, урожденная Кусовникова, дочь статского советника. (?–1911). Баронесса.

[А16, П17, П19, П36, П50, П79, П81, П117, П131].

V.13. Дмитрий Иванович Меллер-Закомельский «IV.10» (11.02.1815–1846, Санкт-Петербург). Барон. Православный. В 1832 г. паж при Высочайшем дворе. В 1844 г. коллежский секретарь.

[А16, П79].

V.14. Елизавета Ивановна Меллер-Закомельская «IV.10» (1825–?). Православная. Баронесса.

[А16].

V.15. София Ивановна Меллер-Закомельская «IV.10» (18.09.1826–05.10.1903). Православная. Баронесса.

∞ Леонтий Леонтьевич Эйлер. (07.05.1821–03.05.1893). Морской офицер. Уволен от военной службы 03.06.1885 вице-адмиралом.

[A16, П129].

V.16. Мария Ивановна Меллер-Закомельская «IV.10» (31.03.1829–14.04.1853, Санкт-Петербург). Православная. Баронесса.

[A16, П79].

V.17. Александр Иванович Меллер-Закомельский «IV.10» (23.11.1830 – не ранее 14.11.1862). Православный. Барон. Внесен в дворянскую родословную книгу Витебской губернии, часть V.

[A16, A27].

V.18. Анна Ивановна Меллер-Закомельская «IV.10» (25.07.1832–?). Православная. Баронесса.

[A16].

V.19. Владимир Петрович Меллер-Закомельский «IV.18» (27.08.1852 – не ранее 04.1917). Православный. Барон. Выпускник Николаевского Инженерного Училища 1873 г., назначен прапорщиком во 2-й саперный батальон. Уволен от военной службы 21.07.1881 поручиком «для определения к статским делам». Полицмейстер города Ковно в 1881–1888 гг. Управляющий Острожским удельным имением первого разряда Беловежского удельного округа Министерства уделов в 1895 г. Надворный советник. Владел 1000 дес. земли в селах Бранев и Завизов и деревне Бухарев Острожского уезда Волынской губернии. Внесен в дворянскую родословную книгу Витебской губернии, часть V.

∞ Мария Антоновна, урожденная Гудим-Левкович (? – не ранее 04.1917), дочь отставного ротмистра. Владела 294 дес. земли в селах Бранев и Витков Острожского уезда Волынской губернии.

[A16, A30, П22, П42, П113, П133].

V.20. Надежда Петровна Меллер-Закомельская «IV.18» (1853 – не ранее 1890). Православная. Баронесса. Была концертной пианисткой, ученица А.Г. Рубинштейна. Ее внук от дочери Веры Владимир Николаевич Ильин – известный русский религиозный философ.

∞ Николай Петрович Чаплин (? – не ранее 1890).

[П39, П40].

V.21. Николай Петрович Меллер-Закомельский «IV.18» (04.08.1860–11.10.1895, Рига). Православный. Барон. Окончил (1878) гимназическое отделение Императорского лицея памяти

Цесаревича Николая (Катковский лицей), Москва. Выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета 1882 г. С 1885 г. в Министерстве государственных имуществ. В 1893–1895 гг. исполняющий должность управляющего Управления государственных имуществ в Прибалтийских губерниях. Коллежский ассессор. Внесен в дворянскую родословную книгу Витебской губернии, часть V.

[A16, A35, П2, П37, П67, П74, П84, П116].

VI поколение

VI.1. Петр Леонидович Меллер-Закомельский «V.1» (24.11.1881 – не ранее 16.09.1920). Православный. Барон. Выпускник Московского сельскохозяйственного института 1910 г., ученый-агроном 1-го разряда. Внесен в дворянскую родословную книгу Харьковской губернии, часть V.

[A24, П72, П115, П119].

VI.2. Сергей Леонидович Меллер-Закомельский «V.1» (04.07.1884–1919). Православный. Барон. Член Московского автомобильного общества в 1912–1917 гг. Член Русского фотографического общества в 1913–1917 гг. Внесен в дворянскую родословную книгу Харьковской губернии, часть V.

[A3, A24, П30].

VI.3. Владимир Петрович Меллер «V.2». Сын неизвестных родителей. (Крещен 21.03.1886, Ялта – не ранее 22.11.1919). Усыновлен 03.09.1893. Разрешено принять фамилию «Меллер» 13.02.1897. Разрешено принять отчество «Петрович» 19.04.1912. Возведен в личное почетное гражданство 01.02.1912. Член Московского автомобильного общества в 1911–1917 гг. В Ялте владел несколькими автомобилями. Кинолюбитель, автор и оператор нескольких документальных фильмов, демонстрировавшихся в 1913 г. в Ялтинском «иллюзионе г. Чепати». Стал после смерти в 1913 г. барона П.Е. Меллер-Закомельского единственным наследником особняка в Ялте и всего имущества усыновивших его Петра Егоровича и Александры Ильиничны Меллер-Закомельских.

∞ (с 28.09.1908, Ялта) Зинаида Алексеевна, урожденная Александрова (? – не ранее 21.03.1913). Дочь учителя.

[A28, A29, П30].

VI.4. Иван Григорьевич Меллер-Закомельский «V.5» (1899–?). Православный. Барон. Проживал в Москве. С 16.06.1919 служащий

Московской окружной артиллерийской школы комсостава РККА в должности переписчика. 20.09.1919 арестован по ордеру особого отдела ВЧК. Содержался в Бутырской тюрьме. Дальнейшая судьба не известна.

[А11, П28].

VI.5. Софья Григорьевна Меллер-Закомельская «V.5» (1901, Смоленск – не ранее 02.1930). Православная. Баронесса. В 1927 г. проживала в Москве с матерью и двумя малолетними сыновьями. 11.06.1927 арестована ОГПУ с мужем и матерью по «групповому делу». В сентябре 1927 г. освобождена без права проживания в Москве. В том же месяце с сыновьями выехала в Нижний Новгород, где в марте 1929 г. была вновь арестована ОГПУ и заключена в тюрьму. Освобождена в апреле 1929 г. В феврале 1930 г. проживала в Нижнем Новгороде.

∞ (с 1921) Павел Павлович Мещерский. (?– не ранее 02.1930). Православный. Князь. Закончил Петрово-Разумовскую сельскохозяйственную академию. 11.06.1927 арестован ОГПУ вместе с женой и ее матерью по групповому делу. В сентябре 1927 г. приговорен к трем годам концлагерей и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. В феврале 1930 г. находился на Соловках.

[П28].

VI.6. Мария Федоровна Меллер-Закомельская «V.6» (23.05.1885–?). Православная. Баронесса.

∞ (с 10.11.1906) Владимир Александрович Булгаков (02.11.1871–15.01.1912, Москва). Владел 1255 дес. земли в Гжатском уезде Смоленской губернии, Гжатский уездный предводитель дворянства (24.11.1902–15.01.1912).

[А13, И5].

VI.7. Варвара Федоровна Меллер-Закомельская «V.6» (1886–?). Православная. Баронесса. Участвовала в Гражданской войне на стороне белых, Южный фронт. Находилась в эмиграции.

∞ (с 05.06.1911) Глеб Николаевич Одинцов (13.11.1888, Москва – 1972, Сент-Анн-де-Бельвю, провинция Квебек, Канада). Участвовал в Гражданской войне на стороне белых, Южный фронт. Подполковник. Находился в эмиграции.

[А33, П9, П21, П85].

VI.8. Ольга Федоровна Меллер-Закомельская «V.6» (05.02.1888 – не ранее 1927). Православная. Баронесса. В 1927 г. проживала в Москве.

∞ Борис Николаевич Шмидт (? – не ранее 1927). В 1927 г. находился в ссылке в Нижнеилимском районе Иркутской области.

[И6].

VI.9. Александр Федорович Меллер-Закомельский «V.6» (27.08.1889 –?). Православный. Барон. Закончил 1-е Московское реальное училище по 1-му разряду. В 1910 г. младший унтер-офицер из вольноопределяющихся 1-го гусарского Сумского полка. 23.08.1910 выдержал при штабе 1-й Кавказской дивизии установленный экзамен на чин прапорщика запаса. 28.09.1910 уволен в запас армии в Москву.

[А10].

VI.10. Николай Федорович Меллер-Закомельский «V.6» (04.11.1890– 07.03.1899, Москва). Православный. Барон.

[И5].

VI.11. Федор Федорович Меллер-Закомельский «V.6» (? – не ранее 1911). Православный. Барон. В 1911 г. проживал в Москве.

VI.12. Александра Федоровна Меллер-Закомельская «V.6» (?– 14.04.1916, Алушка). Православная. Баронесса.

[П16, П68].

VI.13. Владимир Федорович Меллер-Закомельский «V.6» (21.07.1894, Кольчевка – 05.06.1962, Лос-Анджелос, шт. Калифорния, США). Православный. Барон. Выпускник Пажеского корпуса 01.10.1914 г., корнетом во 2-й лейб-драгунский Псковский полк. С 1914 г. в Л.-гв. Конном полку. Участвовал в Гражданской войне на стороне белых, Восточный фронт. Ротмистр. Находился в эмиграции.

∞ (с 15.10.1924, Зеон, Германия) Наталия Георгиевна, урожденная герцогиня Лейхтенбергская, дочь герцога Георгия Николаевича Лейхтенбергского. (16.05.1900, Санкт-Петербург – 01.08.1995, графство Сан-Бернардино, шт. Калифорния, США). Баронесса.

[П21, П41, П59].

VI.14. Клавдия Федоровна Меллер-Закомельская «V.6» (08.10.1896, Гатчина, Царскосельского у., Санкт-Петербургской губ. – 30.06.1923, Рим). Православная. Баронесса (в замужестве графиня).

∞ (с 16.01.1919, Ялта) Петр Михайлович Капнист (1897– 02.07.1971, Париж). Граф. Выпускник Пажеского корпуса, 1917. Подпоручик Л.-гв. 4-го стрелкового императорской фамилии полка.

Участвовал в Гражданской войне на стороне белых, Южный фронт. Капитан. Находился в эмиграции.

[П21, П23, П59].

VI.15. Елизавета Владимировна Меллер-Закомельская «V.10» (06.07.1895–1981, Оттава, Канада). Баронесса. Православная. Находилась в эмиграции.

∞ (с 18.05.1918, Киев) Яков Сергеевич Исаков (05.01.1897, Киев – 16.12.1984, Sea Cliff, шт. Нью-Йорк, США). Окончил гимназический курс Санкт-Петербургского Александровского лицея. Участвовал в Гражданской войне на стороне белых, Южный фронт. Находился в эмиграции.

[П138].

VI.16. Александр Владимирович Меллер-Закомельский «V.10» (28.10.1898–05.05.1977, Барселона, Испания). Православный. Барон. Окончил гимназический курс Санкт-Петербургского Александровского лицея. Выпускник Офицерских курсов Пажеского корпуса 1917 г., определен прапорщиком в Л.-гв. Конный полк. Участвовал в Гражданской войне на стороне белых, Южный фронт. Награжден орденом Святителя Николая Чудотворца. Штабс-капитан. Находился в эмиграции.

[П21, П43, П59].

VI.17. Александр Николаевич Меллер-Закомельский «V.12» (01.11.1844–15.04.1928, Ницца, Франция). Православный. Барон. Выпускник (с отличием) Николаевского училища гвардейских юнкеров 1862 г., определен корнетом в Л.-гв. Гусарский Его Величества полк. Принимал участие в дуэлях: в 1860 г. был секундантом, в 1874 г. убил своего противника. Флигель-адъютант свиты Александра II с 22.04.1876. Генерал-майор с 15.05.1883. Генерал от инфантерии с 06.12.1906. Временный Прибалтийский генерал-губернатор с 17.10.1906 по 12.07.1909. Член Государственного совета по назначению с 08.07.1909 по 25.10.1917. Уволен от военной службы 29.04.1917. Георгиевский кавалер, орден Св. Георгия 4 степени, 1876. Награжден золотой саблей с надписью «За храбрость», 1874. Владел в Витебской и Волынской губерниях 3950 дес. земли. Внесен в дворянскую родословную книгу Витебской губернии, часть V. Находился в эмиграции.

∞₁ (с 1881) Еликонида Аполлоновна, урожденная Мицельская (? – 24.05.1905 в Симферополе. Погребена на кладбище Кокад,

Ницца, Франция), дочь ротмистра в отставке Аполлона Николаевича Мицельского. Баронесса.

∞₂ (с 03.10.1914) Ольга Адольфовна, урожденная Кершке. (1886–?). Евангелического вероисповедования. Баронесса.

[А16, А26, П8, П16, П17, П19, П21, П26, П36, П50, П59, П60, П62, П63, П81, П83, П109, П126, П131].

VI.18. Николай Николаевич Меллер-Закомельский «V.12» (14.11.1845–26.11.1846, Санкт-Петербург). Православный. Барон. [П79].

VI.19. Сергей Николаевич Меллер-Закомельский «V.12» (05.10.1847–19.12.1899 в Нижнем Новгороде. Погребен 23.12.1899 в Москве на кладбище Новодевичьего монастыря). Православный. Барон. Выпускник Николаевского кавалерийского училища 1865 г., определен корнетом в Гродненский гусарский полк. Флигель-адъютант свиты Александра II с 16.06.1873. Генерал-майор с 21.12.1891. Георгиевский кавалер, орден Св. Георгия 4-й степени, 1876. Награжден золотой саблей с надписью «За храбрость», 1877. Внесен в дворянскую родословную книгу Витебской губернии, часть V.

∞ Наталья Павловна Улан-Малюшицкая, вдова генерального штаба полковника Улан-Малюшицкого Степана Ахмуратовича (?–?), урожденная Кулешова, дочь отставного поручика. Окончила с большой золотой медалью Санкт-Петербургский Екатерининский институт. Баронесса. Имела от первого брака детей: Елену (28.09.1885–?); Евгению (08.08.1887–?). На свои средства в память мужа генерал-майора Меллер-Закомельского С.Н. построила деревянный храм в лагере Нижегородского гарнизона (освящен в 1900 г.).

[А8, А16, А22, П19, П36, П50, П51, П54, П57, П61, П81, П109, П124, П131].

VI.20. София Владимировна Меллер-Закомельская «V.19» (18.09.1880–28.02.1968, Варшава). Православная. Баронесса. Находилась в эмиграции.

∞ Николай Ипполитович Мацнев. (01.09.1903, Санкт-Петербург – 07.02.1963, Франция). Находился в эмиграции.

[А30, П59].

VI.21. Татьяна Владимировна Меллер-Закомельская «V.19» (03.07.1882–?). Православная. Баронесса.

[А30].

VI.22. Елена Владимировна Меллер-Закомельская «V.19» (25.10.1883–до 28.07.1952, Тюбинген, Германия). Баронесса. В 1905 г. преподаватель учебного заведения А.А.Макаровой в г. Киеве. Находилась в эмиграции.

∞ Полуэктов (?–?). Находился в эмиграции.

[А30, П59].

VI.23. Мария Владимировна Меллер-Закомельская «V.19» (20.05.1885–07.03.1960, Западная Германия). Православная. Баронесса.

∞ Николай Александрович Рачинский (? – 22.10.1942, Варшава).

[А30, П24].

VI.24. Сергей Владимирович Меллер-Закомельский «V.19» (04.05.1887–26.01.1918, Киев). Православный. Барон. Как ездок-охотник в 1914–1916 гг. участвовал на собственных чистокровных лошадях английской породы в скачках на ипподромах Санкт-Петербурга, Киева и других городов России, многократно выигрывал первые призы. Участник Гражданской войны на стороне белых, Южный фронт. Поручик 11 гусарского Изюмского полка.

[А30, П7, П20, П32, П76].

VII поколение

VII.1. Сергей Александрович Меллер-Закомельский «VI.17»

от ∞₁

(10.10.1882–27.12.1909 застрелился в Саратове). Православный. Барон. Владел полученным по наследству от матери имением (1119 дес. земли) в Новоузенском уезде Саратовской губернии.

[А14, А26, П69, П97, П135].

VII.2. Александр Александрович Меллер-Закомельский «VI.17» от ∞₁

(03.02.1885–22.09.1910 застрелился в Монте-Карло, Франция). Православный. Барон. Учился в Пажемском корпусе.

[А26, П66, П127].

VII.3. Михаил Александрович Меллер-Закомельский «VI.17»

от ∞₁

(25.09.1887–15.01.1918?). Православный. Барон. Учился в Тверском кавалерийском училище.

[А26, П83].

* Дата сообщена А.А. Хисамутдиновым, г. Владивосток.

VII.4. Надежда Александровна Меллер-Закомельская «VI.17»
от ∞₁
(13.10.1889–07.09.1970*, Сан-Франциско, США). Православная.
Баронесса.
[A26, И7].

Меллер-Закомельские, чьи семейные связи автору не удалось определить

№	Имеющаяся информация	Источник информации
1	София Меллер-Закомельская (18.04.1838–11.05.1839), баронесса.	Московский некрополь. Т. 2. СПб., 1907. С. 246.
2	Евгения Семеновна Меллер-Закомельская, баронесса.	Весь Петроград на 1917 г. Адресная и справочная книга г. Петрограда. Петроград, 1917. С. 444.
3	Анна Ивановна Варун-Секрет «бывшая Меллер-Закомельская» (16.06.1888, Санкт-Петербург – расстреляна 15.09.1937, Сыктывкар, Коми АССР)*.	Интернет-ресурс: http://www/pstbi.ru
4	Меллер-Закомельский (? – убит 15.01.1918, Таганрог), барон. Корнет отдельного корпуса пограничной стражи.	Волков С.В. Офицеры армейской кавалерии. М., 2004. С.349.

* Проверкой информации о А.И.Варун-Секрет из ее следственного дела не удалось установить ее принадлежность к роду Меллер-Закомельских.

Архивные источники

1. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. Сп. Ст. Д. 21. Л. 2, 13 об.–14, 20 об.–21, 28 об.–29.
2. Там же. Оп. ШГФ. Д. 5112. Л. 7.
3. Государственный архив Автономной республики Крым. Ф. 647. Оп. 1. Д. 5. Л. 203, 203 об.
4. РГАДА. Ф. 346. Оп. 1. Кн. 40. Л. 619.
5. Там же. 1. Кн. 3. Л. 637 об.

6. РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 345. Л. 6.
7. РГВИА. Ф. 14590. Оп. 1. Д. 48. Л. 94 об., 95.
8. Там же. Ф. 400. Оп. 12. Д. 21821. Л. 35.
9. Там же. Оп. 17. Д. 6087. Л. 6 об., 7 об.
10. Там же. Оп. 9. Д. 33847. Л. 1728, 1729 об.
11. Там же. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 222. Л. 34, 34 об.
12. Там же. Ф. 490. Оп. 2. Д. 21. Л. 13.
13. РГИА. Ф. 796. Оп. 436. Д. 1011. Л. 1–5.
14. Там же. Ф. 1352. Оп. 22. Д. 408. Л. 1–2 об.
15. Там же. Ф. 1343. Оп. 46. Д. 1917. Л. 1–16.
16. Там же. Д. 1916. Л. 1–163.
17. Там же. Д. 1915. Л. 1–3 об.
18. Там же. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 747. Л. 8.
19. Там же. Ф. 797. Оп. 36. 3 отд. 4 ст. Д. 55. Л. 3.
20. Там же. Ф. 733. Оп. 1. Д. 589. Л. 1–11.
21. Там же. 468. Оп. 42. Д. 1690. Л. 97.
22. Там же. Ф. 759. Оп. 25. Д. 1117. Л. 9.
23. Там же. Ф. 1088. Оп. 1. г. 1835–1845. Д. 805. Л. 52–70.
24. Там же. Ф. 1343. Оп. 25. Д. 3144. Л. 10–12.
25. Там же. Ф. 1284. Оп. 34. 1 отд. 1 ст. Д. 40. Л. 1–31.
26. Там же. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 327. Л. 1–143.
27. Там же. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 7. Л. 56 об., 57.
28. Там же. Ф. 1405. Оп. 413. Д. 519. Л. 6, 9.
29. Там же. Ф. 1405. Оп. 98. Д. 12497.
30. Там же. Ф. 515. Оп. 73. Д. 575. Л. 429.
31. Там же. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 671. Л. 227, 518.
32. Там же. Оп. 27. Д. 917. Л. 8, 10, 13.
33. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 51264. Л. 7, 32.
34. Там же. Д. 19581.
35. Там же. Д. 20180.

Печатные источники

1. Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1893 г. Ч. II. СПб., 1893. Стб. 682.
2. Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1894 г. Ч. II. СПб., 1894. Стб. 110.
3. Адресная книга города Санкт-Петербурга на 1902 г. / Под ред. П.О. Яблонского. СПб., 1902. Стб. 1825, 1826.
4. Адресная книга города Санкт-Петербурга на 1893 г. / Под ред. П.О. Яблонского. СПб., 1893. Стб. 1173.
5. Азбучный указатель имен русских деятелей, имеющих бытъ помещенными в «Биографический словарь», издаваемый Императорским Русским Историческим Обществом. Ч. II. СПб., 1888. С. 22.
6. Алфавитный список дворянским родам, внесенным в дворянскую родословную книгу Витебской губернии по 1900 г. Витебск, 1900. С. 26, 55.
7. Алявдин В.И. Изюмцы в боях за Россию. М., 1997.

8. Афанасьев Н.И. Современники. Альбом биографий. Т. 2. СПб., 1910. С. 286.
9. Баумгартен А.А, Литвинов А.А. Памятка кирасир Ее Величества за время гражданской войны 1917–1920 г. Берлин, 1927. С. 12, 92.
10. Богданович М.И. Меллер-Закомельские // Русская старина. СПб., 1881. № 2. С. 445, 446.
11. Богуславский Л.А. История Апшеронского полка 1700–1892. Т. 3. СПб., 1892. С. 50.
12. Бройтман Л.И., Краснова Е.И. Семья Резвых в Петербурге // Известия Русского генеалогического общества. Вып. 2. СПб., 1995. С. 63–65.
13. Великий князь Николай Михайлович. Генерал-адъютанты императора Александра I. СПб., 1913. С. 69.
14. Великий князь Николай Михайлович. Русский провинциальный некрополь. Т. 1. М., 1914. С. 533.
15. Верещагина А.Г. Федор Антонович Бруни. СПб., 1986. С. 92, 233.
16. Весь Петербург на 1916 г. Адресная и справочная книга г. Петрограда. Петроград, 1916. С. 440.
17. Военная энциклопедия. Т. XV. СПб., 1914. С. 253–254.
18. Военный энциклопедический лексикон. Ч. 8. СПб., 1844. С. 615.
19. Волков С.В. Генералитет Российской империи. Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. Т. 2. М., 2010. С. 133–134.
20. Его же. Офицеры армейской кавалерии. Опыт мартиролога. М., 2004. С. 349.
21. Его же. Офицеры российской гвардии. Опыт мартиролога. М., 2002. С. 218, 312, 313, 352.
22. Вольские губернские ведомости. 1917. № 39. 11 апреля. С. 2.
23. Гасперович В., Катин-Ярцев М., Талалай М., Шумков А. Тестачо. Некатолическое кладбище для иностранцев в Риме. СПб., 2000. С. 65.
24. Генеалогическая хроника российской эмиграции (по материалам журнала «Новик»): справочник. М., 2011. С. 352.
25. Глинка В.М. Русский военный костюм XVIII – начала XX века. Л., 1988. Илл. С. 42.
26. Государственный совет Российской империи 1906–1917. М., 2008. С.167.
27. Дворянский адрес-календарь на 1897 г. СПб., 1896. С. 296, 300.
28. Должанская Л., Осипова И. Обречены по рождению. По документам фондов: Политического Красного Креста. 1918–1922. Помощь политзаключенным. 1922–1937. СПб., 2004. С. 450–452.
29. Дубинин А.С. Неурядицы в семейной жизни князей Несвицких // Известия Русского генеалогического общества. Вып. 13. СПб., 2003. С. 54.
30. Ежегодник Московского автомобильного общества 1912–1913. М., 1912. С. 37.
31. Епатко Ю.Г. Неизвестный портрет работы Джорджа Доу. К иконографии барона П.И. Меллера-Закомельского // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 2004. М., 2006. С. 307–317.
32. Журнал коннозаводства. № 8. М., 1916. С. 631.
33. Журнальное постановление общего собрания господ Владельцев Кыштымского Горнозаводского Именья от 20-го Декабря 1898 г. (Историко-революционный музей г. Кыштыма Челябинской области).
34. Затворницкий Н.М. Указатель биографических сведений, архивных и литературных материалов, касающихся чинов общего состава по канцелярии Военного министерства с 1802 до 1902 г. включительно. СПб., 1909. С. 903.

35. Землевладение и землевладельцы Витебской губернии в 1905 г. Витебск, 1907. С. 148.
36. Исмаилов Э.Э. Золотое оружие с надписью «За храбрость». Список кавалеров 1788–1913. М., 2007.
37. Историческая записка Императорского лицея в память Цесаревича Николая (Лицей Цесаревича Николая) за XXX лет. (1868–13 января–1898). М., 1899. С. 420, 578.
38. Каменский Е.С. История 2-го Драгунского С.-Петербургского Генерал-фельдмаршала князя Меншикова полка. 1707–1898. Т. 2. М., 1900. Приложение. С. 6.
39. Козырев А.П. В тени Парнаса и Афона // Ильин В.Н. Эссе о русской культуре. СПб., 1997. С. 5.
40. Его же. Исав, восставший из Иакова // Ильин В.Н. Пожар миров: Избранные статьи из журнала «Возрождение». М., 2010. С. 7.
41. Красюков Р.Г. Генеалогические миниатюры. СПб., 2010. С. 38, 39.
42. Краткий список чинов Министерства уделов на 1-е октября 1895 г. СПб., 1895. С. 165.
43. Лампе А.А. Пути верных. Сборник статей. Париж, 1960. С. 148.
44. Личный состав главного управления коннозаводства. 1915. СПб., 1915. С.16.
45. Ломан Н.Л. Историческое обозрение 2-го кадетского корпуса. СПб., 1862. Приложение. С. III, VI, VII.
46. Маргулиес М.С. Год интервенции. Кн. 1. Лейпциг, 1923. С. 20.
47. Материалы к оценке земель в С.-Петербургской губернии. Т. 1. Ямбургский уезд. Вып.1. СПб., 1904. С. 160.
48. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова. СПб., 1819. Ч. 2. С. 450.
49. Милорадович Г.А. Материалы для истории Пажеского Его Императорского величества корпуса 1711–1875. Киев, 1876. С. 172.
50. Его же. Список лиц Свиты Их Величеств с царствования императора Петра I по 1886 г. СПб., 1886. С. 18, 46, 146, 149.
51. Его же. Список лиц Свиты Их Величеств с царствования императора Петра I. Дополнения и перемены к изданиям 1886 и 1891 г. по 6 декабря 1895 г. Чернигов, 1895. С. 11.
52. Михневич И. Сорокалетие Ришельевского лицея 1817–1857. Одесса, 1857. С. 115.
53. Московские ведомости. 1899. № 83. 25 марта. С. 1.
54. Там же. № 354. 24 дек. С. 3.
55. Там же. 1905. № 274. 15 окт. С. 1.
56. Там же. № 282. 24 окт. С. 1.
57. Московский некрополь. Т. 2. СПб., 1907. С. 246.
58. Московское дворянство. Алфавитный список дворянских родов с кратким указанием важнейших документов, находящихся в родословных делах архива Московского дворянского депутатского собрания. М., 1910. С. 273.
59. Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1999. Т. 4. М., 2004. С. 493–494.
60. Немцы России. Энциклопедия. Т. 2. М., 2004. С. 461–464.
61. Нижегородские ведомости. 1899. № 52. 22 декабря. С. 6.
62. Новое время. 1905. № 10500. 28 мая. С. 1.

63. Там же. № 10562. 29 июля. С. 1.
64. Там же. 1907. № 11300. 28 авг. С. 1.
65. Там же. № 11302. 30 авг. С. 1
66. Там же. 1910. № 12414. 3 окт. С. 1.
67. Там же. 1895. № 7054. 18 окт. С. 1, 4.
68. Там же. 1916. № 14413. 23 апр. С. 1.
69. Там же. 1909. № 12141. 30 дек. С. 1.
70. Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 год // Русская старина. СПб., 1893. Т. LXXIX. Август. С. 302.
71. Остафьевский архив князей Вяземских. Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым 1812–1819. Т. 1. СПб., 1899. С. 95, 469; 375, 670.
72. Отчет о состоянии Московского сельскохозяйственного института за 1910 г. М., 1911. С. 38.
73. Памятная книжка Ковенской губернии на 1872 г. Ковно, 1871. С. 64.
74. Памятная книжка Лифляндской губернии на 1893, 1894, 1895 гг. С. 81, 87, 89.
75. Памятная книжка по Главному управлению государственного коннозаводства на 1916–1917 гг. Петроград, 1917. С. 18.
76. Там же. Справочный отдел. С. 322.
77. Пережитое и перечувствованное. Воспоминания декабриста А.П. Беляева // Русская старина. СПб., 1881. № 12. С. 693–696.
78. Петербургский некрополь. Т. 2. СПб., 1912. С. 658.
79. Там же. Т. 3. СПб., 1912. С. 8.
80. Там же. С. 89–91.
- 80а. Там же. Т. 4. СПб., 1912. С. 125.
81. Потто В.А. Исторический очерк Николаевского кавалерийского училища. Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. 1823–1873 гг. СПб., 1873. С. 59, 137, 145, 189, 203, 221, 229, 281.
82. Его же. История 44-го драгунского Нижегородского полка. Т. 10. СПб., 1895. Приложения. С. 35, 39.
83. Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 1. М., 1999. С. 519–524.
84. Рижский вестник. 1895. № 226. 11 октября. С. 1, 2.
85. Ронин В.К. «Русское Конго» 1870–1970. Т. 2 М., 2009. С. 622, 624.
86. Русский инвалид. 1818. № 94. 26 апреля. С. 379.
87. Там же. 1832. № 42. 17 февраля. С. 167.
88. Там же. № 136. 1 июня. С. 541.
89. Там же. 1838. № 53. 1 марта. С. 209.
90. Там же. 1845. № 158. 17 июля. С. 629.
91. Санкт-Петербург в 1782 г. Записки Пикара к князю А.В. Куракину // Русская старина. СПб., 1878. Т. XXII. Май. С. 58.
92. Санкт-Петербургские ведомости. 1783. № 95. 28 ноября. С. 1.
93. Там же. 1789. № 2. 5 января. С. 17–19.
94. Там же. 1820. № 9. 30 января. С. 1.
95. Там же. 1816. № 6. 21 января. С. 1.
96. Санкт-Петербургские Сенатские Ведомости. 1890. № 91. 13 ноября. С. 1.
97. Саратовский вестник. 1909. № 286. 29 декабря. С. 4.
98. Сардак Л.Л. Барон В.В. Меллер-Закомельский (1863–1920) // Новый исторический вестник. № 14. М., 2006. С. 147.

99. Его же. Забытый генерал. Барон Федор Иванович Меллер-Закомельский // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Третьей международной научно-практической конференции 16–18 мая 2012 года. Ч. III. СПб., 2012. С. 148.
100. Его же. Меллер Иван Иванович – родоначальник баронов Всероссийской империи Меллеров-Закомельских // Немцы в Санкт-Петербурге. Биографический аспект. Вып. 6. СПб., 2011. С. 7.
101. Сведения об овцеводстве Баронессы Е.Н. Меллер-Закомельской (Харьковской губернии Изюмского уезда) // Журнал сельского хозяйства и овцеводства. М., 1845. № 4. Раздел «Овцеводство». С. 84.
102. Свистунов В.М. История Каслинского завода 1745–1900 г. Челябинск, 1997. С. 73.
103. Семашко И. Виленский православный некрополь. Вильно, 1892. С. 234.
104. Семевский М.И. Знакомые – книга автобиографических собственноручных заметок 850 лиц 1867–1888. СПб., 1888. С. 342.
105. Скальковский А.А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. 1731–1823. Ч. 2. Одесса, 1838. С. 270.
106. Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812–1815 гг. // Российский архив. Т. VII. М., 1996. С. 471–472.
107. Смоленские губернские ведомости. 1910. № 13. 1 апреля. Приложение. С. 1.
108. Список воспитанниц Императорского Воспитательного общества благородных девиц (Вып. 1776–1914 гг.). Петроград, 1914. С. 582.
109. Список генералам по старшинству. СПб., 1896. С. 589, 823.
110. Список генералам, штаб- и обер-офицерам всей российской армии. СПб., 1828. С. 112, 423.
111. Список генералам, штаб- и обер-офицерам всей российской армии. СПб., 1829. С. 433, 509.
112. Список генералам, штаб- и обер-офицерам всей российской армии. СПб., 1831. С. 284.
113. Список землевладельцев и арендаторов Волынской губернии, во владении коих находится не менее 50 десятин земли. Житомир, 1913. С. 206.
114. Список лиц, состоящих на государственной службе и занимающих штатные должности по ведомству главного управления государственного коннозаводства. СПб., 1902. С. 13.
115. Список студентов Московского сельскохозяйственного института на 1908–1909 уч. г. С. 35.
116. Список чинам министерства государственных имуществ. СПб., 1887. С. 39.
117. Столетие военного министерства 1802–1902. Память о членах Военного совета. СПб., 1907. С. 475–478.
118. Судравский В.К. Военная галерея Зимнего дворца (к предстоящему юбилею 1812 года). СПб., 1910. С. 20.
119. Филимонов С.Б. Интеллигенция в Крыму (1917–1920): поиски и находки источниковеда. Симферополь, 2006. С. 232; Ялтинское религиозно-философское общество: малоизвестные материалы о С.Н. Булгакове // Философия хозяйства. М., 2006. № 3. С. 220.
120. Фрейман О.Р. Пажи за 185 лет. Биографии и портреты бывших пажей с 1711 по 1896 гг. СПб., 1894–1897. С. 193, 217, 249, 256, 280, 715.

121. Харьковские губернские ведомости. 1906. № 271. 5 декабря. Особое приложение. С. 1.
122. Харьковские губернские ведомости. 1906. № 278. 14 декабря. Особое приложение. С. 1.
123. Хвостов В.С. Записки Василия Семеновича Хвостова // Русский архив. М., 1870. Кн. 2. Стб. 558, 576.
124. Цитович Г. Храмы армии и флота. Пятигорск, 1913. С. 286.
125. Чернопяттов В.И. Некрополь. Из записной книжки старого генеалога. Тула, 1915. С. 20.
126. Его же. Русский некрополь за границей. Вып. 1. М., 1908. С. 38.
127. Шервуд Л.В. Путь скульптора. Л.; М., 1937. С. 37–38.
128. Шереметевский В.В. Русский провинциальный некрополь. М., 1914.
129. Шестакова М.В. Минувшее и вечное. СПб., 2007. С. 304.
130. Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. СПб., 2002. С. 451–453.
131. Шкот П.П. Исторический очерк Николаевского кавалерийского училища, бывшей школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров 1823–1898. СПб., 1898.
132. Штакельберг К. Полтора века Конной гвардии 1730–1880. СПб., 1881. Приложения. С. 24.
133. Шульгин В.В. Последний очевидец. М., 2002. С. 45–47.
134. Эйлер А.А. Записки А.А. Эйлера // Русский архив. М., 1880. Кн. 2. С. 333.
135. Южный край. Харьков, 1909. № 9877. 31 декабря. С. 4.
136. Ялтинский вестник. 1912. № 908. 12 сентября. С. 1.
137. Genealogisches Handbuch der baltischen Ritterschaften, Teil 2,2: Estland, Bd.: 2. Görlitz, 1930. S. 246.
138. Ferrand J. Descendances naturelles des souverains et grands-ducs de Russie de 1762 à 1910. Paris, 1995. P. 65.

Интернет-источники

1. Князья Козловские. <http://www.history-guazan.ru>
2. Харьковский частный музей городской усадьбы. Генеалогическое дерево Харьковской губернии. <http://ysadba.rider.com.ua/index.htm>
3. Шилов Д.Н. Неопубликованные материалы к «Русскому провинциальному некрополю» в фондах Российского государственного исторического архива. <http://www.petergen.com>
4. Freedericksz, Bernhard (Boris). <http://www.kansallisbiografia.fi/henraalit/?gid=13>
5. Храм Всех Святых, Москва. <http://www.hram-ks.ru>: Красносельский синодик.
6. Храм князя Мещерского. <http://pushkin-book.ru>
7. Русские захоронения в окрестностях Сан-Франциско. <http://russianmuseumsf.org/cemeteries>

А.А. Симонов (Саратов)

ВОЕННО-ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ УЧИЛИЩЕ В ХВАЛЫНСКЕ (1917–1918)

В РОССИИ в Первую мировую войну подготовка обер-офицерских кадров осуществлялась в первую очередь для пехоты. В результате этот род войск получил некоторый излишек командного состава. В то же время потребность в офицерах специальных войск за время войны так и не была удовлетворена. Например, к марту 1917 г. в действующих частях некомплект офицеров достигал в артиллерии 1520 человек, а в инженерных войсках – 990 человек. Не хватало на фронте и военных топографов¹.

Офицеров этой воинской специальности готовили в Петрограде в Военно-топографическом училище. Это старейшее специализированное военно-учебное заведение, имеющее уникальную, богатую событиями биографию², существует и поныне³. Одна из ее страничек в годы Первой мировой и Гражданской войн оказалась тесно связанной с саратовским краем.

Военно-топографическое училище среди других военных училищ всегда считалось наиболее доступным для простого народа. Конкурс в него никогда не имел сословных преград. Достаточно было обладать правами 1-го разряда по образованию и успешно сдать вступительный экзамен. Главный же контингент поступающих традиционно состоял из выпускников землемерных училищ⁴. В землемеры же шли в основном из-за возможности получения бесплатного образования. Приобрести эту профессию особенно стремились ученики гимназий и реальных училищ, не имевшие средств для обучения в старших классах. В начале XX в. столыпинская реформа и закон о новом землеустройстве подняли планку спроса на землемеров. Оценка их труда повысилась, и сразу же

убавилось число желающих стать военными топографами. Дабы спасти престиж учебного заведения, было принято решение о повышении требований к поступающим. Эта мера, как ни странно, спасла положение, и в желающих обучаться в училище недостатка больше не было⁵.

В строевом отношении училище представляло одну роту. Штат юнкеров насчитывал всего 100 человек. Курс обучения был трехгодичным и очень напряженным⁶. Изучались расширенный курс математических наук, физика, топография и геодезия. Из военных дисциплин повышенное внимание уделялось артиллерии и фортификации. Много часов отводилось практическим работам на местности. Каждый год три с половиной месяца юнкера-топографы проводили в лагерных сборах под городом Режица⁷.

Первая мировая война внесла изменения в учебный процесс не сразу. Военное ведомство долго не вводило для топографов ускоренного курса. Лишь в 1916 г., когда в условиях позиционных боевых действий на фронте начал сказываться дефицит специалистов топографической съемки и рекогносцировки, при училище появилась школа прапорщиков для съемочных работ⁸. Школа просуществовала немногим больше года. Практика показала, что подготовить хорошего топографа за несколько месяцев невозможно. Но фронт продолжал требовать специалистов, и Главный штаб решил все же сократить сроки основной училищной программы. В июле 1917 г. вышло «Положение об ускоренной подготовке в военное время офицеров Корпуса военных топографов в Военно-топографическом училище с годичным ускоренным курсом». В результате личный состав училища увеличился втрое. На время войны к штату добавлялись должности инспектора классов и батальонного командира. Знания юнкеров решено было оценивать по прежней системе, за исключением выпускных экзаменов, которые отменялись. Окончивших годичный курс предполагалось производить в подпоручики⁹.

В годы войны училище возглавлял полковник И.С. Свищёв¹⁰, который одновременно был профессором Петроградского политехнического института. Именно он неожиданно для многих в 1917 г. поставил вопрос о передислокации училища в Саратовскую губернию в Хвалынск. Почему был выбран именно этот город? Объясняется все очень просто. Специфика практического обучения топографов требовала наличия местности с различным ландшафтом,

а летний лагерь в Витебской губернии, где юнкера обычно проходили практику, попал в прифронтовую зону и стал недоступен. В такой ситуации живописные окрестности Хвалынска оказались сущей находкой.

Небольшой волжский город привлек топографов и в другом плане. В Хвалынске стоял крошечный военный гарнизон, а значит – повышалась вероятность беспрепятственного расквартирования. Приходилось учитывать опыт других военно-учебных заведений. В ходе войны некоторые из них были эвакуированы вглубь страны. В пример можно привести Виленское военное училище, оказавшееся в Полтаве, и кадетские корпуса: Полоцкий, переведенный во Владикавказ, Варшавский Суворовский – в Москву – и Псковский – в Казань. Кстати, последний мог оказаться в Саратове. Псковичей определили в Казанский военный округ, и дело стало только за свободными помещениями. 27 февраля 1916 г. такой запрос поступил саратовскому городскому голове. В ответ руководитель городского общественного управления сообщил, что «свободных зданий, как городских, так и среди учебных заведений, не имеется»¹¹. Вероятно такие же ответы поступили и из других мест, где псковичи пожелали разместиться. Руководству округа ничего не оставалось, как поселить эвакуированных кадетов в зданиях Казанского военного училища.

К осени 1917 г. вынужденная передислокация грозила многим военным училищам. Бои с немцами шли уже под Ригой, и близость к фронту делала учебный процесс рискованным и неудобным. В такой непростой обстановке Временным правительством было принято решение об эвакуации петроградских военных училищ. Но так случилось, что столицу удалось покинуть только топографам.

Просьба о размещении в Хвалынске Военно-топографического училища была рассмотрена на заседании городской Думы 15 сентября 1917 г. В зале собрания присутствовали специально прибывшие из Петрограда Свищёв и инспектор классов подполковник Аксёнов. Намечалась эвакуация 340 юнкеров, 35 офицеров и чиновников с семьями, около 40 солдат. Всего набиралось примерно 500 человек. Расквартировать такую массу людей непросто, тем более в небольшом городке. Не оказалось и свободных общественных зданий, которые можно было бы отвести под училище. Тем не менее, после непродолжительного обмена мнениями, собрание высказалось за размещение училища в Хвалынске. Была создана особая

комиссия, которую уполномочили разрешить все вопросы. В качестве возможной конфискации недвижимости в первую очередь рассматривались дома частных лиц. Выбор пал на два трактира по набережной Волги, которые содержались наследниками купца Попова. Еще одно здание Дума отвоевала у местного эсеро-меньшевистского Совета. Спор между двумя представительными органами возник из-за дома Общественного собрания, где обычно проводились различные увеселительные мероприятия. Совет попытался реквизировать это здание под свои нужды, но Дума смогла дать отпор и передала дом училищу с оговоркой, что в необходимых случаях зал Собрания будет использоваться для устройства спектаклей, концертов и других культурных развлечений.

Непростым оказался и продовольственный вопрос. Дело в том, что с концом навигации на Волге шестнадцатитысячный Хвалынск за неимением железной дороги лишился на весь зимний период системного завоза продуктов. Поэтому Городская управа срочно занялась дополнительными нарядами на хлеб для эвакуированных топографов. А тут – другая проблема: цена на хлеб к осени резко подскочила, и, кроме того, начала сказываться транспортная неразбериха. И все же, несмотря на все трудности, жители Хвалынска приветствовали появление в своем городе в середине октября 1917 г. военного учебного заведения из столицы. Расквартирование училища обещало дополнительные средства в городскую казну и, что немаловажно, повышало престиж старинного волжского города¹².

Но многим надеждам не суждено было сбыться. Водоворот последовавших вскоре политических событий захлестнул Саратовскую губернию, а вместе с ним и мирный Хвалынск, хотя поначалу решение советской власти о продолжении функционирования некоторых военно-учебных заведений¹³ давало возможность наладить учебный процесс и в эвакуированном Военно-топографическом училище. С некоторыми оговорками это училище даже можно назвать первым советским военно-учебным заведением на саратовской земле. Справедливости ради надо отметить, что хвалынские юнкера и солдаты местного гарнизона сразу после Октябрьского переворота вынесли резолюцию, осуждающую выступление большевиков. Но и только. Однако через несколько месяцев все же возник вопрос о закрытии училища. Дело в том, что советская власть окончательно установилась в Хвалынске довольно поздно.

В начале декабря из состава Совета были выведены меньшевики и эсеры и создан Ревком. Думцы и их сторонники организовали в противовес «Комитет спасения Родины и революции». Началось открытое противостояние. Большинство личного состава училища заняло нейтральную позицию. Но часть топографов оказалась вовлеченной в междоусобицу. Некоторые с надеждой восприняли советскую власть. Другие во главе с начальником училища заняли сторону противников большевиков. Последнее обстоятельство вынудило Ревком забить тревогу и направить в Петроград, в Совнарком предложение прислать комиссара с особыми полномочиями для реорганизации или ликвидации училища.

События стали развиваться стремительно в конце декабря 1917 г. Большевики, опираясь на отряд Красной гвардии и солдат гарнизона, пытались занять ключевые посты управления городом. Страсти накалились до предела. Стороны вооружались. Но тем и другим нельзя было открыто использовать училищный склад, где находилось 250 винтовок. Поэтому оружие искали тайно. Большевикам удалось незаметно доставить из Сызрани пулемет. 27 декабря Хвалынский уездный съезд Советов провозгласил советскую власть. Это спровоцировало думцев на открытое вооруженное выступление. Они решили захватить здание исполкома Совета сразу после празднования Нового года. Половину отряда заговорщиков примерно из 70 человек составляли топографы.

В ночь на 2 января к воротам бывшей гостиницы купца Хренова, где размещался большевистский штаб, подошли двое молодых людей, изображавших пьяных. На просьбу пустить их в бильярдную последовал отказ часовых. Тотчас один из заговорщиков бросил в ворота гранату. Взрыв послужил сигналом для атаки. Из оврага и близлежащих амбаров к гостинице бросились вооруженные юнкера и добровольцы. Но до здания они так и не добежали, хотя и было всего 60–70 метров. С балкона, нависшего над самым перекрестком улиц, заговорил пулемет. Атакующие были рассеяны, на мостовой остались лежать несколько раненых. Нападения явно ждали и были к нему готовы. Сразу появился повод для дальнейших незамедлительных действий в отношении Военно-топографического училища. В ту же ночь оно было окружено красногвардейцами. Для доказательства контрреволюционного заговора с места событий доставили раненых юнкеров. Самих заговорщиков арестовать не удалось. Во главе с начальником училища они скрылись¹⁴.

Красногвардейцы конфисковали все оружие, отобрали запасы продовольствия, лошадей, медикаменты, часть цейхгауза, а также взяли «во временное пользование» инвентарь училища: мебель, кровати, матрацы и т. п.¹⁵

В целях самосохранения местный Совет решил, впредь до особого распоряжения, отправить преподавателей училища и юнкеров в бессрочный отпуск. Училище официально не закрывалось, просто – некому и некого было учить. В городе остались только несколько бывших офицеров, главным образом семейных. Их главной задачей стало сохранение уникальных топографических инструментов и аппаратуры. Обязанности начальника училища перешли к военному топографу бывшему полковнику Г.Г. Страхову.

К тому времени в масштабах Страны Советов началась планомерная работа по строительству советского военного образования. Заделом стали приказы Народного комиссара по военным делам от 28 января и 14 (1) февраля 1918 г.¹⁶ К лету наметились более или менее четкие положения организации советских военно-учебных заведений. Официально о начале работы курсов командного состава РККА Главный комиссар всех военно-учебных заведений объявил в своем приказе 26 июня 1918 г. На тот момент в ведении Военно-учебного управления насчитывалось четырнадцать курсов. Десять из них, с общим числом курсантов 2090 человек, уже активно функционировали¹⁷.

Но военным топографам восстановить к тому сроку свое учебное заведение не удалось, хотя распоряжение о немедленном открытии занятий в Военно-топографическом училище поступило в Хвалынск еще в середине марта 1918 г. По многим причинам оно оказалось невыполненным. Только в начале мая согласно общему плану Военно-учебного управления совместная комиссия вместе с представителями Корпуса военных топографов выработала условия приема и учебную программу 1-х Советских военно-топографических курсов в Хвалынске. Предполагалось собрать бывших юнкеров училища, уже прошедших ускоренный практический курс, закончить с ними теоретические занятия и выпустить их в Корпус. Но развернувшиеся летом политические события внесли свои коррективы. Приказом Наркомвоена Л.Д. Троцкого от 18 июля 1918 г. местом формирования курсов из-за оккупации Хвалынска белочехами был указан Вольск. После освобождения Хвалынска в сентябре 1918 г. оказалось, что все имущество училища пропало.

Решено было открыть военно-топографические курсы там, где училище существовало много десятилетий – в Петрограде. Из бывших хвалынских юнкеров на ускоренный специальный курс явилось всего лишь 11 человек¹⁸. Так закончилась саратовская эпопея одного из старейших и уникальных военных учебных заведений России.

¹ Обьедков И.В. Военно-учебные заведения России в 1914–1917 гг.: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1989. С. 19.

² Военно-топографическая школа для подготовки личного состава Корпуса военных топографов создана осенью 1822 г. в Санкт-Петербурге. В 1863 г. она преобразуется в Училище топографов. С 1 августа 1867 г. переименовывается в Военно-топографическое училище. Это военно-учебное заведение не подчинялось Главному военно-учебному управлению, а находилось в ведомстве Военно-топографического отдела Главного штаба.

³ В настоящее время – Факультет топогеодезического обеспечения и картографии Военно-космической академии им. А.Ф. Можайского в Санкт-Петербурге.

⁴ Землемерные училища относились к учебным заведениям 1-го разряда, и их курс приравнивался к 6-ти классам реального училища. См.: Свод Законов Российской империи. Т. IV. Устав о воинской повинности. Пг., 1915. С. 216.

⁵ Ежемесячник корпуса военных топографов. 1918. № 4–12. С. 19–20.

⁶ Об учреждении дополнительного 3-го класса и новый штат училища см.: Приказ по военному ведомству (Пр. по В. в.) № 337 от 1906 г.

⁷ Сейчас город Резекне Латвийской Республики.

⁸ Пр. по В. в. № 314 от 1916 г. // Русский инвалид. 1916. 31 июля.

⁹ Пр. по В. в. № 467 от 1917 г. // Армия и флот свободной России. 1917. 15 августа.

¹⁰ Свищёв (Свищов) Иван Сергеевич (1875–1973), Генштаба генерал-майор. Окончил Курское землемерное училище (1895), Военно-топографическое училище (1897) и Геодезическое отделение Николаевской академии Генерального штаба (1905). С 1907 – преподаватель Военно-топографического училища и профессор Политехнического института. В 1912 – полковник и помощник начальника Геодезического отделения военно-топографического отдела Главного управления Генерального штаба, затем – начальник Военно-топографического училища. Участник Первой мировой войны. В Гражданскую войну в Добровольческой армии. Находился в резерве чинов и был избран профессором Екатеринбургского политехнического института. В эмиграции проживал сначала в Югославии, затем во время Второй мировой войны выехал в Германию, а позже переехал в США. См.: Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 333, 450, 597, 735; Волков С.В. Генералы и штаб-офицеры русской армии. Опыт мартиролога: В 2 т. Т. 2. М., 2012. С. 368.

¹¹ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 7371. Л. 69–70.

¹² Там же. Ф. 831. Оп. 1. Д. 313. Л. 18, 20–20 об., 28–28 об., 117 об.–118.

¹³ Пр. по военно-учебным заведениям № 111 от 13 ноября 1917 г. // РГВА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 338. Л. 21; Пр. по армии и флоту № 11 от 14 ноября 1917 г. // Там же. Л. 22; Пр. главного комиссара всех военно-учебных заведений № 1, 2 от 16 ноября 1917 г. и № 4 от 22 ноября 1917 г. // Там же. Л. 22–26.

¹⁴ Существует несколько версий этого события. Наибольшего доверия заслуживает исследование хвалынского краеведа Ф.Г. Пичиенко, обобщившего и сопоставившего многие архивные материалы. См.: Пичиенко Ф.Г. Очерки борьбы трудящихся Хвалынского района за Советскую власть. Рукопись, машинописный текст. 1970 г. Архив Хвалынского краеведческого музея. С. 11–20.

В то же время любопытны некоторые подробности, описанные очевидцами. Например, И.Ф. Иванов сообщает, как происходило разоружение юнкеров (орфография сохранена): «Была послана делегация, а часть наших красноармейцев встала в ходе на лестнице, для того вида знака несогласия юнкеров обезоружиться, то припасенные баки с керосином зажечь входную дверь и заставить этим самым прыгать из окон двухэтажного здания юнкеров, а в это время в них вести стрельбу, но юнкера сдались без боя, сдав нам все оружие». См.: Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 199. Оп. 3. Д. 468. Л. 2 об.

¹⁵ Ежемесячник корпуса военных топографов. 1918. № 3. С. 22.

¹⁶ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 62. Оп. 1. Д. 360. Л. 1.

¹⁷ Там же. Ф. 25172. Оп. 1. Д. 21. Л. 56.

¹⁸ Там же. Ф. 62. Оп. 1. Д. 1360. Л. 170; Ежемесячник корпуса военных топографов. 1918. № 3. С. 22; № 4–12. С. 37.

Н.Р. Славнитский (Санкт-Петербург)

ПЕТР I И ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В КАЧЕСТВЕ ВОЕННОГО ИНЖЕНЕРА ПО ПОСТРОЙКЕ И ВОССТАНОВЛЕНИЮ ФОРТИФИКАЦИОННЫХ УКРЕПЛЕНИЙ

В ГОДЫ Северной войны на территории северо-запада России развернулось масштабное фортификационное строительство – возводились новые укрепления, модернизировались старые, а также приходилось приводить в порядок те крепости, что были повреждены в ходе осадных операций. И Петр I принимал в этом самое деятельное участие – составлял планы, инструкции, сам следил за работами. В данной статье предполагается рассмотреть деятельность царя в инженерной сфере.

Первое, что в этой связи следует отметить – возведение бастионов вокруг каменных стен Шлиссельбургской крепости. Естественно, она сильно пострадала в ходе осады. Основной огневой удар тогда был направлен на юго-западную часть острова, где были пробиты три бреши. Кроме того, пожары уничтожили почти все деревянные постройки, находившиеся на крепостном дворе, покрытия башен и настенного хода. Трудности, испытанные российскими войсками при взятии Орешка, наглядно показали, что крепость московской поры, несмотря на возросшую к началу XVIII в. мощь артиллерии, может служить надежной защитой в случае контрнаступления шведов, которого можно было ожидать в любой момент. Кроме того, ее удобно было использовать как хорошо укрепленную базу для последующих наступательных операций. Вероятно, учитывая все это, а также новую тактику ведения крепостной войны, Петр I принял решение не только восстановить ее старые стены и башни, но и возвести перед ними дополнительные укрепления¹.

Поэтому немедленно приступили к постройке дополнительных укреплений – бастионов. За строительством этих укреплений были «приставлены ради надзирания» Ф.А. Головин, Г.И. Головкин, А.Д. Меншиков, назначенный губернатором «новозавоеванной» области, Н.И. Зотов и К.А. Нарышкин². В связи с этим бастионы были названы их именами. Таким образом, Шлиссельбург после усиленных в 1700–1701 гг. земляными валами Новгорода и Пскова представлял собой еще один пример органичного сочетания почти полностью сохранившихся средневековых укреплений и новой бастионной линии обороны³. Сам Петр I в этот момент находился в Шлиссельбурге и, наверняка, именно он и отдавал соответствующие распоряжения.

По мнению В.С. Воинова и Б.М. Кирикова, после взятия Орешка у Петра I возникла идея создания крепости на острове, запирающем вход в Неву со стороны ее устья. И реконструктивные работы в Шлиссельбурге явились «генеральной репетицией», предшествовавшей сооружению Санкт-петербургской крепости⁴. Это фортификационное сооружение начали возводить весной следующего года, и к нему Петр Алексеевич имел самое непосредственное отношение.

Вскоре после взятия Ниеншанца 14 мая 1703 г. состоялся «воинский совет», на котором было принято решение строить новое укрепление, «понеже оной мал, далеко от моря и место не гораздо крепкое от натуре»⁵. В тот же день Петр I, осматривая острова дельты Невы, остановил свой выбор на Заячьем острове. 16 мая на этом острове была заложена крепость «Санкт-Питербурх», положившая начало будущей столице Российской империи.

И параллельно с этим проходило возведение дополнительных укреплений в Ямбурге, начавшееся 15 мая. В «Военно-походном журнале Б.П. Шереметева» указывается, что еще при выступлении к Ямам фон Верден получил инструкцию строить земляную крепость по чертежу, который Петр I вручил Аргамакову в Шлиссельбурге⁶.

Инструкцией Петра I, составленной им в «Ямах» 5 июня 1703 г., предписывалось в первую очередь «отделять» больверки, а уже после этого приступать к возведению куртин. Строить укрепления должны были солдаты пехотных полков, а драгунам поручалось возить припасы из леса, построить казармы «в каменном городе у той стены, что к Луге» и установить там же батарею, а также сделать

три пороховых погреба⁷. Земляная крепость состояла из трех бастийных фронтов, обращенных в поле и начертанных на сторонах неправильного четырехугольника; под куртинами этих фронтов находились деревянные казармы. Горжа по берегу реки Луги была сомкнута по прямому направлению валом, который доходил до старой каменной крепостцы, обращенной в цитадель⁸. Здесь следует заметить, что земляные укрепления возводились именно на том месте, где раньше возвышались каменные стены⁹.

Автор плана деревоземляной крепости неизвестен. Один из проектных планов был составлен саксонским инженером В.А. Кирштенштейном, находившимся на русской службе, но его планы, скорее всего, использовали уже при строительстве каменной крепости в 1706 г. Автором проекта деревоземляной крепости, возможно, стал другой иностранный (французский) инженер на русской службе – Жозеф Гаспар Ламбер де Герэн. При этом следует отметить, что В.А. Кирштенштейн до своей кончины в 1705 г. являлся непосредственным исполнителем работ¹⁰. Несомненно и то, что все планы, а также ход строительных работ согласовывались с самим Петром I, которого можно считать своеобразным «соавтором и редактором» проектного плана крепости.

К слову отметим, что остается неясным, присутствовал ли царь при закладке крепости и основании города. В «Походном журнале» Петра I указано, что 15 мая (то есть накануне закладки) он уехал в Лодейное поле. Некоторые исследователи считают, что такое серьезное событие, как закладка нового города не могла произойти в его отсутствие, другие справедливо отмечают, что он мог успеть вернуться к этому времени. Где находился Петр I 16 мая, точно неизвестно, хотя есть источник, в котором указано, что закладка крепости производилась 16 мая 1703 г., но это сочинение было написано не в 1703 г., а позднее¹¹. По нашему мнению, этот вопрос не принципиален – 16 мая происходила всего лишь закладка одного из военных объектов страны (действительно, стратегически важного), осознание же того факта, что в тот день родилась новая столица империи, появилось значительно позднее.

Для прикрытия занимаемой территории с моря в марте – начале мая 1704 г. был возведен форт Кроншлот, причем он был построен в воде: на фундаменте из ряжей, загруженных валунами, была установлена деревянная трехъярусная башня, рубленая из бревен по подобию русских деревянных острогов¹². Первоначально его

вооружение состояло из 14 орудий, но впоследствии их число возросло до 30¹³. Как показали дальнейшие события, Кроншлот, представляя незначительную по размерам цель, оказался малоуязвимым для корабельной артиллерии противника¹⁴.

Сделав промеры между островом и мелью, лежавшей к югу от него, Петр I решил построить на ней крепость. Подготовительные работы были выполнены солдатами в течение зимы 1703/1704 г. По утверждению льда, рубленные бревенчатые ящики были перевезены на назначенное место, наполнены камнем и опущены на дно. На этом фундаменте в соответствии с моделью, собственноручно изготовленной Петром во время пребывания в Воронеже в конце 1703 г., была построена деревянная 3-ярусная башня с земляными насыпями¹⁵.

7 мая состоялось освящение крепости, а 12 мая она получила имя Кроншлот¹⁶. Кроме гарнизона форта, на острове Котлине находилось два пехотных полка Ф.С. Толбухина и П.И. Островского. Первым комендантом форта был назначен полковник Т. Трейден, являвшийся командиром полка, защищавшего Кроншлот.

Уже 3 мая 1704 г. он получил инструкцию¹⁷, составленную царем, в которой в первую очередь отмечалось: «Содержать сию ситадель, с Божьей помощью, аще случится, до последнего человека. И когда неприятель захочет пробиться мимо оной, тогда стрелять, когда подойдет ближе, и не спешить стрельбою, но так стрелять, чтобы по выстрелении последней, первая паки была готова и чтоб ядер даром не терять». При этом в данном документе основное внимание уделялось порядку встречи и прохода нейтральных кораблей (которые, однако, предписывалось тщательно осматривать и пропускать лишь после того, как офицер, посланный на него с Кроншлота, мог убедиться, что на нем не спрятались неприятельские солдаты). Следовало также остерегаться неприятельских брандеров.

Летом 1704 г., тоже по непосредственному указанию Петра I, на острове Котлине, расположенном против Кроншлота, установили первую береговую батарею («Старая батарея»). Перед этой батареей стояли две задачи: защищать глубоководный фарватер, ведущий к Петербургу, и восточную сторону Кроншлота¹⁸. Затем была сооружена Ивановская батарея, находившаяся на мысе южного берега острова Котлин к северо-западу от Кроншлота, в непосредственной близости от фарватера, и имевшая задачи:

воспрепятствовать проходу вражеских кораблей к Кроншлоту, вести обстрел рейда, если на нем появится противник, совместно с Кроншлотом и Старой батареей защищать фарватер, не позволять вражеским бомбардирским кораблям вести обстрел Кроншлота и кораблей, стоящих на рейде¹⁹.

В ходе боев за Кроншлот летом 1705 г. появилось мнение о необходимости возведения еще одного фортификационного укрепления на острове Котлин. Дело в том, что вице-адмирал К.И. Крюйс, руководивший обороной, считал, что Кроншлот во время боев 1705 г. принес мало пользы; а основная заслуга в отражении неприятеля принадлежит флоту и батареям, построенным под его руководством. Он же писал о необходимости постройки еще одной крепости на острове, предлагая создать на Котлинской косе крепость с гарнизоном в 1500 человек, которая стала бы преградой неприятелю при попытке высадить десант в западной части острова и захватить батарею. Кроме того, она стала бы местом для постоянной дислокации гарнизона²⁰.

Петр I не сразу одобрил идею возведения еще одного укрепления на острове, отметив, что «на Котлине можно справиться в будущее лето, а зимою неприятелю никакой крепости делать нельзя»²¹. Опираясь на это высказывание, исследователи²² утверждают, что царь первоначально выступил против этого проекта и лишь в следующем году «в спешном порядке» приказал строить крепость. Однако внимательное изучение резолюции Петра позволяет сделать вывод, что он отнюдь не высказывался против идеи К.И. Крюйса, а лишь отложил работы до начала строительного сезона.

Новая крепость была построена к сентябрю 1706 г. и получила название «Крепость Святого Александра». Она представляла собой замкнутое укрепление бастионного типа, ее фронты были расположены на полигонах в 80 сажен (около 160 метров), вал имел командование (возвышение. – *Н.С.*) над прилегающей местностью в 14 футов, рва сначала не было. Для гарнизона были построены казармы. Кроме того, на Олонецкой верфи была срублена деревянная церковь. 16 июня 1706 г. она была доставлена в крепость и освящена в присутствии царя. Первоначально это укрепление было вооружено 40 пушками крупного калибра²³.

В мае 1706 г. началась перестройка в камне Санкт-Петербургской крепости. Инструкцией Петра I Р.В. Брюсу от 14 декабря 1706 г.

предписывалось с началом строительного сезона приступить к перестройке в камне бастионов Головкина и Зотова, а также куртины между бастионами Меншикова и Головкина. Кроме того, следовало поспешить со строительством кронверка и держать артиллерию в «добром порядке»²⁴. Следовательно, в первую очередь стремились укрепить северную («карельскую») сторону крепости, так как южная сторона была в более безопасном положении, благодаря Неве и укреплениям Адмиралтейства. Но перестройка куртины шла, по видимому, очень медленно, по поводу чего Петр I неоднократно высказывал недовольство в письмах к А.В. Кикину и Р.В. Брюсу²⁵ (куртина была готова, как и фланки бастионов Меншикова, Головкина и Зотова, лишь в сентябре 1708 года²⁶, хотя работы там продолжались и в следующем году²⁷).

В августе 1707 г. Петр I поставил вопрос о перестройке в камне Трубецкого бастиона, приказав готовить сваи²⁸. Летом 1709 г. приступили к перестройке куртины между бастионами Зотова и Трубецкого (позже она получила название Васильевской)²⁹.

Возможно, какие-то работы осуществлялись в 1710 г. Немецкий путешественник Геркенс отмечал, что в этом году «были завершены два бастиона со стороны, обращенной к Васильевскому острову»³⁰ (по-видимому, подразумевались бастионы Трубецкого и Зотова). В известных нам документах никакой информации о работах в том году не сохранилось, но следует иметь в виду, что царь в том году постоянно находился в Санкт-Петербурге и имел возможность лично наблюдать за работами. В таких случаях документация не требовалась.

Следующий эпизод деятельности царя в сфере фортификации относится к лету 1710 г., когда были взяты укрепления Выборга. В результате деятельности русской артиллерии крепостные стены Выборга очень сильно пострадали. Поэтому сразу после взятия крепости приступили к ее спешной починке. Уже 22 июня Петром I была составлена инструкция «что зделать в сей короткий час для укрепления города Выборга»³¹, которой предписывалось починить «разоренный» бастион и сделать два новых земляных бастиона. В июне-июле рабочие люди рубили тарасы в бастионах³². Кроме того, к строительным работам привлекались и солдаты гарнизона. За лето 1710 г. ими был вынесен кирпич, осыпавшийся в результате стрельбы ядрами, все бастионы были «выкладены» дерном а брешь заложена фашинами и землей³³. В конце октября работники-татары

были отпущены из Выборга в Петербург³⁴. Это, по-видимому, означало окончание ремонтных работ в 1710 г.

Возле Выборга было также установлено 3 артиллерийских батареи³⁵, однако в конце сентября они были разоружены, а пушки перевезены в Выборг³⁶.

Во втором десятилетии XVIII в. Петр I много внимания уделял укреплениям Кронштадта – в те годы на острове Котлин развернулись масштабные строительные работы. К этому же периоду относится распоряжение Петра I относительно приморских крепостей, данное им 2 июня 1714 г. В первую очередь оно касалось именно Кроншлота. В нем подчеркивалось, что главная особенность приморских крепостей состоит в том, что «на сухом пути стоящие крепости всегда заранее могут о неприятельском приходе ведать, понеже довольно времени войску маршировать, а на море так безизвестно есть, как человеку о своей смерти, ибо получа ветр способный (неприятель. – *Н.С.*), без всякого ведения может придти, и все свое намерение исполнит, когда неготовых застанет»³⁷. Это требовало от защитников этих крепостей повышенного внимания и бдительности. Поэтому инструкцией предусматривалось «непрестанно готовыми быть, а особливо батареи всегда в добром осмотрении, то есть людей часть с их офицеры при пушках, из которой надлежит некоторой части день и ночь набитым ядрами (обязанными веревочками, дабы для салютации вынять было мочно) и оной порох понеделно выветривать и сушить... все так иметь в готовности, что который час увидят какой парус или парусы тотчас люди с их инструменты в пораде стать должны и ожидать повеления. Кроме того, один фрегат всегда против крепости Святого Александра в готовности, а имянно от взломания вешнего льду до совершенного начатия осеннего, который имеет все идущие х Кроншлоту суды останавливать и их осматривать толко того, что не неприятельские ли и не гораздо ли многолюдны и не брандеры ли, и в сем накрепко смотреть, а до товаров ничем не касаться, а когда осмотрит, тогда его или их отпустит, буде же увидит что неприятельский, то оное судно арестовывать при себе и дать знать, буде же не под силу будет, тогда красный флаг з гротентага распустить и стрелять пушка за пушкой идучи х Кроншлоту, а в Кроншлоте поднять красный же флаг (на батареи, а не наверху) и выстрелить из трех пушек, тогда всем воинским людям не только в Кроншлоте, но во всем острову тотчас стать на своих местах с ружьем, а между ку-

пецкого гавана и Кроншлота пловучими рогатками или бомбы задержать вдвое»³⁸.

В этот же период на острове начали возникать новые гавани: Корабельная, Купеческая и несколько позже Военная гавань.

Первое упоминание о Купеческой гавани относится к 27 февраля 1718 г., когда Петр I сообщал А.Д. Меншикову: «...о строении при Котлине острове... что ныне оных сделано також и в каком действии состоят... доношу: Корабельной гавани губерниями сделано... срублено сверх воды на 5 фут и камень возят, а також и косые сваи, за что крепить корабли, бить зачали... из Купеческой гавани срублено сверх воды одной половины три венца, а на другой один, и камень возят, и, как я уповаю, что оная работа... в будущем марте, конечно, ко окончанию придет»³⁹.

1 мая 1718 г. была составлена инструкция В.И. Порошину и другим комендантам Кроншлота⁴⁰. Однако она, по сути дела, повторяла пункты и положения уже упоминавшегося распоряжения Петра I о приморских крепостях 1714 г.

25 апреля 1720 г. Петр осмотрел вооружение на стенках гаваней. После осмотра он приказал установить на стенках Купеческой гавани 100, а на стенках Военной гавани – 80 орудий. Их установка была поручена шаутбенахту Сиверсу, который сразу приступил к претворению в жизнь указаний царя. Прежде всего он распорядился расширить батарею, расположенную в юго-восточном углу Военной гавани, разместить на новых местах орудия, закончить укрепления двух новых батарей у восточных ворот гавани. Уже 6 мая 1720 г. Сиверс доложил Петру I: «По ныне по тем батареям поставлено 80 пушек, а на торговом гавану 41»⁴¹.

18 мая 1720 г. майору гвардии Матюшкину, назначенному старшим по обороне Кроншлота, было приказано привести галеры в боевую готовность, а также приготовить к затоплению старые корабли («Михаил», «Гавриил», «Пернов»)⁴². Однако соединенный англо-шведский флот не решился атаковать кронштадтские укрепления. И одной из основных причин пассивности стала готовность российских войск к отражению нападения.

Большие работы в конце 1710-х годов осуществлялись и в Санкт-Петербургской крепости. В 1717–1719 гг. под наблюдением Д. Трезини была перестроена в камне куртина, соединявшая Государев и Меншиков бастионы и получившая название Петровской. В ней насчитывалось 20 двухэтажных охранительных казематов.

Оконные и дверные проемы с лучковыми перемычками, расположенные в два яруса, выходили на валганговый фасад. Под третьим с севера казематом проходило русло крепостного канала, над которым были выведены две арки стрельчатой формы.

Одновременно подверглись перестройке и Петровские ворота – парадный вход в крепость. В нишах ворот были поставлены скульптуры, олицетворяющие Благоразумие и Храбрость, выполненные (предположительно) по рисункам французского скульптора Н. Пино, а по бокам от них на отдельных постаментах – фигуры Марса и Нептуна. В 1720 г. французским литейщиком Ф.П. Вассу отлит и установлен над аркой свинцовый двуглавый орел весом 1096 кг – герб Российского государства.

В 1717 г. приступили к перестройке Государева бастиона, который чуть позже стал именоваться «болверком (то есть бастионом. – *Н.С.*) Петра I», поскольку именно Петр отвечал за возведение этого укрепления. В левом фесе этого бастиона был сделан потайной проход со сводами (так называемая «потерна»), предназначенный для безопасного сообщения внутри сооружения. Кроме того, в ходе строительства бастиона на его углах были установлены «подзорные» каменные пятиугольные будки для часовых. Работы по возведению этого бастиона также затянулись и были завершены лишь в 1732 г.

Помимо того, в те годы возводился и Петропавловский собор – и за всеми этими работами Петр I следил очень пристально в то время, когда находился в Санкт-Петербурге.

Подводя итоги, следует сказать, что Петр I принимал самое деятельное участие в фортификационных работах, осуществлявшихся на северо-западе России в годы Северной войны. При этом он занимался составлением планов новых укреплений (Шлиссельбург, Санкт-Петербург, Кроншлот), писал инструкции по ремонту тех укреплений, что пострадали в ходе осад (Ямбург, Выборг), составлял инструкции по обороне крепостей. Кроме того, царь нередко выступал и организатором работ – подсказывал исполнителям, что в какой последовательности следует делать, нередко лично наблюдал за фортификационными работами. В первую очередь это относится к Санкт-Петербургской крепости и укреплениям Кронштадта, что неудивительно – они стали его детищами, и им он уделял очень много внимания. И в результате этой деятельности Петр I, помимо того, что являлся прекрасным

государственным деятелем и полководцем, сам стал еще и перво-классным военным инженером.

¹ Иогансен М.В., Кирпичников А.Н. Петровский Шлиссельбург (по новооткрытым материалам) // Русское искусство первой четверти XVIII в. Материалы и исследования. М., 1974. С. 29.

² Гистория Свейской войны. М., 2004. С. 227.

³ Кирпичников А.Н. Древний Орешек. Л., 1980. С. 116–117.

⁴ Воинов В.С., Кириков Б.М. Там, где начинался город // Строительство и архитектура Ленинграда. 1975. № 2. С. 39–40.

⁵ Журнал или Поденная записка блаженныя и вечнодостойныя памяти государя императора Петра Великого с 1698 года даже до заключения Нейштадского мира. Ч. I. СПб., 1770. С. 69. Журнал боевых действий российских вооруженных сил, главным образом флота, в царствование Петра Великого // ОР РНБ. Ф. 359. Колобов Н.Я. Л. 37 об.

⁶ Военно-походный журнал Б.П. Шереметева. Стб. 127, 130.

⁷ Письма и бумаги императора Петра Великого (далее – ПБИПВ). Т. 2. СПб., 1889. С. 176–177.

⁸ Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. II. Опыт исследования инженерного искусства в царствование императора Петра Великого. СПб., 1861. С. 503.

⁹ Кирпичников А.Н. Древний Орешек. С. 190.

¹⁰ Среди материалов Походной канцелярии А.Д. Меншикова сохранилось донесение саксонца губернатору, в котором он сообщил о составлении проектных чертежей равелинов и кавальера, а также спрашивал, каким образом ему следует поступать. См.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 285. Л. 1.

¹¹ Подробнее см.: Кротов П.А. Основание Санкт-Петербурга. СПб., 2006.

¹² Кротов П.А. Начало Кроншлота // Петербургские чтения. СПб., 1999. С. 643–644.

¹³ Шелов А.В. Исторический очерк крепости Кронштадт. Кронштадт, 1904. С. 9; Андреев В. Создание русского флота на Балтийском море и его боевые действия в Северную войну // Морской сборник. 1938. № 9. С. 42.

¹⁴ Денисов А.П., Перечнев Ю.Г. Русская береговая артиллерия. Исторический очерк. М., 1956. С. 41.

¹⁵ Елагин С.И. Начало Кронштадта. Кронштадт, 1866. С. 2–3.

¹⁶ Там же. С. 3.

¹⁷ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. IV. Ч. II. № 97. С. 65–66; ПБИПВ. № 647. Т. III. С. 55–57.

¹⁸ Денисов А.П., Перечнев Ю.Г. Русская береговая артиллерия... С. 41.

¹⁹ Там же. С. 41–42.

²⁰ МИРФ. Ч. I. С. 80.

²¹ Цит. по Шелов А.В. Указ. соч. С. 42–43.

²² Шелов А.В. Указ. соч. С. 43; Раздолгин А.А., Скориков Ю.А. Кронштадская крепость. Л., 1988. С. 29.

²³ Шелов А.В. Указ. соч. С. 48.

²⁴ ПБИПВ. Т. IV. СПб., 1900. № 1460. С. 481–483.

- ²⁵ Там же. Т. VI. СПб., 1912. № 1886. С. 36; № 1913. С. 53.
- ²⁶ Там же. Т. VIII. Вып. 2. С. 581, 578–579.
- ²⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 3177; Д. 3223. Л. 1-2.
- ²⁸ ПБИПВ. № 1913. Т. VI. СПб., 1912. С. 53.
- ²⁹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 3254.
- ³⁰ Описание Санктпетербурга и Кроншлота в 1710–1711 гг. СПб., 1860. С. 10; Точное известие о... крепости и городе Санкт-Петербург, о крепостце Кроншлот и их окрестностях // Беспятых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 50.
- ³¹ ПБИПВ. Т. X. № 3835. С. 206.
- ³² Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 3699. Л. 1.
- ³³ Там же. Д. 3699. Л. 1–2; Д. 3758. Л. 1–3.
- ³⁴ Там же. Д. 3916. Л. 1 об.
- ³⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 2. Д. 7. Л. 305.
- ³⁶ Там же. Оп. 1. Д. 3873. Л. 1 об.
- ³⁷ Шелов А.В. Указ. соч. Приложение № 6; Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 75. Л. 400.
- ³⁸ Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 75. Л. 400.
- ³⁹ МИРФ. Ч. III. С. 594.
- ⁴⁰ Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 87. Л. 377.
- ⁴¹ Раздолгин А.А., Скориков Ю.А. Указ. соч. С. 46.
- ⁴² Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 93. Л. 412–413.

О.А. Слезин (Киев, Республика Украина)

**ПОДЕЛКА К ЮБИЛЕЮ. ПО ПОВОДУ КНИГИ
А.Б. ШИРОКОРАДА «БОГ ВОЙНЫ 1812 ГОДА.
Артиллерия в Отечественной войне»**

В ПРОШЛОМ году широко отмечалось 200-летие Отечественной войны 1812 г. К юбилею было выпущено немало книг и статей; к сожалению, не все публикации имели достаточно высокий уровень. Одним из примеров низкокачественной «юбилейной поделки» может служить книга А.Б. Широкограда «Бог войны 1812 года. Артиллерия в Отечественной войне». Автор имеет слабое представление как об историографии Отечественной войны 1812 г., так и о материальной части артиллерии России и Франции. Ошибок и нелепостей у Широкограда столько, что все их невозможно разобрать в пределах небольшой статьи. Рассмотрим только некоторые из них.

Уже с первых страниц становится ясно, что книга относится не к области военной истории, а скорее к области фантастики. Говоря о начале войны 1812 г., автор резонно отмечает, что «необходимо разобратся в целях и задачах обеих сторон». Но вместо того чтобы объективно рассмотреть причины войны и цели сторон, А.Б. Широкоград с ходу начинает обвинять российское руководство в глупости. Якобы «Александр I не придумал ничего более умного, чем приказать Священному синоду объявить Наполеона... антихристом». И, якобы, эта «глупость царя и Синода ужаснула всех грамотных священников!»¹.

Увы, глупость здесь действительно имеет место. Но не глупость царя и Синода, а глупость г-на Широкограда. Слухи про «антихриста Аполлиона» ходили среди некоторой части населения, однако официально французского императора антихристом никто не объявлял. В этом легко может убедиться каждый, кто внимательно

прочтет текст объявления Святейшего Синода, вышедшего в декабре 1806 г.² (часть процитирована у самого Широкограда). В этом документе говорится лишь про «богопротивные замыслы и деяния» Наполеона, но это вовсе не равнозначно объявлению «антихристом».

Увлекаясь выдумкой про «Наполеона-антихриста», Широкоград начинает фантазировать дальше: «...басням об антихристе поверила не только значительная часть простых людей, но и большая часть офицерского корпуса, включая самый образованный род войск – артиллерию»³. В действительности большинство русских офицеров не были такими невежественными и легковерными, как это пытается представить А. Широкоград. По воспоминаниям артиллериста Ильи Радожицкого, только один из его знакомых страшился Наполеона, говоря про последующее «светопреставление и страшный суд», остальные же офицеры не придавали значения этим суевериям. «Мы смеялись таким нелепостям в досаду N, который называл нас безбожниками», – пишет Радожицкий⁴.

Описывая предвоенную обстановку в Европе, Широкоград допускает существенные искажения. Толком не рассматривая ни наполеоновскую систему «континентальной блокады», наносившую немалый ущерб экономике России, ни русско-французские разногласия по польскому вопросу, ни другие причины конфликта, автор «Бога войны» сразу же пишет про «ультиматум» Александра I, переданный Наполеону в апреле 1812 г. «Александр и не рассчитывал, что Наполеон примет его ультиматум, и поэтому еще 21 апреля выехал из Петербурга к армии», – продолжает Широкоград⁵. Таким образом, русский император выглядит чуть ли не главным виновником войны!

Широкоград полагает, что «...в 1812 г. мощные, хорошо укрепленные крепости могли надолго задержать Наполеона на западных рубежах»⁶, чем показывает свое полное непонимание военных и политических реалий начала XIX в. Наполеоновская стратегия состояла не в том, чтобы подолгу сидеть под стенами укреплений, а в том, чтобы разбить главные силы противника в полевом сражении. В. Яковлев в «Истории крепостей» отмечал, что предводимые Наполеоном армии «проходят всю Европу, поразительно мало обращая внимания на крепости; последние обходятся и блокируются зачастую незначительными силами, а выигранные полевые сражения подчас решают участь целых государств»⁷.

«Почему Александр, который якобы защищал Россию от агрессора, не создал системы крепостей на западных границах своей империи?» – тем не менее вопрошает А. Широкоград. Ему неизвестно, что ответ на этот вопрос содержится в записке военного министра Баркляя-де-Толли императору Александру I, составленной в начале 1810 г. Говоря об оборонительном характере предстоящей войны, Барклай отмечал: «...для прикрытия же крепостями пространных и открытых границ, от Балтийского моря до Дуная, потребны издержки необычайно большие и по крайней мере четверть столетия»⁸.

Последующие две главы книги «Бог войны 1812 года» особого интереса не представляют, являясь, в основном, лишь компиляцией из работ других авторов. Во время пространного описания событий двух первых месяцев войны об артиллерии упоминается лишь мимоходом.

Попутно Широкоград незаслуженно обвиняет автора «Общих правил для артиллерии в полевом сражении» А.И. Кутайсова в «слабом знании организационной структуры частей русской армии»⁹. При этом он даже не удосуживается объяснить читателю, в чем же, собственно, Кутайсов ошибался. Такие голословные обвинения просто нелепы: очевидно, что боевой генерал, участвовавший с армией во многих походах и битвах, разбирался в ее организационной структуре гораздо лучше, чем какой-то досужий «теоретик», живущий через 200 лет.

На стр. 77 наш автор поражает воображение читателя: «Главный интендант Великой армии гнал на восток более 600 тысяч голов скота. И сразу после перехода через Неман начался массовый падеж скота. Перед Великой армией замаячила угроза голода». И со ссылкой на В. Сироткина¹⁰ продолжает: «Это первое в истории нового времени “коровье бешенство” (*vaches folles*), до сих пор не раскрытое учеными, резко изменило стратегические замыслы Наполеона: его армия вынуждена была кормиться “на ходу” – по существу, заниматься реквизициями и мародерством»¹¹.

Так вот, оказывается, в чем причина гибели французской армии в России! Сказки про «генерала Мороза» уже не в моде – им на смену приходят басни про бешеных коров...

Только вот незадача: ни один из участников той войны ни про какое «коровье бешенство» не писал. Ни у Коленкура, ни у Сегюра, ни у Жомини, ни у самого Наполеона никакого «*vaches folles*» и в

помине нет. И это не удивительно, ведь губчатая энцефалопатия крупного рогатого скота (известная как «коровье бешенство») впервые была зафиксирована лишь в XX в.

В данном случае Широкоград, бездумно повторяя глупую выдумку Сироткина, лишний раз показывает свое невежество. Он понятия не имеет о механизме передачи губчатой энцефалопатии и особенностях протекания этого заболевания. Между тем «коровье бешенство» имеет очень длительный инкубационный период, измеряемый годами! Совершенно очевидно, что внезапный и быстрый падеж скота «сразу после перехода через Неман» не мог произойти вследствие этой болезни. Не говоря уже о полной фантастичности цифры в 600 тысяч голов...

Отдельная глава сочинения Широкограда посвящена Бородинскому сражению. Тут он делится с читателями открытием: оказывается, Бородино – «наименее известная битва эпохи Наполеоновских войн»¹². И это несмотря на существование тысяч книг и статей, посвященных этому сражению... Это ж какую извращенную фантазию надо иметь, чтобы назвать одну из самых известных битв эпохи «наименее известной»?

Видимо, Широкоград и сам чувствует, что ляпнул глупость, поэтому начинает оправдываться: мол, «это не мое личное мнение». И приводит выдержку из энциклопедической статьи... 1912 года издания! Как будто за последние 100 лет про Бородино больше ничего не было написано и изучением этого сражения больше никто не занимался. Порекомендуем Широкограду почитать хотя бы энциклопедию «Отечественная война 1812 года», изданную в 2004 г., а также книгу Л.Л. Ивченко «Бородинское сражение. История русской версии событий». Он найдет там для себя много нового и интересного.

Говоря о численности русской артиллерии под Бородином, Широкоград называет цифру в 640 орудий. Между тем существуют более новые уточненные данные, согласно которым артиллерийских орудий было 624¹³. Исследователь, пишущий книгу об артиллерии 1812 г., должен был бы об этом знать.

При описании Бородинской битвы автор «Бога войны 1812 года» приводит длинные (по несколько страниц) выдержки из мемуаров артиллеристов – участников сражения. Может быть, это было бы и неплохо, если бы эти цитаты были хотя бы к месту; но они просто катастрофически перепутаны.

Так, при описании боя за флешу около 8 часов утра, Широкоград ни к селу ни к городу приводит отрывок из рассказа А. Норова (ошибочно называя его Наровым)¹⁴, относящийся к значительно более позднему времени. У Норова прямо говорится, что описываемые им события происходили не во время боя за флешу, а уже после их взятия – и после того, как выбывший из строя Багратион был замещен генералом Дохтуровым: «Это был тот момент, когда, по взятии неприятелем Семеновских флешей, наша боевая линия, командуемая Дохтуровым и Коновницыным, под покровительством нашей артиллерии выстраивалась вдоль оврага между Семеновским и противоположащей платформой»¹⁵.

Не замечая несоответствия, Широкоград относит слова Норова к самому началу боя за флешу – когда еще ни Коновницына, ни Дохтурова там не было. Более того, в воспоминаниях Норова указано время, когда его рота вступила в бой: «это было уже гораздо за полдень»¹⁶. Наш сочинитель не обращает на это внимания и после цитирования Норова спокойно продолжает рассказ о бое за флешу в утренние часы.

Далее, говоря про первую атаку на Центральную батарею (еще до гибели Кутайсова), Широкоград приводит выдержку из записок Н. Митаревского¹⁷. И снова невпадет: в цитируемом тексте рассказывается про события, происходившие уже после данного эпизода¹⁸. Такое впечатление, что этот горе-историк вставлял цитаты из мемуаров «вслепую», даже не читая их...

Говоря о действиях отряда генерала Тучкова на старой Смоленской дороге, А.Б. Широкоград пишет: «Русские войска встретили колонны противника сильным картечным огнем около 50 орудий, установленных на пяти огневых позициях, оборудованных на высотах восточнее Утицы»¹⁹.

О, если бы! Если бы у русских возле Утицы действительно было 50 орудий, бедным полякам из корпуса Понятовского можно было бы только посочувствовать. В действительности у Тучкова было гораздо меньше артиллерии: всего 18 пушек и единорогов (легкая рота № 6 и половина батарейной роты № 1)²⁰.

Против них сразу была развернута польская батарея из 22–24 орудий²¹, всего же у Понятовского было 50 орудий. Факт численного превосходства артиллерии противника на данном участке был отмечен в рапортах генералов П.П. Коновницына и П.А. Строганова²² и в других источниках. Но Широкоград не любит изучать

документы и следить за новыми исследованиями, предпочитая им устаревшие энциклопедии и досужие вымыслы...

На стр. 106 у Широкограда говорится: «...к флешам были подтянуты из резерва артиллерии 2-й армии легкие 20-я, 21-я и 22-я артиллерийские роты, в составе которых находились двенадцать 12-фунтовых и полупудовых единорогов и двадцать четыре 12-фунтовые пушки». Это совершенно не соответствует действительности: в легких ротах не было ни полупудовых единорогов, ни 12-фунтовых пушек, а были лишь 1/4-пуд. единороги и 6-фунтовые пушки.

Удивительно, но автор «Бога войны 1812 года» не уделяет должного внимания последствиям гибели в Бородинской битве начальника русской артиллерии генерала А.И. Кутайсова и связанному с этим вопросу об использовании артиллерийского резерва. По этому поводу существуют различные точки зрения; в книге, посвященной участию артиллерии в Отечественной войне, просто необходимо было коснуться этой темы. К сожалению, Широкоград проигнорировал ее.

Говоря о потерях сторон в Бородинском сражении, Широкоград приводит безнадежно устаревшие данные из энциклопедии вековой давности, ошибочность которых уже давно была установлена. Лучше бы автор прочитал что-то более новое, а не тиражировал старые заблуждения.

Тут же А. Широкоград самоуверенно заявляет, что «ни один отечественный источник не приводит потери русской артиллерии»²³. На самом деле число орудий, потерянных русской армией в Бородинском сражении, называли многие отечественные авторы: Толь, Бутурлин, Михайловский-Данилевский, Богданович, Гарнич, Трицкий²⁴. В энциклопедии «Отечественная война 1812 года», изданной в 2004 г., этот вопрос тоже освещен²⁵.

Игнорируя отечественных историков (по незнанию или по злому умыслу), Широкоград не придумал ничего лучше, чем взять цифры из 18-го бюллетеня Великой армии: «Наполеон же сообщает о взятии на Бородинском поле 60 русских пушек. Это не так много и, скорей всего, соответствует истине». Нашего сочинителя не смущает, что наполеоновские бюллетени носили явный пропагандистский характер и зачастую сообщали недостоверные данные. Даже сам Наполеон не скрывал этого. Австрийский дипломат князь Меттерних вспоминал: «Когда однажды я упрекнул его в явных измышлениях, которыми изобиловали его бюллетени, он ответил мне,

смеясь: “Ведь не для вас я их писал; парижане всему верят, и я мог бы рассказать им еще много другого, во что они не отказались бы поверить”»²⁶.

В данном случае А.Б. Широкоград оказывается таким же наивным, как доверчивые парижане, принимая за чистую монету хвастливые выдумки французского императора. По мнению же большинства исследователей, русская армия потеряла под Бородином всего лишь от 13 до 15 артиллерийских орудий.

Движимый какой-то странной манией преувеличивать русские потери, Широкоград на этом не останавливается. На стр. 140 он утверждает, что «...при отступлении от границы до Москвы трофеями французов по русским данным стали как минимум 155 полевых пушек». По каким таким «русским данным», автор не уточняет. И это не удивительно, ведь он все перепутал: 156 орудий попало в руки французов не от границы до Москвы, а в самой Москве²⁷. Причем большую часть из них составляли устаревшие и снятые с вооружения орудия, которые после оставления города французами снова вернулись русским²⁸. Количество же орудий, потерянных русской армией до Москвы, было в несколько раз меньше (не говоря уже о том, что не все из них были пушками).

Рассказывая об организации русской артиллерии, А.Б. Широкоград дает весьма вольное толкование термина «конная артиллерия»: «конная артиллерия – это не пушки на конной тяге, а артиллерийские подразделения, придаваемые кавалерийским полкам и дивизиям»²⁹.

На самом деле подразделения конной артиллерии не обязательно придавались кавалерийским частям, они могли действовать и отдельно от кавалерии (например, в составе артиллерийского резерва). К слову, в армии Наполеона роты конной артиллерии придавались не только кавалерийским, но и пехотным дивизиям. Энциклопедия «Отечественная война 1812 года» дает более точное определение: «Конная артиллерия – вид полевой артиллерии, в которой орудия, боекомплект и номера орудийного расчета (прислуги) перевозились лошадьми. К. а. предназначалась для огневой поддержки кавалерии и создания мобильного арт. резерва»³⁰.

На стр. 275 «Бога войны 1812 года» автор пишет, что в боекомплект 12-фн пушек входили «сплошные ядра весом не 12 фунтов (4,91 кг), а 14 фунтов 73 золотника (6,04 кг)». Такая формулировка запутывает читателя, ведь возникает естественный вопрос:

почему в таком случае пушки назывались 12-фунтовыми, а не 14-фунтовыми?

Здесь следовало бы указать, что со времен Петра I в России для определения калибра пушек использовался особый «артиллерийский» фунт, вес которого был примерно в 1,2 раза больше веса обычного (торгового) фунта. Соответственно, 12 артиллерийских фунтов соответствовали 14 с лишним торговым фунтам. Кстати, вес 12-фн. ядра у Широкограда указан неверно: не 6,04 кг, а 5,84–5,86 кг (плотность чугуна не всегда была одинакова)³¹.

В тот же боекомплект Широкоград вписывает картечные гранаты. Эта фантазия не имеет ничего общего с реальностью: картечные гранаты в русской артиллерии были введены гораздо позднее, в 1812 г. их не было.

На стр. 281 наш автор сообщает, что «...с 1803 года в пехотных батарейных ротах дополнительно к батарейным орудиям содержалось по четыре 3-фн единого рога». Здесь в одном предложении сразу три ошибки. Во-первых, не в «пехотных» ротах, а в пеших. Но это мелочь, вторая ошибка грубее: с 1803 г. при батарейных ротах полагалось иметь не по четыре, а только по два 3-фунтовых единого рога³² (в 2 раза меньше, чем сочиняет Широкоград). Более того: в 1812 г. даже и этих двух 3-фн единого рога не было³³.

На стр. 284 говорится, что в лафетах обр. 1805 г. для всех пушек и 1/2-пудового единого рога имелись колеса одного диаметра, а у лафетов для 1/4-пудовых единого рога – другого. Это неверно: на самом деле колеса 6-фунтовых пушек были одного размера с колесами 1/4-пудовых единого рога³⁴.

Далее А.Б. Широкоград демонстрирует полное незнание матчасти отечественной артиллерии, утверждая, будто «вертикальное наведение осуществлялось с помощью деревянных клиньев (подушек), забиваемых под казенную часть орудия». Нужно быть полнейшим дилетантом, чтобы не знать, что «забивание клиньев» в полевой артиллерии кануло в лету еще в XVIII в., у орудий обр. 1805 г. клин вертикальной наводки передвигался с помощью винтового механизма.

В Таблице 5 (стр. 285) Широкоград дает неверную информацию про возимый боекомплект, показывая 167 зарядов для 12-фн пушки и 170 для 6-фунтовой. На самом деле в российской артиллерии боекомплект составлял 120 зарядов, независимо от типа орудия³⁵. В той же таблице присутствуют «картечные гранаты», которых в

1812 г. не было; при этом забыты брандугели, по 10 штук которых положено было иметь при единорогах и 12-фн пушках³⁶.

В главе «Роль артиллерии в Отечественной войне 1812 года» Широкоград пишет: «Отечественные историки, как царские, так и советские, говоря о кампании 1812 г., единообразно отмечают превосходство русской артиллерии над артиллерией Великой армии. Она-де имела большую дальность стрельбы и тактически более грамотно использовалась...»³⁷. Разумеется, Широкоград не может согласиться с отечественными историками, поэтому прибавляет: «...из всех дифирамбов можно согласиться лишь с одним – маневренность и мобильность русской артиллерии в большинстве случаев была лучше, чем у противника». И то, мол, только из-за сытых лошадей.

Однако на стр. 127 наш автор сам отмечал, что под Бородином русская артиллерия была более дальнобойная, чем французская. Выходит, здесь Широкоград, как та унтер-офицерская вдова, «сам себя высек».

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что г-н Широкоград весьма слабо ориентируется не только в истории событий 1812 г., но и в материальной части русской артиллерии того времени. Может быть, матчасть французской артиллерии он знает лучше? Увы, здесь нас тоже ждет разочарование.

На стр. 302, говоря про 6-дюймовую гаубицу системы Грибовала и 24-фунтовую образца XI г., Широкоград утверждает, что «калибр их был примерно одинаков – около 152 мм». Однако уже в следующем предложении незадачливый сочинитель противоречит сам себе, указывая калибр 6-дюймовой гаубицы в 162 мм. А чуть ниже добавляет, что 24-фунтовая гаубица имела калибр 160 мм. Очевидно, что Широкоград совершенно запутался в этих калибрах.

В действительности 6-дюймовые гаубицы Грибовала имели калибр 165,8 мм (в французских единицах измерения – 6 pouces 1 ligne 6 points), а 24-фунтовые (5,5-дюймовые) гаубицы системы XI г. – 151,5 мм (5 pouces 7 lignes 2 points)³⁸.

Также ошибочна подпись под фотографией двух гаубичных стволов (на 11-й странице вклейки). Там сказано, что это «24-фн французские медные гаубицы». На самом деле 24-фунтовой является только одна из них (правая, отлитая в 1805 г.), вторая же – это 6-дюймовая гаубица системы Грибовала (отлитая в 1793 г.).

На стр. 295 и 299 размещены рисунки, подписи под которыми гласят, что это «полевые пушки системы Грибоволя» и «гаубицы системы Грибоволя». Скопировав эти иллюстрации из чужой публикации, Широкоград даже не удосужился внимательно прочитать подписи к ним. Между тем, далеко не все изображенные стволы относятся к системе Грибоволя: только три из пяти пушек и одна из трех гаубиц.

Вообще, Широкоград любит копировать материалы других авторов, причем далеко не всегда указывает источник. Так, текст на стр. 297–301 его книги почти целиком взят из «Истории материальной части артиллерии» А. Нилуса. Заимствуя целые абзацы и даже страницы, Широкоград не только не дает ссылки на Нилуса, но даже не упоминает его в списке литературы в конце своей книги. Иначе как воровством это не назовешь. Причем это уже не первый случай, когда этот «историк» занимается плагиатом, из-за чего в Интернете ему уже успели дать прозвище «Широкоград».

Этот разбор ошибок и недочетов можно продолжать еще долго. Очевидно, что книга А.Б. Широграда «Бог войны 1812 года. Артиллерия в Отечественной войне» является небрежной поделкой «к юбилею», наполненной фактическими ошибками, нелепыми выдумками и примитивным плагиатом.

В заключение нужно отметить, что исследование участия артиллерии в Отечественной войне 1812 г. – тема интересная и нужная. В настоящее время имеется большое количество материалов по этому вопросу. Продолжаются также новые исследования в данной области, о чем свидетельствуют интересные работы таких историков, как А.А. Смирнов, К.Г. Игошин и др.

Можно было бы написать хорошую книгу об артиллерии в Отечественной войне. К сожалению, А. Широград с этой задачей не справился.

¹ Широкоград А.Б. Бог войны 1812 года. Артиллерия в Отечественной войне. М.: Вече, 2012. С. 4.

² Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Том XXIX. 1806–1807 гг. СПб., 1830. С. 928–930.

³ Широкоград А.Б. Указ. соч. С. 5.

⁴ Походные записки артиллериста, с 1812 по 1816 год, артиллерии подполковника И...Р...М., 1835. С. 16–17.

- ⁵ Широкоград А.Б. Указ. соч. С. 11.
- ⁶ Там же. С. 19.
- ⁷ Яковлев В.В. История крепостей. М.: АСТ, 2000. С. 130.
- ⁸ Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. Отд. I. Т. I. Ч. 2. СПб., 1900. С. 2.
- ⁹ Широкоград А.Б. Указ. соч. С. 85.
- ¹⁰ Сироткин В.Г. Наполеон и Россия. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. С. 180, 33–34.
- ¹¹ Широкоград А.Б. Указ. соч. С. 77.
- ¹² Там же. С. 90.
- ¹³ Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2004. С. 80.
- ¹⁴ Широкоград А.Б. Указ. соч. С. 102–106.
- ¹⁵ Норов А.С. Война и мир 1805–1812. С исторической точки зрения и по воспоминаниям современника. СПб., 1968. С. 37.
- ¹⁶ Там же. С. 34.
- ¹⁷ Широкоград А.Б. Указ. соч. С. 111–114.
- ¹⁸ Митаревский Н.Е. Нашествие неприятеля на Россию. Рассказы об Отечественной войне 1812 года. М., 1878. С. 62–66.
- ¹⁹ Широкоград А.Б. Указ. соч. С. 110.
- ²⁰ Бородино: Документальная хроника / сост. А.М. Валькович, А.П. Капитонов. М., РОССПЭН, 2004. С. 307.
- ²¹ Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. С. 86.
- ²² Бородино: Документальная хроника... С. 178, С. 236–237.
- ²³ Широкоград А.Б. Указ. соч. С. 129.
- ²⁴ Бутурлин Д. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году. Ч. 1. СПб., 1837. С. 289; Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны 1812 года. Изд. 3-е. Часть 2. СПб., 1843. С. 276; Богданович М. История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам. Т. II. СПб., 1859. С. 224; Гарнич Н.Ф. 1812 год. Издание 2-е, переработанное и дополненное. М., 1956. С. 155–191; Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. М.: Мысль, 1988. С. 176.
- ²⁵ Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. С. 723.
- ²⁶ Французы в России. 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев. Сборник сост. А.М. Васютинским. М., 1912. Т. I. С. 12–24.
- ²⁷ М.И. Кутузов: Сборник документов. Т. IV. Ч. 2. М., 1955. С. 715.
- ²⁸ Петров В.А. Орудия, отбитые у неприятеля в 1812 году. М., 1911. С. 82–84.
- ²⁹ Широкоград А.Б. Указ. соч. С. 271.
- ³⁰ Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. С. 854.
- ³¹ Резвой О. Артиллерийские записки. Ч. I. СПб., 1844. Табл. XXV; Смирнов А.А. «Аракчевская» артиллерия. Русская полевая артиллерия системы 1805 года. М., 1998. С. 16.
- ³² ПСЗРИ. Т. 43. Ч. 2. С. 13.
- ³³ Ратч Г.М. Публичные лекции, читанные при гвардейской артиллерии полковником Ратчем в 1860 г. // Артиллерийский журнал. 1861. № 1. С. 26; Игошин К.Г. Некоторые сведения об изменениях в организации российской полевой артиллерии 1803–1812 // Отечественная война 1812 года и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях: Сборник материалов XVIII Всероссийской научной конференции 22–23 октября 2011 г. Малоярославец, 2011. С. 49–74.
- ³⁴ Чертежи всем полковым и батарейным орудиям, их лафетам, передкам,

зарядному ящику с гнездами разных калибров и всей принадлежности оных орудий. СПб., 1805.

³⁵ ПСЗРИ. Т. 43. Ч. 2. С. 454–455.

³⁶ Там же; Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. С. 843.

³⁷ Широкопад А.Б. Указ. соч. С. 319.

³⁸ Gassendi J.J.B. de. Aide-memoire a l'usage des officiers d'artillerie. Paris, 1819. P. 514–515.

В.А. Стрельников (Москва)

ВЛИЯНИЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СТРЕЛКОВОГО ОРУЖИЯ РУССКОЙ АРМИИ НА УКРЕПЛЕНИЕ ЕЕ МОРАЛЬНОГО ДУХА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)

В АЖНЕЙШИМ направлением военной реформы 60–70-х гг. XIX в. являлось перевооружение армии, оснащение ее более совершенным и эффективным оружием. Общие задачи по ее перевооружению были определены в докладе Военного министерства 15 января 1862 г., которые сводились к приведению вооружения русской армии в соответствие с уровнем развития военной техники и расширением возможностей отечественной военной промышленности¹.

Для конкретной реализации задач по созданию новых образцов вооружения и внедрению их в войска были созданы Главная распорядительная комиссия по перевооружению армии, а также исполнительные комиссии². Конкретный план перевооружения непрерывно изменялся вследствие интенсивного развития оружия и военной техники, что влекло за собой частую смену одной системы вооружения другой.

Постоянное совершенствование вооружения во второй половине XIX в. имело не только чисто технические последствия, но и оказывало большое влияние на тактику, обучение и моральный дух армии. В этом проявлялась закономерная взаимообусловленность человека и техники, определяющая значение человека в системе «человек-техника». В конечном счете, как указывал Ф. Энгельс, «человек, а не ружья выигрывают сражения...»³.

Исторический опыт подтверждает эту мысль и свидетельствует, что при отсутствии людей, способных со знанием дела пользоваться

новейшими средствами усовершенствования военной техники, затраты на ее изготовление оказывались бесплодными.

Этот вывод дает ключ к пониманию диалектического соотношения материальных и духовных факторов в войне, отражает связь между моральным духом армии и эффективностью вооружения, которая носит сложный взаимообусловленный характер и проявляется двояко.

Во-первых, поражающие способности и другие тактико-технические характеристики оружия и боевой техники, выступающие неотъемлемыми показателями их эффективности, оказывают существенное влияние на состояние морального духа армии. Это проявляется прежде всего в том, что в процессе овладения оружием у солдат вырабатывается уверенность в силе и надежности своего оружия, что, в свою очередь, способствует формированию у них мужества и стойкости, чувства превосходства над противником.

Во-вторых, высокий моральный дух армии, включающий в себя морально-боевые и психологические качества воинов, служит необходимым условием эффективного применения оружия и боевой техники. Причем с усложнением военной техники эта зависимость еще больше усиливается.

Диалектическую связь моральных и материальных факторов хорошо видели военные ученые, военачальники русской армии и учитывали при обучении воинов в повседневной жизни, особенно в боевой обстановке. Теоретические положения о взаимообусловленности нравственных и физических сил нашли отражение в воинских уставах, инструкциях и наставлениях. Они обсуждались в научных кругах, на страницах военной печати.

Так, русский военный теоретик и историк полковник Н. Михневич⁴ считал, что «свойства каждого рода войск определяются прежде всего нравственными и физическими *качествами человека*, являющегося главным, основным элементом для создания вооруженной силы, а затем *свойствами лошади*, приданной человеку для ускорения его движений; *свойствами оружия*, служащего ему средством для поражения врага и, отчасти, устройством *снаряжения и продовольствия* солдата»⁵.

И далее он прямо подчеркивал зависимость морального духа войск от качества оружия, от веры в него. «Нравственный элемент, – писал Н. Михневич, – прежде всего определяется качествами солдата и командования, но он находится в большой зависимости и

от веры в свое оружие, от сознания солдата, что он снабжен средствами для борьбы не хуже своего противника»⁶. Подобные теоретические выводы требовали от военачальников русских армий, особенно тех, кто стоял во главе ее, следить за новейшими усовершенствованиями в военной технике и заботиться о том, чтобы вооружение, снаряжение и обучение войск отвечало требованиям времени.

Поэтому в ходе военной реформы 60–70-х годов XIX в. значительное внимание было уделено перевооружению русской армии, насыщению ее более совершенными образцами оружия и техники. И этот процесс в дальнейшем, по сути дела, стал непрерывным, так как многие научные открытия и достижения оказали свое влияние на модернизацию военной техники и оружия.

За вторую половину XIX столетия русская армия перевооружалась стрелковым оружием 6 раз, из них – 4 полных перевооружения и два частичных. За этот период армия постепенно перешла от кремневого, с дула заряжаемого оружия, к современной магазинной винтовке, от старого, дымного пороха к новому, бездымному.

За это же время была проделана большая исследовательская работа. Были испытаны сотни различных образцов оружия. Русские конструкторы и инженеры предложили на вооружение своей армии ряд замечательных образцов оружия и техники, значительно превосходивших по своим боевым и техническим качествам оружие иностранных армий.

Уже в 1845 г. началась переделка гладкоствольных кремневых ружей в ударно-капсюльные, которые отличались более высоким качеством. Но и они имели существенный недостаток перед недавно появившимися в европейских армиях нарезными ружьями – короткое поражающее расстояние и низкий процент попаданий. За годы Восточной (Крымской) войны (1853–1856 гг.) на заводах страны удалось переделать лишь 147 060 кремневых ружей в ударные⁷.

Нарезные же ружья стали поступать в войска лишь в конце войны. Всего их было изготовлено 208 495 штук, из них почти половина – в 1856 г., то есть когда война уже была на исходе⁸.

К началу 50-х годов на вооружение русской армии были приняты и более совершенные образцы штуцеров: Гартунга, кавалерийский и бельгийский под названием «Литтихский».

Несмотря на ряд мер российского правительства по перевооружению войск, русская армия в Крымской войне по стрелковому

оружию значительно уступала противнику, из-за чего несла большие потери, что сказалось и на исходе войны. «Безусловно, – писал исследователь Крымской войны В. Федоров, – что одна из причин неудачного для нас исхода Крымской кампании заключалась в превосходстве вооружения союзников над нашим...»⁹. Гладкоствольные ружья при удовлетворительной меткости имели дальность стрельбы до 300 шагов. А нарезное оружие, которым в основном были вооружены французские и особенно английские войска, тот же процент попаданий имело на 1200 шагов¹⁰. Поэтому противник уже с дальних дистанций наносил поражение русским войскам, демонстрируя свое превосходство в вооружении, тем самым поднимая дух у одних и понижая его у других войск.

Скорострельность гладкоствольных ружей вследствие медленного заряжания была очень низкой. Из гладкоствольного ружья можно было сделать один выстрел в минуту, из винтовки – пять выстрелов в минуту. К тому же кремневые ружья даже при хорошей погоде давали до 30 процентов осечек, а в сырую погоду они почти не действовали. Заряжание производилось в 12 приемов, только стоя, что было неудобным. Потеря шомпола означала невозможность стрелять, так как с его помощью пуля досылалась в канал ствола.

Уже к началу войны треть французской и половина английской армий были вооружены нарезным оружием. В русской же армии в каждом корпусе имелось вооруженных штуцерами по одному стрелковому батальону и по 96 человек в полку, что составляло в корпусе 1810 штуцеров на 42 208 ружей¹¹. «Преимущество союзников в вооружении, – отмечал А.М. Зайончковский, – производило во время начавшихся военных действий тяжелое нравственное впечатление на наши войска и в особенности на начальствующих лиц»¹².

Поэтому русские войска в крупных сражениях Крымской войны: на Альме, при Инкермане и Черной речке ввиду превосходства неприятельского вооружения были поставлены в очень трудное положение, понесли больше, чем противник, потерь, но сумели сохранить довольно высокий моральный дух. Это достигалось как за счет природной выносливости и стойкости, так и под воздействием субъективных факторов: воспитания чувства ответственности за выполнение воинского и гражданского долга, требований военной присяги и законов, наставлений командиров, общественного мнения и др.

В целях увеличения дальности стрельбы из отечественных гладкоствольных ружей, составлявших большую часть вооружения нашей армии, было принято решение о снабжении их новыми пулями и установке на ружьях особых прицелов. В конце 1854 г. в войсках стали внедрять вместо круглых пуль конические с пустотой. Это позволило несколько увеличить дальность стрельбы. Почти в это же время были начаты опыты с пулями Нейссера, которые также использовались для стрельбы из гладкоствольных ружей. Пули эти получили название по имени их изобретателя. Они также назывались французскими, так как были введены впервые во французской армии. Было решено изготовить по образцу Нейссера около 200 тыс. аналогов и раздать их в различные полки для испытаний.

Уже 8 декабря 1854 г. главнокомандующий сухопутными и морскими силами в Крыму генерал-адъютант князь А.С. Меншиков во всеподданнейшем докладе о ходе обороны Севастополя писал об этих пулях следующее: «Ружейная пальба наша в последнее время была очень действительна, благодаря употреблению далеко достигающих продолговатых пуль с внутренним углублением. Эта досягаемость очень порадовала наших застрельщиков. Мы стараемся сообразно средствам нашим наделать этих пуль сколь можно более...»¹³.

Дальность эффективной стрельбы из гладкоствольных ружей этой пулей увеличилась в 2 раза и достигала 600 шагов. Поэтому были оперативно проведены испытания и налажена их отливка в арсеналах, на складах и в парках, для чего от пехотных полков направлялись на склады до 300 человек. Ввиду примитивного изготовления пуль они были низкого качества, что приводило к быстрому износу стволов ружей и даже к довольно частому их разрыву. Кроме того, первоначальная стрельба этими пулями производилась без прицелов, по упрощенной методике. Палец накладывался на ствол ружья и по ногтю ружье наводилось в цель¹⁴.

В последующем на ружья стали устанавливать прицелы. Но их было мало, лишь 48 на полк, то есть 4 на роту. К концу войны число ружей с прицелами было увеличено: в ротах до 18 штук, в полках до 54 и в дивизиях до 216 штук.

Принимались меры и к увеличению числа нарезных ружей в войсках. Только на 1855 г. Тульский, Ижевский и Сестрорецкий оружейные заводы получили наряд на производство около 65 тыс.

таких ружей. Но этого количества, несмотря на напряженность задания, было явно недостаточно для многочисленной армии. Поэтому пришлось заказывать ружья у фабрикантов Бельгии, Германии и даже Америки.

К концу войны число нарезных ружей было доведено с 26 штук на батальон до 26 штук на роту. Но качество нарезных ружей как отечественных, так и импортных было очень низкое. Так, партия ружей (около 1500 шт.), закупленная за границей и модернизированная оружейными мастерами в Александровской цитадели, оказалась почти вся с серьезными или незначительными недостатками.

Один из участников обороны Севастополя писал: «Ружья у нас были гладкоствольные, французские пули, введенные у нас во время осады, после двух или трех выстрелов не входили в дуло. Солдаты загоняли пулю, ударяя камнем по шомполу, шомпол гнется в дугу, а пуля не поддается. Колотили, как в кузнице, солдаты брали сальные огарки, смазывали пулю, но и это не помогало. Ружья, переделанные в нарезные, раздирались по нарезам. Немудрено, что в таком положении офицеры приходили в отчаяние, а солдаты бредили изменой»¹⁵.

Поэтому вполне понятно, что при тех невысоких баллистических качествах, которыми отличалось наше гладкоствольное оружие во время Крымской кампании, при его незначительной точности, дальности и скорострельности стрельбы русские войска не надеялись на него. Они, воспитанные еще на принципах Суворова – «пуля дура, штык молодец», не обращали серьезного внимания на стрельбу с дальних дистанций, а придавали первостепенное значение штыку.

В конце 1856 г. на вооружение сначала стрелковых батальонов, а затем и всей пехоты была принята 6-линейная заряжаемая с дула капсюльная винтовка. Различные образцы ее – стрелковая, пехотная, драгунская и казачья – отличались друг от друга лишь некоторыми деталями. Тем самым был сделан шаг на пути к устранению как разнокалиберности, так и разнотипности в вооружении войск, что имело немаловажное значение для улучшения их снабжения в мирное и особенно в военное время. Но существенных результатов в преодолении разнотипности в стрелковом оружии достичь России не удалось, и это негативно сказалось в русско-турецкой войне (1877–1878 гг.).

Описывая ход одного из ее сражений, генерал-майор А.Н. Куропаткин отмечал: «... В особенности терпели нужду в патронах стрелки 3-й бригады, и своевременное удовлетворение их, вследствие разности оружия, было чрезвычайно затруднительно. Посылая за патронными ящиками <...> казачьего урядника, трудно ему втолковать различие между ящиками стрелковыми и линейными; да и офицеру в пылу боя, при неизбежной беспорядочной скученности в тылу, да еще ночью, подобная задача может оказаться не под силу. И это еще самое маловажное неудобство разных систем оружия в пехоте»¹⁶.

Перевооружение русской армии 6-линейной винтовкой было завершено лишь в 1867 г. А в это время уже шло спешное перевооружение европейских армий более современным, заряжаемым с казенной части, оружием. Русская армия вновь стала отставать в вооружении от некоторых зарубежных армий.

Ружья, заряжающиеся с казенной части, имели ряд существенных преимуществ. Их было удобнее заряжать во всех положениях, даже лежа. Следовательно, простота заряжания помогала укрываться от огня противника, быть в меньшем психологическом напряжении, более спокойным, что позволяло эффективнее вести стрельбу. Кроме того, зарядание с казны давало возможность повысить скорострельность ружья, усилить его боевые возможности, огневое и психологическое воздействие на противника. Эти ружья обладали более высокой точностью, были проще в обслуживании, имели увеличенный срок службы, а значит, и надежность.

В 1867 г., после существенной доработки, в русской армии на вооружение была принята 6-линейная игольчатая винтовка с бумажным патроном, предложенная англичанином Карле. Из игольчатых систем русская винтовка считалась самой лучшей, хотя и она имела свои недостатки.

Игольчатые винтовки были сложны в производстве, поэтому выдержать все технические требования было трудно, что снижало их качество. У них часто отмечались осечки, прорыв пороховых газов, поломки игл и другие недостатки. К тому же, например, сам стрелок не мог заменить непригодную иглу новой, для этого требовалось отправить винтовку в мастерскую. Оно было ненадежным, сложным в применении и даже порой опасным, так как при ударе прикладом ружья о землю нередко происходил самопроизвольный

выстрел. Об этом недостатке Главного артиллерийское управление сообщало во все военные округа¹⁷.

Пока в русской армии шло перевооружение на игольчатое оружие, появились более совершенные винтовки уменьшенного калибра с металлическими патронами. Военное ведомство проводило активную работу по созданию новых образцов патронов, гильз, винтовок. Строились новые и модернизировались старые патронные, капсюльные заводы и переделочные мастерские. На некоторых заводах вводились дополнительные рабочие смены, в том числе ночные. Расширялись приемные и контрольные комиссии, повышалась их требовательность к качеству выпускаемой продукции. Совершенствовались меры по материальному стимулированию увеличения производства и повышению качества оружия¹⁸.

Так, например, в марте 1869 г. были представлены к награждению орденами и денежной премией за проявленную настойчивость и усердие при совершенствовании 6-линейной винтовки полковник барон фон Ган, лейтенант Н.М. Баранов и австрийский подданный мастер Кренке¹⁹.

За ходом работ по перевооружению армии внимательно следил император Александр II и активно влиял на их результаты. После годовой работы Главной распорядительной и исполнительной комиссий военный министр генерал-адъютант Д.А. Милютин представил императору доклад о результатах их деятельности, на котором Александр II написал: «Прочел с истинным удовольствием и благодарю искренно тебя и всех участников в успешном ведении сего важного дела»²⁰.

После продолжительных испытаний различных отечественных и иностранных образцов мелкокалиберных винтовок в 1870 г. на вооружение русской армии была принята «винтовка образца 1870 года», но в литературе и в войсках она именовалась «Бердан № 2», или «Берданка». В винтовку, созданную американским конструктором полковником Х. Берданом, русские оружейники внесли значительное количество существенных изменений, после чего она стала более совершенной, с улучшенными тактико-техническими свойствами. Винтовка имела: калибр 4,2 линии, скользящий затвор, трехгранный штык, дальность выстрела 3500 шагов, 28 выстрелов в минуту.

Русская винтовка образца 1870 г. в результате непрерывного совершенствования превратилась в прекрасное боевое оружие.

Она получила всеобщее признание не только в России, но и за границей.

Однако отечественные заводы освоили производство мелкокалиберного оружия только к 1874 г. Хотя в дальнейшем выпуск его шел во все возрастающих масштабах, но к началу русско-турецкой войны (1877–1878 гг.) новыми винтовками были вооружены всего лишь 16 пехотных дивизий из 48, и те располагались в западных и северо-западных военных округах, где ожидалось нападение на Россию со стороны Австрии и Германии. Остальные войска, в том числе и вся действующая армия, были вооружены винтовками Крынка, а 5 дивизий Кавказского военного округа – игольчатыми винтовками с бумажными патронами.

В первой половине кампании русские войска значительно уступали турецким по качеству стрелкового оружия. Большая часть турецкой армии уже была вооружена английскими малокалиберными винтовками. При этом турецкая армия имела ружья Снайдера с прицелом до 1400 шагов, а Пободи – до 1800 шагов, тогда как пехотная винтовка Крынка имела прицел до 600 шагов, а стрелковая – до 1200 шагов²¹. Винтовка образца 1870 г. имела прицел до 1500 шагов, но она стала поступать на вооружение действующих войск только в конце войны.

Вследствие этого турецкие войска имели возможность открывать огонь с более дальних позиций и наносить большие потери русской армии, тогда как сами оставались почти в полной безопасности. Такое положение заставляло русских воинов нервничать, терять хладнокровие, ошибаться в стрельбе, вести менее эффективный прицельный огонь. Высокая психологическая напряженность, скованность, суетливость воинов в боевой обстановке приводили к бесприцельной стрельбе из стрелкового оружия, неэффективному его использованию.

Одним из средств борьбы с этими недостатками являлось применение залпового огня. При его подготовке начальник уверенным голосом успокаивал воинов, давал им возможность снять психологическое напряжение, хорошо прицелиться и только после этого подавал команду к открытию огня. Залповый огонь производил сильное моральное впечатление на свои войска и на противника. Свои подразделения залповый огонь ободрял, вдохновлял, а противника угнетал, возбуждал у него страх и неуверенность.

Опыт ряда войн показал необходимость перейти от однозарядного к многозарядному (магазинному) оружию. Только так можно было повысить интенсивность и плотность огня, оказать более сильное морально-психологическое воздействие на противника.

Работа в этом направлении в русской армии началась еще в ходе русско-турецкой войны (1877–1878 гг.). Более интенсивно она стала проводиться с 1883 г., когда была создана «Опытная комиссия по испытаниям магазинных ружей».

В середине 80-х годов эта комиссия провела испытания ряда систем, как русских, так и иностранных. Наиболее удачной была признана конструкция винтовки С.М. Мосина. После существенной доработки магазинное ружье Мосина было принято на вооружение под названием «трехлинейной винтовки образца 1891 года».

Вооружение войск (первой очереди) винтовкой Мосина началось в 1893 г., завершилось в 1896 г. В последующие годы она поступила в запасные, кавалерийские части и для ополчения.

Магазинная трехлинейная винтовка Мосина явилась выдающимся творением отечественных оружейников. Показателем высоких боевых и технических качеств винтовки Мосина является то, что она почти без всяких изменений на протяжении нескольких десятилетий, несмотря на колоссальное развитие оружейной техники, оставалась на вооружении нашей армии в качестве основного вида оружия бойца.

Малокалиберное трехлинейное ружье превосходило прежнее четырехлинейное по дальности втрое, по меткости и скорострельности в полтора раза, а по поражающей способности более чем в два раза²².

Эта винтовка оказывала благотворное влияние на морально-психологическое состояние стрелков, вселяла в них веру в оружие и успех боя. «Лучшее вооружение, – пишет исследователь психологии воинов Генерального штаба полковник Л.Л. Байков, – подавляющим образом действует на психику врага, так как, воодушевляя владельцев этого оружия, оно угнетает противную сторону, заставляет ее терять веру в свое оружие и вселяет в действия неуверенность...»²³.

Следует отметить, что не всякое усовершенствование стрелкового оружия одобрительно воспринималось всеми военачальниками и специалистами в армии. Например, настороженно была встречена генералом М.И. Драгомировым замена однозарядных

ружей ружьями с магазином, так как они имели наряду с достоинствами и такие недостатки, как сложность перезарядки магазина, несколько увеличенный вес ружья и некоторые другие, которые негативно сказывались на морально-психологическом состоянии воинов. В частности отмечалось, что манипуляции воина с разобшителем магазинного ружья, кажущиеся простыми в спокойной, мирной обстановке, выглядят иными в суматохе боя, что приводит к снижению скорострельности магазинного ружья²⁴.

Кроме того, утяжеление многозарядного ружья по сравнению с однозарядным приводило в походе к повышенной утомляемости солдат, к снижению духовных сил, делало их менее способными к быстрому передвижению. Были случаи, когда солдаты на марше для облегчения переносимого груза, экипировки после первых 10–15 верст начинали выбрасывать менее нужные вещи и даже такие казалось бы легкие предметы, как зимние рукавицы и подкладки из кепок²⁵.

В конце XIX в. были сделаны первые шаги по внедрению в русскую армию пулеметов. Военное ведомство заказало иностранным фирмам около 400 пулеметов системы Максим. В 1896 и последующие годы они проходили испытание в ряде военных округов. Опытные стрельбы показали необходимость внесения некоторых конструктивных усовершенствований в пулемет. В то же время это оружие доказало возможность значительно увеличить поражение целей. Первое боевое применение пулеметы нашли в русско-японской войне (1904–1905 гг.) и прекрасно себя зарекомендовали, в том числе и по морально-психологическому воздействию на наступающие войска. «Помимо потерь, которые несет часть, попавшая под пулемет, – отмечалось в одном из обобщений опыта войны, – сильное, удручающее действие производят массовые потери в короткое время. Получается сильнейший эффект и моральный и материальный. Недаром пулеметы начали называть – чертовой поливалкой»²⁶.

Об этом же свидетельствует Л.Л. Байков, который отмечал: «Велико и *моральное значение* пулеметного огня. Ровный, спокойный треск пулемета среди нервного гула боя производит очень сильное впечатление»²⁷.

Стало все более очевидным, отмечал далее Л.Л. Байков, что «с развитием огнестрельного оружия “истребление физическое” заменилось “истреблением моральным”, так как метательный бой,

действуя в течение многих часов на нервы и поражая людей морально, выводил из строя (делая негодными к бою) сначала отдельных бойцов, наиболее слабых духом, а затем и целые части, чем иногда и спасал им жизнь. <...> Физическое ранение становится уже не целью, а только средством воздействия на психику, и самая победа определяется уже не по количеству жертв, как прежде. *Путь к этой победе лежит, главным образом, через сердца и головы людей*²⁸.

Таким образом, в ходе военной реформы происходило совершенствование стрелкового оружия, повышалась его эффективность, что оказывало значительное влияние на боевой порядок, тактику и морально-психологическое состояние войск. Качественное превосходство над противником в вооружении поднимало моральный дух русских войск, и наоборот, отставание в вооружении, как подтверждает опыт войн, негативно отражалось на нравственном настроении армии.

В целом мероприятия, проведенные Россией по перевооружению своей армии стрелковым оружием во второй половине XIX в., положительно сказались на повышении морального духа войск, на укреплении их веры в свое оружие. Хотя некоторые меры по совершенствованию вооружения проводились без достаточной активности и с опозданием.

¹ Зайончковский П.А. Военные реформы 1860–1870 годов в России. М., 1952. С. 136.

² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 504. Оп. 3. Д. 999. Л. 20, 49.

³ Энгельс Ф. Избранные военные произведения. М., 1956. С. 409.

⁴ С 1910 г. Н.П. Михневич – генерал от инфантерии.

⁵ Михневич Н.П. Влияние новейших технических изобретений на тактику войск. СПб., 1898. С. 50.

⁶ Там же. С. 51.

⁷ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. М., 1973. С. 290.

⁸ Там же. С. 290.

⁹ Федоров В. Вооружение русской армии в Крымскую кампанию. СПб., 1904. С. 4.

¹⁰ Там же. С. 6.

¹¹ Зайончковский А.М. Восточная война 1853–1856 гг. СПб., 1908. Т. 1. С. 496.

¹² Там же. С. 496.

¹³ Федоров В. Указ. соч. С. 80.

¹⁴ Там же. С. 110.

- ¹⁵ Там же. С. 33.
- ¹⁶ Куропаткин А.Н. Действия отрядов генерала Скобелева в русско-турецкую войну 1877–1878 годов. Ловча и Плевна. СПб., 1885. Ч. I. С. 554–555.
- ¹⁷ РГВИА. Ф. 400. Оп. 2. Д. 784. Л. 28.
- ¹⁸ Там же. Ф. 504. Оп. 3. Д. 999. Л. 41–42.
- ¹⁹ Там же. Л. 35.
- ²⁰ Там же. Л. 208.
- ²¹ Федоров В. Указ. соч. С. 158.
- ²² Михневич Н.П. Указ. соч. С. 16.
- ²³ Байков Л.Л. Свойства боевых элементов и подготовка войск к войне и бою. Одесса, 1910. С. 76.
- ²⁴ Драгомиров М.И. 14 лет. 1881–1894. Сборник оригинальных и переводных статей. СПб., 1895. С. 166.
- ²⁵ Там же. С. 169.
- ²⁶ Федоров В. Автоматическое оружие. СПб., 1907. С. 4.
- ²⁷ Байков Л.Л. Указ. соч. С. 62.
- ²⁸ Там же. С. 73.

И.П. Суханов (Санкт-Петербург)

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ КОЛЛЕКЦИЙ ЯПОНСКИХ ПРЕДМЕТОВ В ФОНДАХ ЦЕНТРАЛЬНОГО ВОЕННО-МОРСКОГО МУЗЕЯ

МОЖНО предположить, что в Россию поступили первые достоверные сведения о Японии в 1606 г. из книги «Атлас» голландского ученого Герарда Меркатора. Опубликованные им материалы явились основой для создания первого описания Японии на русском языке: «О Японии или Япан острове» (в книге «Космография», 1670 г.). В ней впервые на русском языке были изложены основные сведения о ближайшей российской соседке – Японии.

Проникновение в Японию португальцев (сер. XVI в.) и активная деятельность прибывших на японские острова зарубежных миссионеров привели к трагическим последствиям:

- к искоренению христианства в Японии,
- к запрещению выезда японцев за пределы своей страны,
- к введению запрета на посещение Японии иностранцами.

Все это привело к двухсотлетней изоляции Японии от стран мира¹. Желание установить торговые и добрососедские отношения между Россией и Японией проявил не только император Петр I, но и другие российские императоры. Однако эти попытки не увенчались успехом.

В XIX в. Япония стала местом столкновения интересов крупнейших держав мира и, в первую очередь, России и США.

Японские законы по-прежнему запрещали заходить иностранным судам в свои воды.

Очередную попытку совершил и российский император Николай I в 1853 г., отправивший в Японию свое дипломатическое посольство во главе с вице-адмиралом Е.В. Путятиным на фрегате

Рис. 1. Фрегат «Паллада». Худ. С.В. Пен. ЦВММ

«Паллада», корвете «Оливуц», шлюпах «Восток» и «Меншиков». Однако и этот визит также не принес россиянам ожидаемого результата.

В 1854 г. последовал повторный визит россиян в Японию. Вице-адмирал Евфимий Васильевич Путятин, но теперь уже на фрегате «Диана», прибыл совместно с членами дипломатической миссии. Секретарем этой миссии был назначен лейтенант Российского флота А.Ф. Можайский.

Фрегат «Диана» прибыл в Японию 21 октября и встал на якорь на рейде Хакодате. Японская сторона встретила посланцев России весьма настороженно.

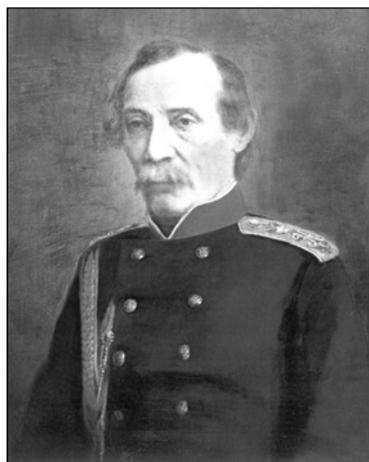
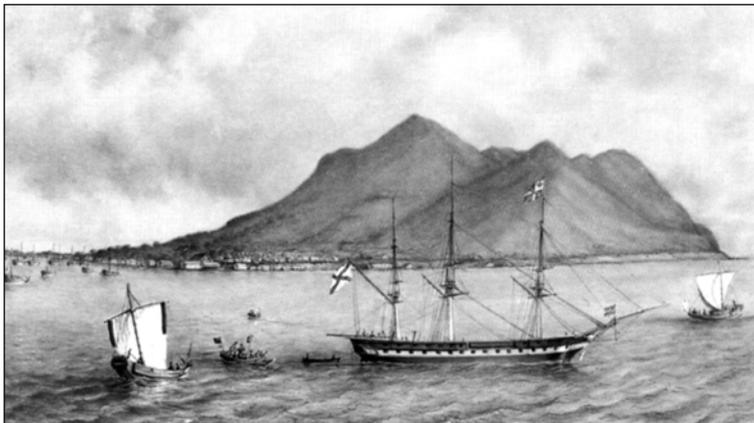
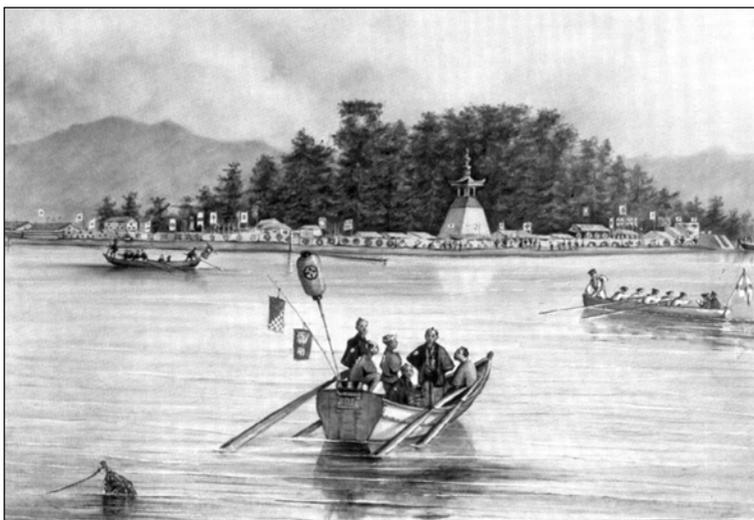

Рис. 2. Вице-адмирал Е.В. Путятин. ЦВММ

**Рис. 3. Фрегат «Диана» в Японии на рейде Хакодате.
Худ. А.Ф. Можайский. 1854 г. ЦВММ**

**Рис. 4. Японская дежурная лодка (бранд-вахта) близ фрегата
«Диана» на рейде Осака. Худ. А.Ф. Можайский. 1854 г. ЦВММ**

Японские власти не проявляли заинтересованности в ведении переговоров с россиянами и под различными предлогами пытались уклониться от этих контактов. Вскоре фрегат «Диана» перешел на

рейд города Осака, а затем в порт Симода и встал на два якоря. Первоначально фрегат был блокирован гребными судами охраны. Сход экипажа фрегата на берег был запрещен. Однако личные качества Евфимия Васильевича – настойчивость, дружелюбие, уважение к японским обычаям и законам – позволили ему вовлечь японцев в переговорный процесс. Вскоре, несмотря на запрет, японская сторона совершила первый шаг в установлении контакта с россиянами. Фрегат «Диана» посетили посланники японской стороны сановники Кавадзи Тосиакира и Цунуи Масанори. Начавшаяся война России с Англией и Францией весьма осложнила ведение переговоров. Доброжелательность, тактичность и настойчивость вице-адмирала Е.В. Путятина сделали свое дело. Российским переговорщикам было разрешено сойти на берег.

10 декабря 1854 г. в храме Фукусэндзи начались дипломатические переговоры, однако уже на следующий день они были прерваны.

11 декабря 1854 г. (в 10 часов утра) восточнее побережья островов Хонсю и Сикоку произошло крупное землетрясение, которое

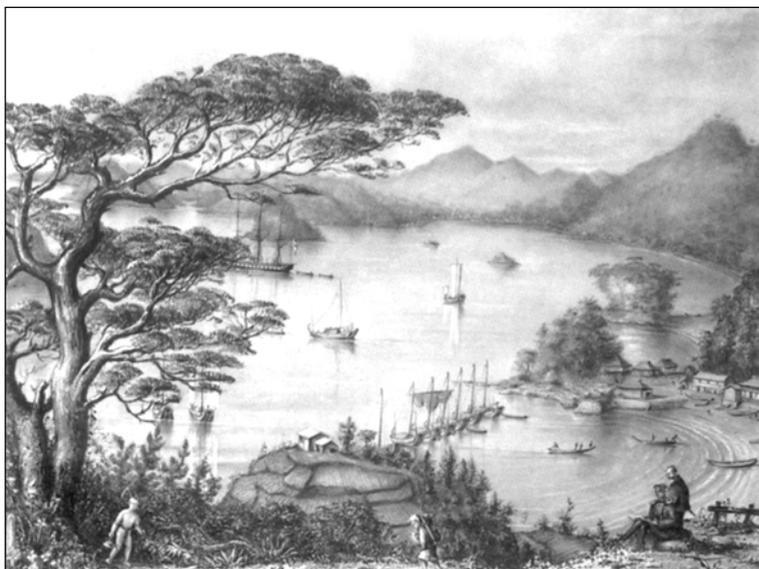
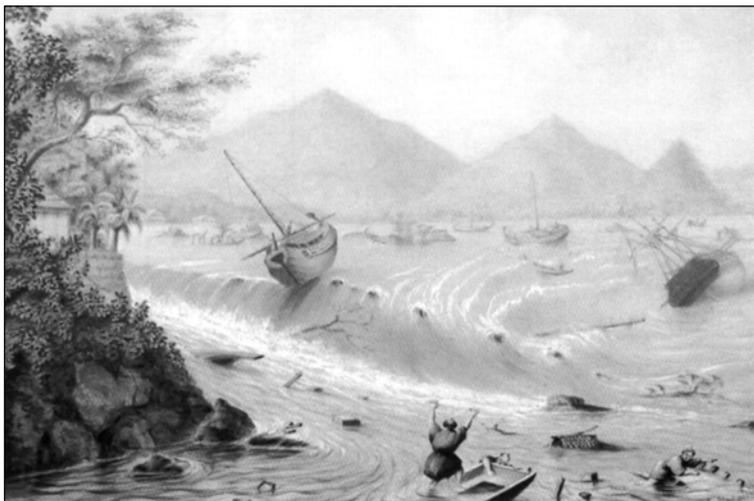

Рис. 5. Фрегат «Диана» на якорной стоянке в бухте Симода.
Худ. А.Ф. Можайский. 1854 г. ЦВММ

продолжалось до 15 час. 30 мин. Водяной вал цунами высотой свыше 7 метров обрушился на береговые строения и суда, стоящие в бухте на якорях и у пирсов. Катастрофа унесла несколько тысяч

**Рис. 6. Цунами в Симода 11 декабря 1854 г.
Худ. А.Ф. Можайский. 1854 г. ЦВММ**

**Рис. 7. Цунами, обрушившееся на фрегат «Диана»
11 декабря 1854 г. Худ. С. Пен. 1989 г. ЦВММ**

Рис. 8. Японские уполномоченные: Цунуи Масанори, Кавадзи Тосиакира, Эйноске, Мацуме, Накамура и Когайе на совместных переговорах с вице-адмиралом Е.В. Путятиным в городе Симода. Декабрь 1854 г. Худ. А.Ф. Можайский. 1854 г. ЦВММ

человеческих жизней. Фрегат «Диана», сорванный с одного якоря, совершил в течение получаса сорок три оборота на якорной цепи вокруг сохранившегося якоря.

Команда фрегата героически боролась со стихией. Корабельный руль был оборван штормом и унесен волнами в море, а корпус судна получил серьезные повреждения. Одно из корабельных орудий

было сорвано с креплений, раздавило матроса Соболева и покалечило еще двоих из нижних чинов. В трюмы фрегата стала поступать забортная вода.

Командир фрегата «Диана» капитан-лейтенанта С. Лесовский принял решение перевести поврежденный корабль в бухту Хэда, находящуюся в 25 милях от бухты Симода. С фрегата «Диана» стали разгружать корабельное оборудование, орудия и свозить их на берег. Экипаж (484 чел.) вынужден был полностью высадиться с фрегата на берег.

Предпринятая попытка отбуксировать фрегат японскими судами в бухту Хэда завершилась полной неудачей, налетевший шквал опрокинул судно и оно, оборвав буксировочные тросы, в начале января утонуло.

Экипаж «Дианы» по суше перебрался в бухту Хэда, где построил для жилья казармы. По распоряжению японского губернатора россиян снабдили продовольствием и одеждой.

Несмотря на гибель фрегата «Диана», вице-адмирал Путятин настойчиво продолжал свою дипломатическую миссию.

Итогом этих сложных переговоров стал «Симодский» договор от 26 января 1855 г. «Об установлении границ, дипломатических и торговых отношениях между Россией и Японией». Этим договором

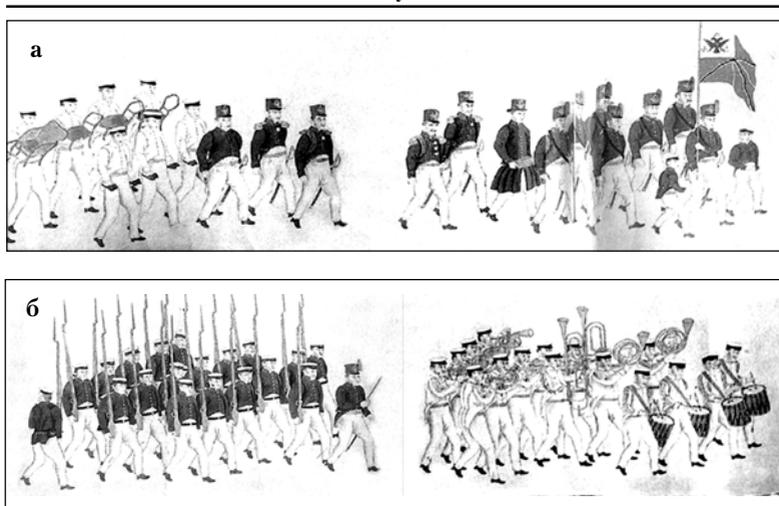

Рис. 9. Движение российской делегации на переговоры с японскими уполномоченными. Худ. Екояма Мацусабуро. 1854 г. ЦВММ (фрагменты а и б)

были открыты для захода русских судов порты Японии: Нагасаки, Хакодатэ и Симода, а в 1856 г. (в одном из портов) разрешалось создать русское консульство.

Подписав договор, вице-адмирал Е.В. Путятин принял меры к возвращению экипажа фрегата «Диана» на Родину.

Случайно обнаруженный в личных вещах капитан-лейтенанта К.П. Посьета журнал «Морской сборник» № 1 за 1849 г. содержал статью с описанием и чертежом шхуны «Опыт» командира Кронштадтского военного порта. На основе этой статьи, по указанию вице-адмирала Путятина, прапорщик Карандашев и мичман А.А. Колокольцов изготовили свои чертежи для постройки шхуны, а офицеры Мусин-Пушкин и Елкин с матросами приступили к строительству судна. За два с половиной месяца шхуна «Хэда» была построена.

26 апреля 1854 г. шхуна «Хэда» (командир – лейтенант А.А. Колокольцов) с вице-адмиралом Е.В. Путятиным и экипажем фрегата «Диана», покинула японские берега и взяла курс на Камчатку².

Позднее в музей поступила копия отчета адмирала Е.В. Путятина

Рис. 10. Шхуна «Хэда» на переходе морем. Худ. Голтин. ЦВММ

для доклада императору России о результатах выполненной им дипломатической миссии.

За блестяще проведенные переговоры и заключение договора с Японией император России наградил вице-адмирала Путятина орденом «Белого орла» и удостоил графского титула.

По предложению графа Путятина, император Александр II распорядился передать в дар Японии шхуну «Хэда» и пятьдесят два орудия снятых с фрегата «Диана». За содержание экипажа фрегата «Диана» на японском берегу российский император распорядился выплатить губернатору порта Хакодате 31 тыс. руб. серебром.

С тех пор прошло два столетия. В память о тех знаменательных событиях жители японской деревушки Хэда создали у себя музей Адмирала Е.В. Путятина. А в Петербурге, в Центральном военноморском музее, и сегодня хранится бумажный свиток японского художника Еокояма Мацусиро с зарисовками эпизода торжественного шествия (под знаменем, с оркестром и почетным караулом) русской дипломатической миссии в храм Симода на переговоры с японскими сановниками.

Чтобы завершить историю шхуны «Хэда» следует сообщить, что она в конце 1860-х гг. была переделана под плавучий маяк и

поставлена на «мертвые якоря» у северной оконечности песчаной косы у мыса Хакодатэ³.

Побочным итогом посещения Японии фрегатом «Диана» стали поступления в фонды Морского музея предметов японской культуры и быта. Так, фонд Изобразительного искусства музея пополнился уникальным альбомом (23 рисунка) с зарисовками сцен и эпизодов ведения переговоров, выполненными в 1854–1855 гг. секретарем дипломатической миссии лейтенантом А.Ф. Можайским

(будущим изобретателем самолета). В нем карандашом и тушью запечатлены наиболее живописные места местного ландшафта, нарисованы портреты «переговорщиков», бытовые сцены, цунами, обрушившееся на японские острова и бухту Симода, его страшные последствия и многое другое.

Рис. 11-1. Портрет великого князя Алексея Александровича Романова. Худ. М.В. Петров-Маслаков. 1998. ЦВММ

Вице-адмирал Евфимий Васильевич Путятин передал в фонды Морского музея свой походный шкафчик работы японских мастеров. В фонде Декоративно-прикладного искусства музея сегодня хранятся многие предметы этого памятного события.

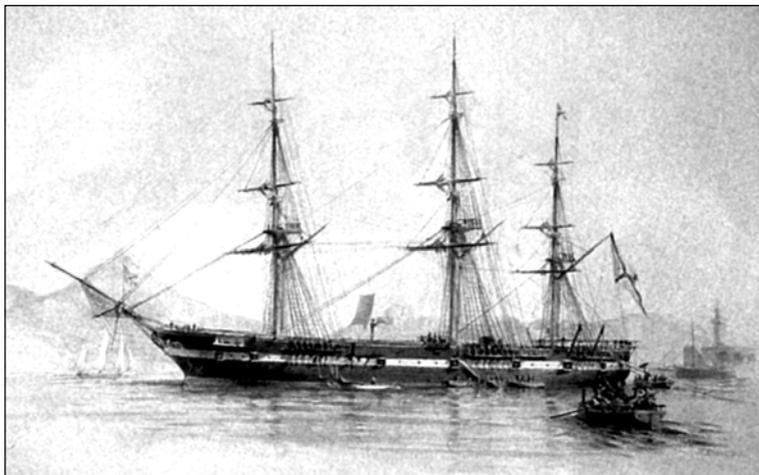
В ЦВММ хранится и копия отчета вице-адмирала

Е.В. Путятина российскому императору Николаю I «Об итогах выполненной дипломатической миссии». В 1857 г. в фонды музея поступила акварель шхуны «Хэда», (художник Голтин).

Попутно заметим, что и оружейный фонд Государственного Эрмитажа также пополнился превосходным старинным японским мечом работы знаменитого оружейного мастера Дзиротаро Наокацу (подарок Кавадзи Тосиакира вице-адмиралу Путятину).

Ценным пособием для читателей стала книга И.А. Гончарова, написанная им в бытность секретарем миссии при первом посещении японских островов посольством Е.В. Путятина на фрегате «Паллада» в 1853 г.

Сотрудничество между японскими сановниками и россиянами на этом не завершилось.

**Рис. 11-2. Фрегат «Светлана» на якорной стоянке в Японии.
Худ. Игнациус. 1873. ЦВММ**

В 1873 г. японские острова посетил фрегат «Светлана», на борту которого находился великий князь Алексей Александрович (капитан 2 ранга) и другие дипломатические лица.

Следствием этого визита в Японию стало пополнение музейного фонда двумя картинами японского художника Эйко «Прием японским императором Микадо великого князя Алексея Александровича, вице-адмирала Посыета и офицеров фрегата «Светлана».

Японские представители преподнесли и другой ценный подарок – корабельный компас, который занял достойное место в музейной коллекции навигационных приборов ЦВММ. Предметом особой гордости музея стала уникальная коллекция моделей военных кораблей России (40 ед.), изготовленных из панцирей черепах (в разное время) умельцами японской мастерской Эмиро Эзаки. Характерными особенностями моделей этой коллекции является

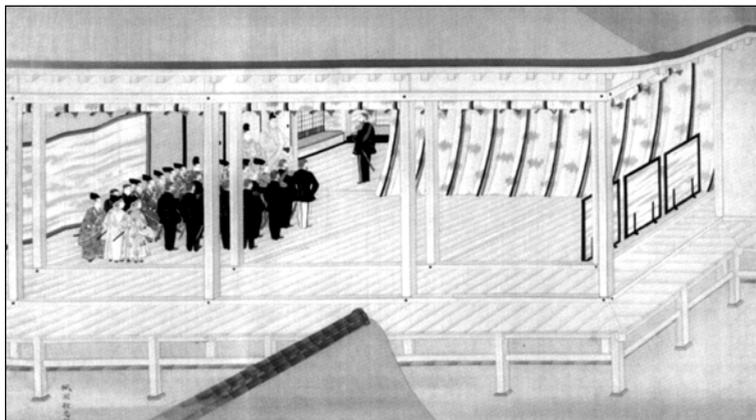

Рис. 12-1. Делегация российских представителей во главе с великим князем Алексеем Александровичем представляется императору Японии. Худ. Эйко. ЦВММ

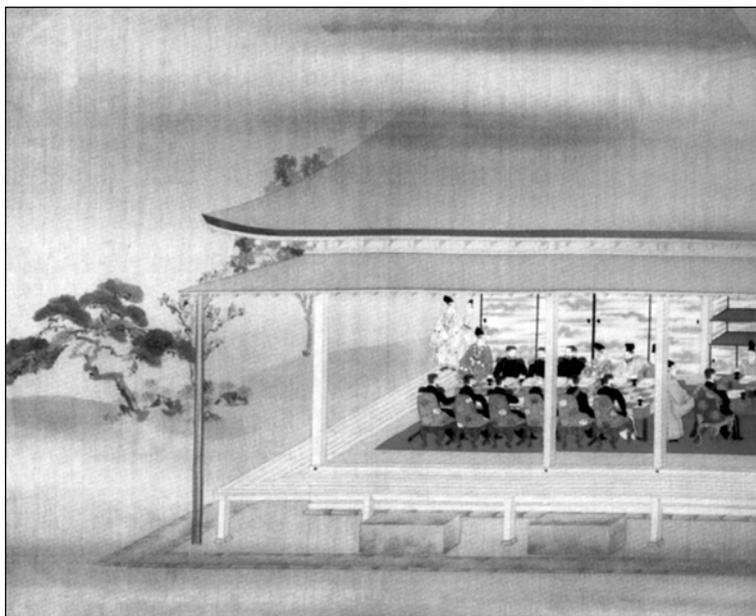

Рис. 12-2. Прием российской делегации в императорском дворце в Токио. Худ. Эйко. ЦВММ

высокий профессионализм мастеров, чистота их работы, точное соблюдение набора конструктивных деталей судна, его бегущего и стоячего такелажа. Основу создания этой удивительной коллекции положил приход в Японию еще в 1871 г. корвета «Витязь» и изготовление его модели мастером Эмиро Эзаки.

Путешествие цесаревича Николая Александровича в Японию (1890–1891 гг.) на броненосном фрегате «Память Азова», в сопровождении крейсеров 1 ранга: «Владимир Мономах», «Адмирал Нахимов», канонерских лодок «Бобр», «Манджур», «Джигит» и «Кореец», их благополучное возвращение завершилось передачей в фонды музея шести корабельных моделей, изготовленных из панцирей черепах. В знак благодарности экипажам судов, на которых великий князь Николай Александрович совершил длительное плавание, сопряженное с рядом трудностей и опасностей, цесаревич заказал мастерской Эмиро Эзаки (город Нагасаки) изготовить из панциря черепах модели этих кораблей.

В 1897 г. российский император Николай II передал 13 моделей этих кораблей в дар Морскому музею. Этот царский подарок существенно пополнил «черепашую коллекцию» музея. Две модели кораблей из панцирей черепах подарили музею великие князья Владимир Александрович и Константин Константинович Романовы. Повторный приход в Японию крейсера «Адмирал Нахимов» в 1892–1893 гг. послужил не только причиной изготовления его новой модели, но и нанесения гравировкой на ее подставку подлинных подписей офицеров-участников этого похода. Среди них подписи будущих адмиралов В.А. Римского-Корсакова, Н.И. Зеленого и многих других широко известных офицеров Русского флота.

В этой коллекции особым изяществом отличается модель российского крейсера 1 ранга «Россия», изготовленная в 1904 г. японским мастером после посещения этим кораблем нескольких портов Японии.

Модель винтового клипера «Разбойник», принадлежавшего лейтенанту В.П. Вульффу, служившему на эскадренном броненосце «Петропавловск» и погибшему на японских минах в 1904 г., была передана в музей его отцом контр-адмиралом П.Н. Вульфом⁴.

Мода на изготовление моделей из панцирей черепах быстро распространилась во многих государствах мира. Красота, оригинальность и массовость различных моделей, изготовленных из панцирей черепах, привела к значительному сокращению поголовья черепах.

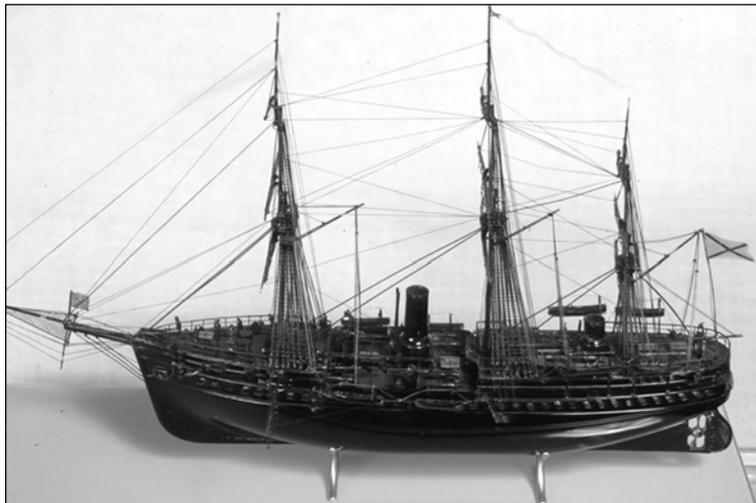

Рис 13-1. Модель из панциря черепахи Гвардейского винтового корвета «Рында». Японская мастерская Эмиро Эзаки. ЦВММ

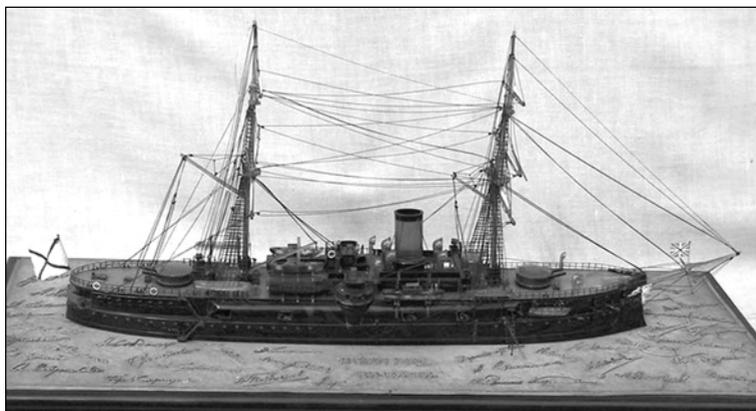
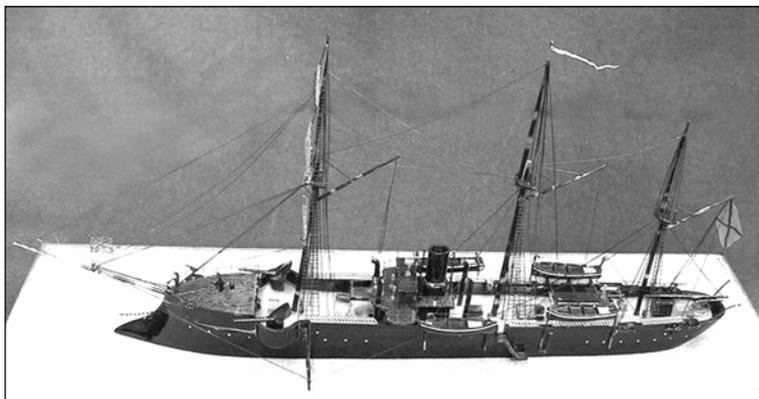
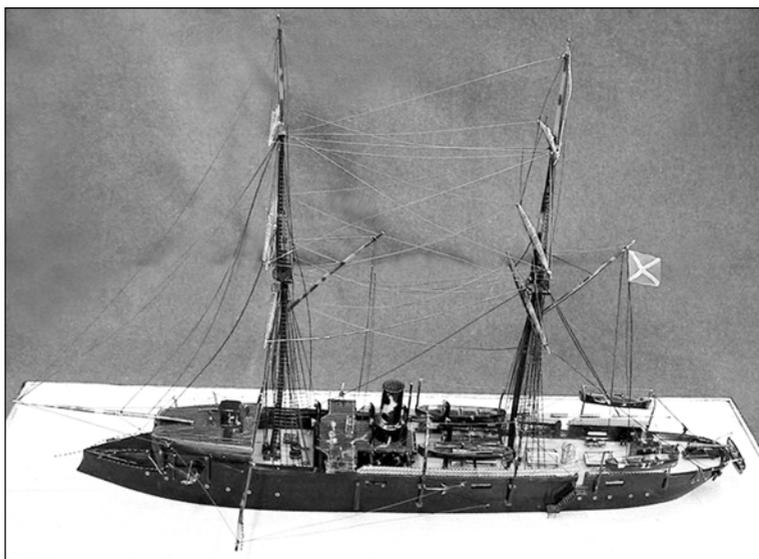

Рис. 13-2. Модель из панциря черепахи крейсера 1 ранга «Адмирал Нахимов». Японская мастерская Эмиро Эзаки. ЦВММ

Это побудило принять международное соглашение «О запрещении использования панцирей черепах для изготовления всяческих поделок». Это запрещение существенно повысило уникальность

**Рис. 13-3. Модель из панциря черепахи клипера «Монджур».
Японская мастерская Эмиро Эзаки. ЦВММ**

**Рис. 13-4. Модель из панциря черепахи клипера «Бобр».
Японская мастерская Эмиро Эзаки. ЦВММ**

сохранившихся коллекций моделей кораблей, изготовленных из черепашьих панцирей. Не исключено, что коллекция таких моделей

кораблей в фондах ЦВММ в наше время является наиболее многочисленной. Ведь сегодня в самой Японии количество моделей кораблей, изготовленных из панцирей черепах, у «маститых» коллекционеров не превышает и дюжины. Редки и чрезвычайно интересны разновидности фотографий японских островов, групповых снимков, бытовых сцен и портретов японских воинов, хранящихся в «Фото-Негативном» секторе нашего музея. Большую художественную ценность представляют и украшенные обложки фотоальбомов, изготовленные японскими мастерами из перламутра.

В числе раритетов оружейной коллекции ЦВММ находится двуручный японский меч, клинок которого датирован 1333 г. Редким по своей конструкции является придворный меч, изготовленный в 1889 г. оружейным мастером Наоконэ (потомок в 12 поколении мастера Тотиканэ из провинции Тоттори). Не меньшую редкость представляет и японский меч-посох (монашеский или разведчика «ниндзя»), у которого пока так и не удалось распознать загадочные рисунки на бамбуковых ножнах.

Следует обратить особое внимание на суть самурайского сословия, ведь именно оно заложило основы истории, национальной культуры, быта и духа японского народа. Хотя самураев в Японии уже давно нет, но самурайский дух и сегодня почитается жителями. Отметим и еще одну характерную черту японцев – их трепетное отношение к родовому клинковому оружию.

Среди многообразия холодного оружия средневековой Японии меч для самурая являлся не только символом военного сословия, но и материальным воплощением боевого духа самурая, его чести и доблести. Меч считался клановым сокровищем и передавался самураями от поколения к поколению в качестве семейной святыни, как символ ратной доблести своих предков. Японский меч в эпоху Муромати (1392–1572 гг.) стал особенно почетным и ценным. Известен исторический факт, когда в Японии во время боевых действий осажденный деревянный замок был подожжен неприятелем, и огонь быстро распространялся от помещения к помещению. «Владелец замка отправил врагу записку с просьбой приостановить боевые действия и спасти от уничтожения коллекцию старинного родового оружия путем передачи ее противнику. Неприятель приостановил боевые действия. Оружейную коллекцию опустили на веревках вниз с крепостной стены. После того, как

неприятель унес от стен горящей крепости оружейную коллекцию, бой возобновился с прежней яростью»⁵.

Современная коллекция японского оружия ЦВММ содержит предметы вооружения не только армии и флота, но и полиции, государственных чиновников, дипломатических персон. Сохранились образцы оружия чиновников: Национальных железных дорог, Пожарного департамента, корейских и маньчжурских персон. Завершают японскую коллекцию ЦВММ старинный лук, копьё дворцовой охраны (подарок контр-адмирала Федоровского), образцы холодного и стрелкового оружия XIX и начала XX вв. (общей численностью порядка 100 единиц). Помимо холодного и стрелкового оружия музейный фонд располагает отдельными образцами артиллерийского оружия и средствами индивидуальной защиты японских воинов.

Как известно, 1945 г. явился не только годом Великой победы над немецким фашизмом, но и годом победоносного разгрома японских вооруженных сил на Дальнем Востоке. Сотрудники музея капитаны административной службы М.Х. Бродский и С.А. Муравский, отправленные в служебную командировку на Дальний Восток для пополнения фондов музея, возвратились в Ленинград с превосходными трофеями – многими родовыми (клановыми) образцами японского оружия⁶. Кроме того, военный комендант Советской армии порта Дайрен извлек несколько десятков упакованных образцов холодного оружия, обнаруженных в трюме судна, которое не успело выйти из гавани. Дальнейшее пополнение музейного фонда трофейным японским оружием увеличило его численность до 830 единиц.

К глубокому сожалению, этой коллекции японского оружия не было суждено сохраниться в полном составе до наших дней. Профессиональная неподготовленность сотрудников оружейного фонда и отсутствие в музее научно-технической и справочной литературы по японскому оружию не позволила им оценить научную и историческую ценность поступивших образцов. Часть предметов японского оружия не получила и научного описания, а некоторые из них были причислены к «непрофильным», которые подлежали передаче в «профильные» музеи. Так, например, самурайский доспех, подаренный офицерами и командиром корвета «Витязь» капитаном 2 ранга Степаном Осиповичем Макаровым, был передан из ЦВММ, как «непрофильный», в Военно-исторический музей

артиллерии, тот, в свою очередь, передал его в музей Антропологии и Этнографии имени Петра Великого. На представленной для обозрения фотографии этого предмета хорошо виден сохранившийся до настоящего времени учетный номер ЦВММ – «3316». Сложно ответить на вопрос, почему корвет «Витязь» и его командир С.О. Макаров стали «непрофильными» для Центрального Военно-морского музея.

Рис. 14. Самурайский доспех с табличкой

В 1885 г. капитан 2-го ранга С.О. Макаров ушел на «Витязе» в свое первое кругосветное плавание, продолжавшееся 993 суток. За время своего путешествия Степан Осипович Макаров не только собрал, но и передал в фонды многих российских музеев десятки отечественных и зарубежных предметов культуры и быта, вооружения и техники. Среди предметов, переданных в фонды ЦВММ С.О. Макаровым и его сыном, особое место занимает наградная сабля адмирала с надписью «За храбрость», которой он был награжден за свою боевую деятельность в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Рис. 15. Вице-адмирал С.О. Макаров. ЦВММ

Организация музейного дела, допускающая возможность не только обмена предметами с другими музеями, но и безвозмездной их передачи, также нанесла ущерб целостности оружейной коллекции музея.

Настоящей катастрофой для оружейной коллекции ЦВММ стало проведенное в 1950-х гг. массовое уничтожение предметов японского клинкового оружия. Оружие было разрезано автогеном, а его остатки сдали в Тыловые органы Ленинградской военно-морской базы в качестве черного металлолома. Сегодня невозможно точно определить научно-исторический и финансовый масштабы потерь, поскольку уничтоженные предметы не были изучены и описаны.

Первый массовый разрез автогеном японского оружия (230 ед.) из фондов ЦВММ был произведен в 1952 г. Вскоре последовало уничтожение автогеном еще 371 предмета японского клинкового оружия и сдача в черный металлолом их останков (массой 141 кг)⁷.

Следует заметить, что уничтожение вышеперечисленных оружейных предметов производилось с письменного разрешения Политуправления ВМС СССР. (См. резолюцию Главного Политуправления ВМС СССР № 0148 от 5.04.1953 г.)

Очередной акт вандализма – Акт № 3 от 02.02.1956 «Об исключении с учета музея предметов японского оружия в связи с переплавкой их на металл на заводе «Большевик» в городе Ленинграде»: было уничтожено 33 предмета японского оружия, 200 деталей мечей и сабель. В числе уничтоженных предметов японского оружия находилось значительное количество фамильных (клановых) мечей работы японских мастеров XII–XIV вв., стоимость которых сегодня могла бы быть огромной. Так, например, стоимость сохранившегося до настоящего времени японского меча (Инв. № 22231), изготовленного в 1333 г., теперь оценивается оружейными специалистами суммой порядка 500 тыс. руб. А сколько было подобных мечей уничтожено автогеном...

Причиненный ущерб в научно-историческом плане оценить не представляется возможным.

¹ Русинова Э.С. «История о японском государстве...». Санкт-Петербург. Япония: XVIII–XXI вв. СПб., 2012. С. 516–517.

² Акт № 17 от 18 апреля 1953 г. // Архив ЦВММ за 1953 г. Д. 288. Л. 10.

³ Русинова Э.С. Указ. соч. С. 41.

⁴ Рогачев Г.М. Корабли, пронизанные солнцем. СПб., 2012. С. 474–476.

⁵ Баженов А.Г. История японского меча. СПб., 2001. С. 117.

⁶ Акт № 2 от 13.09.1946 г. // Архив ЦВММ за 1946 г. Д. 359. Л. 65.

⁷ Акт № 17 от 18 апреля 1953 г. // Архив ЦВММ за 1953 г. Д. 288. Л. 109.

Источники и литература:

1. Долин А.А., Попов Г.В. Кэмпо: традиция воинских искусств. М., Наука, 1990.
2. Робинсон Б. Искусство меча. Чарльс Татл Компани. Ратленд, Вермонт, 1986.
3. Канзан Сато. Японский меч. Коданса. Токио, 1984.
4. Асмолов К.В. История холодного оружия. Ч. 1 и 2. М., 1993–1994.
5. Кинг У.Л. Дзен и путь меча. СПб.: Тип. Евразия, 1999.
6. Тернбулл С. Самураи. Военная история. СПб.: Тип. Евразия, 1999.
7. Русинова Э.С. «История о японском государстве...» Санкт-Петербург. Япония: XVIII–XXI вв. СПб.: Европейский Дом, 2012. Л. 516–517.
8. Каталог Морского отдела Московской Политехнической выставки. М.: Университетская типография, 1872.
9. Архив ЦВММ. Акт № 2 от 13.09.1946 г. Д. 359. Л. 65.
10. Там же. Акт № 3 от 02 февраля 1956 г.
11. Там же. Акт № 17 от 18 апреля 1953 г. Д. 288. Л. 109.
12. РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 1074. Л. 88–90.
13. Задорнов Н. Черные корабли с Севера. М., 1993. С. 59.
14. Суханов И., Федосеева М. Памятный колчан адмирала Путятина // Ружье. № 4. 1999. С. 34.
15. Кротков А. Повседневная запись замечательных событий в русском флоте. СПб., 1894. С. 121.
16. Хисамутдинов А. Terra Incognita, или Хроника русских путешествий по Приморью и Дальнему Востоку. Владивосток, 1989. С. 19.
17. Демин Л. Сквозь туманы и штормы. М., 1986. С. 37.
18. Кутаков Л.Н. Россия и Япония. М., 1988. С. 53.
19. Лейтенант Старицкий. Клипер «Всадник» г. Хакодаге // Морской сборник. 1870. № 8. СПб. Тип. Морского министерства в Гл. Адмиралтействе. С. 41.
20. Максимова Н.А. По следам миссии адмирала Е.В.Путятина Каталог выставки в ЦВММ. Миссия в Японию. СПб., 2005. С. 17–19.
21. Самураи. Аспекты японской культуры XVII–XX годов. Каталог выставки ГМЗ «Ораниенбаум». 2003. С. 39, 52.
22. Поздеев Д.М. Материалы по истории Северной Японии и ее отношениям с Азиатским континентом и Россией. Т. 2. Ч. 2. Йокогама, 1909. С. 178.
23. Чернявский С.В. Мореплаватель и дипломат. Каталог выставки. ЦВММ. СПб., 2005. С. 10.
24. Пантелеев Ю.А. Выдающийся русский флотоводец С.О. Макаров // Русское военно-морское искусство. М., 1990.
25. Крылов А.Н. Вице-адмирал Макаров. М.; Л., 1944.
26. Лупач В.С. Русский флот – колыбель величайших открытий и изобретений. М., 1952.
27. Макаров С.О. Рассуждения по вопросам морской тактики. М., 1943.
28. Врангель Ф. Вице-адмирал Степан Осипович Макаров. Ч. II. СПб., 1913.
29. Шулейкин В.В. Степан Осипович Макаров (1849–1904) // Люди русской науки. Т. 2. М., 1948.
30. Военно-морской словарь. М., 1990.
31. Рогачев Г.М. Корабли, пронизанные солнцем. СПб.: Изд-во Европейский Дом, 2012. С. 474–476.
32. Баженов А.Г. История японского меча. СПб.: Изд-во «Атлант»; «Балтика», 2001. С. 117.

А.В. Табарев (Новосибирск)

ВОИНЫ, СТРАЖИ, ТЕЛОХРАНИТЕЛИ: ТЕМА ОРУЖИЯ В КАМЕННОЙ СКУЛЬПТУРЕ КОМПЛЕКСА САН-АГУСТИН, КОЛУМБИЯ¹

В ОЕННОЕ дело и оружиеведение традиционно являются предметом интереса археологов во всем мире. Среди множества тем и сюжетов этих исследований особо следует выделить ранний этап возникновения и оформления в составе древних обществ групп профессиональных воинов и их «инструментария» (предметов вооружения и защиты).

У этой темы есть предметный и теоретический аспекты. Теоретический связан с разработкой различных моделей предгосударственных образований и особой ролью в этом процессе агрессивной (военной) составляющей. Одной из таких моделей является так называемое «вожество» (chiefdom). В англоязычной литературе эта модель детально разработана: начиная с Р. Карнейро, признающего за агрессивной составляющей решающую роль в возникновении вожеств, до Б. Гибсона, Э. Редмонд, К. Оттербейна, Т. Йерла, К. Литтла и других, подчеркивающих его значение лишь в комплексе с другими факторами. В отечественной литературе о феномене вожеств и ранних этапах политогенеза достаточно много написано Д.М. Бондаренко, А.В. Коротаевым, Л. Е. Грининым и Н.Н. Крадиным.

Предметный аспект – это археологические материалы, которые иллюстрируют процесс появления и эволюции оружия и его постоянных пользователей (воинов, стражников, телохранителей). И именно в этой точке начинаются дискуссии относительно генезиса как оружия, так и группы профессиональных воинов. Одна часть исследователей, не без основания, считает, что оружие (и защитный доспех) происходят от охотничьего снаряжения, предназначенного

для промысла крупных и опасных животных. Другая группа (так же аргументированно), не отрицая позиции коллег, настаивает еще и на роли ритуала (инициации, жертвоприношения, врачевания) в появлении новых видов инструментов и оружия. Отсюда и другая дискуссия – специализированные инструменты (оружие) появляются в основном как реакция на учащающиеся межгрупповые столкновения в борьбе за наиболее выгодные экологические ниши и ресурсы, или же этот процесс гораздо сложнее. Одновременно с защитной/агрессивной компонентой не менее динамично развивается и ритуальная, включающая усложнение символики погребального обряда, возникновение тайных обществ (мужских союзов) и престижной экономики (производство и обмен предметами роскоши)². И тот, и другой процессы сопровождаются появлением «военной символики», выделяющей и маркирующей особую группу в обществе и, соответственно, в иконографии данной культуры (мелкая пластика, скульптура, роспись на керамике, наскальные изображения и пр.).

В качестве весьма наглядного примера предлагаем обратиться к археологическому наследию доиспанской Колумбии, известному у нас в основном по ярким украшениям из золота в культуре муисков и сопровождающей их легенде об Эльдorado. Интерес к доколумбовым культурам Америки (благодаря, в частности, ожиданиям «Конца света») в последнее время заметно вырос, а вместе с ним стало и больше публикаций по археологическим данным этого интереснейшего региона³.

Уникальным по своему значению, размерам и информативности является комплекс Сан-Агустин, памятник, входящий в число объектов мирового наследия ЮНЕСКО⁴. В октябре 2011 г. автору посчастливилось провести в Сан-Агустине целых два дня, посетить Археологический парк и целый ряд других объектов в его окрестностях, сфотографировать и детально познакомиться со скульптурными композициями.

«Археологический парк Сан-Агустин» (рис. 1) расположен в верховьях р. Магдалена в пределах Центрального Колумбийского массива⁵. Согласно туристическому путеводителю, это примерно в 10 часах езды по хорошей дороге от столицы Колумбии Санта-Фе-де-Богота или в 4 часах от г. Нейва. Парк, в свою очередь, является центром т.н. «Археологической зоны Сан-Агустин» (около 300 км²), на которой зафиксировано более 3 тыс. разновременных

Рис. 1. Карта Колумбии с указанием расположения Сан-Агустина

памятников. Среди них и целая серия (около 50) комплексов с монументальной архитектурой (каменная скульптура, погребальные сооружения), датируемых временем 1–10 вв. н.э. (согласно колумбийской периодизации – *Clásico Regional*). Упоминания о древних статуях и гробницах в этом районе известны с конца XVIII в., но первые профессиональные археологические раскопки в Сан-Агустине были проведены лишь в 1913–14 гг. (в этом году отмечается 100-летний юбилей) немецким этнологом Конрадом Теодором Пройссом⁶.

Наиболее эффектно выглядят комплексы Mesitas (A, B, C, D), находящиеся в 2 км от городка Сан-Агустин. Здесь зафиксирована наибольшая концентрация различных скульптурных изображений из камня, гробницы (саркофаги) из каменных плит, а также оригинальные надмогильные сооружения, состоящие, как правило, из трех антропоморфных персонажей, которые, подобно атлантам и кариатидам, поддерживают огромные плоские глыбы камня. Их называют «порталами», «входами в гробницу», «храмами», «жертвенниками», но настоящее их назначение так и остается одной из многочисленных загадок культуры Сан-Агустин (рис. 2–4).

Итак, в составе фронтальных фигур-кариатид присутствует центральный (более крупный и, явно, главный) и два фланговых

Рис. 2. Сан-Агустин. Погребальный комплекс с воинами. Месита А

Рис. 3. Сан-Агустин. Погребальный комплекс с воинами. Месита А. Вид сбоку

персонажа. Именно последние и интересуют нас в данном случае. Это антропоморфные изображения с короткими дубинками или палицами в руках (рис. 5). У них есть общие стилистические черты и индивидуальные различия.

Общим является наличие оружия (и его внешний вид), его явная демонстрация, угрожающая или предупреждающая поза, а также обязательный набор предметов одежды (головной убор и пояс). В то же время все головные уборы и все пояса различаются деталями. Весьма примечателен головной убор с украшением (рис. 5, 4), копирующий известные по находкам в погребениях изделия из золота.

Очевидно сходство и в лицах, в которые скульпторами были намеренно

Рис. 4. Сан-Агустин. Погребальный комплекс с воинами. Месита В

Рис. 5. Сан-Агустин. Изображения воинов

добавлены черты хищника из семейства кошачьих (ягуара) – характерный разрез глаз и, в одном случае (рис. 5, 5), клыки. Можно отметить и явно расширенные зрачки – признак использования галлюциногенов⁷. Самым же интересным сходством является присутствие на каждой скульптуре дополнительного персонажа –

ящерицы с человеческим лицом – который находится над основной фигурой. На всех изображениях этот персонаж выполнен одинаково, то есть это некий общий символ. Одна из аналогий – своеобразные воинские «ордена», существовавшие у ацтеков в Мексике. Известно о двух таких орденах – Орла и Ягуара, каждый из которых имел свою соответствующую атрибутику.

Таким образом, наиболее вероятная интерпретация фланговых изображений у каменных гробниц – стражи погребенного или/и самой погребальной конструкции, которая является переходом из одного мира в другой. К их реальным атрибутам (оружие, различные головные уборы, золотые украшения) в связи с особой функцией (сакральной, ритуальной) добавлены и особые, придающие воинам сверхъестественные силы (черты ягуара, помощник-оборотень).

Оружие стражей (дубинка) не должно смущать своей простотой. Напомним, что металл как основной материал для производства орудий и оружия в доколумбовой Америке не использовался. Тем не менее, дубинки или палицы, оснащенные заостренными раковинами, жесткими шипами растений, отщепами из обсидиана (вулканического стекла) и зубами животных, представляли серьезную опасность в контактной схватке для любого, даже защищенного металлическими доспехами, противника. Из хроник известно, что племена, обитавшие в районе Сан-Агустина⁸, оказали испанцам ожесточенное сопротивление и несколько раз разрушали создававшиеся европейцами поселения.

Сан-Агустин рассматривается специалистами как крупный церемониальный центр достаточно большой культурной общности («археологической культуры»)⁹. Одной из функций центра было возведение гробниц для племенной элиты. В элиту входили не только политические (касики, вожди) и религиозные (служители культа) лидеры, но и другие группы населения, получавшие выгоды от обслуживания элиты. К ним относятся искусные мастера, скульпторы, архитекторы, торговцы и, разумеется, воины.

Несмотря на то, что Сан-Агустин в течение нескольких столетий подвергался разграблению местными «гуакерос», у археологов есть достаточно четкое представление об особенностях погребального обряда и составе погребального инвентаря элитных гробниц. По сравнению с другими доиспанскими культурами Колумбии (муиски, тайрона, малагана и др.) в погребениях не так уж и много

золотых изделий. Это не является показателем бедности или технологической отсталости носителей культуры Сан-Агустин. Известно, что в вождествах статус выражается по-разному, не только предметами роскоши. В данном случае, средством выражения статуса племенной элиты стали монументальные сооружения в культурном центре – гробницы из многотонных каменных плит, каменные саркофаги, скульптурные композиции, запечатлевшие вождей, шаманов и воинов. Все это требовало значительных временных и физических затрат с привлечением большого количества специалистов и рабочих.

Нет сомнения, что многие из наблюдений и выводов о символике вождеств и различных представителей племенной элиты по материалам культуры Сан-Агустин могут найти свое применение и при анализе материалов из других регионов, включая Западную Сибирь, где известны многочисленные культуры с курганами, богатыми погребениями и иными символами социального статуса и престижа.

¹ При поддержке гранта РГНФ № 12-01-00001а «Древние культуры Колумбии и Эквадора» и Программы фундаментальных исследований СО РАН (Приоритетное направление 100. Комплексное исследование этногенеза, этнокультурного облика народов, современных этнических процессов, историко-культурного взаимодействия в России и зарубежном мире. Программа X.100.2. От первобытности к цивилизации: этнокультурные процессы в Евразии в эпоху палеометалла и средневековья).

² Наиболее детально вопросы «престижной экономики» в ранних и традиционных обществах рассмотрены в серии работ современного канадского антрополога Брайана Хэйдена (Университет Саймон Фрэйзер, г. Ванкувер).

³ См. например, Острирова Е.С. Образ правителя в культуре Тайрона (Колумбия) // Ойкумена. 2012. № 3. С. 23–32, а также серию публикаций автора настоящей статьи: Табарев А.В. Змеи, маски и танцующие шаманы: на перекрестках неолитических миров древней Пасифики // Дальневосточно-сибирские древности. Сборник научных трудов, посвященный 70-летию со дня рождения В.Е. Медведева. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2012. С. 96–105; Табарев А.В. По обе стороны времени. Записки археолога о поездках в Колумбию // Латинская Америка. 2012. № 5. С. 82–92; Табарев А.В. Древние культуры тихоокеанского побережья Южной Америки: Тумако-Ла-Толита // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2012 г. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2012. Т. XVIII. С. 283–287.

⁴ До недавнего времени на русском языке о Сан-Агустине можно было прочитать

только в переводной статье колумбийского археолога Л. Дуке Гомеса: Дуке Гомес Л. Сан-Агустин // Проблемы археологии и древней истории стран Латинской Америки. М., 1990. С. 208–222.

⁵ Территория муниципалитетов Сан-Агустин и Инос, департамент Уила (1°53' С.Ш., 76°18' З.Д.), на высоте 1500–2000 м над уровнем моря.

⁶ Конрад Теодор Пройсс (1869–1938 гг.) – немецкий этнолог и антрополог, автор серии публикаций по мифологии и этнографии индейцев Мексики и Колумбии, работал в Берлинском этнографическом музее. Результаты раскопок в Сан-Агустине изложены в нескольких статьях, а также в фундаментальной монографии о монументальном искусстве древности. См. Preuss K.T. Carta de viaje desde Colombia // Zeitschrift für Ethnologie. 1914. Vol. 46. P. 106–113. (в переводе María Mercedes Ortiz⁶); Preuss K.T. Arte Monumental Prehistorico. Bogotá: Dirección de Divulgación Cultural de La Universidad Nacional De Colombia, 1974.

⁷ Тема галлюциногенов в искусстве доиспанских культур на территории Колумбии рассматривается в целом ряде работ. Например, Rodríguez C.A. Los Hombres y las Culturas Prehispánicas del Suroccidente de Colombia y el Norte del Ecuador. Washington, D.C.: Fundación Taraxacum, 2005.

⁸ К культуре создателей комплекса Сан-Агустин эти племена никакого отношения не имели.

⁹ Handbook of South American Archaeology. NY: Springer, 2008.

Е.В. Тихомирова (Москва)

ИССЛЕДОВАНИЕ ДВУХ ПАМЯТНИКОВ ГРУЗИНСКОГО ОРУЖЕЙНОГО ИСКУССТВА КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX ВЕКОВ

Н АСТОЯЩАЯ статья посвящена двум предметам кавказского оружия из частных собраний. Обращение к этой теме не случайно. Особенность работы с кавказскими предметами диктует необходимость привлечения не только широкого круга исторических материалов, но и обращения к различным вспомогательным дисциплинам. В своей работе мы стремились максимально ориентироваться на профессиональные заветы Л.К. Маковской, которая ставит перед исследователем вопрос о необходимости комплексных подходов к всестороннему изучению оружия «не только с материальной, но и, прежде всего, с его функциональной, гуманитарной, социальной стороны». В «Методических указаниях» она пишет: «Исследователю, используя современный метод источниковедения, предстоит решить две основные задачи. Первое – установить информационные возможности источника и второе – аргументированно оценить его с точки зрения общественного развития»¹.

В этом смысле кавказское оружие – это необычайно емкие вещественные памятники. Мы рассматриваем их как особый вид национальной культуры, который имеет не только богатое прошлое. Кавказское холодное оружие – это «живой», развивающийся в настоящее время, национальный художественный промысел. Вновь изготовленные кавказские кинжалы, шашки, сабли, ножи демонстрируют все более возрастающее мастерство современных оружейников и серебряников. Они применяют все традиционные для XIX столетия ремесленные приемы изготовления холодного оружия. При этом в своей работе мы сталкиваемся с тем, что в современном

кавказском оружейном промысле все более отчетливо проявляется его особенность: значительную долю оружейного творчества составляет такой вид деятельности, как копирование старинных предметов, начиная с формы изделий, заканчивая их декоративным оформлением и воспроизведением традиционных художественных приемов. В этой связи, каждый кавказский предмет, попадающий в поле зрения, требует пристального изучения, а также осмысления его с технической, функциональной, гуманитарной и социально-исторической стороны. В своей работе мы ставим задачу не только введения в научный оборот новых оружейных памятников, представляющих несомненный интерес для специалистов по истории Грузии, но постарались взглянуть на них в широком контексте с предложением собственной интерпретации «прочтения» этих оружейных памятников.

Историческое наследие кавказских оружейников широко представлено в российских музеях. Благодаря специальным тематическим публикациям мы знакомы с музейными коллекциями Государственного Эрмитажа и Российского Этнографического музея. Изучение кавказских предметов невозможно без обращения к фундаментальным исследованиям Э.Г. Аствацатурян, которой принадлежит формирование современных научных взглядов на общие процессы развития оружейного и серебряного дела на Кавказе².

К предметам музейного уровня относятся кавказские сабля и кинжал, имеющие культурную и историческую ценность. Оба предмета изготовлены в одном центре – Тифлисе – и датируются концом XVIII – началом XIX вв. Клейма, надписи, характерное художественное оформление позволяют дать достаточно точную их датировку. Вместе с тем, атрибуционная работа с этими памятниками затронула дополнительные вопросы.

1. Сабля с ножнами. Тифлис, 1820-е гг. Мастер Геург Элиаров (Элиазаров) (рис. 1)³

Грузинские сабли иранского типа обстоятельно описаны Э.Г. Аствацатурян. Именно к этому типу относится представленная сабля. Черен рукояти состоит из двух костяных пластин, скрепленных двумя загвоздками. Головка рукояти расположена к черену под прямым углом и закрыта железным четырехязычковым колпачком. Костяной черен очерчен двумя выпуклыми поясками. Крестовина железная с плоской поверхностью и квадратными в сечении концами, заканчивающимися сплюснутыми с боков шариками.

Рис. 1. Сабля с ножнами. Тифлис, 1820-е гг. Мастер Геург Элиаров

Рис. 2. Деталь сабли

Железные колпачок рукояти и крестовина, а также боковые полосы, закрывающие стык костяных щечек, декорированы полосками с густым растительным узором, насеченным золотом; на крестовине орнаментальные полосы обрамляют гладкую ромбовидную поверхность, а в оформлении колпачка рукояти применено чередование гладкой и декорированной поверхностей (рис. 2).

Клинок сабли изогнутый, однолезвийный, массивный, довольно длинный и широкий, с ярко выраженной обоюдоострой елмашью. Клинок откован из дамасской стали, с одним широким долом, окаймленным с обеих сторон узкими желобками. Между желоб-

Рис. 3. Арабская надпись на клинке

ками виден крученный узор дамаска. С правой стороны на клинке имеется выполненная насечкой золотом арабская надпись, в переводе: «Изготовитель и производитель оружия Величайшего

Императора Геурк» (рис. 3). По обуху насечена золотом надпись на латинице «Haner Wolek» (?), предположительно, с именем заказчика-владельца клинка (рис. 4)⁴. Ножны деревянные, обтянуты черной кожей, украшенной с внешней стороны выпуклым,

выложенным шнуром узором. Железный прибор ножен состоит из двух овальных обоймиц и наконечника. Обоймицы имеют

Рис. 4. Надпись на обухе

боковые кольца арочной формы на фигурном основании. Край наконечника обвит цветной тесьмой. Обоймицы с основанием для колец и наконечник украшены в том же стиле, что и рукоять с нанесением контурных широких полос густого растительного орнамента, насеченного золотом, обрамляющих гладкую центральную часть деталей прибора.

Имя Геурга Элиарова (Элиазаров) как одного из самых известных кавказских оружейников ставит данный предмет в разряд памятников 1-го класса. Мастерство Геурга Элиарова было оценено современниками. Он изготавливал оружие по заказу самых влиятельных людей, к примеру сабля его работы в 1817 г. была подарена члену императорской семьи – великому князю Константину Павловичу⁵. В 1818–1819 гг. Геургом была изготовлена сабля в подарок Александру I⁶. Имя Элиарова стало широко известным благодаря тому, что Геург дважды упомянут М.Ю. Лермонтовым (в стихотворении «Поэт» и в набросках 1837 г.). По версии исследователей, шашка, принадлежавшая самому Лермонтову и вошедшая в опись 1841 г. оставшихся после смерти поэта вещей, являлась работой Геурга⁷.

До настоящего времени нет точных сведений о дате смерти Геурга, и предположения исследователей колеблются от 1822–1824 гг. до 1850-х гг. В публикациях существуют разночтения о работе Геурга во второй четверти XIX в. Особенно ярко это проявилось в изложении самой известной истории, связанной с семьей Геурга, по поводу передачи фамильного секрета изготовления булатной стали русскому правительству. Эта история известна в двух вариантах. Первый опубликован в материалах электронной энциклопедии общекавказского фонда «Хайазг»⁸. По этой версии, управляющий кавказским краем генерал-фельдмаршал И.Ф. Паскевич заказал мастеру Геургу изготовить несколько булатных клинков, в мае 1830 г. это заказанное оружие доставили в Петербург, в этой партии были «...сабля настоящего булата, клинок шпаги видом булата, шашка стальная посередине в струях и кинжал другого сорта булата».

На каждом образце была надпись, нанесенная золочеными буквами «Е. И. В. оружейник Геуркъ». Оружие было по достоинству оценено Николаем I, и он выплатил мастеру денежную премию. Геург согласился взять к себе на обучение несколько златоустовских мастеров, и в 1832 г. партия оружия, изготовленная этими мастерами, была также отправлена в Петербург вместе с клинком, выполненным самим Геургом для поднесения государю. Распоряжением Николая I Элиарову была выдана тысяча рублей, а златоустовским мастерам по 500 рублей.

По второй версии, «лучшим в Тифлисе оружейным мастером» назван Кахраман Элиазаров, старший сын Геурга. Именно он, а не Геург, вместе с младшим братом Ефремом изготовил в 1830 г. петербургскую партию оружия, получив за нее денежное вознаграждение и золотую медаль с надписью «За полезное» для ношения на шее на Анненской ленте. Именно Кахраман обучал златоустовских мастеров «деланию булата». Эта версия опубликована Э.Г. Аствацатурян⁹.

История семьи Элиаровых, безусловно, до конца не раскрыта. Среди сохранившихся предметов не выявлена ни одна работа Кахрамана Элиазарова, поэтому трудно представить профессиональный уровень «лучшего мастера Тифлиса». В Историческом музее хранится шашка, имеющая на клинке подпись младшего брата – «Эпрем Яковович Элиаров». Наиболее полно мастерство оружейной династии Элиаровых представлено в работах Геурга. Известно 8 предметов оружия, подписанных Геургом¹⁰. Самой ранней датированной работой является хранящаяся в Эрмитаже сабля с арабской надписью «Сделал его императорского величества оружейник Асад Геург из Тифлиса. 1234» (в переводе с хиджре 1818/1819 гг.), самая поздняя дата стоит на кинжале из этой же коллекции с надписями на русском языке «Кавказ 1846» и «Геуркъ», с повтором по-грузински «Геуркъ»¹¹. Как видим, уже в 1818/1819 гг. Геург называет себя «оружейником его императорского величества». Неизвестно, существовало ли официально в 1820-е гг. в России почетное звание «Е. И. В. оружейник», но отметим, что, по нашим сведениям, Геург Элиаров пока остается единственным мастером, который подписывал свои работы этим званием¹².

Анализ сохранившихся предметов оружия, подписанных Геургом, подтверждает высочайший уровень работ этого мастера-клиночника. Его клинки, выполненные из дамасской стали, демонстрируют

очень сложную технологию кузнечного дела и термической обработки сабельного клинка. Примером этому служит рассматриваемая нами сабля. Клинок сабли откован из шести пакетов металла.

Четыре пакета крученого, или букетного, дамаска

Рис. 5. Деталь дамасского клинка сабли

заложены в сердцевине клинка, оформленной ширококом долом в обрамлении узких желобков. К сердцевине приварены на торец кузнечным способом обух и лезвие клинка, которые имеют отличный от сердцевины узор металла – волнистый узор. Клинок имеет зонную закалку, на боевом конце – 59–60 ед. твердости по Роквеллу, на обухе – 48–50 ед. (рис. 5). Как считают металловеды, если учесть, что в тот период исходным материалом клинка являлось кричное железо, а при сварке железа применен белый чугун, то полученный клинковый металл обладает качествами, совмещающими в себе очень высокую твердость, не характерную для длинноклинкового оружия, с высокой степенью вязкости. Такие показатели придавали особую прочность лезвию и обеспечивали повышенные режущие свойства клинка. К рабочим характеристикам клинка необходимо добавить его выверенную форму, оптимальные весовые показатели, хорошую балансировку, что в сумме с высоким качеством исполнения делает саблю великолепным образцом оружия¹³. Отметим, что на сегодняшний день в России не существует кузнецов, владеющих таким уровнем ремесленных навыков и способных изготовить из подобных исходных материалов металл столь высокого качества. Думается, что и в начале XIX в. Геург оставался единственным мастером-клиночником такого класса и заслуженно признавался лучшим тифлисским оружейником. Его клинок отличается чрезвычайной трудоемкостью и сложностью металла, а технология его изготовления наглядно демонстрирует авторский почерк Геурга. Подчеркнем и то, что, по нашим наблюдениям, столь сложная клинковая технология не встречается на кавказском оружии после 1840-х гг. Учитывая специфику работы мастера-клиночника, можно с уверенностью предположить, что Геург имел помощников и учеников,

в том числе сыновей, которых обучал своим профессиональным секретам.

Помимо знакомства Геурга с оригинальной клинковой технологией, сабля демонстрирует определенный художественный стиль оформления, который помогает дать достаточно точную датировку предмета. Сабля украшена насечкой золотом; орнамент состоит

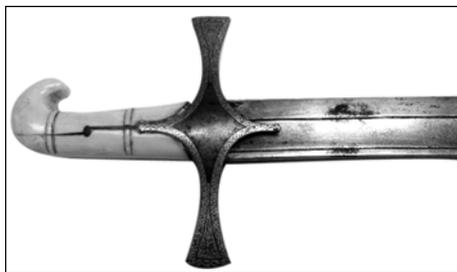

Рис. 6. Сабля с аналогичным оформлением. Коллекция ГИМа, № 3111

из мелких завитков и лепестковых цветов, которые плотно сгруппированы в широкие полосы, окаймленные тонкой линией ложной зерни. Орнаментальные полосы нанесены по контуру крестовины, двух обоймиц и наконечника ножен, оставляя в центре каждой детали гладкую полированную поверхность. При всей кажущейся простоте художественного оформления сабля выглядит утонченно богато и вызывает невольные ассоциации с роскошными ювелирными изделиями, в которых золотая оправа обрамляет зеркально полированную грань драгоценного камня. Среди опубликованных музейных коллекций мы встретили три сабли, которые являются прямыми аналогами этого оформительского приема¹⁴. Ранняя, датированная 1818/1819 гг. сабля, с подписью Геурга, из коллекции Эрмитажа входит в это число. Две других сабли не имеют подписи мастера, одна из них несет дату 1827 год, но обе сабли аналогичны по художественному убранству, по форме дамасских клинков и технологическим приемам их изготовления (рис. 6). На этом основании мы датировем рассматриваемую саблю Геурга Элиарова концом 1810-х–1820-ми гг.

2. Кинжал с ножнами. Тифлис, 1790-е – начало 1800-х гг. (до 1804 г.). Школа Геурга Элиарова (рис. 7)¹⁵

Этот кинжал относится к группе ранних грузинских кинжалов, которые имеют ярко выраженные отличительные особенности. Э.Г. Аствацатурян дает подробный историко-искусствоведческий анализ памятников этой группы¹⁶. Подобные кинжалы принято датировать первой третью XIX в., т. к. их приборы имеют клейма

Тифлисского монетного двора периода 1804–1832 гг.

На представленном кинжале с серебряным прибором также имеется клеймо Тифлисского монетного двора с изображением городской

короны и указанием даты – 1804 г., написанной грузинской буквенной цифирью. Рядом выбито второе клеймо – с буквами «А.К.», принадлежащее первому управляющему Тифлиским монетным двором Алексею Михайловичу Карпинскому (1782 – после 1830) (рис. 8). Обращает на себя внимание, что дата клеймения этой кинжальной оправы – 1804 г. – является первым годом работы Тифлисского монетного двора после присоединения Грузии к России.

Напомним, что процесс присоединения связан с именем царя Ираклия, который в 1783 г. признал власть и покровительство русской императрицы Екатерины. Затем при Павле (после смерти царя Ираклия II в 1797 г.)

Восточно-Грузинское царство было упразднено и территория его полностью включена в состав Российской империи. К русскому императору перешло право выпуска монеты. На территории Грузии вводилась в действие российская система пробирного надзора. В России монетный

двор, осуществлявший чеканку монет, и пробирные палатки, осуществлявшие клеймение драгоценных металлов, существовали в одном ведомстве – Берг-коллегии (с 1806 г. – Горном департаменте в составе Министерства финансов). Такое положение отразилось отчасти в том, что А.М. Карпинский, служивший в Берг-коллегии,

Рис. 7. Кинжал с ножнами. Тифлис, 1790-е гг. – начало 1800-х гг. Школа Геурга Элиарова

Рис. 8. Клейма на серебряной оправе кинжала

работая в Тифлисском монетном дворе, ставил свой минцмейстерский знак «АК» и на монетах, и на серебряных изделиях, тем самым подтверждая по Указу 1798 г. применение мастером в изделии серебра не ниже 84 пробы.

Таким образом, рассматриваемая нами кинжальная оправа выполнена из высокопробного серебра, имеет клеймо 1804 г. и относится к наиболее ранним датированным предметам всей группы тифлисского оружия первой трети XIX в. Наиболее близкий аналог этой серебряной оправе мы встречаем на кинжале из основного собрания Царскосельского арсенала¹⁷. Этот музейный кинжал был подарен цесаревичем Александром Николаевичем после своей поездки в Тифлис в 1837 г. своему отцу – Николаю I – большому ценителю, знатоку, коллекционеру оружия. Серебряная оправа этого царского кинжала имеет три клейма – клеймо с буквами «ТМД» (русифицированный вариант клейма Тифлисского монетного двора), круглое клеймо с изображением городской короны и указани-

Рис. 9. Клеймо на клинке кинжала

ем даты – 1805 г., написанной грузинской буквенной цифирью (грузинский вариант клейма Тифлисского монетного двора), и клеймо «А.К.», принадлежавшее управляющему и пробиреру А.М. Карпинскому.

Особый интерес представляет клеймо, выбитое на клинке рассматриваемого нами кинжала. Клеймо впи-

сано в орнаментальное оформление клинка, имеет листовидную форму, выложенную золотой пластиной. В клейме нанесены грузинские буквы (рис. 9). При исследовании этого клейма мы обратились к классическому труду Д.Г. Капанадзе, посвященному грузинской нумизматике¹⁸. Автор пишет о том, что в царствование Ираклия II в Грузии в больших масштабах была распространена практика использования в чеканке монет (или «надчеканке» вышедших из употребления

монет) особого пуансона с изображением сложной монограммы. Эта буквенная монограмма на монетах имела очень большое сходство с личной печатью царя Ираклия, известной по многочисленным документам того времени¹⁹. В книге приведены начертания трех вариантов личной печати царя, встречающиеся в чеканке и надчеканке грузинских монет. Упрощенный вариант печати царя Ираклия – (рис. 10 в) – полностью совпадает с клеймом на клинке исследуемого кинжала (рис. 10). Клеймо с царской монограммой дает возможность вполне определенно датировать клинок второй половиной XVIII столетия – периодом правления царя Ираклия II (годы жизни 1720–1798; царь Кахетии – 1744–1762, царь Каргли-Кахетинского царства – 1762–1798 гг.).

С нанесением подобного «царского» клейма на грузинском оружии мы встречаемся впервые. Такое клеймо нельзя отнести к личному клейму мастера, клейму производственной мастерской, городскому клейму или клейму качества. На наш взгляд, такое «царское» клеймо могло ставиться на изделиях, изготовленных по заказу царского дома. Такие изделия могли предназначаться для вручения подарка от имени грузинского правителя Ираклия II и поэтому, вполне логично, несли на себе официальную царскую символику.

Очевидно и то, что подобные заказные изделия изготавливали особые мастера – «дворцовые», или «придворные». Известна широко распространенная практика европейских стран объединения таких мастеров в придворные мастерские, обслуживающие нужды двора. Изделия этих мастерских могли иметь особые клейма с изображением государственной символики. Например, при русском царском дворе изделия дворцовых мастеров, работавших в придворной Оружейной палате в Московском Кремле, имели клеймо

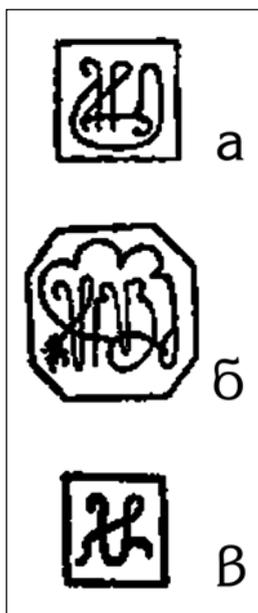

Рис. 10. Изображение упрощенных вариантов печати царя Ираклия. Рис. в полностью совпадает с клеймом на клинке кинжала

с изображением двуглавого орла. Примером несколько иной практики может служить Османская империя. На ее землях изделия, выполненные по заказу султанского двора, клеймились тугрой – особой монограммой, заключающей имя и титул действующего правителя.

На наш взгляд, клинок представленного кинжала с царским клеймом Ираклия II мог относиться к подобным изделиям и был изготовлен придворным, или дворцовым, мастером.

Уровень исполнения клинка позволяет говорить о высоком мастерстве его автора. Он выкован из дамасской стали. Металл клинка изготовлен из шести пакетов, сердцевина – из четырех пакетов крученого дамаска, а оба лезвия приварены к сердцевине на торец кузнечным способом, лезвийная поверхность без узора, заполирована и не протравлена. По центру клиновидного клинка проходит грань, по обе стороны которой выбраны два дола. В оформлении клинка использованы два художественных приема – сквозные прорезы на проем в виде полос и фигурных пальметт и орнаментальный узор, выполненный золотой поверхностной насечкой, заполняющий полосу на пяте клинка между желобками. Надо отметить, что насечка выполнена по неоднородной дамасской стали, что представляет большую сложность для наведения четких линий орнамента. Но

мастер выполнил это технику безукоризненно (рис. 11).

В технологии изготовления этого дамасского клинка и в уровне исполнения золотой насечки четко просматривается знакомая нам по предыдущему памятнику школа мастера-клиночника Геурга Элиарова.

В связи с этим нам представляется вероятной следующая история кинжала. В последний период царствования Ираклия II (до 1798 г.)

Рис. 11. Деталь дамасского клинка кинжала

Рис. 12. Деталь клинка с насечкой золотом

был изготовлен красивый и сложный по выкову дамаский клинок. Его изготовление было поручено «придворному», или дворцовому, мастеру, работа которого была отмечена клеймом царя Ираклия. Таким мастером мог быть Геург Элиазаров и его ученики. Выполнение царских заказов в конце 1790-х гг. создало Геургу высокий профессиональный авторитет, и он был известен как придворный оружейный мастер. Это позволило Геургу после вхождения Грузии в Российскую империю оставаться единственным мастером, подписывающим свои изделия как «оружейник Его императорского (или царского) величества».

Что касается серебряной оправы кинжала, то ее исполняли отдельные мастера-серебряники, применявшие характерный оформительский стиль начала XIX в.

Достаточно точная датировка клинка кинжала, основанная на «царском» клейме Ираклия II, и дата клеймения серебряной оправы – 1804 г. – дают право представить рассматриваемый кинжал как базовый памятник для атрибуции группы грузинских кинжалов, аналогичных по технологическим и стилистическим признакам.

Проведенная атрибуция двух тифлиских оружейных памятников дает возможность представить характерные особенности изделий Геурга Элиарова и его авторской школы.

¹ Маковская Л.К. Методические рекомендации. Исследование и описание образцов ручного огнестрельного оружия русской армии конца XIV – первой половины XIX веков. СПб., 2007.

² Miller Y.A. *Caucasian Arms from the State Hermitage Museum*. St.Petersburg, 2000; Холодное оружие в собрании Российского этнографического музея. 2006; Оружие Кавказа в частных коллекциях прошлого и настоящего. 2011; Аствацатурян Э.Г. История оружейного и серебряного производства на Кавказе в XIX – начале XX веков. Дагестан и Закавказье. Ч. I–II. 1977; Ее же. Мастера серебряного дела Закавказья в XIX – начале XX в. Справочник. Ч. I–II. 1978; Ее же. Указатель клейм и имен кавказских мастеров оружейного и серебряного дела. 1982; Ее же. Оружие народов Кавказа. СПб., 2004.

³ Размеры сабли: длина клинка – 81,5 см; ширина клинка – 3,7 см; общая длина – 95,0 см; длина ножен – 85,0 см.

⁴ Перевод надписей осуществлен доктором исторических наук, старшим научным сотрудником музея Востока Р.М. Шукуровым.

⁵ Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. С. 393.

⁶ Miller Y.A. *Op. cit.* P. 66.

⁷ Нечитайлов М.В. Кавказский мундир Лермонтова. Ставропольский хронограф. Ставрополь, 2006. С. 359–395.

- ⁸ Электронная энциклопедия «Хайазг», построенная с учетом современных технологий сбора и хранения информации, содержит сведения о более чем 15 тыс. деятелях истории и культуры армянского происхождения, живших в различные исторические периоды и оставивших след в летописи армянского народа.
- ⁹ Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. С. 395–398.
- ¹⁰ Эти работы мастера хранятся в коллекциях российских музеев: сабля, два кинжала, клинок шашки – в коллекции Эрмитажа, сабля – в Историческом музее, сабля – в Артиллерийском музее, шашка – Дагестанском объединенном музее, шашка – в Царскосельском арсенале.
- ¹¹ Перевод надписей приводится по публикации: Miller J.A. Op. cit. P. 66, 133.
- ¹² В 2008 г. в журнале «Антикварное обозрение» В.Скурлов опубликовал список поставщиков императорского двора, подготовленный на базе документов Российского государственного исторического архива. Он приводит приказ Александра II 1856 г., который впервые регламентирует использование государственного герба на вывесках фабрик, художников, ремесленников и поставщиков Его Величества Государя Императора и Государыни Императрицы. Последняя перечисленная категория, очевидно, существовала как официальное звание и до 1856 г.
- ¹³ Мы благодарим за консультации по технологии клинка профессионального металловеда, технолога, практика И.Л. Толстого.
- ¹⁴ В коллекции Эрмитажа – две сабли, инв. № 3650, 3224, в коллекции Исторического музея – сабля, инв. № 3111.
- ¹⁵ Размеры кинжала: длина клинка – 35,8 см, ширина клинка – 4,7 см, общая длина – 48,5 см, длина ножен – 37,3 см.
- ¹⁶ Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. С. 349–351.
- ¹⁷ Царскосельский арсенал. 2000. Кат. № 54.
- ¹⁸ Капанадзе Д.Г. Грузинская нумизматика. Изд-во Академии наук СССР, 1955.
- ¹⁹ Там же. С. 127.

Д.В. Тоичкин (Киев, Республика Украина)

САБЛИ БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКОГО В КОЛЛЕКЦИЯХ МУЗЕЕВ ПОЛЬШИ И УКРАИНЫ

ЗИНОВИЙ Богдан Хмельницкий (1595–1657) – один из самых знаменитых украинских военных и политических деятелей. В послужном списке этого блестящего дипломата и стратега не так уж много поражений. Одним из наиболее болезненных в военном и политическом отношении, да и, вероятно, для самолюбия нового властителя Украины, стал конфузный разгром казацких войск под Берестечком 1651 г. В определенном смысле является знаковым, что исследованные нами образцы мемориального клинкового оружия связаны именно с этим событием.

Исторический путь клинкового оружия, традиционно приписываемого Б. Хмельницкому, в целом исследован неплохо, и, не в последнюю очередь, благодаря интригующим надписям, не раз повторенным на исторических клинках. Тем не менее, среди специалистов до сих пор нет единого взгляда на эту проблему. Пришло время подвести первые итоги непростой истории «гетманских» клинков.

В 2002 г. на Украине состоялась выставка казацких реликвий из коллекций европейских музеев, посвященная гетманским клейнодам и предметам личного обихода Богдана Хмельницкого¹. В опубликованных материалах выставки особое внимание было уделено клинковому оружию². Напомним основные вехи исторического пути раритетов.

Наиболее основательную, подтвержденную историю имеет палаш из Музея фондации князей Чарторыйских Национального музея в Кракове (Польша).

Впервые раритет упоминается среди памятников княжеского собрания, которое в 1801–1831 гг. функционировало в Пулавах как музей «Святыни памяти», позже – «Святыни Сивиллы». Именно в инвентарях последнего встречаем такие описания гетманского оружия:

«Палаш в черных ножнах, оковка железная, с золотым портретом Богдана Хмельницкого и им подаренный костелу в Сокале. На лезвии надпись: “Что под Зборовом, Збаражем, дабы нашей славе не было утраты”»³.

«Палаш в черных ножнах. Оковка железная. Принадлежал Богдану Хмельницкому»⁴.

История памятника документально продолжается после переезда коллекции в Краков. Для «каталога Оружейни от 1877 г.» было составлено новое описание образца:

«Сабля простая, уничтожена ржавчиной, с золотым бюстом Богдана Хмельницкого. Без ножен»⁵.

И все же наиболее важным письменным источником, позволившим идентифицировать палаш как оружие Б. Хмельницкого, является рукописный каталог Станислава Свежа-Залесского, где впервые в полном объеме приведен реконструированный текст на клинке⁶, а также подхвачена мысль предшественников о пожертвовании гетманом палаша костелу в Сокале⁷. Последний факт вызывает у специалистов справедливые сомнения: на сегодняшний день отсутствует информация о визитах гетмана в Сокаль, равно как о его жертвованиях католическим храмам⁸.

Попробуем выявить новую информацию в ходе оружейведческого анализа этого вещественного источника (рис. 1).

Палаш, сер. XVII в., эфес – II пол. XVIII в., Польша – Украина.

Место хранения: Музей фондации князей Чарторыйских Национального музея в Кракове, Польша, инв. № MNK XIV-35.

Материалы: Сталь, золото, дерево, кожа.

Рис. 1. Палаш, середина XVII в., эфес – вторая половина XVIII в., Польша – Украина. Музей фондации князей Чарторыйских Национального музея в Кракове, Польша, инв. № MNK XIV-35

Ремесленные техники: Ковка, насечка.

Технические характеристики оружия (мм): Общая длина – 995; длина клинка – 874; ширина у пяты – 52.

Сохранность, консервация, реставрация: Впервые информация о состоянии палаша появляется в уже упомянутом краковском каталоге 1877 г., где отмечено, что оружие «уничтожено ржавчиной» и «без ножен». Вероятно, это связано с ужасающими условиями ее хранения во время скитания пулавских коллекций в 1831–1874 гг.⁹

Клинок оружия поврежден ржавчиной, средняя часть практически уничтожена. В верхней и нижней частях расположены сквозные отверстия. Большая часть поверхности покрыта кавернами. Из декора полностью сохранился только портрет. Эфес в посредственном состоянии.

Морфологическая характеристика: Клинок стальной, прямой, широкий, без елмани. Боевой конец двулезвийный, острие на средней линии клинка. На внешней стороне клинка при пяте золотой насечкой в круге изображен бюст казацкого гетмана с булавой в правой руке, заметны также остатки рамки и надписи. В центральной части клинка – фрагменты золотой шестилучевой звезды.

В ранних описаниях исследуемое оружие не случайно называли то палашом, то саблей. Ведь по формам и размерам клинка оно занимает как бы промежуточное положение между саблей и палашом тяжелой кавалерии, распространившемся в европейских армиях XVII в. Незначительное искривление спинки массивного клинка в стиле «гусарского палаша»¹⁰ отражает процесс поиска оптимальной формы полосы ранних палашей, который предшествовал их позднейшей унификации уже в кирасирских и драгунских частях. Двулезвийный боевой конец характерен для палашей XVII в. В целом морфологические особенности клинка безусловно свидетельствуют о европейских корнях исследуемого оружия.

Эфес закрытого типа, гарда дуговидная щитовая, с перекрестьем. Широкая оковка, охватывающая часть рукояти, завершается миндалевидным навершием. Указанную форму сабельного эфеса, предназначенную, в первую очередь, для кавалеристов, польские специалисты связывают с развитием гусарской сабли, относя ее появление ко второй половине XVIII в.¹¹ (рис. 2).

Рукоять насадная, деревянная, обтянутая кожей черного цвета.

В целом, в позднейшей замене эфеса нет ничего необычного. Мемориальное оружие служило столетиями, часто его использовали

**Рис. 2. Эфес палаша из Музея
фондации князей Чарторыйских
Национального музея в Кракове**

по основному боевому назначению. Основную ценность в нем составлял подписной клинок – эфесы же нередко приходилось менять на более современные.

Ножны утрачены.

Символика, эпиграфика:

Все изображения и надписи на клинке выполнены в единой технике и стиле, которые свидетельствуют об их композиционном и

хронологическом единстве. По данным С. Свежа-Залесского, на клинке палаша находился следующий текст:

SZCZO POD ZBOROWOM ZBARAZOM SŁAWY ZAROBYLI /
JNJ POD BERESTECZKOM NA GŁOWU UTRATYLY / NE BUŁO
NAŁACHOW SWOICH SIA PORYWATY / JZB[...] ZARAZ W
SKOK UTEKATY / TOBY WNASZOY SŁAWIENE BUŁO UTRATY
/ 1652

(ЧТО ПОД ЗБОРОВОМ, ЗБАРАЖОМ СЛАВУ СТЯЖАЛИ /
ДРУГИЕ ПОД БЕРЕСТЕЧКОМ НА ГОЛОВУ ПОТЕРЯЛИ /
НЕЧЕГО БЫЛО НА ЛЯХОВ СВОИХ ПОРЫВАТЬСЯ / І З Б...
ТУТ ЖЕ В СКОК БЕЖАТЬ / ТО БЫ НАШЕЙ СЛАВЕ НЕ
БЫЛО УТРАТЫ /1652)

Уязвимым местом в изучении текста является утеря оригинальной клинковой эпиграфики – можем рассматривать лишь ее реконструкцию начала XX в.

Чрезвычайно важным признаком клинка является дата – 1652 г. Датировки часто присутствуют на памятном оружии, составляя важную часть мемориальной традиции. К сожалению, именно эта традиционность не позволяет по нанесенным датам точно определить период происхождения надписей: указанные на клинках датировки имеют отношение скорее к памятным событиям, связанным с правлением прославляемых государственных деятелей, нежели со временем изготовления клинков и самой эпиграфики.

Золотая схематически переданная звезда не только обозначает центр удара клинка, но имеет астрологическое значение, ведь она

создана в период расцвета астрологической и алхимической символики в Европе¹².

Звезда изображенной формы больше похожа на шпору, нередко изображаемую на оружейных клеймах¹³. Впрочем, ни расположение, ни способ выполнения не дают оснований считать ее клеймом.

Иконография: Чрезвычайно важным для атрибуции образца является анализ портрета, нанесенного на клинок в технике насечки золотом. Традиция испол-

нения подобных изображений на клинковом оружии была невероятно популярной в Речи Посполитой еще со времен Стефана Батория. В целом золотой портрет владельца на клинке – важная, почти обязательная составляющая традиции мемориальных клинков, хорошо разработанная оружейниками на материалах многочисленных «баторовок», «яновок» и «августовок» еще с 30-х гг. XX в. Такие изображения выполняли, в первую очередь, в честь изображенной особы и с целью выражения верноподданнических чувств: факт наличия портрета на клинке ни в коем случае нельзя считать безоговорочным свидетельством непосредственной принадлежности оружия портретированному¹⁴ (рис. 3). Впрочем, исследуемое изображение заметно выделяется среди массы портретов на польских клинках. Искусствоведы и историки единодушно отмечают уникальность художественного образа, объединяющего обобщенные черты представителя «казацкой нации» с исторической конкретикой¹⁵. Портретированный предстает человеком с выразительными чертами лица, пышными усами и прической с оселедцем. Следует выделить также богатую, возможно, праздничную одежду, отсутствие головного

Рис. 3. Портрет на клинке палаша из Музея фондации князей Чарторыйских Национального музея в Кракове

устройства. Следует выделить также богатую, возможно, праздничную одежду, отсутствие головного

убора (на клинковых изображениях, прославляющих монархов, корона – обязательный атрибут) и наличие символа власти – гетманской булавы.

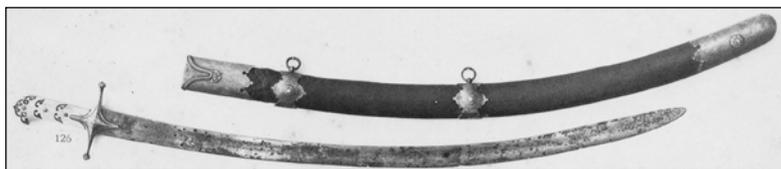
Старший научный сотрудник Национального музея истории Украины Е.Б. Походяща отмечает, что в иконографии Б. Хмельницкого данный портрет является уникальным и представляет высокую ценность как источник. Возможно, образцом для портрета служила неизвестная гравюра с изображением Б. Хмельницкого. На наш же взгляд, ракурс и черты лица портретированного почти полностью отвечают знаменитому изображению Хмельницкого на гравюре В. Гондиуса.

В итоге, по совокупности признаков, краковский палаш (в первую очередь клинок) является чрезвычайно ценным, раритетным экземпляром, представляющим украинское мемориальное оружие XVII в. Об этом свидетельствуют не только документальная история, но и морфологические особенности этого оружия, использованные ремесленные техники, незаурядный уровень отделки клинка, наконец, содержание клинковой эпитафии.

Не можем, конечно, исключать личную принадлежность сабли самому Богдану Хмельницкому, что, в частности, засвидетельствовано в рассмотренных выше документах начала XIX в. Они, однако, скорее образуют историческую легенду – стихийные бедствия и многочисленные военные опустошения Сокаля и его святынь на протяжении последних трех столетий практически похоронили надежду отыскать надежные документальные свидетельства передачи необычного гетманского подарка одному из местных католических храмов.

И все же наибольшая интрига сложилась вокруг еще одного образца – сабли, которая нынче хранится в Переяслав-Хмельницком государственном историческом музее. Исторический путь этого раритета окружен аурой таинственности с самого начала появления сабли в поле зрения исследователей.

Первые сведения о «сабле Хмельницкого» появляются в каталоге собрания украинских древностей В. Тарновского. Знаменитый коллекционер не только разместил фотомеханическую репродукцию этой «казацкой сабли» из своей коллекции, но и выполнил чрезвычайно подробное для своего времени описание этого выдающегося образца¹⁶ (рис. 4). С того времени раритет хранился в созданном на базе коллекции Тарновского Черниговском историческом

**Рис. 4. Фототипия «сабли Богдана Хмельницкого» (№ 126)
из каталога коллекции В.В. Тарновского**

музее. В 1954 г. экспонат был передан в новосозданный тогда Переяславский исторический музей¹⁷, где он хранится и сейчас.

Легендарная история сабли связана, в первую очередь, с ее происхождением. Текст первого каталога умалчивает об обстоятельствах приобретения В. Тарновским легендарного оружия. В музейной же инвентарной книге можно прочесть, что сабля вместе с имуществом Ю. Хмельницкого оказалась в Турции, где ее купил некий болгарин. Позднее он передал оружие генералу Скобелеву в знак благодарности русским, освободившим Болгарию от османов. Раритет хранился у потомков генерала, у которых ее выкупил В. Тарновский¹⁸.

Происхождение этой истории остается неизвестным. Из-за отсутствия надежных источников, подтверждающих эту гипотезу, она быстро переросла в исторический миф, приукрашенный новыми яркими подробностями. По новым версиям, саблю подарил Хмельницкому сам король Речи Посполитой Ян Казимир перед Переяславской радой, дабы заручиться расположением непокорного гетмана (в другой версии фигурирует король Сигизмунд III)¹⁹. В популярной литературе и многочисленных публикациях в средствах массовой информации различные варианты этого кочевого сюжета странным образом сочетаются с отрывками задокументированной истории ранее рассмотренного краковского экспоната, в частности, с трагическими страницами его укрытия, в буквальном смысле слова, в стенах дворца Замоиских в Клеменсове на протяжении 1830–1860-х гг.

Возвращаясь к нашему историко-оружиеведческому анализу, надеемся не только заполнить лауну в современных знаниях о памятнике, как образчике старинного клинкового оружия, но и выявить новую источниковедческую информацию относительно происхождения одиозной клинковой эпиграфики.

Рис. 5. Карabela, Османская империя – Речь Посполитая, вторая половина XVII в. Переяслав-Хмельницкий государственный исторический музей, Переяслав-Хмельницкий, Украина, инв. № ПХМ 3569/КВ 1319

На рис. 5 – Карabela, Османская империя – Речь Посполитая, II пол. XVII в.

Место хранения: Переяслав-Хмельницкий государственный исторический музей, Переяслав-Хмельницкий, Украина, инв. № ПХМ 3569/КВ 1319.

Материалы: сталь, золото (пробы 958, 585, 750), ювелирное серебро, единый сплав, слоновая кость, дерево, кожа.

Судя по выявленной чрезвычайно неравномерной микротвердости клинковой стали, большому количеству дефектов в виде каверн и характерной макроструктуре, можем сделать вывод о том, что клинок изготовлен из сварной (фасонной) стали.

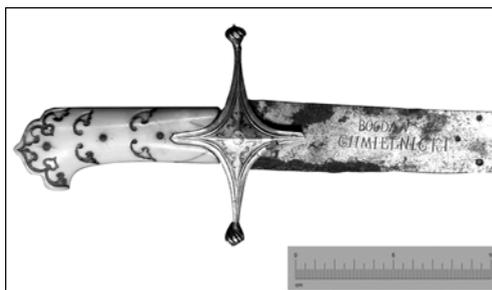

Рис. 6. Эфес «сабли Богдана Хмельницкого» из коллекции Переяслав-Хмельницкого исторического музея

Таким образом, золочение было выполнено различными амальгамами, возможно в разное время (рис. 6).

Техники: Ковка, литье, гравировка, чеканка, рифление, золочение, чернение, резьба.

Отметим, что гарда покрыта позолотой 750°, тогда как медная или бронзовая оковка с яркой сине-зеленой патиной позолочена сплавом более низкой пробы – 585°. Металлические детали оправы ножен изготовлены из ювелирного серебра и покрыты слоем высококачественной позолоты (958°). Та-

Технические характеристики оружия: (мм): Общая длина – 925; длина клинка – 805; ширина у пяты – 36.

Сохранность, консервация, реставрация: Эфес сабли в удовлетворительном состоянии. Щечка рукояти с внутренней стороны требует реставрации. Клинок требует как минимум удаления ржавчины и консервации.

Морфологическая характеристика: Клинок стальной, средней длины, с небольшой невыразительной елманью (пером) и одним неглубоким долом. Обух сужается в направлении пера с верхним фальшлезвием. Боевой конец двухлезвийный, острие расположено на средней линии клинка.

С внутренней стороны на клинке выгравирован мальгийский крест. На внешней стороне гравировкой нанесена надпись латиницей.

В первой четверти клинка с каждой стороны симметрично расположены по пять углублений, еще двумя парами отмечено начало елмани. Судя по всему, тут мы сталкиваемся с международной оружейной производственной традицией: подобные углубления, иногда простые, иногда заполненные золотым сплавом или даже в виде кастов для ювелирных камней, известны на клинках кочевников еще раннего средневековья. Позднее традиция укоренилась как производственное маркирование в Европе (наиболее известные примеры встречаем на клинках мастеров Италии и Речи Посполитой). Специалисты отмечают, что чаще всего их можно встретить на европейских клинках периода XVI–XVII вв.

Эфес открытого типа. Гарда простая, крестообразная, изготовлена из серебряного сплава, позолочена. Длинные тонкие кильйоны заканчиваются орнаментированными шариками. Перекрестье образует единую конструкцию с крестовиной, шипы средней длины. Гарда покрыта гравированным и чеканным орнаментом, украшенным чернением.

Щечки рукояти из резной слоновой кости закреплены на трех заклепках, украшенных розетками. Боковые грани щечек сужаются в нижней части, что характерно для польских и турецких боевых карабел XVII в.²⁰ Навершие выполнено в виде стилизованной головы орла. Вдоль рукояти пролегает бронзовая оковка, украшенная гравировкой.

Приняв во внимание комплекс технических и механико-кинематических характеристик сабли, приходим к выводу, что перед нами, в первую очередь, рубящее кавалерийское оружие.

Ножны деревянные, обтянутые кожей черного цвета. Оправа выполнена из серебряного ювелирного сплава, позолочена, состоит из устья, двух обоймиц с подвижными кольцами и наконечника. Все элементы оправы покрыты чеканным и гравированным черненым растительно-геометрическим орнаментом.

Орнаментика: Оформление эфеса и ножен выполнено в единой стилистической манере. Щечки рукояти покрыты резьбой с изображением двулистников, на навершии скомпонованных с меньшими листиками. Серебряная позолоченная гарда покрыта гравированным орнаментом,

Рис. 7. Орнаментика оправы «сабли Богдана Хмельницкого» из коллекции Переяслав-Хмельницкого исторического музея

украшенным чернением: в центре пустого поля изображен цветок в круге, в окружении четырех крупных, симметрично расположенных двулистников. На оковке также гравированы двулистники, образующие арабеск.

Ножны украшены в классических турецких техниках – гравировкой и чернением. Художественная композиция построена на основе крупных, симметрично расположенных многолепестковых розеток и фестончатых арок, заполненных двулистниками. Фон внутри арок обработан рифлением (рис. 7).

В целом исследованная орнаментика выполнена в русле традиций турецкого декоративно-прикладного искусства периода конца XVI – второй половины XVII вв.²¹ В манере исполнения отдельных декоративных элементов ощущается европейское влияние.

Рис. 8. Надпись при основе клинка «сабли Богдана Хмельницкого» из коллекции Переяслав-Хмельницкого исторического музея

Символика и эпиграфика: Наибольшую интригу, конечно, представляет надпись на клинке, которая повторяет текст исследованного выше краковского палаша, с некоторыми отличиями (рис. 8, 9):

BOGDAN / CHMIELNICKI
(БОГДАН / ХМЕЛЬНИЦКИЙ)

Далее на клинке расположены пять углублений и продолжение надписи:

SZCZO POD ZBOROW ... ZBARAZEM SŁAWY ZAROBYLY /
TO Y POD BERESTECZKOM NA HOŁOWU UTRATYLY /
NEBUŁO SIE NA LAHOW SWOYN PORYWATY / Y WSKOK ZA
NEMU UTEKATY / TO NE BUŁOBY W NASZY SŁAWY UTRATY.

(ЧТО ПОД ЗБОРОВОМ, ЗБАРАЖОМ СЛАВУ СТЯЖАЛИ /
/ ТОТ ПОД БЕРЕСТЕЧКОМ НА ГОЛОВУ ПОТЕРЯЛИ / НЕ-
ЧЕГО БЫЛО НА ЛЯХОВ СВОИХ ПОРЫВАТЬ / В СКОК ЗА
НИМИ БЕЖАТЬ / ТО НЕ БЫЛО БЫ В НАШЕЙ СЛАВЕ УТРА-
ТЫ.)

**Рис. 9. Надпись на внешней стороне клинка
«сабли Богдана Хмельницкого» из коллекции
Переяслав-Хмельницкого исторического музея**

На сегодняшний день единственный сравнительный анализ обоих текстов выполнил Ю. Савчук. Исследователь считает, что краковский вариант в большей мере «полонизирован»²². Он также замечает, что появление простого мальтийского креста, гравированного на внутренней стороне полосы при пяте, «полонизирует» всю символику: кресты этого типа не были приняты в казачьей среде (рис. 10). Этот крест, широко используемый в отрядах гусар, подкреплен польскоязычным выражением: «нечего было на ляхов своих порывать»²³, действительно мог бы стать сильным аргументом в пользу возникновения мемориального текста именно в среде полонизированного крыла шляхетского окружения гетмана. Все же необходимо принять во внимание, что хотя мальтийский крест и не получил широкого распространения на войсковых украинских знаменах, а в народной символике Нового времени чаще встречается

в западных регионах Украины²⁴, его, однако, периодически встречаем на старшинских гербах, а также предметах декоративно-прикладного искусства XVII в., и в первую очередь – на изделиях золотых дел мастеров из Центральной Украины²⁵. Таким обра-

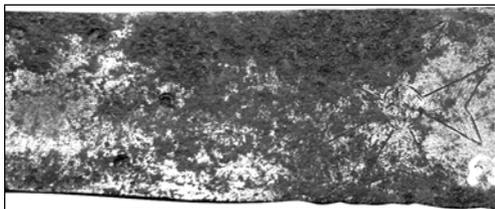

Рис. 10. Изображение мальтийского креста на клинке «сабли Богдана Хмельницкого» из коллекции Переяслав-Хмельницкого исторического музея

зом, маловероятно, чтобы указанная форма креста в данном случае позволяла делать далеко идущие выводы. К тому же, стилистика текстов создает устойчивое ощущение, что они создавались в украинской разговорной среде. Ю. Савчук даже допускает возмож-

ность исполнения изначальной надписи на клинке палаша кириллицей и позднейшей транслитерации латынью уже в музейном каталоге (такие случаи известны в истории польской музейной документации)²⁶.

Научная интуиция не подвела исследователя – обе надписи на клинке оказались значительно более «украинскими», чем это могло показаться на первый взгляд. Анализ этих текстов, выполненный специалистами Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского, свидетельствует, что их лексическая структура типична именно для украинского языка XVII в. Фактически украинские слова транслитерированы латиницей²⁷.

Следует также согласиться с предположением исследователя, что приведенное на клинке высказывание могло принадлежать как самому гетману, так и его шляхетскому окружению, ведь содержание текста хорошо коррелирует с политическими настроениями и атмосферой, воцарившимися на Украине в 1652 г. (именно этот год упомянут в надписи на палаше)²⁸.

Таким образом, Ю. Савчук высказал предположение, что изготовление сабли могло иметь определенный символический смысл как напоминание о достигнутом казацкой элитой взаимопонимании, проявлении солидарности в готовности продолжать вооруженную борьбу²⁹.

Попытавшись установить относительный возраст надписей (сравнительно с клинком) мы проанализировали увеличенные изображения букв. Судя по всему, обе надписи выполнены одновременно классическим методом плоскостной гравировки, однако были нанесены на полностью готовый клинок. Вблизи надписи «BOGDAN / CHMIELNICKI» заметны остатки декора, вероятно, уничтоженной восточной эпитафии. Этот факт, равно как и использование трудоемкой гравировки, вместо значительно более простого травления, свидетельствует в пользу аутентичности надписей латинских – грубое сведение восточной символики с целью нанесения новой не раз отмечено на клинках Раннего нового времени³⁰.

Таким образом, на сегодняшний день хотя и невозможно точно установить годы нанесения надписей (можем лишь утверждать, что краковский вариант имеет более раннюю документальную историю), однако есть достаточные основания относить их к середине XVII в.

Не видим также убедительных аргументов для обоснования подделки надписи на переяславском клинке. Тут необходимо принять во внимание следующие рассуждения. Каталог В. Тарновского появился задолго до обработки рукописи С. Свежа-Залесского. В более ранний период (1831–1860-х гг.) полный текст на клинке не публиковали, судя же по инвентарным записям «Святыни Сивиллы» (которые, кстати, так и не были изданы³¹), его уже тогда было сложно разобрать. Получается, что фальсификатор должен был в период с 1801 по 1831 гг. посетить только что открывшийся в то время музей в Пулавах, провести непростую реконструкционную работу по выявлению и восстановлению надписи и, зафиксировав ее, позднее с ошибками перенести на старинный сабельный клинок. Все это выглядит не более убедительно, чем идея о том, что фальсификаторы каким-то образом использовали результаты неопубликованной работы С. Свежа-Залесского.

На наш взгляд, малосостоятельной является также идея отнесения фальсификации к концу века, когда палаш еще пребывал в княжеской коллекции Чарторыйских.

На сегодняшний день наиболее «очевидным» аргументом для обоснования «неоригинальности» надписи на переяславском клинке выступает уровень декоративной отделки сабли, чрезмерно простой для предмета, непосредственно принадлежавшего гетману.

Предполагали даже, что саблю специально заказали для Богдана Хмельницкого казацкие старшины, недовольные результатами Берестецкой битвы³². В этой связи отметим, что из-за потери оригинального эфеса и ножен нынче уже невозможно установить, какая отделка была у краковского палаша. Как известно, абсолютное большинство старых польских мемориальных клинков – это прагматичное оружие с боевыми клинками и сдержанным оформлением. Специалисты отмечают, что лишь некоторые из известных в наше время «баторовок» имеют пышный декор³³. Кроме того, в оформлении клинка ощутимо проступает идея копии, принятая многими за еще один признак подделки. Как справедливо отметил Ю. Савчук, простая гравированная надпись «BOGDAN / CHMIELNICKI» на переяславской сабле выполняет ту же функцию, что и сложный и дорогой в производстве портрет на краковском клинке³⁴. Тут мы сталкиваемся с одним из наибольших отличий классических польских мемориальных сабель, прославляющих монархов, от исследованного оружия: на обоих образцах отсутствует обязательное указание на высшие самодержавные титулы портретированного. Так на краковском палаше видим только портрет, на переяславской сабле – лишь имя и фамилию. На наш взгляд, этот факт, как и вообще идея «гетманской» мемориальной сабли, прекрасно отражает уникальный статус украинского гетмана – не признанного официально лидера целой нации, своего рода «некоронованного короля» Украины³⁵. Надпись-сентенция на клинке смягчает «монархическую» функцию портрета, формально акцентируя на том, что оружие посвящено не столько возвеличиванию определенной особы, сколько памятным и поучительным событиям с ее участием. Таким образом, сабля как бы совмещает две центрально-восточные европейские традиции мемориальных клинков: с лозунгами и в честь коронованных особ. Такой дипломатический ход был вполне в духе Б. Хмельницкого. И трудно не согласиться с Ю. Савчуком, который вкладывает наставительное, почти самоуничижительное высказывание, зафиксированное на саблях, в уста самого гетмана³⁶. В этом контексте польская транслитерация, которой выполнены надписи, выглядит действенным средством проведения в жизнь оригинальной «клинковой дипломатии». Напомним, что в Речи Посполитой надписи и изображения на клинках активно использовались в ходе политических баталий еще со времен Стефана Батория.

В свете всего вышесказанного простая короткая надпись «BOGDAN / CHMIELNICKI» без всяких дополнений полностью сохраняет дипломатический замысел, что является неплохим аргументом в пользу оригинальности переяславских надписей.

Подведем итог. Веских оснований считать переяславский экспонат личным оружием Богдана Хмельницкого, на наш взгляд, все же недостаточно. Оба раритета целесообразней рассматривать как сабли с мемориальными надписями в память Берестецкой битвы, традиция которых заложена самим гетманом, или шляхтой из его ближайшего окружения. Причем, если краковский палаш действительно мог принадлежать самому Б. Хмельницкому или его вельможным соратникам, то владельцем переяславской сабли (которая является упрощенным и удешевленным подражанием), очевидно, мог быть представитель более мелкой шляхты, непосредственный участник бурных событий Освободительной войны.

Хотя клинковая эпиграфика требует дополнительных, в первую очередь, материаловедческих исследований, уже сейчас, без преувеличения, можем констатировать: изучение «сабель Богдана Хмельницкого» открывает новую страницу в истории украинского оружия. Впервые имеем веские основания заявить о существовании украинской традиции мемориальных надписей на клинковом оружии.

¹ Савчук Ю.К. Виставка «Гетьманські клейноди та особисті речі Богдана Хмельницького» // Український археологічний щорічник. К., 2002. Вип. 7. С. 513–515.

² Его же. Гетьманські клейноди та особисті речі Богдана Хмельницького у колекціях музеїв Європи (пошук, знахідки, атрибуція). К.: Мін-во культури і туризму України, Держ. служба контролю за переміщенням культурних цінностей через держ. кордон України, Нац. музей історії України, НАН України, Ін-т історії України НАНУ, 2006.

³ Там же. С. 36, 64. Тут и далее перевод Ю. Савчука. Описание изучаемого экспоната заимствовано Ю. Савчуком из таких источников: *Poczet Pamiętników w Św. Sybilli; Inwentarz Świątyni Sybilli w Puławach (1815) 1849*: Рукопись; *Bentkowski L. Katalog Zbrojowni Świątyni Sybilli z r. 1877*. Katalog: Рукопись; *Świerz-Zaleski S. Katalog*: Рукопись.

⁴ Там же. С. 58 (прим. 58), 64.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 58.

⁹ Там же. С. 38. См. также: Muzeum Narodowe w Krakowie: Zbiory Czartoryskich: historia i wybór zabytków: opracowanie zbiorowe / Red. Marek Rostworowski. Warszawa: Arkady, 1978. S. 21; Żygulski Ż. jun. Dzieje zbiorów puławskich (Świątynia Sybilli i Dom Gotycki) // Rozprawy i sprawozdania Muzeum Narodowego w Krakowie. Kraków, 1962. T. VII. S. 5–265.

¹⁰ См.: Квасневич В. Польские сабли / [пер. с пол.]. СПб.: Атлант, 2006. С. 49.

¹¹ Там же. С. 51.

¹² В астрологической символике шестилучевая звезда – это, в первую очередь, отражение одного из астрологических аспектов (то есть взаимодействия, взаимного расположения астрологических домов), а именно Гармонического, – т.н. «Секстиля».

¹³ Тоїчкін Д.В. Класифікація та зміст символіки на клинковій зброї XV–XIX ст. в українських музеях: геральдика, епіграфіка, орнаментика // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики. Генеалогія та геральдика: Зб. наук. пр. / Відп. ред. Г.В. Боряк; Упор. В.В. Томазов. НАН України. Ін-т історії України. К.: Ін-т історії України, 2010. Число 17. С. 163.

¹⁴ Meyer S. Trochę uwag o szablach polskich / S. Meyer. // Broń i Barwa. 1934. № 3. S. 50.

¹⁵ Савчук Ю. К. Гетьманські клейноди... С. 40.

¹⁶ Каталог украинских древностей коллекции В. В. Тарновского. К.: Тип. Милевского, 1898. С. 42–43.

¹⁷ Національний історико-культурний етнографічний заповідник Переяслав. Інв. кн. № 3. № 2356–4472. Почато 27 груд. 1954 р. Закінчено 15 жовт. 1961 р. № 3569. Запис від 2/VII 1959 р.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Махінчук М.Г. Обереги нашої пам'яті. Одеса: Аспект, 1998. С. 75; Как исчезла и вернулась сабля Хмельницького // Сегодня. 2002. № 48 (1096).

²⁰ Квасневич В. Указ. соч. С. 60.

²¹ Аствацатурян Э.Г. Турецкое оружие в собрании Государственного исторического музея. СПб.: Атлант, 2002. С. 55.

²² См. написание слов «Beresteczko», «ślawie» «hłowa», а не «hołowa», передача звука «h» как «ch» и т.д. Хотя встречаем и обратные примеры: «Zbarazom» вместо «Zbarazem».

²³ Ю. Савчук допускает, что тут кроется упрек казацкой бедноте, которая под Берестечком обнаружила особое недоверие к казацким старшинам («ляхов своих»), среди которых было немало украинской и польской шляхты, и своим паническим бегством («за ними в скок бежать») усугубила поражение.

²⁴ Селівачов М.Р. Лексикон української орнаментики (іконографія, номінація, стилістика, типологія). К.: Ред. вісника «Ант», 2009. С. 207.

²⁵ Петренко М.З. Українське золотарство XVI–XVIII ст. К.: Наук. думка, 1969. С. 71, 92, 118.

²⁶ Савчук Ю.К. Гетьманські клейноди... С. 38, 58.

²⁷ Анализ выполнила старший научный сотрудник Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского И.О. Цыборовская-Рымарович (2011 г.).

²⁸ Савчук Ю.К. Гетьманські клейноди... С. 38.

²⁹ Там же.

³⁰ См., напр.: Тоїчкін Д.В. Нагородні шаблі донських козаків другої половини XVIII ст. у колекції Національного музею історії України // Військово-історичний альманах. 2009. Число 2 (19). С. 64.

³¹ Савчук Ю.К. Гетьманські клейноди... С. 58.

³² Как исчезла и вернулась сабля Хмельницкого...

³³ Ledóchowski S. Polskie szable paradne. Warszawa: KAW, 1980. S. 8.

³⁴ Савчук Ю. К. Гетьманські клейноди... С. 30.

³⁵ Остроумную аналогию между государственным устройством Гетманщины и Польши проводит З. Жигульский, называя гетмана «как бы выборным королем», генерального писаря – «как бы канцлером», а казацкую раду приравнивая к сейму [Żygulski Z. jun. Uzbrojenie i taktyka Kozaków Zaporoskich // Studia do dziejów dawnego uzbrojenia i ubioru wojskowego. Kraków: Muzeum Narodowe w Krakowie, 2005. Cz. XII. S. 27–28].

³⁶ Савчук Ю. К. Гетьманські клейноди... С. 38.

А.Н. Толкацкий (Барнаул)

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАКОНЕЧНИКОВ СТРЕЛ ИЗ ПАМЯТНИКОВ КЫРГЫЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА АЛТАЕ

С ТРЕЛА – метательный снаряд колющего действия, предназначенный для поражения цели на дальней дистанции. Состоит из двух основных отдельных частей: поражающей (наконечник) и несущей (древко)¹. Проблемы систематизации наконечников стрел из памятников кыргызской культуры Алтая были рассмотрены в работе Ю.С. Худякова. По мнению исследователя, самой многочисленной категорией среди предметов вооружения являются наконечники стрел (33 экземпляра), которые делятся на пять типов. Также был введен в научный оборот меч из памятника Яконур². Значительно позже им же рассмотрен предметный комплекс из памятников кыргызов XI–XII вв. н. э. в Горном Алтае³. Был сделан вывод о том, что коллекция железных наконечников стрел из кыргызских курганов XI–XII вв. в Горном Алтае немногочисленна и представлена четырьмя группами и четырьмя типами, но типологически разнообразна. В ее составе представлены широко распространенные формы, характерные для развитого средневековья. Также данный вид вооружения изучался в ходе исследования военного дела населения Алтая в III–XIV вв. В.В. Горбуновым⁴.

На сегодняшний день в памятниках кыргызской культуры на Алтае обнаружены вещественные остатки 93 стрел. Они найдены в 9 памятниках из 15 известных, и все происходят из курганных погребений (рис. 1). Этот более обширный материал нуждается в дальнейшем анализе. В классификации использовано 89 наконечников стрел (рис. 2), обнаруженных в следующих археологических памятниках: Яконур, Ак-Таш, Бажынты, Корболиха–II, Гилево–III, Кок-Эдиган, Кара-Коба–I, Чинета–II, Коргон–I⁵. Серию составили

Памятник	Трехлопастные	Трехгранно-трехлопастные	Трехгранные	Четырехгранные	Однолопастные
Яконур	*				*
Ак – Таш					*
Бажынты	*				
Корболиха – II	*				
Гилево – III	*				
Кок-Эдиган	*				
Кара-Коба – I	*				
Чинета – II	*	*	*	*	*
Коргон – I	*		*		

Рис. 1. Распределение стрел по памятникам кыргызской культуры на Алтае

полные экземпляры, частично разрушенные наконечники, реконструируемые на основе сопоставления с целыми, а также исходя из логики формы и принципа симметрии изделия.

Для системного описания наконечников стрел их признаки разбиты на шесть уровней: группа – разряд – раздел – отдел – тип – вариант. Группа выделяется по материалу изготовления, разряд определяется способом насада наконечника на древко, раздел характеризует тело пера наконечника и его поперечное сечение, отдел устанавливает общий силуэт пера в продольной плоскости и наличие острия, тип уточняет абрис пера и детали его оформления, вариант информирует о присутствии упора и его конструкции⁶.

Группа I. Железные. Все наконечники изготовлены из железа.

Разряд I. Черешковые. Наконечник вставляется в древко стрелы выступающим насадом, который сделан в виде круглого или граненого стержня.

Раздел I. Трехлопастные (рис. 3). Перо наконечника представляет собой тело, состоящее из трех лопастей, а его поперечное сечение имеет форму трехлучевой звезды.

Отдел I. Геометрические, заостренные. Общий силуэт пера наконечника близок к какой-либо геометрической фигуре.

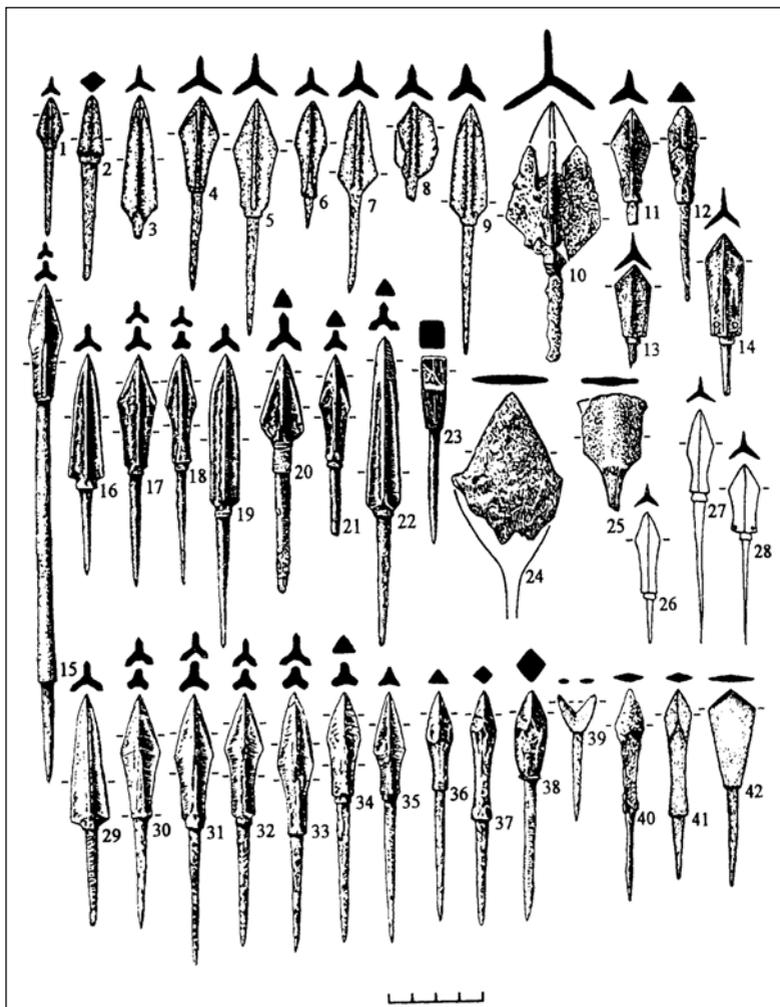

Рис. 2. Наконечники стрел кыргызской культуры
 (по В.В. Горбунову, 2006): 1–2 – Кок-Эдиган; 3–9 – Яконур;
 10–12 – Коргон-I; 13–14, 26–28 – Гилево-III;
 15–25, 29, 40 – Чинета-II; 41–42 – Ак-Таш

Тип 1. Треугольные. Форма наконечника напоминает треугольную фигуру. **Вариант а** – с шайбовым упором, представлен

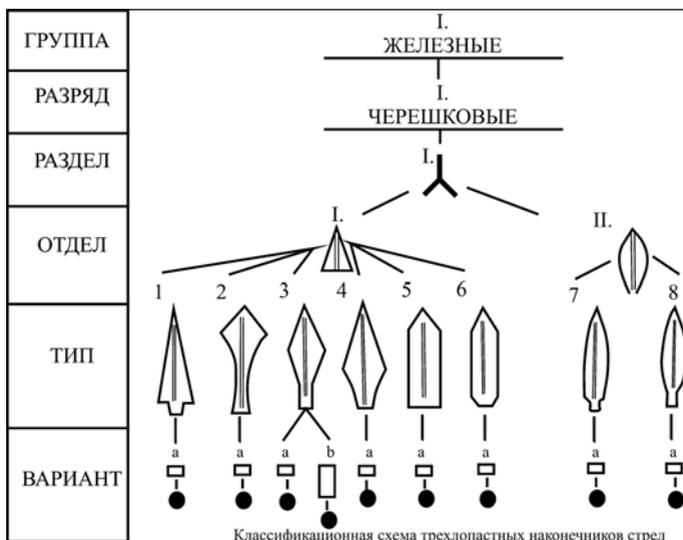

Рис. 3. Классификационная схема трехлопастных наконечников стрел

7 экземплярами из памятников: Чинета – II, к. 12 (3 экз.), к. 13 (1 экз.); Яконур, к. 1, м. Е (3 экз.).

Тип 2. Ассиметрично-ромбические. Перо имеет форму ромба, у которого стороны преломляются ближе к острию. **Вариант а** – с шайбовым упором, представлен 20 экземплярами из памятников: Гилево–III, к. 5 (2 экз.), к. 10 (2 экз.); Коргон–I, к. 8 (3 экз.); Яконур, к. 1, м. Е (10 экз.), Корболиха–II, к. 7 (3 экз.).

Тип 3. Ромбические. Перо наконечника имеет форму ромба, стороны которого преломляются примерно посередине. **Вариант а** – с шайбовым упором, представлен 7 экземплярами из памятников: Кара-Коба–I, к. 85 (1 экз.); Яконур, к. 1, м. Е (1 экз.); Гилево–III, к. 12 (3 экз.); Чинета–II, к. 12, к. 13 (2 экз.). **Вариант б** – с цилиндрическим упором. Всего 7 экземпляров из памятника Чинета–II, к. 12 (3 экз.), к. 13 (3 экз.), Бажынты, к. 19 (1 экз.).

Тип 4. Выгнуто-ромбические. Форма пера похожа на ромб, у которого стороны преломляются ближе к основанию. **Вариант а** – с шайбовым упором. Всего 5 экземпляров из памятников: Кок-Эдиган, к. 1 (1 экз.); Коргон–I, к. 8 (1 экз.); Яконур, к. 1, м. Е (3 экз.).

Вариант б – с цилиндрическим упором, представлен двумя экземплярами из памятника Чинета–II, к. 12, к. 13.

Тип 5. Шестиугольные. Перо наконечника имеет форму, близкую к шестиугольной фигуре. **Вариант а** – с шайбовым упором, представлен наконечником стрелы из памятника Яконур, к. 1, м. 1.

Тип 6. Пятиугольные. Перо наконечника по абрису напоминает пятиугольную фигуру. **Вариант а** – с шайбовым упором. Всего 2 экземпляра из памятника: Гилево–III, к. 10 и к. 12.

Отдел II. Негеометрические, заостренные. Общий силуэт пера наконечника напоминает фигуру на ассоциативном уровне.

Тип 7. Килевидные. Перо наконечника напоминает киль корабля и составляет фигуру с параллельными боковыми сторонами, плавно сходящимися к острию. **Вариант а** – с шайбовым упором. Всего 10 экземпляров из памятников: Гилево–III, к. 5 (2 экз.); Чинета–II, к. 12 (3 экз.); Яконур, к. 1, м. Е (5 экз.).

Тип 8. Листовидные. Перо наконечника стрелы напоминает растительный лист и составляет фигуру, у которой боковые стороны сходятся по дуге, образуя острие. Всего 5 экземпляров из памятника Чинета–II, к. 10 (1 экз.), к. 12 (4 экз.).

Раздел II. Трехгранно-трехлопастные (рис. 4). Перо наконечника представляет собой тело, верхняя часть которого является трехгранником, а нижняя часть раскована на три лопасти. Поперечное сечение острия пера имеет форму треугольника, а остальной части – форму трехлучевой звезды.

Отдел I. Геометрические, заостренные. Общий силуэт пера наконечника близок к какой-либо геометрической фигуре.

Тип 9. Ассиметрично-ромбические. Форма пера аналогична типу 2. **Вариант а** – с шайбовым упором. Всего 3 экземпляра из памятника Чинета – II, к. 10.

Тип 10. Ромбические. Форма пера аналогична типу 3. **Вариант а** – с шайбовым упором, включает 4 экземпляра из памятника Чинета–II, к. 12, 13 (3 экз.).

Раздел III. Трехгранные (рис. 5). Перо наконечника представляет собой трехгранное тело, в поперечном сечении имеющее форму треугольника.

Отдел I. Геометрические, заостренные. Общий силуэт пера наконечника близок к какой-либо геометрической фигуре.

Тип 11. Треугольные. Форма пера аналогична типу 1. **Вариант б** –

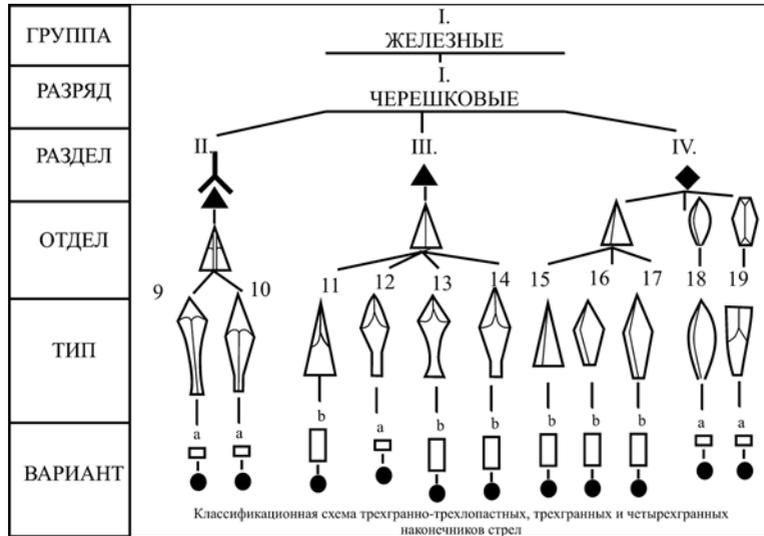

Рис. 4. Классификационная схема трехгранно-трехлопастных, трехгранных и четырехгранных наконечников стрел

с цилиндрическим упором. Всего 2 экземпляра из памятника Чинета–II, к. 13.

Тип 12. Ассиметрично-ромбические. Форма пера аналогична типу 2. **Вариант а** – с шайбовым упором, представлен 4 экземплярами из памятников: Чинета–II, к. 10 (3 экз.); Коргон–I, к. 8 (1 экз.).

Тип 13. Выгнуто-ромбические. Форма пера аналогична типу 4. **Вариант б** – с цилиндрическим упором. Всего 2 экземпляра из памятника Чинета–II, к. 13.

Тип 14. Листовидные. Форма пера аналогична типу 8. **Вариант б** – с цилиндрическим упором, представлен одним экземпляром из памятника Чинета–II, к. 13.

Раздел IV. Четырехгранные (рис. 5). Перо наконечника представляет собой четырехгранное тело, имеющее в поперечном сечении форму ромба, квадрата или прямоугольника.

Отдел I. Геометрические, заостренные. Общий силуэт пера наконечника близок к какой-либо геометрической фигуре.

Тип 15. Треугольные. Форма пера аналогична типу 1, 10. **Вариант б** – с цилиндрическим упором. Всего 2 экземпляра из памятника Чинета–II, к. 13 (2 экз.).

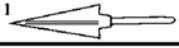
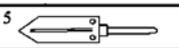
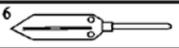
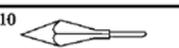
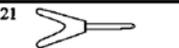
Раздел	Тип	Кол-во	Памятник, № кургана
I 人	1 	7	Чингиз-П, к. 12(3) Ясагур, к. 1, м. В(3)
	2 	20	Галено-III, к. 5(2), 10(2) Коргон-1, к. 8(3) Ясагур, к. 1, м. Е(10) Корболаса-II, к. 7(3)
	3 	7	Кара-Кубе-1, к. 85; Ясагур, к. 1, м. Е; Галено-III, к. 12(3), Чингиз-П, к. 12(4), 13(5)
	4 	5	Кок-Эзигил, к. 1; Коргон-1, к. 8; Ясагур, к. 1, м. В(3); Чингиз-П, к. 12, 13
	5 	1	Ясагур, к. 1, м. 1
	6 	2	Галено-III, к. 10, 12
	7 	10	Галено-III, к. 5(2); Чингиз-П, к. 12(3); Ясагур, к. 1, м. В(5)
	8 	5	Чингиз-П, к. 10, 12(4)
II 人	9 	3	Чингиз-П, к. 10(3)
	10 	4	Чингиз-П, к. 12, 13(3)
III ▲	11 	2	Чингиз-П, к. 13(2)
	12 	4	Чингиз-П, к. 10(3); Коргон-1, к. 8
	13 	2	Чингиз-П, к. 13(2)
	14 	1	Чингиз-П, к. 13
IV ◆	15 	2	Чингиз-П, к. 13(2)
	16 	1	Ак-Таш, к. 27(1)
	17 	1	Чингиз-П, к. 1(1)
	18 	1	Чингиз-П, к. 13(1)
	19 	3	Чингиз-П, к. 12(3)
V —	20 	1	Ясагур, к. 1, м. D
	21 	1	Чингиз-П, к. 13(1)
	22 	1	Чингиз-П, к. 12(1)

Рис. 5. Таблица типов наконечников стрел (с указанием количества экземпляров и места обнаружения)

Тип 16. Ромбические. Форма пера аналогична типу 3. **Вариант б** – с цилиндрическим упором, представлен одним экземпляром из памятника Ак-Таш, к. 27.

Тип 17. Выгнуто-ромбические. Форма пера аналогична типу 4. **Вариант б** – с цилиндрическим упором. Всего один экземпляр из памятника Чинета–II, к. 1.

Отдел II. Негеометрические, заостренные. Общий силуэт пера наконечника напоминает фигуру на ассоциативном уровне.

Тип 18. Листовидные. Форма пера аналогична типу 8. **Вариант а** – с шайбовым упором. Всего один экземпляр из памятника Чинета–II, к. 13.

Отдел III. Геометрические срезни. Силуэт пера не имеет выраженного острия.

Тип 19. Четырехугольные. Перо наконечника представляет собой четырехугольную фигуру, данный тип наконечников стрел представлен 3 экземплярами из памятника Чинета–II, к. 12.

Раздел V. Однолопастные (рис. 6). Перо наконечника представляет собой уплощенное тело в виде одной лопасти, имеющее в поперечном сечении форму линзы, с выпуклыми или почти параллельными сторонами.

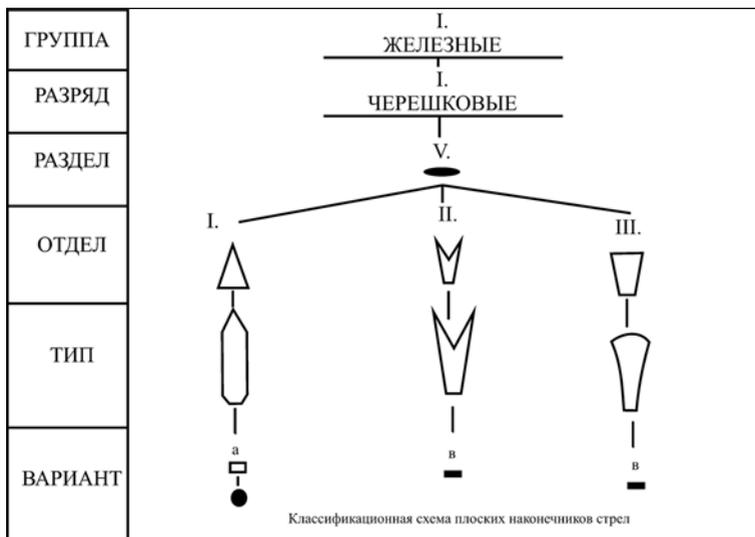

Рис. 6. Классификационная схема плоских наконечников стрел

Отдел I. Геометрические, заостренные. Общий силуэт пера наконечника близок к какой-либо геометрической фигуре.

Тип 20. Шестиугольные. Форма пера аналогична типу 5. **Вариант а** – с шайбовым упором. Всего один экземпляр из памятника Яконур, к. 1, м. D.

Отдел II. Негеометрические, заостренные. Общий силуэт пера наконечника напоминает фигуру на ассоциативном уровне.

Тип 21. Вильчатые. Вариант в – без упора, представлен одним экземпляром из памятника Чинета–II, к. 13.

Отдел III. Геометрические срезни. Силуэт пера не имеет выраженного острия.

Тип 22. Секторные. Абрис пера напоминает сектор круга, где дуга соответствует лезвию (верхнему краю), а радиусы составляют боковые стороны. **Вариант в** – без упора. Всего два экземпляра из памятника Чинета–II, к. 12.

Таким образом, коллекция железных наконечников стрел из памятников кыргызской культуры представлена: 1 группой, 1 разрядом, 5 разделами, 3 отделами, 22 типами, дополненными 24 вариантами (рис. 5).

Все железные наконечники стрел, применявшиеся представителями кыргызской культуры, имеют черешковый насад. Данный способ крепления наконечника к древку являлся господствующим⁷. Самыми многочисленными являются трехлопастные наконечники стрел (66 экземпляров). Наличие трехлопастного пера придавало стреле улучшенные баллистические свойства: устойчивость в полете за счет вращения, дальнобойность и прицельную точность поражения цели, но снижало ее проникающие возможности из-за хрупкости конструкции, делая такие стрелы не бронебойными⁸. Данные наконечники стрел, появившись в середине I тыс. до н.э., использовались все I тыс. н.э. и большую часть II тыс. н.э., хотя их удельный вес в колчаных наборах, начиная с эпохи развитого средневековья, сильно снизился⁹. Наконечники с заостренной геометрической формой пера (отдел I) представлены шестью типами, разделенными на варианты. Из них треугольные, ассиметрично-ромбические, ромбические и шестиугольные экземпляры типологически наиболее ранние. В центрально-азиатском регионе они известны уже в памятниках хунну конца III в. до н.э. – I в. н.э.¹⁰ На территории Алтая данные типы появляются у представителей каменской и булан-кобинской культур. Пятиугольные экземпляры

появляются на территории Горного Алтая во 2-й пол. IV в. н.э.¹¹ Наконечники отдела I с заостренной негеометрической формой представлены двумя типами. По мнению Ю.С. Худякова, листовидные наконечники стрел, вероятно, заимствуются населением Алтая с территории Тувы, где те появляются во II–III вв. н.э.¹² Килевидные наконечники, согласно исследованиям В.В. Горбунова, представляют собой новую форму, возникшую в Горном Алтае во 2-й пол. IV – 1-й пол. V вв. н.э.¹³ Аналогичные наконечники стрел из раздела I находят свои прямые аналогии в памятниках енисейских кыргызов на территории Тувы (Ак-Хол, Хызыл-аал), Минусы (Батени, Часовенная Гора), Канско-Рыбинской котловины (Канское – Перевозинское, о. Ржавый)¹⁴.

Трехгранно-трехлопастные наконечники насчитывают 7 экземпляров, учтенных в классификации. Наличие трехгранно-трехлопастного пера обеспечивало стреле сочетание высоких баллистических и проникающих качеств, делая такие стрелы бронбойными и достаточно точными для ведения прицельной стрельбы¹⁵. Такие наконечники стрел появляются со второй четверти I тыс. н.э. в среднеазиатском регионе, откуда попадают в Центральную Азию¹⁶. По мнению Ю.С. Худякова, активный период их применения приходится на последнюю четверть I тыс. н.э. – начало II тыс. н.э.¹⁷ Раздел представлен одним отделом, двумя типами. Наконечники с заостренной геометрической формой пера (отдел I) типами 9, 10, разделенными на варианты. Экземпляры с ромбическим пером могут быть типологически наиболее ранними, так как присутствуют еще в материалах кенкольской культуры Семиречья. Аналогичные по форме и типам наконечники стрел известны в памятниках кыргызской культуры, обнаруженных на территории Тувы (Хызыл-аал, Тастых-Чар), Минусы (Батени, Лугавское)¹⁸.

Трехгранные наконечники стрел насчитывают 9 экземпляров. Трехгранное перо повышало у стрелы проникающие характеристики и снижало баллистические. Такие стрелы были эффективны для пробивания брони на ближних дистанциях¹⁹. Такие наконечники известны с середины I тыс. до н.э. и использовались до середины II тыс. н.э. Наиболее ранним регионом их применения является Средняя Азия²⁰. Наконечники с заостренной формой пера включают в себя один отдел, который состоит из четырех типов. Аналогичные наконечники стрел известны в материалах памятников

кыргызской культуры на территории Минусинской котловины (Бадалык, Часовенная Гора), Тувы (Аймырлыг)²¹.

Четырехгранные насчитывают 8 экземпляров, учтенных в классификации. Функциональные свойства четырехгранного пера в основном совпадают с трехгранным²². Данные наконечники появляются в последней четверти I тыс. до н.э. и используются до середины II тыс. н.э.²³ Аналогичные по форме и типам наконечники стрел известны в памятниках Тувы (погребение Хыргыстар, Ак-Хол, Тастых-Чар), Минусинской котловины (Часовенная Гора, Батени, Лугавское)²⁴.

Однолопастные наконечники насчитывают 3 экземпляра. Функционально они являлись небронебойными и предназначались для ведения настильной стрельбы на короткой дистанции²⁵. Такие наконечники, по мнению А.Ф. Медведева, появились в последней четверти I тыс. до н.э. и использовались большую часть I–II тыс. н.э.²⁶ Аналогичные по форме и типам наконечники стрел известны в памятниках кыргызской культуры, находящихся на территории Тувы (Эйлиг-Хем, Соян-Её), Минусинской котловины (Часовенная Гора, Миндерла, Батени), Канско-Рыбинской котловины (о. Ржавый, наконечники из фондов Канского краеведческого музея)²⁷.

Таким образом, классифицированные выше наконечники стрел, представлены трехлопастными и плоскими экземплярами, ориентированными на стрельбу по незащищенному панцирем противнику. Также в предложенной выше схеме присутствует достаточно большое количество бронебойных типов наконечников стрел, которые были предназначены для пробивания брони²⁸. Не исключено, что все эти наконечники стрел могли применяться и на охоте²⁹.

Систематизированный выше материал имеет аналогии в материалах памятников кыргызской культуры Минусы, Тувы. Также хочется отметить следующее. Все описанные выше наконечники стрел обнаружены в погребальных памятниках. Но, в тоже время, этих объектов не так уж и много. По мнению Ю.С. Худякова, это связано с тем, что процесс «захвата» кыргызами Алтая происходил достаточно мирным путем. Многие правители признавали власть «захватчиков» лишь формально. Согласно точке зрения Ю.С. Худякова, в основном все кыргызские погребения на Алтае – это захоронения оседлых воинов³⁰. По мнению вышеобозначенного автора,

памятники кыргызов на Алтае принадлежали рядовому населению, воинам из немногочисленных кыргызских отрядов и членам их семей. В данный период эта территория оставалась периферией Кыргызского государства³¹. Об относительно мирном сосуществовании представителей сросткинской и кыргызской культур говорят в своих работах А.А. Тишкин, П.К. Дашковский, В.В. Горбунов³². Этот тезис подтверждается и при рассмотрении курганных групп Гилево I–IV, где на одном поле соседствуют погребения сросткинской и кыргызской культур³³. В.А. Могильников, зафиксировавший в северо-западных предгорьях кремации, относил их к кыргызским захоронениям и выделил две группы объектов – раннюю (рубеж VIII–IX – середина IX вв.) и позднюю (конец IX – 1-я половина X вв.)³⁴. Подобная ситуация с расположением кыргызских захоронений наблюдается и в Горном Алтае. По всей видимости, население тюркской и родственной им сросткинской культур воспринималось кыргызами не враждебно. Не исключены и союзнические отношения.

В 2001 г. П.К. Дашковским были опубликованы результаты работ на могильнике Коргон–I (рис. 6, № 4–9). Предметы вооружения (наконечники стрел), обнаруженные здесь, говорят об активном взаимодействии и ассимиляции кыргызов и алтае-телеских тюрков. Был сделан вывод о том, что наконечники стрел, найденные на этом памятнике, известны не только в памятниках VI–XII вв. н.э. в Минусинской котловине, Туве, Казахстане, Монголии, но и на территории Горного Алтая³⁵.

Согласно точке зрения В.В. Горбунова, рассмотренные выше наконечники стрел могли принадлежать к вооружению легкой и средней конницы³⁶. В соответствии с точкой зрения Ю.С. Худякова, алтайский вариант кыргызского комплекса вооружения по своему типовому составу обнаруживает самую тесную связь с паноплией кыргызов Минусы и Тувы, которая состояла из развитых средств защиты и нападения и соответствовала не столько легкой, средней, но и тяжелой коннице³⁷.

В настоящее время немаловажной проблемой является то, что целенаправленных поисков памятников кыргызской культуры не проводилось. Как правило, они выявлялись при работах на цепочках курганов раннего железного века и гораздо реже представляют самостоятельные объекты. Поэтому необходимы дальнейшие поиски, которые позволят получить новые данные по кыргызской

культуре, в частности, поиски предметов вооружения. Оружие из памятников кыргызов на Алтае несомненно представляет научный интерес в плане дальнейших поисков и реконструкций.

¹ Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск: Наука, 1980. С. 75.

² Его же. Погребение Хыргыстар // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990. С. 168.

³ Его же. Предметный комплекс из памятников кыргызов в XI–XII вв. в Горном Алтае // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул: Изд-во АГУ, 2001. С. 163.

⁴ Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2006.

⁵ Грязнов М.П. Раскопки на Алтае // Сообщения Государственного Эрмитажа. Л., 1940. № 1. С. 17–21; Мартынов А.И., Кулемзин А.М., Мартынова Г.С. Раскопки могильника Ак-Таш в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С. 147–172; Суразаков А.С. Об археологических исследованиях в Горном Алтае // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 121–136; Могильников В.А. Новые памятники енисейских кыргызов на Алтае // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев. Красноярск: 1989. С. 138–140; Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М, 2002; Худяков Ю.С. Кок-Эдиган – памятник культуры енисейских кыргызов на Средней Катунь // Горный Алтай и Россия: 240 лет. Горно-Алтайск, 1996. С. 48–50; Тишкин А.А., Дашковский П.К. Комплекс археологических памятников около с. Чинета в Алтайском крае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы годовой сессии ИАиЭ СО РАН. Т. VIII. Новосибирск, 2002; Дашковский П.К. Коргон–I – новый памятник культуры енисейских кыргызов в Горном Алтае // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2001. С. 16–23.

⁶ Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II.

⁷ Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук, стрелы, самострел) VIII–XIV вв. М.: Наука, 1966. С. 55–58; Савченко Е.И. Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону // Археология Северного Дона в скифскую эпоху. М.: Изд-во Ин-та Археологии РАН, 2004. С. 195–207.

⁸ Ведерников Ю.А., Худяков Ю.С., Омелаев А.И. Баллистика. От стрел до ракет. Новосибирск: ИТМП СО РАН, 1995. С. 63–64.

⁹ Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук, стрелы, самострел) VIII–XIV вв. С. 58; Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. С. 123.

¹⁰ Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. Рис. 5.

¹¹ Его же. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии

СО РАН, 1997. рис. 2; Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М, 2002. рис. 8.

¹² Его же. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Рис. 28.

¹³ Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II. Табл. I.

¹⁴ Худяков Ю. С., Ким С. А. Вооружение кыргызских кыштымов // Вопросы военного дела и демографии Сибири в эпоху средневековья. Новосибирск, 2001. С. 50–71; Савельев Н.А., Свинин В.В. Погребение железного века на реке Кане // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Вып. 4. Иркутск, 1978. С. 135–147; Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв.; Толкацкий А.Н. Средневековые предметы в коллекции Канского краеведческого музея // Евразийское культурное пространство: Археология, этнология, антропология. Материалы V (L) Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Иркутск: Амтера, 2010. С. 167–170.

¹⁵ Ведерников Ю.А., Худяков Ю.С., Омелаев А.И. Баллистика. С. 64–65.

¹⁶ Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С. Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 75–106. Рис. 5.

¹⁷ Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. С. 212.

¹⁸ Его же. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв.; Худяков Ю.С., Ким С.А. Вооружение кыргызских кыштымов // Вопросы военного дела и демографии Сибири в эпоху средневековья. Новосибирск, 2001.

¹⁹ Ведерников Ю.А., Худяков Ю.С., Омелаев А.И. Баллистика. С. 64–65.

²⁰ Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М.: Восточная литература, 2001. Т. 2. С. 107–110.

²¹ Овчинникова Б.Б. К вопросу о вооружении кочевников средневековой Тувы (по материалам раскопок могильника Аймырлыг) // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 132–146; Худяков Ю.С. Предметный комплекс из памятников кыргызов в XI–XII вв. в Горном Алтае // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул: Изд-во АГУ, 2001. С. 161–172.

²² Ведерников Ю.А., Худяков Ю.С., Омелаев А.И. Баллистика. С. 64.

²³ Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Рис. 97; Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). С. 111.

²⁴ Худяков Ю.С. Погребение Хыргыстар // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990. С. 40–45; Его же. Кыргызский курган Соян-сеё // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии; Худяков Ю. С., Ким С. А. Вооружение кыргызских кыштымов; Грач А.Д., Савинов Д.Г., Длужневская Г.В. Енисейские кыргызы в центре Тувы (Эйлиг-Хем III как источник по средневековой истории Тувы). М.: Фундамент-Пресс, 1998.

²⁵ Ведерников Ю.А., Худяков Ю.С., Омелаев А.И. Баллистика. С. 63–64.

²⁶ Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук, стрелы, самострел) VIII–XIV вв. С. 61.

²⁷ Савельев Н.А., Свинин В.В. Погребение железного века на реке Кане. С. 135–147;

Систематизация средневековых наконечников стрел из памятников кыргызской культуры

Худяков Ю. С., Ким С. А. Вооружение кыргызских кыштымов. С. 50–71; Толкацкий А.Н. Средневековые предметы в коллекции Канского краеведческого музея // Евразийское культурное пространство: Археология, этнология, антропология. Материалы V (L) Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Иркутск: Амтера, 2010. С. 167–170.

²⁸ Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири (эпоха средневековья). Новосибирск: Наука, 1987. С. 44–45, 48.

²⁹ Симченко Ю. Б. Культура охотников на оленей Северной Азии. М, 1976. С. 97; Василевич Г.М. Эвенки. Л.: Наука, 1969. С. 63–64.

³⁰ Худяков Ю.С. Кыргызы в Горном Алтае // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 192.

³¹ Его же. Предметный комплекс из памятников кыргызов в XI–XII вв. в Горном Алтае // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул: Изд-во АГУ, 2001. С. 170.

³² Горбунов В.В., Дашковский П.К., Тишкин А.А. Взаимодействие средневековых кочевников в северо-западной части Горного Алтая (по материалам памятника Чинета–II) // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Томск: Издательство ТГУ, 2005. С. 146.

³³ Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М, 2002. С. 123.

³⁴ Там же. С. 136.

³⁵ Дашковский П.К. Коргон–I – новый памятник культуры енисейских кыргызов в Горном Алтае // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2001. С. 22–23.

³⁶ Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II.

³⁷ Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. С. 131–137.

Список литературы:

1. Грач А.Д., Савинов Д.Г., Длужневская Г.В. Енисейские кыргызы в центре Тувы (Эйлиг-Хем III как источник по средневековой истории Тувы). М.: Фундамент-Пресс, 1998. 84 с.
2. Длужневская Г.В., Семёнов В.А. Кыргызские курганы правобережной Тувы // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990. С. 76–85.
3. Кызласов И.Л. Аскизская культура (средневековые хакасы X–XIV вв.) // Степи Евразии в эпоху Средневековья. М., 1981. С. 200–207.
4. Мартынов А.И., Кулемзин А.М., Мартынова Г.С. Раскопки могильника Ак-Таш в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С. 147–172.
5. Могильников В.А. Новые памятники енисейских кыргызов на Алтае // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев. Красноярск, 1989. С. 138–140.
6. Савинов Д.Г. Раскопки в Горном Алтае // Археологические открытия 1972 года. М., 1973. С. 235–236.
7. Савченко Е.И. Вооружение и предметы снаряжения населения скифского

- времени на Среднем Дону // Археология Северного Дона в скифскую эпоху. М.: Изд-во Ин-та Археологии РАН, 2004. С. 151–277.
8. Суразаков А.С. Об археологических исследованиях в Горном Алтае // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 121–136.
9. Худяков Ю.С. Погребение Хыргыстар // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990. С. 40–45.
10. Его же. Кыргызский курган Соян-сеё // Там же. С. 103.
11. Его же. Кыргызы в Горном Алтае // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 186–201.
12. Худяков Ю.С., Кочеев В.А. Проблемы культурогенеза кыргызов на территории Алтая и Прииртышья // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. Томск, 1993. С. 141–147.
13. Худяков Ю.С. Кок-Эдиган – памятник культуры енисейских кыргызов на Средней Катуни // Горный Алтай и Россия. 240 лет. Горно-Алтайск, 1996. С. 48–50.
14. Его же. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. 160 с.

О.Г. Ульянов (Москва)

ОПИСЬ ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЫ 1687 ГОДА – ULTIMA THULE МОСКОВСКОЙ ОРУЖЕЙНОЙ ШКОЛЫ XVII ВЕКА

ПОСЛЕ длительной Русско-польской войны 1654–1667 гг., в ходе которой оружие московской школы оружейного дела показало свою высокую боеготовность и надежность на поле боя¹, в деятельности Оружейной палаты Московского Кремля наступает период ее расцвета. Он приходится на время руководства Оружейной палатой известным государственным деятелем Богданом (Иовом) Матвеевичем Хитрово, чему посвящено несколько специальных исследований². Между тем, отдельные стороны его многогранной деятельности все еще недостаточно освещены. Еще будучи стольником, Б.М. Хитрово неоднократно удостоивался царских пожалований за различные успехи: шапки гладкой (шлема), упомянутой в черновой описи Оружейной палаты 1646 г.³, и сабельной полосы, хранящейся ныне в Эрмитаже (А. 326). В основном собрании Оружейной палаты находится также нарезная пищаль XVII в. с надписью «пищаль боярина и дворецкого и оружейничего Богдана Матвеевича Хитрово» (7364 ОП).

Некоторые авторы полагали возможным без серьезной аргументации приписать самой должности оружейничего серебряную булаву (51920 ОП) с надписью на поддоне о принадлежности, пожалованную оружейничему Григорию Гавриловичу Пушкину (Косому)⁴. На самом деле, подобные царские пожалования за успешное руководство Оружейной палатой были весьма распространены, как, например, боярину и оружейничему Г.Г. Пушкину была пожалована в 1648 г. «Государева рогатина наводная Дмитриева дела Рожка» по царскому указу, в котором упоминались составители Описи Оружейной палаты 1647 г. – Михаил Данилов и Михаил Патрикеев⁵.

Поэтому точка зрения отдельных исследователей, что булава Г.Г. Пушкина была присвоена должности оружейничего, противоречит документальным данным, и эта булава не перешла к Б.М. Хитрово (рис. 1), ставшему преемником Г.Г. Пушкина на посту руководителя Оружейной палаты.

Структуру Оружейной палаты при оружейничем Б.М. Хитрово позволяют реконструировать «списки о денежном жалованье», согласно которым в штат Оружейной палаты входили дяк, подьячие, приставы, самопальные, мастера и сторожа⁶. В этот период дяками,

сменяя друг друга, были Иван Степанов, Богдан Арефьев, Никита Юдин (1664) и Ларион Иванов (1665); в подьячих в разные годы деятельности Б.М. Хитрово состояли Илья Хлебников (†1658), Константин Михайлов (1660), Никита Зажарский (1660–1663), подьячий Ствольного приказа Иван Иванов (1661–1662) и подьячий железных заводов Василий Калинин (1661–1663); наконец, в числе приставов при Б.М. Хитрово, по сохранившимся сведениям за 1662–1663 гг., упомянуты Алексей Дементьев и Дмитрий Алексеев (оба пожалованы из чищельников), Михаил Иванов (1663), Григорий Иванов и Михаил Михайлов (1666). Кроме того, в помощниках у боярина и оружейничего Б.М. Хитрово с 1661 г. находился стольник А.И. Нестеров, а с 1671 г. стольник И.С. Телепнев⁷.

Непосредственными помощниками оружейничего были подьячие, в круг обязанностей которых входил, прежде всего, надзор за Государевой оружейной казной; кроме того, им было велено «смотреть за мастеровыми в Оружейной палате и на Бархатном дворе в Ствольном приказе». Наряду с этим подьячие были ответственны

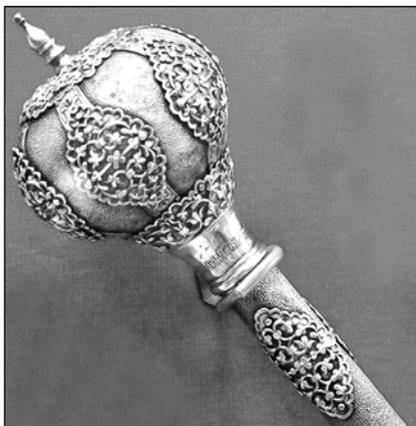

Рис. 1. Булава оружейничего Богдана Хитрово. Россия, Москва, Оружейная палата. 1660–1670 гг.

Длина – 74 см. На втулке под главою резная надпись: «Боярина и оружейничего Богдана Матвеевича Хитрово». Ор-161

за организацию бесперебойной работы железных заводов и срочную доставку при необходимости нужного количества мастеров в Оружейную палату, а также им приходилось осуществлять прием закупленного за границей оружия и сопровождать его из Архангельска в Москву.

Уже в первый год «сиденья» окольников Б.М. Хитрово (рис. 2) в Оружейном приказе им были отправлены «чищельник Савка Борисов, да подельщик Мишка Федоров в Польские городы: в

Рис. 2. Булава оружейничего Богдана Хитрово. Деталь

Шклов, в Могилев, для золотого и оруженого дела мастеров»⁸. В 1660 г. оружейничим была организована отправка в Астрахань «иноземцев Полоцка города Анисимку Николаева, Гришку Стабкова, Витебска города Крыштова Григорьева <...> для ученья булатных сабельных полос и для ученья ж пансырного дела». Профессиональную заинтересованность Б.М. Хитрово в повышении квалификации «мастеровых» Оружейного приказа посредством освоения новых

технологий в известном оружейном центре отчетливо передает его наказ астраханским мастерам, чтобы «они тех ребят выучили своему доброму мастерству дела свои к учению явно и ни в чем бы от них в делах своих не скрылись»⁹.

То, что подобные опасения были вовсе не напрасны, показала проверка 1664 г. в Оружейной палате «разным мастерovým людям, кто у какого дела, что делает и что вновь велено делать и кому велено за ними смотреть» (рис. 3)¹⁰. В результате такой переаттестации было выявлено, что «многие русские мастерové люди самых надобных и мудрых делу устарели и одиноки, а иные есть и поляки, а учеников у себя русских не держат», поэтому было принято решение «для пополнения русских мастерových людей брать

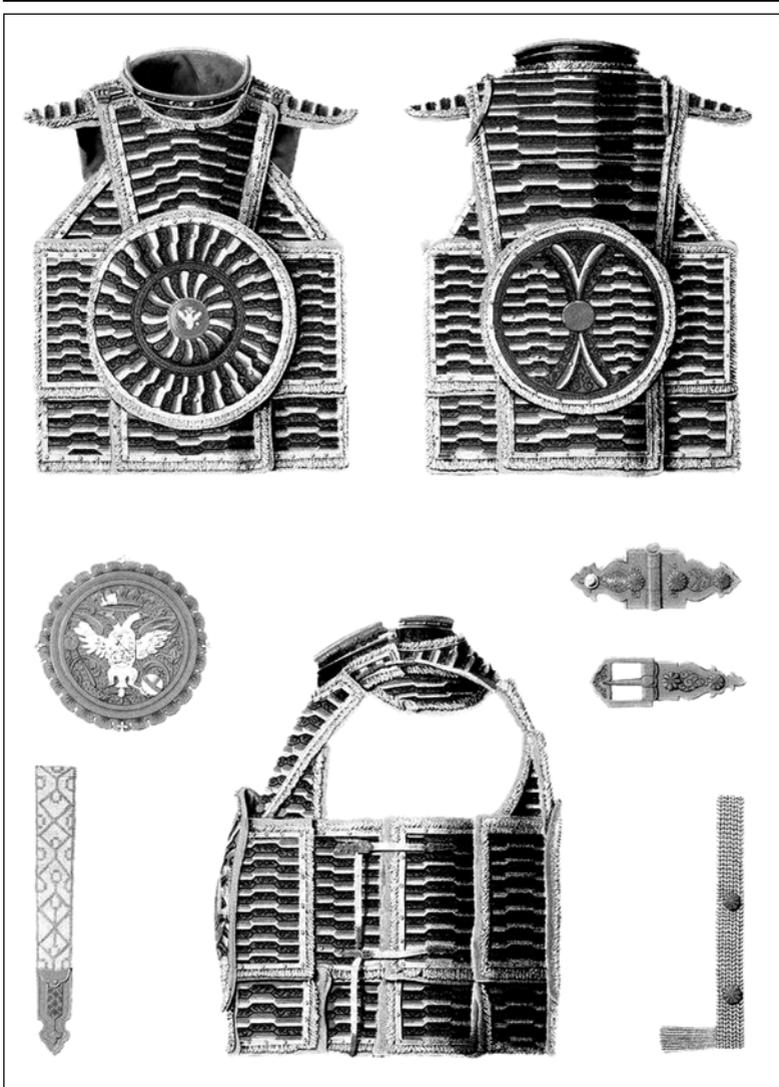

Рис. 3. Зеркала царя Алексея Михайловича. Россия, Москва, Оружейная палата. 1670 г. Мастер – Григорий Вяткин. Длина общая – 72,0 см. Вес – 13 500 г. Выполнены по образцу зеркал Дмитрия Коновалова 1616 г. По краю центральных пластин насечен золотом титул царский: «Божиею милостию, Великий

Оружейные Полаты мастеровым людям учеников приискать из русских людей»¹¹. В результате поверки 1664 г. был составлен «список Оружейной Полаты всяким мастеровым людям, которые по приговору Оружейной Полаты плохи и дела их мастерства не прибыльны», вследствие чего было велено их «отставить и быть им в Бронной слободе в тягле»¹².

Вскоре при оружейнике Б.М. Хитрово, продолжившем традиции Б.А. Репнина, была проведена тотальная ревизия всех производственных мастерских, подлежащих ведению Оружейного приказа. Об этом свидетельствует целый ряд документов: «Роспись мастеров Оружейной палаты» (1666), «Именная роспись тульским мастерам, которые делают стволы и замки» (1666), «Роспись Бронной слободы тяглым людям, живущим на тяглой земле и число дворов» (1666) и, наконец, «Перепись в Бронной слободе мастеровым людям русским и иноземным, кто на какой земле живет и в каких дворах выкупленных или в даточных и какие крепости имеют» (1668)¹³. К этому перечню можно добавить также «Роспись пушечным снастям на Каширских заводах» (1667) и Опись Оружейной палаты Кирилло-Белозерского монастыря (1668)¹⁴.

В бытность Б.М. Хитрово на должности оружейника была осуществлена «Перечневая роспись пищалей, карабинов и пистолей в Государевой оружейной казне» 1674 г., которая содержит немало ценной информации по составу огнестрельного оружия в дворцовом арсенале, упомянутом также в деле «О пожаловании Государем при осмотре им в Оружейной палате всякой оружейной брони окольничего Кондырева, стольников князей Ивана Куракина и Петра Хитрово пищалами»¹⁵.

В 1679 г. руководство Оружейной палатой перешло к Ивану Максимовичу Языкову, который был удостоен при назначении на высокую дворцовую должность оружейника пищали, как и

Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, всея Великия и Малыя и Белья России Самодержец и многих государств и земель восточных и западных и северных отчих и дедич и наследник государь и обладатель». На круглой пластине спины продолжение надписи: «В лето 7178 (1670) марта в 4 день зделаны сии зеркала повелением Великого Государя Царя и Великого Князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белья России Самодержца, при боярине и оружейнике при Богдане Матфеевиче Хитрово с товарищи». Ор-126/1-2

Б.М. Хитрово¹⁶. После И.М. Языкова в оружейничих состояли: боярин Иван Кириллович Нарышкин, пожалованный в эту должность 7 мая 1682 г., а после стрелецкого бунта 1682 г. его сменил боярин Петр Васильевич Большой Шереметев, пожалованный 26 июня 1682 г. и сохранявший звание оружейничего вплоть до 1690 г.¹⁷ Смена оружейничих стала в очередной раз главной причиной для масштабной переписи Оружейной палаты, которая была проведена в 1682 г. думными дворянами Львом Демидовичем Голохвастовым и Федором Андреевичем Зыковым. По данным за 1682 г., Государевым дьяком в Оружейной палате числился Кирилл Тихонов¹⁸. Своевременность составления переписной книги Оружейной палаты 1682 г. показали известия, обнаруживавшие злоупотребления Хитрово, «которые из государственных дворцовых сел и волостей повсеуременно вотчины свои всякими изобилии и заводы строили и наполняли, также и из всех <...> дворцов премножественным похищением всяких дворцовых обиходов явственно и бесстыдно по вся дни корыстовались»¹⁹.

Переписная книга 1682 г. совокупно с росписью Государевой казны 1664 г. представили обстоятельную сводку по хранилищам Оружейной палаты за третью четверть XVII в. Именно поэтому они были непосредственно использованы как наиболее поздние источники при составлении знаменитой описи Оружейной палаты 1687 г. Судя по всему, создание этой описи было вызвано подготовкой первого похода русского войска против татар в Крым. Примечательно, что возглавивший поход князь Голицын заказал тогда же известному мастеру Дмитрию Моторину отлить уникальный колокол со сквозным позолоченным орнаментом в верхней части тулова, где ниже узора сохранилась врезная надпись: «Лета 1687 ноября 23 царственные большие печати и государственных великих дел посольских оберегатель ближнего боярина и наместник новгородского князь Василий Васильевич Голицын положил сей колокол в Подмосковной своей вотчине в церкви Покрову Пресвятые Богородицы <...> и сему колоколу быть у той церкви Божией во веки неотъемлемо»²⁰.

К участию в описи Оружейной палаты 1687 г. были привлечены думный дворянин Артамон Федорович Полибин и дьяк Василий Мануилов, а также ствольный мастер Оружейного приказа Афанасий Вяткин «со товарищи». Благодаря их усилиям эта опись²¹, насчитывающая 707 листов, стала одним из наиболее полных и

всеобъемлющих источников, освещающим состав Оружейной палаты в последней четверти XVII в. Подробный характер описи 1687 г. обусловил ее многочисленные публикации, как фрагментарные, так и полные, в целом ряде работ. Это и «Древности Российского государства», немалую роль в издании которых под руководством председателя Императорского общества истории и древностей российских С.Г. Строганова в 1849–1853 гг. сыграл помощник директора Оружейной палаты А.Ф. Вельтман²², и труды по истории Оружейной палаты самого А.Ф. Вельтмана²³ и, разумеется, источниковедческие обзоры А.Е. Викторова²⁴. В последних опись Оружейной палаты 1687 г. охарактеризована в качестве «самого богатого источника и лучшего руководства как для изучения древнерусского оружия вообще, так в особенности для изучения и описания вошедших в ее состав тех предметов, которые сохранились в Оружейной палате до настоящего времени»²⁵.

Автор рукописного экземпляра Описи Оружейной палаты 1862–1865 гг. Л.П. Яковлев, использовавший при ее составлении преимущественно данные описи 1687 г., аргументировал это тем, что исключительно этой описи, как никакой другой, присущи «точность и определенность выражений, чистота языка и самое подробное описание предметов, добросовестно и терпеливо составленное знатоками своего дела», на основании чего он считал опись 1687 г. «главным основным документом Оружейной палаты по отделу старинного оружия»²⁶. Такое единодушие известных специалистов XIX в. в оценке описи 1687 г. привело к тому, что некоторые из советских исследователей сочли ее едва ли не старейшей из всех сохранившихся описей Оружейной палаты²⁷. В настоящее время в работах по истории русского оружия с большим успехом привлекается чаще всего именно опись 1687 г. как наиболее полный и вполне четко составленный делопроизводный документ, в котором сохранились имена некоторых мастеров и упоминаются отличительные признаки предметов, что дает возможность отождествить эти описания с вещами из современного собрания Оружейной палаты²⁸.

Рассматриваемая опись близка в структурном отношении к «образцовой» перечневой росписи Оружейной палаты 1647 г. Однако оружие распределено в ней уже не только по разделам, но и по главам, в каждой из которых описан отдельный тип, например: гл. 2 – «сабли большого наряда», гл. 3 – «полосы сабельные булатные», гл. 5 – «палаши в золотой оправе», гл. 6 – «кончары» (рис. 4), гл. 8 –

«мечи немецкого и русского дела» и т.д. Новшеством стало включение в оружейную роспись скипетра, которому посвящена целиком гл. 1, а также вынесенный перед заглавием перечень икон, парсун, крестов, серебряной раки и т.п., хранившихся в Оружейной палате. Передача в состав основной, наиболее ценной в материальном и художественном отношении части оружейного собрания царского скипетра свидетельствовала о формировании устойчивого «музейного ядра», не подверженного никаким изъятиям.

Как и в росписи 1647 г.²⁹, охватывавшей не только парадное, но и строевое вооружение, в описи 1687 г. более подробно и обстоятельно зафиксировано первое, в то время как для описания «расхожего ружья» характерно суммарное обозначение количества оружия того или иного типа. Наряду с художественным, самым тщательным образом в анализируемую описную книгу занесено реликвийное, мемориальное, трофейное, наконец, просто редкое или выдающееся по каким-либо своим параметрам вооружение, для которого указаны материал и украшения, выписаны имеющиеся на предметах надписи, приведены сведения о происхождении вещи, и в ряде случаев названы имя мастера, время и место производства. У некоторых образцов собственно царского оружия охарактеризовано качество и дана оценка, при этом брались в расчет цены на местном рынке, если дело касалось привозных вещей: «цена той сабле по скаскежь серебряного ряду ценовщиковъ Анисимка Алмазникова стоварыщи тысяча шестьсотъ семдесятъ рублей»³⁰. Кроме того, в описи 1687 г. встречаются неоднократно указания на проведение при переписи – «осмотре» Государевой оружейной казны – специальной технической экспертизы: «Сто протазанов

Рис. 4. Кончар. Россия, Москва, Оружейная палата. Середина XVII в. Общая длина без ножен – 1,23 м. Длина клинка – 96,5 см. Ор-4550/1-2

<...> по скаске сабельных мастеров Исаия Иванова стоварищи делали мастера Оружейного Приказу Поляки»³¹.

Особую документальную ценность данной описи придают многочисленные специфические термины, принятые в оружейном деле

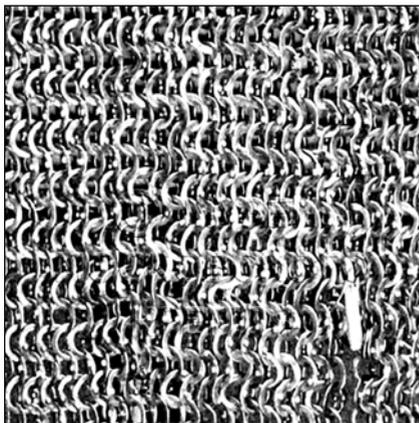

Рис. 5. Панцирь – «востроговоздь».
XVI в. Длина – 62 см. Ширина
в плечах с рукавами – 115 см.
Вес – 8200 г. Оп-4708

Москвы XVII в. Как правило, большая их часть обязана своим происхождением технологии изготовления. Например, панцирь «востроговоздь» (рис. 5) назван по обращенному наружу высокому острому шипу – «гвоздю», которым заклепаны все панцирные кольца.

Вместе с тем современные оружейно-исследовательские исследования, в том числе расчистка и расшифровка клейм, позволили обнаружить относительную точность сведений, сообщенных описью 1687 г. Так, для пищалей 6616 и 6617 в описи указаны «ство-

лы железа свицкого Микифорова дела Кобелева», однако на самих стволах удалось расшифровать два клейма с надписью «Андрон» (рис. 6)³². Поскольку замочного мастера Андронина в столбцах и приходо-расходных книгах Оружейной палаты XVII в. не обнаружено, а в клеймах на оружии чаще указывалось лишь имя оружейника, то клеймо мастера «Андрона» можно с полным основанием атрибутировать Андрону Дементьеву, что заставляет откорректировать мнение Н.В. Гордеева о замочном мастере Андронине первой половины XVII в. Андрон Дементьев получил известность как замочный мастер и числился по документам с 1660 по 1672 гг.³³ За эти годы, как нами было установлено, Андрон Дементьевым были выполнены пищали (6616–6617, 7390, 7464 ОП), карабин (7446 ОП) и пара пистолетов (6769 ОП), замки которых помечены клеймом мастера «Андрона».

Несмотря на наличие единичных разночтений, опись 1687 г. осветила состав Государевой оружейной казны с максимальной

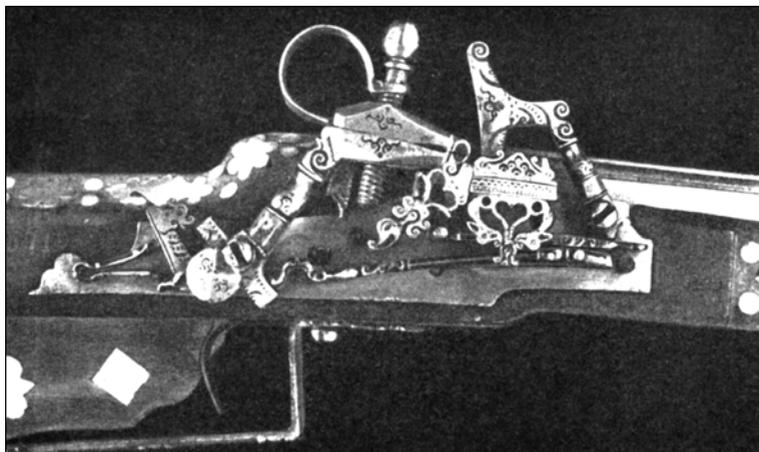

Рис. 6. Пицаль. Россия, Москва, Оружейная палата. 1660–1670 гг. Замок мастера Андрона Дементьева, сходный с замком пицали (ОП 6763) царя Алексея Михайловича 1654 г. (мастер – Григорий Вяткин). Калибр – 9,5 мм. Длина ствола – 876 мм. Вес – 3500 г. 6617 ОП

полнотой, достигнутой не в последнюю очередь благодаря системе сквозной нумерации, перешедшей из более ранних описей, Лучшие образцы в каждом из типов оружия традиционно вынесены на первое место в соответствующих главах, о чем свидетельствует характерное примечание к описанию карабина под номером 1: «А в прежней описной книге написан первым же»³⁴.

Большим достоинством описи 1687 г. является точная топография Оружейной палаты, хранилища которой значительно расширились, и к числу уже упоминавшихся в предшествующих описях «Оружейной большой палате» (или палате «большой казны»), верхним и нижним палатам, «что было у иноземца у Андрея Артемьева» («оружейного дозорщика») и «на дворце под Сретенскою церковью»³⁵ прибавились новые помещения на Бархатном дворе, в Ствольном приказе, «на дворе боярина Никиты Ивановича Романова и у целовальника» (одного из руководителей Бронной слободы).

Первые архивные сведения о хранении оружейной казны на дворе боярина Н.И. Романова (в боярах с 1645; †1655) на Варварке датируются 1663 г. и связаны с поступлением по списку ружей из

Рис. 7. Юшман боярина Никиты Романова.
Первая половина XVII в. Поступил в Оружейную палату
после смерти боярина Никиты Ивановича Романова († 1655).
Длина – 62 см. Ширина в подоле – 50 см. Вес – 11 480 г. 4563 ОП

Приказа тайных дел (рис. 7)³⁶. В свете новейших археологических находок особый интерес вызывает известие о привозе 8 сентября 1664 г. на двор боярина Н.И. Романова 3 возов глины, а «из той глины сделан золотого и серебряного дела мастером Левонтъем сливальный серебру горн»³⁷. В начале 70-х гг. XVII в. оружейная казна на дворе Н.И. Романова состояла под надзором сабельного чищельника Оружейной палаты Максима Вырыпаева Васильева («ходил вместо пристава»). В феврале 1680 г. к Оружейной казне были приставлены нести караул «Бронной слободы денщики». Тогда же на дворе Н.И. Романова был построен 12-саженный сарай для хранения 11 орудий.

Архивные источники позволяют предположить, что дополнительный арсенал Оружейной палаты на этом дворе при оружейнике Б.М. Хитрово был предназначен в основном для изготовления и ремонта «расхожего ружья», в частности «пищалей винтованных» (рис. 8)³⁸. Так, в декабре 1671 г. ствольного дела мастер Иван Петров во главе 46 оружейников отвечал за изготовление там

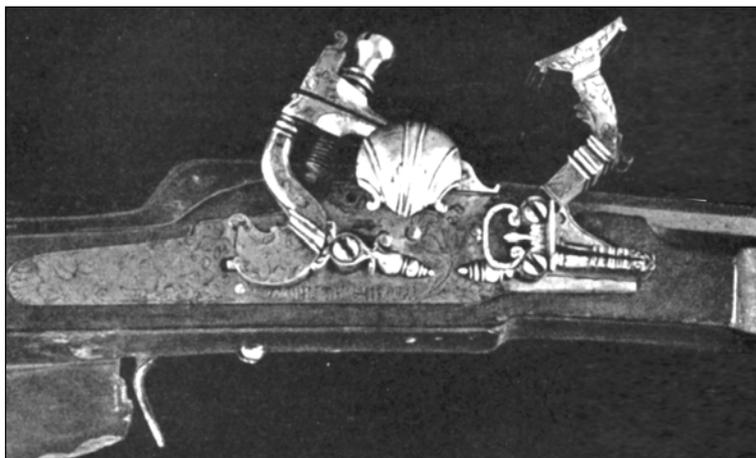

Рис. 8. Пищаль. Россия, Москва, Оружейная палата. 1670 – до 1682 г. Мастер – Филипп Ульянов. 7412 ОП

огнестрельного оружия и его последующего переноса в Кремль. В 1681 г., когда двор Н.И. Романова подлежал ведению Апраксиных, с него на Пушечный двор были перевезены 2242 мушкета с голландскими замками, а после стрелецкого бунта это оружие было возвращено, но не в полном составе, т.к. 17 февраля 1681 г. с Пушечного двора было изъято стрельцами 1019 мушкетов.

Ряд архивных данных свидетельствует о том, что еще одним дополнительным помещением Оружейной палаты стал бывший двор боярина Ильи Даниловича Милославского, опись имущества которого была произведена в 1668 г. сразу после его смерти³⁹. В 1671 г. от Оружейной палаты на этот двор были построены деревянные переходы, а уже в 1680 г. на Новом Потешном дворе, как стал называться бывший двор Милославского, проходили работы сабельных придельщиков Ивановых по изготовлению ножен к палашам и кончарам⁴⁰.

Данная опись позволяет судить, кроме того, о росте числа железоделательных заводов, ориентированных на Оружейную палату, где хранились все заводские «чертежи в лицах»⁴¹. В конце XVII в. ведению Оружейного приказа подлежали завод плужного и железного дела в Каширском уезде, на р. Скниге, где располагался помимо этого еще один нижний завод, и железные заводы в

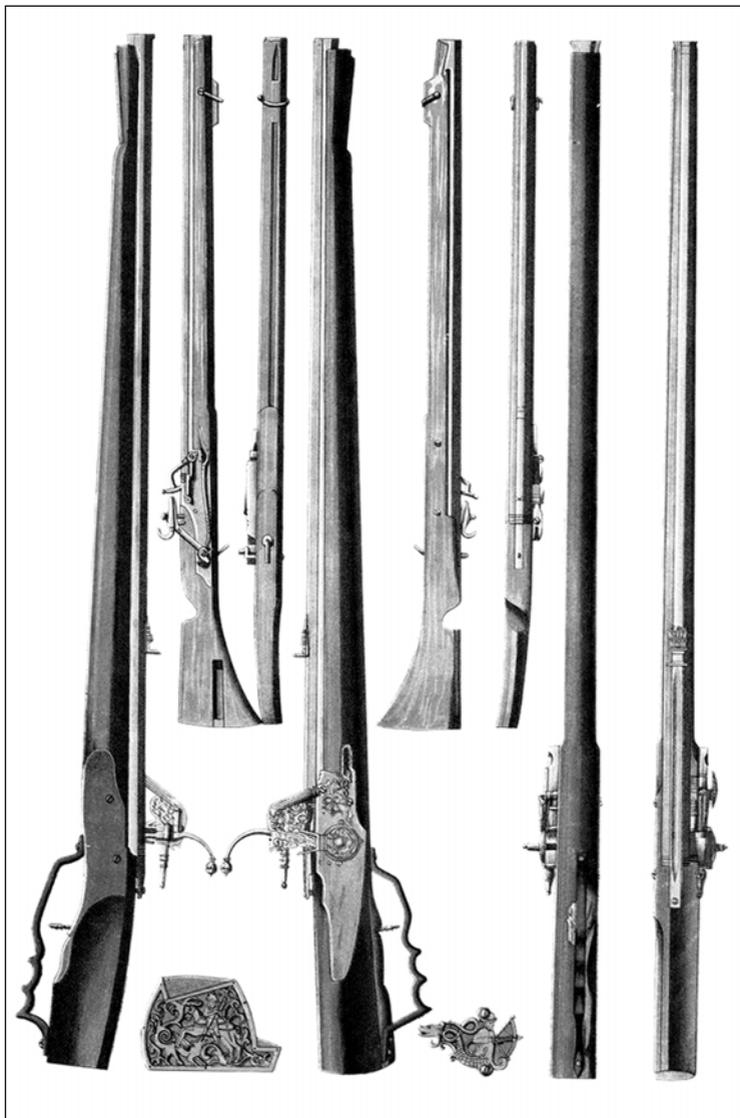

Рис. 9. Старинные русские расхожие пищали – затинная и завесная (большая). Акварель Ф.Г. Солнцева. 1830-е гг.
Изд.: Древности Российского государства.
Отд. III. Броня, оружие, кареты и конская сбруя. М., 1853

Тулском уезде, на р. Тулице, а также в Оболенском уезде, на р. Поротве⁴².

Важное значение для нашей темы имеет также описание инвентаря и сырьевого материала Оружейной казны («сверло железное, 27 бочек стали немецкой, 10 пуд уклада тульского, 45 мехов кузнечных, шестерня малая деревянная, терка железная»), а также «5 клейм железных небольших, на одном орел двоеглавой»⁴³. Этот далеко не полный перечень кузнечного оборудования, принадлежащего Оружейной палате, указывает на развитое оружейное производство в Московском Кремле, где клеймилась с целью учета готовая продукция, в том числе клеймом Государевой оружейной казны («орел двоеглавой»). Для сравнения заметим, что у четырех из пяти оружейников Троице-Сергиевой Лавры, судя по монастырской описи 1641 г., имелось монастырское клеймо («пятно»), которое сам мастер ставил на изготовленный им образец вооружения (рис. 9)⁴⁴.

Клеймением сопровождалась и перепись Оружейной палаты в 1687 г., когда, например, на кольчуге из основного собрания оружия (4466 ОП) было укреплено свинцовое литое клеймо «Большой государевой казны» с выбитым в середине и внизу изображением двуглавого орла в щитке. До этого на кольчуге имелось лишь одно клеймо, о котором в описи 1687 г. отмечено: «Кольчуга, а на ней мишень медная, на мишени надпись: боярина князя Петра Ивановича Шуйского»⁴⁵. Об усилении тенденции к своего рода музеефикации оружейного собрания можно судить по упоминанию в описи Оружейной палаты 1687 г. древнейшей «шапки железной с деисусом» греческого дела, датируемой XIII в. (рис. 10). С той же целью в данной описи самым тщательным образом зафиксированы всевозможные данные, в том числе устные предания, существовавшие в пользу мемориального характера предметов вооружения, таких как, например, иранская шапка XVI в. из имущества князя Федора Ивановича Мстиславского, поставленная составителями описи в связь с казанским царем Шиг-Алеем⁴⁶.

В этом контексте весьма примечательно, что вещи, не входившие в основной состав Оружейной палаты, перестают упоминаться в следующих после 1687 г. описях. Новые образцы строевого вооружения, разнообразные сырьевые припасы, а также предметы домашнего быта уже не были включены в состав новой описи, проведенной в связи с грандиозным кремлевским пожаром 19 июня

**Рис. 10. Шапка с Деисусом.
Византия, XIII–XIV вв.
Высота – 30,0 см. Диаметр – 30,0 см.
Вес – 2365,7 г. Оп-4732**

1701 г.⁴⁷ Аналогичным образом основной фонд Оружейной палаты по описи 1687 г. преимущественно наличествует и в описи 1711 г., составленной по случаю перевода главных кадров оружейников в новую столицу – Петербург. Упорядочение и стабилизация основного хранения нашли свое выражение не только в укрупненной структуре и практически неизменном, за редким исключением, количественном составе, но и в сложившейся системе порядковой нумерации. Последняя подвергалась время от времени лишь некоторым изменениям, не касавшимся, как правило,

парадного оружия с драгоценной отделкой, за которым традиционно сохранялись первые места в каждом из разделов. Так, незначительные перестановки в нумерации были произведены с прибавлением к описи 1711 г. группы вещей, оказавшихся в октябре 1712 г. в Палате «сверх прежней описи»⁴⁸.

Опись Оружейной палаты 1687 г. зафиксировала наивысший уровень московской школы оружейного дела, достигнутый во многом благодаря руководящей роли правительства по воспроизводству кадрового состава московских оружейников и четкой организации оружейного ремесла. Уникальные по масштабу источниковедческие данные этой описи непреложно указывают на то, что к концу XVII в. Оружейная палата стала поистине всероссийским оружейным центром.

- ¹ См. подробнее: Ульянов О.Г. Оружие московского дела в событиях русско-польской войны 1654–1667 гг. (по данным описей Государевой оружейной казны) // Война и оружие. Труды Третьей Международной научно-практической конференции. Ч. III. СПб., 2012. С. 304–320.
- ² Трутовский В.К. Боярин и оружничий Богдан Матвеевич Хитрово и Московская Оружейная палата // Старые годы. № 7–9. М., 1909. С. 345–383; Селезнева И.А. Российский государственный деятель Б.М. Хитрово // Вопросы истории. № 1. М., 1987. С. 78–87 и др.
- ³ См. о ней в работе: Ульянов О.Г. Оружейная школа Москвы в первой половине XVII в. (по данным Описей 1639, 1646 и 1647 гг.) // Война и оружие. Материалы Второй Международной научно-практической конференции. Ч. 2. СПб., 2011. С. 442–455.
- ⁴ Арсеньев Ю.В. К истории Оружейного приказа в XVII веке. М., 1904. С. 14.
- ⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. IV. Ед. хр. 3650.
- ⁶ Там же. Ч. VIII. Ед. хр. 9513; Ч. X. Ед. хр. 13447.
- ⁷ Малиновский А.Ф. Историческое описание древнего Российского Музея, под названием Мастерской и Оружейной палаты в Москве обретающегося. М., 1807. С. 5.
- ⁸ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 2. Ед. хр. 946.
- ⁹ Там же. Оп. 1. Ч. VI. Ед. хр. 6982. Л. 1–2.
- ¹⁰ Там же. Ч. VII. Ед. хр. 8930.
- ¹¹ Там же. Ед. хр. 8893. Л. 55.
- ¹² Там же. Ч. VIII. Ед. хр. 9729.
- ¹³ Там же. Ед. хр. 9987, 10844, 9891; Ч. IX. Ед. хр. 11944.
- ¹⁴ Ульянов О.Г. Оружие московского дела... С. 317.
- ¹⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. VIII. Ед. хр. 11004; Ч. XI^a. Т. I. Ед. хр. 15056; Ч. XII. Ед. хр. 17799.
- ¹⁶ Там же. Ч. XII. Ед. хр. 18387.
- ¹⁷ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. VII. Т. 13. М., 1991. С. 307, 324.
- ¹⁸ Историческое известие об упомянутых старинных чинах в России, подготовил Н.И. Новиков // Древняя Российская Вивлиофика. Ч. XX. М., 1791. С. 438.
- ¹⁹ История о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева, изданная Николаем Новиковым. СПб., 1785. С. 386.
- ²⁰ Собрание музея-заповедника «Коломенское». ГМЗК 0-1038/КП-2000.
- ²¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 2. Ед. хр. 936.
- ²² См. подробнее: Ульянов О.Г. Оружейная школа средневековой Москвы в отечественной историографии XIX в. // Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Материалы XXII международной научной конференции. М., 2010. С. 377.
- ²³ Вельтман А.Ф. Объяснительный словарь предметов древней царской казны и Оружейной палаты. М., 1844; Вельтман А.Ф. Московская Оружейная палата. М., 1860.
- ²⁴ Викторов А.Е. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. 1584–1725 гг. 2 вып. М., 1877–1883.
- ²⁵ Викторов А.Е. Указ. соч. С. 391.
- ²⁶ Там же.

- ²⁷ Малицкий Г.Л. К истории Оружейной палаты Московского Кремля // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954. С. 533.
- ²⁸ См., напр.: Ларченко М.Н. Новые данные о мастерах оружейниках Оружейной палаты первой половины XVII века // Материалы и исследования ГММК, Вып. 2. М., 1976. С. 26.
- ²⁹ Ульянов О.Г. Оружейная школа Москвы ... С. 447–452.
- ³⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 2. Ед. хр. 936. Л. 27.
- ³¹ Там же. Л. 127.
- ³² Гордеев Н.В. Русское огнестрельное оружие и мастера-оружейники Оружейной палаты XVII века // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954. С. 24–25.
- ³³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. VI. Ед. хр.7368; Ч. X. Т. II. Ед. хр. 13950.
- ³⁴ Викторов А.Е. Указ. соч. С. 382.
- ³⁵ См.: Ульянов О.Г. Институт оружейников и развитие московской оружейной школы в XVI веке // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Материалы Международной научно-практической конференции. Ч. II. СПб., 2010. С. 351–366.
- ³⁶ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. VII. Ед. хр. 8324, 8573.
- ³⁷ Там же. Оп. 2. Ч. 1. Ед. хр. 1026.
- ³⁸ Там же. Оп. 1. Ч. IX. Ед. хр. 12698; Ч. X. Т. II. Ед. хр. 13843.
- ³⁹ Там же. Оп. 1. Ч. IX. Ед. хр. 11849; Оп. 2. Ч. 1. Ед. хр. 594.
- ⁴⁰ Там же. Оп. 1. Ч. X. Т. I. Ед. хр. 13291; Ч. XII. Ед. хр. 18501.
- ⁴¹ Там же. Т. 2. Ч. 2. Ед. хр. 936. Л. 548. Гл. 1.
- ⁴² Там же. Оп. 1. Ч. VII. Ед. хр. 8343; Оп. 2. Ч. 2. Ед. хр. 936. Л. 548.
- ⁴³ Там же. Т. 2. Ч. 2. Ед. хр. 936. Л. 696 об., 701.
- ⁴⁴ См. подробнее: Ульянов О.Г. Оружейные мастерские Троице-Сергиевой лавры и их роль в героической обороне монастыря в годы смуты // Церковь и общество в России на переломных этапах истории: сборник тезисов Всероссийской научной исторической конференции Московской Духовной Академии. Сергиев Посад, 2012. С. 27.
- ⁴⁵ См. Рис. 9 в статье: Ульянов О.Г. Институт оружейников ... С. 351–366; Сборник Оружейной палаты. М.: Изд-во Оружейной палаты, 1925. С. 118.
- ⁴⁶ Атрибуцию арсенала Мстиславских см. в работе: Ульянов О.Г. К проблеме работы «по образцу» в московской школе художественного оружия XVI–XVII вв. // Советская археология. № 4. М., 1990. С. 92–105.
- ⁴⁷ Викторов А.Е. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. 1584–1725 гг. Вып. 2. С. 392–393.
- ⁴⁸ Опись Оружейной палаты: В 7 ч. Ч. 4. Кн. 3. М., 1885. С. 13.

М.В. Фалалеева, Ф.А. Петров (Москва)

**ОСТРОВ МИЛОСЕРДИЯ В ПОЖАРЕ
МОСКОВСКОМ. ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ДОМ
В 1812 Г. НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ
ИЗ СОБРАНИЯ ОТДЕЛА ПИСЬМЕННЫХ
ИСТОЧНИКОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ**

МОСКОВСКИЙ Воспитательный дом сохранился в памяти очевидцев и потомков как своеобразный *остров милосердия* в объятай пламенем древней русской столице.

Наша публикация основана на неизвестных ранее документах, хранящихся в фондах отдела письменных источников Государственного исторического музея: «Московский Воспитательный дом» (фонд № 114), «Музей 1812 года и коллекция документов музея» (фонд № 160) и «Рукописные сборники из собрания П.И. Щукина» (фонд № 420). Эти документы, носящие как официально-делопроизводственный (ведомственная переписка), так и эпистолярно-мемуарный характер, вводят в научный оборот новые материалы по истории Отечественной войны и, прежде всего, Москвы в 1812 г. Хотелось бы подчеркнуть, что основной архив Воспитательного дома был сожжен – тем более ценны сохранившиеся документы, на которых основана публикация.

Это записки И.И. Багдадова «Московский воспитательный дом» о деятельности его предшественника И.А. Тутолмина на посту директора (главного надзирателя) Воспитательного дома в 1812 г.¹ и «Переписка вдовствующей императрицы Марии Федоровны с председателем Московского опекунского совета А.М. Луниным, директором Московского воспитательного дома И.А. Тутолминым и другими официальными лицами».

В центре внимания – Московский воспитательный дом, созданный по указу императрицы Екатерины II в 1764 г. – благотворительное закрытое учреждение для приема, воспитания и обучения детей незаконнорожденных и оставленных родителями по бедности. Здания Воспитательного дома занимали обширный участок между набережной Москвы-реки и Солянкой (четырёхэтажные боковые корпуса – «квадраты», главный корпус – «корделожи», огражденные двухэтажным окружным строением»), были возведены выдающимися зодчими последней трети XIX в. Воспитательный дом имел свое обширное хозяйство – сады, огороды, птицефермы, коровник и конюшню.

Мальчики и девочки, жившие в разных корпусах, обучались чтению, письму, рисованию и т.п. Обучение велось на русском и немецком языках. Наиболее способных мальчиков записывали в классические классы. Их готовили к поступлению в Академию художеств и в Московский университет².

К 1812 г. Московский воспитательный дом входил в систему учреждений императрицы Марии Федоровны – вдовы императора Павла I, которую можно смело назвать выдающимся организатором благотворительных, учебных (прежде всего женских) и медицинских заведений всех сословий Российской империи.

Хронологический диапазон нашего исследования охватывает пять самых драматических месяцев 1812 г. – от 5 августа 1812 г., когда разгорелось кровопролитное Смоленское сражение, и до конца 1812 г., когда были сделаны первые необходимые меры по ликвидации последствий иноземного нашествия. Мы можем выделить три основных периода.

I. Накануне вступления французов в Москву

После оставления русскими войсками Смоленска, когда появилась реальная угроза самой Москве, Мария Федоровна принимает решение о эвакуации всех питомцев Воспитательного дома и других Мариинских учреждений – девочек старше 11, а мальчиков старше 12 лет – в Казань. Практичная и предусмотрительная императрица, находясь в Петербурге, отдавала по-немецки пунктуальные и обстоятельные предписания о подготовке к эвакуации.

10 августа она подписала два рескрипта – Московскому главнокомандующему графу Ф.В. Ростопчину и И.А. Туголмину, в которых подчеркивала: «дошедшие до меня известия о бесчеловечных

свирепостях неприятеля, попирающего все права, законы, обычаи <...> подают мне повод к опасению в рассуждении о взрослых питомцах обоего пола, в том числе воспитанниц, приготовляемых к званию наставниц <...> Спасти жизнь, честь, невинность и нравы, почитая непременно долгом».

В итоге несколько сот подростков были эвакуированы в Казань. Следует отметить, что из мальчиков отправлены были ученики только классических классов, к которым были присоединены десять студентов Московского университета из числа бывших питомцев Воспитательного дома, не имевших средств уехать самостоятельно³. Забегая вперед, скажем, что в 1813 г. почти все питомцы Воспитательного дома, Александровского и Екатерининского институтов благополучно возвратились домой.

Что касается взрослых воспитанников ремесленных классов (по законам Российской империи совершеннолетие наступало с 21 года), то Опекунский совет, опасаясь, чтобы «неприятель не принудил бы их поднять оружие против Отечества», предложил желающим поступить на военную службу с выдачей каждому по 25 рублей. По просьбе Тутолмина 17 человек были определены в Московское ополчение сразу же унтер-офицерами. Отправились добровольно в действующую армию и два чиновника Воспитательного дома – одним из них был престарелый надзиратель, турок по национальности, взятый в плен русскими войсками еще во время войны 1768–1774 гг.

2 сентября Мария Федоровна предписала Тутолмину быть ответственным не только за Воспитательный дом, но и за все Мариинские учреждения (некоторые из которых, например Вдовий дом – были переоборудованы под госпиталь). Все остальные чиновники покинули Москву, включая самого главнокомандующего Ростопчина. Таким образом, Тутолмин, имевший чин действительного статского советника (соответствовавший чину генерал-майора в армии) был официально оставлен императрицей для сохранения вверенных ему малолетних детей. Ему было предписано **ни при каких обстоятельствах** не покидать город и принимать все возможные меры для защиты вверенных его попечению маленьких сирот. Как свидетельствует сохранившаяся ведомость, к моменту вступления неприятеля в Москву в Воспитательном доме оставалось 586 детей: 207 – от 1 года до 12 лет, 104 – больных ребенка от 1 до 18 лет, а также 275 грудных детей.

Помимо них в родильных госпиталях находились 9 беременных и 10 рожениц.

Если власть в Москве накануне наполеоновского нашествия ассоциировалась прежде всего с московским главнокомандующим графом Ф.В. Ростопчиним, то теперь в центре внимания оказалась куда менее известная личность начальника Московского Воспитательного дома И.А. Тутолмина. Фактически, он являлся главным лицом из немногочисленного числа русских, оставшихся в Москве, и не случайно к нему обращались за помощью москвичи по всем вопросам – вплоть до возвращения в столицу Ростопчина и обер-полицейстера П.А. Ивашкина.

II. При французах

Получить письменное предписание императрицы Тутолмин не успел. Ранним утром 2 сентября русская армия без боя стала быстро проходить через Москву. А в 4 часа пополудни в город Москву с музыкой торжественно вошли передовые части «la Grande Armee». Как вспоминал Тутолмин, «последние Российские войска проходили набережную Воспитательного дома, а неприятельские были уже в Кремле».

В течение без малого 40 дней (от вступления французской армии в Москву 2 сентября до освобождения ее казаками И.Д. Иловайского и гусарами А.Х. Бенкендорфа 11 октября) Тутолмину пришлось действовать на свой страх и совесть, без официальных инструкций вдовствующей императрицы, ибо официальная переписка с Петербургом по понятным причинам была прекращена более чем на месяц.

В сложившейся ситуации Тутолмину ничего не оставалось делать, как вступить в контакт с французскими оккупационными властями и убедить самого Наполеона в необходимости спасти жизни несчастных маленьких сирот.

Впоследствии Тутолмин рапортовал императору Александру I и императрице Марии Федоровне: «По вступлении их в Москву должен был я ожидать всех насилий и жестокостей неприятеля <...> а как главнокомандующий Москвы и все городские начальники, также и жители выехали из оной, <...> я же, по долгу моему, будучи обязан пещися о спокойствии одного человеколюбивого заведения <...> тотчас пошел в Кремль с двумя чиновниками для испрошения защиты Воспитательному дому».

Тутолмин показывает все очень правдиво, не скрывая ни фактов милосердия, ни фактов жестокостей: «Пройдя Варварку, повернул в яблочные ряды, взглянул к Лобному месту, видя: из Спасских ворот густые колонны идут на площадь. Прибавя шагов в Спасские ворота, в которых очень стеснены взводы, кое-как продрались в Кремль. Отойдя от ворот шагов 50, навстречу их генерал. Я приступил к нему, сказав о себе, спросил: “Кто войсками начальствует?”. Он спросил: “На что?” – “Просить его покровительства для Воспитательного дома салвагардию” (от франц. *sauvegarde* – охрана). Французский генерал ответил, что военным губернатором Москвы назначен граф О. Дюронель и повел нас к Ивану Великому». Выяснилось, что в Кремле Дюронеля нет, «он поехал на Тверскую в наместнический дом», т.е. в дом московского генерал-губернатора. «По многим исканиям добрели к Губернатору уже темно. Я его прошу о салвагардии, он тотчас тому ж поручику приказал, чтоб он сказал жандармскому полковнику дать мне 12 жандармов при одном офицере». Тутолмин со своими спутниками отправились обратно и успели дойти до Воспитательного дома раньше французов. «Уже для них приготовлено яство сахарное и питье веселое, но они сказали, что “мы желаем наперед успокоить своих лошаков, а после будем просить и для нас”. Я – на конюшню: казенных лошадей выкинул, их поместил; они чрез полчаса пришли кушать: ели и пили аппетитно <...>. Поставили посреди корделожного двора одного часового, сказав мне: “Будьте покойны”. С тем и распрощались. Какой покой? Всю ночь на дворе, все сами были караульные. В ту же ночь начались пожары <...> грабежи, смертоубийства и всякого рода жестокости и поругания от неприятельских войск <...>. Грабежи сии продолжались до того времени, покуда у бедных жителей ничего уже не осталось, и они, будучи лишены домов, пищи и одежды, принуждены были искать насущного хлеба у самого неприятеля».

Но вернемся к знаменитым пожарам в Москве. Тутолмин свидетельствует, что с самого первого вечера начались пожары, день ото дня более и более распространяемые разосланными французами по всему городу зажигателями, «бросавшими во все дома и церкви зажигательные снаряды <...> в низкие места из рук, а в высокие места из пистолетов». Это показание, которое находит подтверждение и в ряде других источников, говорит о том, что, несмотря на явное стремление Наполеона свалить всю вину за пожар на

Ростопчина и показательные расстрелы русских поджигателей, среди поджигателей были и французы, ибо вряд ли православные русские люди стали бы **тогда** поджигать храмы!

Из рапорта Тутолмина императрице Марии Федоровне: «4 сентября был самый жесточайший пожар, коего ужасов не могу Вашему Императорскому Величеству достаточно описать. Весь город был объят пламенем, горели храмы Божии, превращались в пепел великолепные дворцы и здания; отцы и матери кидались в пламя, чтобы спасти погибающих детей, и делались жертвою своей нежности. Даже мосты и суда на воде против дома были в огне!».

Тутолмин вместе со своими служащими проявил огромную самоотверженность, спасая вверенных ему питомцев всю ночь и до 10 часов утра: «Воспитательный дом находился в величайшей опасности, будучи со всех сторон окружен пламенем. Все окрестные строения в самой быстроте пожирались пламенем, и еще более ужасал меня опасностью бывший тогда весьма сильный ветер, который метал искры», которые сыпались как дождь. Всех детей Тутолмин вывел во внутренний двор, расставил мальчиков с шайками с водой и вениками, заставляя их гасить искры. В отличие от города в целом в Воспитательном доме сохранились свои пожарные трубы, поэтому чиновникам Воспитательного дома удалось погасить загоревшиеся строения.

Одновременно сюда, в Воспитательный дом, «стекались в большом числе несчастные жители Москвы, которые просили пристанища». Это были люди самого различного социального происхождения: княгиня Екатерина Голицына, вдовы Вдовьего дома, воспитанницы Московских институтов, деревенские воспитанницы, оставленные своими воспитателями, и была спасена жизнь «многим младенцам и детям, оставшимся после сгоревших матерей». Все они там нашли не просто убежище, а уютное помещение и пищу.

«После столь ужасного пожара, – писал Тутолмин, – я все еще оставался в величайшей опасности, ибо не переставали ходить французские зажигатели около Дома. И для того учредил я из своих подчиненных беспрестанные днем и ночью обходы, и во всех сторонах приготовил воду. Такими мерами избавил я дом от огня». Кроме того, «беспрестанно приезжали и приходили к Дому толпы французских мародеров».

Таким образом, все это привело Тутолмина к мысли о необходимости непосредственного обращения к Наполеону, который и сам,

как известно, был вынужден 4 сентября покинуть Кремль из-за бушевавшего вокруг пожара. А тут и сам император французов оказался у Воспитательного дома. Вот что писал об этом Тутолмин:

«5-го числа Наполеон поехал по городу смотреть свои злодеяния, доехал до Воспитательного дома, остановился и спросил: “Что это за здание?” Ему сказали: “Воспитательный дом”.

– Почему он не сгорел?

– Его избавил оного начальник со своими подчиненными».

На следующий день 6 сентября в 12 часов к Тутолмину приехал статс-секретарь Наполеона Лелорнь д'Идевиль (французский разведчик, проживший несколько лет в Москве и в совершенстве овладевший русским языком), и уведомил Тутолмина, что его срочно ждет Наполеон в Кремлевском дворце (обращаем внимание на эту дату, ибо в исторической литературе обычно указывается, что Наполеон вернулся в Кремль из Петровского замка лишь 8 сентября). В Тронном зале Наполеон стоял у камина между колоннами. Наполеон сказал Тутолмину, что намеревался поступить с Москвой «так, как поступал с Веною и Берлином, которые и поныне не разрушены; но Россияне, оставивши сей город почти пустым, <...> сами захотели предать пламени свою столицу, и чтоб причинить мне временное зло, разрушили созидание многих веков <...>. Внушите о том Императору Александру <...> я никогда подобным образом не воевал; воины мои умеют сражаться, но не жгут. От самого Смоленска и до Москвы я более ничего не находил, как пепел».

В публикуемых нами архивных документах обнаружены интересные дополнения к описанию этой беседы. В подробнейшем рапорте императрице Марии Федоровне от 11 ноября Тутолмин писал, что Наполеон спрашивал его о количестве детей в доме, откуда он получает продовольствие и на какой срок и т.д. Особо интересна заключительная фраза, содержащая характеристику внешности Наполеона: «Фигура его пряма, невелик, бел, полон, нос с маленьким горбом, глаза сверкают, похож больше на немецкое лицо, широко плечист, бедра и икры полные».

Наполеон принял Тутолмина и, пожалев русских детей, согласился выставить караул для охраны Воспитательного дома. Но взамен за оказанную услугу потребовал ряд ответных.

Первое условие было почти курьезным. С 12 сентября по 10 октября от французского командования было прислано 23 подкидыша

в возрасте от 5 дней до 9 лет. И французы потребовали, чтобы дали им фамилию в честь Наполеона, его маршалов и генералов. Так появились Алексей Наполеонов, Дарья Тревизская, Сергей Милиев (в честь генерала Мийо – Milhaud). Впоследствии императрица Мария Федоровна потребовала сменить все эти фамилии и запретила о них даже упоминать.

Другое требование было гораздо серьезнее, поскольку создавало реальную угрозу питомцам Воспитательного дома:

Наполеон решил учредить в освободившихся после эвакуации помещениях «лазареты для больных и раненых французов», многие из которых были больны дизентерией и другими инфекционными заболеваниями. Тутолмин, по его же словам, «униженно просил» Наполеона (в своем письме от 10 октября) не допустить этого.

Однако ответа на это письмо не последовало, и Тутолмин вновь проявил себя как опытный администратор, разделив Воспитательный дом ровно на две половины и «каждая имела свою стражу». Было дано предписание «переводчикам <...>, имевшим пристанище в доме, чтобы они чередовались безотлучно у ворот и приходящим и привозимым раненым показывали дорогу на их половину». Тутолмин пожертвовал собственными покоями и комнатами эвакуированных детей, в которых были размещены французы.

Общая численность французских раненых и больных за время пребывания французов в Москве составила свыше 8 тыс. человек.

Именно в это время один из бывших питомцев Воспитательного дома, в то время уже чиновник А.Д. Гамбурцев, пожелал посетить Воспитательный дом. Сначала он попал в помещение, переоборудованное под госпиталь, где лежавших солдат кормили «отвратительной похлебкой». В офицерской палате раненые и больные пользовались уже «довольно опрятным бельем, и при некоторых кроватях находились даже столики, на которых стояли лекарства, были медики и фельдшеры, и кормили больных лучше».

Но **главным** и неременным условием французского императора – для этого он, собственно, и пригласил Тутолмина – было требование, чтобы тот написал бы и отправил письмо лично Александру I. Чиновник 4-го класса, занимавший достаточно важный пост и лично известный как императору, так и вдовствующей императрице, и пользовавшейся полным их доверием, как нельзя лучше подходил для этой цели.

«Тотчас же по вступлении в Москву, – вспоминал близкий к Наполеону чиновник, герцог Арман де Коленкур, который в 1807–1811 гг. был послом Франции в России, а позже проделал со своим императором весь поход 1812 г., – император занялся изысканием способов снять с французской армии в глазах Петербурга ответственность за пожар Москвы <...> директор Воспитательного дома Тутолмин, подобно доблестному отцу семейства, мужественно остававшийся во главе этого учреждения в Москве, <...> в качестве представителя одного из учреждений вдовствующей императрицы пользовался доверием в обоих лагерях петербургского общества»⁴. В исторической литературе указывается, что письмо это якобы заканчивалось следующими словами, продиктованными Тутолмину Наполеоном: «Напишите вашему государю, что я желаю мира, и отправьте с донесением своего чиновника». Однако в подлинном тексте письма Тутолмина Александру I, хранящемся в ОПИ ГИМ, этих слов нет. Ошибка восходит к книге французского мемуариста барона Жана Франсуа Фэна⁵, которую, на наш взгляд, нельзя полностью считать достоверным источником. Однако последующие историки – и русские, и французские – берут этот текст за основу.

Дело в том, что, находясь на действительной службе в чине, равном генеральскому, Тутолмин не мог взять на себя подобную миссию. Курьер с письмом от Тутолмина из оккупированной Москвы в Петербург (это был комиссар Воспитательного дома Рухин) действительно был послан, но **официального** предложения о мире в этом письме не содержалось.

Пришлось Наполеону искать для этой цели другую кандидатуру, и на следующий день к нему привели отставного гвардейского капитана И.Я. Яковлева (отца Герцена). С целью спасения своей семьи Яковлев согласился отправиться в Петербург, чтобы на словах передать предложение Наполеона о мире. За это он и был наказан А.А. Аракчеевым, как получивший официальное поручение от неприятеля (подробнее об этом написано в 1-й главе «Былого и дум»). Не имела никаких успехов и еще одна попытка Наполеона сделать предложение о мире через генерала Жана Лористона, посланного 4 октября к М.И. Кутузову.

Таким образом, изучение документа Воспитательного дома позволяет с уверенностью утверждать, что Наполеон, находясь в Москве, сделал русской стороне не три – как традиционно считается, а **два** официальных предложения о мире.

Наполеон по просьбе Тутолмина выделил для охраны Воспитательного дома караул – 300 конных жандармов под командованием полковника с 9-ю офицерами. По требованию французов для этой стражи был предназначен особый стол. Впоследствии Тутолмин представил императрице ведомость, из которой явствует, что для французов было израсходовано:

15 фунтов (фунт – 410 г.) кофе, 2 фунта чая (до него французы были небольшие охотники), полтора пуда (1 пуд – 16,4 кг) сахара, 35 пудов ржаного хлеба, 680 булок, 1,5 пуда телятины, 34 фунта ветчины, 22 пуда свежей говядины, 6 копченых языков, примерно 30 ведер картофеля, 50 кочанов капусты, 4 четверика гречневых круп и т. д. Выпили французы 3 бочки и 110 бутылок пива, 63 бутылки красного вина, 11 литров мадеры, 15 бутылок цимлянского, 12 бутылок рома, и 2 ведра «вина простого» (водки). Хотя к концу пребывания французов в Москве каждый сам добывал себе еду.

А чем же питались русские дети и служащие в Воспитательном доме? Прежде всего, Тутолмину удалось спрятать в подвалах Воспитательного дома шесть коров. Остальные тридцать пять коров были убиты, «и сколько возможно было кормили детей <...> свежим мясом и потом все оставшееся мясо посолено». К сожалению, Тутолмин не успел перевести весь принадлежавший Воспитательному дому хлеб из «лабазов по набережным Воспитательного дома». Впрочем, французские оккупационные власти по началу проявили щедрость, выдав Воспитательному дому 100 центнеров пшеницы, впрочем, плохого качества. Но впоследствии французское командование предложило Тутолмину билеты на право самостоятельных поездок по Подмоскovie «за картофелем, капустою и другими произрастаниями, равно и за сеном для лошадей».

При этом Тутолмин воспользовался подобными командировками, чтобы известить находившиеся на дороге в Петербург отряды казаков генерала Иловайского и партизан Ф. Винценгероде, и сообщить нужную информацию обо всех происшествиях в Москве.

Действительно, 7 октября 1812 г. основные силы «Великой армии» во главе с самим Наполеоном выступили из Москвы. В городе оставалось около 3 тыс. французов под командованием маршала Мортье для подготовки взрыва Кремля – попытка, к счастью, полностью неосуществленная из-за сильного ливня. Воспитательный дом, находившийся на противоположном берегу Москвы-реки, при

этом не особенно пострадал, «однако во многих местах разбились стекла, выбились рамы и двери <...> Дети не были слишком встревожены <...> и все мы по совершении бедствий и ужасов остались живы».

III. Последствия нашествия

11 октября 1812 г. в Москву вступили русские войска, но при этом на руках Тутолмина помимо собственных питомцев и получивших пристанище в Воспитательном доме, по просьбе покидавших столицу французов было оставлено больных и раненых французов: 23 офицера и 1500 рядовых – все они находились на содержании Дома.

Тем не менее, Тутолмину удалось спасти жизни почти всех питомцев Московского воспитательного дома – уровень смертности в 1812 г. среди питомцев возрос лишь на 1,3 процента по сравнению с мирным 1811 г.

Вдовствующая императрица в одном из своих рескриптов Тутолмину выражала удивление этому факту. По требованию Марии Федоровны Воспитательный дом был открыт для приема новых питомцев уже к 1 января 1813 г., что потребовало от Тутолмина нечеловеческого напряжения.

За заслуги, оказанные в 1812 г. Воспитательному дому «с пожертвованием собственным здоровьем» 2 декабря 1812 г. рескриптом Александра I Тутолмин был награжден орденом Анны 1-ой степени. А подвиг Тутолмина остался в истории Воспитательного дома, увековеченный в его летописях. Повелением же императрицы от 22 августа 1814 г. Тутолмин был удостоен благодарности за то «что <...> сохранил вверенный ему Дом от разорения во время несчастья, которому никогда примера не было и с помощью Божьей более не будет...»⁶.

Нечеловеческое напряжение полностью подорвало здоровье 61-летнего Тутолмина, хотя Александр I неоднократно посылал его лечиться на Кавказские минеральные воды с выплатой полного жалования, это не помогло. Ровно через три года после пребывания Наполеона в Москве, 17 сентября 1815 г. он скончался.

Сами наполеоновские генералы, которые вступили в Вену на три года раньше, чем в Москву, признавали, что наш Воспитательный дом «не в пример лучше Венского», тем самым отдавая дань Тутолмину.

¹ «Московский воспитательный дом и учреждения императрицы Марии в 1812 году». Докладная записка И. Багдадова // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Новая серия. М., 2010. С. 159–212.

² См. подробнее: Материалы для истории Московского воспитательного дома. Вып. 1. М., 1863.

³ Летопись Московского университета. Т. I. 1755–1952. М., 2004. С. 87.

⁴ Коленкур А. де. Мемуары: Поход Наполеона в Россию. Смоленск, 1991. С. 146–147.

⁵ Manuscrit de 1812. Paris, 1823. Т. II. P. 84.

⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 114. Н/обр. Ед. хр. 1. Л. 70–71 об.

О.В. Филатов (Санкт-Петербург)

ГЕРМАНСКИЕ ВОЕННО-МОРСКИЕ СИЛЫ НАКАНУНЕ ВОЙНЫ С СССР

ОБЩЕИЗВЕСТЕН факт, что в корабельный состав Военно-морского флота СССР на июнь 1941 г. входили 3 линкора, 7 крейсеров, 51 лидер и эсминец, 22 сторожевых корабля, 62 тральщика, 215 подводных лодок и др.¹ Всего боевых кораблей различных классов (вместе с боевыми катерами) было около 1000². Кроме того, 219 кораблей находились в постройке, в том числе 3 линкора, 2 тяжелых и 10 легких крейсеров, 45 эсминцев, 91 подводная лодка³. В авиации ВМФ насчитывалось более 1800 самолетов. Береговая оборона располагала вполне современными башенными береговыми батареями на стратегически важных участках побережья. Имелись первые формирования морской пехоты. Общая численность ВМФ в тот период составляла 344 тыс. чел.

А теперь рассмотрим, что представляли собой военно-морские силы (ВМС) Германии перед войной с СССР. На 22 июня 1941 г. в составе ВМС Германии находилось пять линейных кораблей (в том числе два старых, использовавшихся в качестве учебных), четыре тяжелых крейсера (в том числе два переклассифицированных броненосца типа «Дойчланд»), четыре легких крейсера, 15 эскадренных миноносцев, около 60 миноносцев и эскортных кораблей (сторожевых кораблей и канонерских лодок), пять минных заградителей, до 150 тральщиков и катеров-тральщиков, до 50 торпедных катеров и 154 подводные лодки.

К началу войны против Советского Союза Германия обладала мощным линейным кораблем «Тирпиц», который уступал по калибру главной артиллерии из числа кораблей противника лишь британским линейным кораблям типа «Нельсон». Личный состав

ВМС Германии на июнь 1941 г. составлял 404 тыс. человек⁴.

Более удачные **германские тяжелые крейсера** типа «Адмирал Хиппер» по своему вооружению и бронированию уступали только американским крейсерам типа «Уичита», но превосходили их в дальности стрельбы артиллерии главного калибра, в мощности зенитного артиллерийского и торпедного вооружения, а также обладали лучшей мореходностью. При этом в дальности стрельбы главной артиллерии германские тяжелые крейсера уступали некоторым легким крейсерам своих противников, например, советским типа «Кирова», которые, впрочем, в Германии причисляли к тяжелым (из-за нестандартного для артиллерии легких крейсеров калибра в 180 мм).

Германские легкие крейсера в сравнении с большинством кораблей британской, американской, французской и советской постройки превосходили их в торпедном вооружении и одновременно уступали им в артиллерийском. Следует, однако, учитывать то обстоятельство, что германские легкие крейсера создавались для разведывательной деятельности (несения дозора) в интересах главных надводных сил флота. Германские эскадренные миноносцы, введенные в строй до войны, типа «Леберехт Маас» (проекты «Zerstörer 1934» и в «Zerstörer 1934 A»), «Редигер фон Редер» (проект «Zerstörer 1936») стояли на одном уровне с советскими лидерами типа «Ленинград» (проект 1) и типа «Минск» (проект 38).

Германские миноносцы представляли собой корабли торпедного профиля, но, в то же время, они были способны выполнять задачи сторожевого и походного охранения. Поэтому они отчасти сопоставимы со сторожевыми кораблями советского ВМФ типа «Ураган», «Бриллиант», «Ястреб», но с более мощным торпедным вооружением. Относительная слабость артиллерийского вооружения части германских миноносцев и их недостаточная живучесть были обусловлены предназначением к боевым действиям в условиях плохой видимости (ночью) при слабом противодействии сил противника.

Германские деревянные килевые **торпедные катера** типа «S» обладали хорошими мореходными качествами, достаточными скоростью хода и дальностью плавания, сильным вооружением и большей, чем у катеров других стран, боевой живучестью (главным образом, противопожарной). Более значительные водоизмещение и дальность плавания указывали на возможность использования торпедных катеров на открытых морских театрах.

Кроме эсминцев и миноносцев из боевых кораблей специальной постройки в качестве **эскортных** чаще всего использовались тральщики и катера-тральщики. Мощное артиллерийское вооружение, высокая мореходность, большая дальность плавания позволяли тральщикам выполнять задачи охранения боевых кораблей и транспортов, заменяя в этих случаях миноносцы.

Флотилии подводных лодок, тактические и административные соединения подводного флота Германии

Основной задачей флотилии было не руководство подводными лодками на определенном театре военных действий, а подготовка и переподготовка экипажей, а также обеспечение и подготовка подлодок к операциям в местах их постоянной дислокации. В связи с этим командирами флотилии назначались наиболее опытные офицеры-подводники, которые должны были передавать свой опыт молодому поколению. В 1935 г. были сформированы 1-я и 21-я учебные флотилии. По мере строительства новых подлодок и роста подводного флота количество флотилий с каждым годом увеличивалось. 2-я флотилия была сформирована в сент. 1936 г., 3-я – в окт. 1937 г., 6-я – в окт. 1938 г., 5-я – в дек. 1938 г., 7-я – в июне 1938 г., 24-я учебная – в нояб. 1939 г., 27-я учебная – в янв. 1940 г., 25-я – в апр. 1940 г., 22-я учебная – в янв. 1941 г., 26-я – в апр. 1941 г., 4-я – в мае 1941 г., 23-я – в сент. 1941 г., 8-я учебная и 9-я – в окт. 1941 г., 29-я – в дек. 1941 г., 10-я – в янв. 1942 г., 11-я – в мае 1942 г., 12-я и 30-я – в окт. 1942 г., 13-я и 20-я учебная – в июне 1943 г., 31-я учебная – в сент. 1943 г., 33-я – в сент. 1944 г., 19-я учебная – в окт. 1943 г., 14-я – в дек. 1944 г., 18-я учебная – в янв. 1945 г. На протяжении войны состав и нумерация флотилий постоянно менялись (одни расформировывались, другие создавались), причем, как видно из приведенного выше списка, никакой последовательности в нумерации не соблюдалось.

Наиболее универсальными кораблями в ходе боевых действий на море против СССР зарекомендовали себя эсминцы, миноносцы, тральщики, катера-тральщики и десантные корабли.

Таким образом, к июню 1941 г. ВМФ Германии представлял собой вид вооруженных сил, способный вести эффективные боевые действия против Советского Союза. Однако в соответствии с планами войны, операции флота на Востоке должны были носить

характер прибрежной «малой войны», в то время как на Западе – крейсерских операций с использованием всех сил: надводных кораблей, подводных лодок и авиации. Активные боевые действия на море в ходе «малой войны», за исключением минных постановок, не планировались, поэтому к решению задач по борьбе за морские коммуникации Советского Союза ВМС Германии оказались не готовы. Исходя из стратегических планов высшего военно-морского командования и масштабов развернувшейся на море в 1939–1941 гг. войны главное внимание уделялось именно борьбе с британским военно-морским флотом. По этой причине гросс-адмирал Э. Редер при разработке операции «Барбаросса» предлагал даже отложить нападение на Советский Союз до окончания войны с Великобританией.

То, что стратегическим планом «Барбаросса» военно-морскому флоту отводилась второстепенная роль, не могло не сказаться на выполнении кораблестроительных программ и обеспечении флота необходимыми материально-техническими и людскими ресурсами. Строительство крупных надводных кораблей было остановлено. Даже строительство тех кораблей, которые были близки к завершению, – авианосец «Граф Цеппелин» (готовность 85 %), тяжелый крейсер «Зейдлиц» (готовность 95 %) – было отложено до окончания Восточной кампании⁵.

Планы «малой войны» на прибрежных коммуникациях континентальных государств, таких как Польша и СССР, характеризовались блокадными, в том числе – минно-заградительными операциями легких и минных сил флота в интересах операций сухопутных войск. Задачи поддержки приморских флангов сухопутных войск и организации их обеспечивающих коммуникаций из-за быстротечности планируемых кампаний флоту не ставились. Теория тактики морского боя детально прорабатывалась на основе анализа опыта Первой мировой войны, боевых действий в ходе гражданской войны в Испании, а также первого периода Второй мировой войны. В основе боевых действий Kriegsmarine лежала тактика однородных по составу групп кораблей при тактическом и оперативном взаимодействии с подводными лодками и авиацией.

На строительство Kriegsmarine во время подготовки и в ходе второй мировой войны оказывали определяющее влияние следующие факторы:

1. Постепенная активизация реваншистских идей, получивших свое завершение в официальном утверждении фашистской идеологии и нацистского государства;
2. Восстановление и наращивание мощностей германской промышленности, в том числе и военной;
3. Подготовка к войне, ее развязывание, а затем изменение характера войны;
4. Военно-морские теории, а также ограничения Версальского мирного договора, Вашингтонской и Лондонских морских конференций и англо-германского морского соглашения.

На развитие флота оказали влияние и такие субъективные факторы, как подчинение всей авиации Герману Герингу. В результате этого флот лишился специальной морской авиации, за исключением гидросамолетов, имевших ограниченные боевые возможности. К началу войны с Советским Союзом Kriegsmarine имел боевой опыт нанесения артиллерийских ударов по приморскому флангу противника в интересах наступления сухопутных войск. На морских театрах военных действий надводные корабли, подводные лодки и авиация решали совместно задачи разведки и наведения сил флота, нанесения последовательных ударов по противнику, а также имели опыт десантных операций. Значительную роль в организации взаимодействия разнородных сил флота, сухопутных войск и авиации играли представители этих видов вооруженных сил, находившиеся в соответствующих органах управления (штабах). К 22 июня 1941 г. Kriegsmarine, даже с учетом понесенных им за два года войны потерь, представлял серьезную угрозу для советского Военно-морского флота на Севере и на Балтийском море. Но реально возможности германского флота в войне с Советским Союзом были сокращены стратегическими планами военно-политического руководства в ходе войны на два фронта: внутренними противоречиями между морской стратегией на Западе и сухопутной – на Востоке. По этой причине германское военно-морское командование лишь ограниченно могло использовать маневр силами флота – их передислокацию на Балтику или Баренцево море для действий против советского ВМФ. Главная цель в войне на суше достигалась в ходе боевых действий сухопутных войск и военно-воздушных сил. Одновременно снижались возможности Kriegsmarine. Объективным результатом стратегического планирования «молниеносной войны» против СССР является тот факт,

что Kriegsmarine в целом и надводные корабли в частности не сыграли существенной роли в начальный период войны, когда они могли содействовать операциям сухопутных войск. Учитывая, что Советский флот по разным причинам оказался не в состоянии использовать свое численное превосходство как в прибрежных районах, так и на морском направлении – на всех театрах военных действий, эффективность содействия германских надводных кораблей в этот период могла быть более существенной. Так, даже десантные операции начального периода войны по захвату островов на Балтике осуществлялись сухопутными войсками в виде речных переправ расширенного масштаба, с минимальным привлечением сил флота. В начальный период войны Kriegsmarine сумел нанести ряд потерь советскому ВМФ на Балтике и Севере. Однако это почти не оказало влияния на ход боевых действий на главном – сухопутном направлении. Существенным просчетом германского командования следует считать отсутствие организованного взаимодействия с сухопутными войсками в противодесантной обороне побережья.

Однако добиться прекращения поставок в СССР военной помощи союзников, а тем более решить стратегическую задачу вывода из войны Великобритании, в соответствии с первоначальными планами, надводные силы Kriegsmarine ни самостоятельно, ни совместно с другими силами флота и авиации не смогли.

В ходе подготовки к войне на море командование ВМС Германии стремилось добиться слаженности личного состава подразделений (кораблей, соединений, объединений) при самостоятельных и совместных действиях, наиболее эффективного применения ими оружия и технических средств⁶. Причем боевая подготовка личного состава, направленная на повышение знания корабельного заведения и умения грамотно его эксплуатировать, носила непрерывный характер.

Линейные корабли и крейсера начинали укомплектовываться личным составом за полтора-два года до вступления кораблей в строй. На эскадренные миноносцы личный состав начинал поступать за год, а на миноносцы – за полгода до вступления кораблей в строй. Прежде всего, новостроящиеся корабли комплектовались техническим персоналом: машинистами и механиками, артиллерийскими и торпедными механиками, радистами, фейерверкерами. Из офицерского состава в первую очередь назначались

инженерные офицеры во главе со старшим инженер-механиком. Личный состав и офицеры в ходе строительства корабля были обязаны присутствовать при установке всех машин и оборудования, получая практические навыки и знания об устройстве корабля, прохождении кабель-трала и т.д. Кроме того, одновременно осуществлялся некоторый контроль за достройкой корабля. Наибольшая часть экипажа под командованием первого офицера (старшего помощника) прибывала на корабль за несколько недель или дней до его ввода в строй, изучив до этого соответствующие руководящие документы и расписания на береговой казарме (в лагере). Одними из последних на корабль прибывали инженер вспомогательных машин и 4-й вахтенный инженер, подготовку которых вели предприятия-изготовители вспомогательных машинных установок. Эти же предприятия и откомандировывали подготовленных инженеров на вступающие в строй корабли⁷.

С подготовкой корабля к вводу в строй назначался 14-дневный период обучения экипажа у стенки завода. В этот период экипаж изучал и практически отрабатывал важнейшие корабельные расписания, самостоятельно, без помощи технического персонала верфи, запускал двигательные установки корабля. По истечении двухнедельной подготовки и испытаний у стенки корабль выходил в море, где за несколько дней экипаж отрабатывал все корабельные расписания, что в итоге оценивалось командиром соединения (объединения). После проверки «Готовности корабля к выходу в море» (Seeklarbesichtigung) проводились 3–4-месячные (а с началом войны – 4-недельные) испытания всех средств связи, оружия и механизмов корабля, после чего 10–15 суток отводилось на доделочные работы и устранение обнаруженных дефектов. Только после этого происходила официальная церемония передачи корабля в состав военно-морского флота, а экипаж приступал к непосредственной отработке задач боевой подготовки «Готовности к войне» (Kriegsbereit). Сроки самостоятельно определял командир корабля, исходя из наличия личного состава и его подготовленности, и утверждал командир соединения (объединения). Как правило, этот срок составлял 8–12 недель. Достижение «Готовности к войне» кораблем означало выполнение им всех видов стрельб, как одиночно, так и совместно с другими кораблями, участие в маневрах флотилии (флота).

С началом войны руководство германских ВМС стремилось выдерживать сроки боевой подготовки кораблей. Этому постоянно мешали возрастание минной и воздушной опасности, настоятельная необходимость взаимодействовать с приморскими флангами сухопутных войск, снижение общего уровня подготовки всех категорий рядового, унтер-офицерского и командного состава к концу войны, а также нехватка топлива. Для обучения офицеров, даже во время войны, проводились сборы по обмену опытом, издавалась специальная литература. И молодые, и имеющие боевой опыт офицеры стажировались в действующих подразделениях на различных морских театрах. Попытки обучать в базе экипажи строящихся и ремонтирующихся кораблей не могли заменить полноценной отработки корабля в море. До последней возможности корабли продолжали отрабатываться в районах боевой подготовки – в Южной Балтике (подводные лодки) и в балтийской проливной зоне (надводные корабли). Для морской практики экипажей крупных кораблей могли использоваться корабли меньшего водоизмещения, например, тральщики.

Полный курс боевой подготовки для достижения «Готовности к войне», завершавшийся проверкой командиром соединения (объединения), на линейных кораблях и крейсерах до войны составлял один год, а при некоторых обстоятельствах и дольше. На эскадренных миноносцах и миноносцах отработка до полной готовности к боевым операциям в мирное время проходила в составе флотилии в течение двух лет. Причем в течение первого года флотилия, куда включались построенные корабли, считалась учебной (Ausbildungsflottille), а в течение второго года – маневренной (Manöverflottille).

В случае необходимости участия корабля в какой-либо операции срок отработки «Готовности к войне» устанавливался вышестоящим командованием. Так было, например, с сокращением сроков боевой подготовки линейного корабля «Тирпиц», находившегося на Балтике и привлеченного в 1941 г. к блокаде Советского флота в Финском заливе. И наоборот, низкая оценка уровня артиллерийской подготовки тяжелого крейсера «Адмирал Хиппер», данная германским военно-морским командованием в 1944 г., повлияла на активное использование корабля в боевых действиях и позволила своевременно направить часть топлива и боеприпасов на другие, более подготовленные корабли⁸.

Командиру корабля предоставлялась полная свобода действий в достижении «Готовности к войне». Но при нарушении сроков, им самим установленных, и неудовлетворительной подготовке экипажа командир корабля снимался с должности⁹. Воспитанию индивидуальных командирских качеств в ВМС Германии уделялось первостепенное значение. Основным критерием качества при подготовке командных кадров было быстрое и грамотное принятие решения в различных ситуациях боя. Пункт 1 «Оперативных наставлений», касавшийся порядка, формы составления, отдачи приказа и контроля за его выполнением, указывал, что «лучшим качеством командира является его готовность брать на себя ответственность». Кроме воспитания волевых качеств командиров кораблей, их умения видеть конечную цель и анализировать обстановку, командование ВМС Германии придавало исключительную важность взаимопониманию командиров и подчиненных. Исходя из этого, быстрота при выполнении приказа ставилась выше умения выбора средств, поощрялась инициатива. Подчиненным, в соответствии с «Оперативными наставлениями», предоставлялась, по возможности, «некоторая свобода» для действий «согласно своим собственным соображениям и в соответствии с создавшейся обстановкой». Поэтому и отдаваемый приказ не должен был «заходить дальше первого столкновения с противником»¹⁰.

Все указания тактического характера содержались в «Морском боевом руководстве» (Seekriegsanleitung) для каждого класса кораблей. Однако в силу того, что эти тактические руководства разрабатывались на перспективу для боевых действий эскадр надводных кораблей в составе авианосцев, линейных кораблей, крейсеров и миноносцев, часть их практически была недействительна. Их недействительность подтверждал и полученный в войне боевой опыт.

Существенно, что первым новым тактическим руководством ВМС Германии стало «Наставление по тактике торпедных катеров» (Seekriegsanleitung (S.A.) – Schnellboottaktik), которое утвердил начальник Морского управления 17 мая 1924 г. Причем «Наставление по тактике торпедных катеров» утвердили еще до создания в 1925 г. флотилии моторных катеров «LM». («Lurssen Motorboot») «Flottille Lohmann» – первого шага к возобновлению строительства торпедных катеров в 1931 г.¹¹ Это наставление было переиздано в 1934 г. и действовало до окончания Второй мировой войны.

Фактически основополагающими тактическими предписаниями стали выпущавшиеся в ходе войны в качестве дополнения к «Морским боевым руководствам» тактические приказы по флоту (Taktische Befehle der Flotte – Т.В.Ф), инструкции, например, для эскадренных миноносцев.

Тактические приказы по флоту содержали указания в отношении всех видов обороны крупных кораблей в составе различных походных ордеров. Но из-за низкой эскадренной подготовки флота и непредназначенности легких крейсеров для самостоятельных действий в открытом море тактические приказы, как и «Морские боевые руководства», использовались редко¹². Существенную роль тактические приказы по флоту сыграли при подготовке и проведении операций против Советского флота и сухопутных войск в ходе борьбы за Моонзундские острова в 1941 и 1944 гг., при организации крупных соединений надводных кораблей на Балтийском море в 1941 г. (Baltenflotte), на Северном морском театре в 1942 г., а также на заключительном этапе войны в 1944–1945 гг. на Балтийском море.

Инструкции для плавания содержали указания по различным строям надводных кораблей при действии в составе соединения, порядок перестроения и важнейшие боевые сигналы. Сборники «Военный опыт» представляли собой итоговые документы анализа «Журналов боевых действий» («Военных дневников»), отражали боевой опыт, содержали сведения о тактике использования сил флота, применении оружия и технических средств, накопленные на различных морских театрах.

В целом тактические наставления, приказы и инструкции вместе с Корабельным уставом – «Наставлением для службы на борту» (Bestimmungen für den Dienst an Bord (D.a.B), Heft I–V, Berlin, 1937–40) составили документальную основу взглядов на использование ВМС Германии в боевых действиях накануне нападения на Советский Союз.

В соответствии с оперативно-тактическими наставлениями линейные корабли и крейсера тактически объединялись в эскадры, состоящие из 3–8 кораблей. Если кораблей было больше 5, эскадра делилась на дивизии. Тактическую единицу составляли 2 корабля. В случае необходимости крейсера объединялись в разведывательные группы. В составе соединения крейсера должны были исполнять роль авангарда, вести совместно с авиацией разведку в интересах

собственного флота и противодействовать деятельности разведывательных сил противника.

Реально же, за очень редким исключением, линейные корабли и крейсера действовали одиночно или парами в составе групп, в охранении 2–3 эскадренных миноносцев (миноносцев). Походными ордерами таких групп, как правило, были кильватерный строй, строй фронта и пеленга с дистанцией между кораблями 100–600 м.

Вследствие малого числа линейных кораблей в основе их боевого использования лежали групповой метод и взаимодействие с другими силами флота. При этом уже первая мировая война показала, что германский флот¹³ не следовал линейной тактике буквально: линия была подвижной, а командиры соединений при необходимости действовали самостоятельно.

Основными видами боя считались: бой на параллельных курсах; бой на боевых локсодромиях; бой на контркурсах; преследование или отход.

Наиболее благоприятными для применения артиллерии являлись бои на параллельных курсах или на боевых локсодромиях, так как в таких случаях было возможно вести артиллерийский огонь всем бортом, а дистанция и пеленг на противника изменялись незначительно. Наилучшим строем для ведения артиллерийского боя в составе группы (соединения) считалась сомкнутая линия, позволявшая использовать артиллерию с максимальной эффективностью, хотя, с другой стороны, сомкнутая линия снижала безопасность маневрирования в бою и увеличивала вероятность успешных торпедных атак со стороны противника. Считалось, что не имеет смысла создавать резерв из линейных сил, так как при использовании кораблей в группах существовала опасность несогласованности в их действиях по времени и, как следствие, возможность последовательного уничтожения противником таких групп по частям. Поэтому командование ВМС Германии предписало в ходе боевой подготовки особое внимание уделять отработке оперативного и тактического взаимодействия между всеми классами кораблей и с авиацией.

Предпочтительными и отчасти традиционными для германского флота считались бой на коротких дистанциях и бой в ночных условиях.

Нормальными дистанциями для артиллерийского боя при благоприятных условиях видимости днем считались 20–25 тыс. м

для линейных кораблей, 15–20 тыс. м для тяжелых крейсеров, 12–15 тыс. м для эскадренных миноносцев и 10 тыс. м для миноносцев. Дистанция ведения артиллерийского боя ночью зависела от условий видимости, наличия бортовых радиолокационных станций и точности их работы. За наилучшую скорострельность при стрельбе на поражение принимались значения: 1,5 выстр./мин. – для орудий тяжелой артиллерии, 3 выстр./мин. – для орудий средней артиллерии и 6 выстр./мин. – для легкой¹⁴. Исходя из тактических соображений и рассчитывая психологически воздействовать на противника, германские корабли, как правило, в первый момент артиллерийского боя вели наиболее интенсивный огонь, даже если он из-за слабой подготовки артиллерийских расчетов был неэффективным.

Командирами кораблей всех классов в наиболее ответственные моменты артиллерийского боя на коротких дистанциях практиковался и бой в плохую видимость (ночью), где решающим становились внезапность атаки, высокие точность и темп стрельбы, а следовательно – быстрота поражения противника.

Таким образом, тщательный подход к непрерывному анализу боевых действий всеми категориями офицерского состава ВМС Германии позволил командованию в кратчайшие сроки оценить приобретенный боевой опыт и использовать его при подготовке личного состава всех категорий, совершенствовать боевую подготовку и ориентироваться в вопросах строительства флота. Результатом широкого и постоянного анализа опыта Первой мировой войны явилось развитие групповой тактики использования разнородных сил на основе оперативного и тактического взаимодействия надводных кораблей, подводных лодок и авиации.

Подчеркнем еще раз, что в качестве сухопутных противников Германии рассматривались Польша и СССР. Планы «малой» войны на море против этих государств носили второстепенный характер и ограничивались блокадными операциями.

¹ Боевой путь советского Военно-морского флота. 4-е изд. М.: Воениздат, 1988. С. 540.

² Морской сборник. 1986. № 7. С. 5.

³ Военно-исторический журнал. 1983. № 9. С. 66.

⁴ История Второй мировой войны: 1939–1945 годы: В 12 т. Т. 4. Фашистская

агрессия против СССР. Крах стратегии «Молниеносной войны». М., 1975. С. 13, табл.1; С. 534. Данные по германским ВМС см. по: Taylor J.C. *German Warship of World War II*, London, 1966; Groner С. Указ. соч., В. 1; Гречер О. Корабли ВМФ и ВВС Германии и их местонахождение (дислокация) 1939–1945 гг. / Пер. с нем. ГШ ИО ГШ ВМФ, ЦВМБ, Л., 1956. См. также: Соколов Д.В. Конспект по тактике иностранных морских сил (некоторые сведения о тактике иностранных морских сил), Л.: Изд. НМЛ, 1931. С. 4.

⁵ Кобчиков Е.Ю. Надводные силы Kriegsmarine в войне против Советского Союза в 1941–1945 годах. СПб., 2002. С. 24.

⁶ Венигер В. Морская тактика. Ее основы. Пер. с нем. № 1179 НПБ ВМА, ЦВМБ, Л., 1941. С. 41–47.

⁷ Кобчиков Е.Ю. Указ. соч. С. 10; Bestimmungen für den Dienst an Bord (D. a. B.), Heft 1, Berlin, 1937. S. 154.

⁸ Там же.

⁹ ЦВМА. Ф. 2. Оп. 6. Д. 264. Л. 89–90.

¹⁰ Оперативные наставления и наставления по проведению маневров, ч. I–III, приказы, извещения и донесения. Журналы боевых действий. Пер. с нем. № 1282 НПО ВМА. Л., 1945. С. 1–5. (Operations und Manöver-Bestimmungen (Op. und Man.), Reichswehrministerium (Marineleitung). Unveränderter Nachdruck 1937. Berlin, 1929).

¹¹ Конради Х.В. Немецкие торпедные катера: История, техника и тактика до Второй мировой войны // Военно-морское обозрение. 1962. № XII. Тетр. 6. С. 364. Von Conrady H.D. Die deutschen Motor-Torpedo-Schnelleboote Geschichte, Technik und Taktik bis zum Zweiten Weltkriege // Marine Rundschau. 1962. № XII. H. 6. S. 364.

¹² ЦВМА. Ф. 2. Оп. 6. Д. 264. Л. 91.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же; Оперативные наставления и наставления по проведению маневров. Ч. IV–V. Условия маневров (Наставления по проведению маневров и посредники. Пер. с нем. № 1441 НПО ВМА. Л., 1945. С. 43. (Operations und Manöver-Bestimmungen (Op. und Man.). Reichswehrministerium (Marineleitung), Unveränderter Nachdruck 1937. Berlin, 1933).

Ю.С. Худяков (Новосибирск)

**ЗНАЧЕНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АРТИЛЛЕРИИ
В ВОЕННОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ
РОССИЙСКИХ ВОЙСК С ОТРЯДАМИ
ТЮРКСКИХ И МОНГОЛЬСКИХ КОЧЕВНИКОВ
В ЮЖНЫХ РАЙОНАХ СИБИРИ В XVII ВЕКЕ**

В ПРОЦЕССЕ присоединения к Российскому государству южных районов Сибири – Ачинско-Мариинской лесостепи, Минусинской и Кузнецкой котловин, Верхнего Приобья – отрядам русских казаков и служилых людей пришлось столкнуться с опытными, хорошо вооруженными, обладающими эффективным холодным оружием и средствами защиты профессиональными воинами, знакомыми с действием огнестрельного оружия, из состава военных отрядов енисейских кыргызов и телеутов, а также их вассальных племен кыштымов. Сами кыргызские князья в это время являлись вассалами халха-монгольских Алтын-ханов и джунгарских хунтайшей, и в определенных условиях могли пользоваться политической и военной поддержкой. Продвижение военных отрядов русских казаков и служилых людей в начале XVII в. было затруднено тем, что само Московское царство вступило в полосу неудачных войн и внутренней смуты и не могло оказать своим владениям в Сибири существенной военной поддержки. Однако, несмотря на все существовавшие трудности, российским властям в Сибири удалось сохранить и даже приумножить владения в этом регионе. Военная активность российских властей была продиктована необходимостью увеличения сбора ясака, ради чего предпринимались военные экспедиции в районы, населенные таежными охотничьими племенами. В южных районах Сибири пушной охотой занимались кетские, самодийские и тюркоязычные этнические группы, населявшие лесистые горы и долины Кузнецкого Алатау,

Алтая и Саян. В ходе «объясачивания» сибирских аборигенов в южных районах Сибири российскими войсками активно применялось огнестрельное оружие и артиллерия. Хотя сведений об использовании данных видов оружия в русских письменных исторических источниках немного, изучение этих материалов открывает возможность составить определенное представление об эффективности их применения в ходе военных действий против тюркских и монгольских кочевых народов. В царских указах сибирским воеводам в отношении «ясачных иноземцев» говорилось: «если всякие ясачные люди не похотят быти под государевою царьскою выскою рукою», то надлежит «битца с ними сколько милосердный Бог помощи подаст, чтоб впредь были под государевой царьскою рукою послушны и состоятельны, и в вечном холопстве неотступны». Для этого требовалось «с собою взять пушку» и «погромить непослушных иноземцев»¹. Царские власти придавали большое значение демонстрации своей военной силы сибирским аборигенам, чтобы принудить их к подчинению. По прибытию к месту службы воеводам предписывалось огласить государев указ о своем назначении в присутствии построения служилых людей, в «цветном платье и с ружьем», и приглашенных представителей ясачных племен. В то же время сибирским воеводам предписывалось следить, чтобы огнестрельное оружие не попало в руки сибирских «иноземцев». При организации военных походов в новые земли воеводы требовали от подчиненных им администраторов выделять для этого «людей добрых, с вогненным боем». Перед отправкой отрядов в походы производились смотры воинов и оружия. Почти во всех боевых столкновениях, происходивших в южных районах Сибири, русские казаки и служилые люди применяли огнестрельное оружие².

Племена таежных охотников Южной Сибири, практиковавшие пушную охоту, «объясачивание» которых было целью военных мероприятий, ко времени появления в начале XVII в. русских казаков и служилых людей не были независимыми. Они находились на положении кыштымов – «рабов–иноплеменников» кыргызских и телеутских князей, владевших степными районами Минусинской котловины и Верхнего Приобья. Поэтому правители кыргызских княжеств, владевшие племенами кыштымов, пытались всеми доступными им силами и средствами противостоять попыткам российских властей подчинить их своей власти. В течение

последующего исторического периода, со времени первых походов на Енисей в конце XVI – начале XVII вв. и вплоть до угона енисейских кыргызов джунгарами вглубь Джунгарии в 1703 г., сохранялось военное противоборство между российскими войсками и отрядами кыргызских княжеств в Южной Сибири. Об ожесточенности военных действий между енисейскими кыргызами и русскими свидетельствует то, что именно этот сравнительно небольшой по численности тюркоязычный кочевой народ понес самые крупные людские потери в ходе военных столкновений с отрядами русских казаков и служилых людей среди всех сибирских народов³. В отличие от кыргызской правящей элиты, большей частью враждебно настроенной по отношению к российским властям в течение почти всего этого исторического периода, телеутские князья нередко выступали в роли союзников и вассалов сибирских воевод. В ходе военных действий российских войск против военных отрядов тюркских и монгольских правителей в этом районе важным фактором, обеспечившим успешное продвижение на юг российских границ, являлось сооружение российских опорных пунктов – острогов – и военно-техническое превосходство в обладании огнестрельным оружием и артиллерией.

Впервые о возможности покорения российскими властями енисейских кыргызов, населявших Минусинские степи, и телеутов, обитавших на Верхней Оби, упомянул в своей челобитной эшутинский князь Тоян, во владениях которого в 1604 г. был основан Томский острог⁴. При строительстве Томского острога царь Борис Годунов распорядился отправить из Тюмени «пищаль скорострельную, а к ней 200 ядер железных и 300 ядер свинцовых, 10 пуд зелья, 10 пуд свинцу»⁵. В 1605 г. основатель Томска воевода Г. Писемский предпринял попытку подчинения телеутов. Телеутский князь Абак и джунгарские хунтайджи попытались привлечь российские власти к своей борьбе против монгольских Алтын-ханов, для чего согласились присягнуть Московскому царю в 1607 и 1609 гг.⁶ В это же время в Томск был отправлен отряд М. Хлопова, которому было поручено покорить кузнецких татар, на которых претендовали князья енисейских кыргызов и телеутов.

Первые контакты енисейских кыргызов с русскими властями не были открыто враждебными. Верховный кыргызский князь Номча предпринял попытку опереться на помощь российских властей для подчинения своей власти правителей других кыргызских улусов.

Однако, когда с подобными планами в Томск прибыло кыргызское посольство, во главе которого была жена верховного кыргызского князя, томские воеводы Матвей Ржевский и Семен Бартенев ограбили ее, «сняли грабежом шубу соболью»⁷. Это вызвало страшное возмущение среди кыргызской знати. В 1606 г. князь Номча разорил и сжег подвластные томским администраторам татарские волости по р. Чулым. В 1609 г. он согласился платить ясак, но три других кыргызских князя – Кочебай, Ноян и Кашкай – отказались это сделать и ограбили чулымских татар, подданных Московского царя⁸. В 1610 и 1611 гг. войска Номчи разоряли Ачинскую волость. В 1614 г. подвергся военному нападению Томский острог. Погибло много людей. Хлеба были сожжены, а домашний скот угнан. Казаки сделали вылазку, в ходе которой был убит князь Нааян, а кыргызы обращены в бегство⁹. По словам томских служилых людей, в этом походе участвовали не только кыргызы, но и подвластные им племена кыштымов: «государевы изменники киргизские ясашные люди и служилые татаровья: богасарские, и кизилские, и чулымские, и мелецкие, и керекусы, и кузнецкие люди»¹⁰.

В 1615 г. отряд стрельцов И. Пущина и казаков Б. Константинова совершил поход в верховья р. Томи и разгромил племя абинцев¹¹. Этот отряд основал укрепление, в котором был окружен многочисленными войсками джунгар и енисейских кыргызов. Окруженным российским воинам удалось обратить врагов в бегство и многих взять в плен, что побудило местные тюркоязычные племена перейти в российское подданство. В 1618 г. отрядом русских казаков и служилых татар, под командованием О. Харламова, М. Лаврова и О. Кокорева, был основан Кузнецкий острог. Казаки «крепость сделали» и подчинили местные племена¹². Первый гарнизон этого острога состоял всего из 10 воинов¹³.

В 1619 г. на Енисее, севернее владений кыргызских князей, был основан Енисейский острог, который стал важным опорным пунктом русских в Средней Сибири.

В 1621 г. отряд русских казаков, служилых людей и служилых татар, под командованием казачьего головы М. Лаврова и татарского головы О. Кокорева, совершил поход «вверх по Чюлыму реки в Мелесские волости и в Басагары и в Кызылы»¹⁴. Во время этого похода был основан Мелесский острог и несколько малых, временных «острожков», или зимовий¹⁵. Правитель Исарского улуса, кыргызский князь Кора, попытался воспрепятствовать

строительству этого острога, но потерпел полное поражение и попал в плен¹⁶.

Местное население долины р. Чулым, «кизылские и ачинские ясачные люди», оказались на положении «двоеданцев». В их землях «беспрестанно» проживали и собирали дань «кыргызские люди», и требовали пушнину сборщики ясака. В 1630-х гг. княжества енисейских кыргызов оказались под властью правителей Джунгарии, которые, также как и кыргызские князья, стали требовать от кыштымов выйти из российского подданства и не платить дань русским администраторам.

В это время из-за нехватки людей для воинской службы в Сибирь стали активно приглашать иностранцев. Большею частью это были военнопленные времен смуты в Московском царстве. В 1624 г. в составе воинов кузнецкого гарнизона впервые оказались выходцы из польско-литовского государств, вероятно, из числа военнопленных. В дальнейшем в этом гарнизоне еще неоднократно служили выходцы из Речи Посполитой¹⁷.

В ходе подготовки в 1627 г. к военному походу отряда под командованием А. Дубенского «в Качинскую землицу» ему была придана «полковая пицаль» с боеприпасами, в состав которых входило 27 двухфунтовых ядер, а также «затинная пицаль» со 100 железными пульками¹⁸. В следующем, 1628 г., отрядом А. Дубенского на берегу Енисея, при впадении р. Качи, был основан острог, который первоначально назван Качинским, а затем Красноярским. Командиру отряда было велено «на Красном яру острог поставить, и башни порубить, и около острогу рвы покопать, и надолбы поделать»¹⁹.

Острог был обнесен стеной с четырьмя угловыми и одной проезжей башнями. На площади острога был расположен пушечный цейсгауз и пороховой погреб²⁰.

В том же году «качинские и аринские татары отъехали в Кыргызы, и у острогу служилых людей побивали, и ко острогу приступали»²¹. Против них был послан отряд из 140 воинов под командованием И. Кольцова, который разгромил кыргызов, качинцев и аринцев, взял в плен их жен и детей, среди которых была княгиня Кулера²². После этого аринцы и качинцы подчинились. Аринский князь Татуш заплатил ясак и отдал в аманаты своего сына. По требованию российских властей они перестали платить дань Алтын-ханам²³.

В 1629 г. на р. Кан отрядом казаков Е. Остафева был сооружен Канский острог. В этом же году в енисейский острог были посланы пищали и зелье, и свинец²⁴. На переговорах кыргызские князья Ишей Табун и Ишенек отказались платить ясак, потому что кыргызы не ловили соболей. Они предложили служить царю на тех же условиях, что и сибирские татары²⁵. Серьезное сопротивление русским войскам оказали кыргызы Тубинского княжества, которые пытались препятствовать сбору ясака в долине р. Кан²⁶.

В этот период в Западной Сибири восстали барабинские и чатские татары, которых поддержали наследники хана Кучума, телеуты и ойраты. В походе на Чингисов городок отряд Я. Тухачевского взял с собой походные орудия, которые умело использовал в ходе штурма, а затем обороны этого городка²⁷. Это ослабило российские воинские силы, противостоящие енисейским кыргызам. Зимой 1630 г. отряд Д. Злобина совершил поход на князя Иженя и взял в плен его жен и детей²⁸. Он попытался заманить тубинского князя Кояна на переговоры, чтобы захватить его в плен. Однако тот приехал на переговоры с 60 воинами «в кюяках и случным боем». Попытка захватить его во время переговоров не удалась²⁹. В эту же зиму отряд атамана И. Галкина на лыжах и нартах совершил еще один поход против кыргызского Тубинского княжества, одержал победу и взял пленных. Однако на обратном пути кыргызы под предводительством князей Кояна и Сойта их настигли и атаковали. Казаки соорудили укрепление из нарт и лыж и оборонялись 5 дней. Кыргызы отступили и устроили засаду. Однако казаки смогли обойти ее и вернулись в Енисейский острог³⁰. В том же 1630 г. кыргызские князья Табун и Иченей со своими отрядами совершили поход на Красноярский острог³¹.

В 1632 г. при попытке сооружения острога на р. Бие отряд Ф. Пущина столкнулся с сопротивлением со стороны телеутов. Он сражался с ними пять дней и был вынужден вернуться в Томский острог³². В 1634 г. кыргызы под руководством князя Талая совершили поход на Кузнецкий острог и собрали дань с ясачных людей³³. В это же время кыргызы совершили поход сухопутным путем и по Енисею на Красноярский острог. В ходе боев погибло много кыргызских и русских воинов³⁴. Другой отряд кыргызов в этом году напал и ограбил ясачных людей, живших в долине Чулыма³⁵. Кыргызские военные отряды разоряли ясачных людей и лишали их возможности платить ясак российским властям. Они нападали на

пашенных крестьян, жгли посевы и лишали возможности поставлять хлеб служилым людям. Царские власти планировали построить новые остроги в долине р. Кан и в Тубинской землице, чтобы обеспечить получение ясака и увеличить гарнизон Красноярского и Кузнецкого острогов. Первый предлагалось пополнить с 300 до 500 воинов, а во второй прислать служилых из Томска, чтобы «смирить войною» непокорных енисейских кыргызов³⁶. Поскольку кыргызы были вассалами монгольских Алтын-ханов, российские власти попытались договориться с ними при посредничестве монгольского ламы Даин-Мерген-Ланзы. Однако сделать это не удалось. В 1635 г. Кузнецк и Красноярск подверглись новым нападениям кыргызов, ограбили ясачных и пашенных крестьян, угнав у них лошадей³⁷.

В 1640-х гг. между российскими и джунгарскими властями были разграничены сферы влияния в Южной Сибири, в результате чего часть южносибирских племен оказалась «двоеданцами», должна была платить ясак обеим сторонам. Однако противостояние с кыргызскими княжествами сохранилось.

В 1640-х гг. сибирскими воеводами был организован военный поход против енисейских кыргызов, который возглавил опытный военачальник, Тарский воевода Я. Тухачевский, отличившийся ранее в военных действиях против чатских татар и взятии Чингисова городка. Целью этого похода было взятие «Белого каменного городка» – столицы Алтысарского улуса и всей «Кыргызской землицы» и сооружение нового опорного пункта «в Ачинской волости на Сызырине озере»³⁸. В состав отряда было собрано несколько сотен воинов из разных сибирских гарнизонов, в том числе 70 человек «литвы», «черкасов» – украинских казаков – и немцев. Известны имена двух немецких воинов, участвовавших в этом походе: Томас Сакс, русское имя которого «Васька Иванов», и Севастьян Мор. В составе войска был отряд сибирских татар во главе с мурзой Етигером. Многие казаки всячески противились этому походу³⁹. В своей «отписке» в Сибирский приказ в 1639 г. в ходе подготовки к этому походу Я. Тухачевский просил предоставить его отряду сотни шлемов-шишаков, карабинов, шпаг, копий. По его утверждению, «кыргызских конных воинов с копьями и в куяках должно быть не менее четырехсот человек. А пищалей у иноземцев добрых мало». Однако против кыргызов «без копей бится не мощно»⁴⁰. По распоряжению Сибирского приказа Я. Тухачевскому было

обещано «сто пищалей немецких добрых», шесть знамен, пять барабанов, сто лат с шишаками и другое вооружение, амуницию и боеприпасы – зелья и свинцу, «сколько будет пригоже». В Томске он должен был включить в свой отряд «двести человек добрых с вогненным боем»⁴¹. По собранным разведывательным данным, им должны были противостоять более двух тысяч кыргызских панцирных воинов «куяшного боевого люда». Российский отряд настиг войско кыргызских князей Ишея и Иченея близ устья р. Уйбат. В жестокой битве кыргызы были разбиты. Погибло 70 кыргызских воинов, многие были ранены, много жен и детей было взято в плен, захвачена богатая добыча. Кыргызский князь Ишей собрал оставшихся воинов, привлек тубинцев и моторцев и вновь атаковал русских воинов. Бой был жестоким, но русские вновь смогли отбить это нападение. Несмотря на военные успехи, основать острог на р. Уйбат не удалось. Войско Я. Тухачевского повернуло на север, отбиваясь от наседавших кыргызов. По сведениям тобольских «татаровья», принимавших участие в этих боях, «пороху» и «свинцу и зелья» в результате этих боев у них совсем не осталось. Князь Ишей предложил на переговорах вернуть его жен и детей, а сам согласился пропустить русское войско на юг к Саянским горам. Воевода Я. Тухачевский хотел отступить на север и соорудить острог в междуречье Июсов, где находилась ставка кыргызских князей. Однако большая часть его отряда восстала и ограбила своего командира и ушла. Я. Тухачевский с остатками своего отряда смог пробиться в Мелесский острог, где пополнил его служилыми людьми, и соорудить на р. Белый Июс Ачинский острог⁴².

В донесении красноярского сына боярского С. Самсонова 1654 г. сказано, что он принимал участие в походах в Кыргызскую землю, чтобы вернуть бежавших качинцев и аринцев. В следующем походе кыргызы и тубинцы, привычные противостоять конным и пешим воинам, «убоялись струговых людей», среди которых был автор донесения, и покорились. Во время походов в Камасинскую и Тубинскую землю казаки подчинили местные племена и взяли в аманаты детей местных князей⁴³.

В 1667 г. в Южную Сибирь в погоне за Алтын-ханом Лочжаном вторглись джунгарские войска. Войска Алтын-хана потерпели поражение, а сам он попал в плен. Джунгары осадили Красноярск. Гарнизон с трудом смог выдержать осаду, понеся большие потери. Деревни вокруг были сожжены, население угнано в плен. В 1673 г.

джунгары совершили поход в земли кыргызов на Енисее. Князь Иренак признал верховную власть джунгарского хунтайджи Галдана Бошокту-хана. Остальные кыргызские князья также покорились и признали себя вассалами джунгарского правителя. В Минусинской котловине расположилась ставка джунгарского наместника – «посланца». Возглавивший объединение кыргызских княжеств князь Иренак потребовал от воеводы А. Башковского, чтобы ясачные татары, качинцы и аринцы платили ясак джунгарам и кыргызам⁴⁴. В течение последующих лет Иренак неоднократно совершал походы на Ачинск, Красноярск, Канск, Кузнецк и другие российские опорные пункты. Российские власти соорудили еще несколько острогов в кыргызских владениях. В 1674–1675 гг. были сооружены Караульный и Абаканский остроги. Некоторые укрепления кыргызы смогли взять и разрушить. В 1678 г. был сожжен Канский, а в 1679 г. – первый Ачинский острог⁴⁵. В последующие годы джунгары воевали с Маньчжурской империей и Казахскими ханствами. В составе их войск были вынуждены воевать и их вассалы – енисейские кыргызы. В 1687 г. в сражении у Телецкого озера в Горном Алтае объединенное войско джунгар, енисейских кыргызов и телеутов было разбито войсками халха-монголов⁴⁶. В этом сражении погиб кыргызский князь Иренак⁴⁷. Гибель Иренака ослабила воинские силы и решимость к сохранению государственности енисейских кыргызов.

Во время похода российского военного отряда во владения енисейских кыргызов в 1680 г., благодаря использованию пушек, удалось нанести тяжелое поражение противнику на р. Июс и Танча⁴⁸. Во время этих боев российские воины сражались «с пехотой и с пушками» и не понесли потерь, в то время как у енисейских кыргызов «из пушек побили и переранили многих»⁴⁹.

В течение XVII в. гарнизон Кузнецкого острога находился на переднем крае борьбы с кочевниками и неоднократно отражал их набеги. В 1689 г. на вооружении у кузнецкого гарнизона было 10 медных, 3 железные пушки, три затинные пищали – стационарные крепостные ружья на сошках. В составе боезапаса к ним было 902 ядра⁵⁰.

Однако огнестрельное оружие и артиллерия были на вооружении не только у российских воинов. В последней трети XVII в. новые виды оружия стали использоваться и их противниками из тюркских и монгольских народов, воевавших на территории

Южной Сибири. Особо значительных успехов в освоении огнестрельного оружия, ружей и пушек добились джунгары. В 70–80-х гг. XVII в. джунгарские власти произвели массовые закупки ручного огнестрельного оружия в Средней Азии и России. В джунгарской армии были созданы военные подразделения, вооруженные ружьями⁵¹. В конце XVII в. огнестрельное оружие появилось и у енисейских кыргызов. Вероятно, оно приобреталось или обменивалось на другие виды вооружения у джунгар и русских. Несмотря на категорические запреты царских властей, предприимчивые торговцы продавали кыргызам ружья и боеприпасы. Некоторую часть этого оружия кыргызы захватывали в ходе военных действий в качестве трофеев. В источниках упоминается, что кыргызские воины стреляли «из турецких пищалей, из мушкетов, из винтовок и из луков». Характеризуя кыргызских воинов, русские отмечали, что «бой де у них был пищальный и лучной»⁵². По другим сведениям, кыргызские воины воевали «с ружьями, с пищалми» и другими видами оружия⁵³. В хакасском фольклоре упоминаются не только ружья – «мылтых», но и пушки – «албазы»⁵⁴. Однако отсутствие собственного производства огнестрельного оружия и боеприпасов ограничивало возможности его применения.

В начале XVIII в. правители Джунгарского ханства, будучи не в силах воевать на разных фронтах, предпочли угнать енисейских кыргызов в свои владения на р. Эмель. Это позволило российским войскам без боев занять Минусинские степи в Южной Сибири, соорудив оборонительную линию у подножья Саянских гор.

Изучение исторических сведений о ходе военных действий в Южной Сибири в XVII в. со всей очевидностью свидетельствует, что использование артиллерии в ходе боев с отрядами кочевников и обороны острогов от вражеских нападений было весьма важным фактором в борьбе с кочевниками. Особенности театра военных действий способствовали тому, что русские казаки и служилые люди предпочитали использовать в походах на большие расстояния по рекам и степям легкую полевую артиллерию. Походные орудия использовались и при штурме вражеских укреплений. Орудийный огонь помимо своего основного поражающего эффекта оказывал угнетающее воздействие на противника, не привыкшего противостоять воинам, оснащенным пушками.

Использование огнестрельного оружия и артиллерии сыграло важную роль в достижении военных побед над енисейскими кыргызами и джунгарами и в присоединении Южной Сибири к России.

¹ Кызласов Л.Р. Письменные известия о древних городах Сибири. Спецкурс. М.: Изд-во Московского ун-та, 1992. С. 128.

² Бродников А.А. Ручное огнестрельное оружие служилых людей Кузнецкого острога в первой половине XVII в. // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. Кн. II. С. 91.

³ Скобелев С.Г. Демография коренных народов Сибири в XVII–XX вв.: колебания численности и их причины.: Учеб. пособие. Новосибирск: Новосиб. ун-т, 1998. С. 23–25.

⁴ Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд 2-е, дополненное. М.: Изд. фирма «Вост. лит-ра», 1999. Т. I. С. 306.

⁵ Там же. С. 402.

⁶ Там же. С. 309–310.

⁷ Там же. С. 408.

⁸ Там же. С. 419.

⁹ Там же. С. 318.

¹⁰ Резун Д.Я. Русские в Среднем Причудлырье XVII–XIX вв. (Проблемы социально-экономического развития малых городов Сибири). Новосибирск: Наука, 1984. С. 40.

¹¹ Огурцов А.Ю. Русская экспансия в Южной Сибири (постановка вопроса) // Кузнецкая старина. Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 1994. Вып. 2. С. 10.

¹² Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. I. С. 314–315; 444.

¹³ Лизогуб П.П. О начале формирования кузнецкого гарнизона // Кузнецкая старина. Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 2004. Вып. 6. С. 113.

¹⁴ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. II. С. 56.

¹⁵ Резун Д.Я. Указ. соч. С. 40–41.

¹⁶ Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан: Хакас. книж. изд-во, 1957. С. 32.

¹⁷ Кауфман А.О. Артиллерия укрепленных пунктов Кузнецкого уезда в первой половине XVIII в. // Кузнецкая старина. Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 2006. Вып. 8. С. 39.

¹⁸ Бахрушин С.В. Очерки по истории Красноярского уезда XVII в. // Научные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 4. С. 19.

¹⁹ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. II. С. 58, 386.

²⁰ Тарасов А.Ю. К истории изучения Красноярского острога // Народы Приенисейской Сибири. История и современность: Материалы научно-практической конференции. Красноярск, 1–2 декабря 2000 г. Красноярск: РИО КГПУ, 2001. С. 146.

²¹ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. II. С. 396.

- ²² Там же. С. 397.
- ²³ Там же. С. 61–62, 399.
- ²⁴ Там же. С. 404, 407.
- ²⁵ Там же. С. 410.
- ²⁶ Там же. С. 65.
- ²⁷ Уманский А.П. Телеуты и их соседи в XVII – первой четверти XVIII века. Барнаул: БГПУ, 1995. Ч. 2. С. 34–35.
- ²⁸ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. II. С. 71.
- ²⁹ Там же. С. 66.
- ³⁰ Там же. С. 67, 423.
- ³¹ Там же. С. 436.
- ³² Там же. С. 460.
- ³³ Там же. С. 477–478.
- ³⁴ Там же. С. 71, 483–484.
- ³⁵ Там же. С. 487.
- ³⁶ Там же. С. 513–514.
- ³⁷ Там же. С. 74.
- ³⁸ Там же. С. 574.
- ³⁹ Резун Д.Я. Указ. соч. С. 45.
- ⁴⁰ Бутанаев В.Я., Абдыкальков А. Материалы по истории Хакасии XVII – начала XVIII вв. Абакан: Лаб. этнографии Хакас. гос. ун-та, 1995. С. 91.
- ⁴¹ Там же. С. 94–95.
- ⁴² Резун Д.Я. Указ. соч. С. 56–70.
- ⁴³ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. II. С. 629.
- ⁴⁴ Чаптыкова Н.Н. Борьба вокруг «Киргизской земли» в XVII в. СПб.: Нестор, 1999. С. 13.
- ⁴⁵ Очерки истории Хакасии (с древнейших времен до современности). Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2008. С. 249–250.
- ⁴⁶ Чаптыкова Н.Н. Указ. соч. С. 14.
- ⁴⁷ Очерки истории Хакасии ... С. 250.
- ⁴⁸ Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб.: СПбГУ, 2008. С. 630.
- ⁴⁹ Бахрушин С.В. Енисейские киргизы в XVII в. // Научные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 3, Ч. 2. С. 216.
- ⁵⁰ Кауфман А.О. Артиллерия укрепленных пунктов Кузнецкого уезда в первой половине XVIII в. С. 39.
- ⁵¹ Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле в позднее Средневековье и Новое время: Учеб. пособие. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2010. С. 194.
- ⁵² Очерки истории Хакасии ... С. 220.
- ⁵³ Бахрушин С.В. Указ. соч. С. 182.
- ⁵⁴ Бутанаев В.Я. Вооружение и военное дело хакасов в позднем средневековье (по материалам фольклора) // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1981. С. 194.

Э.А. Цеглеев (Киров)

БАТАЛЬОН ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ЕКАТЕРИНЫ ПАВЛОВНЫ: СБОР РАТНИКОВ В РЕГИОНАХ, ФОРМИРОВАНИЕ, БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ (1812–1814)

В ХОДЕ Отечественной войны 1812 г. и Освободительного похода 1813–1814 гг. было вписано много героических страниц в ратную летопись России. Наряду с регулярной армией покрыли себя славой на поле брани казачьи войска, народное ополчение, а также временные воинские формирования, созданные по инициативе патриотически настроенных русских аристократов. Одним из первых таких воинских формирований стал особый батальон, созданный по инициативе сестры императора Александра I, великой княгини Екатерины Павловны.

30 июня 1812 г. Екатерина Павловна написала на имя министра уделов Д.А. Гурьева рескрипт, в котором предложила создать из крестьян ее удельных имений особый батальон. При этом сбор воинов должен был проходить на следующих основаниях:

«1. Со всех имений, удел мой составляющих, взять из ста ревизских душ одного.

2. В число сие принимать предпочтительно тех, кои по усердию к отечеству и к вере добровольно пожелают вступить во временную сию службу; а за сими уже из тех, на которых падает рекрутская очередь.

3. При приеме на сию службу как добровольно, так и очередных придерживаться общих правил, какие при рекрутских наборах наблюдаются в отношении роста, лет и здорового сложения.

4. За всех сих воинов во все продолжение их жизни платеж государственных податей и оброчных денег приемлю я на себя, и

они потому от онаго освобождаются навсегда со дня приема их на службу.

5. При приеме их в селениях не требовать никакой особой одежды и оставить в обыкновенном их платье, провиант и все продовольствие в пути до Твери, где назначается сборное место, получать от моего иждивения.

6. Сбор по селениям сих воинов должен быть окончен в течение двух недель по получении предписания вашего гг. управляющими, которые по истечении сего срока должны отправить их немедленно в Тверь.

7. В Твери должны они быть сданы назначенному к приему их чиновнику. Полное их обмундирование и вооружение, равно и содержание жалованием и провиантом во все время продолжения войны приемлю я на себя.

8. Вследствие Высочайшего соизволения Государя Императора воины сии не будут распределены по полкам, но составят особый батальон и по окончании настоящей войны возвращены будут на прежние жилища в недра своих семейств.

9. Семействам поступивших на службу воинов зачесть их за рекрут при будущих Государственных наборах, хотя бы они и возвратились по окончании войны в дома свои...»¹.

Таким образом, батальон задумывался как добровольческий с последующим расформированием после войны.

3 июля 1812 г. положение о создаваемом батальоне было утверждено Александром I, и он собственноручно написал на составленном Екатериной Павловной рескрипте: «С живейшей признательностью приемлю». Затем рескрипт был направлен в удельное ведомство. Управляющие имениями получили соответствующие предписания от министра уделов Гурьева.

8 июля 1812 г. Екатерина Павловна направила рескрипт вятскому губернатору Ф.И. Фон-Брадке, в котором просила его «содействовать зависящими от него распоряжениями» сбору ратников с ее вятских имений². Подобные же распоряжения были направлены начальникам и других губерний, в которых находились ее имения.

Удельные имения Екатерины Павловны были образованы в соответствии с указом Александра I от 19 апреля 1809 г. о назначении «в удел Ея Императорского Высочества Великой княгини Екатерины Павловны 59 556 душ поселян удельного ведомства», находившихся на территории 12-ти губерний России.

Наибольшее число удельных крестьян великой княгини проживали в Вятской губернии. Там ее уделы располагались в Яранском, Нолинском и Сарапульском уездах. Они были отнесены к трем приказам – Петропавловскому (2967 душ), Кукарскому (2881 душа), Козловскому (2562 души)³. Всего Екатерине Павловне было передано 8410 вятских удельных крестьян. Из донесения управляющего Вятской удельной конторой Шмакина губернатору Ф.И. Фон-Брадке от 18 июля 1812 г. видно, что в вятских имениях Екатерины Павловны в 1812 г. числилось уже 10 477 душ. В Яранской округе состояло 7204 души, в Сарапульской – 3273 души⁴. С этого числа удельных крестьян следовало собрать и отправить в Тверь, где формировался батальон, 105 человек.

Из других губерний нужно было поставить следующее число ратников: Московской – 37, Новгородской – 46, Вологодской – 43, Владимирской – 31, Смоленской – 77, Костромской – 92, Тамбовской – 46, Пензенской – 44, Нижегородской – 80, Орловской – 72, Симбирской – 39. Итого по всем губерниям – 712.

В соответствии с одобренным императором распоряжением великой княгини в губерниях начался сбор ратников в батальон. При этом люди «предпочтительно были избираемы из тех, которые по усердию и ревности пожелали добровольно вступить в службу, а остальные дополняемы очередными». Добровольцами оказались все ратники из Вятской, Симбирской и Тамбовской губерний, а также многие ратники из других губерний⁵.

Расходы на содержание и доставку воинов с момента их избрания брали на себя удельные конторы. При этом допускались и добровольные пожертвования. Так, в Вятской губернии «при выступлении же их в поход общества, из среды коих они набраны, в вознаграждение рвення их на поступление в вызываемую службу выдали им по 10 рублей на каждого, всего 1050 рублей»⁶.

30 июля 1812 г. воины, набранные в Яранской округе (71 человек), вступили в Вятку. 12 августа, преодолев путь по тракту через Глазов и Слободской, на 11 подводках, в сопровождении 1 унтер-офицера и 3 рядовых в Вятку прибыли 33 воина из Сарапульской округи. До отправки в Тверь все воины были размещены для проживания на квартирах у вятских обывателей. Мещане принимали от 1 до 8 человек. Купец Афанасий Караваев и крестьянин Агафон Колотов приняли по 10 воинов. Сдавшие квартиры получали вознаграждение от Вятской удельной конторы.

Для приема и препровождения воинов великой княгиней Екатериной Павловной в Вятку был направлен надворный советник Мякинин. К моменту его прибытия для перевозки воинов по распоряжению вятского губернатора было заготовлено 56 подвод, запряженных в две лошади. Отправка была назначена на 16 августа. В тот день все воины должны были явиться на сборное место – площадь за Стефановской церковью.

18 августа 1812 г. Ф.И. Фон-Брадке отправил великой княгине Екатерине Павловне донесение, в котором сообщал: «Имею счастье вашему императорскому высочеству донести, что собранные с удельного имения воины, всего 103 человека по прибытии, прибывшим для сего надворным советником Мякининым в его ведомство августа 16 числа ввечеру на подводах из Вятки в Губернский город Тверь под начальством губернского секретаря Ульянова отправлены...»⁷.

Формирование батальона происходило в Твери, где Екатерина Павловна проживала со своим мужем, генерал-губернатором Тверской, Новгородской и Ярославской губерний и главным директором путей сообщения принцем Петром Георгом Гольштейн-Ольденбургским⁸. Создание батальона происходило под непосредственным присмотром самой великой княгини. Батальон формировался как егерский и должен был состоять из четырех рот, носивших наименование по номерам. По штату в батальон полагалось: штаб-офицеров – 3, обер-офицеров – 17, унтер-офицеров – 43, рядовых – 816, музыкантов при ротах – 12, нестроевых – 37. Итого – 928 человек.

К концу сентября 1812 г. батальон был сформирован. В нем насчитывалось 904 ратника: 712 поступило из удельных крестьян (из которых 234 оказались добровольцами, а остальные определены были по первой рекрутской очереди), 137 явились вольноопределяющимися, а 55 – из старослужащих солдат. Кроме того, была сформирована резервная рота, насчитывавшая 252 ратника⁹. Таким образом, личный состав батальона составили удельные крестьяне (добровольцы и поступившие по рекрутской очереди), вольноопределяющиеся (в основном тверские мещане и церковнослужители), старослужащие солдаты. Батальон представлял собой специфическое ополченческое формирование.

Для вооружения батальона было отпущено из Петербургского арсенала и Сестрорецкого оружейного завода 1000 ружей со штыками¹⁰.

Также были доставлены патроны и порох. Стрелки батальона были обмундированы в форму егерского образца. Форма состояла из темно-зеленого двубортного мундира с такого же цвета воротником, погонами, обшлагами и клапанами без выпушек. Штаны также были темно-зеленые матросского типа. Через левое плечо надевалась скатанная солдатская шинель. Каждому воину полагался ранец черного цвета. Характерным отличием батальона были высокие шапки с козырьком, вроде киверов, обтянутые черным мехом: у нижних чинов собачьим, у офицеров медвежьим. Подборочные ремни были покрыты медной чешуей. Спереди на шапках крепился вензель императора Александра I. Офицеры носили золотые эполеты и морские полусабли на лакированной перевязи через правое плечо. Нижние чины были вооружены егерскими ружьями со штыками, а также тесаками и кортиками на черных лощеных перевязях. Батальон имел хоругвь с надписью: «Тверь 1812 года за веру царя и отечество»¹¹.

Командиром батальона был назначен флигель-адъютант полковник князь А.П. Оболенский. Великая княгиня Екатерина Павловна сама мечтала возглавить батальон, но при ее статусе это выглядело бы слишком экстравагантно. Впоследствии в письме Н.М. Карамзину она признавалась: «Всего более сожалею я в своей жизни, что не была мужчиной в 1812 году»¹². В итоге ей пришлось ограничиться организационной деятельностью.

В сентябре – октябре 1812 г. формирование и военное обучение батальона проходило в Весьегонске, откуда он был отправлен в действующую армию. Великая княгиня Екатерина Павловна напутствовала воинов следующими словами: «Я уверена, что не найдется ни один русский, который бы опозорил себя стыдом не пожертвовать для Отечества собою и своим рвением»¹³.

В осеннюю кампанию 1812 г. батальон нес охрану территории Тверской губернии от проникновения отрядов мародеров из отступающих наполеоновских войск, а затем действовал в составе отдельного отряда Ф.Ф. Винценгероде¹⁴. Но славу батальону принесло участие в Освободительном походе 1813–1814 гг. 13 апреля 1813 г. особый батальон был определен в 5-ю пехотную дивизию корпуса Г.М. Берга в составе армии П.Х. Витгенштейна и отличился в боях уже в весеннюю кампанию. Из записки, составленной командиром батальона князем А.П. Оболенским, видно, в каких сражениях он принимал участие и чем проявил себя.

Весной 1813 г. батальон был в следующих делах: «...20 апреля под г. Лютценом находился на правом фланге противу дер. Гросгершен, занятой значительным числом неприятеля, препятствовавшим нашей батарее стать на назначенное место. Несмотря на несоразмерность сил, батальон овладел штыками оную деревнею и заставил неприятеля отступить, чем доставил возможность батарее подполковника Литштейна стать на выгодное место.

21-го, 22-го и все последние числа апреля при отступлении армии от Лютцена в ариергарде с 5-ю пехотною дивизиею.

8-го и 9-го числа мая в генеральном сражении при Бауцине на левом фланге в горах. 9-го числа дрался с стрелками и находился уже в тылу неприятеля и получил приказание отступить...»¹⁵.

За отличие в сражении под Люценом, когда, несмотря на двойное превосходство сил неприятеля, батальон штыковой атакой взял деревню Гросгершен, унтер-офицеры Прокофий Прохоров, Федор Иванов, Василий Карпов, Дмитрий Семенов, рядовые Егор Новоселов, Лаврентий Кашин, Филипп Федоров, Поликарп Редикорский, Никифор Данилов, Алексей Васильев были награждены знаками отличия ордена Святого Георгия. В наградном списке о них было сказано: «Находясь весь день впереди стрелков, неустранимостью своею и храбростию подавали пример товарищам своим, поражая превосходство сил неприятельских, под картечными выстрелами первыми бросились на неприятельскую батарею, чем способствовали к прогнанию и истреблению неприятельских колонн, прикрывавших батарею, и во все время вели себя с должным повиновением»¹⁶.

В сражении под Бауценом батальон успешно оборонял позицию в горно-лесистой местности Саксонских Альп, а затем во время отступления русско-прусской армии попал в окружение, но сумел прорваться¹⁷. Успешные действия воинов особого батальона под Люценом и Бауценом особенно выделялись на фоне общего поражения русской армии.

Летом 1813 г. особый батальон поступил в пехотную бригаду генерала Б.Б. Гельфрейха, в составе которой 10 августа вступил в Саксонию в числе войск, подкрепляющих авангард. О дальнейшем боевом пути батальона его командир сообщает следующее: «11 числа командирован в отряд генерал-майора Иловайского 12-го для наблюдения крепости Кенигштейна и... дороги, ведущей из города чрез Глофсдорф к Теплицу. До 14 числа содержал наблюдательные

посты под стенами крепости. 14-го же числа, быв атакован в дефилеи, чрез которую лежит дорога от Кенигштейна в Глофсдорф, несколькими колоннами неприятельской пехоты, один не только удержал оную целой день, но сильным огнем и удачными ударами в штыки заставил неприятеля с потерей значущего числа убитыми, ранеными и в плен взятыми оставить свое покушение.

15-го числа соединился с войсками под командою генерал-лейтенанта графа Остермана.

16-го числа получено приказание занять позицию пред дефилею Бергсубеля; по правую и левую оной сторону уже находились две неприятельские колонны: на правую ударил гвардии Преображенского полка баталион, на другую, покушавшуюся отрезать артиллерию, бросился баталион ее высочества, на штыки истребив большую часть; оные остатки преследовал в лес, которой удерживал до тех пор, как прошла вся артиллерия.

17-го числа от самого Петерсвальда до дер. Кульм прикрывал отступление гвардии, стрелками и сомкнутым фронтом останавливал сильнейшее стремление неприятеля, присоединился же к гвардии под дер. Кульмой, дрался остаток дня в стрелках на левом фланге в горах.

18-го числа в линию при разбитии корпуса маршала Дама»¹⁸.

В сражениях 14–18 августа 1813 г. батальон ярко проявил свои лучшие качества. 14 августа под Кенигштейном, чередуя ружейный огонь и штыковые атаки, он в течение дня оборонял пролежавшую в ущелье дорогу, сдерживая натиск превосходящих сил французов, и заставил их отступить. В бою у местечка Бергсубель 16 августа 1813 г., когда арьергард отступающей после поражения под Дрезденом армии союзников был атакован французами, и возникла угроза потери артиллерии, две роты батальона во главе с майором А.А. Ковалевским внезапно контратаковали неприятельскую колонну, бросившись в штыки. В яростной схватке колонна была уничтожена. Затем батальон занял лес у дороги и удерживал позицию до тех пор, пока артиллерия не была отвезена на безопасное расстояние¹⁹. В этих боях воины батальона показали грамотное чередование и высокие навыки стрельбы и рукопашного боя, умение использовать выгоды занимаемой позиции, стремительность, храбрость и упорство в атаке, хладнокровие и стойкость в обороне.

Отличился особый батальон и в сражении под Кульмом 17–18 августа 1813 г. Генерал-лейтенант А.И. Остерман-Толстой, потерявший

в этом сражении левую руку, в рапорте главнокомандующему русской армией М.Б. Барклаю де Толли от 26 августа сообщал: «... все войска сражались с неимоверным мужеством. Лейб-гвардии полки покрыли себя славою, неприятель возобновлял атаки, употреблял все усилия, все разрушались о твердую грудь неустрашимых <...> Баталион стрелков ее императорского высочества также много способствовал <...> Неприятель до 7-ми часов вечера продолжал с жестокостию нападать на разные пункты, но повсюду встречал гибель и бегство единственным было спасением...»²⁰. Сражение под Кульмом, где был разгромлен корпус Вандама, стало переломным в летней военной кампании 1813 г.

О дальнейшем боевом пути вверенного ему батальона князь Оболенский сообщает следующее:

«21 числа командирован в отряд к генерал-майору Кайсарову для наблюдения и поиску противу неприятеля в дер. Максен, где находился до 30-го числа и был в нескольких с неприятелем сшибках. 2, 3, и 4 сентября находился в авангардных сражениях при Елендорфе и Нолендорфе; 3-го числа, когда вся неприятельская армия наступила на авангард, был в линии, удерживая позиции между Елендорфом и Петерсвальдом; неприятель, выслав наигустейшую цепь стрелков для овладения нашей батареей, – наши стрелки за кавалерию бросились в атаку и захватили множество пленных.

24 сентября вторично командирован в отряд генерал-майора Кайсарова в г. Геру и Пегау и находился в отряде сем до 28-го числа.

28 сентября соединился с авангардом генерал-лейтенанта графа Палена.

1 октября соединился с корпусом генерал-лейтенанта кн. Горчакова 2-го.

В сражении под Лейпцигом 4-го числа вместе с бригадою 5-й дивизии занял нужную для артиллерии на правом фланге дер. Либерволковиц высоту, когда австрийские войска оставили означенную деревню и лес, к ней примыкающий, и неприятель овладел оным. Тогда войска должны были оставить высоту и атаковать лес под сильнейшим мушкетным и картечным огнем; неприятель в четверть часа времени выбит был из лесу, и в сем случае баталион особенно отличил себя.

6 и 7 октября при прогнании неприятеля за г. Лейпциг и далее»²¹.

Таким образом, батальон великой княгини Екатерины Павловны принял участие в основных сражениях военной кампании 1813 г. – под Люценом, Бауценом, Кульмом, Лейпцигом, показав в них высокие боевые качества.

В 1814 г. особый батальон входил в 5-ю пехотную дивизию 1-го корпуса Богемской армии, в составе которой и закончил свой боевой путь. 14 декабря 1814 г. батальон был расформирован. Его потери в боях составили 294 человека²².

Все вернувшиеся домой воины из удельных крестьян были пожизненно освобождены от уплаты податей и оброков. При этом управляющие удельными имениями Екатерины Павловны «по особенному усердию своему к пользам доходов Ея Высочества» переложили повинности вернувшихся воинов на общества, из которых они были призваны в батальон. Так, в вятских имениях великой княгини «в 1813 году по убеждению управляющего <...> общества согласились все вообще денежные повинности за означенных воинов платить сполна до будущей ревизии». А голова Кукарского приказа Антон Черных и писарь Абрам Лутошкин «приняли на себя платеж за тех воинов в мировую складку, первый за 37 подушных 111 руб. в год, а последний на земские повинности по 75 коп. с души, 27 руб. 75 коп...»²³.

Сформированный по образцу волонтерных полков, батальон великой княгини Екатерины Павловны фактически был одной из первых воинских частей ополчения. В то же время батальон имел отборный офицерский состав и был хорошо вооружен. Это позволяло ему эффективно действовать как в атаках, когда с самоотверженной храбростью ополченцев его воины бросались в рукопашные схватки и брали верх над превосходящими силами неприятеля, так и в обороне, когда метким ружейным огнем они косили ряды атакующих французов.

¹ Дополнительные материалы об участии вятчан в освободительной войне // Труды Вятской ученой архивной комиссии. 1912. Вып. 3. Отд. 2. С. 77–78.

² Там же. С. 75–76.

³ Столетие Вятской губернии. 1780–1880. Вятка, 1880. Т. 1. С. 342–343.

⁴ ГАКО. Ф. 582. Оп. 47. Д. 3. Л. 28.

⁵ Языков А. Батальон великой княгини Екатерины Павловны, герцогини Ольденбургской. СПб., 1868. С. 58–59.

⁶ ГАКО. Ф. 582. Оп. 81. Д. 1130. Л. 52, 53.

- ⁷ Там же. Оп. 47. Д. 3. Л. 27.
- ⁸ Арутюнян В.Г. Генерал-губернаторства в начале 1820-х гг. // Вестник Московского университета. Серия 8 «История». 2005. № 4. С. 73.
- ⁹ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Т. 2. Д. 3127. Л. 7.
- ¹⁰ Там же. Д. 2733. Л. 66.
- ¹¹ Отечественная война 1812 г. Энциклопедия. М., 2004. С. 269.
- ¹² Собко Е.М. Великая княгиня Екатерина Павловна // Вопросы истории. 2004. № 3. С. 137.
- ¹³ Детков И.В. Батальон великой княгини // По родному краю. Сборник краеведческих материалов. Киров, 1991. С. 57.
- ¹⁴ Ильин М.А. Память истории. Тверской край в Отечественной войне 1812 г. Калинин, 1962. С. 13.
- ¹⁵ Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. Сборник документов. М., 1962. С. 216.
- ¹⁶ РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208 в. Св. 45. Д. 11. Л. 258.
- ¹⁷ Муравьев Ю.П. Тверской добровольческий батальон (1812–1814 гг.) // Военно-исторический журнал. 1994. № 8. С. 96.
- ¹⁸ Народное ополчение в Отечественной войне... С. 216.
- ¹⁹ РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208 в. Св. 45. Д. 17. Л. 125–127.
- ²⁰ Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и Освобождение Германии. Сборник документов. М., 1964. С. 254–255.
- ²¹ Народное ополчение в Отечественной войне... С. 217.
- ²² РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208 в. Св. 45. Д. 23. Л. 4.
- ²³ ГАКО. Ф. 582. Оп. 81. Д. 1130. Л. 52, 53.

Д.Г. Целорунго
(п. Бородинское поле, Московская обл.)

ПОТЕРИ И ПОПОЛНЕНИЕ НИЖНИМИ ЧИНАМИ ЧАСТЕЙ РУССКОЙ ПОЛЕВОЙ АРТИЛЛЕРИИ ПЕХОТЫ И КАВАЛЕРИИ В ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ 1812 ГОДА

В ХОДЕ Отечественной войны 1812 г. командованию полевых армий и Военному министерству ценой больших усилий удавалось сохранять боеспособность боевых воинских частей на приемлемом уровне, для чего в ходе войны постоянно восполнялись их потери, что нашло свое отражение в месячных рапортах по личному составу частей за июнь – декабрь 1812 г.

С целью исследовать механизм восполнения потерь, понесенных русской армией в ходе кампании 1812 г., мы привлекли данные из месячных рапортов артбригад, пехотных и кавалерийских армейских полков 1-й и 2-й Западных армий. Были привлечены для исследования данные за июнь 1812 г. на 22 566 солдат и за декабрь 1812 г. на 9938 солдат, состоявших налицо в своих воинских частях, а также на 14 971 воинов, поступивших на пополнение в действующие воинские части в течение всей кампании. В качестве исходного архивного материала мы привлекли количественные данные о состоянии личного состава из месячных рапортов пяти гренадерских, четырех пехотных, трех егерских, пяти кавалерийских полков и пяти артбригад¹ (см. таблицу 1). Таким образом, в количественном отношении мы располагаем данными на 41 328 солдат или 8,0 % от общей совокупности личного состава строевых и нестроевых нижних чинов армейских частей войск Армии Его Императорского величества по состоянию на 1 января 1812 г. в 480 922 человек², что является вполне репрезентативной выборкой для нашего исследования. В свою очередь, показатель в 41 328 человек

состоит из наших данных на 22 566 человек, состоявших в строю на 1 июля 1812 г., и данных на 14 971 человек, поступивших в части за вторую половину 1812 г. в качестве пополнения (см. таблицу 1). В результате обработки привлеченных данных можно сделать некоторые выводы о потерях и пополнениях частей полевой артиллерии, армейской пехоты и кавалерии. Известно, что потери убитыми, ранеными, пропавшими без вести, больными в течение всей кампании 1812 г. были большими, особенно в пехотных частях, в которых, по нашим данным, на 1 января 1813 г. оставалось в строю не более 10 %, а во многих полках и менее этого показателя, старослужащих рядовых, начавших военную кампанию в составе этих полков. Для сравнения, по нашим расчетам, в частях полевой артиллерии этот показатель составлял около 70 %, в кавалерии более 50 % (рассчитано по показателям табл. 1, 3).

Табл. 1

**Соотношение наличного состава нижних чинов
воинских частей русской армии по состоянию
на 1 января 1813 г. к их наличному составу на 1 июля 1812 г.**

Полки и артбригады	1.01.1813		1.07.1812	
	Чел.	%	Чел.	%
Гренадерские полки				
Малороссийский	889	65,8	1352	100
Киевский	669	47,9	1398	100
Аракчеева	771	48,9	1578	100
Сибирский	846	64,7	1308	100
Фаногорийский	459	36,3	1265	100
Всего	3634	52,7	6901	100
Пехотные полки				
Копорский	369	23,5	1570	100
Бутырский	685	57,8	1185	100
Белозерский	355	29,0	1205	100
Рязанский	361	20,7	1740	100
Всего	1770	31,0	5700	100
Егерские полки				
5-й	415	32,0	1295	100
6-й	864	60,5	1427	100
20-й	220	16,2	1357	100
Всего	1499	36,7	4079	100

Потери и пополнение нижними чинами артиллерии пехоты и кавалерии в 1812 г.

Полки и артбригады	1.01.1813		1.07.1812	
	Чел.	%	Чел.	%
Кавалерийские полки				
Малороссийский кирасирский	238	41,2	578	100
Новгородский кирасирский	303	41,7	726	100
Ингерманландский драгунский	294	44,7	658	100
Иркутский драгунский	296	53,0	557	100
Уланский татарский	715	57,0	1254	100
Всего	1846	49,0	3773	100
Артиллерийские бригады				
Батарейная рота № 3, легкая рота № 2 Первой артбригады *	313	70,8	442	100
Легкая рота № 2 Первой артбригады	122	56,2	217	100
Легкая рота № 5 Третьей артбригады	85	43,1	197	100
Батарейная рота № 4, легкая рота № 8 Четвертой артбригады	173	33,6	515	100
Батарейная рота № 6, легкая рота № 11 Шестой артбригады	387	70,0	553	100
Легкая рота № 16 Девятой артбригады	109	57,7	189	100
Всего	1189	56,3	2113	100
ИТОГО	9938	44,0	22566	100

* Данные за ноябрь 1812 года.

За полгода боевых действий 1812 г. пехотные части в количественном отношении один раз почти полностью сменили свой наличный рядовой состав, причем старослужащие рядовые, по нашим данным, в основном заменялись новобранцами. Напротив,

более половины рядового состава артиллерийских рот и кавалерийских полков к концу кампании 1812 г. состояло из старослужащих солдат. Так, в восьми артиллерийских ротах четырех артбригад на 1 июля 1812 г. состояло 2113 нижних чинов, их убыль за всю кампанию 1812 г. составила 683 человек, которая была восполнена 334 нижними чинами, что составило 49,0 % от убыли. На 1 января 1813 г. численность нижних чинов данных артиллерийских частей составляла 56,0 % от численности на 1 июля 1812 г. (см. табл. 1, 3).

По нашим подсчетам, произведенным на основе данных из полковых месячных рапортов за июнь-декабрь 1812 г., соотношение количества общих потерь нижних чинов к наличному его составу на начало войны для полевой артиллерии за всю кампанию 1812 г. составляло 35 %. Для сравнения, в собственно пехотных полках она составляла, по нашим данным, 89,0 %, в кавалерии – 45,0 % (см. таблицу 1, 3).

Русское командование считало, что пехотный полк, имевший в строю менее 300 рядовых, то есть менее 20% списочного состава двух действующих батальонов, являлся небоеспособным. В приказе по 1-й Западной армии от 29 августа 1812 г. указывалось, что полки, в коих менее 300 рядовых во фронте, сформировать немедленно из двух батальонов один³.

Относительные показатели наличного состава нижних чинов воинских частей различных родов войск на 1 января 1813 г. к довоенному наличному составу за июнь месяц на 1 июля 1812 г., по нашим подсчетам, были следующими: в гренадерских полках – 53,0 %, в пехотных полках – 31,0 %, в егерских полках – 37,0 %, в кавалерийских полках – 49,0 %, в полевой артиллерии – 56,0 % от довоенного наличного состава. Причем следует учитывать, что к началу войны рядовой состав собственно пехотных и егерских полков состоял по преимуществу из старослужащих солдат, а на 1 января 1813 г. их наличный состав состоял по преимуществу из новобранцев. В гренадерских полках, благодаря их пополнению солдатами из расформированных вторых запасных батальонов этих же полков и сводных гренадерских батальонов, удалось сохранить в их составе пропорцию, при которой старослужащих к концу года в гренадерских полках было более 50 %.

Как известно, в ходе боевых действий 1812 г. полевые воинские части русской армии несли значительные потери убитыми, ранеными, пропавшими без вести и особенно больными. Эти потери

необходимо было оперативно пополнять для поддержания боеспособности этих частей.

В кавалерийские части пополнение в течение кампании 1812 г. поступало нерегулярно и в небольших количествах, по нашим данным 1–16 % от наличного состава кавалерийских полков по состоянию на 1 июля 1812 г. Это явление можно объяснить, во-первых, тем, что общие потери кавалерийских частей за всю кампанию 1812 г., по нашим подсчетам, не превышали 50 % от их списочного состава, следовательно, кавалерийские полки своей боеспособности даже без пополнений к концу кампании, как правило, не теряли. Во-вторых, запасные и резервные эскадроны кавалерийских полков в начале войны были сведены во вновь сформированные действующие полки или были включены в действующие части. В начале войны новые кавалерийские резервы стали готовиться в резервных войсках генерала Д.И. Лобанова-Ростоцкого, но из них пополнение стало поступать в действующие войска в основном только к середине 1813 г.

Чтобы выяснить, за счет каких пополнений удавалось русскому командованию сохранить боеспособность действующих частей, мы выявили источники их пополнения за вторую половину 1812 г. Главным источником – около 90,0 % пополнения собственно пехотных полков – были новобранцы, часть которых являлись рекрутами, то есть необученными новобранцами, сведенные в партии и приведенные напрямую из сборных пунктов в воинские части, они могли получить азы начальной военной подготовки главным образом на марше. Вместе с тем рекруты – это не единственный контингент новобранцев, поступавших в воинские части действующей армии. К контингенту новобранцев можно отнести и рядовых солдат, поступавших в линейные части из четвертых резервных батальонов соответствующих действующих полков, сформированных в ноябре 1811 г. из рекрутских депо 1-й линии, а также из резервных номерных полков, сформированных 24 июня 1812 г. из рекрутских депо 2-й линии. В отличие от рекрутов, они состояли на службе, как правило, от нескольких месяцев до года и успевали получить в той или иной степени начальную военную подготовку, находясь в месте дислокации своей воинской части. Значительную часть рекрутов удавалось командованию резервных частей в течение 1812 г. формально переводить из разряда рекрутов в разряд рядовых или, как их официально еще именовали, старослужащих солдат, и по

Источники пополнения действующих частей

Источники пополнения	Гренадерские полки		Пехотные полки	
	Чел.	%	Чел.	%
Из новобранцев: солдат резервных частей и рекрутов	1014	14,6	3017	89,9
Из сводных гренадерских батальонов	1823	26,2	–	–
Из 2-го батальона своего полка, из рот своей артбригады	2932	42,2	6	0,2
Из 2-х батальонов других полков	63	0,9	–	–
Из 4-го резервного батальона своего полка	385	5,5	–	–
Из других четвертых резервных батальонов пехотных полков	554	8,0	18	0,5
Из других полков и артбригад	133	1,9	28	0,9
Из резервных артбригад	–	–	–	–
Из 9-ти резервных егерских полков	–	–	–	–
Из ратников	–	–	264	7,9
Из плена	11	0,2	–	–
Из ранее числившихся без вести пропавшими	25	0,4	12	0,4
Из бегов	8	0,1	3	0,1
Из выздоровевших	2	0,03	8	0,2
Завербовано из вольных людей	–	–	–	–
ВСЕГО	6950	100,0	3356	100,0

* Данные только по Татарскому уланскому полку.

документам эти новобранцы показывались как старослужащие рядовые и в таком статусе направлялись на пополнение в действующие воинские части. Та часть из них, которая по разным причинам и, прежде всего, по краткости пребывания на службе не успевала получить чин рядовых, поступая из своих резервных частей на пополнения в действующие части, показывались по документам как

в Отечественную войну 1812 г.

Егерские полки		Кавалерийские полки		Артиллерия		ВСЕГО	
Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
821	19,8	110	58,2	71	21,3	5033	33,6
–	–	–	–			1823	12,2
87	2,1	–	–	5	1,5	3030	20,2
–	–	–	–			63	0,4
13	0,3	–	–			398	2,7
678	16,4	–	–			1250	8,3
–	–	8	4,2	118	35,3	287	1,9
–	–	–	–	95	28,4	95	0,6
1892	45,7	–	–	–	–	1892	12,6
295	7,1	–	–	–	–	559	3,7
20	0,5	–	–	1	0,3	32	0,2
16	0,4	19	10,1	2	0,6	74	0,5
3	0,1	–	–	6	1,8	20	0,1
317	7,7	–	–	36	10,8	363	2,4
–	–	52*	27,5	–	–	52	0,3
4142	100,0	189	100,0	334	100,0	14 971	100,0

рекруты. Тем не менее, в документах нередко этот контингент пополнения показывался в одних случаях как рядовые, в других как рекруты.

В гренадерских полках, по отмеченным выше причинам, удельный вес новобранцев среди пополнения в кампанию 1812 г. составлял только 14,6 % (см. табл. 2). Командиры некоторых гренадерских

Показатели убыли нижних

Контингенты убыли	Гренадерские полки		Пехотные полки	
	Чел.	%	Чел.	%
Раненые и больные	6556	76,2	3487	64,3
Убитые и без вести пропавшие	1723	20,0	1147	21,2
Переведены в гарнизонные части или отставлены по неспособности к строевой службе	–	–		0,0
Отставшие на марше	288	3,3	778	14,4
Бежавшие (дезертиры)	38	0,4	8	0,1
ВСЕГО	8605	100,0	5420	100,0

полков старались вовсе обойтись без этого контингента пополнения. Так, во всех месячных рапортах за 1812–1814 гг. командир Санкт-Петербургского гренадерского полка делал характерные приписки «Рекрут полк себе ниоткуда не ожидает»⁴.

Менее процента от общего количества пополнения в действующие воинские части, буквально доли от процента, приходились на вернувшихся в строй солдат из категорий без вести пропавших, бежавших из плена и возвращенных из бегов, эти показатели относились в равной степени как к гренадерским, так и к пехотным и егерским полкам. Более значимые относительные показатели этих категорий среди пополнения в кавалерию и артиллерийские части можно объяснить малыми объемами абсолютных показателей пополнения в эти рода войск (см. табл. 2).

Особо следует обратить внимание на незначительные количественные показатели пополнения во второй половине 1812 г. из категории выздоровевших старослужащих солдат. Их насчитывалось среди пополнения гренадерских – 0,03 %, пехотных – 0,2 % и егерских полков – 8,0 %, всего по пехоте – 2,2 %. В пополнении артиллерийских частей из категории выздоровевших солдат было 11,0 %, в пяти кавалерийских полках таковые в месячных рапортах вовсе не были отмечены. Тем не менее, в октябре 1812 г. в госпиталях уже скопилось значительное количество выздоровевших солдат, и даже в документах за это время можно встретить отчет об

чинов на конец 1812 г.

Егерские полки		Кавалерийские полки		Артиллерия		ВСЕГО	
Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
3823	50,3	691	40,6	417	61,1	14974	62,4
3565	46,9	877	51,5	218	31,9	7530	30,4
77	1,0	2	0,1	9	1,3	88	0,4
86	1,1	18	1,1	16	2,3	1186	5,0
54	0,7	114	6,7	23	3,4	237	1,0
7605	100,0	1702	100,0	683	100,0	24 015	100,0

отправке выздоровевших нижних чинов в действующую армию. Из госпиталей, располагавшихся около Касимова, Елатьмы и Меленков, по отчету было отправлено в действующую армию в конце октября 1812 г. от 8 до 10 тыс. выздоровевших нижних чинов, но вместе с тем в том же документе сообщалось, что отправленные выздоровевших к армии задерживалось, т. к. готовые к походу партии, не имея зимней одежды, ожидали подвоза собранных в соседних губерниях полушубков и сапог⁵.

По данным из месячных рапортов гренадерских и пехотных полков за 1812–1813 гг., выздоровевшие раненые и больные из госпиталей в массовом порядке стали поступать в полки только летом 1813 г., и то, по нашим наблюдениям, их доля в общем пополнении пехотных полков значительно уступала доле, приходившейся на новобранцев.

Гренадерские полки на 1 января 1813 г. имели немногим более половины своего довоенного состава. Для сравнения, большинство собственно пехотных полков на 1 января 1813 г. имели 20–30 % своего довоенного состава (см. табл. 1). Хотя и здесь имелись исключения, например, Бутырский пехотный полк, наличный состав которого на 1 января 1813 г. насчитывал 58 % довоенного, но, в отличие от гренадерских полков, главным источником их пополнения были рекруты и рядовые первого года службы, поступавшие из резервных частей, в меньшей степени – ратники Московского и Смоленского ополчений.

Кавалерийские полки в течение кампании 1812 г., по названным выше причинам, получили минимальное пополнение, которое, по нашим подсчетам, в среднем не более чем на 10 % покрыло потери полков.

Анализируя качественный состав русской пехоты, необходимо иметь в виду, что в армейских собственно пехотных и егерских полках действующей армии к концу кампании 1812 г. и в кампаниях 1813–1814 гг. доля новобранцев различных категорий среди рядового состава, без учета нестроевых солдат, составляла более половины, а во многих полках доходила до 90 % и выше, приближаясь к 100 %⁶.

Артиллерийские части из-за относительно небольших потерь к концу 1812 г. сохранили в своем составе большинство старослужащих солдат (потери артиллерийских орудий в исследуемых нами артиллерийских ротах отмечены не были), тем самым, они сохранили свою высокую боеспособность.

Таким образом, мероприятия русского правительства и командования вооруженными силами, проводимые в предвоенные годы и в ходе Отечественной войны 1812 г., дали возможность в значительной степени поддерживать укомплектованность воинских частей действующей армии, что, в свою очередь, сыграло положительную роль в поддержании их боеспособности и, в конечном счете, помогло привести русскую армию в 1812 г. к победе над сильным противником.

¹ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 98, 136, 350, 785, 1121, 1177, 1189, 1198, 1230, 1253, 1661, 1667, 1740, 2200, 2207, 2359, 2378, 2683, 3788, 3808, 3818, 3835.

² РГВИА. Ф. 11. Оп. 3. Д. 584. Табель о состоянии сухопутных войск Армии Его Императорского Величества за 1811 г. с показателем, существовавшим к 1 января 1812 г.

³ Бородино: Документальная хроника. М., 2004. С. 130.

⁴ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1219. Л. 27, 78.

⁵ Там же. Ф. 396. Оп. 1. Д. 12. Л. 113.

⁶ Формулярные списки солдат, поступивших в качестве пополнения за 1814 г. в Рязанский пехотный полк и 50-й егерский полк. РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 786, 1879.

T. Цесельский (T. Ciesielski) (Poland)

**FROM UTILITARIAN TO ARTISTIC WEAPONS.
ARMAMENT OF THE ARMY
OF THE POLISH – LITHUANIAN
COMMONWEALTH IN XVIII CENTURY**

AT THE BEGINNING of the 18th century in almost all European countries the unification process of the equipment of units, military formations and even entire armies had been finished. As far as the armament was concerned the main principle was that all soldiers of an independent unit, i.e. a regiment, had to be equipped with identical firearms and melee weapons.

As early as by the half of the 18th century in some European armies this principle applied to entire formations (infantry, dragoons, cavalry of various types). This was caused by attempts at minimizing the costs of equipping expanding armies on the one hand, and at increasing their combat efficiency on the other. As a result two issues had to be harmonized – the lowest possible price of the equipment, its good quality with regard to certain simplicity of use and efficiency aimed at eliminating the opponent, as well as operational durability. The latter resulted from legal regulations applicable in specific armies, which stipulated that firearms were subject to replacement every 10, 12 or even 15 years. As far as melee weapons were concerned their lifespan was slightly shorter, i.e. 6–10 years. As for the defensive armaments, in the case of cavalry formations where it had been retained, they were to remain a part of the equipment until they could be no longer used due to damage. All those requirements along with manpower count, which in the case of countries operating actively in international political arena amounted to between 180 thousand and over 300 thousand soldiers, effected a large scale of armament production in specialized manufactories. This was conducive

to the standardization of armament, and following the loss of individualisation characteristic of craft manufacturing both firearms and melee weapons lost most of their artistic features. They became ordinary, utilitarian instruments.

The Commonwealth did not implement any regulations, even most general ones, related to equipping an army as a whole entity, and this was not changed during the Warsaw negotiations in the second half of 1716 and at the beginning of 1717. Only for the foreign recruitment units in Lithuania in 1709/1710 and in the Crown in 1717 certain regulations concerning the equipment were introduced, however those did not apply to entire infantry and dragoon formations but to specific single regiments. Separate “rule statutes” prepared for each regiment, however, determined only the quantity of the weapons and the principles of the equipment replacement. Responsibility for following those regulations was placed on the shoulders of the commanders of regiments and companies. The commanders were responsible for the armaments acquisition even though the weapons should have been of the same type and the acquisition should have taken place in the same time for the entire regiment. Weapons were supposed to be replaced every 12 years, except for the officer’s smallswords replaced every 5 years¹. In fact the decisions concerning the acquisition of new weapons were made by the regiment commanders who up to the 1780-s had difficulty in keeping up with the time limits of weapon replacement specified in the regulations of 1717. As an effect it was quite common that the regiments used carbines and pistols which were over a dozen or even several dozen years old. In the case of the field regiment formed between 1728–1730 the first replacement of firearms simultaneously in the entire unit took place no sooner than in 1756, i.e. after the carbines had been used for 26 years, even though as early as in the second half of 1740-s a large percent of the firearms were described as dilapidated². Infantry regiments of the queen and the great crown hetman Jan Klemens Branicki at the end of 1750-s used carbines over twenty years old. One of the battalions of the latter regiment at the beginning of 1760-s was equipped with weapons in such a bad condition that it was not safe to shoot even using “blank cartridges”. In 1765 a part of Kamieniec Podolski garrison used weapons so old that “by no means it could be used for public matters”³. The main reason why the weapon replacement terms were not met was the lack of sufficient financial means. Small budgets of particular regiments were structured in such a way that even a slightest failure in following

the budget system rules or even a minor financial abuse caused by the commanders resulted in the necessity of expanding the operational period of the equipment. Meanwhile the legal regulations were simply encouraging for the commanders to appropriate the regiment's funds for themselves.

Another problematic issue was also the purchase of firearms which actually were not manufactured in Poland. At the beginning of 18th century both carbines and pistols were manufactured on a small scale near Kielce, in the forges of Cracow bishops and in an armoury located in Przysucha⁴ owned by the Małogoszcz castellan Antoni Czermiński. In the second decade of the century, the third decade at the latest, those workshops ceased to operate and for the following two – three decades there was simply no armoury workshop capable of manufacturing in a suitably short time even a small lot of carbines and pistols of the same type.

Not before the middle of 18th century weapon manufacturing on a larger scale was launched in an armoury workshop in Pomykowo near Końskie, it was a part of a metallurgical enterprise established by chancellor Jan Małachowski. However, it achieved operational capacity allowing the production of larger orders not before the second half of the 1760-s, for example, in 1766 – 210 flintlock carbines with bayonets for Kamieniec Podolski garrison, and in 1767 – 220 carbines and 226 pairs of pistols for the dragoon regiment of the field crown hetman. Weapons manufactured in Pomykowo presented sufficient barrel durability and good accuracy of aiming⁵.

In the 18th century the main source of firearms supplies was importation. Until the 1760-s the infantry purchased the weapons in a Saxon manufactory in Suhl, and the dragoons purchased the products manufactured in both Saxon and Prussian armoury workshops. They were not always capable of completing the orders sent from Poland, and moreover, during military conflicts quite common in Central Europe, there were also problems concerning the delivery of the manufactured products to the buyer.

The equipment of the soldiers of foreign contingent consisted of the following:

- infantry: privates and cadets – a flintlock carbine with bayonet, a backsword, a mould for making bullets, a kreuzer; carpenters – additionally a small axe; fourier (provisioning officers) – a flintlock carbine and a pair of pistols; drummers and feldshers (field surgeons) –

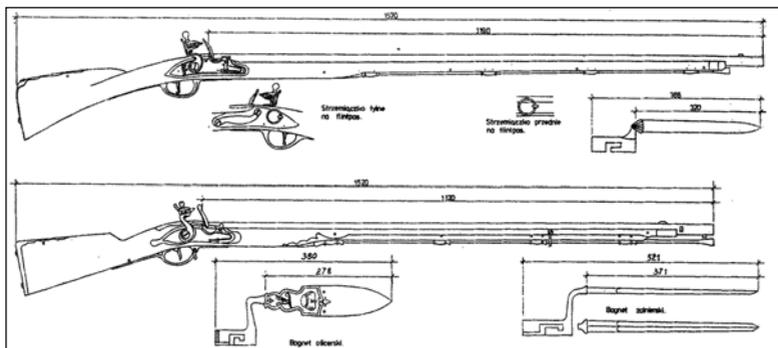
a backsword or a smallsword; non-commissioned officers – a pair of pistols, an sword or a backsword and the so-called “kurzgewehr” i.e. a short spontoon which was mainly a symbol of power; officers – a pair of pistols and an sword, and in the grenadier units a flintlock carbine with a shot bayonet⁶.

- dragoons: a carbine with a bayonet, a pair of pistols, a backsword, a mould for making bullets, a kreuzer; officer and non-commissioned officers did not have carbines, and instead of a backsword they were armed with smallswords⁷.

Without a doubt since the end of the second decade of the 18th century all units of the foreign recruitment were equipped with flintlock weapons, which were introduced in the Crown army as early as in the last decade of the 17th century⁸. Unfortunately, on the basis of the preserved sources it is impossible to clearly specify the types or origins of the flintlock carbines. Infantry used carbines of type 1722 and upgraded type 1744. Inspired on French carbines from 1717, they presented the following parameters: type 1722 – total length 1570 mm (the barrel 1190), calibre 18.3 mm (bullet 17.65 mm), weight 4.8 kg; type 1744 – total length 1520 mm (barrel 1120), calibre 18.3 mm (bullet 17.65 mm), weight 5.1 kg.

The 1722 type had a wooden ramrod with a steel head, and the 1744 type had a steel ramrod with a conical head⁹. The latter was introduced into the crown army as early as in 1749 when carbines with steel ramrods became a part of the infantry guard, followed by the infantry regiment and the “Hungarian” infantry “free” company of W. Rzewuski in 1752 and 1754¹⁰. Certainly the same type of weapon was purchased for the field regiment in 1756. The dragoons certainly used shorter carbines manufactured in Prussia, type 1720 and pistols of type 1740. Description of the carbine: total length 1110 mm (barrel 730), calibre 19 mm (bullet 17.65 mm); wooden ramrod with a steel or horn head. Description of the pistol: total length 560 mm (barrel 294), calibre 16.5 mm (bullet 14.7 mm), weight approx. 1.45 kg¹¹.

Carbines and pistols imported from Saxony and Prussia were typical weapons produced in manufactories, fully standardized. They lacked any ornaments, although contemporary researchers may consider some elements of stock and flintlock trimming as ornaments. It was possible that decorative elements were present on flintlock carbines constituting the equipment of the janissary banners considered to be parade banners¹².

Pic. 1. Flintlock carbine with bayonet type 1720 (manufactured in Prussia) and type 1744 (Saxony, Suhl). Source: M. Maciejewski, Broń strzelecka, Szczecin 1991, tab. 1

As far as melee weapons are concerned, undoubtedly the manufactured standardized production consisted of bayonets. Polish and Lithuanian infantry were equipped with socket bayonets imported from Germany, up until 1764 mostly from Saxony. Initially they had flat blade and since the end of the 1740s a triangular one, 320–380 mm long (total length of the bayonet was 460 mm)¹³. This type of weapon completely lacked any ornaments.

Other type of melee weapon included in the equipment of infantry and dragoons was also mostly imported from Saxony, Silesia and Prussia – backswords and smallswords. Backswords were part of the dragoon regiments' equipment and partly of the infantry. The blade was up to 88 cm long, wide, straight or almost straight. These were usually single-edged (fit for cutting) and their hilt was of the sabre type. Officers' backswords sometimes had a more complex guarded basket sabre type hilt, ornamented with the Commonwealth's and royal coats of arms¹⁴.

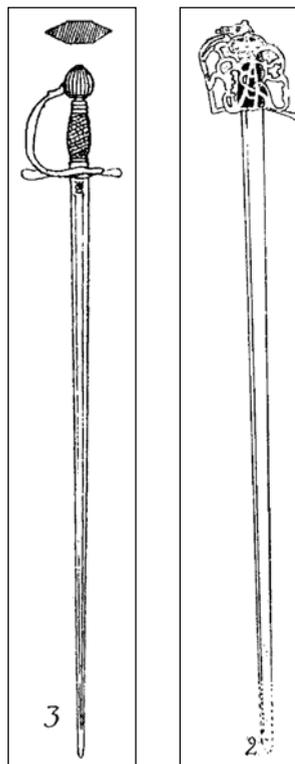
The smallsword was a combination of edged and stabbing weapons. Its distinctive feature was a straight blade up to 90 cm long. In the Saxon times the smallsword became an almost exclusively officers' weapon in the infantry and crown artillery corps. The dominant type was definitely the German army smallsword with brass hilt with a cross-hoop crossguard, with 8-shaped or heart-shaped shell and a double-edged blade of a flattened hexagon cross-section. Officers of particular regiments used standardized smallswords with the royal initials AR imprinted on the blade and with silver or gold-plated brass.

Some of the infantry units used falchions instead of backswords and smallswords – it was an edged weapon similar to the smallsword but shorter. Polish army used two types: “saxonian” and “janissary”. The first one had a blade up to 85 cm long, a closed hilt (brass or a more unique one with a wooden leather-covered grip, with brass quillons and pommel) with a hoop-shaped right-angled crossguard. Janissary falchions were “Polish specialty” and a part of Janissary banners’ equipment. They had an open karabela – type hilt, a cross-shaped crossguard with terminals bending downwards and folded towards the blade. In the middle of the cross, on gold-plated and dotted background there were the AR initials surmounted with a crown. The hilt was brass cast, silver-plated in the case of the non-commissioned officers’ falchions. The blade was short and straight, up to 65 cm long (total length of the weapon 82.5 cm). Scabbards were wooden, covered in black leather with brass ferrules and throat, silver-plated¹⁵.

It seems that janissary falchions and officers’ backswords were the only weapons in the infantry equipment of more elaborate artistic value.

In the case of the national recruitment units the legal regulations, or more the lack thereof, allowed less unified armaments.

Between 1716–1717 there were no standard requirements regarding the equipment of the hussar, pancerni (heavy), petyhorcy or light banners and within the following decades the hetmans were not particularly eager to introduce any standard equipment regulations even in the case of issues as important as trigger mechanisms of carbines or pistols. Only when the country was facing a substantial crisis related to the death of August III great crown hetman Jan Klemens Branicki decided between

**Pic. 2–3. Officers
smallsword
and backsword.**

**Source: Dziewanowski W.
Zarys dziejów
uzbrojenia w Polsce.
Warszawa, 1935. P. 37, 64**

18 and 21 November 1763 to issue universals regulating the matters concerning defence armament, pole weapons and uniforms of the national recruitment units. Pursuant to those universals by 1 May 1764 all soldiers were to be equipped with the following: in hussar banners – lances and full armours; in pancerni (heavy) banners – pikes, breastplates, coifs, bevors, spaulders and vambraces; light banners – only offensive weapons¹⁶. These regulations were of very general character and as a result until 1775 the national recruitment units used traditional and tested solutions (which were not necessarily suitable for the 18th century conditions) thus granting the rittmeisters great liberty with regard to equipping the banners, and the companions the retinues. They were only required to equip the soldiers with operational offensive and defensive weapons and ammunition.

Since the 1720 some units of the national recruitment began to settle the equipment – related issues, however, it was of “rank-and-file” character, officers themselves and companions participating in banner councils determined the parameters of the armaments, principles of acquisitions and operational time limits.

The national recruitment unit’s equipment ought to be divided into two categories: banner and retinue (“poczec” in Polish). Banner equipment was prepared and maintained by a rittmeister and financed from collective banner funds. It was rather unimpressive as it consisted of a banner or a pennon, drummer’s kettledrums and in the case of hussar banners also trumpets. In the middle of the 18th century as a result of resolutions of banner councils, some banners included into their equipment also defensive weapons, coats and mituks (type of shabrack). The latter were usually property of the companion who presented “poczec” (“retinue”), as well as other elements of the uniform, firearms (carbine, pair of pistols or bandolets), sabre and horses. Newly recruited companions were obliged to join the banner with their fully equipped poczet (retinue) and during the entire military service take good care of maintaining it in proper position. It resulted in some significant expenses, in the case of the hussars the horse alone cost 100–200 ducats (in Poland called “red zloty”). Moreover there were luxurious elements of a companion’s equipment, including a few excessively embellished saddles, bits, bridles, hackamores and other accessories, wolf and leopard furs, a lance, a few karabels and sabres, firearms, charging kit, armour and properly rich apparel, which as a result could amount to even two thousand ducats (red zloty)¹⁷. It was significantly less expensive to equip

a pancerni (heavy) poczet member – at the turn of 1720s and 1730s approx. 20–30 red złoty (horse not included)¹⁸.

The armament of particular formations of national recruitment cavalry:

- hussars: a smallsword, a koncerz sword, a bandolet, a pair of pistols;
- pancerni (heavy) and light cavalry: a 180–210 cm long spear, a smallsword, a bandolet or carbine and a pair of pistols.

Pole weapon was withdrawn from use in the cavalry of honourable coats of arms in the last decades of the 17th century – in 1689 hetman Stanisław Jabłonowski ordered the hussars to replace their lances with additional firearms and bandolets¹⁹. This increased the combat efficiency of a banner, which was favourable during battles with the Turks and Tatars, however, it also meant that using the advantages of heavy cavalry in order to break the opponent's formation was no longer applied. Lances used as training weapons were reintroduced into the hussar's equipment by great crown hetman Adam Mikołaj Sieniawski in the spring of 1725. His order emphasized the meaning of historical war traditions of the Polish cavalry and victorious battles where the use of pole weapons during the attack contributed to the success. However, hetman's motivation had nothing to do with respect for the ancestors or the will to increase the combat value of the troops, he simply wanted to expand the training routine of the units garrisoned in their quarters with another element. Sieniawski himself tested the efficiency of such a solution by equipping his own hussars banner with lances, however, they were reduced to the shaft only, and additionally only 10 pieces were allotted to all the poczets (retinues) at a time²⁰. This frugality resulted from the fact that the cost of manufacturing lances was high and it was difficult to find a craftsman capable of producing them. In 1751 in an important military supply centre – Lvov, there was only one craftsman capable of manufacturing pole weapons²¹. At the turn of 1763 and 1764 Andrzej Mokronowski informed Franciszek Bieliński that there was a craftsman capable of manufacturing hussars lances in Białystok, and he suggested that it was a good idea to send a carpenter's apprentice there in order to learn this “very easy to comprehend” profession. Bieliński, however, declined this concept and suggested that Mokronowski should negotiate with the craftsman from Białystok in order to have the lances manufactured for his hussars banner at a reasonable price²².

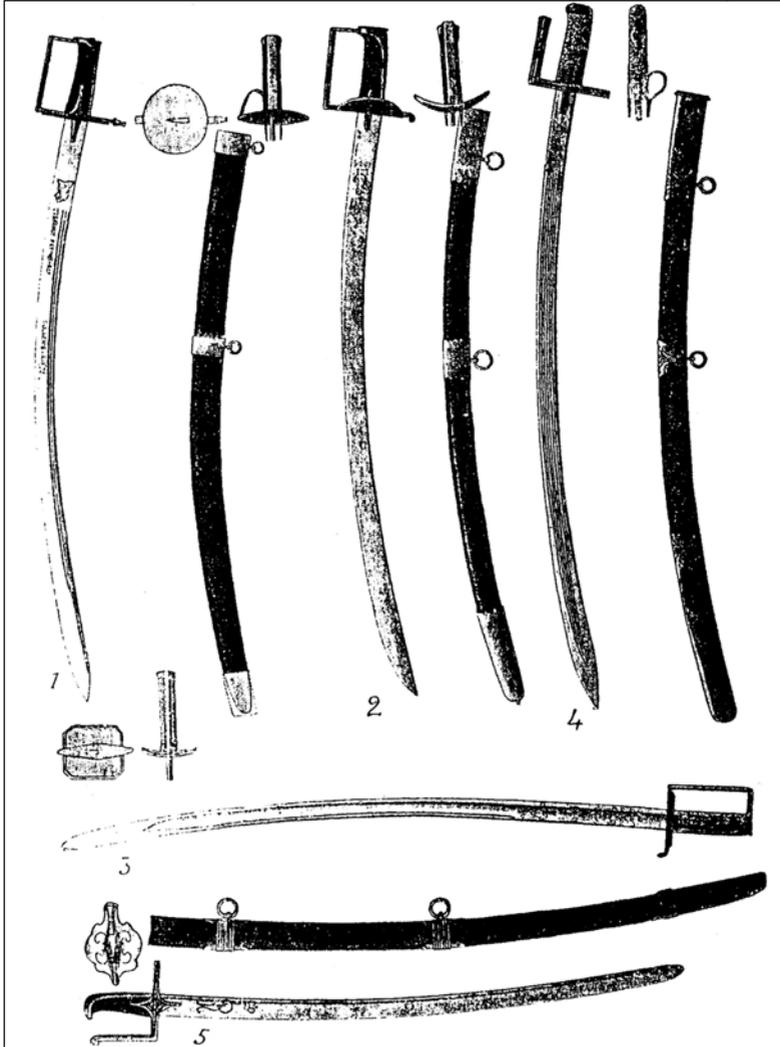
As far as combat pole weapon is concerned, spears became a compulsory element of the equipment of pancerni (heavy) cavalry in

1746 pursuant to the order of hetman Józef Potocki²³. In 1763 Jan Klemens Branicki with the universal issued on 21 October ordered the hussars had to be equipped with lances and the pancerni (heavy) cavalry with spears²⁴.

In the 18th century in Poland melee weapons were replaced with backswords and smallswords of new type, although until the half of the century the hussars banners were still equipped with koncerz swords, and most of the noblemen used older, more or less elaborately ornamented types of sabres, often of karabela type²⁵. In the banner of Józef Ossoliński, pursuant to the council's resolution of August 1748, backswords were established as more valuable edged weapon, as they were deposited at the command, and the soldiers of the poczet (retinue) during their "everyday" duty were supposed to use sabres²⁶. The following year backswords were purchased for the royal pancerni (heavy) banner, and in 1751 for the pancerni (heavy) banner of Józef Wolski (with a steel basket – type hilt)²⁷. In the spring 1763 backswords of "the same modelling", with an eagle embossed on the hilt, were made for all poczets (retinues) of the royal hussars²⁸. The backswords used in the national recruitment units varied from the ones of dragoons and infantry. The only thing they had in common was the name resulting from the confusion of definitions – in the Saxon times the term backsword, initially with additional description "hussar", referred to the closed – hilt sabres, and in the provisions regulating the equipment of the Polish army of Stanisław era the term sabre was replaced with "a curved backsword" whereas the actual backswords were referred to as "straight backswords". The backswords used in the national recruitment units were more expensive.

Koncerz sword used only by the hussars was a weapon intended for stabbing only, it was useful in breaking through chain mails. Used in Europe since the Middle Ages, in Poland it became a part of the cavalry equipment in the 16th century. It had a large spherical pommel, a cylindrical grip and a bar or bar – cross-shaped crossguard. The 140–150 cm blade was triangular or square in cross – section. The hilt and the scabbard were usually made of metal or covered with silver, silver- or gold –plated engraved plates, and in the exclusive (parade) variety incusted with decorative gems. As the koncerz sword was quite long it was difficult to use because it was impossible to take it out from the scabbard attached to the saddle with a single move. That is why many weapon experts claim that it was used by hussars' officers as they did not

use lances and were capable of wielding a koncerz sword from the very beginning of an attack. After lances had been withdrawn from use, the meaning of koncerz sword increased as it was an offensive weapon which

Pic. 4. Polish sabre from 18th century. Source: Dziewanowski W. Zarys dziejów uzbrojenia w Polsce. Warszawa, 1935. P. 59

could be used in order to reach the enemy from a distance not allowing the use of a sabre or a backsword. This would be a good explanation of the fact that koncerz sword remained a part of the hussars' equipment for as long as by the half of the 18th century.

The sabre was the most fundamental melee weapon used by the Polish and Lithuanian armies since the second half of the 16th century. It had a single edged, moderately curved blade, no yelmen, 80–86 cm long (the hussar's variety was over 86 cm long), in a more sophisticated variety (and probably the most expensive one) concave on both sides or with one or two fullers from the edge's side and two ridges from the spine's side. Pommels of the military sabres were engraved with the AR initials standing for Augustus Rex. In the case of ornamented parade sabres the hilt was usually open, and in the military ones it was closed (two varieties). Scabbards were made of either iron plate or wood and covered in black leather. According to A. Nadolski the equipment of privates of the cavalry and Hungarian infantry included sabres similar to backswords with the least expensive flat blade with one ridge.

There is not much information related to firearms included in the equipment of the national recruitment cavalry. Within the first years following 1717 a significant percent of them were equipped with matchlock weapons, but gradually it was replaced with flintlock ones. Some of the banners purchased the carbines, bandolets and pistols from Silesian, Pomeranian and Polish gunsmiths. In 1748 the council of the banner of Józef Ossoliński decided to use the hiberna tax means to acquire 25 identical sets of weapons with accessories, i.e. carbines, pistols, backswords, bandolettes and charging kits. The equipment was to be distributed between all "poczty" (retinues) and any remaining extra items were to be deposited at the command post and conveyed to newly recruited soldiers who paid for it from their first soldier's pay. The equipment could also be purchased by additional companions, however, such transactions ought to have been completed in cash. In the case a companion died or left the service, the weapons could be re-purchased by the banner's treasury.

Only the hussars and "pancerni" (heavy) cavalry of the Commonwealth's armies were equipped with defensive weapons. The hussars used armours and karacena armours (kind of scale armour)²⁹. At the beginning of the 18th century armours of the so-called "junior" type were popular, they weighed between 12 and 20 kg. Elements of such armours included a breastplate with faulds, bevors, spaulders, vambraces

and a helmet. Instead of the latter pocztowi (retinue) soldiers often used the so-called pappenheimers. Breastplates, which were the basic defensive element, were 38–44 cm long and 37–40 cm wide, weighing 3.3–6 kg. They were made of 4 mm wrought iron plates. In the middle they had a “bone” (a ridge) throughout the entire length. Upper parts of

Pic. 5. Hussars so called “half” armours.

Source: S. Kobielski, Chorągiew husarska pułku hetmańskiego Rzewuskich i jej zbroje, [in:] Studia do dziejów dawnego uzbrojenia wojskowego, cz. 1. Kraków, 1963. P. 46

the breastplates, tips of the faulds, arms and sides there were buckles or orifices for attaching leather straps. Armours had decorative elements varying as far as the level of ornamentation is concerned. For example, in the case of the hussars banners of Rzewuscy these were the following items made of brass: knight's crosses placed centrally in the breastpiece; decorative buttons on pins connecting the tips of the faulds and along the neck and armpit openings; round or diamond-shaped brass rosettes on the faulds; decorative lines of simple circles and stripes embossed on the faulds. Another type of hussars' defensive equipment – karacena armours (scale armour) consisted of a leather plate covered with riveted scales made of metal, metal spaulders and scale helmets. Such a set could weigh up to 25 kg, which in addition to its high price effected its gradual withdrawal from the hussars' cavalry equipment at the beginning of the 18th century. Karacena armours were still in use for some time during mainly as parade or officers' armours, they were finally withdrawn from the hussars' armaments by a hetman's order in 1746³⁰. Since May 1764 pursuant to a hetman's universal the hussars banners were to use only full plate armours³¹. As most of the hussars' banners were used as parade units during various public and private celebrations, the hussars' wings' remained a part of the equipment. Hetman Rzewuski's banner replaced their wings with new ones or supplemented the stock as early as in 1766. The hussars' wings and "plain" sabres cost 731 zloty. However, the wings were defective³².

In the pancerni (heavy) cavalry the use of kalkan shields (round eastern type shield) was discontinued, and at the turn of 1730s and 1740s great hetman Józef Potocki suggested that iron kaftans and chainmail helmets – expensive, heavy, undurable and providing little protection against carbine bullets – should be replaced with breastplates with bevors and with the so-called "plate" helmets³³. Jędrzej Kitowicz sets the date of the defensive armament replacement for the middle period of reign of Augustus III, ensuring that at the moment of that monarch's death only 4 banners used traditional armours³⁴. Amongst those who did may have been the royal banner whose companions during the council in December 1740 decided to refit the equipment of poczty (retinues) with armours, chainmail helmets and vambraces, i.e. armaments of earlier type³⁵. Since May 1764 pursuant to hetman's order the plates of new type constitute the only statutory standard defensive armament of the pancerni (heavy) cavalry³⁶. Apart from the cost of a horse, the purchase of defensive equipment was second largest position in the poczet (retinue)

equipping expenses list. At the end of 1720s a breastplate, vambraces and chainmail helmet cost 120 złoty³⁷. Thus it was not surprising that in some banners there were fewer armours than soldiers. Armours of a new type were slightly less expensive, but with regard to their artistic value they were much poorer, even plain.

The majority of melee and defensive weapons used by the national recruitment cavalry was produced locally. Sabres, smallswords, backswords, falchions and bayonets were manufactured in Gorzków, Staszów, Michałów, Świątyniki, Koszniów, Berczów and Warsaw. Moreover, they were manufactured partly from elements prefabricated in forges located in Drzewica, Suchedniów, Samsonów, Konstantynów, Baranów, Ogonów, Ostojów, Majaków and Miedziana Góra. The latter also prepared at least prefabricated elements for manufacturing armours and cuirasses. The metallurgical workshops in Samsonów and Suchedniów also manufactured finished armours – in August 1751 Cracow bishop Andrzej Stanisław Załuski solicited from hetman Jan Klemens Branicki for delegating col. Christian Dahlke to the workshops in Samsonów in order to implement solutions allowing production of lighter and stronger defensive plates more useful for the army³⁸.

Until 1775 the armies of the Commonwealth of Poland and Lithuania presented express dualism as far as the issues of armament were concerned. In the foreign recruitment units the equipment included weapons of strictly utilitarian quality, with the most significant requirements being durability and combat operational efficiency. This also concerned the armaments of the units named as guards. There the parade features were present in the uniforms and optional decorative details placed e.g. on the poles of officers' batons and the kurzgewehrs of the non-commissioned officers, or on the hilts of backswords or smallswords.

Utilitarian aspects were also of greatest significance during making decisions related to the choice of armament for the light cavalry banners of the national recruitment, however in the case of Tatar banners in the Lithuanian army they presented some "oriental" features. Artistic features of the used weapons were of greater importance in the case of the banners of hussars and pancerni (heavy)/Petyhorska cavalry and also in the janissary infantry units. Such an attitude also included particularly expensive elements of the equipment constituted by armours and the so-called "plates", which as late as since 1740s had

been replaced with less decorated and thus more durable ones. It also seems that the artistic aspects dominated over the utilitarian ones in the case of those formations and a substantial part of the armament did not present any greater operational value with respect to firearms or edged weapons, however, its distinctive form turned pistols, sabres of charging kits into works of art.

¹ Biblioteka im. Ossoliński we Wrocławiu (BOss), 282; Biblioteka Polskiej Akademii Umiejętności i Polskiej Akademii Nauk w Krakowie (PAUiPAN), 3870; Archiwum Państwowe w Poznaniu (APPOz), Archiwum Antoniego Kossowskiego (AAK), 1; Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie (AGAD), Archiwum Roskie (ARos), Militaria (M). Box 6; AGAD, ARos, II, 8. P. 147 and next.

² Центральний державний історичний архів України, м. Львів (ЦДІАУЛ). F. 181. Descr. 2, 2676. P. 4–5; APPOz, AAK, № 6. P. 9–15, № 9, P. 11, 15; Letters to J. Tarło from K.G. Henniggs, Okopy Św. Trójcy 31.01, 03.02, 10.02, 16.02, 24.02, 31.03.1737, BOss, 17770. P. 850–857, 861–862, 869–870; J. Witkowski. Okopy Św. Trójcy 05.01.1737 // Центральний державний історичний архів України, м. Київ (ЦДІА-УК). F. 254, Op. 1, 217. K. 3–4; L. Nagrodzki to K. Cieszkowski, Warszawa. 06.06.1756, AGAD, ARos, Korespondencja (K). Box XXIX, 34. P. 46–49;

³ M. Kuczyński to Polish Military Council, Kamieniec Podolski 01.03.1765. B. Pawłowski. Wojsko koronne i Komisja Wojskowa w dobie konfederacji barskiej 1768–1772. “Przegląd Historyczno-Wojskowy”. T. 10. 1938. P. 196.

⁴ J. Pazdur. Produkcja broni palnej na Kielecczyźnie w XVIII w. // Studia Kieleckie. 2/42. 1984. P. 19.

⁵ APPOz, AAK, 9. P. 11 and 15; Letters to A. Małachowski from K. Suszkowski i J. Chodkiewicz, 12.10.1762, 11.02.1763, 29.02.1764, Archiwum Państwowe w Kielcach, Archiwum Małachowskich, 501. P. 49–50, 55, 130. J. Pazdur. Produkcja broni palnej. P. 19; H. Zawadzki. Fabryka broni w Końskich – Pomykowie // Studia i Materiały do Historii Wojskowości. T. 17. Cz. 1. Warszawa, 1971. P. 204–205.

⁶ Львівська Наукова Бібліотека НАН України ім. В.Стефаніка (ЛНБ). F. 5, 6739; Archiwum Państwowe w Krakowie (APKr), Archiwum Podhoreckie (APodh), III: Teki Andrzeja Potockiego (TAP). Box V, 1/6c; AGAD, ARos, M, Box 6; J. Benda. Kampamenty Jana Christiana Mocka // Muzealnictwo Wojskowe. T. 2. Warszawa, 1964. P. 345 and next; J. Wimmer. Historia piechoty polskiej do roku 1864. Warszawa, 1978. P. 319.

⁷ K. Górski. Historia jazdy polskiej. Kraków, 1894. P. 123.

⁸ M. Wagner. Zmiany w uzbrojeniu wojsk polskich na początku XVIII wieku // Technika a wojna X–XX w. / Pod red. P. Matusaka i J. Piłatowicza. Siedlce, 2000. P. 133; J. Wimmer. Historia piechoty. P. 271; K. Górski. Historia piechoty polskiej. Kraków, 1893. P. 319.

⁹ M. Maciejewski. Broń strzelecka wojsk polskich w latach 1717–1945. Szczecin, 1991. P. 17–18. Tab. 1. Fig. 1.

¹⁰ AGAD, ARos, M, Box 5; APKr, APodh, III TAP, Box V, 1/14 and other disordered files. J. Kitowicz dates the introduction of iron ramrod carbines for approx. 1759 “kiedy Moskale, wojując z królem pruskim Fryderykiem II, wielką moc broni, tak

Prusakom w różnych bitwach zabranej, jako też swojej własnej, po zginionych swoich soldatach, w Polsce zostawili” (“when the Moskals, fighting with the Prussian king Frederick II a great number of weapons, both taken in various battles from the Prussians and their own, of their dead soldiers, left in Poland”) Opis obyczajów za panowania Augusta III / Ed. R. Pollak. Wrocław, 1951. P. 328. The sources lack information concerning the purchase of such weapons for the foreign recruitment regiments, however, we cannot exclude the possibility that it was purchased by the cavalry of the national recruitment.

¹¹ M. Maciejewski. Broń strzelecka. Szczecin, 1991. P. 16–18. Tab. 1.

¹² S. Kobielski. Polska broń. Broń palna. Wrocław, 1975. Il. 85.

¹³ M. Maciejewski. Broń strzelecka. P. 17–18. Il. 1.

¹⁴ Z. Żygulski. Stara broń w polskich zbiorach. Warszawa, 1982. № 39 b, 42–42; Z. Stefańska. Muzeum Wojska Polskiego. Katalog zbiorów wiek XVIII. Warszawa, 1960. Pos. 53–55.

¹⁵ Z. Żygulski. Stara broń. № 27 c–d; Z. Stefańska. Muzeum. P. 39. Pos. 70.

¹⁶ Wojewódzka Biblioteka Publiczna im. Jopacińskiego w Lublinie (WBPL), 1008; BPAUiPAN, 1132. P. 27v–28.

¹⁷ After Wojciech Plemięcki, a companion of the royal hussars banner had died in 1732, the following remained: a “great hussars” tack, made in Kraków from almost 3.8 kg of silver, incrustated with turquoises and rubies, with a gold-plated crownpiece, breastgirth and crupper (900 tynf); a “small Circassian tack” made from 300 g of gold-plated silver (50 tynf); a saddle with full equipment, hemmed with silver and gold-plated with 2 turquoises (18 tynf); a “Circassian” gold-plated saddle semi-hemmed with silver (56 tynf); a simple “groom’s” saddle for the companion; a pocztowy (retinue) saddle; 2 “red hussars” mituks (shabracks); 2 pairs of pistols; a karabela sabre made of damascenian steel decorated with gold and with silver straps (50 tynf); enameled karabela sword trimmed with gold with straps and gold “prickles” (170 tynf); a straight enameled sabre with gold-plated elements; a charging kit with gold studs; a gold – studded charging kit; vambraces made of damascenian steel decorated with gold (50 tynf); iron vambraces decorated with silver (30 tynf); leopard fur with a silk lanyard. BOss, 11853. S. 445–446, 459.

¹⁸ ЦДІАУЛ. F. 181. Descr. 2, 2317. P. 9–10.

¹⁹ M. Wagner. Zmiany w uzbrojeniu. P. 150; M. Wagner. Stanisław Jabłonowski (1634–1702). Polityk i dowódca. Part 2. Siedlce, 1997. P. 142–143; K. Górski. Historia jazdy polskiej. P. 115.

²⁰ A.M. Sieniawski to T.J. Zamoyski. Brzeżany 23.02.1725 and Oleszyce 24.05.1725, AGAD, AZ, 577. P. 909, 919.

²¹ Biblioteka Jagiellońska w Krakowie (BJ), 78. P. 60v.

²² F. Bieliński to A. Mokronowski. Warszawa 27.01.1764. AGAD. Teki Skimborowicza. XXII. 7/50. K. 7.

²³ J. Potocki to A. Małachowski. Warszawa 08.12.1746. Biblioteka im. Książąt Czartoryskich w Krakowie (BCz), 3366. K. 221.

²⁴ WPBL, 1008.

²⁵ Specific types of melee weapons were described on the basis of: A. Nadolski, Polska broń. Broń biała. Wrocław i in. 1984. P. 107, 112, 122–129, il. 108–109, 115–15–158, 160; Z. Żygulski. Broń w dawnej Polsce na tle uzbrojenia Europy i Bliskiego Wschodu. Warszawa, 1982. P. 271–272, 275–281; W. Dziewanowski. Zarys dziejów uzbrojenia w Polsce. Warszawa, 1935. P. 38.

²⁶ BJ, 6059. P. 57–59v.

From utilitarian to artistic weapons. Armament of the Polish-Lithuanian army in XVIII

- ²⁷ W.W. Nieszkowski to A. Małachowski. Krzepice 15 XII 1749. BOss, 11832. P. 157–159; WPBL, 835. P. 1.
- ²⁸ BOss, 11905. P. 240–251; W. Kłuszewski to A. Małachowski. Ludyna 3 III 1763. BOss, 11826. P. 299–300.
- ²⁹ J. Kitowicz. Opis obyczajów. P. 308–309; S. Kobielski. Chorągiew husarska pułku hetmańskiego Rzewuskich i jej zbroje // *Studia do dziejów dawnego uzbrojenia wojskowego*. Cz. 1. Kraków, 1963. P. 32–49; B. Gembarzewski. Husarze. Ubiór oporządzenie i uzbrojenie 1500–1775. Warszawa, 1999. Passim; Z. Bocheński. Ze studiów nad polską zbroją husarską // *Rozprawy i Sprawozdania Muzeum Narodowego w Krakowie*. T. 6. 1960. P. 12–52; M. Wagner. Zmiany w uzbrojeniu. P. 124–125; Z. Żygulski. Broń w dawnej. P. 265, 267–269; Z. Żygulski. Stara broń. № 12, 21, 22, 25, 26.
- ³⁰ J. Potocki to A. Małachowski. Warszawa 8 XII 1746, BCz, 3366. K. 221; Z. Bocheński. Karaceny polskie XVII–XVIII w. // *Broń i Barwa*. 1938. № 6–7. P. 106–136.
- ³¹ WPBL, 1008.
- ³² S. Kobielski. Chorągiew husarska. P. 36.
- ³³ *Kurier Polski*. Year 1746. № 509.
- ³⁴ J. Kitowicz. Opis obyczajów. P. 313.
- ³⁵ ЛНБ. F. 5, 7923. P. 89–93; BOss, 11905. P. 204–205; J. Laskowski to A. Małachowski, Krzepice 26.03 and 17.09.1759. BOss, 11827. P. 33–34 and 11828. P. 47.
- ³⁶ WPBL, 1008.
- ³⁷ ЦДІАВЛ. F. 181. Descr. 2, 2317. P. 9–10.
- ³⁸ BJ, 78. P. 60v.

В.А. Чернухин (Санкт-Петербург)

КУРСКАЯ БИТВА – ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ДЕСЯТИЛЕТИЯ

ЧЕРЕЗ некоторое время Российская Федерация, ее Вооруженные силы торжественно отметят 70-летие выдающегося события военной истории нашего Отечества – Курской битвы. Она стала символом всемирно-исторического подвига советского народа в Великой Отечественной войне. По своему размаху, привлекаемым силам и средствам, напряженности, результатам и военно-политическим последствиям она является одной из крупнейших не только в Великой Отечественной войне, но и во Второй мировой войне в целом. И по праву день Победы советского оружия в Курской битве на основании Федерального закона от 13 марта 1995 г. за № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России» стал Днем воинской славы России¹.

Парадоксально, но факт: чем меньше порой проявляется интерес со стороны ряда отечественных исследователей к событиям Великой Отечественной войны, тем с большим вниманием к ним относятся зарубежные военные специалисты. К таким событиям относится и Курская битва. Ей посвящены сотни книг, статей в энциклопедиях, многотомных трудах о Второй мировой войне. «Тигры горят», «Курск. Величайшая в истории танковая битва» – так назвали свои труды американские историки М. Кейдан и Э.Гольдберг; «Поворот 1943 года. Харьков-Орел», «Наступление на Курск», «Цитадель. Величайшая танковая битва на Востоке» – так звучат названия западногерманских авторов А. Конради, С. Штадлера, И. Энгельмана. Немало вышло исследований битвы и в других странах.

Что же ищут зарубежные историки, военные специалисты в минувших битвах и сражениях, в том числе в сражениях жаркого лета 1943 г., развернувшихся на огромной территории в центре советской России? Ответ один – на Западе тщательно относятся к изучению летописи величайшей битвы. Однако в ее анализе и обобщениях четко просматриваются два направления:

– **первое** связано с многочисленными попытками фальсификации Курской битвы, с задачей ввести современного читателя в заблуждение относительно целей, задач и замыслов противоборствующих сторон, принизить достижения советского военного искусства (стратегии, оперативного искусства, тактики);

– **второе** направление исследований за рубежом предполагает использование боевого опыта, полученного советскими командующими и штабами в теории и практике управления войсками в Курской битве для решения практических задач при ведении современных локальных войн и конфликтов.

Анализируя имеющиеся источники, следует отметить, что доминирующим фактором, определявшим фронтовую обстановку к лету 1943 г., являлись последствия Сталинградской битвы. Главная ударная группировка фашистской коалиции потерпела серьезное поражение. Однако ударных возможностей, на что надеялось советское командование, она не утратила. Противник смог оправиться от поражения, восстановить боеспособность многих своих соединений, особенно бронетанковых. И уже в марте 1943 г. нанес по войскам Красной армии ряд контрударов, в частности, на Южном направлении. Здесь немцы остановили наступление наших армий и вновь захватили Харьков и Белгород, после чего, в общем-то, и образовался знаменитый Курский выступ.

Немецко-фашистское командование, учитывая начертание линии фронта, проведя тотальную мобилизацию, стремилось к реваншу за Сталинград. Летом 1943 г. Гитлеру нужна была только победа, надо было показать всему миру, что Германия еще сильна, обелить себя в глазах союзников. Подобный решительный настрой на победу со стороны германского командования связывался с рядом факторов. В частности, оно было уверено в том, что и в 1943 г. союзники СССР не откроют второй фронт. Их тайным девизом были слова сына Черчилля Рандольфа, который еще в 1941 г. заявил: «Наилучшим исходом вооруженной борьбы Гитлера с СССР был бы такой, когда последний немец убьет последнего русского и ляжет мертвым рядом с ним...»².

Разгромить три советских фронта, сосредоточенных на выступе, нанесением двух мощных концентрических ударов под его основание, а затем снова ринуться на юг к Сталинграду и на Кавказ, а также в обход Москвы с юго-востока – таковы были планы немецко-фашистского командования. Символически свою наступательную операцию они назвали «Цитадель», предполагая после ее успешного осуществления больше не допускать отступления, превратить Европу в своего рода крепость-цитадель («Festung Europa»). Гитлер не разрешил в этой операции использовать войска своих союзников румын, итальянцев и др. Победу ему должны принести только представители арийской нации, немцы – пусть весь мир увидит ее мощь и величие.

В подписанном Гитлером оперативном приказе Ставки вермахта № 6 о подготовке наступления под Курском подчеркивалось: «Каждый командир, каждый рядовой солдат обязан проникнуться сознанием решающего значения этого наступления. Победа под Курском должна явиться факелом для всего мира»³. Приказ требовал использовать для наступления на Курской дуге лучшие соединения, наилучшее оружие, опытнейших командиров, возможно большее количество боеприпасов. При этом необходимо подчеркнуть, что приказы и указания Гитлера войскам основывались на выводах генерального штаба и других высших инстанций вермахта, отражали намерения и установки всего военно-политического руководства фашистской Германии, а не одного фюрера. Бывший начальник штаба 48-го танкового корпуса вермахта, автор ряда исторических трудов о событиях Второй мировой войны Ф. Меллентин, принимавший участие в операции «Цитадель», признает, что «ни одно наступление не было так тщательно подготовлено, как это»⁴. Под Курском враг сосредоточил 50 отборных дивизий, в том числе 16 танковых и моторизованных. Это составило около 70 % танковых, до 30 % моторизованных и более 20 % пехотных дивизий от общего количества соединений сухопутных сил вермахта на советско-германском фронте. Здесь же действовало свыше 65 % всех боевых самолетов, находившихся на Востоке⁵.

Стремясь разгадать намерения противника, советское командование пристально следило за его действиями. Целенаправленная деятельность всех видов разведки помогла раскрыть замысел врага, установить состав его ударных группировок и направление готовившихся ударов, то есть получить важные данные для принятия

наиболее целесообразного решения. Это был крупный успех советского военного искусства, и он оказал значительное воздействие на исход борьбы под Курском, крушение планов германского командования.

Курская битва началась 5 июля, продолжалась более полутора месяцев – до 23 августа – и составила первый и решающий этап летне-осенней кампании 1943 г. В ходе битвы Красная армия осуществила три стратегические операции: Курскую оборонительную и две наступательные – Орловскую и Белгородско-Харьковскую. В эти события были вовлечены войска шести фронтов: Центрального, Воронежского, Степного, Брянского и части сил Западного и Юго-Западного.

На первом же этапе битвы (в течение 7–11 суток) тщательно подготовленное немецкое наступление зашло в тупик. Обе ударные группировки противника – наступавшая из района Орла 9-я армия группы армий «Центр» и развернувшие наступления из района Белгорода 4-я танковая армия и оперативная группа «Кемпф» группы армий «Юг» – были остановлены и обескровлены и не достигли поставленной перед ними цели – пробиться в район Курска и завершить здесь окружение войск Центрального и Воронежского фронтов.

На северном фланге Курской дуги, в полосе Центрального фронта, продвижение противника за 7 суток составило всего 10–12 км и было остановлено в пределах третьей (армейской) полосы обороны силами фронта, без привлечения резервов Ставки. Большого успеха врагу удалось добиться в полосе Воронежского фронта. Здесь к 12 июля прорыв обороны советских войск достиг 35 км в глубину и превысил 60 км по фронту. Для того чтобы остановить продвижение противника, потребовалось ввести в сражение значительные силы из состава стратегического резерва – Степного фронта: общевойсковую и танковую армии и два танковых корпуса. Столкновение 12 июля в районе Прохоровки танковых группировок – двух немецких танковых корпусов, в составе которых было до 500 боевых машин, и выдвигавшейся 5-й гвардейской танковой армии (5 корпусов, до 1100 машин) – вошло в историю как самое крупное встречное танковое сражение Второй мировой войны.

12 июля в ходе оборонительного сражения наступил перелом. Несмотря на то что группа армий «Юг» располагала еще не введенными в сражение резервами, германское командование сочло

невозможным дальнейшее развитие наступления и 16 июля приступило к отводу войск на исходный рубеж, с которого началось их наступление. А на орловском направлении уже днем раньше, 15 июля, войска Центрального, Брянского и левого крыла Западного фронта перешли в наступление на Орел.

Операция «Цитадель» – последняя крупная наступательная акция стратегического значения, предпринятая германским командованием на востоке, – потерпела крах. Вермахт был вынужден перейти к обороне на всем советско-германском фронте.

Курская битва завершилась убедительной победой Советских Вооруженных Сил, а ее итоги приобрели несравненное международное значение. Стало очевидным, что мощью советского оружия и самоотверженной борьбой советского народа гитлеровская Германия поставлена перед грядущей катастрофой. Победа под Курском еще более расширила и активизировала фронт национально-освободительной борьбы народов, поработанных фашизмом. Она укрепила симпатии всех трудящихся земного шара к Красной армии, несущей освобождение от коричневой чумы.

Подобные обстоятельства свидетельствовали об огромных военно-экономических возможностях нашего государства тех лет. И не только об этом. Война в целом и Курская битва в частности свидетельствовали о высоком морально-политическом единстве огромного многонационального советского государства, о чувстве патриотизма, готовности солдат и офицеров до конца сражаться во имя свободы и независимости Отечества. Однако на Западе и в годы войны, и в современных условиях не хотят видеть эти качества в русском солдате, принижают значение разгрома крупной группировки немецко-фашистских войск летом 1943 г.

Наших союзников по антигитлеровской коалиции очень перепугал тот факт, что в 1943 г., когда чаша весов Победы явно была на стороне СССР, у Яковлево, на Прохоровском поле, при форсировании Днепра, выполняя боевой приказ, шли в бой вчерашние школьники и студенты. Школьники и студенты, прошедшие предвоенную систему военно-патриотического воспитания.

И не случайно еще в годы войны, когда шли боевые действия, один из высших чинов американской разведки Аллен Даллес на одном из совещаний высшего командного состава высказался так: «Окончится война, все как-то утрясется, устроится, и мы бросим все – золото, материальную мощь, чтобы через радио, прессу

оболванивать и одурачивать русских людей, прежде всего молодых. Мы будем расшатывать поколение за поколением, мы будем браться за людей с детских лет, разлагать, растлевать, развращать их. Литература, театры, кино и музеи – все будут прославлять самые низменные человеческие чувства...»⁶.

И сегодня мы воочию видим, как определенные круги на Западе, а также некоторые «реформаторы» в родном Отечестве не без успеха выполняют пожелания наших бывших союзников по антигитлеровской коалиции в годы войны.

Фальсификации подвергаются итоги и значение Курской битвы, ее влияние на действия наших союзников, на ход Второй мировой войны в целом и т.д. Хотя справедливости ради следует отметить, что встречаются на Западе отдельные работы, в которых операция «Цитадель» оценивается более объективно. К числу таких работ относится, например, книга «Война на Востоке, 1941–1945», написанная молодыми западногерманскими историками М. Барчем, Х.-Ф. Шебешем и Р. Шеппельманом в связи с демонстрацией в ФРГ в 1981 г. советско-американского телевизионного фильма «Великая Отечественная» (под названием «Незабытая война»). В книге подчеркивается, что под Курском немецко-фашистское военное руководство намеревалось предпринять «стратегическое наступление» и оно «должно было принести не только обычный успех, но и такую убедительную победу, которая еще раз полностью изменила бы ход событий на Востоке», дала бы Германии возможность «снова определять здесь ход войны»⁷.

Наиболее часто с целью умаления всемирно-исторического значения Курской битвы западные авторы утверждают, что будто бы не Красная армия сорвала немецко-фашистское наступление и нанесла гитлеровцам сокрушительное поражение, а высадка англо-американских войск в Сицилии вынудила вермахта «внезапно прекратить» операцию «Цитадель».

Тезис этот для западных фальсификаторов не новый. Он уже давно переходит из одной работы в другую. А существо вопроса заключается в том, что в Сицилийской операции германское командование смогло противопоставить союзникам всего 9 дивизий, в то время как под Курском в сражение было введено 50 дивизий⁸. Поэтому нет никаких оснований рассматривать высадку в Сицилии как открытие второго фронта в Европе, которому фашистское руководство якобы стало уделять основное внимание, как это

говорится в книгах Страусона, Брауна, Ситона и других зарубежных исследователей.

Документы свидетельствуют о том, что 10 июля 1943 г., сразу после высадки союзников в Сицилии, из ставки Гитлера последовал приказ: «Операция «Цитадель» будет продолжаться»⁹. На следующий день фашистские войска вновь попытались прорваться к Курску через Прохоровку. Они изменили направления главных ударов, бросили в бой отборные танковые соединения, но успеха не достигли.

12 июля командование группы армий «Центр» опять намеревалось начать наступательные действия, однако советские войска Западного и Брянского фронтов, перешедшие в мощное наступление на орловском плацдарме, сорвали планы гитлеровцев, а войска Воронежского фронта нанесли решительный контрудар под Прохоровкой и по левому флангу немецко-фашистской группировки, пытавшейся прорваться к Курску с юга. В результате ударов советских войск в этот день обстановка на Курско-Орловской дуге резко изменилась, наиболее четко обозначился кризис наступательной стратегии вермахта. Группа армий «Центр» вынуждена была отказаться от наступательных действий и перейти к обороне.

Советско-германский фронт все это время, несмотря на высадку союзников в Сицилии, продолжал сковывать и перемалывать основные силы нацистской Германии. Здесь находилось 72 % ее действующей армии. Именно это обстоятельство помогло союзникам довольно легко высадиться в Сицилии, а начавшееся наступление Красной армии сорвало планы противника по переброске нескольких дивизий в Италию.

Нельзя согласиться с утверждением ряда западных исследователей о том, что решающее влияние на победу советских войск в Курской битве оказали поставки союзников по ленд-лизу. В действительности же эти поставки хотя и имели важное значение, но не они определяли победы наших войск в Великой Отечественной войне, в том числе и на Курской дуге. Подавляющая часть поставок по ленд-лизу 1943 г. падает на осень, т.е. после окончания Курской битвы. Наша промышленность произвела в 1943 г. до 35 тыс. самолетов, т.е. на 10 тыс. больше, чем фашистская Германия, в 2,5 раза больше танков и САУ¹⁰.

Нередко за рубежом имеет место восхваление военного искусства германских командующих и штабов при организации

отступления, якобы им удалось «умело отвести» свои войска с орловского выступа, избежать их окружения. Однако существо проблемы заключается в том, что при определении способов ведения стратегического наступления после отражения ударов противника под Курском и Белгородом в среде нашего высшего военного руководства возникла коллизия, в разрешении которой последнее слово осталось за Верховным главнокомандующим: он настоял на решении, с которым не были согласны ни Генеральный штаб, ни его заместитель, маршал Г.К. Жуков.

Речь шла о том, чему отдать предпочтение в действиях войск – охватывающему маневру с целью окружения вражеских группировок (такие операции предлагались на брянском направлении и в Донбассе) или нанесению фронтальных ударов с целью быстрого выхода к Днепру и форсированию его сходу. Вопреки мнениям своих военачальников, Сталин настоял на отказе от действий на окружение в пользу быстрого продвижения на запад, с тем чтобы в кратчайшие сроки сокрушить «Восточный вал» по Днепру – рубеж, на котором вражеское командование надеялось добиться стабилизации фронта. Руководитель советского государства стремился показать народам своей страны, народам всего мира, что близится выход Красной армии на западные границы СССР и его полное освобождение от немецко-фашистских захватчиков.

В течение пяти месяцев, последовавших за оборонительным сражением на Курской дуге, советские войска осуществили шесть стратегических наступательных операций, каждую силами двух-трех фронтов. Общее наступление Красной армии велось на 1200-километровом фронте – от Великих Лук до Азовского и Черного моря, на глубину от 200 км (на смоленском направлении) до 350 км на донбасско-мелитопольском направлении.

Хотел бы обратить внимание и на следующие моменты в зарубежных публикациях. Так, по словам английского исследователя Дж. Грига, битва под Курском показала, что «война на восточном фронте завершится полной победой русских», и этим вызвала тревогу у правящих кругов Англии и США, которые стали опасаться усиления позиций СССР в послевоенной Европе. Именно победа в Курской битве, отмечает он, заставила У. Черчилля занять на Квебекской конференции в августе 1943 г. антисоветскую позицию, сделала его, по выражению видного английского дипломата А. Идена, «рискованно антирусским». «Было вполне естественным, –

пишет Григг, – что страх Черчилля перед большевизмом возродился, в то время как исчез страх за поражение русских»¹¹.

Немало на Западе предпринимается усилий с целью признать советское военное искусство в Курской битве, роль видов Вооруженных

Рис. 1. «Что дальше?!». Немецкий солдат у разбитого орудия. Курская дуга, 1943 г.

сил и родов войск. По мнению ряда западных исследований, неудача наступления вермахта летом 1943 г. представляется следствием ряда ошибок Гитлера, не слушавшегося своих «мудрых генералов», предлагавших нанести удар по выступу раньше – весной 1943 г. Однако тщательный анализ соотношения сил и возможностей сторон на советско-германском фронте в первой половине 1943 г. показывает, что ни о каком «решительном наступлении» гитлеровских войск на Курской дуге весной не могло быть и речи. Катастрофа нацистов под Сталинградом потрясла всю их военную машину. Для того чтобы сосредоточить на курском направлении необходимое количество бронетанковой техники, немецко-фашистскому командованию пришлось направить на восток почти все танки, произведенные в первой половине 1943 г. И если гитлеровцам не удалось добиться успеха летом, после столь тщательно проведенной подготовки, то, несомненно, весной их наступление было обречено на провал.

С **военной точки зрения** в Курской битве окончательно потерпела крах наступательная стратегия вермахта, провалилась его попытка вырвать инициативу и повернуть ход войны в свою пользу. Советское командование полностью закрепило за собой стратегическую инициативу и не упустило ее до окончания войны. После оборонительных и наступательных сражений на Курской дуге соотношение сил и средств решительно изменилось в пользу Красной армии. Вооруженные силы нацистской Германии и ее союзников были вынуждены перейти к обороне на всех фронтах Второй

мировой войны. В этих условиях командование вермахта пыталось изыскать новые способы ведения войны, с тем чтобы попытаться спасти фашизм от надвигавшегося разгрома. Оно рассчитывало перевести войну в позиционные формы, выиграть время, надеясь внести раскол в антигитлеровскую коалицию. Наша победа в Курской битве показала всему миру, что разгром вражеского блока предрешен.

Несколько слов о втором направлении исследований за рубежом. Там тщательно изучают и анализируют битвы и сражения Второй мировой войны и при необходимости все полезное и поучительное применяют в современных условиях, но с учетом новейших технологий и возможностей средств огневого поражения. Приведу только один пример. Анализ организации обороны Красной армии под Курском летом 1943 г. и планов командования немецко-фашистских войск по ее прорыву в определенной мере предопределил в 1991 г. замысел командования многонациональных сил (МНС) по проведению в зоне Персидского залива операции «Буря в пустыне».

Американцы правильно рассматривали Курскую битву как самое масштабное и единственное в своем роде воздушно-наземное сражение. Именно в условиях ее проведения они увидели аналогию тем условиям, в которых предстояло прорывать оборону армии Ирака, которая считалась на Ближнем Востоке самой сильной и наиболее подготовленной, имевшей девятилетний опыт войны с Ираном и сравнительно высокое морально-психологическое состояние личного состава. При организации обороны в армии Ирака применялось немало поучительного, имевшего место в обороне советских фронтов под Курском летом 1943 г.

Результаты «Бури в пустыне» свидетельствовали о том, что наш отечественный боевой опыт – не архив, а арсенал, использование которого позволяет получить целесообразные решения в новых исторических условиях с применением новейших технологий, современных средств поражения и защиты.

Отмечая в ближайшее время 70-летний юбилей Курской битвы, мы мысленно возвращаемся к суровым, порой трагическим событиям Великой Отечественной войны. И чем дальше они уходят вглубь истории, тем ярче раскрывается величие подвига советского народа, поднявшегося на всенародную освободительную войну против германского фашизма. В этой войне блестящая победа

**Рис. 2. Пленные гитлеровцы
после краха операции «Цитадель». 1943 г.**

Красной армии на Курской дуге занимает выдающееся место. Она стала кульминационной точкой не только Великой Отечественной, но и всей Второй мировой войны, которая после этого приобрела необратимую направленность к победе антигитлеровских сил и неминемому поражению стран фашистского блока.

Развернувшиеся сражения на Курской дуге не имеют себе равных в истории войн по степени ожесточенности и упорства борьбы, концентрации войск, прежде всего, бронетанковых и авиационных сил, в ограниченных рамках времени и пространства, в стремлении любой ценой достигнуть поставленных целей. С обеих сторон в Курской битве приняли участие самые отборные войска, лучшая по тому времени военная техника, самые подготовленные командные кадры. В итоге произошла полная смена планов дальнейшего ведения войны: способов вооруженной борьбы, стратегии и тактики военных действий, как Красной армии, так и вермахта.

Празднование предстоящего 70-летнего юбилея Курской битвы открывает новые страницы и новые возможности в военно-патриотической работе с молодежью. По глубокому убеждению ветеранов войны, именно сегодня необходимо полное и, самое главное, объективное освещение военной истории Отечества, в том числе Курской битвы. Разгром гитлеровских войск на Курской дуге имел

далеко идущие военные, политические и дипломатические последствия, оказал решающее влияние на дальнейший ход не только Великой Отечественной, но и всей Второй мировой войны. Вооруженные силы Германии и ее союзников были вынуждены перейти к обороне на всех направлениях. По образному выражению, в Курской битве был сломан хребет нацистской Германии.

¹ Федеральный закон от 13 марта 1995 за № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России» // Российская газета. 13.03.1995. С. 2.

² ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11302. Д. 127. Л. 186.

³ Jacobsen (1939–1945) *Der zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumente*. Darmstadt, 1959. S. 17.

⁴ Меллентин Ф.В. Танковые сражения 1939–1945 гг. / Сокр. пер. с англ. М.: Изд-во иностранной литературы, 1957. С. 191.

⁵ ЦАМО РФ. Ф. 358. Оп. 264711. Д. 1. Л. 26.

⁶ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 753756. Д. 7. Л. 31–32.

⁷ Bartsch M., Schebesch H.-F., Scheppelmann R. *Der Krieg im Osten, 1941–1945: Historische Einführung, Kommentare und Dokument*, Köln, 1981, S. 169, 174.

⁸ ЦАМО РФ. Ф. 299. Оп. 51348. Д. 16. Л. 35–36.

⁹ ЦАМО РФ. Ф. 299. Оп. 51348. Д. 16. Л. 41.

¹⁰ Дунаева Н. Ленд-лиз: факты и вымыслы // Военно-исторический журнал. 1977. № 3. С. 34.

¹¹ Grigg J. 1943: *The Victory That Never Was*. London, 1980. P. 126–127.

Н.Г. Чигарева, А.А. Будко (Санкт-Петербург)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА КРАСНОГО КРЕСТА ПО ОКАЗАНИЮ ПОМОЩИ РАНеным И БОЛЬНЫМ В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ

ПО МАСШТАБАМ, продолжительности, по людским безвозвратным потерям, по количеству раненых и больных Первая мировая война превзошла все предшествующие войны. Кроме того, эта война поставила перед медициной ряд совершенно новых задач, связанных с появлением невиданных доселе средств вооруженной борьбы: боевых отравляющих веществ, авиации и танков¹. Новые изобретения военного времени и небывалые по продолжительности сражения уносили десятки тысяч жизней и калечили сотни тысяч воинов. «Три года метания в седле, чужие раны, унижения и страдания, – о, проклятый бассейн войны» – так характеризовал войну М.А. Булгаков, который работал хирургом в прифронтовых военно-полевых госпиталях Каменец-Подольска, в Черновцах, в Киевском госпитале Красного Креста, через который за годы войны прошло более 30 тыс. раненых².

Большую роль в оказании медицинской помощи и сохранении возможно большего числа человеческих жизней в Первую мировую войну сыграло Российское Общество Красного Креста (РОКК). Предвестником «Российского Общества Красного Креста» являлось «Общество попечения о раненых и больных воинах», которое было открыто 18 (30) мая 1867 г. (с 1879 г. «Российское Общество Красного Креста»)³. Тогда же было организовано и его Главное управление (25 членов), в задачи которого входило наблюдение за выполнением уставных норм самостоятельными местными учреждениями, расположенными на всем пространстве России,

а также слежение за расходом выделяемых им денежных и материальных средств⁴.

Летом 1914 г. Красный Крест насчитывал 39 тыс. членов, в РОКК работало 97 управлений и 465 комитетов, действовало 109 общин сестер милосердия, при них были открыты 84 больницы на 2559 коек, 9 родильных приютов, 10 аптек, 120 амбулаторий. К началу войны в РОКК состояло 1000 врачей и 2500 сестер⁵.

Формирование лечебных заведений РОКК в военное время проводилось согласно Плану мобилизации, причем все лечебные заведения находились в ведении Главноуполномоченного Общества⁶. 18 (30) июля 1914 г. была объявлена мобилизация учреждений Красного Креста. По соглашению с военным ведомством, по этому плану, выработанному еще в мирное время, РОКК следовало отправить на театр войны 118 лечебных полевых учреждений (48 из них – 200-кроватьные госпитали); 37 этапных и 33 подвижных (50-кроватьных) лазаретов со штатной численностью 13 100 человек и с оборудованием, позволяющим принять двойное против штатного количество кроватей) и, кроме того, 10 передовых отрядов. Все формирования были распределены на три очереди, каждая из них согласовывалась с мобилизационным планом военного ведомства и утверждалась Главным Управлением Генерального Штаба. Тем не менее, уже в начале войны стала очевидной явная нехватка намеченных формирований, поэтому Главное управление РОКК наряду с осуществлением мобилизационного плана приступило к созданию дополнительно 10 госпиталей, 20 этапных и 20 подвижных лазаретов (общей емкостью на 8000 кроватей) и 16 передовых отрядов. В дальнейшем РОКК продолжало формировать полевые учреждения того или иного типа в зависимости от необходимой потребности⁷.

Наиболее эффективными учреждениями Красного Креста с момента его создания были Общины и школы сестер милосердия. «Правила о сестрах Красного Креста и сестрах милосердия, назначаемых для ухода за больными и ранеными воинами», утвержденные Министром Внутренних Дел, регламентировали не только подготовку лиц женского пола к обязанностям сестер Красного Креста, но и определяли права и обязанности сестер Красного Креста⁸. Поскольку уже в Русско-японскую войну перед РОКК встал вопрос о подготовке большого количества опытного персонала по уходу за ранеными и больными воинами, Главное Управление учредило

в 1911 г. курсы по подготовке сестер военного времени, причем в 1913–1914 гг. такие курсы были открыты при 43 Общинах⁹. Когда началась Первая мировая война, уже в августе 1914 г. стала сказываться нехватка персонала, в первую очередь, сестер милосердия. По всей стране Главное управление РОКК открыло кратковременные курсы сестер милосердия военного времени. Мобилизационный Совет установил руководящие основания для выработки «Положения о курсах по подготовке запасных сестер», «Положения о запасных сестрах» и «Наставление общинам о ведении запасных сестер Красного Креста военного времени», «Руководство для сестер Красного Креста по уходу за больными и ранеными». Помимо сестер милосердия РОКК готовило также фельдшерниц (лекарских помощниц) и сиделок. Для обслуживания лечебных заведений РОКК в военное время при лечебных заведениях Красного Креста были организованы также учебные 4-х недельные курсы, где велась подготовка санитаров Красного Креста. Слушателями курсов становились нижние чины пехотных и стрелковых частей, уволенные в запас¹⁰.

Командующий Юго-Западным фронтом А.А.Брусиллов весьма высоко оценивал деятельность сестер милосердия в Первую мировую войну: «Я с гордостью взглянул на группу сестер милосердия: ни одна из них не дрогнула, никакой сумятицы не произошло. <...> Считаю своим долгом перед лицом истории засвидетельствовать, что громадное большинство из них героически, самоотверженно, неустанно работали, и никакие вражеские бомбы не могли их оторвать от тяжелой, душу раздирающей работы их над окровавленными страдальцами – нашими воинами. Да и сколько из них самих было перекалечено и убито»¹¹. Не случайно поэтому на обложке «Календаря Красного Креста за 1916 год» помещено изображение: среди бескрайних полей в снегу над ранеными склонилась сестра милосердия с медицинской сумкой на боку.

Общины РОКК активно формировали и отправляли на фронт свои лечебные учреждения. Например, Александровская община сестер милосердия Российского Общества Красного Креста в 1914 г. сформировала на театре военных действий 7 лечебных заведений, в 1915 г. еще один этапный лазарет был отправлен на Кавказский фронт¹². Община сестер милосердия имени ген.-ад. М.П. фон Кауфмана и школы сиделок Красного Креста в 1914 г. сформировала и

отправила на театр военных действий 6 больших госпиталей и 5 лазаретов¹³.

В 1914 г. Красный Крест приступил к формированию совершенно новых учреждений, не предусмотренных мобилизационным планом. Появились автомобильные отряды для перевозки раненых и специальные перевязочно-питательные отряды, санитарно-дезинфекционные, эпидемические, рентгеновские, летучие хирургические отряды, подвижные склады, поезда-бани, зубоучастки кабинеты и питательные пункты. Кроме того, Красный Крест приобрел большое количество дезинфекционных камер и дезинфекционных аппаратов. Таким образом, РОКК располагало учреждениями, оказывающими лечебную помощь непосредственно на театре военных действий.

Вскоре после начала войны стало ясно, что наиболее востребована помощь, оказываемая передовыми отрядами и состоящими при них транспортными колоннами. Передовые отряды следовали в составе войск и были предназначены для устройства перевязочных пунктов во время боевых действий и состояли из перевязочного пункта, команды носильщиков и санитарного транспорта. Перевязочные пункты устраивались в подходящих строениях или палатках и обозначались национальным флагом и флагом Красного Креста. Штат передового отряда Красного Креста насчитывал 199 человек, обоз отряда включал 52 повозки и 4 вьюка, 77 лошадей¹⁴. Передовые хирургические отряды состояли из перевязочного пункта, питательного пункта и санитарного транспорта¹⁵.

Из всех полевых учреждений деятельность передовых отрядов отличалась наибольшим разнообразием. Первая помощь на передовых позициях, помимо перевязочной (остановка кровотечений, асептическая перевязка ран и т.п.) и оперативной (оказание соответствующей врачебной помощи больным), состояла в кормлении, обеспечении временного приюта и ухода до отправления по назначению, подготовке раненых и больных к дальнейшей перевозке и вывозе раненых из-под огня в лечебные учреждения следующей линии. Вывоз раненых с передовых позиций, подвоз разного рода снаряжений и перевозку имущества лазаретов при их передвижении осуществляли конные передовые санитарные транспорты. В качестве средств передвижения подвижных лазаретов, передовых и перевязочно-питательных отрядов использовали 25 552 лошади и 804 автомобиля. Большая численность на фронтах конского

состава потребовала командировать в распоряжение Особоуполномоченных Красного Креста ветеринарных врачей, а также ветеринарных студентов и фельдшеров.

По состоянию на 1 июня 1916 г. было сформировано 75 передовых отрядов, 93 санитарных транспорта, 185 перевязочно-питательных учреждений, из них 17 – в подвижных железнодорожных вагонах, 107 питательных пунктов на передовых позициях и 61 тыловых, обслуживающих пути эвакуации раненых и больных воинов, 43 санитарно-эпидемических, 73 дезинфекторских, 23 дезинфекционные камеры, 7 рентгеновских отрядов, 5 летучих хирургических, 3 поезда-бани и 3 плавучих госпиталя на Черном море, 3 бактериологических лаборатории, 6 полевых складов, 17 отделений складов. Вначале было 2 плавучих госпиталя («Португаль» и «Экватор»), оборудованных на пароходах, принадлежавших французской компании «Messageries Maritimes», которые могли принять до 800 больных и раненых и были предназначены для перевозки раненых с мест высадки войск на базу для эвакуации в Одессе. 18 (30) марта 1916 г. госпитальное судно «Португаль» было затоплено подводной лодкой противника, и вместо погибшего плавучего госпиталя были оборудованы два новых: «Вперед» и «Атене» (25 июня 1916 г. судно «Вперед» также было затоплено).

Когда к военным действиям присоединилась Турция, РОКК сформировало 4 передовых, 4 питательно-перевязочных отряда и 4 подвижных лазарета особого типа, приспособленных к особенностям ведения войны на Кавказе.

В районах боевых действий РОКК организовывало полевые склады с запасом имущества не менее 5000 кроватей каждый, а для передовых позиций – склады, в том числе передвижные (в железнодорожных вагонах).

По мере расширения военных действий Общество Красного Креста постепенно совершенствовало дело оказания помощи больным и раненым воинам в зависимости от потребностей текущего момента. По состоянию на 1 января 1916 г. оно имело на всех фронтах 71 госпиталь (44 700 кроватей), 61 этапный и 57 подвижных лазаретов и 11 санитарных поездов. Помимо этого имелось 1329 тыловых лазаретов (61 247 кроватей) эвакуационного типа¹⁶.

Стационарные госпитали Красного Креста были хорошо оснащены и имели квалифицированный персонал, поэтому в этих учреждениях тяжелораненые и больные могли получить надлежащее

лечение и уход. Однако силы и средства госпиталей не использовались в полной мере из-за их зависимости от интенсивности хода военных операций и в связи с необходимостью свертывать и отводить госпитали заблаговременно. Кроме того, на заполнении госпиталей сказывались приказы военных властей, ограничивавшие число раненых, которые могут быть оставлены в определенных пунктах по линии эвакуации, требования об усиленной эвакуации раненых из госпиталей ближайшего тыла, а также удаленность некоторых госпиталей от линии эвакуации.

В госпиталях Красного Креста трудились квалифицированные хирурги (в том числе и призванные в армию) – Н.Н. Бурденко, В.А. Оппель, А.И. Мещанинов, Н.Н. Напалков, С.С. Юдин и др.

Помимо стационарных госпиталей стационарной лечебной единицей Красного Креста были стационарные лазареты на 50 кроватей. Благодаря меньшему количеству имущества по сравнению с госпиталями этапные лазареты были мобильнее, их легче можно было разместить, и они часто заменяли госпитали. Иногда им приходилось развертываться на 300 и более коек при ограниченном количестве медицинского персонала. Эвакуационные лазареты ближайшего тыла являлись медицинскими учреждениями, куда направлялись в основном тяжелораненые не только с передовой, но и из военных госпиталей. В силу необходимости лазареты превращались в большие госпитали, их приходилось усиливать медицинским составом и оборудованием.

Количество состоявших на лечении раненых и больных воинских чинов в стационарных лечебных заведениях Общества Красного Креста на 1 января 1916 г. составляло 895 674 человека, из них 36 748 офицеров и 858 926 нижних чинов, и 20 170 военнопленных, а количество больничных дней, проведенных ранеными и больными воинами, военнопленными и беженцами на 1 мая 1916 г. – 14 892 153 дня¹⁷.

Весьма напряженной была деятельность подвижных лазаретов. Во время передвижения армий вглубь Галиции, а также во время отхода армий Западного и Юго-Западного фронта на подвижные лазареты легла трудная задача по транспортировке и лечению раненых. Движущемуся непосредственно за дивизиями личному составу лазаретов пришлось испытывать большие трудности, тем не менее, отсутствие помещений в зданиях не затрудняло работу лазаретов, снабженных палатками.

Всего Обществом Красного Креста на театре военных действий было сформировано и содержалось 798 полевых учреждений, а вместе с тыловыми лазаретами – 2117¹⁸.

Для правильной постановки дела оказания хирургической помощи раненым воинам в лечебных заведениях Общества Красного Креста Главное Управление пригласило руководить этим делом известных профессоров-хирургов: Н.А. Вельяминова, С.Р. Миротворцева, который был одним из организаторов Красного Креста в России, главным хирургом Западного фронта и помощником Главноуполномоченного Красного Креста, К.М. Сапежко, являющегося консультантом Красного Креста Юго-Западного фронта (за заслуги по Обществу Красного Креста при обстоятельствах военного времени он был награжден Высочайшим приказом орденом Св. Владимира 4 степени), Н.Н. Бурденко и др. Консультанты-хирурги ездили по фронту, давали указания лечебным заведениям Красного Креста, читали лекции и лично проводили самые сложные операции. Так, Н.Н. Бурденко только за один месяц провел 120 трепанаций. Под началом этих специалистов были сформированы летучие хирургические отряды, которые оснащались перевязочным материалом и инструментарием и укомплектовывались 2 врачами, 2 студентами, 8–10 сестрами милосердия и 6 санитарями. Летучие хирургические отряды оказывали хирургическую помощь в районах, ближайших к линии огня. В свободное от боев время персонал этих летучих хирургических отрядов использовался в подвижных и этапных лазаретах как вспомогательная сила.

Большое значение для успеха хирургических операций имели рентгеновские аппараты. Главное Управление РОКК снабдило ими почти все свои стационарные полевые лечебные заведения, а также большую часть передовых отрядов (рентгеновские аппараты были установлены на автомобилях). Кроме того, для передовых позиций было сформировано 2 специальных рентгеновских отряда в железнодорожных вагонах и 5 отрядов автомобильных. Все они обслуживались опытными врачами-рентгенологами. Кроме того, Главное Управление организовало курсы санитаров-рентгенотехников для подготовки специалистов по уходу и обслуживанию рентгеновских аппаратов. Рентгеновский кабинет для обслуживания лечебных заведений Петрограда был преобразован в Центральную рентгеновскую станцию РОКК¹⁹.

Учитывая потребности военного времени, Общество открыло также 18 зубоврачебных кабинетов, в основном подвижных. Кроме того, зубные врачи были прикомандированы к госпиталям Красного Креста. Поскольку на театре военных действий не обходилось без травм глаз, Красный Крест сформировал также 3 глазных отряда для Северо-Западного, Юго-Западного и Кавказского фронтов. Эти отряды не только оказывали непосредственно врачебную помощь, но и участвовали в сортировке при эвакуации. Глазные отряды направлялись в ближайший тыл, в места скопления раненых и действовали при тех лечебных пунктах, в составе которых не было врачей-окулистов.

Деятельность РОКК по организации психиатрической помощи душевнобольным подразделялась на устройство в тылу действующей армии психиатрических приемных и сборных пунктов, эвакуация из них душевнобольных в приемно-распределительные пункты военного ведомства, а также распределение душевнобольных из приемно-распределительных пунктов по психиатрическим лечебницам. Ввиду усиливающегося поступления душевнобольных РОКК оборудовало особые психиатрические госпитали (14) на 25 000 коек. С начала войны по 1 мая 1916 г. психиатрические организации обслужили 24 057 больных²⁰.

В начале войны предполагали, что вся эвакуация раненых и больных будет проводиться исключительно военно-санитарными поездами. Положение о полевом управлении войск и временные правила об эвакуации от 5 августа 1914 г. не предоставляли Красному Кресту распорядительных функций в области эвакуации. Однако при необходимости в самом начале военных действий, когда дело эвакуации не было налажено, поезда Красного Креста использовались для вывоза раненых с передовых позиций. Было сформировано 11 санитарных поездов, из них 6 для Юго-Западного фронта и 5 для Северо-Западного. Первые поезда предназначались для перевозки раненых нижних чинов и формировались в следующем составе: вагон-кухня, вагон для аптеки, крытый товарный вагон для кладовой, вагон для персонала, два вагона для санитаров и тридцать пять вагонов-теплушек для перевозки раненых. Впоследствии состав поездов был изменен. Каждый поезд обслуживал один старший врач, один младший врач, один студент-помощник врача, 10 сестер милосердия, 50 санитаров и 3 слесаря. За один рейс санитарные поезда могли перевозить около 400 раненых. По состоянию

на 1 ноября 1915 г. санитарными поездами было перевезено 215 682 раненых и больных, из них 4953 остро заразных (3337 брюшнотифозных, 756 холерных, 783 больных дизентерией и 67 сыпнотифозных). 292 человека умерли во время пути²¹.

Борьба с заразными болезнями не входила в программу деятельности Красного Креста, задачей которого было оказание помощи раненым и больным незаразными формами болезни, поэтому в первоначальный мобилизационный план организация противэпидемической службы не вошла. Однако вскоре после начала военных действий Общество стало оказывать посильную помощь военному ведомству в борьбе с заразными заболеваниями²². Красный Крест учредил железнодорожные дезинфекционные отряды, гужевые дезинфекционные отряды, эпидемические отряды, лазареты. Изоляция заразных больных и оказание им помощи входили в задачи эпидемических отрядов, которые располагались по линиям эвакуации раненых и больных. Железнодорожные дезинфекционные отряды обслуживали эвакуационные пункты, этапы, казармы, лечебные заведения в пределах железных дорог. Они были снабжены дезинфекционными камерами и бактериологическими лабораториями. Гужевые дезинфекционные отряды действовали на территориях, близких к позициям, и имели камеры и аппараты «Гелиос» для дезинфекции и дезинсекции. Оказалось, что эти формирования Красного Креста, несмотря на относительную малочисленность, имели довольно большое значение в деле борьбы с заразными заболеваниями, такими как дизентерия, тиф и холера. Эти болезни были распространены в войсках, поскольку на ограниченной территории были сконцентрированы сотни тысяч людей и лошадей, что приводило к загрязнению местности. Уже в 1914 г. в Юго-Западном районе были сформированы 8 дезинфекционных и санитарно-эпидемических отрядов в поездах, причем они имели специально оборудованные лаборатории. На 1 января 1916 г. на фронтах было 11 бактериологических лабораторий, 53 дезинфекционных и 36 эпидемических отрядов, 23 дезинфекционные камеры на автомобилях и подводах. Почти все госпитали, подвижные и этапные лазареты и передовые отряды были снабжены камерами «Гелиос» для дезинфекции и дезинсекции. Дезинфекционные отряды выезжали на места вспышек эпидемий, производили там дезинфекцию, уборку трупов, а эпидемические отряды оказывали амбулаторную помощь, выделяя заболевших заразными болезнями, и

перевозили их с должными предосторожностями в соответствующие лечебные заведения. Красный Крест организовал также временные лазареты для лечения острозаразных больных. Эти лазареты были оснащены всем необходимым и содержались на средства Общества. В 1915 г. в армии были введены обязательные прививки против брюшного тифа и холеры. Из незаразных заболеваний наиболее распространенной была цинга. За годы войны с этим заболеванием было госпитализировано 362 256 человек²³.

Необходимо подчеркнуть, что в России почти полностью отсутствовало собственное производство лекарственных препаратов, страна зависела от зарубежного рынка. В Обществе Красного Креста дело закупки, выписки и доставки медикаментов было организовано так хорошо, что РОКК удовлетворяло потребности в медикаментах не только учреждений Красного Креста, но обеспечивало потребности многих военно-санитарных учреждений. Тем не менее, на второй год войны возникли перебои в снабжении лечебных учреждений медикаментами. Поэтому при лаборатории Главного склада Красного Креста было налажено производство медикаментов (Боткинские капли, эфир, йод, кофеин, фенацетин и др.). Затем Главному Управлению Красного Креста было разрешено построить завод для производства лекарственных средств²⁴.

РОКК принимало участие и в развитии лечения и реабилитации раненых и больных воинов в санаториях и лечебных климатических районах. Так, Общество взяло в свое ведение санаторий около Сухуми, в Кобулету, Батуми, в Боржоми, Пятигорске, Железноводске, в Крыму и др. К 1916 г. Общество имело уже 22 лечебных пункта, рассчитанных на 991 место. Например, за летний период 2015 г. только на Хаджибейском лимане лечились 205 офицеров, 1337 нижних чинов и 18 сестер милосердия²⁵.

Точных данных о боевых санитарных потерях русской армии в годы Первой мировой войны нет. На день мобилизации общая численность русской армии составляла 1 млн. 423 тыс. человек. Всего было мобилизовано по февраль 1917 г. (включая численность армии в мирное время) 15 123 000 чел. Наличный состав действующей армии на 1 (13) сентября 1917 г. определялся 6 372 000 чел., сверх этого в общественных организациях, обслуживающих действующую армию, числилось 2 678 000 чел. По данным В. Абрамова за всю войну число убитых и умерших (без Кавказского фронта) составило 1 411 804 чел., раненых и контуженых – 3 748 669,

пораженных боевыми отравляющими веществами – 65 158 чел., всего заболело 5 069 920 человек²⁶. В русской армии в годы первой мировой войны 1914–1917 гг. в строй было возвращено примерно 40–50 % всех раненых и 62 % всех больных, а в целом – около 42,4 % всего числа пострадавших.

Верховный начальник санитарной и эвакуационной части принц А.П. Ольденбургский был вынужден признать в 1916 г., что «...вся система от высших санитарных организаций показала полностью свою несостоятельность»²⁷.

А.А. Брусилов, командовавший 8-й армией, а с весны 1916 г. назначенный Главнокомандующим Юго-Западного фронта, в своих воспоминаниях отмечал, что в начале войны «Меня озабочивала санитарная часть и ее заправки. Непродуманные раньше меры обеспечения призора раненых, недочеты которого всецело лежали на ответственности Военного министерства и Киевского военного округа, ясно показали свою полную несостоятельность. Вызванный мною перед сражением заведующей санитарной частью армии доктор медицины оказался невеждой в роли администратора <...> ответил <...> что у него готово 2000 мест, а при необходимости он может принять до 3000 раненых. В действительности оказалось, что он, в сущности, мог принять не свыше 400 раненых, и когда было свезено свыше 3500 только своих русских солдат и офицеров, не считая раненых неприятеля, то они оказались в крайне критическом положении <...> Врачебная помощь и своевременная перевязка оказались невозможными по недостатку врачей» и далее «Нужно признать, что не только санитарная часть в самом начале кампании была весьма плоха, но и все новое положение о полевом управлении войсками...»²⁸.

Следует признать, что лечебно-эвакуационное обеспечение войск в Первую мировую войну оказалось рассредоточенным по нескольким ведомствам, работу которых должно было объединить созданное уже в ходе Первой мировой войны Управление Верховного начальника санитарной и эвакуационной части во главе с принцем А.П. Ольденбургским. Однако оно не внесло существенного улучшения в организацию всей системы медицинского обеспечения русской армии. Военно-санитарное ведомство, Красный Крест, Земский Союз, Союз городов, множество частных организаций действовали на фронте несогласованно. И все же именно РОКК, представители которого в ранге Главноуполномоченных выехали

на все фронты, развернуло в тот критический период наиболее значительную по численности госпитальную сеть. Здесь было сосредоточено 52 % коек для раненых, здесь трудились 2300 врачей, 15 тыс. сестер, 35 тыс. санитаров, имелось 62 передовых отряда, 185 питательно-перевязочных отрядов, 1329 эвакуационных лазаретов. Именно Красный Крест апробировал методы этапного лечения больных и раненых, здесь получила развитие специализированная медицинская помощь, были созданы подвижные хирургические и рентгеновские отряды, мощный оборудованный железнодорожный санитарный транспорт, система банно-прачечного обслуживания войск, введены походные дезинфекционные камеры, заложены основы эвакуации.

¹ Будко А.А., Шабунин А.В. Военная медицина России // Медицина и здравоохранение в дни войны и мира. М., 2000. С. 28–29.

² Виленский Ю.Г. Доктор Булгаков. Киев: Здоров'я, 1991. С. 37.

³ Будко А.А., Грибовская Г.А. Первая военная община – Крестовоздвиженская община сестер милосердия в Севастополе (К 150-летию обороны Севастополя) // Успенские чтения: Материалы науч.-практ. конф. врачей России. Тверь, 2003. Вып. 3. С. 3–4.

⁴ Шибков А.А. Возникновение и основные направления развития Российского общества Красного Креста (1867–1967) // Материалы научной конференции, посвященной 100-летию Красного Креста. Л., 1968. С. 12.

⁵ Чистяков О.В. Организационное устройство и деятельность Российского общества Красного Креста в годы Первой мировой войны // Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. М., 2009.

⁶ Положение о лечебных заведениях Российского общества Красного Креста военного времени. СПб.: Гос. типография, 1912.

⁷ Отчет Российского Общества Красного Креста за 1915 г. Пг., 1916.

⁸ Правила о сестрах Красного Креста и сестрах милосердия, назначаемых для ухода за больными и ранеными воинами. СПб., 1877.

⁹ Отчет по подготовке запасных сестер Красного Креста военного времени в 1912–1913 г. СПб., 1914.

¹⁰ Временное Положение о санитарях Красного Креста. СПб., 1912.

¹¹ Брусилов А.А. Мои воспоминания (посмертное издание). М.; Л.: Гос. изд-во отд. воен. лит., 1929. С. 153.

¹² Отчет Александровской общины сестер милосердия Российского Общества Красного Креста, состоящего под Августейшим покровительством ее императорского величества государыни императрицы Марии Федоровны за 1915 г. Пг., 1916.

¹³ Отчет Комитета Российского общества Красного Креста общины сестер милосердия имени Ген.-Ад. М.П.Фон-Кауфмана и школы сиделок Красного Креста с 1 января 1914 г. по 1 января 1915 г. Пг., 1915.

- ¹⁴ Положение о передовых отрядах Российского Общества Красного Креста. Пг., 1914.
- ¹⁵ Положение о передовых хирургических отрядах Юго-Западного района. Киев, 1915.
- ¹⁶ Краткий обзор продолжающейся деятельности Российского Общества Красного Креста по оказанию помощи раненым и больным воинам. Пг.: Гос. типография, 1916.
- ¹⁷ Описание плавучего госпиталя Российского Общества Красного Креста «Экватор». Одесса, 1915.
- ¹⁸ Краткий обзор продолжающейся деятельности Российского Общества Красного Креста по оказанию помощи раненым и больным воинам. Пг., 1916.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Отчет Российского Общества Красного Креста за 1915 г. Пг., 1916.
- ²² Основные положения о санитарно-эпидемических учреждениях Красного Креста Юго-Западного фронта. 1915.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Краткий обзор продолжающейся деятельности Российского Общества Красного Креста по оказанию помощи раненым и больным воинам. Пг., 1916.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Абрамов П.В. Мировая война 1914–1918 гг. // ЭСВМ. М., 1948. Т. 3. Стб. 1088, 1113.
- ²⁷ Виленский Ю.Г. Указ. соч. С. 65.
- ²⁸ Брусилов А.А. Указ. соч. С. 78.

А.Н. Чубинский (Москва)

ВАСИЛИЙ ТИТОВ И ЕРМОЛАЙ ФЕДОРОВ – САМОПАЛЬНЫЕ МАСТЕРА ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА

ЗНАЧЕНИЕ Оружейной палаты XVII в. как крупнейшей оружейной мастерской Московского царства общеизвестно. Не вызывает сомнений и наличие узнаваемого декоративного стиля, сложившегося в кремлевских оружейных мастерских. Этот стиль наиболее ярко выразился в отделке огнестрельного оружия, самое представительное собрание которого хранится в Музеях Московского Кремля. Пищали и пистолеты, изготовленные мастерами Оружейной палаты, но оказавшиеся в других музеях России и за рубежом, безошибочно определяются как изделия московских оружейников XVII в. Благодаря эффектному оформлению стволов, замков и лож эти изделия, безусловно, являются произведениями оружейного искусства. Однако мастера, выработавшие стиль московской Оружейной палаты XVII в., пребывают в неизвестности.

Данная работа посвящена двум самопальным мастерам Оружейной палаты – Василию Титову (раб. 1649–1681) и Ермолаю Федорову (раб. ок. 1654–1677). Титов – один из ведущих мастеров Оружейной палаты второй половины XVII в., ученик Григория Вяткина¹ – благодаря трем подписным пиццалам был известен как ствольный мастер еще в XIX в. Директор палаты А.Ф. Вельтман опубликовал описание его пиццали, изготовленной в 1673 г.² Это была первая публикация русского огнестрельного оружия XVII в., в которой указывалось имя мастера. В Описи Оружейной палаты 1886 г. были воспроизведены надписи на двух пиццалах Василия Титова³. Хранитель Оружейной палаты Ю.В. Арсеньев опубликовал документ о принятии Титова в штат Оружейного приказа⁴ в 1649 г. по челобитной Григория Вяткина с годовым жалованьем в 10 р.:

«А у выписки Григорей Вяткин сказал, что тот ево ученик Васька... стволы и замки пищальные делает всякие... и всякое самопальное дело делает что он, Григорей, умеет. А Васька Титов у выписки сказал тож, что он всякое пищальное и замочное дело делает против мастера своево Григорья Вяткина, золотом наводит умеет». Титов занял вакантное место «отставленного» замочного и наводного мастера Кирилла Афанасьева⁵.

В документах Оружейной палаты, опубликованных А.Е. Викторовым и И.Е. Забелиным, Василий Титов фигурировал как ствольный мастер, приводились данные о его работах⁶; об изготовлении Василем Титовым протазанов в 1656 г. и о сделанном им в 1663 г. карабине с семью нарезами в канале ствола сообщалось в указателе мастеров В.Ф. Железнова⁷.

Три пищали с нанесенным на них именем Василия Титова были подробно описаны хранителем оружия Н.В. Гордеевым в 1954 г.; как работы Титова он предположительно определил еще два ствола в собрании Оружейной палаты⁸. В другой статье Н.В. Гордеев процитировал челобитную Григория Вяткина, в которой сообщалось о смерти Титова 24 апреля 1681 г.⁹ По мнению исследователя Е.И. Смирновой, Василий Титов превзошел в мастерстве своего учителя Григория Вяткина; на основании цитаты из челобитной мастера о том, что «прокормиться ему нечем» был сделан вывод о бедственном материальном положении Титова¹⁰. Также Е.И. Смирнова предположила, что при приеме на службу Василий Титов «получил право подписывать сработанные им вещи своим именем»¹¹. В каталоге «Государева Оружейная палата» хранитель экспозиции музея Е.А. Яблонская кратко охарактеризовала деятельность Василия Титова в придворных мастерских, привела ряд архивных документов, из которых следовало, что оружие работы Титова неоднократно подносилось царю Алексею Михайловичу на Пасху, а сам мастер мог выполнять такие производственные поручения, как изготовление матриц для чеканки монет¹². В одной из работ историка оружия Л.И. Тарасюка упоминается охотничье ружье, изготовленное в Дрездене в конце XVII в., на котором установлен подписной ствол работы Василия Титова с резной надписью и датой 1658¹³.

Суммируя известные данные о Василии Титове, мы можем утверждать, что это самый известный русский самопальный мастер Оружейной палаты второй половины XVII в. В настоящее время нам известны временные рамки его работы, имя учителя, размер

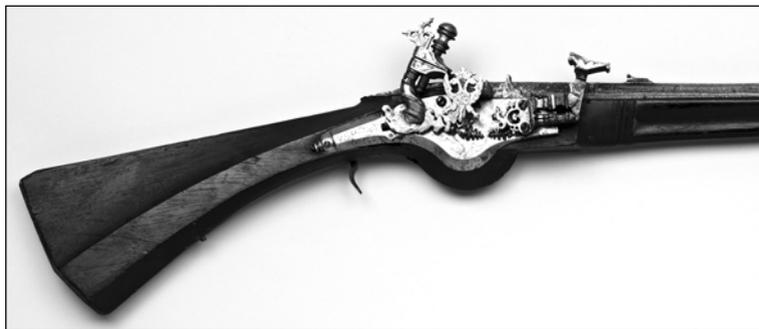
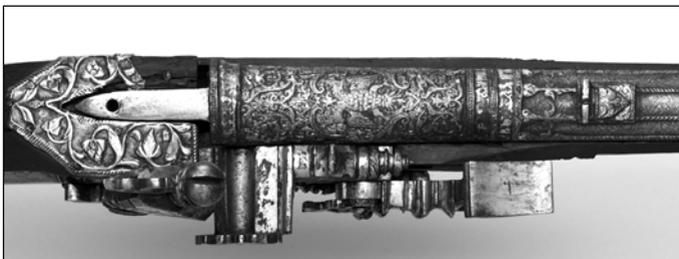

Рис. 1. Карбин с ударно-кремневым замком. Москва, Оружейная палата, 1654–1656. Мастера Ермолай Федоров (ствол), Вилим Геймс (замок). Музеи Московского Кремля. Инв. № Ор-1951

жалованья, также мы можем судить о разнообразии его работ и можем уверенно указать три произведения этого мастера. Кроме того, одна из пицалей Титова, представленная в экспозиции Оружейной палаты, имеет точную дату изготовления – 1673 г.¹⁴ Для сравнения – среди огнестрельного оружия Оружейной палаты второй половины XVII столетия в настоящий момент не известна ни одна работа учителя Титова – Григория Вяткина¹⁵.

В отличие от Титова, Ермолай Федоров в оружейведческой литературе никогда не рассматривался как самопальный мастер. Упоминания Ермолая Федорова в качестве ствольного мастера Оружейной палаты в архивных документах, опубликованных А.Е. Викторовым¹⁶, а также у И.Е. Забелина¹⁷, не позволили выявить ни одну работу этого мастера в области ручного огнестрельного оружия. В.Ф. Железнов на основании публикации И.Е. Забелина привел данные о том, что в 1663 г. Ермолай Федоров изготовил 1-фунтовую (одногривенковую) железную пушку с нарезным каналом ствола¹⁸. В каталоге материальной части отечественной артиллерии 1961 г. Л.К. Маковской были опубликованы две железные казнозарядные нарезные пушки, определенные как работы Ермолая Федорова 1661–1673 гг.¹⁹ Одна из этих пушек демонстрируется на деревянном лафете XVII в. в современной экспозиции Артиллерийского музея в Санкт-Петербурге²⁰. Видимо, благодаря этой публикации Ермолай Федоров был отмечен в Большой Советской Энциклопедии в статье «Артиллерия» как выдающийся

**Рис. 2. Карабин с ударно-кремневым замком. Инв. № Ор-1951.
Казенная часть ствола и чеканная хвостовая накладка**

пушечный мастер²¹. Предположительно Федоровым была откована железная 3/4 фунтовая пушка²², хранящаяся в Музеях Московского Кремля, однако серьезных аргументов, подтверждающих эту атрибуцию, не имеется.

Необходимо сказать несколько слов и об определении «самопальный мастер», которое ранее трактовалось по-разному²³. Л.И. Тарасюк считал основной специализацией самопального мастера изготовление кремневых (искровых) замков²⁴. М.Н. Ларченко полагала, что отличие самопального мастера от ствольного состояло в том, что первый не только изготавливал и украшал ствол, но и проектировал оружие в целом и осуществлял его сборку²⁵. С.П. Орленко предположил, что «самопальный мастер» обладал двумя специализациями и изготавливал как стволы, так и замки огнестрельного оружия²⁶. Однако представляется очевидным, что в России XVII в. самопальными мастерами называли всех оружейников, которые делали «самопальное дело», – ствольных, замочных и станочных (ложевых) мастеров. Тем не менее, в документах Оружейной палаты наименование этой оружейной специализации могло употребляться в особом значении: самопальными мастерами называли ствольных мастеров Оружейной палаты самой высокой квалификации. Но во всех случаях в документации Оружейной палаты середины – второй половины XVII в. «самопальный мастер» синонимичен «ствольному мастеру». Василий Титов в отдельных документах мог именоваться ствольным и замочным мастером, Ермолай Федоров – пушечным мастером, однако в подавляющем большинстве случаев оба мастера назывались ствольными или самопальными мастерами.

Предваряя основную часть нашей работы, необходимо кратко охарактеризовать состояние Оружейной палаты и ее самопальных мастеров во второй половине XVII в. Новый этап в развитии придворных оружейных мастерских можно отсчитывать от выступления русской армии в Смоленск, явившегося началом затяжной войны с Речью Посполитой (1654–1667). Группа наиболее квалифицированных оружейных мастеров палаты во главе с Григорием Вяткиным в качестве хранителей походной оружейной казны царя Алексея Михайловича принимала участие в военных походах 1654–1656 гг. Эти мастера, таким образом, были спасены от страшной эпидемии чумы, в то время как население одной из основных оружейных слобод Москвы, Бронной слободы, в результате чумы уменьшилось на 80 %²⁷.

Возглавивший Оружейную палату в 1656 г. оружничий Богдан Матвеевич Хитрово в первую очередь восполнил и преумножил штат оружейников. Он активно привлекал к работе в Оружейной палате ремесленников, происходивших из западнорусских земель и части территории Речи Посполитой, занятой в ходе Русско-польской войны. На мастеров-иноземцев возлагались большие, иногда явно завышенные надежды. Тем не менее, приток новых мастеров, несомненно, обогатил московскую оружейную школу. Б.М. Хитрово, управлявший также Серебряным приказом, сумел наладить бесперебойную работу кремлевских мастерских и эффективное взаимодействие с другими приказами – Пушкарским, Конюшенным, Разрядным, Казенным. При оружничем Б.М. Хитрово была упорядочена система выплат жалованья мастерам, благодаря чему появился достаточно точный показатель квалификации мастера – размер годового денежного жалованья.

Именно при Б.М. Хитрово окончательно сложился московский оружейный стиль, сформировавшийся в среде кремлевских оружейников²⁸. В декоре огнестрельного оружия активно использовалась насечка золотом и серебром, весьма редко применявшаяся в первой половине столетия. Преобладающей техникой орнаментации металла стала глубокая рельефная резьба с проработкой фона чеканами и последующим сплошным золочением (оброн XVII в.). Стилистически орнаментация стволов Оружейной палаты 1660-х – 1670-х гг. может быть отнесена к ренессансному типу.

Пищальные ложи Оружейной палаты второй половины века – исключительно аркебузные²⁹, удлиненные, в отличие от классического

Рис. 3. Карабин с ударно-кремневым замком. Москва, Оружейная палата, 1667. Мастер Ермолай Федоров (ствол). Музей Московского Кремля. Инв. № Ор-1994. Дульная часть ствола

немецкого приклада³⁰. Форма замочных досок в это время изменилась в соответствии с прикладами; преобладавшие на оружии Оружейной палаты замки англо-голландского типа утратили «колесный» округлый выступ на нижней стороне доски. В орнаментации лож этого времени русские мастера уже не использовали серебряную проволоку, зато инкрустация фигурными пластинами из кости и перламутра приобрела ритм и приблизилась по типу к «ковровой» инкрустации на восточных ружьях³¹. Заимствованием у восточных ложевицников, скорее всего, является декоративный прием «вторичной» инкрустации, когда врезанная в дерево ложная фигурная пластина, например кости, сама становилась основой для врезки роговых и перламутровых вставок, пластин черного дерева и сандала, мастики. Декоративный прием, состоявший в помещении золоченой фольги под прорезные пластины из кости и перламутра, был заимствован у европейских станочных мастеров. Пищальные ложи станочные мастера Оружейной палаты вырезали в большинстве случаев из яблони; большая часть пистолетов и карабинов, сделанных «про государев обиход», имели ложи из кипариса («чипрасового дерева»). В отличие от первой половины XVII в. на пищальных ложах второй половины столетия появились отлитые из медного сплава фигурные спусковые скобы с выемками для пальцев.

В 1650-е – 1660-е в Оружейной палате сложился круг мастеров, группировавшийся вокруг самопального мастера Григория Вяткина (раб. ок. 1635–1682). В этот круг помимо учеников Вяткина, ствольных мастеров Василия Титова, Ивана Константинова, Игнатия Прохорова, Киприана Келарева, входили Ермолай Федоров, замочный мастер Демид Валдацкий (раб. 1660–1678), а также

Рис. 4. Пищаль с ударно-кремневым замком. Москва, Оружейная палата, 1669. Мастера Ермолай Федоров (ствол), Осип Алферьев (замок), Кирилл Толкачев (ложа). Музеи Московского Кремля. Инв. № 1920

станочные мастера Евтихий Кузовлев (раб. 1640-е – 1688) и Василий Корец (Корцов, раб. 1652–1688). Именно мастера круга Вяткина сформировали московский оружейный стиль, яркими представителями которого являлись Василий Титов и Ермолай Федоров. Эти же мастера разработали систему геральдических изображений, которые помещались на оружейных стволах, замках и ложах. Никита Давыдов, продолжавший активно работать в 1650-е – начале 1660-х, несомненно, оказал влияние на новое поколение мастеров Оружейной палаты, однако не оставил после себя учеников³².

При Б.М. Хитрово в начале 1660-х появилась церемония подношения пасхальных даров царю, проходившая на Светлой неделе. Мастера Оружейной палаты – в основном оружейники разной специализации, но также и иконописцы, живописцы, серебряники, резчики по дереву и кости и другие мастера самых разных специальностей – приглашались во дворец со своими произведениями – так называемыми «подносными делами». Эти работы планировались и распределялись между мастерами заранее, а по завершении оценивались руководством Оружейной палаты. Торжественная передача дара царю («явление») осуществлялась непосредственно оружничим, а присутствовавшим на церемонии мастерам объявлялась «государева милость»³³.

Большинство предметов русского огнестрельного оружия, которое пополнило оружейную казну русских царей во второй половине XVII в., было изготовлено мастерами Оружейной палаты в качестве пасхальных даров государю.

**Рис. 5. Пищаль с ударно-кремневым замком. Инв. № 1920.
Дульная часть ствола**

Нужно добавить, что в 1660-е гг. помимо традиционных «жанров», в которых работали самопальные мастера – пищаль, карабин, пара пистолетов – появились комплекты длинноствольного оружия – ружейные пары. Это выполненные в одном стиле парные пищали (две нарезные пищали или нарезная и гладкоствольная того же калибра) и парные карабины.

Основной целью нашей работы было выявление в собрании Оружейной палаты произведений Титова и Федорова, однако необходимым этапом был сбор биографических сведений, в первую очередь, об Ермолае Федорове. По крайней мере с 1656 г. мастер состоял в штате Оружейной палаты на вакантном месте ствольщика Герасима Варначева с окладом 9 р.³⁴ Точное время зачисления Федорова в число жалованных мастеров неизвестно, скорее всего, это произошло не ранее начала эпидемии в 1654 г. Самая ранняя выявленная работа мастера – карабин с дамасковым стволом – зафиксирована в Росписи походной казны царя Алексея Михайловича, которая сопровождала самодержца в Рижском походе 1656 г. (о карабине – см. ниже). В Оружейной палате Федоров выполнял самые разные работы. Например, в январе 1658 г. он и Григорий Вяткин делали дверные (или висячие?) замки по образцу, подаренному царю патриархом Никоном, Вяткин делал замок весом в десять гривенков (ок. 4 кг), а Федоров – в двадцать пять гривенков (ок. 10 кг)³⁵, в 1666 г. Федоров изготавливал решетки «в три окна большие в Оружейную казенную палату»³⁶.

Во второй половине 1650-х и в начале 1660-х Ермолай Федоров получал относительно небольшое жалованье, отставая не только от Василия Титова, но и нескольких ствольных мастеров Оружейной палаты (которые так и не стали мастерами первого ряда). Например, в 1661 г. его годовой оклад 11 р. следовал за окладами Никиты

Давыдова – 30 р., Григория Вяткина – 25 р., Василия Титова – 20 р. и трех ствольщиков, получавших по 12 р. – Романа Олонцова, Ивана Константинова и Никифора Кобелева³⁷. В то же время, судя по единовременным выплатам, уровень мастерства Ермолы Федорова и его участие в разных работах оценивались относительно высоко. В документе о пожаловании оружейников за «каретное и протазанное золочение» в июне 1658 г. сообщалось, что за эти работы Никита Давыдов получил 20 р., Григорий Вяткин – 18 р., а Василий Титов и Ермолай Федоров – по 12 р.³⁸ В Окладной книге Оружейной палаты 1677 г. Федоров был записан четвертым самопальным мастером после Григория Вяткина, Василия Титова и Афанасия Вяткина, сына Григория³⁹.

В 1660-х Федоров упоминался в документах чаще как пушечный мастер: в феврале 1660 г. он серебрил «две пушки немецкие»⁴⁰, в марте того же года изготавливал и серебрил оправы к пушечным лафетам⁴¹. В 1663 г. Ермолай Федоров «делал пушечное дело»⁴² совместно с известным пушечным мастером иноземцем Андреем Нейдгартом (раб. в 1660-е), при этом он руководил группой кузнецов из Ствольного приказа⁴³, в 1664 г. вновь упоминался «у пушечного дела»⁴⁴. В 1667 г. Федоров во главе группы кузнецов был в командировке на Протвенском железном заводе Филимона Акемы, ему предписывалось изготовить «две пушки винтовальных длиною в пол четверта аршина а ядро в гривенку». Но на заводах Акемы не нашлось подходящих «снастей», и Ермолай в своей челобитной предложил оборудовать нужную мастерскую в Москве⁴⁵.

В 1668 г. в числе даров государю на Пасху числились две нарезные 1-фунтовые пушки со стволами в четыре аршина длиной (чуть более 280 см), их стволы были «по местам золочены и по золоту розканфарены травки; пушки делал Ермола Федоров, золотил Григорей Вяткин да Василей Титов с товарищи»⁴⁶. Следующий документ, в котором описывались те же пушки, говорит о возможном конфликте между Ермолаем Федоровым с одной стороны и Григорием Вяткиным и его учениками – с другой. В нем объясняется, почему пушки золотил не сам Ермолай Федоров, имевший необходимую квалификацию, а другие мастера: «Пушечного дела мастер Ермола Федоров в поднос зделал две пушки винтованных длиною по четыре аршина, ядром в гривенку, золотил и серебрил он же Ермола, и то золото и серебро потерял, золотил худо; золотили

Рис. 6. Пищаль с ударно-кремневым замком. Москва, Оружейная палата, 1660-е. Мастера Ермолай Федоров (ствол), Демид Валдацкий (замок), Василий Корец (ложа). Музеи Московского Кремля. Инв. №-1921. Казенная часть ствола и увеличенный фрагмент резного орнамента с изображением звериной (птичьей) головки

вновь Григорей Вяткин да Василий Титов... а что он худо золотил и серебрил, и за его пушечную работу и за старость того не спрашивать»⁴⁷. Последняя цитата намекает на сложные взаимоотношения придворных оружейников, однако показывает также великодушные руководства Оружейной палаты, которое ценило старого и опытного мастера. В действительности Федоров был единственным русским пушечным мастером, пушки которого подносились государю на Пасху. Из этого документа следует также, Федоров был заметно старше не только Титова, но и Вяткина.

Добавим, что если бы в двух последних документах пушки Федорова были названы скорострельными, мы могли бы уверенно говорить о том, что они тождественны вышеописанным орудиям в Артиллерийском музее.

Осенью 1661 г. Ермолай Федоров стал виновником трагической смерти своего коллеги. Вместе с двумя ствольными мастерами Иваном Константиновым и Артемием Безминым он был командирован в Тулу (к «пушечному делу»). В результате неловкого обращения с дробовым ружьем Федоров тяжело ранил Артемию Безмина, который впоследствии скончался⁴⁸. Отметим, что сын Ермолая Федорова, Дорофей Ермолаев Золотарев (раб. 1664–1723), как

Рис. 7. Карабин с ударно-кремневым замком. Москва, Оружейная палата, 1663. Мастера Василий Титов (ствол, замок), Евтихий Кузовлев (ложа). Инв. № Ор-98

и сын погибшего оружейника Иван Безмин (1653–1696), были также мастерами Оружейной палаты, однако не оружейниками, а живописцами, неоднократно работали совместно. Из документов Оружейной палаты известно, что в декабре 1679 г. живописец Дорофей Ермолаев красками «писал два топорка, булаву, шестопер, пистоль, карабин потешные деревянные в хоромы к государю царевичу и великому князю Петру Алексеевичу»⁴⁹. Нельзя исключить, что украшение игрушечного оружия было поручено Дорофею Ермолаеву в связи со специальностью его отца.

Ермолай Федоров проживал в одном из дворов Бронной слободы. В Переписной книге Бронной слободы 1663–1665 гг. описаны два тяглых двора, владельцы которых умерли в «моровое поветрие» 1654–1656 гг., позднее их дворы были куплены пушечным мастером Ермолой Федоровым⁵⁰.

В списке пасхальных подношений государю в 1675 г. значится последняя работа мастера – пара карабинов⁵¹. В 1677 г. году Ермолай Федоров тяжело заболел, постригся в монахи под именем Евфимия и умер в 1678 г.⁵²

Переходя к описанию работ Титова и Федорова, идентифицированных в собрании Оружейной палаты (и других российских музеев), отметим важность комплексного обращения к источникам. На первом этапе исследования наибольшую важность представляли данные из самого информативного письменного источника по истории русского оружия XVII в. – Переписной книги государевой оружейной казны 1687 г.⁵³ В этой описи были найдены описания девяти пищалей (из них три ружейных пары) и пары карабинов работы Василия Титова⁵⁴, а также двух парных пищалей

Рис. 8. Карабин с ударно-кремневым замком. Инв. № Ор-98. Резная композиция в средней части ствола с изображением «римского императора». Сверху – погонная скоба

и парных карабинов, выполненных Ермолаем Федоровым⁵⁵. Все эти предметы были идентифицированы в собрании Оружейной палаты, а также в Государственном Историческом музее в Москве. Анализ архивных делопроизводственных документов Оружейной палаты помог датировать оружие и расширить наши знания о замочных и станочных мастерах, принимавших участие в его изготовлении. Эмпирическое изучение оружия, скрупулезное сопоставление «авторизированных» работ с безымянными произведениями самопальных мастеров Оружейной палаты позволяли составить представление об авторском стиле Титова и Федорова, а также исключить из числа работ Титова по крайней мере одну пицаль, которая была ошибочно приписана этому мастеру в Переписной книге 1687 г.⁵⁶

Наиболее ранняя выявленная работа Ермолая Федорова – карабин с дамасковым стволом и кремневым замком, описанный в Росписи походной казны 1656 г. как «Карабин Ермолина дела ствол красной с тетивками (продольными валиками, резанными веревочкой. – А.Ч.), замок Вилимова дела, станок красной чепрасовой»⁵⁷. Ствол, как следует из описания, был изготовлен Ермолой Федоровым (других ствольных мастеров с именем Ермола в Оружейной палате XVII в. не было), а замок – Вилимом Геймсом, дозорщиком⁵⁸ Оружейной палаты, оружейные работы которого ранее были не известны даже по письменным источникам. Замок англо-голландского типа в действительности не имеет декоративных аналогов среди работ мастеров Оружейной палаты. На внутренней

поверхности его доски выбито клеймо с лигатурой букв WH в щитке, которые, без сомнения, являются инициалами имени Геймса, написанными латинскими буквами. Это единственное клеймо иноземного мастера на оружии, изготовленном в Оружейной палате (и единственное клеймо на внутренней поверхности замочной доски). Резной растительный орнамент на стволе содержит завитки и закрученные спиралью ветви, с отходящими от них раздваивающимися листьями. Этот орнамент активно разрабатывался мастерами Оружейной палаты первой половины XVII в., преимущественно в 1640-е гг. Представляет интерес и вырезанное в казенной части изображение двуглавого орла – орел повернут головой вниз, то есть в сторону хвостовика ствола. К вопросу о причинах этого изображения мы вернемся ниже.

Следующая точно датируемая работа Федорова – нарезной карабин 1665 г.⁵⁹ В музее хранится другой карабин⁶⁰, чрезвычайно похожий на данный, с полностью аналогичными ложей и замком. Оба карабина можно было бы рассматривать как выполненные одним мастером⁶¹. Однако был обнаружен документ Оружейной палаты от 4 марта 1665 г., согласно которому карабины были сделаны разными мастерами, но схожесть была придана им целенаправленно. Мастер Серебряной палаты Василия Иванова должен был «...сделать по бумажным образцам... серебряную гладкую оправу...

на два карабинные станка Ермолина дела Федорова, да Иванова дела Константинова, всего на карабины 18 мест»⁶². Скорее всего, существовал образцовый карабин, который два мастера должны были воспроизвести в русле творческого состязания. Федоров, безусловно, превзошел ученика Григория Вяткина: орнаментальная резьба на его карабине, изображения единорога и грифона заметно изящнее

Рис. 9. Пищаль с ударно-кремневым замком. Москва, Оружейная палата, 1670-е. Мастера Василий Титов (ствол), Демид Валдацкий (замок). Музеи Московского Кремля. Инв. № Ор-1930. Резная композиция на казенной части ствола (прорись см.: *Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 5. Кн. 4. Огнестрельное оружие. М., 1886. № 7430*)

и тоньше проработаны, чем на стволе работы Ивана Константинова. Ствол Федорова помимо резьбы украшен насечкой золотом.

Пара нарезных карабинов⁶³ была выполнена Федоровым в 1667 г.⁶⁴, их серебряный с разноцветной эмалью прибор также изготовлен в Серебряном приказе. Дульные части стволов вырезаны в виде львиных голов с раскрытыми пастьями, уши животных служат прицельным приспособлением и представляют собой касты, в которых исходно были вставлены красные камни: «Пара карабинов осмерики...Ермолина дела... на дулах главы львиные... на ресках (прицелах. – А.Ч.) высечены личины львиные, вместо целиков во львиных главах в гнездах камышки червчатые... замки на шкоцкое дело... станки сандалные, оправы... серебряная позолочена с финифты розными»⁶⁵). Стволы данных карабинов – единственные среди русского огнестрельного оружия – были украшены полудрагоценными камнями.

Еще одна замечательная работа Ермола Федорова – пара нарезных пищалей 1669 г., замки которых выполнены замочным мастером Оружейной палаты Осипом Алферьевым (раб. 1660–1678), а ложки – Кириллом Степановым Толкачевым (раб. 1660–1678). Последний мастер, выходец из белорусского города Витебска, числился среди «польских» мастеров Оружейной палаты, а в документах фигурировал как «костяного дела токарь». Одна из этих пищалей находится в Музеях Московского Кремля⁶⁶, другая⁶⁷, полностью аналогичная, в настоящий момент хранится в Государственном Историческом музее⁶⁸. Стволы пищалей украшает тонкая орнаментальная резьба и не менее изящная насечка золотом. Эта пара – единственные пищали «государевой статьи» с ложчатыми раструбами на дулах⁶⁹.

В резном растительном орнаменте Ермолая Федорова на стволах карабинов 1665 и 1667 гг., а также на пищалах 1669 г. появляются элементы гротеска, возможно заимствованные у Никиты Давыдова: от длинных вьющихся или закрученных спиралью стеблей отходят листья и отростки в виде звериных или птичьих голов. Однако стиль орнамента Ермолая Федорова в целом иной, нежели вырезавшийся на стволах работы Никиты Давыдова в первой половине XVII в.⁷⁰

Геральдические изображения Ермолая Федорова представляют интерес не только благодаря изящной проработке, но и по способу размещения. Короны, вырезанные в дульных частях стволов

Рис. 10. Пищаль с ударно-кремневым замком. Москва, Оружейная палата, 1670-е. Василий Титов (ствол), Демид Валдацкий (замок), Евтихий Кузовлев (ложа). Музеи Московского Кремля. Инв. № Ор-1987. Левая сторона аркебузного приклада

карабинов 1667 г., как и двуглавый орел на стволе упомянутого карабина середины 1650-х гг., при традиционном рассмотрении ствола дулом вверх оказываются перевернутыми. Несомненно, Ермолай Федоров целенаправленно «переворачивал» геральдические символы. С нашей точки зрения, мастер руководствовался походным положением карабина: карабин возился всадником на перевязи через плечо (или в специальной ольстре) дулом вниз. Таким образом, Федоров пытался придать естественное положение русскому гербу и короне в походном – собственно парадном – положении. Подобное обращение с государственной символикой говорит и о серьезном творческом поиске, и о творческой свободе оружейного мастера.

Несмотря на упоминания оружия, изготовленного Василием Титовым в 1650-х, самая ранняя обнаруженная его работа – карабин⁷¹ 1663 г. Редкое количество нарезов в канале ствола – семь – позволило идентифицировать карабин в списке оружия, поднесенного царю Алексею Михайловичу после Пасхи 1663 г.: «Карабин ствол о 7 винтах, по нем сечены травы, весь золочен, замок шкоцкой, по нем резаны травы ж золочены, делал и золотил Василей Титов... станок яблоневоый покрыт раковинами оправа серебряная сканная золоченая с финифтом, делал Ефтифей Кузовлев»⁷². В Переписной книге 1687 г. описание этого оружия подробнее, но не содержит имен мастеров: «Карабин винтованной, ствол... сплошь золочен, на стволу три мишени резные с клеемцами... на казне орел двоеголавой с каруною, в средней мишени в клеемце личинка,

в последней мишени в клеемце ж кубик... Станок яблоновой, раковины по местам мишенцами и репейками, оправа на станку... серебряная золоченая розными финифты в десяти местех. Замок резной на англинское дело, золочен, на полке каруна; у курка голова львова, в исподе у курка и у огнива и у доски главы китовы; у курка ж на доске змей летучей. Скоба и погон с кольцом и спуск железные золочены... цена пятьдесят рублей... а в прежней описной книге написан десятой»⁷³). Это описание нуждается в комментарии: «мишенями» в нем названы орнаментальные резные зоны, «клеемцами», то есть клеймами, – овалы медальоны, обрамленные орнаментом, «личина» – в данном случае изображение мужского профиля, «кубик» – стилизованное изображение кубка. Изображение мужского профиля в лавровом венке (?), «личина», скорее всего, является следованием общеевропейской традиции изображения римских императоров. Детали серебряной с эмалью оправы указаны общим счетом («десять мест»). Замок работы Титова и его описание в документе заслуживает особого внимания. В настоящий момент замок англо-голландского типа в подобном резном оформлении воспринимается как визитная карточка мастеров Оружейной палаты. Все детали этого замка были резные и, как правило, позолоченные. Верхняя часть курка вырезалась в виде головы льва, в пасти которого зажимался кремень, нижняя часть («в исподе») в виде головы дельфина; головы чудовищ вырезались также на округлой подогнивной планке и левом краю замочной доски; три последних изображения в описях XVII в. именовались «китовыми головами». На круглом щитке пороховой полки помещалось то или иное символическое изображение, чаще всего – закрытая корона («каруна»). Скорее всего, подобное декоративное оформление замка было разработано учителем Титова

Рис. 11. Пищаль с ударно-кремневым замком. Инв. № Ор-1987. Резная композиция на казенной части ствола (прорись см.: *Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 5. Кн. 4. Огнестрельное оружие. М., 1886. № 7350*)

Григорием Вяткиным во второй половине 1650-х – начале 1660-х⁷⁴. Образцом для данного декоративного типа послужил замок на голландском карабине, который был поднесен в дар царю Михаилу Федоровичу голландским торговым агентом Карлом де Муленом в 1630 г.⁷⁵

Орнаментация ствола Василия Титова по стилистике близка орнаменту мастеров круга Григория Вяткина, однако отличается более тонкой проработкой деталей. Изящный резной орнамент, включающий как растительные завитки, так и относительно «жесткие» геометризированные элементы, по типу можно отнести к ренессансному орнаменту. Гротескные элементы орнамента – растительные завитки орнамента, заканчивающиеся звериными головками – Василий Титов, возможно, заимствовал у Никиты Давыдова⁷⁶, как и Ермолай Федоров.

В 1670-е гг. орнаментальная резьба Василия Титова парадоксальным образом становится грубее, в числе фигуративных изображений появляются вычурные геральдические композиции. К такому можно отнести два изображения на стволах пищалей Титова. На первой пищали⁷⁷ вырезано изображение двуглавого орла, на груди которого в овальном щите помещена корона; из короны вверх выходят два меча, клинки которых зажаты в клювах орлиных голов; меч, выходящий из короны вниз, поражает змея (?). Источником для этого символического изображения может являться герб Б.М. Хитрово, ставший впоследствии родовым гербом его потомков. На стволе другой пищали⁷⁸ в резной композиции на груди двуглавого орла в круглом медальоне помещена шестилучевая звезда над лежащим полумесяцем. Источник этого изображения неизвестен. Эта пищаль имеет реплику, изготовленную в 1866 г. тульским мастером Алексеем Бабяковым, которая ныне хранится в Государственном Эрмитаже⁷⁹. Интересно, что инкрустация на левой стороне приклада эрмитажного ружья в точности повторяет приклад на ложе Кузовлева, в том числе и позднюю вставку с двуглавым орлом на правой стороне, явно не входившую в первоначальную композицию станочного мастера Евтихия Кузовлева.

Обе пищали имеют замки работы лучшего, пожалуй, замочного мастера Оружейной палаты 1660-х Демида Валдацкого (раб. 1660–1678) и, что важно, закрытые трубчатые прицелы с вмонтированными в них щитками с прорезями. Это прицельное приспособление, не встречающееся ни на одном другом образце огнестрельного

**Рис. 12. Карабин с ударно-кремневым замком.
Москва, Оружейная палата, вторая половина 1650-х.
Григорий Вяткин (?) (ствол), Василий Титов (?) (замок).
Музеи Московского Кремля. Инв. № Ор-97. Замок**

оружия Оружейной палаты повторяется. Однако трубчатый прицел был установлен на пушке работы Ермолая Федорова, хранящейся в Артиллерийском музее⁸⁰. Добавим, что дульная часть ствола другой пищали Василия Титова, изготовленной в 1674 г., совершенно не характерная для ручного оружия Оружейной палаты, повторяет дуло другой известнейшей казнозарядной пушки из собрания Артиллерийского музея – с клиновым затвором, запирающимся при помощи ворота; декор этой пушки приписывается Григорию Вяткину⁸¹. В настоящем подтвердить или опровергнуть авторство гравировки на стволе казнозарядной пушки не представляется возможным, однако орнаментация пушечного ствола, изображения головы воина в античном шлеме и грифонов находят соответствие как на работах Вяткина, так и на стволах работы Василия Титова. Близкие по графике изображения голов воинов найдутся на дамасковых стволах пистолетов, изготовленных в Оружейной палате во второй половине XVII в. и хранящихся ныне в Эрмитаже⁸². Скорее всего, это пистолеты работы Григория Вяткина⁸³. Изображение головы римского императора встречается и на вышеупомянутом пищальном стволе из Эрмитажа (который установлен на относительно позднем ружье европейского дизайна),

на котором вырезано имя и Василия Титова, и дата 1658⁸⁴. Однако подлинность последнего ствола вызывает сомнения, вполне вероятно, это тульская реплика первой половины XVIII в.

Еще одна работа Василия Титова была идентифицирована в собрании Исторического музея в Москве. Это нарезная пищаль⁸⁵, парная к пищали, хранящейся в Оружейной палате⁸⁶. Замки на пищалах работы Демида Валдацкого, ложи изготовлены Василием Корцом; пищали были поднесены царю Алексею Михайловичу после Пахси 1674 г.⁸⁷

Следуя в целом за своим учителем Григорием Вяткиным, в 1660-е – 1670-е гг., Василий Титов не только привнес новые изобразительные элементы в число символических изображений на русском оружии, но и достиг высочайшего уровня резьбы по металлу. Однако ранние работы Вяткина и Титова 1650-х, наверняка сохранившиеся в собрании Музеев Кремля, мы пока не можем ни идентифицировать, ни отличить по авторскому стилю. В настоящий момент мы можем лишь предполагать, что авторство самых загадочных русских замков XVII в. с резными фигурами русалок на курке – на карабине⁸⁸ из Оружейной палаты, изумительных пистолетах⁸⁹ из Эрмитажа – принадлежит Василию Титову.

Основным итогом настоящей работы является идентификация в музейных собраниях России около двадцати работ замечательных оружейников и выдающихся художников Василия Титова и Ермолая Федорова. При всех различиях их творческой биографии, они работали в сходной стилистике, их работы дают полное представление о наивысшем уровне развития русского оружейного мастерства XVII в.

¹ Об этом мастере см.: Орленко С.П. Оружейный мастер Григорий Никитич Вяткин (ок. 1615–1688) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Вторая межд. науч.-практ. конф. 18–20 мая 2011 г. Ч. 2. СПб., 2011. С. 122–143.

² Вельтман А.Ф. Московская Оружейная палата. [М.], 1860. С. 245.

³ Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 5. Кн. 4. Огнестрельное оружие. М., 1886. № 7464, 7390, 7391.

⁴ Арсеньев Ю.В. К истории Оружейного приказа в XVII веке // ВАИ. Вып. XVI. СПб., 1904. С. 174–175.

⁵ См.: Челобитные мастеров Оружейной палаты о денежном и хлебном жалованье. Ноябрь 1649. РГАДА Ф. 396. Оп. 1. Д. 4044. Л. 13–15.

- ⁶ См.: Викторов А. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. Вып. 2. М., 1883. С. 424, 425, 428, 431, 433è 442. И. Забелин. Домашний быт русских царей и цариц в XVI и XVII столетиях. Т. 3. Материалы. М., 1918 [2003]. № 120. С. 753.
- ⁷ Железнов В.Ф. Указатель мастеров русских и иноземцев, горного, металлического и оружейного дела и связанных с ним ремесел и производств, работавших в России до XVIII в. СПб., 1907. С. 52.
- ⁸ Гордеев Н.В. Русское огнестрельное оружие и мастера-оружейники Оружейной палаты XVII века // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954. С. 21, 47–50.
- ⁹ Его же. Оружие // Оружейная палата. М., 1964. С. 55–56.
- ¹⁰ Смирнова Е.И. Оружейная палата в Кремле. М., 1975. С. 21. Это положение не выдерживает критики. Придворный мастер, только денежный оклад которого достигал 15–25 р., должен считаться весьма состоятельным человеком.
- ¹¹ Там же. С. 20. В действительности аналогов резных надписей в картушах с именем мастера на других стволах Оружейной палаты не имеется.
- ¹² Государева Оружейная палата. СПб., 2002. Кат. 80. С. 375–376.
- ¹³ ГЭ. Инв. № 3.О. 5638. Tarassuk Leonid. The Collection of Arms and Armour in the State Hermitage, Leningrad // JAAS.Vol. 5, Nos. 4–5. L. March, 1966. P. 221.
- ¹⁴ ММК. Инв. № Ор-99.
- ¹⁵ Исключение представляет так называемая пищаль-тюфяк 1654 г., см.: Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 5. Кн. 4. № 6763. Treasures of the Moscow Kremlin. Arsenal of the Russian Tsars. A Royal Armouries HM Tower. [Catalogue] L., 1998. Cat. 26. P. 42, 43, 163, 164. Однако серьезных доказательств авторства Григория Вяткина нет, и в любом случае эта пищаль не является характерной работой этого мастера.
- ¹⁶ Викторов А. Указ. соч. С. 425, 427, 433.
- ¹⁷ Там же. С. 425, 427, 433. И.Е. Забелин. Указ. соч.
- ¹⁸ Железнов В. Указ. соч. С. 60.
- ¹⁹ ВИМАИВиВС. Инв. № 9/97, 9/95. См.: Вышенков В.П., Маковская Л.К., Сидоренко Е.Г. Каталог материальной части отечественной артиллерии. Л., 1961. С. 165–167. Кат. № 303–304.
- ²⁰ ВИМАИВиВС. Инв. № 9/97.
- ²¹ БСЭ. Т. 2. М., 1970. Изд. 3-е. С. 265.
- ²² ММК. Инв. № Арт-783. См. Мастерство русских оружейников. Каталог выставки. Самара, 2011. Кат. № 45.
- ²³ При публикации документов Оружейной палаты А.Е. Викторова и в словаре мастеров В.Ф. Железнова к самопальным мастерам были ошибочно отнесены «самопальные стрелки», составлявшие особый разряд служащих Оружейного приказа. В обязанности самопальных стрелков не входило изготовление оружия. Одна из основных функций самопальных стрелков – отстрел оружия; однако круг их обязанностей в настоящий момент точно не определен.
- ²⁴ Тарасюк Л.И. Из истории русского ручного огнестрельного оружия XVI–XVII вв. // Советская археология. 1965. № 2. С. 116–117.
- ²⁵ Ларченко М.Н. Новые данные о мастерах-оружейниках Оружейной палаты первой половины XVII века // Государственные Музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. 2. М., 1976. С. 30.
- ²⁶ Орленко С.П. Указ. соч. С. 127.
- ²⁷ См. Романов М.Ю. Московская Бронная слобода в XVII в. История и люди.

М., 2010. С. 47.

²⁸ Стиль орнаментации оружия в Оружейной палате не следует отождествлять с определением «московское дело», применявшимся к огнестрельному оружию и его основным деталям в документах XVII в. Например «замок московское дело» в большинстве случаев означает «кремневый замок русского типа».

²⁹ Некоторое исключение составляют ружейные ложи старофранцузской формы, которые иногда использовали мастера-иноземцы.

³⁰ В Европе такие ложи принято называть польскими.

³¹ Ковровая инкрустация на турецких ружьях относится к более позднему времени. В данном случае мы говорим не о прямых заимствованиях, а о стилистической близости.

³² Широко распространено мнение о том, что учениками Никиты Давыдова были Максим Давыдов, Григорий и Кондратий Вяткины. См., например, Епифанов П.П. Оружие // Очерки русской культуры XVII в. Ч. 1. М., 1979. С. 266. Это мнение не подтверждается ни источниками, ни сравнением оружейных работ указанных мастеров.

³³ См.: Государева Оружейная палата. М., 2002 / вст. ст. И.А. Комарова. С. 28.

³⁴ О выдаче мастерам Оружейного приказа прибавочного жалования. 30 июня 1656. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 5653. Л. 31.

³⁵ Книга расходная денежной казне Оружейного приказа 1656–1657. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 947. Л. 38.

³⁶ Викторов А. Указ. соч. С. 439.

³⁷ О выдаче жалования служащим в Оружейной палате. 1661. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 7596. Л. 2–4.

³⁸ О пожалованья мастеров Оружейного приказа Никиты Давыдова с товарищами за золочение карет и протазанов. 1658. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 6029. Л. 2.

³⁹ Викторов А. Указ. соч. С. 442.

⁴⁰ Книга приходно-расходная золоту и серебру 1659–1660. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 951. Л. 19–20.

⁴¹ Там же. Л. 21 об., 23–25.

⁴² Нужно оговориться, что во всех случаях, когда в документах идет речь об изготовлении Ермолаем Федоровым артиллерийских орудий, имеются в виду скорее парадные пушки, а не орудия, рассчитанные на боевое применение. Железные кованые стволы таких пушек золотились, эти пушки сопровождали царя во время торжественных выездов.

⁴³ О выдаче жалования мастерам Оружейной палаты. 1663. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8446. Л. 4, 5, 145.

⁴⁴ Роспись Оружейной палаты разным мастеровым людям 1664. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. № 8930. Л. 1.

⁴⁵ Об изготовлении двух нарезных пушек. 1667. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 11016. Л. 1, 3.

⁴⁶ Роспись оружия, поднесенного государю на Пасху 22 марта 1668 г. РГАДА. Ф. 396. № 11708. Л. 2.

⁴⁷ Роспись мастерам после пасхального подноса. 1667–1668. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 11823. Л. 6–7.

⁴⁸ Николаева М.В. Словарь иконописцев и живописцев Оружейной палаты. 1630–1690-е годы: дворовладения, события повседневной жизни, работа по частным заказам. М., 2012. С. 34; РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 7813. Л. 1–5.

- ⁴⁹ Книга приходно-расходная 1679–1680. Л. 511–511 об.
- ⁵⁰ Романов М.Ю. Указ. соч. С. 155.
- ⁵¹ Роспись оружейным подносным делам. 1675. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 15492. Л. 3.
- ⁵² Николаева М.В. Указ. соч. С. 91.
- ⁵³ Переписная книга Оружейной и всякой царской казне и красок, что в Оружейной палате, в Большой казне, и в прочих палатах... 1687 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 936.
- ⁵⁴ Там же. Л. 244 об. – 245. № 5, Л. 251 об. № 13, Л. 259–260 № 23, Л. 285 об. – 286 об. № 5, Л. 286 об. – 287. №6, Л. 287–289. № 7.
- ⁵⁵ Там же. Л. 256 об. – 257. № 19, Л. 358 об. – 359 об. № 5. Пистолеты работы этих мастеров в описи 1687 г. не значатся.
- ⁵⁶ «Пищаль змейка винтованная осмерик Василева дела Титова...» (Переписная книга 1687. Л. 286 об. – 287. № 6) обнаружила полное сходство в манере оформления с оружием работы мастера Филиппа Тимофеева Болдырева. Упомянутая выше пара карабинов, изготовленная Федоровым к Пасхе 1675 г., возможно, в Переписной книге 1687 г. (Л. 356 об. – 357 об. № 2) оказалась приписана Василию Титову.
- ⁵⁷ Роспись Оружейной казны, отпущенной из Оружейного приказа в поход под Ригой. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 5835. Л. 80. [№ 9].
- ⁵⁸ Дозорщиками осуществлялась приемка и хранение боевого оружия в Оружейной палате.
- ⁵⁹ ММК. Инв. № Ор-1961.
- ⁶⁰ ММК. Инв. № Ор-1950.
- ⁶¹ Парными карабины не являлись, так как стволы их были обточены по-разному при почти точном совпадении резных композиций.
- ⁶² Троицкий В.И. Словарь московских мастеров золотого, серебряного дела XVII века. Вып. 1. Л., 1928. С. 42.
- ⁶³ ММК. Инв. № Ор-1993, 1994.
- ⁶⁴ Об изготовлении в приказе Серебряной палаты оправы к двум карабинам стволам. 1667. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 10740. Л. 1–2.
- ⁶⁵ Переписная книга 1687. 358 об.–359об. № 5.
- ⁶⁶ ММК. Инв. № Ор-1920.
- ⁶⁷ Эта пищаль была занесена в Опись Московской Оружейной палаты 1886 г. под номером 7339.
- ⁶⁸ ГИМ. Инв. № 85687. Пищаль была опубликована в 1948 г., см.: М.М. Денисова. Поместная конница и ее вооружение в XVI–XVII вв. // Военно-исторический сборник. Вып. XX. Труды Государственного Исторического Музея. М., 1948. С. 43 рис. 11.
- ⁶⁹ В дальнейшем этот декоративный прием широко использовался при оформлении стволов казачьих завесных пищалей.
- ⁷⁰ См.: Чубинский А.Н. Огнестрельное оружие работы мастеров Оружейной палаты первой половины XVII в. // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Вторая между. науч.-практ. конф. 18–20 мая 2011 г. Ч. 2. СПб., 2011. С. 543.
- ⁷¹ ММК. Инв. № Ор-98.
- ⁷² Забелин И.Е. Домашний быт русских царей и цариц в XVI и XVII столетиях. Т. 3. Материалы. М., 1918 [2003]. № 120. С. 753; РГАДА. Ф. 396. Ед. хр. 8725. Л. 4.

- ⁷³ Переписная книга 1687. Л. 335–335 об. № 4.
- ⁷⁴ Пока мы не можем уверенно указать ни один замок его работы этого периода.
- ⁷⁵ ММК. Инв. № Ор-282. См.: Государева Оружейная палата. М., 2002. Кат. 95. С. 284–285. Карабин находится в экспозиции музея.
- ⁷⁶ У блестящего орнаменталиста Григория Вяткина, учителя Титова, как кажется, эти элементы отсутствуют.
- ⁷⁷ ММК. Инв. № Ор-1930. См.: Опись Оружейной палаты 1886. № 7430.
- ⁷⁸ ММК. Инв. № Ор-1987. См.: Там же. № 7350.
- ⁷⁹ ГЭ. Инв. № З.О. 6, см.: Miller J.A. Masterpieces of Russian Hunting Arms from The Hermitage Museum, St. Petersburg. Devantier, 1996. P. 100–101.
- ⁸⁰ ВИМАИВиВС. Инв. № 9/97. См.: Вышенков В.П., Маковская Л.К., Сидоренко Е.Г. Там же. С. 165. № 303.
- ⁸¹ ВИМАИВиВС. Инв. № 9/93. Там же. С. 163–165. № 300.
- ⁸² ГЭ. Инв. № З.О. 7764, см. Jurij A. Miller. Op. cit. P. 18–19. Fig. 6a
- ⁸³ Кажется, Василий Титов не изготавливал дамасковые стволы.
- ⁸⁴ Tarassuk L. The Collection of Arms and Armour in the State Hermitage, Leningrad // JAAS. Vol. 5. Nos. 4-5. L. March, 1966. P. 221.
- ⁸⁵ ГИМ. Инв. № Ор 7220. См. Ю.В. Шокарев. Из истории охотничьих ружей // Охотник № 1. 1991.
- ⁸⁶ ММК. Инв. № Ор-1908. В Переписной книге 1687 г. обе пиццали записаны Л. 251 об. – 252. № 13.
- ⁸⁷ О поднесении к Пасхе разных вещей, сделанных в Оружейной палате. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 14946. Л. 1.
- ⁸⁸ ММК. Инв. № ОР-97. См.: Гордеев Н.В. Указ. соч. С. 48.
- ⁸⁹ ГЭ. Инв. № З.О. 5958, 5964. См.: Tarassuk L. Russian Pistols in the Seventeenth Century L., 1968. Pl. 23; Тарасюк Л.И. Старинное огнестрельное оружие в собрании Эрмитажа. Л., 1971. Кат. 177, 176. С. 171.

Сокращения в сносках:

БСЭ – Большая советская энциклопедия

ВИМАИВиВС – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи

ГИМ – Государственный Исторический музей

ГЭ – Государственный Эрмитаж

ВАИ – Вестник археологии и истории

ММК – Музеи Московского Кремля

РГАДА – Российский Государственный архив древних актов

JAAS – Journal of the Arms and Armour Society

Е.Д. Шелковникова

СТАРИННОЕ (АНТИКВАРНОЕ) ОРУЖИЕ: ИСТОРИЯ КОЛЛЕКЦИЙ В СОГЛАСИИ С ПРАВОМ И ПРАВУ ВОПРЕКИ

В РАЗЛИЧНЫХ отраслях научных знаний – оружейведении, военной науке, юриспруденции и других – в зависимости от конкретных задач исследования и прикладного значения, который придается термину «оружие», его дефиниция различна. Так, в юриспруденции этот термин употребляется в собственном смысле данного слова, исходя из прямого функционального предназначения оружия.

Сформулированное в ст. 1 Федерального закона «Об оружии» определение понятия «оружие» – устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, подачи сигналов¹ – разработано с учетом широкого круга относящихся к нему предметов и поэтому носит общий характер.

Ныне в ФЗ «Об оружии» появились новые термины – «оружие, имеющее культурную ценность» и «старинное (антикварное) оружие». К оружию, имеющему культурную ценность, закон относит «оружие, включенное в состав Музейного фонда Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом от 26 мая 1996 года № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» либо подпадающее в соответствии с решением уполномоченного Правительством Российской Федерации федерального органа исполнительной власти под действие Закона Российской Федерации от 15 апреля 1993 г. № 4804-I «О вывозе и ввозе культурных ценностей», в том числе старинное (антикварное) оружие. Соответственно к старинному (антикварному) оружию ФЗ «Об оружии» отнес «огнестрельное, метательное и пневматическое оружие, изготовленное до конца 1899 года

(за исключением огнестрельного оружия, изготовленного для стрельбы патронами), а также холодное оружие, изготовленное до конца 1945 года». Как видим, из трех приведенных выше дефиниций оружия вытекают три основных признака, характеризующих оружие: целевой, правовой и качественный².

Правовой признак состоит в наличии особого правового режима оружия, в зависимости от того, является ли оно объектом разрешительной системы либо нет. Тем самым круг предметов, юридически подпадающих под категорию оружия, четко ограничен законодателем.

Помимо целевого и правового признаков оружие также должно обладать качественным признаком, т. е. пригодностью к использованию по прямому назначению. При наступлении необратимого изменения качества оружия, выражающегося в утрате способности поражать цель, оружие перестает быть предметом, представляющим опасность, однако сохраняет частично или полностью форму и всегда идею оружия, а при определенных условиях приобретает иной качественный признак – культурной ценности.

Примером международного правового акта, закрепляющего данный признак, является «Европейская рамочная конвенция о контроле за приобретением и хранением огнестрельного оружия частными лицами», где с достаточной полнотой точности определены объекты, которые огнестрельным оружием не являются. Отметим, что Конвенцией из перечня огнестрельного оружия исключен любой предмет, который: 1) стал окончательно непригодным к употреблению; 2) не подпадает из-за слабой мощности под контроль в стране его происхождения; 3) не подпадает под контроль в стране происхождения из-за его ветхости³.

Целевой признак оружия заключается в его специальном назначении (для поражения живой или иной цели, подачи сигналов, использования в культурных и образовательных целях) и обусловленных им конструктивных особенностях.

К сожалению, сегодня «для отечественной юридической науки характерен интерес к оружию исключительно как к средству криминальной деятельности, однако такая оценка носит односторонний характер <...> Оружие является особым предметом материального мира, резко выделяющимся из остальных достижений мировой культуры»⁴.

Нами же предпринята попытка рассмотреть оружие в качестве особого предмета материальной культуры в историко-правовой ретроспективе. Именно старинное (антикварное) оружие как составная часть историко-культурного наследия России вбирает в себя ту часть исторического опыта, которая позволяет проследить «связь времен»: это путеводная нить, соединяющая древнейшие пласты российской истории с днем сегодняшним.

Теперь обратимся непосредственно к предмету нашего исследования – старинному (антикварному) оружию. Отметим при этом, что данное понятие в России на протяжении нескольких веков не было в ходу, и вот почему. В давние времена применялось аналогичное ему понятие «древнее оружие», т.е. оружие, относящееся к памятникам древности. По справедливому мнению А.Н. Кулинского, «в этот период древностями назывались все вещественные памятники, датируемые не позднее, чем начало XVIII в.»⁵

Нами предпринята попытка изучения старинного оружия в России в процессе его движения, т.е. оборота. Проведенное нами историко-правовое исследование оборота старинного оружия показало следующее. На различных этапах развития российского государства отдельные стадии оборота древнего оружия – его изготовление, купля и продажа, передача, коллекционирование, экспонирование, учет, хранение, ношение, ремонт, перевозка, изъятие, уничтожение, ввоз и вывоз – складывались постепенно.

А теперь зададимся вопросом: каково же было отношение российского государства до Октябрьской революции 1917 г. к собирательству и коллекционированию «древнего оружия» музеями и частными лицами в правовом смысле?

В Своде законов Российской империи нет ни строчки о том, в соответствии с какими нормами права ее подданный вправе приобретать, продавать, перевозить, хранить, коллекционировать, экспонировать древнее оружие. Как видим, в Российской империи собиранием и коллекционированием оружия совершенно свободно мог заниматься всякий желающий. При этом дефиниций «коллекционирование оружия» и «древнее оружие» в тогдашнем законодательстве России не содержалось, как не было и разрешительной системы контроля за его оборотом.

А посему подданные Российской империи, желающие заниматься предметным собирательством древнего (как, впрочем, и современного) оружия, просто его коллекционировали.

Отметим, что само оружейное законодательство России до 1917 г., хотя и не кодифицированное, представляло собой стройную систему, избежавшую крайностей в виде вседозволенности и тотального запрета. Так, в Своде законов Российской империи статьи, регулирующие оружейную сферу, рассредоточены по различным уставам, законам и постановлениям.

При этом к началу XX в. нормы административного и уголовного законодательства, регламентирующие оборот современных образцов оружия, содержались в четырех основных правовых актах: Уставе таможенном, Уставе о промышленности, Уставе о предупреждении и пресечении преступлений и Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Причем для административного законодательства того времени, закрепляющего правоотношения в оружейной сфере, был характерен запретительный тип регулирования. Поэтому у частных лиц, занимавшихся собирательством и коллекционированием древнего оружия, имелась лишь одна неременительная обязанность: соблюдать законодательные установления Свода законов Российской империи, не нарушая их.

Впрочем, для истинных коллекционеров древнего оружия – от представителей царствующего дома Романовых и высшей аристократии до рядовых подданных Российской империи – сам процесс кропотливого собирания старинного оружия подчас становился не только своеобразным культурным увлечением, но и образом жизни, человеческой судьбой.

Ситуация изменилась с началом революционных потрясений 1917 г. На основании Декрета СНК РСФСР от 10 декабря 1918 г. «О сдаче оружия»⁶ оно не изымалось только у членов партии (при наличии соответствующего представления комитета РКП (б), причем разрешалось иметь не более одной винтовки и одного револьвера. Право на владение оружием приобрело классовую и партийную окраску.

В Советской России отношение государства к частным оружейным собраниям и их владельцам изменилось радикально. Всевластие Советов по существу уничтожило прежних частных коллекционеров старинного оружия. И судьбы практически всех частных коллекций оружия складывались, увы, трагично и примерно одинаково. То было время грабежей, бесконечных переделов собственности, а зачастую и просто варварского уничтожения предметов старины. Многие личные коллекции оружия либо были увезены

их владельцами за рубеж, либо растащены и разграблены в революционном вихре перемен, либо тайно проданы. В лучшем случае они оказались в советских музеях, но попавшие туда оружейные предметы из бывших личных коллекций часто утрачивали свою историю. Не уехавшие из России коллекционеры старинного оружия вынужденно «ушли в подполье», дабы не попасть под уголовную ответственность за незаконное хранение и сбыт оружия, поскольку ст. 220 первого Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. вводила уголовную ответственность за незаконное хранение огнестрельного оружия без соответствующего разрешения – принудительные работы⁷.

Отчего же получилось именно так, а не иначе? Классовое правосознание при Советской власти заставляло считать, что оружие дореволюционного времени есть «атрибут царского периода», предмет дворянской и буржуазной культуры. Большинство рядовых советских граждан, испытывавших постоянные материальные трудности, не стремилось овладеть образцами коллекционного оружия, а зачастую и не представляло себе их культурной ценности. Все эти факторы привели к тому, что значительное число единиц старинного оружия в советский период было утрачено, похищено или увезено эмигрантами за границу.

Но все же некоторые советские граждане на свой страх и риск занимались коллекционированием старинного оружия. Среди них были военные, партийные и советские работники, дипломаты, работавшие за рубежом журналисты, художники... и просто те, кому старинное оружие досталось по наследству либо иным (не всегда легальным) путем. При этом содержание ст. 218 Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. каждый подпольный частный собиратель старинного оружия знал досконально. Однако тайно продолжал пополнять свою коллекцию, потому как иной жизни для себя просто не представлял.

Впервые для российских музейных и частных коллекционеров оружия «луч света в темном царстве» блеснул уже в другом государстве – Российской Федерации, когда их правовое положение было относительно определено в Федеральном законе «Об оружии» № 150-ФЗ от 13 декабря 1996 г. (ст. 25 «Коллекционирование оружия»), а также в ряде подзаконных актов. И одновременно сложилась парадоксальная ситуация: старинное оружие реально находилось в экспозициях и фондах государственных, муниципальных и

частных музеев, в частных коллекциях, экспонировалось как в России, так и за рубежом, но при этом в российском законодательстве не упоминалось, словно не имело места быть. Как видим, формально-юридически в ФЗ «Об оружии» имелся пробел, который применением аналогии закона восполнить было практически невозможно.

В сложившейся «пиковой» ситуации правоприменителям пришлось пойти по обходному пути, именуемому «джентльменским соглашением» между руководством МВД России и Министерства культуры РФ (которое, впрочем, не всегда соблюдалось). До середины июля 2012 г. оборот старинного (антикварного) оружия в нашей стране осуществлялся без получения соответствующих лицензий органов внутренних дел при наличии заключений историко-искусствоведческих экспертиз о признании их культурной ценностью в порядке, определяемом п. 2 постановляющей части постановления Правительства РФ № 814 – 1999 г. «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации». Данное заключение составлялось экспертами, аттестованными Росохранкультурой (а затем Министерством культуры России), которые и должны были его зарегистрировать в этом же федеральном органе исполнительной власти. И к 2012 г. на журнальном учете в Министерстве культуры РФ состояло порядка 650 частных коллекционеров старинного оружия.

Однако отсутствие законодательного определения понятия «старинное оружие» создавало огромные трудности как для музейного, так и для частного коллекционирования старинного оружия в России. Приведу такой пример.

Лишь в 2008 г. для государственных музеев, в фондах которых находится огромное количество предметов оружейной старины, на основании ст. 8 Федерального закона «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» № 150-ФЗ от 25 мая 1996 г. была наконец-таки отменена обязанность получения и продления каждые 5 лет лицензии на коллекционирование оружия и патронов к нему в органах внутренних дел. Именно тогда заведующий отделом оружия «Арсенал» Государственного Эрмитажа в разговоре со мной заметил, что в музейном собрании при наличии значительного количества старинного длинноствольного и короткоствольного огнестрельного оружия нет ни одного патрона к ним.

Однако частные коллекционеры старинного оружия, в подавляющем большинстве не получившие лицензию на коллекционирование оружия и патронов к нему, были фактически отданы на «заклание» закону – Уголовному кодексу РФ (п. 1 и 4 ст. 222), Кодексу РФ об административных правонарушениях (ст. 20.8 и 20.12), а также – на «милость» правоприменителей (сотрудников органов внутренних дел и таможенных органов). Систематически возбуждались уголовные дела в отношении частных коллекционеров старинного оружия, а бесценные предметы оружейной старины на основании соответствующих правоприменительных актов изымались и исчезали без следа, а то и переходили в нечистые руки любителей поживиться изъятой культурной оружейной ценностью. А ведь в соответствии с нормами российского законодательства изъятое старинное оружие должно было передаваться в государственные музеи.

Вместе с тем сложился и некий позитив – это судебная практика. В последние годы уголовные дела по п. 1 и 4 ст. 222 УК РФ в отношении владельцев старинного оружия в большинстве своем «разваливались» на стадии следствия, не доходя до суда, приговоры же выносились с условным сроком осуждения. Выносились и положительные для истцов (частных коллекционеров старинного оружия) решения районных судов субъектов РФ об оспаривании действий и бездействия органов внутренних дел и таможенных органов.

Все это время Министерство культуры РФ, юристы, специалисты в области оружейведения неоднократно обращали внимание на этот пробел в отечественном законодательстве, который по существу оставил вне поля правового регулирования весьма важный пласт культурного наследия страны⁸.

И лишь в реальной жизни вопреки всем правовым пробелам старинное оружие спокойно находилось в относительно свободном частном обороте: ввозилось на территорию РФ, покупалось, продавалось, коллекционировалось и экспонировалось и проч.

Впервые попытка законодательно сформулировать понятие «оружие, имеющее культурную ценность» была предпринята в проекте Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “Об оружии”», принятом в первом чтении Государственной Думой 1 ноября 2002 г. В нем к «оружию, имеющему культурную ценность», отнесено «оружие, обладающее по своим

параметрам и характеристикам научной, исторической или художественной ценностью, предназначенное для исследования, хранения, коллекционирования, экспонирования, использования и иной реализации юридическими лицами своих уставных задач и удовлетворения гражданами своих культурных потребностей, а также оружие, включенное в состав Музейного фонда Российской Федерации:

– антикварное оружие: огнестрельное гладкоствольное и нарезное дульнозарядное и казнозарядное оружие с фитильной, колесцовой, кремневой, капсюльной или иной системой воспламенения заряда, изготовленное до 1891 года, а также основные части такого огнестрельного оружия; метательное, пневматическое и холодное оружие, изготовленное более 50 лет назад, за исключением изготовленных после 1947 года штыков и штык-ножей к огнестрельному оружию;

– копии антикварного оружия: оружие, изготовленное по оригиналу либо чертежам образца антикварного оружия при условии точного или масштабного воспроизведения его конструкции, внешнего вида и художественной отделки, не включающие подлинные части антикварного или иных видов оружия;

– реплики антикварного оружия: оружие, изготовленное по оригиналу, чертежам либо описанию образца антикварного оружия с творческим варьированием конструкции, внешнего вида или художественной отделки, представляющее культурную ценность как образец художественного творчества и декоративно-прикладного искусства»⁹.

Данный законопроект готовился ко второму чтению довольно долго – целых десять лет. И лишь в прошлом году депутаты нового созыва Государственной Думы наконец-таки взялись за «оружие, имеющее культурную ценность». 22 июня 2012 г. Государственная Дума РФ практически единогласно приняла в третьем чтении Федеральный закон № 162784-З «О внесении изменений в Федеральный закон “Об оружии” (по вопросу особенностей, порядка и условий оборота оружия, имеющего культурную ценность)», который вскоре был одобрен Советом Федерации, подписан Президентом России и 13 июля 2012 г. вступил в действие¹⁰. Таким образом, впервые в истории государства российского в законодательстве появились новые понятия – «оружие, имеющее культурную ценность» и «старинное (антикварное) оружие».

Это событие на протяжении многих лет ожидалось специалистами в области оружейной истории и искусства, музейными работниками, любителями и ценителями военной истории, частными коллекционерами оружейных раритетов. Ожидалось, что легализованный на уровне федерального закона термин «старинное (антикварное) оружие» должен иметь огромное значение для сохранения и популяризации как музейных памятников российской оружейной культуры, так и оружейных предметов из частных коллекций.

Остается сожалеть, что ряд положений законодательных новелл, увы, не соответствует историческим реалиям, что вызывает вполне обоснованное недоумение и беспокойство. Так, частью первой ст. 1 Федерального закона «Об оружии» введено понятие старинного (антикварного) оружия: «огнестрельное, метательное и пневматическое оружие, изготовленное до конца 1899 года (*за исключением огнестрельного оружия, изготовленного для стрельбы патронами.* – выделено нами), а также холодное оружие, изготовленное до конца 1945 года».

Такое законодательное определение старинного (антикварного) оружия не только существенно ограничило реальный круг памятников оружейной старины, но и явно противоречит мировой истории развития огнестрельного оружия. Известный факт: полноценные патроны к дульнозарядному оружию появляются в середине XVI в., им на смену в начале XIX в. приходят унитарные патроны с интегрированным капсюлем. Таким образом, из законодательного понятия «старинного (антикварного) оружия» выпала огромная группа ценнейших исторических памятников огнестрельного оружия XVI–XIX вв., составляющих национальное достояние России и хранящихся ныне в музейных собраниях и частных коллекциях. Отныне в законодательное понятие «старинное (антикварное) оружие» не входят многоствольные, казнозарядные, магазинные ружья и пистолеты XVI–XVII вв., сложные оружейные конструкции охотничьего оружия XVIII в., прославленные разработки русских и иностранных оружейников XIX в.

Вызывает вопросы и то, что в ФЗ «Об оружии» «старинное (антикварное) оружие» отнесено к виду «гражданского оружия» (для культурных и образовательных целей), что существенно ограничивает его свободный оборот как культурного достояния России. Ведь целевое назначение старинного (антикварного) оружия

совершенно другое: сегодня это предметы исследования и коллекционирования, памятники истории поколений людей – наше культурное наследие!

Безусловно, я как бывший научный работник правоохранительных органов с полным пониманием отношусь к проблеме общественной безопасности, лежащей в основе действующего ФЗ «Об оружии». Однако количество преступлений, совершенных с применением старинного (антикварного) оружия все-таки равно нулю. Поэтому я поддерживаю стремление отделить законодательный оборот старинного (антикварного) оружия от иных современных видов оружия: боевого, служебного и гражданского. Однако введенные законодателями ограничения на его оборот не только не способствуют сохранению культурных ценностей, но и прямо ему препятствуют, что абсолютно недопустимо. Вдобавок за рамками принятых законодательных изменений и дополнений ФЗ «Об оружии» осталась такая разновидность оружия, имеющего культурную ценность, как современное художественно-украшенное и авторское художественное холодное оружие, которое за последние два десятилетия выделилось как самостоятельный художественный жанр декоративно-прикладного искусства.

Что же в реальности получилось? Отныне законопослушный частный коллекционер старинного (антикварного) оружия обязан разместить свою коллекцию в сейфах и шкафах, недоступных для посторонних лиц, оснастив место ее хранения охранно-пожарной сигнализацией, оформить государственные экспертизы на подлинность своих оружейных предметов и получить в разрешительных подразделениях органов внутренних дел лицензию на коллекционирование гражданского оружия, имеющего культурную ценность, сроком на пять лет. Соответственно все гражданско-правовые сделки со старинным оружием – покупка, продажа, дарение, наследование – возможны лишь при наличии у коллекционера данной лицензии. Торговля старинным (антикварным) оружием отныне доступна немногим антикварам, поскольку теперь ее разрешено осуществлять лишь юридическим лицам при наличии лицензии органов внутренних дел на торговлю гражданским оружием для культурных и образовательных целей (с оборудованием соответствующего помещения для хранения оружия, сигнализации, документации и проч. на основании требований Приказа МВД РФ № 288

1999 г.). И такой магазин в Москве уже органами внутренних дел лицензирован.

Недавно директор одного федерального музея мирового уровня с грустью сказал мне, что после 13 июля в его музей не скоро придут российские граждане, желающие подарить или продать свои оружейные раритеты (а прежде таковых было немало). И действительно, ныне далеко не каждый частный коллекционер старинного оружия осмелится легализовать свою оружейную коллекцию: риск кражи либо ограбления при современной криминогенной ситуации в стране слишком высок, а ценности в некоторых коллекциях находятся немалые.

Хотелось бы внести предложение вновь вернуться к законодательному обсуждению изменений и дополнений ФЗ «Об оружии» в части терминологии и порядка оборота старинного (антикварного) оружия, дабы выработать оптимальное правовое решение с учетом мнения, опыта и профессиональных знаний специалистов – историков-оружиеведов, работников культуры в области оружия.

Надеемся, что такое совместное объединение усилий разработчиков нового законопроекта «Об оружии» поможет привести статьи новой редакции Федерального закона «Об оружии» в соответствие с международными нормативно-правовыми актами в этой области: Конвенцией ЮНЕСКО «О мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности» (Париж, 17 ноября 1970 г.) и законодательством Таможенного союза. Возможно, следует вернуться вновь и к назревшему вопросу о целесообразности ратификации Россией Протокола против незаконного изготовления и оборота огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему, дополняющего Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности (утвержден резолюцией 55/255 Генеральной Ассамблеи от 31 мая 2001 г.), в котором не только содержится международно-правовое понятие огнестрельного оружия, но и статьей 3 «а» установлено, что «старинное огнестрельное оружие ни в коем случае не включает огнестрельное оружие, изготовленное после 1899 года».

С прошлой осени «канула в лету» полюбившаяся почитателям военной истории и коллекционерам московская Международная выставка военного антиквариата «Традиция». А на стендах XXXIII

Российского Антикварного салона в ЦДХ в Москве (20–29 октября 2012 г.) антиквары разумно остереглись выставить старинное (антикварное) оружие, дабы не ощутить на себе тяжкое бремя уголовной ответственности по ст. 222 УК РФ.

Мне все-таки думается, что внесенные в Федеральный закон «Об оружии» № 162784-З дополнения в отношении порядка оборота старинного «антикварного» оружия реально привели к ограничениям конституционных прав и свобод человека и гражданина в России – демократическом правовом государстве (хотя согласно Основному закону нашей страны они возможны лишь в рамках п. 3 ст. 14 Конституции РФ). Не сомневаюсь, что соответствующие изменения и дополнения в действующий закон «Об оружии» рано или поздно будут внесены. Вот только как долго культурной российской общественности придется их ожидать – год, пять, десять лет? И сколько оружейных памятников будет за это время изъято и утрачено?

Старинное оружие относится к историко-культурному наследию Российской Федерации и является составной частью мировой культуры. Вне сомнения Федеральный закон «Об оружии» должен не препятствовать, а содействовать сохранению культурного достояния нашей страны – старинного (антикварного) оружия. Ведь еще юристы Древнего Рима утверждали: *Lex prospicit, non respicit* – «Закон должен смотреть вперед, а не назад».

¹ Федеральный закон «Об оружии» от 13.12.1996 № 150-ФЗ (в ред. Федеральных законов от 21.07.1998 № 117-ФЗ, от 31.07.1998 № 156-ФЗ, от 17.12.1998 № 187-ФЗ, от 19.11.1999 № 194-ФЗ, от 10.04.2000 № 52-ФЗ, от 26.07.2001 № 103-ФЗ, от 08.08.2001 № 133-ФЗ, от 27.11.2001 № 152-ФЗ, от 25.06.2002 № 70-ФЗ, от 25.07.2002 № 112-ФЗ, от 10.01.2003 № 15-ФЗ, от 30.06.2003 № 86-ФЗ, от 08.12.2003 № 170-ФЗ, от 29.06.2004 № 58-ФЗ, от 26.04.2004 № 23-ФЗ), от 10.07.2012 № 113-ФЗ.

² См.: Веселова Е.В. Административно-правовое регулирование оборота оружия, имеющего культурную ценность: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2009; Шелковникова Е.Д. Теоретические и правовые основы деятельности органов внутренних дел по контролю за оборотом оружия. М.: ВНИИ МВД России, 1998. С. 5–11; Шелковникова Е.Д., Ефимов С.В. Старинное оружие в России. СПб.: Русская коллекция, 2010. С. 4–6.

³ См.: Европейская рамочная конвенция о контроле за приобретением и хранением огнестрельного оружия частными лицами, Страсбург, 28 июня 1978 г. (не ратифицирована Российской Федерацией).

⁴ Корецкий Д.А. Оружие как социально-культурная категория: криминологические аспекты: Проблемы правовой и криминологической культуры борьбы с преступностью. М., 2002. С. 29.

⁵ См.: Кулинский А.Н. К истории собраний и частного коллекционирования оружия в дореволюционной России. Частные коллекции оружия в дореволюционной России. М.: Изд. Галерея «Русские палаты», 2004; Его же. Коллекционеры оружия в дореволюционной России: новые данные исследований // Бомбардир. 2008. № 20; Его же. Частные коллекции оружия в западных губерниях Российской империи // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Мат-лы межд. науч.-практ. конф. СПб., 2010, Ч. 1. С. 417–455; Шелковникова Е.Д., Ефимов С.В. Старинное оружие в России; др.

⁶ См.: СУ. 1918. № 93. С. 933.

⁷ См.: СУ. 1922. № 15. С. 153.

⁸ См.: Стенограмма пленарного заседания Государственной Думы РФ от 1 ноября 2002 года. URL: http://www.akdi.ru/GD/PLEN_Z/2001/11/01-11.htm.

⁹ Статья 5.1. Проекта № 162784-3 Федерального закона РФ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об оружии»». Бюлл. № 199 (647). Ч. 1. С. 56–57.

¹⁰ Российская газета. 2012. 13 июля. Федеральный выпуск № 5832.

Д.А. Шереметьев (Санкт-Петербург)

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ ПРИКЛАДОВ: АРКЕБУЗ И МУШКЕТ

АВТОРЫ, исследующие ранние этапы истории ручного огнестрельного оружия, как правило, сосредотачивают свое внимание на развитии систем воспламенения. Такой подход позволяет корректно структурировать материал, наполнить исследование технической информацией и продемонстрировать общую тенденцию развития огнестрельного оружия в эволюционистском духе. Конструкция ружейных ложек и формы прикладов привлекают внимание исследователей в гораздо меньшей степени. В качестве примера можно сослаться на книгу австрийского исследователя Вендалена Бехайма, впервые изданную в 1890 г. и успешную статью классической, в которой прикладам уделено всего несколько абзацев. Упомянув различные формы прикладов XVI – первой половины XVII вв., ученый противопоставляет их появившемуся примерно в 1560 г. прикладу мушкетного типа¹. В целом, схема деления ручного длинноствольного огнестрельного оружия XVI–XVII вв. на аркебузы и мушкеты может считаться общепринятой.

С точки зрения конструкции приклада, основное формальное различие между аркебузом и мушкетом заключается в том, что короткий приклад аркебуза при стрельбе не может быть прижат к плечу, а удлиненный изогнутый приклад мушкета специально для этого предназначен. Поскольку это различие оказывается тесно связанным с целым комплексом важнейших характеристик огнестрельного оружия, стоит подробнее рассмотреть аркебуз и мушкет как типы оружия.

Аркебуз. Судя по некоторым материалам, в конце XV – начале XVI вв. в европейском военном деле аркебуз занимал ту же нишу,

что и арбалет. Иллюстрированные манускрипты свидетельствуют о том, что оба вида оружия могли использоваться одновременно в рамках одного тактического подразделения. Многочисленные рисунки к Бернской хронике 1483 г. Дибольда Шиллинга Старшего наглядно демонстрируют одинаковую манеру стрельбы арбалетчика и аркебузира². Короткий приклад не упирается в плечо, управление оружием при стрельбе осуществляется усилием рук, оружие вынесено на уровень глаз и совмещено с линией прицеливания. Вероятно, способы стрельбы, отработанные применительно к арбалетам, могли быть перенесены на близкое по решаемым задачам огнестрельное оружие. Отдача аркебузов, очевидно, была не настолько велика, чтобы сделать невозможным эффективное управление оружием с помощью усилий рук.

Взаимное влияние арбалетов и аркебузов в это время определяется не только общей тактической нишей. В начале XVI в. в Швейцарии стрелки из аркебузов принимают участие в регулярных стрелковых соревнованиях наряду с арбалетчиками, что, несомненно, способствовало выработке общих техник стрельбы. Близкий статус двух видов оружия демонстрирует знамя стрелков г. Берна 1531 г., на котором изображены арбалет и аркебуз с фитильным замком. Есть данные, согласно которым арбалеты и аркебузы или, по крайней мере, их детали изготавливали в одних и тех же мастерских³.

До нашего времени дошли многочисленные изображения стрелков, которые позволяют с известной степенью уверенности судить о некоторых приемах стрельбы из аркебуза. Хрестоматийный рисунок аркебузира в одной из так называемых «Арсенальных книг» императора Максимилиана I (1502 г.)⁴ демонстрирует равновесную стойку, при которой ступни расставлены на ширину плеч, колени и спина выпрямлены, плечи расправлены. Согнутая в локте левая рука, поддерживающая аркебуз в районе центра масс, немного вынесена за базу стойки, пальцы левой руки расслаблены, оружие *лежит* в ладони. Правая рука свободно удерживает короткий приклад у щеки стрелка, голова расположена без существенного наклона к стволу. В целом можно сказать, что стойка стрелка устойчивая, уравновешенная, что достигается в значительной степени за счет выстраивания тела в соответствии с вертикальной осью, расположенной внутри площади опоры. В качестве дополнительного примера можно привести изображение арбалетчика с картины

Ганса Гольбейна Старшего «Мученичество св. Себастьяна» (1516 г.)⁵. Стоящий слева от зрителя стрелок согнул левую руку в локте под острым углом и прижал ее к корпусу, фактически уперев локоть в подвздошный гребень таза. Для того чтобы получить возможность приблизить центр масс арбалета к средней линии тела, стрелок отклонил корпус назад, слегка изогнув спину. Подобная стойка широко применяется в современной спортивной стрельбе по статичным мишеням, она позволяет удерживать оружие не столько за счет усилия мышц, сколько за счет перенесения нагрузки на позвоночный столб и связочный аппарат. В результате стрелок может расслабить некоторые мышцы, улучшив тем самым устойчивую стойку оружия⁶.

Конечно же, источники доносят до нас изображения различных стоек аркебузирова, все многообразие которых никак не может быть сведено к описанным вариантам изготовления. Нас, однако, интересуют те техники стрельбы, которые подчеркивают особенности аркебуза и помогают прояснить специфику этого типа оружия относительно появившегося несколько позднее мушкета. Аркебуз *позволяет* стрелку выстроить тело вдоль вертикальной оси, при этом усилие рук может быть сосредоточено на *поддержании* оружия, стабильное положение которого обеспечено его собственной массой.

При такой технике стрельбы, когда вся масса аркебуза давит на поддерживающую левую руку стрелка, критическим для точной стрельбы показателем оказывается расстояние, на которое аркебузир вынужден выносить левую руку за базу стойки. Чем дальше от корпуса необходимо удерживать загруженную руку, тем менее точной будет стрельба. Это обстоятельство накладывает ограничения на длину ствола аркебуза, ведь с удлинением ствола баланс оружия смещается в сторону дульного среза, и расстояние от приклада до центра масс увеличивается. Впрочем, при удлинении ствола возможно сохранить прежний баланс, если, например, толщина стенок ствола будет существенно уменьшаться от казны к дульному срезу. Таким образом, речь идет именно о необходимости соблюдения баланса оружия, а не о том, что создать уравновешенный аркебуз с длинным стволом невозможно.

В целом, типичный аркебуз – очень сбалансированное оружие, и в прямом, и в переносном смысле. Выдержанный баланс

между массой оружия и мощностью выстрела, длиной ствола и расположением центра масс, свойствами стандартных целей и стоимостью выстрела в сочетании с корректной техникой стрельбы способствовали широкому распространению этого типа оружия и обеспечили ему долгую жизнь⁷.

Мушкет. В то же время сбалансированность аркебуза естественным образом ограничивает рост отдельных параметров оружия, в частности – мощности. Судя по всему, именно «погоня за мощностью» привела к появлению нового типа огнестрельного оружия. По некоторым данным, с помощью мушкета могли решаться такие задачи, как стрельба с 200 м по защищенному латными доспехами всаднику⁸. Типичный мушкет имел длинный и, соответственно, тяжелый ствол крупного калибра, а также приклад, предназначенный для упора в плечо или правую часть груди стрелка. Плотный прижатый к телу приклад как бы объединял массу оружия и массу стрелка в момент выстрела и тем самым позволял компенсировать сильную отдачу.

Трактат Иоганна Якоба фон Вальхаузена по военному искусству, переведенный на русский язык и изданный в Москве в 1647 г., выразительно описывает последствия недолжной прикладки при стрельбе из мушкета: «...и может быть что плечо из сустава вышибет или как ты шестью или осмью выстрелишь, и тебе так плечу досадит что на другой день и стрелить будет невозможно, и рукою будет владети невозможно ж»⁹. Очевидно, что для столь мощного ружья аркебузная техника стрельбы со свободно «вывешенным» оружием не подходит. Изданный в 1607 г. в Нидерландах сборник гравюр Якоба де Гейна, посвященный приемам стрельбы из огнестрельного оружия и действиям пикой, в подробностях демонстрирует образцовую стойку мушкетера: ноги широко расставлены, левая согнута в колене, правая выпрямлена, корпус и голова наклонены вперед, левая рука, удерживающая мушкет в районе центра масс, вынесена за базу стойки, локоть правой руки поднят на уровень приклада¹⁰. В целом можно сказать, что тело стрелка образует наклонную линию от правого плеча через корпус вдоль правой ноги к стопе, плотно прилегающей к земле. Такая стойка с вынесенным вперед общим центром масс системы стрелок-оружие и выстроенным под углом к вертикали силовым упором позволяет надежно «заземлить» отдачу. Понятно, что попытка применить при стрельбе из мушкета стойку с вертикальным

корпусом и узкой базой приведет к тому, что отдача просто опрокинет стрелка.

С точки зрения управления оружием, внимания заслуживают, помимо стойки, те усилия, которые прикладывает стрелок для удержания оружия. Мушкет обычно описывают как тяжелое ружье массой 6–8 кг, применение которого требует использования специальной подставки – фуркета, или, по-русски, подсошка. Следует заметить, что проблему при стрельбе создает не масса оружия сама по себе. Так, максимальный вес современных спортивных винтовок произвольного класса правилами соревнований *ограничен* цифрой 8 кг, поскольку за счет повышения массы стрелок может получить преимущество перед конкурентами за счет лучшей стабилизации оружия и, соответственно, повышения точности стрельбы. Неудобство стрельбы из мушкета с рук обусловлено вынесением центра масс оружия за опорную базу, что продиктовано стойкой, приспособленной для работы с сильной отдачей. Подсошек позволяет *не поддерживать* мушкет в неудобном положении, однако не избавляет стрелка от необходимости развивать усилия вообще.

Точные гравюры Якоба де Гейна позволяют проследить, какие именно усилия прикладывает мушкетер при стрельбе. В предварительном положении стрелок стоит прямо, равномерно распределив вес тела на выпрямленные ноги, удерживая мушкет на весу перед грудью. Непосредственно перед выстрелом он переносит вес на левую ногу, принимая вышеописанную стойку, одновременно как бы вставляя приклад в плечо¹¹. Плотное вложение приклада в плечо не только позволяет избежать травм при сильной отдаче, но и способствует управлению оружием. Действительно, стабильно *поддерживать* вытянутой рукой тяжелый мушкет, да еще наклонившись вперед, – задача трудновыполнимая, но если с усилием *протягивать* мушкет к себе, то можно использовать массу самого стрелка, которая превосходит массу мушкета на порядок, в качестве «опоры» для оружия.

Очевидной эта техника управления оружием становится в случае применения облегченного мушкета, не требующего дополнительной опоры при стрельбе. Тот же сборник гравюр 1607 г. демонстрирует, что, сохраняя все особенности «мушкетной» стойки (включая наклоненный корпус и вынос оружия за пределы базы стойки), стрелок мог вполне успешно обходиться без помощи

подсошка, несмотря на значительную массу оружия¹². В современной практике стрельба из положения, когда ружье удерживается в руках стрелка на уровне нижней части груди и вставляется в плечо непосредственно перед выстрелом, называется стрельбой навскидку и используется для поражения внезапно появляющихся мишеней. В процессе вскидки стрелок движением рук подает ружье вперед и вверх до уровня плеча, после чего вкладывает затылок приклада в углубление плеча между ключицей и плечевым суставом¹³. Усилие рук «на себя» обеспечивает связь оружия с корпусом, что позволяет управлять ружьем с помощью движений всего тела, а не отдельно взятых рук.

Конечно, аналогия между техникой стрельбы из мушкета и спортивной стрельбой по тарелочкам имеет очень ограниченное значение, однако она позволяет подчеркнуть динамический характер работы рук во время вскидки. Действительно, особенности баланса мушкета не предполагают статичного «выцеливания» в том несколько отстраненном стиле, который характерен для спортивной стрельбы по неподвижным мишеням. Напротив, взаимодействие с оружием, которое указывает на ошибки в прикладке посредством синяков и ушибов, вполне предсказуемо способствует «вовлеченной», активной манере стрельбы.

Аркебуз и мушкет. Обозначенную разницу между аркебузом и мушкетом, с точки зрения расположения центра масс и управления им с помощью различных усилий, можно рассматривать как дополнительный критерий для определения принадлежности оружия к тому или другому типу. Покажем необходимость такого дополнительного критерия на следующем примере. Существует любопытное изображение середины XVII в. правителя государства Великих Моголов Шах-Джахана, стреляющего из фитильного ружья¹⁴. На рисунке отчетливо виден приклад, плотно прижатый к плечу, и закрепленный на ложе ремешок, который стрелок натягивает левой рукой на себя. Очевидно, что Шах-Джахан использует, условно говоря, «мушкетную» технику стабилизации оружия. Акварель, выполненная около 1660 г., запечатлела сына Шах-Джахана, Аурангзеба, охотящимся на антилоп нильгау¹⁵. Расположив дульную часть своего ружья на плече помощника, падишах удерживает приклад вытянутыми руками на существенном расстоянии от груди. Таким образом, Аурангзёб использует, условно говоря, «аркебузную» технику стрельбы.

Некоторую проблему можно усмотреть в том, что ружья, из которых стреляют оба правителя, с формальной точки зрения, относятся к одному типу, называемому традиционным термином «торадор». Лишь сопоставление способов стрельбы заставляет обратить внимание на то, что у торадора Шах-Джахана приклад несколько длиннее и погиб его сильнее выражен.

В некоторых случаях понимание различий между аркебузом и мушкетом помогает корректно интерпретировать данные письменных источников. Теофил Лапинский, воевавший на Западном Кавказе в 1857–1859 гг., отмечает, что армейские ружья, попадавшие к адыгам, «сейчас же переделываются ими на свой лад; они чувствуют почти отвращение к тяжелым мушкетам»¹⁶. Владимир Викентьевич Лапин, основательно проработавший источники по Кавказской войне, не смог обнаружить ни одного упоминания об использовании местными жителями солдатских ружей¹⁷. На исходе XIX в. Т. Мамаладзе отмечал, что гурийцы не доверяют европейским ружьям¹⁸. Можно предположить, что неприятие горцами европейского, в первую очередь, военного огнестрельного оружия, имело причиной невозможность его эффективно использовать. Дело в том, что подавляющее большинство винтовок и ружей, выполненных в кавказском стиле, относятся к типу аркебузов. Длина и незначительный погиб приклада оказываются достаточными ровно для того, чтобы, приложившись, корректно выстроить линию прицеливания. Узкий затыльник явно не предназначен для рассеивания энергии отдачи и зачастую украшен выступающими металлическими деталями. Скорее всего, навыки стрельбы, сформированные на таком оружии, просто не могли быть успешно применены на военных мушкетах. Стоит обратить внимание на то, что определения легкий и тяжелый, часто встречающиеся в описаниях кавказского и русского армейского оружия соответственно, как правило, носят интегральный характер и обозначают не только разницу в массе, но и принадлежность к разным культурным типам.

В заключение следует отметить, что все многообразие огнестрельного оружия, конечно же, не может быть сведено к двум рассмотренным типам. Дальнейшее исследование оружия, с точки зрения его баланса и усилий, необходимых для управления им при стрельбе, представляется перспективным. В целом изложенные соображения могут оказаться бесполезными при работе с огнестрельным

оружием, типическая принадлежность которого неочевидна с формальной точки зрения.

¹ Бехаим В. Энциклопедия оружия / пер. с нем.; предисл. А.Н. Кирпичникова; коммент. и прилож. С.Е. Еременко; В.М. Милованов, М.Ю. Некрасов. СПб.: АО «Санкт-Петербург оркестр», 1995. С. 330–331.

² См., например: Schilling Diebold (der Ältere), Amtliche Berner Chronik, 1478–83 (Burgerbibliothek Bern, Mss.h.h.I.1, Bd. 1, Bl.143). Этот рисунок опубликован в: McLachlan S. Medieval Handgonnes: The First Black Powder Infantry Weapons. Oxford: Osprey Publishing, 2010. P. 15.

³ Heer E. Notes on the Crossbow in Switzerland // Arms and Armor Annual / ed. by R. Held. Vol. I. Northfield, Illinois: Digest Books, 1973. P. 62–65.

⁴ Zeugbuch Kaiser Maximilians I. Innsbruck, um 1502. Blatt 61. (München, Bayerischen Staatsbibliothek, Cod. icon. 222).

⁵ Hans Holbein der Ältere. Sebastiansaltar: Martyrium des hl Sebastian (1516). Alte Pinakothek, München. Inv. Nr. 5352.

⁶ Юрьев А.А. Пулевая спортивная стрельба. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: «Физкультура и спорт», 1973. С. 162, 164.

⁷ В Российском этнографическом музее и в других собраниях нашей страны хранятся охотничьи аркебузы из Архангельской губернии, изготовленные кустарным способом на рубеже XIX–XX вв.

⁸ Маркевич В.Е. Ручное огнестрельное оружие / под общей ред. Н.Л. Волковского. СПб.: Издательство «Полигон», 2005. С. 31.

⁹ Учение и хитрость ратного строения пехотных людей 1647 г. / Печатано под наблюдением действительного члена Императорского Русского Исторического Общества А.З. Мышлаевского и члена Санкт-Петербургского Археологического Института И.В. Парийского. СПб.: Издание Главного штаба, 1904. С. 82.

¹⁰ Gheyn Jakob de. Wapenhandelinge van Roers Musquetten ende Spiessen: achttervolgende de ordre van Sjn Excellentie Maurits Prince van Orangie Grave van Nassau..., Gouverneur ende Capiteyn Generael over Gelderlandt, Hollandt, Zeelandt, Utrecht, Overysse etc. int SGraven Hage, 1607. Pagnation I. Pl. 11; Pagnation II. Pl. 12.

¹¹ Ibidem. Pagnation II. Pl. 11, 12.

¹² Gheyn Jakob de. Wapenhandelinge van Roers Musquetten ende Spiessen... 1607. Pagnation I. Pl. 10, 11. «Облегченный мушкет» обладал не только меньшей, по сравнению со стандартным оружием, массой, но, несомненно, и несколько меньшей мощностью выстрела. Манера стрельбы без подшошка, идентичная показанной де Гейном, зафиксирована и в более поздних документах. См., например: Воинский устав, составленный и посвященный Петру Великому Генералом Вейде, в 1698 году / Напечатано по Высочайшему Государя Императора повелению, без всяких против подлинного Устава изменений и отступлений. СПб.: Военная типография, 1841. Рис. 123, 124.

¹³ Бурденко А.А. Спортивно-охотничья стрельба. М.: Военное Издательство Военного Министерства Союза ССР, 1950. С. 7, 28.

¹⁴ Elgood R. Firearms of the Islamic World: in the Tareq Rajab Museum, Kuwait. L.; N.-Y.: I. B. Tauris Publishers, 1995. P. 140.

¹⁵ Chester Beatty Library, Dublin, Ms. 11, no. 27. См.: Welch S. C. India: art and culture 1300–1900. Exhibition catalog. N. Y.: Metropolitan Museum of Art, 1985. P. 268–269. Pl. 176.

¹⁶ Лапинский Теофил (Теффик-бей). Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских / перевод с нем. В.К. Гарданова. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1995. С. 139.

¹⁷ Лапин В. В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб.: Издательство «Европейский дом», 2008. С. 221.

¹⁸ Мамаладзе Т. Народные обычаи и поверья гурийцев // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 17. Тифлис, 1893. Отдел 2. С. 31.

*В.Г. Шлайфер, А.А. Волох, А.И. Коробов
(Запорожье, Республика Украина)*

ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ ПОД ШПИЛЕЧНЫЙ ПАТРОН ИЗ КОЛЛЕКЦИИ МУЗЕЯ ИСТОРИИ ОРУЖИЯ (ЗАПОРОЖЬЕ)

В ЭКСПОЗИЦИИ Музея истории оружия Запорожья (далее – МИО) находится 12 единиц огнестрельного оружия под унитарный патрон шпилечного воспламенения: 2 двустольных пистолета, 7 револьверов, в том числе один бесствольный со съемным штыком, 1 охотничье ружье, а также маскированные виды оружия – револьвер-перстень и самострел-ловушка.

Создание унитарных патронов, в которых все составляющие были собраны воедино: пуля, порох, капсюль и гильза, стало одним из важных изобретений, которое нашло свое применение в ручном огнестрельном оружии – пистолетах, револьверах и охотничьих ружьях. В эпоху дульнозарядного оружия с раздельным заряданием, при котором основной заряд пороха сыпался в ствол со ствола, а воспламеняющий – на полку, идея казнозарядности была трудно-реализуемой. Правда, делались охотничьи ружья и пистолеты с откидывающимися стволами, заряжаемые металлическими патронами-каморами, но воспламенение пороха все равно производилось через затравочное отверстие в стволе и в самой гильзе. Эти гильзы ковались и сваривались из железа вручную, были тяжелы, стоили дорого. Чтобы унитарные патроны оказались дешевыми и практичными, нужен был иной способ воспламенения, и он появился в самом начале XIX в. Изобретение взрывных ударных составов и капсюля привело к появлению капсюльного оружия и дало толчок к созданию унитарного патрона. Некоторые изобретатели стали помещать ударный состав непосредственно в гильзу. Прообраз

подобного патрона и казнозарядного ружья предложил в 1812 г. галантливый швейцарский изобретатель и оружейник Самюэль Паули, работавший в Париже. Но прошло еще полвека, прежде чем усилиями оружейников разных стран – французов Поттэ и Шнейдера, чеха Крки, англичан Ланкастера и Дау – был создан патрон центрального боя.

В основе изобретения французского оружейника Казимира Лефоше (1802–1852) также лежала идея единого (унитарного) патрона, но она была реализована другим способом. Патрон конструкции Лефоше выглядит так: в основании металлической гильзы находится папковый (картонный) кружок, в середину которого помещают капсюль. Накол капсюля происходит с помощью металлической шпильки-стержня, проходящей сквозь отверстие в боковой стенке гильзы. Оставшееся свободным пространство заполнено порохом. Курок оружия должен ударить по шпильке, та в свою очередь назоет капсюль. В стволе оружия для шпильки патрона делался специальный вырез, за шпильку патрон или пустая гильза вытаскивались из ствола. Из-за этой шпильки патрон и получил название «шпилечного». У патрона системы Лефоше были серьёзные преимущества перед бумажными патронами, широко распространёнными в то время. Металлическая и даже картонная гильза значительно твёрже бумажной. Гильза более герметична, так как шпилька вставлялась в отверстие внатяжку, а папковый материал служил дополнительным уплотнителем и не давал проникнуть влаге внутрь патрона. Был еще один плюс у патрона такой конструкции – возможность его переснаряжать после отстрела. Необходимые компоненты для переснаряжения свободно продавались по всей Европе.

До середины XIX в. охотничье огнестрельное оружие в основном было дульнозарядным. Первой удачной системой казнозарядного оружия с откидывающимися стволами стало ружье Казимира Лефоше под шпилечный патрон его конструкции. В 30-х годах XIX в. Лефоше предложил интересный и новый на тот момент способ запираания стволов переломных ружей. Принцип переламывания стволов был известен уже в середине XVIII в., но первые системы были ненадежны из-за неплотного запираания стволов. Лефоше предложил использовать для запираания специальный эксцентрик с рычагом, установленным в ложе, и 1–2 крюка с пазами, приваренные к стволам. При повороте нижнего запирающего рычага

вправо эксцентрик заходил в пазы крюков и плотно прижимал стволы к ствольной коробке. Впоследствии эту систему так и называли – система Лефоше (рычаг Лефоше). Данная система получила широкое распространение в мире охотничьего оружия, но со временем уступила место более надёжной системе с верхним рычагом. Рычаг Лефоше в первоначальном его исполнении был недостаточно надёжен, поэтому и сам Лефоше, и многие другие оружейники его дорабатывали. В 40–50-е годы XIX в. популярность ружей, изготавливаемых Лефоше, была так велика, что многие европейские оружейники стали выпускать оружие под шпилечный патрон. Оно было широко распространено в Австро-Венгрии, где изготовлялось такими известными оружейниками, как мастера Штеле и Шпрингер в Вене, Лебеда в Праге, Лейтнер в Ишле, в Бельгии фирмой Янсена и т.д. Делались и различные варианты этого оружия. Например, пражский мастер А. Лебеда берет патент на двустволку под шпилечный патрон с вертикальным расположением стволов. Другой знаменитый оружейник, Гастинн-Ренетт в Париже, патентует ружье под шпилечный патрон с отодвигающимися стволами, однако эта конструкция оказалась сложнее и капризнее. Пиком использования этой схемы стали 50–70-е годы XIX в. Для боевого оружия переломное запираение было слишком слабо, и в армейских винтовках стали применяться различные варианты скользящих, поворачивающихся затворов. Но для двуствольных и трехствольных ружей переломная система оказалась самой простой и удобной. Сконструированное в 1852 г. английским оружейником Ланкастером охотничье ружье под созданный им патрон центрального боя тоже было переломного типа, хотя мастер применил свой вариант запираения. То же можно сказать и о системе англичанина Дау, усовершенствовавшего в 1862 г. патрон Ланкастера и предложившего свой вариант ружья с откидывающимися стволами. Несмотря на эти и многие другие изобретения, запираение рычагом Лефоше широко применялось в курковых ружьях центрального боя вплоть до начала XX в.

В коллекции МИО имеется одно гладкоствольное охотничье двуствольное ружье типа Лефоше (инв. № 105, рис. 1–2), предположительно второй половины XIX в. Калибр ружья 17,5 мм, общая длина 1115 мм, длина стволов 730 мм. Стволы дамасские, горизонтально расположенные, в казенной части стволов неразборчивое клеймо фирмы-производителя. Спусковая скоба, курки,

Рис. 1. Ружье охотничье Лефаше, МИО (инв. № 105)

Рис. 2. Ружье охотничье Лефаше, МИО (инв. № 105). Фрагмент

коробка, замочные доски, затыльник приклада покрыты позолоченным гравированным растительным орнаментом и изображениями животных.

Предположительно в конце XIX в. ружье было переделано в ружье

центрального боя (в частности, в ствольной коробке были сделаны отверстия под брандтрубки). А позднее снова была произведена переделка в шпильчатное (упомянутые отверстия заварены).

Появление шпильчатного патрона дало мощный толчок для развития оружия для самозащиты, популярного на рынке гражданского оружия – в частности, пистолета «дерринджер». Еще раньше покупатели быстро оценили компактность, малый вес, слабую отдачу, удобную форму, малую толщину и неплохую для короткого ствола меткость этого оружия. Среди вариантов дерринджера были модели с одним, двумя, четырьмя и пятью стволами, но наибольшую популярность завоевали двуствольные плоские модели, скрытно размещавшиеся в жилетном кармане и с тех пор прочно ассоциирующиеся с самим названием пистолета.

В коллекции МИО находятся два двуствольных пистолета под шпильчатый патрон бельгийского производства. Первый из них (инв. № 15, рис. 3–4) был произведен в Бельгии во второй половине XIX в. Калибр 8 мм, общая длина 145 мм, вертикальное расположение стволов. В казенной части одного из стволов имеется номер 1220. Между стволами бельгийские проверочные клейма. Стволы для разряжания и заряжания поворачиваются на оси, и им придается горизонтальное положение. Для стрельбы из второго

ствола последний поворачивается вверх соответственно на 180 градусов. Каких-либо устройств, надежно запирающих стволы, в пистолете не предусмотрено. Спуск «соскоковый», без спусковой скобы.

Второй (инв. № 22, рис. 5–7) также предположительно бельгийского производства. Калибр 10,7 мм, общая длина 218 мм. Расположение стволов горизонтальное, под стволами имеется рычаг. На спусковой скобе литеры «AF». Покрыт растительным орнаментом. Рукоять деревянная с рифлением.

Постепенно развитие оружейного дела практически свело на нет преимущества даже двухствольных пистолетов. Все большую популярность завоевывали более совершенные револьверы. Однако многие оружейные фирмы США до сих пор выпускают дерринджеры самых разнообразных калибров, используя в основном револьверные патроны.

Первый успешный револьвер, стреляющий шпильчными унитарными патронами с металлической гильзой был изобретен сыном Казимира Лефоше, Евгением, и был им запатентован в 1853 г. Шестизарядная военная модель Лефоше калибра 12,7 мм имела ударно-спусковой механизм простого действия, прилив ствола с отростком, доходящим до плоскости заднего среза барабана, характерной формы рукоять без упора для руки позади курка. Этот револьвер обрел огромную популярность и в своей первоначальной форме (одинарного действия), и в варианте двойного действия,

Рис. 3–4. Пистолет двухствольный, МИО (инв. № 15)

**Рис. 5–7. Пистолет двухствольный, МИО
(инв. № 22)**

появившемся в середине 50-х годов. Однако при стрельбе без предварительного взвода страдала точность, военные многих стран отдавали предпочтение как раз точности, а не скорострельности. Поэтому можно встретить армейские модели револьверов одинарного действия системы Лефоше, принятые на вооружение после 1855 г. В частности, именно такой револьвер был взят в 1860-х гг. на вооружение в Швеции. Револьвер Лефоше был принят на вооружение французским флотом. Позже его внедрили в свои армии Дания, Швеция, Норвегия, Италия и др. В годы Гражданской войны в США северяне также массово импортировали это

оружие для своей армии. Не миновало увлечение шпилечным оружием и Российскую империю. На испытаниях русского военного ведомства в 1860-х гг. лучшие результаты показали револьверы Кольга и Лефоше. Некоторое количество револьверов для Жандармского корпуса было заказано во Франции, Бельгии; кроме того, по некоторым данным, револьверы Лефоше производились и российскими предприятиями. Французские револьверы Лефоше послужили образцами для подражаний, выпускавшихся в разных

европейских странах – в Австро-Венгрии, Германии, Испании и др. Особенно же многочисленны были бельгийские выпуски. Систему Лефоше благодаря этому зачастую считали исконно бельгийской.

Классический тип револьвера (бельгийский) Лефоше имел восьмигранный (или круглый с граненой казенной частью) ствол, навинчивающийся своим приливом на ось барабана, жестко скрепленную с корпусом. В канале прилива помещался шомпол-экстрактор, фиксируемый обычно пружинной защелкой. Поверхность барабана была гладкая, без долов, с зубцами, обеспечивающими фиксацию барабана при его поворотах. Кроме того, револьвер отличали дверца с пружинной защелкой, открывающаяся вверх (через нее производилось зарядание и разряжание оружия); рукоятка с выступом позади курка; довольно высокая мушка; целик в виде небольшого щитка на стволе или в виде прорези на курке. С другой стороны, револьверы разных фирм могли иметь разнообразные рукоятки, дверцы различных форм, кольцеобразные прикрытия, защищавшие шпильки от внешних воздействий, съемные шомполы (хранились в рукояти и под стволом), приспособления для постановки курка на предохранительный взвод или неавтоматический предохранитель в виде рычажков-задвижек, смонтированных на корпусе около курка. Отдельные модели были приспособлены для использования патронов как шпилечных, так и центрального воспламенения. В этом случае характерный для шпилечных револьверов курок с плоским бойком был еще и снабжен бойком для разбивания капсюлей патронов центрального воспламенения. Наряду с 6-зарядными револьверами были распространены, хотя и не столь широко, револьверы, имеющие 10–12 и более патронов (известны, например, 30-зарядные гиганты).

Популярность револьверов шпилечного воспламенения была настолько велика, что производство карманных моделей было прекращено в Бельгии только перед Первой мировой войной. Появление револьверов центрального боя, стреляющих патронами бокового и центрального воспламенения, не приостановило выпуска шпилечных револьверов как менее совершенных. Одной из причин этого было хорошо налаженное производство сравнительно недорогих шпилечных патронов и их широкое распространение во многих странах. Поэтому шпилечные револьверы продолжали

выпускаться и совершенствоваться, приобретая улучшения, заимствованные у револьверов центрального боя – монолитный корпус с центральной рамой, иного устройства дверцы, долы на барабане – вплоть до упоминавшейся выше возможности использования в них также патронов центрального воспламенения. Популярность системы Лефшоэ была так велика, что многие ее черты сохранились и на вновь создаваемых револьверах центрального боя или кругового воспламенения. Например, типичное для Лефшоэ устройство имели револьверы Гассера, стреляющие патронами центрального воспламенения.

В коллекции МИО имеются шесть револьверов (рис. 8), в основу устройства которых положена разработка Казимира Лефшоэ под шпилечный патрон.

Револьвер шпилечный, 6-зарядный. Бельгия, XIX в. (инв. № 16). Калибр 7,5 мм, общая длина 160 мм. Рамка, барабан и ствол брон-

Рис. 8. Шпилечные револьверы, МИО (инв. № 16–21)

зовые. Имеет травленный растительный орнамент. На рамке № 2092. Спуск складной.

Револьвер шпилечный, 6-зарядный. Бельгия, XIX в. (инв. № 17). Калибр 8 мм, общая длина 170 мм. Спуск складной. Щечки рукояти из белой кости.

Револьвер шпилечный, 6-зарядный. Бельгия, XIX в. (инв. № 18). Калибр 8 мм, общая длина 163 мм. На рамке имеются бельгийские проверочные клейма. Спуск складной. Щечки рукояти черные пластмассовые с резным растительным орнаментом. На рамке и барабане имеется растительный орнамент.

Револьвер шпилечный, 6-зарядный. Бельгия, XIX в. (инв. № 19). Калибр 11,5 мм, общая длина 277 мм. На барабане бельгийское проверочное клеймо. Щечки рукояти деревянные.

Револьвер шпилечный, 6-зарядный. Бельгия, XIX в. (инв. № 20). Калибр 5,6 мм, общая длина 125 мм. На рамке имеются бельгийские проверочные клейма. Спуск складной. Щечки рукояти черные пластмассовые с резным растительным орнаментом. На стволе, рамке и барабане имеется растительный орнамент.

Револьвер шпилечный, 6-зарядный. Бельгия, XIX в. (инв. № 21). Калибр 5,6 мм, общая длина 118 мм. Щечки рукояти деревянные рифленые.

Среди карманных револьверов, стреляющих шпилечными патронами, имеются модели без ствола. Роль последнего в этом случае выполняют передние части камор удлиненного барабана. Эти «бесствольные» револьверы близки к «бюндельревольверам» («пеппербоксам»). Такие револьверы производила фирма «Гассер» (Австро-Венгрия), «Рено» (Бельгия), «Орбеа эрманос» (Испания), «М.Л.» (Бельгия – система Дольнэ с кастетной рукоятью и складным клинком). В экспозиции МИО имеется бесствольный шпилечный 6-зарядный револьвер со съемным дузевийным штыком кинжального типа (инв. № 24, рис. 9–10) Был произведен фирмой «Адамс и К». Калибр 7 мм, общая длина 110 мм, со штыком 316 мм. Спуск складной. На штыке клеймо: «Unwin & Rodgers. Sheffield». Имеется кейс с принадлежностями, в том числе с рукоятью, на которую навинчивается съемный штык.

В коллекции МИО имеется и достаточно необычное оружие под шпилечный патрон – пистолет-перстень и самострел-ловушка. Пока одни изобретатели работали над усовершенствованием различных типов оружия, другие пробовали себя в создании оригинальных и

Рис. 9–10. Бесствольный револьвер, комбинированный со штыком, МИО (инв. № 24)

необычных образцов. А так как в большинстве европейских государств того времени почти не существовало правовых ограничений в области оружия, ремесленники выбрасывали на рынок все, что могло найти хоть какой-то спрос. В свою очередь, это подталкивало оружейников к экспериментам с оружием самообороны. В частности, идея миниатюризации и маскировки оружия настолько захватила умы оружейников XIX столетия, что дело стало доходить до курьезов. Например, одним из характерных примеров маскированного миниатюрного оружия того времени являются так называемые перстни-пистолеты и перстни-револьверы, производившиеся в основном бельгийскими и французскими фирмами. Дошедшие до нас образцы этого «пальцевого оружия» датированы приблизительно 1860–1870 гг. Сам по себе револьвер-перстень внешне выглядел как массивная печатка, к которой специальным винтом-осью прикреплялся 6- или 5-зарядный револьверный барабан. Для осуществления процесса заряжания барабан вывинчивался из кольца. Выстрелы производились непосредственно из каморы, т.е. перстни-револьверы можно отнести к классу так называемого бесствольного оружия. Для произведения очередного выстрела барабан поворачивался вручную. Роль фиксатора выполняла пластинчатая пружина, сбоку привинченная к кольцу, которая западала в особую выемку на барабанном пояске. На специальной оси к перстню крепился обтекаемой формы

необычных образцов. А так как в большинстве европейских государств того времени почти не существовало правовых ограничений в области оружия, ремесленники выбрасывали на рынок все, что могло найти хоть какой-то спрос. В свою очередь, это подталкивало оружейников к экспериментам с оружием самообороны. В частности, идея миниатюризации и маскировки оружия настолько захватила умы оружейников XIX столетия, что дело стало доходить до курьезов. Например, одним из характерных при-

открытый курок. Спусковой крючок выполнен в виде плоского рычага и выступает из корпуса перстня с противоположной от курка стороны барабана.

После легкого нажатия-поворота спуска следовал выстрел. Поскольку в револьверном барабане отсутствовал храповой механизм, то барабан мог быть повернут в любую сторону, и владельцу «боевого украшения» требовалось запоминать порядок своих действий, чтобы под курок не стала пустая камора. Отсутствие какого-либо предохранителя и легкий спуск делали ношение перстня-револьвера во взведенном состоянии достаточно опасным, поэтому предполагалось, что все манипуляции по превращению кольца в оружие будут осуществляться непосредственно перед самым выстрелом. Естественно, что при таких условиях внезапность применения перстня-револьвера была относительной. Что касается калибра патронов, то он был просто миниатюрным: например, 6-зарядный перстень-револьвер «Маленький защитник» («Le Petit Protector») был рассчитан под патрон калибра 3,5-мм. Патроны таких малых калибров явно не годились для самозащиты. Главным, на что мог рассчитывать владелец подобного оружия – вызвать испуг и панику у противника. Однако даже психологический эффект от перстня-револьвера явно был слаб, поэтому это оружие сохранилось в нашей памяти лишь как забавная вещица и пример разработки, абсолютно неприспособленной к жизненным реалиям. Револьвер-кольцо из МИО (инв. № 26, рис. 11–12) имеет

Рис. 11–12. Револьвер-перстень, МИО (инв. № 21)

6-зарядный барабан. Калибр 3,5 мм, общая длина 48 мм. На оружии имеются растительный орнамент, изображение двуглавого орла и бельгийские проверочные клейма.

Интересным образцом шпильчатого оружия является и самострел-ловушка из МИО (инв. № 27, рис. 13–14) предположительно бельгийского производства. По некоторым данным, устройство приме-

**Рис. 13–14. Самострел-ловушка, МИО
(инв. № 27)**

нялось на охоте, а также для охраны помещений, садовых и дачных территорий. Калибр изделия 19 мм, общая длина 266 мм. Ствол граненый, гладкий, шарнирно крепится к рамке. На рамке имеется подпружиненный стальной рычаг-курок и его латунный фиксатор с двумя отверстиями.

У шпильчатых патронов были серьезные недостатки. Шпилька патрона в оружии должна была занимать строго определенное положение. Посторонний удар по шпильке мог послужить причиной выстрела, шпильчатые патроны были опасны даже во время хранения и перевозки. Попытки закрыть шпильки патронов на оружии предохраняющими устройствами увеличивало его габариты. В то же время многие конструктивные решения, впервые примененные в шпильчатом оружии, были использованы позже в охотничьем и стрелковом оружии, во многом определили развитие этого оружия на длительное время вперед.

Шпильчатые системы вскоре начали уступать место оружию под унитарный патрон с кольцевым и центральным воспламенением. Однако появление более прогрессивных патронов центрального боя и кольцевого воспламенения не привело к полному исчезновению шпильчатого оружия. Шпильчатый патрон был так популярен, что дожил до Первой мировой войны. Известно, что в Российской

налось на охоте, а также для охраны помещений, садовых и дачных территорий. Калибр изделия 19 мм, общая длина 266 мм. Ствол граненый, гладкий, шарнирно крепится к рамке. На рамке имеется подпружиненный стальной рычаг-курок и его латунный фиксатор с двумя отверстиями.

У шпильчатых патронов были серьезные недостатки. Шпилька патрона в оружии дол-

Рис. 15. Патроны Лефаше, предлагаемые каталогом оружейного магазина «Диана» (Москва) в 1911–1912 гг.

империи шпилечные патроны и его компоненты продавались в оружейных магазинах вплоть до 1917 г. (рис. 15). Шпилечные револьверы использовались в России даже во время Гражданской войны.

В представленной коллекции из 12 экспонатов МИО достаточно полно представлены основные виды и конструкции шпилечного оружия второй половины XIX в. Все представленные образцы шпилечного оружия разнообразно показывают пути развития (иногда тупиковые или курьезные) оружия под первые унитарные патроны.

Литература

1. Бертон Ж. Охотничье оружие мира. М., 2000.
2. Блэр К. Пистолеты мира. М., 2007.
3. Жук А.Б. Справочник по стрелковому оружию. М., 1993.
4. Мавродин В., Мавродин В. Из истории отечественного оружия. Русская винтовка. Л., 1981.
5. Маркевич В.Е. Охотничье и спортивное стрелковое оружие. СПб., 1995.
6. Его же. Ручное огнестрельное оружие. СПб., 1995.
7. Форд Р. Знаменитые пистолеты и револьверы. М., 2005.

Е.И. Юркевич, В.А. Чернухин (Санкт-Петербург)

ПЕРВЫЙ ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДЦЕЙХМЕЙСТЕР ИЗ ДОМА РОМАНОВЫХ

ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДЦЕЙХМЕЙСТЕР Великий князь Михаил Павлович Романов родился 28 января 1798 г. в Санкт-Петербурге. Он был четвертым сыном Императора Павла I (1754–1801) и Императрицы Марии Федоровны (1759–1828) и со дня рождения был облечен высоким званием артиллерийского начальника русской армии. По этому поводу в соответствующем указе Павла I отмечалось: «Бог даровал Его Императорскому Величеству Сына – Его Высочество Михаила Павловича, которому и быть фельдцейхмейстером и шефом Гвардейского артиллерийского батальона»¹. Данным указом Павел I как бы закреплял должность генерал-фельдцейхмейстера только за членами императорской фамилии. В 1805 г. Михаил впервые надел настоящий мундир подшефного Лейб-Гвардии Артиллерийского батальона². Но так как Михаил Павлович законодательно мог возглавить артиллерию только по достижении совершеннолетия, в 1819 г., Павел I ввел должность Инспектора артиллерии, которую последовательно занимали А.И. Челищев, А.А. Аракчеев, А.И. Корсаков и П.И. Меллер-Закомельский.

Необходимо отметить то обстоятельство, что Михаил Павлович был порфирородным ребенком, т. е. родившимся уже тогда, когда его отец был Императором. Возможно, именно этот факт и повлиял на назначение его генерал-фельдцейхмейстером прямо в день рождения.

Воспитывался Михаил вместе со старшим братом Николаем (будущим Императором Николаем I) и с самого раннего детства, как и тот, обнаружил сильнейшую склонность ко всему военному.

Разница между братьями заключалась лишь в том, что спокойный и усидчивый старший брат больше любил строить, а более живой и непосредственный Михаил – разрушать, почему Николай побаивался присутствия младшего брата во время своих строительных игр³.

Сначала предполагалось, что образование младшие сыновья Павла I получат в Императорском лицее, который открыли в Царском Селе. Однако вскоре от этой идеи отказались, и воспитанием юношей стал заниматься генерал-лейтенант Матвей Иванович Ламздорф. Человек грубый, не обладавший способностями педагога, он не развивал лучшие природные качества детей, а старался приказами, угрозами и даже телесными наказаниями переломить характер своих воспитанников. Несмотря на желание Императрицы Марии Федоровны отвлечь сыновей от слишком сильного увлечения военным делом и внушить им расположение к искусствам и естественным наукам, последние оставались на втором плане. Усилия Императрицы не увенчались успехом.

В 1811–1813 гг. Михаил Павлович – командир 3-го полувзвода Лейб-Гвардии Дворянской роты (сначала числился в списках роты как поручик Романов-2-й, затем – штабс-капитан Романов-4-й). Лейб-Гвардии Дворянская рота была сформирована из пажей в 1810 г. специально для ознакомления со строевой службой Великих князей Николая и Михаила. Служба роты заключалась в несении караулов в Зимнем дворце и участии в разводах и придворных церемониях⁴. Шефом роты был Александр I, командовал ротой «кавалер» (воспитатель) Николай и Михаила Павловичей полковник Ушаков. Специально для роты Николай спроектировал особую форму – мундир с синими воротником, лацканами и обшлагами, богато украшенный серебряными петлицами, в качестве головного убора – медвежья шапка, как у гренадеров Старой Гвардии Наполеона. Позднее эта форма, с переменной синего приборного сукна на красное, а белого приборного металла на желтый, легла в основу обмундирования Роты дворцовых grenадер. В 1814 г. рота была расформирована⁵.

В 1814 г. после отшумевших битв и сражений Отечественной войны и вступления союзных войск в пределы Франции, Император Александр I разрешил своим младшим братьям прибыть в действующую армию во время знаменитого военного смотра армии-победительницы в Вертю (в Шампани) 29 августа 1815 г. В смотре

участвовало 150 тыс. человек и 600 орудий. Идеальная строевая выучка и блестящий внешний вид русских войск привели в восхищение всю Европу. Михаил в этот день командовал конной артиллерией. Смотр у Вертуг стал для Михаила первым опытом командования строевой частью⁶.

3 февраля 1816 г. Михаил Павлович назначен шефом Лейб-Гвардии 1-й Артиллерийской бригады⁷.

В 1817 г., по достижении 19 лет, воспитание будущего генерал-фельдцейхмейстера официально было завершено. Для расширения своего кругозора он вместе с будущим фельдмаршалом Иваном Федоровичем Паскевичем (1782–1856) был отправлен в большое путешествие по России (1817) и Западной Европе (1818–1819)⁸.

В управление артиллерией русской армии первый генерал-фельдцейхмейстер из царствующего Дома Романовых вступил на 22-м году жизни, по достижении совершеннолетия – 22 июля 1819 г. А через три дня по Артиллерийскому ведомству им был отдан приказ за № 1, в котором было отмечено: «Считаю себя счастливым принять в управление знаменитый артиллерийский корпус, который отличал себя мужеством в боях и редким устройством – и надеюсь, что сохранением в нем блистательного порядка и доведением всех частей до совершенства поставят меня в возможность оправдать доверие Монарха, поручившего мне столь лестное начальство»⁹. Одновременно Михаил Павлович был назначен командиром 1-й бригады 1-й Гвардейской пехотной дивизии и шефом Лейб-Гвардии Московского полка¹⁰.

Михаил Павлович возглавил артиллерию русской армии в то время когда она, получив значительный опыт в боевых действиях в войнах XVIII – начала XIX вв., продолжала бурно развиваться. Однако оснащение ее более совершенными системами, развитие организационно-штатной структуры, неплохая выучка личного состава еще не в полной мере решали проблему поддержания высокой боевой готовности рода оружия, умелого управления им в мирное и военное время.

Доминирующей становилась проблема подготовки командно-инженерных кадров высокой квалификации. Во время поездки Великого князя в 1814–1815 гг. в Париж он не мог не обратить внимания на весьма высокую степень образованности французских артиллеристов, многие из которых были воспитанниками

престижного учебного заведения – Политехнической школы. Подобный подход к подготовке артиллерийских кадров имел место и в Пруссии. И несмотря на то что Великий князь был еще очень молод, тем не менее, одаренный наблюдательным умом и восприимчивым характером, он обратил внимание на то, как отставали наши отечественные артиллеристы в вопросах специального образования от только что побежденных французских.

Не надо было быть большим специалистом военного дела, чтобы не видеть того, что существующий в России Артиллерийский и инженерный шляхетный корпус к концу XVIII в. по существу перестал быть источником подготовки офицеров-артиллеристов, с переименованием его во 2-й кадетский корпус он совершенно утратил свою артиллерийскую специфику, хотя ранее она и преобладала¹¹. Офицерские кадры в артиллерию стали поставлять кадетские корпуса общего профиля. Однако, прибыв для дальнейшего прохождения службы в артиллерийские части, воспитанники этих корпусов показывали низкую профессиональную подготовку.

Не в состоянии были решить проблему подготовки командиров-артиллеристов для первичных артиллерийских должностей и учебные роты Гвардейского артиллерийского батальона, дислоцировавшегося в столице.

Таким образом, обстановка, складывающаяся в сфере артиллерийского образования в начале XIX в., настоятельно требовала проведения неотложных мероприятий по улучшению подготовки артиллерийских кадров и систематического пополнения ими русской армии. Объективно назревал период, когда отечественное артиллерийское образование должно было вступить в качественно новый этап развития.

Весной 1820 г. Михаил Павлович представил Императору Александру I развернутый доклад «Об образовании Артиллерийского училища». Ознакомившись с его содержанием, 9 мая 1820 г. Император краткой резолюцией «Быть по сему» одобрил его. Эта резолюция явилась официальной точкой начала реализации замысла учреждения первого в России артиллерийского училища. Оно было рассчитано на 120 штатных и 28 сверхштатных учащихся и предусматривало 5-летний курс обучения. Кандидатуры поступавших утверждал лично генерал-фельдцейхмейстер. Юнкера и фейерверкеры для поступления должны были иметь представления от начальников артиллерии армий, отдельных корпусов или других

частей. Вплоть до 1853 г. абитуриентами училища могли быть представители разных сословий. Однако с 1853 г. в училище стали принимать только потомственных дворян, как это практиковалось в других учебных заведениях¹².

Училище было размещено на правом берегу Невы на Выборгской стороне, на Бочарной улице (ныне ул. Комсомола, д. 22), напротив Литейного дома. С 1820 г. здесь размещалась 1-я лабораторная рота. Этот участок местности по обе стороны реки издавна называли артиллерийским уголком Санкт-Петербурга. В 1821–1829 гг. здесь по проекту известного русского архитектора А.Е. Штауберга, автора многих зданий, имевших отношение к военному ведомству, было возведено здание Артиллерийского училища¹³.

Официальное открытие училища состоялось 25 ноября (7 декабря) 1820 г. В изданном на следующий день приказе генерал-фельдцейхмейстера по этому поводу отмечалось: «На основании Высочайше подтвержденного штата, Артиллерийское Училище устроено во всех частях и 25 числа сего месяца открыто. С удовольствием вида, сколь успешно оное приняло свое действие, уверенным остаюсь в полной мере, что заведение сие, утвержденное щедротами Его Императорского Величества, доставит Артиллерийскому Корпусу отличных и сведущих офицеров...»¹⁴

Михаил Павлович проявлял постоянную заботу о жизни и повседневном быте нового военно-учебного заведения, подбору для него высококвалифицированных преподавателей. В частности, не без его содействия, для преподавания общеобразовательных дисциплин привлекались лучшие специалисты из числа профессорского и преподавательского состава учебных заведений Санкт-Петербурга, большая часть которых впоследствии была зачислена в штат училища. Несомненным был тот факт, что многочисленные проблемы становления командование нового военно-учебного заведения решало, опираясь на поддержку генерал-фельдцейхмейстера.

С первых дней в училище преподавали выдающиеся русские ученые, внесшие замечательный вклад в развитие русской науки – В.А. Анкудович, А.Я. Кушакевич, Н.П. Щеглов, К.И. Арсентьев, А.С. Киндереv, М.В. Остроградский, Н.В. Медем¹⁵. Первым профессором артиллерии в училище стал замечательный педагог, автор первого полного курса артиллерии, долгое время бывший в училище инспектором классов Егор Христианович Вессель

(1799–1853), прошедший в училище путь от штабс-капитана до генерал-лейтенанта и пользовавшийся неизменной дружбой и покровительством генерал-фельдцейхмейстера¹⁶.

В 1821 г. Император Александр I посетил училище. А 12 января 1824 г., оценив усердие брата, он наградил его орденом Св. Владимира I степени «за неуспынную попечительность об основательном образовании вверенного ему юношества»¹⁷.

По представлению Михаила Павловича было положено начало централизованной подготовки артиллерийских мастеров с соответствующей специальной теоретической и практической подготовкой. С этой целью в 1821 г. при Петербургском арсенале была открыта Артиллерийская техническая школа, а в 1830 г. при Охтинском пороховом заводе – школа «для образования мастеров и подмастерьев порохового, селитренного и серного дел». Кроме того, также по инициативе Великого князя, в 1820–1830-х гг. учрежден целый ряд школ (батарейных, дивизионных, окружных) для подготовки грамотных нижних чинов артиллерии¹⁸.

8 февраля 1824 г. Михаил Павлович был назначен шефом Лейб-Гвардии Московского полка, а 3 марта 1825 г. – начальником 1-й Гвардейской пехотной дивизии¹⁹.

Конец этого года был насыщен важными событиями, которые напрямую коснулись и генерал-фельдцейхмейстера. Неожиданная смерть Александра I в ноябре 1825 г. в Таганроге и последовавшее затем междуцарствие ускорили выступление декабристов. Константин, следующий за Александром сын Павла I, являвшийся фактическим наместником Царства Польского, отрекся от престола в пользу брата Николая. И письмо его об отречении доставил из Варшавы в Петербург Михаил Павлович.

Хладнокровно и мужественно действовал Великий князь в день бунта 14 декабря 1825 г., сначала, отправившись в казармы Гвардейской конной артиллерии, восстановил порядок среди волновавшихся нижних чинов, а затем, проследовав в казармы подшефного Лейб-Гвардии Московского полка, вывел в распоряжение верных присяге войск на Сенатской площади солдат-москвитин, не желавших принимать участие в бунте. Затем Михаил получил под командование часть войск, стоявших между Конногвардейским манежем и Исаакиевским собором. Во время стрельбы картечью по мятежникам Великий князь командовал одним орудием, расположенным у манежа Л.-Гв. Конного полка²⁰.

Кстати, в этот злосчастный день Михаил Павлович едва не был убит В.К. Кюхельбекером – тот уже целился в Великого князя, но трое мятежных матросов Гвардейского Экипажа выбили из его рук пистолет и слегка побили поэта прикладами²¹. Высочайшее благородство Великого князя ярко проявилось во время следствия над декабристами, когда он горячо ходатайствовал перед Императором о смягчении наказания для своего несостоявшегося убийцы – и добился своего. Кюхельбекер вместо смертной казни отделался лишь несколькими годами каторги. Более того, Михаил Павлович подарил Кюхельбекеру прекрасную медвежью шубу, в которой тот и отправился в Сибирь²²!

Кстати, общением с В.К. Кюхельбекером знакомство Михаила Павловича с русскими литераторами не ограничилось. Великий князь был большим другом А.С. Пушкина и И.А. Крылова, не раз спасал от служебных взысканий и гнева Николая I молодого корнета М.Ю. Лермонтова²³.

Тогда же, 14 декабря 1825 г., Михаил был назначен Генерал-Инспектором по инженерной части²⁴. В этом назначении видна большая симпатия Николая по отношению к брату – ведь Император вручал ему под команду свои любимые инженерные войска!

По воцарении императора Николая I Михаил Павлович был одновременно назначен членом Следственной комиссии по делу «декабристов», членом Государственного совета, а в 1826 г. – командующим Гвардейским корпусом (командиром корпуса являлся Великий князь Константин Павлович, постоянно, как наместник Царства Польского, проживавший в Варшаве). 25 июня 1831 г. Михаил был официально назначен командиром Гвардейского корпуса и главным начальником всех сухопутных военно-учебных заведений. В 1844 г. он принял под свое командование и Гренадерский корпус. Кроме того, в 1832 г. Великий князь был пожалован званием Почетного президента Военной академии²⁵. Таким образом, в подчинении Михаила Павловича оказалась элита русской армии – Гвардейский и Гренадерский корпуса, артиллерия, инженерные войска и военно-учебные заведения.

Как командир Гвардейского корпуса Михаил Павлович был грозой Петербургского гарнизона – строгого, до мелочей требовательного Великого князя панически боялись – на разносы и взыскания он не скупился. Но и любили гвардейцы своего командира безмерно – за доброе и отзывчивое сердце, великолепное чувство юмора.

Офицеры-гвардейцы знали: если Великий князь во время разнота смотрит в глаза – значит, он по-настоящему недоволен. Но если он, громогласно ругаясь, смотрит в сторону – а так бывало весьма часто – значит, выговор «для проформы», и никакого взыскания виновный не понесет. Зачастую провинившихся офицеров спасало от гнева Михаила Павловича умение к месту пошутить. Стоило Великому князю рассмеяться – и гнев его улетучивался.

В гвардейской среде с любовью сохранялось великое множество историй о том, как Михаил Павлович выручал своих подчиненных из самых разных бед. Каждый гвардейский офицер, уезжавший в отпуск по болезни или по ранению, получал от Михаила Павловича негласное пособие. Любого офицера, нуждавшегося в деньгах, мог написать ему – и получал просимую сумму, которую Михаил Павлович выделял из своих личных средств. Однажды он даже заплатил долг за офицера, проигравшего казенные деньги, сказав при этом своему дежурному адъютанту: «Отдай ему и не смей мне никогда называть его имени – иначе я, как корпусной командир, отдам его под суд; скажи, что я помогаю ему, как частное лицо».

Да и нижние чины щедро награждались Великим князем – за хорошо проведенный парад, развод, учение. О солдатах Михаил заботился неустанно, постоянно проверяя качество пищи, обмундирования, состояние казарменных помещений и госпиталей.

Только на помощь нуждающимся офицерам и их семьям, на награды отличившимся нижним чинам Михаил Павлович в течение десяти лет истратил более 4 миллионов рублей. В записной книжке Великого князя, в которую он вносил потраченные суммы, были записаны только цифры, и никогда – имена тех, кому он помог. А в 1836 г. он сказал одному из своих адъютантов: «Я счастливейший из людей: Государь приказал отпускать ежегодно по 300 000 рублей для раздачи нуждающимся офицерам. Теперь опять можно будет помогать беднякам. Слава Богу!»²⁶

На заседаниях Следственной комиссии по делу декабристов Великий князь появлялся редко. Зато, например, добился у Государя разрешения арестованным курить в казематах Петропавловской крепости, на свои средства покупая те сорта табака, которые привыкли курить осужденные²⁷.

Сосредоточение в лице генерал-фельдцейхмейстера многих должностей, а также все возрастающая роль артиллерии в войнах,

с объективной необходимостью предопределили образование в 1827 г. Штаба генерал-фельдцейхмейстера – высшего органа управления по инспекторской и технической частям рода войск. На этот счет 1 января 1827 г. состоялся приказ Императора Николая I, а через восемнадцать дней Михаил Павлович отдал соответствующий приказ по артиллерии²⁸.

Создание в артиллерии такого органа управления, как Штаб генерал-фельдцейхмейстера, способствовало более эффективному решению задач подготовки и участия артиллерии в очередной Русско-турецкой войне 1828–1829 гг.

Сам Михаил Павлович прибыл на театр военных действий 1 мая 1828 г. и успешно руководил осадой достаточно мощной турецкой крепости Браилов, сдача которой последовала 3 (15) июня 1828 г. Овладение русскими войсками этой крепостью обеспечивало сообщение с Молдавией, Валахией, открывало нижнее течение Дуная и предоставляло возможность нашему Черноморскому флоту содействовать сухопутным войскам в успешной осаде Варны. За взятие Браилова Михаил Павлович был награжден орденом Св. Георгия II степени, в дар ему были преподнесены турецкие трофеи – шесть медных орудий. Принимал участие он и в других сражениях войны – блокада Шумлы (июль 1828 г.), осада Варны (сентябрь 1828 г.).

Во время польского мятежа 1830–1831 гг. Михаил Павлович во главе Гвардейского корпуса принимал участие в его подавлении. Он прибыл в Царство Польское 17 марта 1831 г., руководил боями между Бугом и Наревом, сражался при Остроленке, отличился при штурме Варшавы и при осаде крепости Модлин. Наградой ему стало звание генерал-адъютанта, украшенная алмазами шпага «За храбрость» и один из ключей от Модлинской крепости²⁹.

Участие Михаила Павловича в боевых действиях убедило его в необходимости в мирное время более серьезно подходить к решению проблем боевой подготовки артиллерийских соединений и частей. Начиная с 1830 г. практические занятия артиллерийской стрельбой с Волкова поля, не вполне подходящего для этих целей, переносятся в район Красного Села. Здесь был создан лагерь Гвардейских и Учебной артиллерийских бригад, оборудован артиллерийский полигон.

Во второй четверти XIX в. русская артиллерия была перевооружена орудиями обр. 1838 г., называвшимися, для отличия от

орудий обр. 1805 г., орудиями «новой конструкции». Их отличала от системы 1805 г. унификация калибров сухопутной и морской артиллерии, округление калибров до целых линий (т. е. до 0,1 дюйма) и отсутствие фриз (поясков) на стволах. У единорогов казенная часть ствола снаружи стала отливаться цилиндрической формы, как у пушек, что уменьшило подпрыгивание ствола при выстреле. В 1845 г. к орудиям обр. 1838 г. принимаются лафеты улучшенной конструкции – с железными осями и с вынесенной влево рукояткой подъемного механизма. В 1846 г. в береговой и крепостной артиллерии вводится железный лафет конструкции полковника Венгловского.

Важным новшеством системы 1838 г. явились специально разработанные образцы горного единорога и мортир – легкие, позволяющие транспортировать их либо на конских выюках, либо на руках.

Значительно повысилась мобильность легких артиллерийских батарей, как с 1833 г. называли артиллерийские роты, после принятия на вооружение в 1850 г. облегченной 12-фунтовой полевой пушки конструкции полковника Баумгартена.

По Положению 1833 г. артиллерийские батареи были приведены в 8-орудийный состав (в 1845 г. вернулись к 12-орудийным батареям), а полевая артиллерия была сведена в артиллерийские дивизии (Гренадерская, Кавказская, 6 полевых пеших и 3 конных). Артиллерийские дивизии придавались пехотным и кавалерийским корпусам. Артиллерийские дивизии не являлись боевыми соединениями, а были лишь административно-организационными соединениями мирного времени. Дивизии состояли из артиллерийских бригад, число которых определялось числом пехотных (кавалерийских) дивизий в корпусе. Кроме того, по тому же Положению, был создан конно-артиллерийский резерв, состоявший из 9 конно-артиллерийских батарей³⁰.

Немало сделал Великий князь как начальник военно-учебных заведений. При нем особенное внимание обращено на физическое развитие кадет, приняты меры к улучшению их содержания; полезным новшеством было и введение для них лагерных занятий. Вообще Великий князь с особенной любовью относился к кадетам, что ярко выразилось в обнаруженной в его бумагах после кончины рукописи «Прощание с моими детьми военно-учебных заведений». Это «Прощание» по приказу Николая I с 1850 г. выдавалось в копии

каждому кадету, произведенному в офицеры, и текст его был, кроме того, выгравирован на бронзовых досках под бюстами Михаила Павловича в столовой Дворянского полка (впоследствии – Константиновского артиллерийского училища) и в Императорском зале Михайловского артиллерийского училища³¹.

Немало сделал Михаил Павлович и как глава военно-инженерного ведомства. За время его руководства, помимо укрепления старых, было сооружено 10 новых крепостей и 135 отдельных укреплений. Особое внимание обращено на подготовку инженерных офицеров и унтер-офицеров³².

Следует отметить, что на всех постах, которые занимал Михаил Павлович, его отличали исключительная дисциплинированность и высокое чувство ответственности за порученное дело. Добросовестно пытаюсь вникать во все обстоятельства решаемых проблем в подчиненных ему ведомствах, Великий князь не считал себя вправе оставить без рассмотрения поставленные перед ним вопросы. Его личность и вся его биография стали для русской армии олицетворением славных изначальных традиций отечественной артиллерии. Он до конца дней своих оставался ее лидером, незаурядной личностью, проявляя себя как военачальник и государственный деятель.

В 1845 г. намечалось отметить 25-летний юбилей основания Артиллерийского училища. Еще в ходе подготовки к юбилею среди многих его бывших воспитанников стихийно возникла мысль о сооружении прижизненного памятника основателю и шефу училища – бронзового бюста с установкой его в конференц-зале. По подписке было собрано около 7000 рублей для этой цели. Михаил Павлович, одобрив идею празднования 25-летия, решительно отклонил другую – об установке памятника самому себе, предложив употребить собранную сумму на пользу училища и его воспитанников, испросив разрешения Императора на установление премии за лучшее сочинение или изобретение, которые будут представлены бывшими питомцами училища.

На празднование 25-летия съехалось немало бывших его питомцев. После обращения к ним с проникновенным словом Михаил Павлович приказал всем построиться и, обходя строй, с каждым поговорил, с удивительной свежестью памяти припомнил их фамилии, время поступления, события из истории училища и даже училищные клочки и шалости бывших юнкеров. Училище к

этому времени произвело 23 выпуска, дав отечественной артиллерии 556 офицеров, двое из которых достигли генеральских чинов (один из них – командир 20-й артиллерийской бригады П. П. Ковалевский, вместе со своим соединением участвовал в ходе Крымской войны (1853–1856) в боевых действиях на Кавказском театре, при осаде Карса был тяжело ранен и от полученных ран скончался).

В январе 1848 г. русская артиллерия отпраздновала и другой юбилей – 50-летие со времени назначения Михаила Павловича генерал-фельдцейхмейстером. 28 января состоялся парад артиллерийских частей и Артиллерийского училища. По случаю празднования пятидесятилетия Великого князя, артиллерийские офицеры собрали около 18 тысяч рублей для сооружения бюста генерал-фельдцейхмейстеру. На этот раз бюст был заказан скульптору И.П. Витали, вылеплен им, а отлит из бронзы воспитанником училища бароном П.К. Клодтом и по Высочайшему повелению с надписью «Благодарная артиллерия 1798–1848» установлен в конференц-зале Артиллерийского училища³³.

От собранной на сооружение бюста суммы остались неизрасходованными 8168 рублей серебром. Великий князь, присоединив к этой сумме единовременно 3000 рублей и ежегодно добавляя по 571 рублю, распорядился, чтобы на проценты от образовавшегося от данной суммы капитала в Мариинском институте воспитывалось пять дочерей «недостаточных и заслуженных артиллерийских генералов, штаб- и обер-офицеров преимущественно сирот по отцу или матери». Эти пансионерки именовались «пансионерками артиллерии 28 января 1848 года»³⁴.

В апреле 1849 г., во время пребывания в Москве, у Великого князя открылось сильное кровотечение. Однако вскоре он поехал в Варшаву для смотра собранных там гвардейских частей. 12 августа 1849 г. во время смотра Михаил Павлович потерял сознание – случился инсульт, а 28 августа Великий князь скончался в Бельведерском дворце в Варшаве. Смерть генерал-фельдцейхмейстера была встречена с глубоким прискорбием, как в семье Императора, так и в русской артиллерии. По Высочайшему повелению на траурную церемонию было вынесено знамя 1-го Артиллерийского полка обр. 1745 г., имевшее статус Знамени всей русской артиллерии. Его нес генерал-майор Цебриков, ассистировали полковник Серебряков и подполковник Данилов.

Заслуги Михаила Павловича перед Престолом и Отечеством предопределили решение Николая I именовать Артиллерийское училище, в память об его основателе, Михайловским. Это решение было объявлено приказом по артиллерии от 19 сентября 1849 г. Перед смертью Михаил Павлович завещал Артиллерийскому и Инженерному училищам 1200 книг из своей личной библиотеки.

В своем завещании он также указал, чтобы четыре орудия 1-й роты Лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады, подаренные ему Николаем I, из которых 14 декабря 1825 г. был открыт огонь по мятежникам на Сенатской площади, были установлены на плацу училища, «что у Невы». 31 октября 1849 г. воля скончавшегося генерал-фельдцейхмейстера была исполнена. В торжественной обстановке перед строем взводов от всех артиллерийских частей, дислоцированных в Петербурге, на правом фланге которых стояло Михайловское училище, орудия были установлены на предназначенном для них месте³⁵.

Великий князь Михаил Павлович с 1824 г. был женат на принцессе Фредерике-Шарлотте-Марии Вюртембергской (в Православии Елене Павловне) (1806–1873). Елена Павловна, ученица В.А. Жуковского и П.А. Плетнева, была личностью высокоодаренной, одной из самых образованных женщин своего времени. Она внесла огромный вклад в развитие благотворительности и медицинского образования в России. Ею был основан ряд больниц и приютов, Еленинский Клинический институт для повышения квалификации врачей (ныне – Институт усовершенствования врачей). В 1854 г., с началом Крымской войны, по инициативе Елены Павловны была создана Крестовоздвиженская община сестер попечения о раненых и больных в военных госпиталях – первая в мире организация, готовившая сестер милосердия для работы в госпиталях на театре военных действий. Обучением сестер Крестовоздвиженской общины руководил выдающийся русский хирург Н.И. Пирогов.

Кроме того, Елена Павловна сыграла выдающуюся роль в создании Русского музыкального общества и открытии Петербургской консерватории³⁶.

У Михаила Павловича и Елены Павловны было пять дочерей: Мария (1825–1846), Елизавета (1826–1845), Екатерина (1827–1894), Александра (1831–1832) и Анна (1834–1836). Великая княжна Елизавета Михайловна в 1844 г. обручилась с герцогом

Адольфом-Вильгельмом Нассауским, а Великая княжна Екатерина Михайловна в 1851 г. вышла замуж за герцога Георгия Мекленбург-Стрелицкого, положив начало русской ветви рода Мекленбург-Стрелицких³⁷.

¹ Краткое обозрение состояния артиллерии с 1798 по 1848 год // Артиллерийский журнал. 1852. № 4. С. 1.

² Туманов В.Е. Августейший Генерал-Фельдцейхмейстер // Бомбардир. № 11. 2000. С. 30.

³ Шильдер Н.К. Император Николай Первый. Кн. 1. М., 1997. С. 22–23.

⁴ Там же. С. 234.

⁵ Хранитель: К 100-летию со дня рождения В. М. Глинки: Статьи, письма, проза / авт.-сост. М.С. Глинка. СПб., 2003. С. 82.

⁶ Керсновский А.А. История Русской Армии. Т. 2. С. 8; Шильдер Н. К. Император Николай Первый. Кн. 1. С. 56.

⁷ Лалаев М.С. Очерк жизни и деятельности в Бозе почивающего Великого Князя Михаила Павловича. СПб., 1898. С. 10.

⁸ Божерянов И.Н. Первый царственный генерал-фельдцейхмейстер Великий Князь Михаил Павлович. СПб., 1898. С. 28–41.

⁹ Там же. С. 42–43.

¹⁰ Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной Энциклопедии» Сытина. Т. III: Ко – П. СПб., 1997. С. 199.

¹¹ Михайловская военная артиллерийская академия: 1820–2005: Исторический очерк / под ред. генерал-лейтенанта В. А. Константинова. СПб., 2005. С. 10–12.

¹² Там же. С. 14.

¹³ Там же. С. 16.

¹⁴ Там же. С. 17.

¹⁵ Трижды орденосная военная академия имени Ф. Э. Дзержинского: Очерк истории / под ред. генерал-полковника Ф.П. Тонких М., 1982. С. 20–22.

¹⁶ Там же. С. 21–22; Некролог артиллерии генерал-лейтенанта Егора Христиановича Веселя. СПб., 1853. С. 1–14.

¹⁷ Лалаев М.С. Очерк жизни и деятельности... С. 32–33.

¹⁸ Там же. С. 35–36.

¹⁹ Божерянов И.Н. Первый царственный генерал-фельдцейхмейстер... С. 63.

²⁰ Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной Энциклопедии» Сытина. Т. III. С. 199; Высокочков Л.В. Император Николай I: Человек и Государь. СПб., 2001. С. 237, 252.

²¹ Кучерская М.А. Константин Павлович. М., 2005. С. 195.

²² Мальшев С.А. Военный Петербург эпохи Николая I. М., 2012. С. 149.

²³ Божерянов И. Н. Первый царственный генерал-фельдцейхмейстер... С. 77–78.

²⁴ Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной Энциклопедии» Сытина. Т. III. С. 199.

²⁵ Там же. С. 199.

²⁶ Мальшев С.А. Военный Петербург эпохи Николая I. С. 152–158.

²⁷ Там же. С. 149.

²⁸ Лалаев М.С. Очерк жизни и деятельности... С. 38–39.

²⁹ Божерянов И.Н. Первый царственный генерал-фельдцейхмейстер... С. 80–90.

³⁰ История отечественной артиллерии. Т. 1: Артиллерия русской армии эпохи феодализма. Кн. 3: Артиллерия русской армии в период разложения феодализма: Конец XVIII – первая половина XIX в. М., 1962. С. 461–486, 495–516.

³¹ Лалаев М.С. Очерк жизни и деятельности... С. 38.

³² Там же. С. 41–47.

³³ Божерянов И.Н. Первый царственный генерал-фельдцейхмейстер... С. 108–109. Бюстов отлито было два – один для Михайловского артиллерийского училища, другой – для Лейб-Гвардии 1-й Артиллерийской бригады. В настоящее время один из бюстов находится в Государственном Русском музее.

³⁴ Лалаев М. С. Очерк жизни и деятельности... С. 40–41.

³⁵ Михайловская военная артиллерийская академия: 1820–2005. С. 20.

³⁶ Молин Ю.А. Романовы: Забвение отменяется: Взгляд судебно-медицинского эксперта. СПб., 2005. С. 151–162, 171.

³⁷ Божерянов И.Н. Первый царственный генерал-фельдцейхмейстер... С. 110.

С.В. Юхо (Несвиж, Республика Беларусь)

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР В ФОРТИФИКАЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ НЕСВИЖСКОГО ЗАМКА (1582–1793)

НЕСВИЖСКИЙ замок как полноценное каменное фортификационное сооружение начал формироваться с 1577 г., когда князь Несвижской ординации Николай Христофор Радзивилл по прозвищу «Сиротка» (1549–1616 гг.) стал полноправным владельцем Несвижа. Уже к 1582 г. основные работы были завершены (кроме строительства дворца-дединца), и с уверенностью можно сказать, что в 1583 г. замок был построен (рис. 1). Это вытекает из того, что в 1583 г. было завершено и строительство Несвижского «фарного» (приходского) костела, кстати, первого костела в стиле барокко на территории Восточной Европы; забота же о жизни духовной часто наступает после благоустройства материальной ее части или одновременно с ней, но очень редко раньше.

Авторство архитектурного проекта как замка, так и костела приписывают итальянцу родом с берегов озера Комо Яну Марии Бернадони. Однако архитектурное строение не статично, оно подвергается мелким и крупным изменениям в хронологической ленте своего существования. Таким изменениям, в особенности в фортификационной части, подвергся и Несвижский замок; и большую роль в этом сыграл антропологический фактор, в частности, деятельность различных архитекторов после Яна Марии Бернадони. Именно данный фактор автор и рассмотрит в представленной работе, тем более что основательное исследование генезиса фортификаций Несвижского замка до сих пор отсутствует, однако обнаруженные автором некоторые архивные документы позволяют по-новому посмотреть на историю изменений замковых укреплений.

Рис. 1. Несвижский замок

Самый известный вид замка зафиксирован и принадлежит придворному радзивиловскому гравюру Томашу Моковскому в начале XVII в. (рис. 2). Исследователь А. Грушецкий по гравюру Моковского характеризовал фортификацию как «необычно современную даже в мировом масштабе»¹.

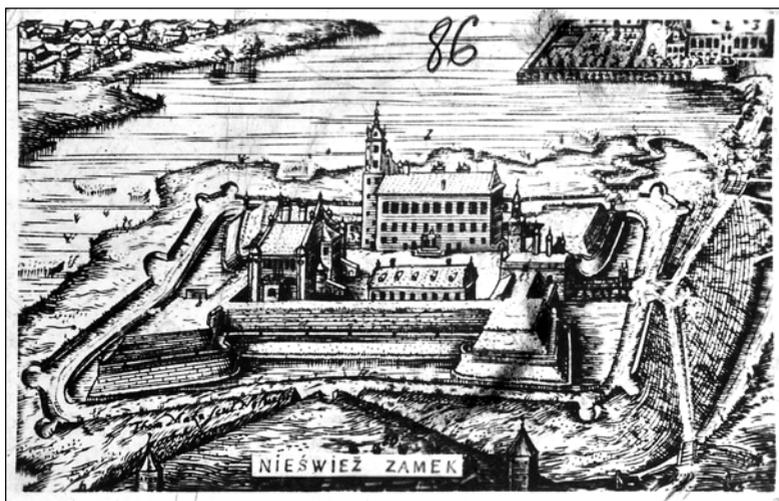

Рис. 2. Гравюра Томаша Моковского

Рис. 3. Въездные ворота с мостом

Белорусский исследователь М. Ткачѳв приписывал Несвижский замок к «новоитальянской системе»². Однако и Ткачѳв, и Грушецкий обращали внимание на некоторые «нелепости» в изображении Моковским нескольких элементов замковых фортификаций, объясняя их ошибками или же «упрощением» гравюры³. Согласно же данным наиболее раннего инвентаря замка (1658 г.), выделяются элементы замковых фортификаций, которые по тем или иным причинам не отражены на гравюре Моковского: рavelин перед въездной «брамой» с мостом до «брамы» (рис. 3), сторожевая башня на «рогу» северного бастиона, подземные ходы в четырех местах фундамента перед валом и другие элементы⁴.

Данные инвентаря 1658 г. свидетельствуют о наличии казематов в местах соединения бастионов с куртинами – «бастионных плечах». Кроме того, в документе перечислены 30 пушек разных калибров, которыми обеспечивалась безопасность главной линии укреплений и которые были размещены по трем уровням:

1. На валу и бастионах;
2. «Под валами» (согласно инвентарю), на валовой дороге;
3. «na Dole» (согласно инвентарю), в казематах⁵.

Казематы, мост и рavelин были созданы во времена Николая Христофора Радзивилла. Другие элементы являются результатом

деятельности следующих владельцев города Несвиж: Альбрехта Владислава, Сигизмунда Карла, Александра Людовика Радзивиллов.

Потому неудивительно, что фортификации требовали должного досмотра и поддержки их в нормальном состоянии. В штат замковой прислуги входил так называемый «валмастер», который особенно часто упоминается в документах XVII столетия⁶.

Архивные документы позволяют узнать имена двух руководителей строительными работами в замке в конце XVI – начале XVII вв. Например, в документе 1588 г. упоминается имя Войцеха Коберницкого как «Будовничи его Княской Милости»⁷. Документ 1604 г. упоминает другое имя «Будовничого Замку Несвижскаго», Леонарта Щигельского. «Леонарт каменик», как фигурирует он в документе, проводил разные строительные работы в Несвижском замке, о чем упоминается в денежных ведомостях 1600 г.⁸ Касательно непосредственно фортификаций, то 01.09.1600 коморнику Несвижского двора Авседовскому было выдано 5 злотых «для Павла капача на ровы»⁹. Уже через три дня «капач» получил дополнительно 7 злотых 15 грошей «для открытия криницы до воды»¹⁰. Кроме того, «Валмайстрык Яська» (помощник валмастера) фигурирует в списке ремесленников Несвижского замка 1609 г.¹¹

Серьезным тестом готовности фортификаций Несвижского замка стала война 1654–1667 гг. между Речью Посполитой и Московским царством. Уже в 1654 г. Несвиж испытал осаду царским войском и казаками: замок ее выдержал, сам же город был захвачен и сожжен. Тогдашний князь Несвижской ординации Михаил Казимир Радзивилл (1635–1680 гг.), который в то время занимал должности крайчего Великого княжества Литовского, принимает серьезные меры по усилению замковой фортеции. В работах принимали участие 36 «выбранцов колдычевских» (в современной Республике Беларусь деревня Колдычево Брестской области, Барановичского района). В течение года «выбранцы» укрепляли замковый вал и каменную стену перед валом (рис. 4). «Капачи» же в то время выбирали землю для создания «нижнего» рва¹². Одновременно под руководством некоего Пелка ремонтировалась городская стена вокруг Несвижа¹³.

Усилия не были напрасными: замок не сдался после нападения в 1655 г. и в конце весны 1660 г. В 1661 г. сейм Речи Посполитой, обращая внимание на важное оборонительное значение Несвижа,

Рис. 4. Замковый ров и остатки насыпного вала

постановил компенсировать издержки Радзивиллов на обновление и ремонт своей фортеции в размере 56 628 польских злотых¹⁴.

Общий досмотр за работами все эти годы осуществлял Самуэль Доманский, за что получал 60 злотых в год и провизии («ординарии») на 56 злотых 12 грошей и 2 пенеэя¹⁵. Постоянно на «валовой работе» находились валмастера. Например, за летний сезон 1661 г. двум валмастерам заплатили по 25 злотых каждому. Работа более высококвалифицированных мастеров оплачивалась значительно лучше. Одним из них был некто Контесси (Contessi), который в 1670-е гг. работал над отдельными фортификационными элементами. Он получал 600 злотых в год¹⁶. Вообще же, в разные годы размеры финансирования строительства колебались от 1 до 5 тысяч злотых¹⁷.

В архивных документах встречается информация про отдельные работы, которые проводились в замке. Например, в 1663–1664 гг. каменщик Анджей «попровлял мур в акопе от Новага Места, дзе вывалилася», за что получил 25 злотых. Тогда же работали каменщик Монка, который «каля Бульверку Замкавага рабил»¹⁸. Восстановительные работы продолжались и в следующие годы. В 1676 г. «Пану Контеси по загаду Пана Аканома на поправку Баркану и паставку астрогу в Замку» заплатили 100 злотых¹⁹.

В конце XVII в. назрела необходимость коренных изменений фортификационных сооружений Несвижского замка. Исходя из того, что в Речи Посполитой в то время была очень популярна так называемая «староголландская школа» в оборонительной архитектуре, то и Несвижский замок перестраивался по канонам данной школы. «Староголландская школа» опиралась на строго очерченные математические принципы и удовлетворяла большой спрос в мощных и одновременно простых в строительстве фортификациях.

Известно, что в 1657 г. в Несвиже находился архитектор Теофил Спиновский. Про него, в частности, есть сведения, что он в 1650–60 гг. проектировал усовершенствование фортификаций в Слуцке, Биржах (современный город Биржай в Литве) и Крулевце (современный город Калининград в Российской Федерации)²⁰. В самом же Несвиже Спиновский занимался «выставлением певной Мадели, до Фортеции Несвижской приналежной»²¹. Однако архитектор «Мадель» не закончил и в скором времени уехал в Слуцк, объясняя это тем, что в Несвиже, в отличие от Слуцка, «ани таких до выстаулення гэтай вытанчонай работы умоу, ани работников достотковой колкосци и здолносци, ани Валмайстры, ани Цеслера... спрытного нема, которы б гэту работу здодел потрапиць»²².

Особое положение среди Несвижских фортификаторов занимал некто Деллевали (Dellewali). Его годовой заработок составлял 1000 злотых; кроме того, он получал провизии на 539 злотых²³. Вполне возможно, что под псевдонимом «Деллевали» скрывался архитектор Густав Адольф де Ля Валле де Гоб (Gustaw Adolf de La Valleé de Gobe, умер в 1691 г.). Про него непосредственно известно, что он в 1667–1669 гг. проектировал фортификации в Слуцке и Копыле для Богуслава Радзивилла; в 1668 г. фигурирует в звании капитан-лейтенанта²⁴. Согласно данным 1690 г., Густав Адольф де Ля Валле де Гоб «хорунжи Венденски, полковник Его Королевкой Миласци», имел во владении фольварок Борталавцизна деревни Славково Несвижского княжества и имение Курляндия Клецкого княжества²⁵.

Отъезжая в Несвиж, Деллевали мог взять с собой профессиональных фортификаторов из Слуцка, например хорунжего Фэлькерзамба, «способного ... в инженерных працах» и валмастера Йогана Бека²⁶. Капитан Бек фигурирует в ведомости задолженности

по выплате несвижскому губернатору Стефаном Трипольским заработка высококвалифицированным мастерам княжеского двора (1673 г.)²⁷. К сожалению, не известно, какие функции выполнял Бек, так как в ведомости его специальность не отмечена, в отличие от других мастеров.

Основной контингент работников на Несвижских фортификациях состоял из местных жителей, каменщиков и плотников; кроме того, на строительные работы привлекались и крестьяне из окрестных деревень. Имена отдельных ремесленников, к большому сожалению, практически в архивных документах не встречаются. Неквалифицированный труд по подсыпке валов, который выполняли крестьяне, фиксировался в ежедневных ведомостях общим числом работающих, отдельно – мужчин и женщин.

В 1686–1687 гг. каждый день в работах по подсыпке вала вокруг замка участвовало от 33 до 74 человек, в 1688 г. – от 4 до 77²⁸. «На работу Валуо Несвижских Замкавых» в 1695 г. было выделено 1205 злотых, а в 1696 г. – 1568 злотых. Вообще же, в конце XVII в. четкие очертания приобрела тросировка дороги; на ней появились дополнительные промежуточные бастионы. Вся северная часть фортификации имела боевой, с очень крутым углом склона, вал. Все другие части фортификации такого вала не имели, так как были окружены природным «валом» – водой реки Уша (впадает в р. Неман) (рис. 5). На восточном рогу вала имелся шлюз для регулирования воды в замковом рву. На противоположном берегу реки Уша было создано дополнительное земляное укрепление – редут.

В 1706 г. во время Северной войны Несвижский замок был занят (однако не захвачен) шведами с согласия осаждаемых, которые сильно повредили фортификации. Однако уже скоро, при княжестве Михаила Казимира Радзивилла по прозвищу «Рыбонька» (1724–1762 гг.) укрепления восстановили. Но, видимо, восстановительные работы провели некачественно, так как 30 октября 1745 г. каменщик Жданович докладывал Радзивиллу «доношу Вашей Княской Милости што у Замку у середине вал опадае»²⁹.

Несвижские фортификации качественно выполняли свои функции до конца XVIII в. Их внешний вид хорошо отражен на планах Несвижа, который в результате 2-го раздела Речи Посполитой в 1793 г. отошел к Российской империи. Понятно и то, что с развитием артиллерийского дела функция замка как основной опоры (особенно в средние века) в XIX в. стала уменьшаться, и в войне 1812 г.

Рис. 5. Вид Несвижского замка с южной стороны

Несвижский замок ключевой роли не сыграл. Но интересен тот факт, что с 1582 по 1793 гг. Несвижский замок благодаря своим фортификациям считался одним из самых мощных оборонительных сооружений на территории Великого княжества Литовского и ни разу не был захвачен приступом (в том числе и в 1764, 1768, 1792 гг. во время попыток его захватить российской армией). В 1706 г. замок шведами захвачен не был, да они бы его, скорее всего, и не захватили, просто гарнизон капитулировал исходя из человеколюбия к местному населению, избавляя последнее от военных преступлений со стороны шведов.

Подводя итоги, можно отметить, что антропологический фактор сыграл ключевую роль в генезисе фортификаций Несвижского замка. Различия архитекторов (в основном, кстати, иностранных) во взглядах на суть оборонительной «доктрины» фортеции, применение ими разных архитектурных стилей в моделировании всех оборонительных сооружений замка – все это, как ни странно, пошло на пользу последнему. До сих пор весьма и весьма тяжело определить конкретный архитектурный стиль Несвижского замка, тем более учитывая то, что в последние 25 лет XIX в. при активном участии жены 14 несвижского ордinata Антония Вильгельма

Радзивилла Марии де Кастелян де Талейран (кстати, внучатой племянницы Шарля Талейрана, министра иностранных дел при Наполеоне Бонапарте) замковые фортификации и прилегающая к ним территория были включены в парковую зону (которая существует и поныне), и Несвижский замок относительно незаметно превратился в Несвижский дворец.

¹ Gruszecki A. Fortyfikacja zamku w Nieswieżu // Kwartalnik architektury i urbanistyki. (KAIU) T.X. Warszawa, 1965. Zesz. 2. S. 144.

² Ткачоў М.А. Абарончыя збудаванні заходніх зямель Беларусі XII–XVIII стст. Мінск, 1978. С. 86.

³ Gruszecki A. Указ. соч. S. 143.

⁴ Archiwum Główny Act Dawnych (далее – AGAD). AR. Dz. XXV. № 2695/1. K. 1–26.

⁵ AGAD. AR. Dz. XXV. № 2695/1. K. 2–4.

⁶ Национальный исторический архив Беларуси (далее НИАБ). Ф. 694. Оп. 2. Ед. хр. 4963. Л. 128.

⁷ НИАБ. Ф. 694. Оп. 2. Ед. хр. 10723. Л. 72.

⁸ Там же. Ед. хр. 4959. Л. 52а, 62.

⁹ Там же. Л. 53.

¹⁰ Там же. Л. 53а.

¹¹ Там же. Ед. хр. 9779. Л. 66.

¹² Там же. 10733. Л. 129, 130а.

¹³ Там же. Л. 132. На эти работы «do P.Peika» выделено 64 польских золотых.

¹⁴ Volumina Legum. T. IV. Petersburg. 1859. S. 377.

¹⁵ НИАБ. Ф. 694. Оп. 2. Ед. хр. 4963. Л. 60а.

¹⁶ Там же. Л. 94.

¹⁷ Там же. Л. 62, 599а.

¹⁸ Там же. Л. 599а.

¹⁹ Там же. Л. 625. Баркан – боевая площадка на спрятанной дороге внешней линии укреплений. Эти элементы округлой формы отображены на гравюре Моковского.

²⁰ Loza S. Architektura i budownictwo w Polsce. Warszawa, 1954. S. 288.

²¹ AGAD. AR.Dz.V. Teka 371. W. 14914. K. 1.

²² Ibid. K. 1–2.

²³ Согласно данным за вторую половину 1679 – первую половину 1680 гг.

²⁴ Metryka Litewska. Rejestry podymnego Wielkiego Księstwa Litewskiego. Województwo nowogródzkie 1690 r. Warszawa, 2002. S. 75.

²⁵ Ibid. S. 75.

²⁶ Dybaś B. Fortece Rzeczypospolitej. Toruń. 1998. S. 264, 276.

²⁷ НИАБ. Ф. 694. Оп. 2. Ед. хр. 4971. Л. 14.

²⁸ Там же. Ед. хр. 4963. Л. 686а–695.

²⁹ AGAD. AR. Dz. V. Teka 480. № 18919.

Г.А. Яловко (Санкт-Петербург)

**РАЗВИТИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ
РАБОТЫ ПО МУЗЕЕФИКАЦИИ ОРУЖИЯ
В ГОСУДАРСТВЕННОМ ЭРМИТАЖЕ
(ХРАНИТЕЛИ АРСЕНАЛА
В XIX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКОВ)**

П РОБЛЕМЫ музеефикации, учета и хранения предметов оружия возникали у каждого музея. С момента поступления предметов в музей и по настоящее время способы хранения и систематизации коллекций постоянно совершенствовались. Интересным представляется проследить историю возникновения и развития научно-исследовательской мысли в музеях. Особый интерес представляет история хранительской деятельности в крупнейшем музее России, Государственном Эрмитаже.

Первыми исследователями коллекций русского клинкового оружия Эрмитажа стали сотрудники так называемого I Отделения, включавшего нумизматические и археологические собрания, библиотеку и Арсенал. В 30-е гг. XIX в. хранителем коллекций оружия Аничкова дворца, Царского Села, начальником I Отделения был Карл Иванович (Чарльз) Седжер (1788–1840), «содержавший все коллекции в хорошем состоянии, прекрасно экспонировавший произведения оружейного искусства, систематизировавший собрание в каталогах»¹. Первая часть каталога редкого старинного и восточного оружия, хранящегося в собственности Его Величества в Арсенале в Царском Селе, была издана в 1835 г. тиражом 500 экз.², а через четыре года, в 1839 г., Ч. Седжер заканчивает и издает вторую часть каталога тем же тиражом³.

14 апреля 1840 г. начальником I Отделения Императорского Эрмитажа и заведующим Царскосельским Арсеналом определен Флориан Антонович Жиль (1801–1865)⁴. 27 апреля 1840 г.

Ф.А. Жиль получил уведомление: «На место умершего Действительного Статского Советника Седжера определены Вы Начальником 1-го Отделения Эрмитажа и библиотекарем Эрмитажной библиотеки»⁵. По приказу Николая I Ф.А. Жиль осмотрел арсеналы⁶. Затем новоиспеченный заведующий привел в порядок собрание Арсенала и составил его описание. Однако не имевший образования и специальной научной подготовки действительный статский советник Ф.А. Жиль для изучения оружия был отправлен за границу, где он пребывал с лета 1843 г. до конца апреля 1844 г. Под впечатлением от посещений арсеналов Европы (Берлина, Дрездена, Лондона, Парижа, Турина, Рима, Флоренции, Салерно и Цюриха) он отправляет министру двора письма-отчеты⁷. Ф.А. Жиль создал ряд описаний и каталогов собрания оружия и коллекций I Отделения Эрмитажа, занимался пополнением в Париже коллекций оружия⁸. Его помощником становится надворный советник, состоявший при Иностранной эрмитажной библиотеке, Виктор Федорович Нумерс (1807–1858)⁹.

С 1876 до 1883 г. хранителем Арсенала становится действительный статский советник, в прошлом переводчик и столоначальник Департамента внутренних сношений Министерства иностранных дел, Александр Иванович Гримм (1819–1884). В этом же году он получил благодарность из Кабинета Его Величества как член комиссии за труды по составлению инвентаря Арсенала в Царском Селе¹⁰.

С 1874 г. до 1878 г. членом комиссии по проверке и составлению инвентаря Царскосельского Арсенала становится хранитель Иван Давыдович Дёль (1832–1879). 9 февраля 1876 г. «За труды по составлению инвентаря Царскосельского Арсенала объявлена ему Высочайшая благодарность и пожалован подарок из Кабинета Его Величества»¹¹.

В 1885 г. в Эрмитаже создано Отделение Средних веков и эпохи Возрождения, в состав которого входили западноевропейские коллекции, Арсенал, русские древности и восточные собрания. С 1884 по 1885 г. вместе с директором Императорского Эрмитажа Александром Алексеевичем Васильчиковым (1832–1890) начальник I Отделения Рейнгольд Густав Гангольф фон Кизерицкий (1847–1903) создал первую выставку оружия в Старом Эрмитаже. За эти работы он получил орден Св. Владимира IV степени¹².

В конце 80-х гг. Отделение Средних веков и эпохи Возрождения возглавил действительный статский советник, профессор Петербургского университета Никодим Павлович Кондаков (1844–1925). Ученый в 1888–1893 гг. определил направление работы Отделения: исследование и русских, и восточных собраний. Одним из итогов его работы в музее стал указатель Отделения Средних веков и эпохи Возрождения¹³.

Дмитрий Иванович Толстой (1860–1941) – директор Императорского Эрмитажа, действительный статский советник, стремился поднять музей до уровня передовых европейских музеев и увеличить его коллекции. В 1910–1911 гг. Д.И. Толстой был командирован за границу в музеи Берлина, Мюнхена, Франции и Испании для ознакомления с опытом их работы, в те же годы он назначен генеральным комиссаром Русского художественного отдела международной выставки в Риме. Именно при нем коллекции оружия из Царскосельского Арсенала разместились на первом этаже здания Старого Эрмитажа Ю.М. Фельтена¹⁴.

Сергей Николаевич Тройницкий (1882–1948) – хранитель, директор Эрмитажа, коллежский асессор, с 1908 г. занимался инвентаризацией Отделения Средних веков и эпохи Возрождения, Арсенала¹⁵.

Альфред-Густав Николаевич фон Кубе (1886–1942), работавший в Эрмитаже с 1910 г., также был причастен к коллекции оружия, будучи заведующим Отдела прикладного искусства, составляя образцовые каталоги по Отделению Средних веков и занимаясь инвентаризацией и реэкспозицией искусства эпохи феодализма¹⁶.

Среди российских историков до конца XIX в. оружиеведение оставалось почти совершенно без внимания. В этом смысле велика роль в его развитии Эдуарда Эдуардовича Ленца (1856–1919), выходца из обрусевшей старой немецкой семьи, давшей немало талантливых ученых. В детстве и юности Э.Э. Ленц имел возможность изучать богатые хранилища оружия Вены, Берлина, Мюнхена, Нюрнберга. На него обратил внимание хранитель Венского Арсенала В. Бехейм, положивший начало критическому отношению к вопросам оружиеведения своим капитальным трудом «Die Haffenwunde». В. Бехейм стал руководителем и учителем молодого Э.Э. Ленца. В 1895 г. Э.Э. Ленц становится деятельным членом общества венских оружиеведов. Он знакомит Запад с собранием

русского оружия на страницах издаваемого специального журнала «Verein».

В 90-е гг. XIX в. граф С.Д. Шереметев – владелец обширного и ценного собрания оружия в России – задается мыслью привести в порядок и описать свою коллекцию¹⁷. В этом ему помогает Э.Э. Ленц. Он издает в 1895 г. «Опись собрания оружия графа С.Д. Шереметева»¹⁸, где выступает как зрелый ученый, специалист в вопросах оружия. Эта работа принесла ему известность среди ученых-оружиеведов. В 1899 г. Э.Э. Ленц был назначен старшим хранителем Отделения Средних веков и эпохи Возрождения. Здесь он активно занимается научной перегруппировкой всей массы оружия Арсенала. В 1905 г. Э.Э. Ленц избран членом комиссии генеральной ревизии Оружейной палаты. В 1908 г. он издает капитальное исследование с альбомом «Собрание оружия Императорского Эрмитажа»¹⁹. Всеобъемлющий труд по массе знаний и методам исследования внес фундаментальный вклад в науку об оружии, он явился пособием для всех серьезных исследователей оружейведения. Круг интересов ученого распространялся и на предметы вооружения, найденные в раскопках скифских и сарматских погребений на Украине и Юге России, которым он посвятил ряд статей²⁰. Некоторые ценные работы Э.Э. Ленца так и не были опубликованы²¹. После смерти выдающегося оружейоведа его жена Валентина Аркадьевна Ленц продолжала заниматься хранением до 1929 г.²² Она составила научное описание 7000 предметов оружия из частных собраний, участвовала в организации выставок оружия XVI–XVII вв., вела инвентарную книгу отделения, систематизировала библиотеку по оружейведению, вела официальную переписку отделения с иностранными корреспондентами²³.

В конце XIX – начале XX вв. в Эрмитаже появляются также штатные и наемные оружейники: подмастерье слесарно-оружейного дела крестьянин Витебской губернии Климентий Леонович Сорокин (работал в Арсенале с 1889 по 1911 г.) и оружейный мастер, чистивший, ремонтировавший и выполнявший все слесарные работы по оружию, Иван Осипович Будрис из деревни Вершики Шавельского уезда Ковенской губернии (работал в 1912–1926 гг.)²⁴. В 1952 г. в Эрмитаж в Отдел оружия был зачислен знаток русского, европейского и американского оружия Леонид Ильич Тарасюк (1925–1990)²⁵. Он приобрел международную известность; за консультациями к нему обращались многочисленные исследователи

со всего мира. Стремление освоить оружие, историей которого он занимался, почувствовать его «в руках», знать особенности его применения было характерно для творческого метода постижения оружейведения Л.И. Тарасюка.

Предыдущего хранителя отдела оружия и первого создателя экспозиции в послевоенном Эрмитаже в 40-е гг. М.Ф. Косинского арестовали и выслали, а начатую им работу по восстановлению экспозиции необходимо было завершить. Л.И. Тарасюка взяли на временную работу, а после устройства экспозиции зачислили в штат Эрмитажа. Для научной работы на материале эрмитажных коллекций открывались самые заманчивые перспективы, и молодой сотрудник их превосходно использовал. В считанные годы он стал редкостным знатоком оружия, и в 1958 г. был избран членом Туринской академии оружия. В 1959 г. он опубликовал статью в «*Journal of the Arms and Armour Society*» об оружейной коллекции в Эрмитаже. Как заметил в своих воспоминаниях М.Ф. Косинский: «Поскольку в нашей стране нет соответствующего периодического издания, он несколько раз позволял себе посылать свои оружейведческие работы для опубликования в журнале, издающемся в Лондоне. Ему официально, хотя и в форме дружеского предупреждения, посоветовали прекратить отправление статей за границу»²⁶. В январе 1959 г. Л.И. Тарасюка арестовали за антисоветскую пропаганду и сослали на 3 года в лагерь Тайшета. Вернувшись из ссылки, в мае 1965 г. Л.И. Тарасюк защитил на Историческом факультете ЛГУ кандидатскую диссертацию «Русское ручное огнестрельное оружие XVI–XVII вв.: воспламенительные механизмы, их эволюция и применение». Официальными оппонентами были профессор, декан Исторического факультета Владимир Владимирович Мавродин и археолог, научный сотрудник Артиллерийского музея Анатолий Петрович Кирпичников. В 1966 г. выходит продолжение статьи Л.И. Тарасюка об эрмитажной коллекции оружия в «*Journal of the Arms and Armour Society*».

В 1972 г. Л.И. Тарасюк эмигрировал в Израиль. Как писал в воспоминаниях М.Ф. Косинский (после возвращения из ссылки М.Ф. Косинскому так и не дали возможности заниматься любимым делом), «наша страна, и в частности Эрмитаж, потеряла еще одного оружейведа. Очень способного, нужно добавить»²⁷. Перед отъездом Л.И. Тарасюк опубликовал буклет к выставке: «Детское и миниатюрное оружие XV–XIX вв.»²⁸, а вскоре вышла и

фундаментальная книга Л.И. Тарасюка: «Старинное огнестрельное оружие в собрании Эрмитажа. Европа и Северная Америка»²⁹. Книга была напечатана тиражом в 20 тыс. экз. с 541 иллюстрацией. В предисловии автор подробно рассказывал о создании эрмитажного собрания, возникшего из личной коллекции великого князя Николая Павловича, о включении в ее состав русского оружия (из вооружения крепостей Троице-Сергиева и Кирилло-Белозерского монастырей), трофейного оружия, полученного во время русско-персидской и русско-турецкой войн, из частных собраний А.Г. Орловского, П.П. Потоцкого и других коллекционеров. Особо он отмечал заслуги своих предшественников: Ф.А. Жилия, назначенного заведующим Царскосельским Арсеналом, и Э.Э. Ленца, ведавшего коллекцией после помещения ее в Эрмитаж, об издании им каталога и альбома, включавшего около 200 фотографий³⁰. Новый каталог Л.И. Тарасюка содержал уточненные атрибуции, имена мастеров и владельцев оружия, знакомил читателей с новыми поступлениями в собрание Эрмитажа. Его тираж разошелся мгновенно.

В 1975 г. Тарасюк был принят в штат музея Метрополитен и стал ведавать лучшей в США коллекцией средневекового оружия. В 1976 г. в Нью-Йорке вышла в свет книга Жаклин Онассис (Кеннеди) «In the Russian Style. With the cooperation of the Metropolitan Museum of Art» – альбом по истории русского придворного костюма, стилизованного под народный. В большом списке благодарностей (Acknowledgements), предваряющем книгу, на первом месте значился Dr. Leonid Tarassuk. На протяжении всех лет эмиграции Л.И. Тарасюк переписывался с Эрмитажем, интересовался состоянием коллекции оружия. Однажды, узнав, что новый хранитель эрмитажного оружия решил нарушить принятый Тарасюком порядок хранения и экспозиции, он предупредил, что если новый хранитель не откажется от своего намерения, то он поставит об этом в известность международные конгрессы оружейников и специалистов в музеях мира. Новому хранителю пришлось отказаться от своего, губительного для эрмитажного собрания, предприятия.

В первые годы работы в США Л.И. Тарасюк избирается членом нескольких академий оружия, Национальной организации стрелков и других научных и профессиональных организаций. В Музее Метрополитен Л.И. Тарасюк был в 1986 г. назначен на должность старшего научного сотрудника. Он много сделал для организации

музейной экспозиции, устраивал выставки средневекового оружия в других музеях США.

В 1990 г. Л.И. Тарасюк поехал во Францию, намереваясь посмотреть коллекции оружия в местных музеях. Во время этой поездки 11 сентября 1990 г., неподалеку от г. Кемпер в Бретани, ученый-оружиевед попал в автомобильную катастрофу и погиб.

В 70–90-е гг. XX в. хранением, экспонированием и изучением коллекций Арсенала занимались научные сотрудники Эрмитажа Юрий Александрович Миллер³¹, Юрий Георгиевич Ефимов (государственный эксперт по предметам и коллекциям холодного и огнестрельного оружия XV – первой половины XIX в.)³², Мадина Гадельяновна Зайченко³³. Огромные усилия в этот период и в начале XXI в. направлены на выставочную деятельность, на презентацию богатейшей коллекции в залах музея и за его пределами, на уточнение атрибуции предметов оружия. Началась активная работа по компьютерной оцифровке коллекции Арсенала. За эти десятилетия состоялись выставки детского и миниатюрного оружия XV–XIX вв. из фондов Эрмитажа (1971)³⁴, художественных работ тульских оружейников (1971)³⁵, русского художественного оружия XVIII в. (1985)³⁶, художественного оружия Златоуста XIX – начала XX вв. (1988)³⁷, старинного художественного оружия, поступившего в 1979–1989 гг. (1989)³⁸, оружейного искусства Тулы XVIII–XIX вв. (2005)³⁹, детского и миниатюрного оружия XVI–XIX вв. (2007)⁴⁰, художественного оружия с эпохи палеолита до XIX в. из собрания Государственного Эрмитажа в Центре «Эрмитаж-Казань» (2011)⁴¹ и др. Научно-исследовательская работа проводится в тесном контакте с коллегами из Гатчинского Арсенала, из Царского Села, из Артиллерийского музея.

¹ Павлова Ж.К. Флориан Жиль и Императорский Эрмитаж. Жизнь и судьба. СПб., 2010. С. 92.

² Musée de Tzarskoe Selo ou collection d'armes de sa Magesté l'empereur de toutes les Russies / Ouvrage composé de 180 planches litogr. Par Asselineau d'après les dessins originaux de A. Rockstule avec une introduction historique par Flor. Jille. Saint-Petersbourg, 1835–1853. Т. 1–3.

³ Высочков Л.В. Николай I. М., 2006. С. 181.

⁴ Архивы ГЭ. Ф. 1. Оп.1. Д. 17 (1840 – об определении Ф.А. Жили начальником I Отделения); Д. 14. Ч. 2 (1847 – записка Ф.А. Жили о преобразовании I Отделения).

- ⁵ Там же. 1840. Д. 17. Л. 2.
- ⁶ РГИА. Ф. 472. Оп. 17. Д. 12. Л. 21–22.
- ⁷ Грицкевич В.П. История музейного дела конца XVIII – начала XX в. СПб., 2007. С. 138.
- ⁸ Павлова Ж.К. Указ. соч. С. 85–138.
- ⁹ Архивы ГЭ. Ф. 57. Оп. 1. Д. 1–5 (1840–1858).
- ¹⁰ Там же. Ф. 2, Оп. 14а. Д. 1 (1876, о назначении и службе).
- ¹¹ Там же. Ф. 1, Оп. 12. Д. 29 (личное дело).
- ¹² Там же. Д. 37 (личное дело).
- ¹³ Указатель Отделения Средних веков и эпохи Возрождения. СПб., 1891.
- ¹⁴ Сотрудники Императорского Эрмитажа. 1852–1917. СПб., 2004. С. 144–146; Архивы ГЭ. Ф. 1. Оп. 12, Д. 74 (личное дело).
- ¹⁵ Там же. С. 148–151.
- ¹⁶ Там же. Оп. 13. Д. 434. Л. 32.
- ¹⁷ Там же. Оп. 12. Д. 43, 65, 67. Л. 52–60.
- ¹⁸ Описание собрания оружия графа С.Д. Шереметева. СПб., 1895; Собрание оружия графа С.Д. Шереметева. Лейпциг, 1895.
- ¹⁹ Собрание оружия Императорского Эрмитажа. СПб., 1908; Альбом изображений выдающихся предметов из собрания оружия Императорского Эрмитажа. СПб., 1908.
- ²⁰ Ленц Э.Э. Оружие из Гнездовских раскопок Сергеева // Материалы по Археологии России. СПб., 1902. Вып. 28.
- ²¹ Его же. Собрание оружия графа Келлера; О клеймах мастеров на оружии (записки Императорского Военно-исторического Общества).
- ²² Архивы ГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 474. Л. 58.
- ²³ Там же. Л. 49.
- ²⁴ Там же. Оп. 12. Д. 71.
- ²⁵ Там же. Оп. 17. Ед. хр. 1376. Л. 45.
- ²⁶ Цит. по: Горфункель А.Х. Петербургский Д'Артаньян // Вестник. 26 мая 2004. № 11 (348).
- ²⁷ Цит. по: Горфункель А.Х. Указ.соч.; Косинский М.Ф. Первая половина века. Париж, 1995; Рабинович-Рич В. Легендарный Тарасюк // Вестник. 21 января 2004. № 2 (339).
- ²⁸ Тарасюк Л.И. Детское и миниатюрное оружие XV–XIX вв. Л., 1971.
- ²⁹ Его же. Старинное огнестрельное оружие в собрании Эрмитажа. Европа и Северная Америка. Л., 1971.
- ³⁰ Tarassuk L. Eduard von Lenz // Waffen – und Kostum Kunde. 1978. № 1.
- ³¹ Миллер Ю.А. Детское и миниатюрное оружие XV–XIX вв. Л., 1971; Русское художественное оружие XVIII в. Л., 1985; Старинное охотничье оружие России из собрания Эрмитажа. Л., 1981; Старинное художественное оружие. Каталог по выставке поступлений 1979–1989 в Арсенал. Л., 1989; Художественное оружие Златоуста XIX – начала XX в. Л., 1988; Оружейное искусство Тулы XVIII–XIX вв. в собрании Эрмитажа. СПб., 2005 и др.
- ³² Ефимов Ю.Г. Булатный мой клинок. М.; СПб., 2003; Гатчинский Арсенал. СПб., 2003; Шедевры и раритеты клинкового оружия из фондов музеев Санкт-Петербурга, художественных мастерских и частных коллекций. СПб., 2004; Русское парадное и охотничье оружие XV–XIX вв. из собрания Государственного Эрмитажа. Государственный музей золота и драгоценных металлов. Астана, 2009; Художественное оружие из собрания Государственного Эрмитажа.

Каталог выставки: Центр «Эрмитаж-Казань». СПб., 2011 и др.

³³ Зайченко М.Г. Огнестрельное оружие Германии XVIII–XIX вв. из фондов Арсенала ГЭ. Л., 1987; Царскоевский Арсенал как музей оружия и памятник историзма. СПб., 2002; Ф.А. Жиль – заведующий Арсеналами Николая I и Александра II // Новый Эрмитаж. 150 лет создания. Материалы юбилейной научной конференции. СПб., 2003; Чарльз Седжер – первый хранитель Царскоевского Арсенала // Книжные памятники. Авторы, издатели, владельцы: Сб. науч. ст. СПб., 2004; История создания альбома «Musée de Tzarskoe Selo ou collection d'armes de sa Majeste l'Empereur de toutes les Russies» // Там же. 2004 и др.

³⁴ Детское и миниатюрное оружие XV–XIX вв. Временная выставка из фондов ГЭ. Л., 1971.

³⁵ Художественные работы тульских оружейников. Выставка. Л., 1971.

³⁶ Русское художественное оружие XVIII в. Выставка из фондов Эрмитажа. Л., 1985.

³⁷ Художественное оружие Златоуста XIX – начала XX вв. Каталог-путеводитель по выставке. Л., 1988.

³⁸ Старинное художественное оружие. Каталог-путеводитель по выставке поступлений 1979–1989 гг. в Арсенал ГЭ. Л., 1989.

³⁹ Оружейное искусство Тулы XVIII–XIX вв. в собрании Эрмитажа. СПб., 2005.

⁴⁰ Детское и миниатюрное оружие XVI–XIX вв. в собрании Эрмитажа. СПб., 2007.

⁴¹ Художественное оружие из собрания Государственного Эрмитажа в Центре «Эрмитаж-Казань». (Электронный ресурс): URL: www.rg.ru/2011/02/02/reg-volga-kama/orujie-anons.html (ссылка проверена 2.06.11)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Будко Анатолий Андреевич – Военно-медицинский музей Министерства обороны Российской Федерации (далее ВММ) (Санкт-Петербург), директор, доктор медицинских наук, профессор.

Волох Александр Александрович – Музей истории оружия (далее МИО) (Запорожье, Республика Украина), научный сотрудник.

Коробов Алексей Иванович – МИО (Запорожье, Республика Украина), научный сотрудник.

Петров Федор Александрович – Государственный исторический музей (далее ГИМ) (Москва), главный научный сотрудник, доктор исторических наук.

Пилишвили Георгий Джунглович – Курский государственный университет, кандидат исторических наук, доцент.

Пинк Игорь Борисович – Тульский государственный музей оружия, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Поливанов Ярослав Мстиславич – Казанский национальный исследовательский технологический университет, кандидат исторических наук, доцент.

Порошин Алексей Алексеевич – Академия военных наук (Саратов), профессор, кандидат педагогических наук.

Приходько Михаил Анатольевич – Московская государственная юридическая академия им. О.Е. Кутафина, преподаватель, кандидат юридических наук.

Ракитин Антон Сергеевич – Юго-Западный государственный университет (Курск), аспирант.

Рахимов Рамиль Насибуллович – Российский институт стратегических исследований, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Ремизова Мария Александровна – Тульский государственный музей оружия, научный сотрудник.

Рогожин Александр Александрович – Орловский государственный университет, аспирант.

Романов Андрей Владимирович – Юго-Западный государственный университет (Курск).

Рудакова Людмила Петровна – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее ВИМАИВиВС) (Санкт-Петербург), научный сотрудник.

Рябая Светлана Анатольевна – Ижевский государственный технический университет им. М.Т. Калашникова, кандидат исторических наук, доцент.

Рябухин Иван Васильевич – ВИМАИВиВС (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник.

Саламатова Марина Сергеевна – Новосибирский государственный университет экономики и управления, кандидат исторических наук, доцент.

Сардак Леонид Лаврентьевич – историк (Санкт-Петербург).

Симонов Анатолий Александрович – Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, кандидат исторических наук, доцент.

Славнитский Николай Равильевич – Государственный музей истории Санкт-Петербурга, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Слезин Олег Александрович – ДП «ДИСИТ» Национальной Академии наук Украины, ведущий инженер.

Стрельников Виктор Алексеевич – Научно-исследовательский институт военной истории Военной академии Генерального штаба ВС РФ (Москва), ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук, доцент.

Суханов Игорь Павлович – Центральный Военно-морской музей (далее ЦВММ) (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, кандидат военно-морских наук, доцент.

Табарев Андрей Владимирович – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (Новосибирск), заведующий сектором, доктор исторических наук, доцент

Тихомирова Елена Владимировна – галерея «Русские палаты» (Москва), ведущий эксперт.

Тоичкин Денис Витальевич – Институт истории Украины (Киев, Республика Украина), старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Толкацкий Александр Николаевич – Сибирский федеральный университет (Красноярск), студент.

Ульянов Олег Германович – Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. преподобного Андрея Рублева (Москва), заведующий сектором, кандидат исторических наук.

Фалалеева Марина Валентиновна – ГИМ (Москва), старший научный сотрудник.

Филатов Олег Васильевич – ЦВММ (Санкт-Петербург), заведующий сектором, старший научный сотрудник.

Худяков Юлий Сергеевич – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, главный научный сотрудник, доктор исторических наук.

Цеглеев Эдуард Александрович – Вятская государственная сельскохозяйственная академия (Киров), доцент, кандидат исторических наук.

Целорунго Дмитрий Георгиевич – Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник (Московская область), главный научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Цесельский Томаш – Институт истории Опольского университета (Валжбых, Республика Польша), доктор исторических наук, профессор.

Чернухин Виктор Андреевич – ВИМАИВиВС (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, кандидат исторических наук, профессор.

Чigareва Наталия Григорьевна – ВММ (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, доктор биологических наук.

Чубинский Александр Николаевич – Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», научный сотрудник.

Шелковникова Елена Дмитриевна – Московский государственный лингвистический университет, профессор, доктор юридических наук.

Шереметьев Денис Александрович – Российский этнографический музей (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, хранитель Оружейной кладовой.

Шлайфер Виталий Григорьевич – МИО (Запорожье, Республика Украина), директор.

Юркевич Евгений Иванович – ВИМАИВиВС (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Юхо Сергей Владимирович – историк-архивист (Несвиж, Республика Беларусь).

Яловко Георгий Александрович – Государственный Эрмитаж, библиотекарь.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пилишвили Г.Д.</i> Анализ историографии вопроса становления, развития и функционирования народного ополчения Центрального Черноземья в 1941–1943 годах на современном этапе развития исторической науки	3
<i>Пинк И.Б.</i> Проблема выбора образца боевого личного стрелкового оружия в России в конце XIX века	14
<i>Поливанов Я.М.</i> Военные технологии как фактор пропагандистского устрашения в межвоенный период	20
<i>Порошин А.А.</i> «Взлеты» и «падение» генерала от кавалерии А.А. Брусилова	27
<i>Приходько М.А.</i> К вопросу о портрете военного министра А.И. Татищева	40
<i>Ракитин А.С.</i> «Кормовые роздаточные книги» серпуховским беломестным казакам за 140, 142, 146, 147, 148, 150, 153 годы	45
<i>Рахимов Р.Н.</i> Дружины Государственного ополчения Казанского военного округа в 1914–1915 годах: структура, вооружение, участие в войне	51
<i>Ремизова М.А.</i> Посещение Тульского оружейного завода цесаревичем Александром Николаевичем	58
<i>Рогожин А.А.</i> Денежное жалование начальных людей полков «нового строя» в конце 1660-х – начале 1680-х годов (К вопросу о политике русского правительства в области военной экономики)	66
<i>Романов А.В.</i> Организация работы медицинских учреждений во время Первой мировой войны на примере Курской губернии	80
<i>Рудакова Л.П.</i> Албазинская пицаль – забытый памятник воинской славы	88
<i>Рябая С.А.</i> Война и техническая модернизация: Воткинский железодельный завод в годы Первой мировой войны	104

<i>Рябухин И.В.</i> Артиллерийские боеприпасы и приборы периода Первой мировой войны (В коллекциях Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи)	115
<i>Саламатова М.С.</i> Внеслужебная жизнь красноармейца 1920-х годов глазами партийных социологов	126
<i>Сардак Л.Л.</i> Родословная баронов Российской империи Меллер-Закомельских (Родоначальник – генерал-аншеф артиллерии И.И. Меллер-Закомельский)	140
<i>Симонов А.А.</i> Военно-топографическое училище в Хвалынске (1917–1918)	170
<i>Славнитский Н.Р.</i> Петр I и его деятельность в качестве военного инженера по постройке и восстановлению фортификационных укреплений	178
<i>Слезин О.А.</i> Поделка к юбилею. По поводу книги А.Б. Широкограда «Бог войны 1812 года. Артиллерия в Отечественной войне»	189
<i>Стрельников В.А.</i> Влияние совершенствования стрелкового оружия русской армии на укрепление ее морального духа (вторая половина XIX века)	201
<i>Суханов И.П.</i> История создания коллекций японских предметов в фондах Центрального военно-морского музея	214
<i>Табарев А.В.</i> Воины, стражи, телохранители: тема оружия в каменной скульптуре комплекса Сан-Агустин, Колумбия	233
<i>Тихомирова Е.В.</i> Исследование двух памятников грузинского оружейного искусства конца XVIII – начала XIX веков	241
<i>Тошчкин Д.В.</i> Сабли Богдана Хмельницкого в коллекциях музеев Польши и Украины	254
<i>Толкацкий А.Н.</i> Систематизация средневековых наконечников стрел из памятников кыргызской культуры на Алтае	271
<i>Ульянов О.Г.</i> Описание Оружейной палаты 1687 года – Ultima Thule московской оружейной школы XVII века	287
<i>Фалалеева М.В., Петров Ф.А.</i> Остров милосердия в пожаре московском. Воспитательный дом в 1812 году. Новые документы из собрания отдела письменных источников Государственного исторического музея	304
<i>Филатов О.В.</i> Германские военно-морские силы накануне войны с СССР	316

<i>Худяков Ю.С.</i> Значение использования артиллерии в военном противостоянии российских войск с военными отрядами туркских и монгольских кочевников в южных районах Сибири в XVII веке	329
<i>Цеглеев Э.А.</i> Батальон великой княгини Екатерины Павловны: сбор ратников в регионах, формирование, боевые действия (1812–1814)	341
<i>Целоруно Д.Г.</i> Потери и пополнение нижними чинами частей русской полевой артиллерии пехоты и кавалерии в Отечественную войну 1812 года	351
<i>Цесельский Т. (Ciesielski T.)</i> From utilitarian to artistic weapons. Armament of the army of the Polish – Lithuanian commonwealth in XVIII century	361
<i>Чернухин В.А.</i> Курская битва – взгляд сквозь десятилетия	378
<i>Чигарева Н.Г., Будко А.А.</i> Деятельность Российского Общества Красного Креста по оказанию помощи раненым и больным в Первую мировую войну	390
<i>Чубинский А.Н.</i> Василий Титов и Николай Федоров – самопальные мастера Оружейной палаты второй половины XVII века	403
<i>Шелковникова Е.Д.</i> Старинное (антикварное) оружие: история коллекций в согласии с правом и праву вопреки	426
<i>Шереметьев Д.А.</i> К вопросу о типологии прикладов: аркебуз и мушкет	439
<i>Шлайфер В.Г., Волох А.А., Коробов А.И.</i> Огнестрельное оружие под шпилечный патрон из коллекции Музея истории оружия (Запорожье)	448
<i>Юркевич Е.И., Чернухин В.А.</i> Первый генерал-фельдцейхмейстер из дома Романовых	461
<i>Юхо С.В.</i> Антропологический фактор в фортификационных изменениях Несвижского замка (1582–1793)	476
<i>Яловко Г.А.</i> Развитие исследовательской работы по музеефикации оружия в Государственном Эрмитаже (хранители Арсенала в XIX – начале XXI веков)	485
Сведения об авторах	494

Научное издание

Война и оружие
Новые исследования и материалы
Труды Четвертой Международной
научно-практической конференции

В четырех частях

Часть 4

Редакторы: *М.Д. Андрианова, Е.М. Пожидаева*
Художник: *Н.Ю. Якубовская*
Технический редактор: *В.И. Хоронко*
Верстка: *Т.И. Таранова*
Компьютерный набор: *Я.В. Камашина*

Подписано в печать 25.04.13.
Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 15,6.
Бумага офсетная. Гарнитура PeterburgC.
Тираж 300 экз.

ЦОП ФГКУ «ВИМАИВиВС» МО РФ.
197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 7.

==== Для заметок =====

=====Для заметок=====

==== Для заметок =====

=====
=====
Для заметок
=====
=====